МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 1 / 2019

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2019

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь
К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Левитская А. А. – канд. филол. наук, доцент, ректор СКФУ (председатель); **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р. ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлаского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции и издателя:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2019

HUMANITIES AND LAW STUDIES
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief
Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief
Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor
Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Iran) Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Sumskoy D.** – Doctor of Law, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Tsikhoratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address of the editorial office and the publisher:
1, Pushkin Street, Stavropol 355017.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus Federal University”, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Аверьянов А. В. Феномен национальной политики в СССР: особенности становления и развития в 1917–1930-е гг. . . . 8
Айрапетян К. П. Государственная политика по устройству западно-армянских беженцев в первый год существования Республики Армения . . . 15
Ануприенко И. А. Представление о жизненных ценностях в условиях изменяющегося итальянского общества XIV–XV вв.: обыденный взгляд нотариуса и купца . . . 21
Балаян А. В. Приход к власти Г. Брауна и взаимоотношения Великобритании с США в 2007–2008 гг. . . . 27
Баранов А. В. «Троцкистская» оппозиция в контексте консолидации партийно-государственной элиты на Юге России (1923–1924 гг.) . . . 34
Вагабова Э. Р. Краткая история открытия и деятельности Бакинской офицерской школы морской авиации . . . 42
Гаврилов С. Н. Проблемы работы военно-морского совета в годы правления Карла I Стюарта . . . 55
Гранкин Ю. Ю. Привлечение казаков к охране рубежей на Северном Кавказе: реалии пограничной службы в конце XVIII – первой половине XIX вв. . . . 65
Дудайти А. К. Проблемы кавказской политики Ирана в период вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе (1991–1994 гг.) . . . 71
Дугинец С. М. Особенности музейной деятельности на Ставрополье на различных этапах развития советского общества . . . 76
Егоров А. А. «Записки» Герцога де Сюлли, как источник по истории Франции XVI века . . . 85
Карташев А. В. Советская авиация в небе Ставрополья в августе 1942 года . . . 89
Кононенко С. В. Развитие авиации как один из факторов становления парашютизма в СССР в 1930-е годы . . . 99
Клевцова О. В. Вклад церкви в организацию антиалкогольной политики в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Орловской епархии) . . . 105
Киселев И. В. Цена освобождения. Людские потери советских войск в ходе наступления на Северном Кавказе в 1943 г. . . . 112
Клычников Ю. Ю. «Рус мощен, зорок, непрост…»: начало складывания русско-северокавказского совместничества . . . 119
Матвеев О. В. Деятельность частных поверенных в Кубанской области во второй половине XIX – начале XX вв. . . . 127
Моисеева Е. Н. Восток в произведениях русско-французской путешественницы, княгини Лидии Пашковой: раздвигая границы ориенталистского дискурса . . . 136
Мутаев С. С.-А. Условия и пути судебно-административных преобразований в регионе северо-восточного Кавказа в 60–70-е годы XIX века . . . 143
Николаев Н. И. «Беспощадная взаимная резня передовых культурных наций…»: публицистика Л. З. Слонимского в период первой мировой войны . . . 150
Оборский Е. Ю. Становление системы советских массовых праздников в 1920-е гг. (на материалах Ставрополья) . . . 159
Пантюхина Т. В. Американо-мексиканская граница: проблемы трансграничного взаимодействия в исторической ретроспективе . . . 167
Пыркина Е. И. Развитие городов Ставрополья в 1960-е годы: проблемы поздней урбанизации . . . 174
Танцевова А. В. «Герой нашего времени» – викторина журнала «Огонек»: конструирование образа «нового человека» в 1920-е гг. . . . 179
Туфанов Е. В. Становление системы распределения кадров в период формирования партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг.: на материалах Северного Кавказа 186

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бычко М. А., Комаревцева И. А. Применение технологии дистанционного обучения при подготовке и переподготовке юридических кадров: постановка проблемы . . . 192
Галстян И. Ш., Мелекаев Р. К. Понимание правового государства как социального в отечественной теории права . . . 198

Гладчук А. В. Аудит в сфере закупок как инструмент повышения эффективности расходования бюджетных средств в контрактной системе 205
Койлова М. В. Объективация принципа справедливости в налоговом праве России в аспекте анализа последних законодательных новелл 211
Каледин М. Е. К вопросу о криминоло-психологической дифференциации несовершеннолетних преступников 218

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Боровицкая Е. И. Концептуальное и содержательно-тематическое единство произведений миграционной литературы 227
Горжая А. А. Транслатологические особенности цветообозначений в сопоставлении поэтических текстов П. Б. Шелли на английском языке и К. Д. Бальмонта на русском 235
Грушевская Е. С. Опрос как метод выявления и интерпретации основных диспозиций в политическом дискурсе 241
Писаренко Д. А. Лингвосемиотические особенности знаков смерти в русских народных сказках 247
Яковлева Е. В. Особенности сохранения прагматики языкового абсурда при переводе 254

РЕЦЕНЗИИ

Ткаченко Д. С. Противоречивый генерал в сложное время. Рецензия на монографию «Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / под общ. ред. В. П. Сальникова; О. А. Белозерова, И. В. Белоконь, О. А. Гоков, Н. В. Григорьева, С. В. Моисеев, Н. Ю. Николаев, Ю. Г. Попов, Р. Ю. Почекаев, В. П. Сальников. СПб.: Фонд «Университет», 2018 260

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Averyanov A. V. The phenomenon of national policy in the USSR: formation and development peculiarities in 1917–1930 8
Hayrapetyan K. P. The state policy on accommodation of Western Armenian refugees in the first year of statehood of the Republic of Armenia 15
Anuprienko I. A. Representation on life values in the conditions of the changing Italian society in the XIV–XV centuries: a trivial view of a notary and a buyer 21
Balayan A.V. G. Brown's accession to power and the relations of Great Britain with the USA in 2007–2008 27
Baranov A. V. The "trotskist" opposition in the context of the consolidation of the party-state elite in the south of Russia (1923–1924) 34
Vagabova E. R. Baku officer school of naval aviation: from the history of establishment and activity . 42
Gavrilov S. N. The problems of work of the military sea council in the years of the board of Karl I Stuart 55
Grankin Yu. Yu. The Cossacks on guard of the borders in the North Caucasus: realities of frontier service in the end of the XVIII – the first half of the XIX century 65
Dudayti A. K. The problems of the Caucasian policy of Iran during the armed conflict in Nagorno-Karabakh (1991–1994) 71
Duginets S. M. The features of exposition and exhibition work of Stavropol krai museums in the soviet period 76
Egorov A. A. «Notes» by the duke de Sully as a source on the history of France of the 16th century . 85
Kartashev A. V. The soviet air force in the sky of the Stavropol krai in august 1942 89
Kononenko S. V. Aviation development as one of the factors in the formation of paraututism in the USSR in the 1930s. 99
Klevtsova O. V. The contribution of the church to the organization of anti-alcohol policy in pre-revolutionary Russia in the late XIX – early XX centuries (by the example of the Orel diocese) . 105
Kiselev I. V. The price of liberation. Death toll of soviet troops during the offensive in the North Caucasus in 1943 112
Klychnikov Yu. Yu. "The Rus is powerful, sharp-eyed, something of himself ...": the development of Russian and North Caucasian cooperation 119
Matveyev O. V. Activities of private attorneys in the Kuban region in the second half of XIX – early XX centuries 127
Moiseeva E. N. The east in the works of Russian-French traveler, princess Lydia Pashkova: pushing the boundaries of orientalist discourse 136
Mutaev S. S.-A. The conditions and ways of judicial and administrative transformations in the region of the North-Eastern Caucasus in the 60–70s of the XIX century 143
Nikolaev N. Yu. «Ruthless mutual massacre of leading cultural nations...»: journalism of L. Z. Slonimsky in the period of the First World War 150
Oborskii E. Yu. Formation of the system of soviet mass holidays in the 1920s (on the materials of Stavropol krai) 159
Pantyukhina T. V. The US-Mexico border: cross-border interaction in historic perspective 167
Pyrkina E. I. Development of cities in Stavropol krai in the 1960s: problems of late urbanization 174
Tantsevova A. V. «The hero of our time» quiz in Ogoniok weekly: practices of constructing the image of a new man in the 1920s 179
Tufanov E. V. Formation of the personnel distribution system during the formation of the party-state nomenclature in the 1920s–1930s: on the materials of the North Caucasus 186

LEGAL SCIENCES

Bychko M. A., Komarevceva I. A. The use of distance learning technologies in training and retraining of legal personnel: the problem statement 192
Galstyan I. Sh., Melekayev R. K. Understanding the rule of law as a social state in the domestic theory of law 198

Gladchuck A. V. Audit procurement as a tool to improve the efficiency of spending budget funds in the contract system 205
Koilova M. V. The objectification of the principle of fairness in tax law of Russia in the aspect of analysis of recent legislative developments 211
Kaledin M. E. On criminological psychological differentiation of juvenile offenders 218

PHILOLOGICAL SCIENCES

Borovitskaya E. I. Concept and thematic unity of the migrant literature 227
Gorzhaya A. A. Translatological features of colour naming in comparison of P. B. Shelley's poetic texts in English and K. D. Balmont's IN Russian 235
Grushevskaja E. S. Survey as a method of identification and interpretation of major dispositions in political discourse 241
Pisarenko D. A. Linguosemiotic peculiarities of death signs in Russian folk tales 247
Yakovleva E. V. Features of the language absurdity pragmatics transmitting in the translation 254

REVIEW

Tkachenko D. S. Controversial general in difficult times. Review «General Kuropatkin is a state and military leader of the Russian Empire. To the 170th anniversary of birth / Ed. by V. P. Sal'nikov; O. A. Belozerov, I. V. Belokon', O. A. Gokov, N. V. Grigor'ev, S. V. Moiseev, N. Yu. Nikolaev, Yu. G. Popov, R. Yu. Pochekaev, V. P. Sal'nikov. St. Petersburg: Found "University", 2018» 260

УДК 94 (47-57) 1917/1991

А. В. Аверьянов

ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ В 1917–1930-е гг.

Статья посвящена исторической специфике и особенностям становления и развития национальной политики в РСФСР-СССР после прихода большевиков к власти в 1917 г. и окончательного формирования её модели в конце 1930-х гг. Данная проблема имеет безусловную актуальность, поскольку современная национальная политика в РФ в значительной степени унаследовала основные черты государственной политики в области национальных отношений, заложенных ещё в советский период. Установлено, что основные черты национальной политики, реализовывавшейся в Советском государстве на всём протяжении его существования, в основном сформировались в 1920–1930-е гг. В статье выделяются ключевые факторы, повлиявшие на формирование советской национальной политики, её особенности. Среди них: специфика большевистской идеологии, российского исторического процесса, корреляция с международной ситуацией и др. Советская модель национальной политики представляла собой способ разрешения межнациональных противоречий, накопившихся и в полной мере заявивших о себе в период революции 1917 года и Гражданской войны в России. Показана уникальная сущность советской национальной политики – «динамичность» её характера и содержания, которые могли изменяться в ходе трансформации общественных отношений. Кроме того, она имела подчинённый статус, а также отсутствие специальной нормативно-правовой базы, была встроена в общеполитическую повестку Советского государства. В то же время если в указанный период, то есть в 1920–1930-е гг., советская национальная политика в целом оказалась адекватна историческим задачам и вызовам, то в послевоенный период её содержание не соответствовало характеру общественных отношений советского общества, что стало одной из причин её кризиса и обострения межнациональных отношений во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.

Ключевые слова: нация, национальный вопрос, национальная политика, нациестроительство, Советский Союз, право наций на самоопределение, автономия, феномен.

A. V. Averyanov

THE PHENOMENON OF NATIONAL POLICY IN THE USSR: FORMATION AND DEVELOPMENT PECULIARITIES IN 1917–1930

The article is devoted to the historical specifics and the formation and development peculiarities of national policy in the RSFSR-USSR after the Bolsheviks came to power in 1917 and the final formation of its model in the late 1930. This topic is of absolute relevance, since modern national policy in the Russian Federation largely inherited the main features of state policy in the field of national relations laid down in the Soviet period. It is claimed that the main features of the national policy implemented in the Soviet state throughout its history, were mainly formed in the 1920s-1930s.The article highlights the key factors that influenced the formation and the features of Soviet national policy: the typical aspects of the Bolshevik ideology, the Russian historical process, the correlation with the international situation, etc. The Soviet model of national policy was a way to overcome ethnic contradictions that have accumulated and fully declared themselves during the revolution of 1917 and the Civil war in Russia. The unique essence of the Soviet national policy – “dynamism” of its character and content, which could change during the transformation of social relations, is shown. In addition, it had a subordinate status, as well as the lack of special legal framework, and was built into the General political agenda of the Soviet state. At the same time, while in the 1920s–1930s the Soviet national policy as a whole met historical tasks and challenges, in the post-war period its content did not correspond to the nature of social relations of the Soviet society, which was one of the reasons for its crisis and aggravation of interethnic relations in the second half of the 1980s-early 1990s.

Key words: nation, national question, national policy, nation-building, the Soviet Union, the right of Nations to self-determination, autonomy, phenomenon.

В советской исторической науке политика партии и государства, в том числе в области национальных отношений, рассматривалась как последовательная реализация идейных установок, разработанных основоположниками марксизма-ленинизма. Специфика национальной политики в Советском государстве определялась прогрессивным характером социалистических общественных отношений, пришедшим на смену капитализму [9].

В современной историографии практически не встречается работ, рассматривающих советскую национальную политику как систему, целостное явление. Значительная часть исследователей увязывают национальную политику в СССР с вопросами борьбы за власть, государственным строительством, развитием национальных автономий, историей отдельных национальных общин и др. [16,10,13].

В настоящей статье предпринимается попытка определить сущность советской национальной политики, выявить её специфику и уникальные черты, а также факторы, повлиявшие на её формирование в рамках развития советской государственности.

Новую актуальность национальный вопрос в России получил в 1917 г. Она была вызвана обострением национального движения на окраинах бывшей Российской империи в условиях российской революции. В канун Октябрьской революции В. И. Ленин обращал внимание на то, что «после аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, особенно для мелкобуржуазных масс населения, национальный вопрос» [6, с. 277]. Таким образом, национальный вопрос оставался для большевиков подчинённым вопросом революции. Однако вскоре они были вынуждены признать его исключительное значение.

О важности национального вопроса для большевиков свидетельствовало учреждение народного комиссариата по делам национальностей во главе со Сталиным. Это был принципиально новый орган власти, аналога которого не существовало ни в царском, ни во Временном правительстве. Его создание определяло формирование нового подхода большевиков к решению национального вопроса. Сразу после прихода к власти большевики подтвердили свою верность лозунгу о праве наций на самоопределение, о котором они многократно заявляли ещё до революции, что было закреплено в Декларации прав народов России [3, с. 39–41]. Данный принцип – «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик» – был также закреплён в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народов, которая вошла в Конституцию РСФСР 1918 г. [3, с. 341]

Основные задачи и содержание национальной политики большевиков в условиях революции и Гражданской войны обусловливались рядом факторов: вооружённой борьбой против своих политических противников, стремлением заручиться поддержкой со стороны национальных масс, государственным строительством, которое началось с первых дней советской власти, а также перспективами мировой революции. В указанный период последнее направление расценивалось большевиками как приоритетное. Поэтому основные задачи и направления национальной политики исходили из потребностей европейской революции.

Начавшаяся революция в Германии в ноябре 1918 г. лишний раз подтвердила искреннюю убеждённость большевиков в победе пролетариата в европейском масштабе. Курс на мировую революцию оставался ключевым элементом партийной и государственной стратегии большевиков до середины 1920-х гг. При этом национальный вопрос в России и Европе имел в этот период для большевиков равнозначную повестку. Значение Октябрьской революции рассматривалось большевиками как событие международного значения – начало европейской революции и решения национально-колониального вопроса во всемирном масштабе. С целью вовлечения национальных масс Европы и России в революционный процесс большевики выдвинули лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. В новой программе РКП(б), принятой на VII съезде РКП(б) в марте 1919 г., закреплялся тезис о начале «эры всемирной пролетарской, коммунистической революции» [4, с.71]. Отмечалось, что «победа мировой пролетарской революции требует полнейшего доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса в передовых странах» [4, с. 75].

Продвижение в сторону Европы, где планировалось создать новый очаг социалистической революции, затруднялось вследствие создания по периметру границ бывшей Российской империи молодых «буржуазно-демократических» государств. Так, на Украине была провозглашена УНР и ЗУНР, в Белоруссии – БНР, в Литве – Литовское королевство, на Кавказе – Горская республика, а также демократические республики Армения, Грузия, Азербайджан. Молодые государства подвергались влиянию зарубежных стран, в том числе территориальным претензиям со стороны последних. Между недавно образованными государствами также вспыхивали территориальные конфликты. Большевики ставили своей задачей перехватить процесс государственного строительства у буржуазных и националистических правительств, направить и интегрировать его в русле советского проекта с опорой на национальные кадры.

Советизация бывших имперских окраин служила средством установления связи с европейским пролетариатом. Игнорирование политического значения национального вопроса могло привести к дискредитации большевиков в глазах национальных масс и элит. Это повлияло на ленинский план федерализации СССР, хотя в 1913 г. в переписке с Шаумяном Ленин писал: «Мы в принципе

против федерации – она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства» [8, с. 235].

Руководствуясь перспективами мировой революции, с учётом текущих политических реалий российской революции Ленин изменил свою позицию и стал сторонником мягкого варианта интеграции республик. По его мнению, важно было показать, что большевики не являлись завоевателями. По вопросу создания СССР Ленин писал Каменеву: «По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже. Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо «вступления» в РСФСР – «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии». §2 требует тогда тоже изменения. Нечто вроде создания наряду с заседаниями ВЦИКа РСФСР – «Общефедерального ВЦИКа Союза Советских Республик Европы и Азии». [7, с. 211] В записке Л. Б. Каменеву о борьбе с великодержавным шовинизмом В. И. Ленин указывал: «Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский украинец грузин и т. д. Абсолютно!» [7, с. 214].

Создание СССР в формате федерации позволило обойти многие острые углы в области национальных отношений, способствовало объединению окраин бывшей Российской империи, дало толчок к началу интеграции вошедших в Союз республик, формировал условия для присоединения к Союзу ССР новых территорий.

После образования СССР в рамках государственного строительства большевики столкнулись с рядом сложностей, связанных с выработкой оптимальных механизмов политико-правовой, хозяйственной, культурной интеграции вошедших в состав нового государства республик. Планы мировой революции зачастую противоречили задачам государственного строительства. Стремление к сохранению большей самостоятельности со стороны ряда союзных республик (Украина, Грузия и др.) затрудняли процесс интеграции, что приводило к росту конфронтации по линии «центр-окраины». Ярким примером служило так называемое «Грузинское дело».

Кроме этого, основная часть идейно-теоретических разработок большевиков в области национальных отношений, базировавшихся на анализе европейского опыта, не соответствовали российской действительности. Многие народы в России находились на разных ступенях общественного развития, некоторые нации ещё не сложились, в результате чего большевикам пришлось иметь дело не с реально существовавшими, а с «фантомными» нациями, воображаемыми сообществами, наделяемыми «идеальными» качествами [14, с. 99]. Под ними следует понимать присущие уже сформировавшимся нациям признаки, выделенные Сталиным. Прежде всего, наличие общего языка, территории, экономического уклада, психического склада и культуры. Согласно марксистскому учению, переход к социализму должен был осуществиться теми нациями, которые уже созрели для этого при капитализме и обладают вышеперечисленными качествами. Единственной нацией подобного уровня развития в СССР большевики признавали русскую (великороссов) нацию. Остальные народы относились к числу «неразвитых и политически отсталых» [11, с. 70]. В их числе также выделялись наиболее развитые, прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма, а также те, кто находился на уровне «полупатриархально-полуфеодального быта», не имея общего хозяйства, даже письменности. В сложившихся условиях большевиками пришлось обосновывать тезис о вызревании наций в условиях социалистического строя.

В беспрецедентных в мировой истории масштабах на государственном уровне в 1920–1930-е гг. в СССР осуществлялось развитие национальных языков, культур, создание различным форм национальной государственности в виде автономий. Тем самым главным содержанием советской государственной национальной политики в этот период было форсированное нациестроительство. Из этого проистекала отличительная особенность государственной политики в области национальных отношений, которая в СССР традиционно именовалась национальной политикой. Её объектом признавались т.н. «националы» и «национальные меньшинства», под которыми первоначально понимались все нерусские народы (нации), включая украинцев и белорусов.

Ключевым механизмом нациестроительства в РСФСР-СССР стало предоставление крупнейшим этносам территориальных автономий, которые должны были обеспечить окончательное вызревание наций, чьё развитие, по мнению большевиков, искусственно сдерживалось в период самодержавия. Ключевая «задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперёд центральную Россию» [11, с. 70]. Основными механизмами для этого должны были стать укрепление, действующего на родном языке суда, администрации, народного хозяйства, школы, театра, прессы, то есть национальных начал. Актуальность национальной политики большевиков ещё на X съезде РКП(б) отмечал Сталин, указав, что из 140 млн населения РСФСР 65 млн, то есть почти половина населения, относились к национальным меньшинствам [11, с. 69].

Рост актуальности национальной политики обусловливал формирование другого идейно-теоретического противоречия, выражавшегося в соотношении приоритетов «класс-нация». Национальное сознание формировалось намного интенсивнее, чем классовое, порождая противоречия с классовой теорией большевиков в рамках социалистического строительства. С одной сто-

роны, именно классы признавались ключевыми субъектами исторического развития; нации как атрибут капиталистического общества при социализме должны были уступить место классовой солидарности. Некоторые большевистские лидеры, например Н. И. Бухарин и Г. Л. Пятаков, решительно заявляли о реакционной сущности лозунга «о праве наций на самоопределении» после Октябрьской революции, предлагая «формулу: самоопределение трудящихся классов каждой национальности [1, с. 47].

С другой стороны, игнорирование политического значения национального фактора в России могло привести к дискредитации большевиков в глазах национальных масс и элит, в том числе тех, которые придерживались социалистической ориентации. В сложившейся ситуации возникал вопрос о необходимости обеспечения баланса классового и национального вопроса революции, что первоначально признавалось неизбежным злом, следствием политической незрелости масс.

Если в начале революции проблема соотношения классовых и национальных интересов имела второстепенное значение, а её решение лежало в тактической плоскости (лозунги, декреты, декларации), то с течением времени она приобрела стратегический характер и необходимость теоретического обоснования. Отвергнув тезис Бухарина о реакционном характере лозунга «право наций на самоопределение», большевики признали долгосрочный характер национальной повестки на пути к социализму. Наряду с классовым измерением революции всё более значение стал приобретать национальная составляющая (национальный вопрос в России), которая обосновывалась объективными факторами. Она становилась все более актуальной по мере отдаления перспектив мировой революции, необходимости решать конкретные проблемы внутри России. Тем самым формировалась внутрироссийская повестка национального вопроса, отличная от европейской, имевшая специфическое содержание и механизмы его решения.

В результате происходила локализация национального вопроса, первоначально имевшего международную повестку, в рамках Советского государства. Национальный вопрос стал частью вопроса об обновлённом социалистическом государстве, необходимость укрепления которого была обоснована в рамках концепции строительства социализма в отдельно взятой стране, ставшей официальной линией партии после XIV съезда ВКП (б) в 1925 г. [5, с. 429] Таким образом, первоначально потребность в идейно-теоретической проработке национального вопроса обусловливалась задачей легитимации советской власти в национальной среде в контексте стратегии мировой революции; впоследствии – необходимостью интеграции национальных меньшинств в рамках советского государственного строительства.

Новая природа социальных отношений в период социалистического строительства в советском государстве обусловила начало процесса пересмотра прежних взглядов большевиков на традиционные социальные институты, в том числе государство и нацию. Категория «нация» получила в идеологии большевизма безусловное признание. Её определение было дано Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос», которое было признано классическим на долгие десятилетия [11, с. 6]. Убеждённость в необходимости развития этнонационального проекта в России (фактически создание этнонаций) вытекала из учения Маркса и Энгельса, оперировавшими категориями европейских наций, национальных государств – эталонов национально-государственного развития. Сущность этнонаций вытекала из необходимости развития собственных форм государственности (союзная республика, различные виды автономий) у каждой более или менее крупной нации.

В данной связи возникала необходимость адаптации первоначальных установок классиков марксизма к текущим советским реалиям. С середины 1920-х гг. начал активно постулироваться конструкт о «социалистических нациях», которые противопоставлялись старым капиталистическим нациям. По мнению Сталина, первые отличались большей устойчивостью, поскольку по мере изживания из своего состава класса буржуазии нивелировали внутренний социальный антагонизм и устраняли барьеры на пути к сближению с другими нациями [12, с.110]. Противопоставление буржуазного национализма, присущего старым буржуазным нациям, и пролетарского интернационализма, являвшегося неотъемлемой частью новых социалистических наций, определяло новое качество межнациональных отношений при социализме – развитие национальной культуры, «сближение» наций, их интеграцию в рамках советского проекта. Ключевым стал тезис о «росте и расцвете ранее угнетённых наций» при социализме [12, с. 119]. Он обосновывался ликвидацией всех преград, препятствовавших нормальному развитию наций в капиталистический период. Как в случае с государством и другими общественными институтами, отмирание наций могло произойти только после перехода на новый качественный уровень развития вследствие окончательного исчерпания заложенных в их природе количественных характеристик. Последнее, по мнению Сталина, было возможно только при социализме, который обеспечит все необходимые для этого условия. Ключевым элементом национальной политики в данной связи стала политика коренизации, инициированная на XII съезде РКП(б) в 1923 г. Она подразумевала привлечение национальных кадров в систему образования, управления, перевод делопроизводства на местные языки, развитие национальной культуры. В свою очередь процесс отмирания наций, о котором писали большевики, должен был вступить в активную фазу только после победы социализма в мировой масштабе, то есть в долгосрочной перспективе [12, с. 116].

Значительную роль в укреплении национального начала в жизни Советского государства сыграла Великая Отечественная война. В статье

«Класс и нация», отражавшей апофеоз сталинской национальной политики, отмечалось, что «нации отличаются колоссальной силой устойчивости», «поэтому партия пролетариата решительно отвергает национальный «нигилизм». Подчеркивалось, что «национальный вопрос и национальную борьбу нельзя отделять от классового вопроса и классовой борьбы… Будучи самым последовательным и непреклонным борцом против классового гнёта, пролетариат не может относиться равнодушно к борьбе народов за освобождение от национального гнёта. Он не может освободиться, не уничтожив всякий гнёт, в том числе и национальный» [2, с. 262–270]. Таким образом, нации наряду с классами признавались полноправными субъектами общественных отношений не только при капитализме, но и в социалистическом обществе.

В то же время неотъемлемым условием развития социалистических наций могло быть только наличие социалистического государства. Тем самым обосновывалась необходимость укрепление государства как гарантии развития социализма и революции. Экономическая мощь государства признавалась первоочередной задачей его, что обусловило начало политики индустриализации и коллективизации на рубеже 1920–1930-х гг., а также повлияло на смену приоритетов национальной политики. Осознавая бесперспективность мировой революции в обозримом будущем, советское руководство значительно усилило роль центральных органов власти на экономику, сферу культуры, политические процессы в союзных республиках.

Приоритет решения хозяйственных задач оттеняли политическое наполнение национального вопроса, заполняя его экономическим содержанием. Ряд исследователей обращают внимание на такую малоизученную проблему как попытка административной реформы, суть которой заключалась в создании крупных экономических районов по хозяйственно-территориальному принципу (Урал, Юго-Восток) [15, с. 158]. Её отголоском стало создание экономических районов СССР как попытка совместить принцип национального самоопределения с единством хозяйственным комплекса.

С начала-середины 1930-х гг. значительно повысилась роль русского языка, который должен был стать стержнем национальной интеграции, в образовательной сфере, армии, В рамках культурного сближения был осуществлён перевод письменности национальных меньшинств с латиницы на кириллицу, была свёрнута украинизация, значительно снизила обороты политика коренизации. Всячески подчёркивалась «руководящая роль русского народа, и прежде всего, русского рабочего класса», который «сомкнул вокруг себя ранее угнетённые национальности окраин России» [2, л. 271–272].

Таким образом, советская национальная политика как средство решения национального вопроса стала порождением места, времени и определённых идеологических установок, присущих конкретной стране – СССР, объявившему себя единственным в мире социалистическим государством, в конкретной исторической обстановке. Её теоретические и практические основы закладывались сразу же после прихода большевиков к власти в 1917 г. В итоге, во второй половине 1930-х гг. сформировалась определённая модель советской национальной политики, которая с теми или иными изменениями просуществовала до второй половины 1980-х гг.

Феномен советской национальной политики заключался в её «историчности», динамизме и универсализме. Её повестка и содержание изменялись и определись политическими задачами в рамках строительства социализма, актуальными для той или иной стадии общественного развития. Кроме того, национальная политика рассматривалась в привязке к международному контексту, поскольку строительство социализма мыслилось в качестве процесса всемирно-исторического масштаба. Термин, который активно использовали большевики – «национальный вопрос», предполагал наличие противоречий, которые должны быть устранены по мере продвижения общества на пути от капитализма к социализму. Ключевые принципы советской национальной политики признавались универсальными для всех стран и народов.

Особенностью национальной политики в СССР было фактическое отсутствие соответствующей нормативно-правовой базы, непризнание её самодостаточной сферой общественных отношений, имевшей подчинённый характер. В 1929 г. Сталин писал: «Русские марксисты всегда исходили из того положения, что национальный вопрос есть часть общего вопроса о развитии революции, что на различных этапах революции национальный вопрос имеет различные задачи, соответствующие характеру революции в каждый исторический момент, что сообразно с этим меняется и политика партии в национальном вопросе» [12, с. 121].

В основе советской национальной политики лежало право народов на самоопределение, которое было реализовано в формате союзных республик и различных формах автономий. Тем самым её отличала типичная для советского общества иерархия национальных и общественных отношений, окончательно сформировавшаяся во второй половине 1930-х гг. Приоритет государственных интересов гарантировал баланс этнонациональных и классовых интересов. Таким образом, было разрешено важнейшее противоречие – соотношение между классовыми и национальными интересами.

По мере строительства социализма и коммунизма классовый фактор уступал место национальному фактору, который не только сохранял, но и в значительной степени усиливал свою актуальность в советском обществе. Это требовало дальнейшего идейно-теоретического осмысления этнополитических процессов в СССР. В данной связи ключевой задачей в условиях социализма должно было стать формирование

«положительной повестки» национальной политики, качественно отличавшейся от её предыдущего этапа – «решения национального вопроса в том виде, в котором он достался». Отсутствие конструктивной повестки национальной политики за весь послевоенный период стало одной из причин её кризиса и как следствие – обострения межнациональных отношений во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.

Источники и литература

1. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Государственной издание политической литературы, 1959. 602 с.
2. Глезерман Г. Е. Класс и нация // Вопросы философии. 1950. № 1. С. 259–274.
3. Декреты Советской власти. Т.I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. 626 с.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том 2. 1917–1922. М.: Издательство политической литературы, 1983. 606 с.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том 3. 1922–1925. М.: Издательство политической литературы, 1984. 494 с.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. [В 55 т]. Т.34. Изд. 5-е М.: Издательство политической литературы, 1969. 585 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. [В 55 т]. Т.45. Изд. 5-е М.: Издательство политической литературы, 1970. 730 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. [В 55 т]. Т.48. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1970. 545 с.
9. Национальная политика КПСС. М.: Политиздат, 1981. 256 с.
10. Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. 686 с.
11. Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных речей и статей. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 233 с.
12. Сталин И. В. о национальном вопросе. Сборник статей. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. 127 с.
13. Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза: [сборник докладов и материалов международной научной конференции, Москва, сентябрь 2004 г. / сост.: С. М. Исхаков; отв. ред. акад. Г. Н. Севостьянов. М: Социально-политическая мысль, 2005. 600 с.
14. Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.
15. Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.
16. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

References

1. Vos'moy s"yezd RKP(b). Mart 1919 goda. Protokoly *(The 8th Congress of the RCP(b). March 1919. Protocols)*. Moscow: State publishing house political literature, 1959. 602 p. (In Russian).
2. Glezerman G. E. Klass i natsiya *(Class and Nation)* // Voprosy filosofii. 1950. No. 1. P. 259–274. (In Russian).
3. Dekrety vetskoy vlasti *(Decrees of the Soviets)*. Vol. I. Moscow: State publishing house political literature, 1957. 626 p. (In Russian).
4. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i plenumov TSK. Vol. 2. 1917–1922 *(The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee.)*. Moscow: State publishing house political literature, 1983. 606 p. (In Russian).
5. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i plenumov TSK. Vol. 3. 1922–1925 *(The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee)*. Moscow: State publishing house political literature, 1984. 494 p. (In Russian).
6. Lenin V. I. Polnoye sobraniye sochineniy. Vol. 34. *(Complete Works)*. Moscow: State publishing house political literature, 1969. 585 p. (In Russian).
7. Lenin V. I. Polnoye sobraniye sochineniy. Vol.45. *(Complete Works)*. Moscow: State publishing house political literature, 1970. 730 p. (In Russian).
8. Lenin V. I. Polnoye sobraniye sochineniy Vol.48. *(Complete Works)*. Moscow: State publishing house political literature, 1970. 545 p. (In Russian).
9. Natsional'naya politika KPSS *(The National Policy of the CPSU)*. Moscow: Politizdat, 1981. 256 p. (In Russian).
10. Sovetskiye natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody: Materialy VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii *(Soviet Nations and the National Policy in the 1920s–1950s: Material of the VI International Scientific Conference)*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 686 p. (In Russian).
11. Stalin I. V. Marksizm i natsional'no-kolonial'nyy vopros. Sbornik izbrannykh rechey i statey *(Marxism and the National Colonial Issue. Collection of Selected Speeches and Articles)*. Moscow: Partizdat TSK VKP(b), 1937. 233 p. (In Russian).
12. Stalin I. V. o natsional'nom voprose. Sbornik statey *(I. V. Stalin on the National Issue. Collected Papers)*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. 127 p. (In Russian).
13. Tragediya velikoy derzhavy: natsional'nyy vopros i raspad Sovetskogo Soyuza *(The Tragedy of the Great Power: the National Question and the Breakup of the Soviet Union)*. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2005. 600 p. (In Russian).

14. Khlynina T. P., Krinko E. F. Istoriya, politika i natsiyestroitel'stvo na Severnom Kavkaze *(History, Politicy and Nation-building in the North Caucasus)*. Rostov on Don: SSC RAS publ., 2014. 434 p. (In Russian).

15. Khlynina T. P., Krinko E. F., Urushadze A. T. Rossiyskiy Severnyy Kavkaz: istoricheskiy opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona *(Russian North Caucasus: Historical Experience of Management and Formation of Regional Borders)*. Rostov on Don: SSC RAS publ., 2012. 272 p. (In Russian).

16. Etnicheskiy i religioznyy faktory v formirovanii i evolyutsii rossiyskogo gosudarstva *(Ethnic and Religious Factors in the Formation and Evolution of the Russian State)* / ed. by T. Yu. Krasovitskaya, V. A. Tishkov. Moscow: Novyy khronograf, 2012. 448 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Аверьянов Антон Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории XX–XXI веков института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / aver18071981@yandex.ru

Information about the author

Averyanov Anton – PHd in History, Associate Professor, Chair of Russian history in XX–XXI century, Institute of history and international relations, Southern Federal University (Rostov on Don) / aver18071981@yandex.ru

УДК 327(479.25)

К. П. Айрапетян

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО УСТРОЙСТВУ ЗАПАДНО-АРМЯНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ПЕРВЫЙ ГОД СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ[1]

В статье рассматривается государственная политика по устройству западно-армянских беженцев с мая 1918 г. по май 1919 г. в первой Республике Армения (РА) (1918–1920 гг.). Данная проблема возникла перед национальными властями республики с первых дней ее образования. В деле ее разрешения республиканские власти должны были учитывать как ее социально-экономические, так и национально-политические, фрагментарные аспекты. Армянское руководство должно было, с одной стороны, решать проблемы устройства беженцев, с другой стороны – вовлечь их в общественно-политическую жизнь страны, в дело создания независимого национального государства. Поэтому в начале августа 1918 г. вновь сформированное правительство РА провозгласило, а в сентябре-октябре законодательно закрепило, государственную беженскую политику, составной частью которой являлась политика по устройству западно-армянских беженцев на свободных или брошенных землях РА. После победы в ноябре 1918 г. стран Антанты в Первой мировой войне во внешнеполитическую повестку дня первой РА в качестве одной из первоочередных был включен вопрос возвращения и последующего обустройства беженцев в родных селениях в Западной Армении. Для достижения этой цели в первой половине 1919 г. властями республики были предприняты ряд внешне и внутриполитических шагов, которые не привели к разрешению поставленной задачи.

Ключевые слова: первая Республика Армения, беженцы, западные армяне, государственная беженская политика, политика по устройству западно-армянских беженцев, вопрос возвращения западно-армянских беженцев.

K. P. Hayrapetyan

THE STATE POLICY ON ACCOMMODATION OF WESTERN ARMENIAN REFUGEES IN THE FIRST YEAR OF STATEHOOD OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

The article examines the state policy on accommodation of Western Armenian refugees from May 1918 to May 1919 in the first Republic of Armenia (RA) (1918–1920). The problem of Western Armenian refugees confronted the national authorities of the republic from the first days of its formation. In solving this problem, the republican authorities had to take into account both its socio-economic and national-political, fragmental aspects. On the one hand, the RA authorities had to accomodate the refugees and tackle socio-economic and internal political issues. On the other hand, they intended to involve Western Armenian refugees into the socio-political life of the country, in the process of independent national state construction. Therefore, the refugee policy was proclaimed in August 1918 and legislatively fixed in September-October 1918, the main part of which was the Western Armenian refugees accommodation policy on free or abandoned lands. In November 1918 after the victory of the Entente countries in the First World War the question of the return and subsequent resettlement of Western Armenian refugees in their native villages in Western Armenia was inevitably added on the foreign policy agenda of the first RA as one of the priorities. To achieve this goal, the authorities of the republic in the first half of 1919 took a number of external and internal political steps that did not lead to the implementation of the task.

Key words: First Republic of Armenia, refugees, Western Armenians, state refugee policy, policy on accommodation of Western Armenian refugees, Western Armenian refugees return issue.

Перед национальными властями первой Республики Армения (1918–1920 гг.) с первых дней возникла проблема западно-армянских беженцев. В деле ее разрешения должны были учитываться как проблемы устройства беженцев, так их включения общественно-политическую жизнь молодой республики. Имея целью преодолеть разобщенность прибывающего армянского населения, властям необходимо было вместе с решением беженских вопросов предпринять соответствующие шаги по преодолению в сознании прибывающих беженцев того недоверия и отчужденности в их отношении к властям и населению вновь образованной на небольшой части Ереванской губернии Республики Армения.

Независимое армянское государство строилось в сложнейших военно-политических и социально-экономических условиях. Наличие в респу-

[1] См. начало статьи: Айрапетян К. П. Проблема западно-армянских беженцев во вновь образованной первой Республике Армения // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С. 8–15.

блике многочисленных беженцев являлось одним из основных социально-политических факторов, усугубляющих положение дел в стране и ведущих к разрастанию анархии.

«Небольшая наша территория, принявшая еще задолго до последних событий[1] массу беженцев из Турецкой Армении, в настоящее время дала приют также всему армянскому населению тех частей Эриванской губернии, которые по договору[2] отошли к Турции; можно смело сказать, что территория наша в настоящее время наводнена и загрязнена беженцами до крайних пределов; пришлое население это, бросившее на произвол судьбы насиженные свои места и все свое достояние – озлобленное и доведенное до отчаяния двигалось и продолжает двигаться стихийно, портя и разрушая на своем пути решительно все, не исключая даже и культурных ценностей, ни чем и ни кем не сдерживаемое, вследствие царящей разрухи и отсутствия в стране твердой власти. Население это живет в настоящее время на местах чрезвычайно скученно, при самых антисанитарных условиях и терпит всякого рода лишения, а главное – вследствие невероятной дороговизны и невозможности достать предметы первой необходимости в массе своей недоедает, а местами и вовсе голодает, всякого рода заболевания, в том числе и заразные, широко распространены между ними», – так в конце июня 1918 года метко и в докладной записке описывал сложившуюся во вновь образованной республике ситуацию Ереванский губернский врач [4, л. 7об].

Государственно-политическое руководство республики представляло всю сложность и тяжесть разрешения вопросов связанных как с беженцами, в целом, так и с западно-армянскими беженцами, в частности. Причем вопросы, связанные с «сотнями тысяч голодных и бездомных беженцев» [9, с. 10] требовали безотлагательного разрешения. Этим было обусловлено то обстоятельство, что республиканские власти сформулировали беженскую политику в первые же дни своей деятельности. Такому оперативному оформлению беженской политики способствовал также накопленный государственно-политическими деятелями опыт работы с западно-армянскими беженцами в период предшествующий образованию Республики Армения. Юридическим основанием государственной беженской политики, стали принятые еще на Первом съезде западно-армянских беженцев (2–11 мая 1917 года) решения. Так, в резолюции о предшествующей деятельности национальных беженских органов были отмечены ряд недостатков в их работе: во-первых, несмотря на идентичность целей, эти органы помощи беженцам не действовали единообразно, не аккумулировали средства для достижения одних и тех же целей, во-вторых, вместо предоставления беженцам соответствующей работы они выдавали им различного рода пособия, рассматривая свою помощь беженцам всего лишь как гуманитарную деятельность, в-третьих, организация помощи беженцам осуществлялась ими без участия представителей самих западных армян, что вызывало недовольство последних [2, с. 30–31].

Ограниченные возможности и скудные средства правительства РА не давали возможностей для создания хотя бы минимальных условий для жизнедеятельности многочисленных беженцев. Республиканские власти не обеспечивали полного содержания западно-армянского населения, но старались дать возможность заработать и таким образом выжить. Только те, кто не мог работать получали пособие. Одновременно, работающие на земле беженцы включались бы в социально-экономическую и внутриполитическую жизнь республики, становились бы непосредственными участниками восстановления разоренной экономики маленькой страны. Для этого и необходимо было устроить беженцев: или путем возвращения их к родным очагам в прежних их поселениях, или, обустраивая их в новых местах, которые ранее были брошены их прежними жителями. Государственная беженская политика, 3-го августа 1918 года была представлена премьер-министром О. Каджазнуни в программном заявлении первого правительства парламенту республики – Совету Армении. «Устроить беженцев – частью путем возвращения на прежние места, частью путем планомерного расселения по новым местам», – так в пятом пункте отдела внутренней политики данного заявления была сформулирована беженская политика [5, л. 5]. После одобрения заявления парламентом беженская политика фактически получила статус государственной.

Решение вопроса «возвращения на прежние места» беженцев зависело от властей Османской Турции, войска которой в феврале – мае 1918 г. захватили всю Западную и значительную часть Восточной Армении. Поэтому во внешнем отделе вышеупомянутого программного заявления правительства закреплялось положение о необходимости добиться вывода турецких войск из пределов страны[3] и возвращения к родным очагам беженцев. Здесь необходимо отметить, что по настоянию армянской делегации на переговорах в Батуме право возвращения восточно-армянских беженцев уже было закреплено в письме Вегиб паши[4] от 5-го июня 1918 года [1, с. 416], которое в качестве приложения к Батумскому договору приобретало статус международно-правового документа. На достижение этих целей были направлены основные внешнеполитические и дипломатические усилия вновь образованной республики Армении [12, с. 46].

Власти Османской Турции, однако, не считали возможным возвращение западно-армянских беженцев к своим родным очагам в Западной Армении. Поэтому предусматривалось, что за-

[1] Имеется в виду роспуск Закавказского сейма и образование Республики Армения 28 мая 1918 года.

[2] Речь о Батумском договоре, подписанном 4 июня 1918 года.

[3] Здесь подразумевались границы, определенные Брест-Литовским договором.

[4] Командующий турецкими войсками в Закавказье, один из двух сопредседателей турецкой делегации на Батумских переговорах.

падно-армянские беженцы будут размещаться в покинутых местными жителями селениях, на свободных или брошенных землях на территории республики, а восточно-армянские беженцы должны были возвратиться к своим родным очагам в районах, находящихся под оккупацией турецких войск. Однако, вплоть до подписания Османской Турцией 30 октября 1918 г. Мудросского договора о перемирии, согласно которой турецкие войска должны были оставить территорию Восточной Армении, переговоры с представителями турецких военных властей в Закавказье по вопросу возвращения восточно-армянских беженцев так и не дали результатов.

Государственная беженская политика законодательно была оформлена Советом Армении в сентябре-октябре 1918 года, когда были приняты четыре беженских закона. Основные принципы этой политики были закреплены в принятой 28 сентября 1918 г. первом законе «О попечении нуждающихся беженцев» [3, с. 6]. Закон оформлял основопалагающий принцип: предоставление помощи нуждающимся беженцам посредством труда. Провозглашалось, что находящиеся в границах Армении государственные свободные, а также брошенные и бесхозные земли передаются беженцам для возделывания. Согласно, третьей статьи закона каждой беженской семье земля должна предоставляться в соответствии с количеством трудовых рук в семье. Следующая статья определяла, что по соответствующим спискам беженцу будет отпускаться сельскохозяйственный инвентарь, за порчу которого он может привлекаться к ответственности. Пятая статья закона провозглашала, что если беженец в течение месяца не явится в назначенное место, то последний лишается права пользования предоставленной ему землей.

Законодательное закрепление политики по устройству беженцев в первую очередь предоставляло правительству возможность на законных основаниях предпринимать меры по размещению западно-армянских беженцев на свободных или брошенных землях. Вместе с тем этот закон был призван узаконить те самостоятельные действия западно-армянских беженцев по расселению в Восточной Армении, которые были предприняты ими еще до образования республики. Возвратившиеся летом-осенью 1917 г. в Западную Армению беженцы в феврале – марте 1918 г. в очередной раз оказались перед угрозой полного истребления перешедшими в наступление турецкими войсками. Им вновь пришлось покинуть родную землю. «Турецкое нашествие 1918 года привело к окончательному выселению почти 150 000 турецких (западных – *К.П.*) армян, которые с такими трудностями были размещены в Турецкой Армении», – писал западно-армянский национально-политический деятель Каро Сасуни [11, с. 167]. Согласно его пониманию, вынужденная эмиграция западных армян в 1918 г. была более организованной и основательной, чем раньше: на этот раз армяне покидали свои отчие дома со своим скарбом и домашним скотом, в сопровождении собственных военных отрядов.

В несколько раз более многочисленные западно-армянские «новые» беженцы не надеялись получить в Восточной Армении всю необходимую помощь ни от государственных властей Закавказья, ни от местных национальных органов или организаций помощи беженцам. Так по данным канцелярии ереванского районного органа Западно-армянского Совета «старые» беженцы в первой половине 1918 г. не получали как государственных пособий, так и жизненно необходимых других продуктов [7, л. 142]. Чтобы сохранить физическое существование своих семей и обеспечить их средствами к существованию, они пытались самостоятельно, опираясь на свою организованность и собственные вооруженные отряды, решить задачу дальнейшего своего существования. «Движущаяся в Араратскую Армению турецко-армянская вооруженная масса имела одну простую логику, – писал К. Сасуни, – они были убеждены, что если турки их насильственно изгнали из их древней родины, то после перехода через Арарат они не должны превратиться в безземельную, неприкаянную людскую массу, напротив, они имеют священное право силой оружия захватить татарские земли и расселиться на них как в своей Новой Родине» [11, с. 172].

В борьбе за свое существование вооруженные беженцы руководствовались программой М. Тер-Минасяна (Рубена) [10, с. 102], который являлся одним из видных национально-политических лидеров западных армян. Согласно этой они должны были закрепиться в восточно-армянских горных массивах от Арагацотна до Сюника и Арцаха (Карабаха), рассматривая их как естественные укрепления против регулярных турецких войсковых соединений и нерегулярных татарских и курдских отрядов. Не доверяя навязанному турками «Араратской республике» Батумскому договору, западно-армянские беженцы были уверены, что после захвата Баку турецкие войска будут стремиться взять в железное кольцо остатки западного армянства, намереваясь окончательно уничтожить их. Имея ввиду такую перспективу, «турецкое армянство надеялось, что высоты Н[ового – *К.А.*]. Баязета, Зангезура и Карабаха могут стать прочными укреплениями против крупных турецких армейских соединений, что обеспечит хотя бы на некоторое время физическое существование армянства» [11, с. 172].

5-го мая 1918 г. в результате стремительного ночного похода западно-армянский отряд, состоящий из жителей Сасуна (горный район в Западной Армении), захватил находящийся в руках мусульман крепость Талин, расположенный на склонах Арагаца. Талинская крепость считалась неприступной и имела важное стратегическое значение в деле обороны Еревана. Затем вооруженные отряды таронцев (область в западной Армении) заняли районы Арагаца и Аштарака Арагацотнской области, разместив несколько тысяч западно-армянских беженцев и их семей

в освобожденных селениях. Таким образом, еще до образования первой Республики Армения западно-армянские беженцы самостоятельно, опираясь на свои вооруженные отряды, предпринимали шаги по обеспечению своего выживания.

Трудное экономическое положение лишало возможности вновь образованную армянскую республику осуществить такую помощь западно-армянским беженцам, которая хоть в какой-то мере была бы соизмерима с тем, что была им оказана до 1918 г. «Турецко-армянские беженцы, численность которых в границах Республики Армения насчитывалась 70–80,000, в настоящее время находятся в крайне бедственном и плачевном положении», – отмечалось 11-го августа 1918 года канцелярией ереванского районного органа Западно-армянского Совета в письме, направленному министру внутренних дел Республики Армения [7, л. 142]. В этих условиях единственно реальным содействием беженцам являлось их размещение и обустройство в оставленных прежними жителями селениях. Для этого, с одной стороны, республиканские власти узаконивали осуществленные прежде самостоятельные действия западно-армянских беженцев по размещению своих семей в брошенных или освобожденных селениях. С другой стороны, власти Республики Армения сами осуществляли конкретные планомерные шаги по дальнейшему размещению и обустройству оставшихся без крова и средств существования западно-армянских беженцев на еще свободных и незанятых землях и селениях.

Количество свободных земель унаследованных от прежних властей в виде государственных поместий было незначительно. Большинство брошенных и бесхозных земель на территории республики появились в 1918 г. в результате межнациональных столкновений во время правления закавказских властей. Одновременно, в сложившихся в республике тяжелейших социально-экономических условиях тысячи местных жителей: без различия национальности и вероисповедания - армян, русских, греков и мусульман стремились покинуть страну, эмигрировать из республики. Так в вышеупомянутом обращении к властям Ереванского районного органа Западно-армянского Совета основным вопросом была просьба в содействии выезду части западно-армянских беженцев за пределы республики, что, как предполагалось авторами письма, являлось бы одним из средств в деле разрешения беженского вопроса. «А для спасения из когтей голода остальных беженцев» предлагалось представить им «всякое государственное вспомоществование и помощь, в том числе в виде земли, помещений для жилья, семян и т.д. и т.п.» [7, л. 142 об.]. Согласно сообщению канцелярии министерства иностранных дел «с 7-го августа по 28-е из Еревана добровольно на Османские земли перешли 1484 мусульманских мигрантских семей, всего 6641 человек» [17]. Количество мусульманских мигрантов определенно было намного больше, так как не включала численность эмигрировавших в предыдущие два месяца. Таким образом, освободившиеся и покинутые земли образовались и в первые месяцы существования первой РА.

Решением задач, связанных с размещением западно-армянских беженцев в оставленных прежними жителями селениях на брошенных и бесхозных землях, занималось отделение устройства беженцев беженского отдела министерства внутренних дел первой РА. Республиканские власти не только провозгласили политику по обустройству западных армян, но стали назначать на соответствующие должности новых, как правило, из их же числа. Так 5-го сентября 1918 г. управляющим отделения по устройству беженцев беженского отдела министерства внутренних дел был назначен западо-армянский национально-политический деятель, член революционной партии дашнакцутюн Ваагн Крмоян [19]. В тех районах республики, где были большие скопления западно-армянских беженцев, управляющими по делам беженцев министерство назначало из числа находящихся в этих районах и имеющих соответствующую квалификацию западно-армянских деятелей. С февраля 1919 г. министерство внутренних дел первой РА мероприятия по устройству и размещению беженцев начало осуществлять уже силами поставленного в его распоряжение главного управления сельского хозяйства и государственных имений Армении. Согласно принятому Советом Армении 7-го февраля 1919 года закону «О преобразовании Ереванского управления земледелия и государственных имений в главное управление сельского хозяйства и государственных имений Армении» вновь преобразованному главному управлению было предоставлено право по управлению «делами по изменению места жительства и беженского обустройства» и принятию мер «по регулированию распределения земель среди сменившего местожительства и устроившегося беженского населения» [3, л. 43].

В результате победы стран Антанты в Первой мировой войне турецкие войска начали выводиться с территории Восточной Армении. В Париже начала работу (январь 1919 г.) мирная конференция, а возглавляемая Погосом Нубар пашой Национальная делегация провозгласила своей целью создание независимой и объединённой Армении и заявила о создании правительства Западной Армении. В создавшихся новых геополитических условиях, как у значительной части руководящих деятелей республики, так и у национально-политического руководства западно-армянских беженцев появились надежды на расширение границ и возвращение беженцев к родным очагам.

Надеяться на изменения позволяла убежденность в том, что победившие в ноябре 1918 г. в Первой мировой войне страны Антанты являются «союзническими» армянскому народу государствами. Основанием для этого служило участие армянских добровольческих соединений в военных действиях против турецких войск и огромные потери армянского народа в годы Первой мировой войны, в том числе и осуществленный турецкими властями в годы войны геноцид армянского

народа. Они считали, что победа в Первой мировой войне принадлежит также всему армянскому народу: с ее западно-армянскими и восточно-армянскими частями. «Мировая война закончилась, наши союзники победили, мы победили, – так начинался Призыв к беженцам Западной Армении, опубликованный 1-го января 1919 г. [6, л. 31]. Таким образом, как власти первой РА, так и руководящие круги западно-армянских беженцев были в огромной степени воодушевлены победой стран Антанты, ожидаемым в ближайшем будущем расширением границ Республики Армения и неотвратимым возвращением к своим родным очагам не только восточно-армянских, но и западно-армянских беженцев.

С большой уверенностью ожидалось получение от стран победителей, необходимой продовольственной помощи, без которой невозможно было спасение местного населения и беженцев от надвигающегося голода и эпидемий. Так, еще 4-го ноября 1918 года премьер-министр РА О. Каджазнуни выступил с заявлением в парламенте «о том, что сегодня Османское телеграфное агентство официально заявило, что переговоры между турками и союзниками закончены, заключено перемирие, в Константинополе рядом с турецкими флагами развеваются флаги союзных государств. Ожидается через Дарданеллы большое количество товаров из Америки, из этих товаров, вероятно, мы тоже будем иметь свою часть: ожидается большое количество зерна», после чего «парламент и общественность устроили овацию присутствовавшему на заседании представителю Американской организации по призрению сирот и беженцев» [9, с. 84].

Прозвучавшее в парламенте 4-го ноября 1918 г. заявление премьер-министра О. Каджазнуни о начавшемся с 24 октября 1918 г. освобождении турецкими войсками территории Армении, которое должно было завершиться в течение шести недель, пробудило среди беженцев надежды на скорое возвращение. 5-го ноября 1918 г. в Совете Армении в повестку дня был включен вопрос «задача возвращения беженцев». Принявший участие в обсуждении вопроса депутат С. Врацян заявил, что «беженский вопрос не нов и всем знаком, однако он никогда так остро не стоял перед нами как сейчас, когда 150 тысяч беженцев накопились в приграничных районах, ожидая с минуты на минуту ухода турецких войск» [9, с. 85]. В результате парламент принял постановление, согласно которому, во-первых, «поручалось правительству представить энергичный протест турецкому правительству: с целью ускорения возвращения беженцев», во-вторых, «информировать об этом протесте также представителей великих держав», в-третьих, для каждого из освобождаемых турками уезда образовать управление, которое будет содействовать возвращению беженцев и обеспечит их вход в страну (Западную Армению – *К.А.*) [9, с. 87].

Скорейшее решение задачи безотлагательного возвращения беженцев в родные места и селения было обусловлено тяжелейшим положением, сложившимся в республике суровой зимой 1918–1919 гг. Десятки и сотни беженцев умирали в результате сплошного голода и эпидемии сыпного тифа. Предпринимаемые властями республики меры были недостаточны для вывода сотен тысяч беженцев из этого ужасного положения. Ситуация не изменилась и в начале весны 1919 г. Реальным спасением от голода и эпидемических болезней для беженцев могло бы стать их возвращение и обустройство в родных селениях. После победы стран Антанты в Первой мировой войне вопрос возвращения как западно-армянских, так и восточно-армянских беженцев к родным очагам стал для властей первой РА важнейшей и требующей незамедлительных решений задачей. «Положение беженцев прямо-таки отчаянное, – отмечалось в циркулярном письме дипломатическим представителям министерсрва иностранных дел от 7-го декабря 1918 г., – часть из них не может возвратиться в страну, потому что турки пока там и их страх велик, эти беженцы турецкие армяне, население ушедшее из некоторых частей Карса и Эчмиадзина, Сурмалу, Шарура, Нахиджевана и Ахалкалака» [8, л. 16].

Задача возвращения западно-армянских беженцев стала одним из основных вопросов во внешнеполитической повестке дня первой РА. С ноября 1918 г. поочередно занимавший посты министра призрения, затем министра внутренних дел и исполняющего обязанности премьер-министра А. Хатисян, писал, что с представителями стран Согласия (Антанты) переговоры велись главным образом по вопросу освобождения Армении от турецких захватчиков и «спешного создания возможности для возвращения западно-армянских беженцев в турецкую Армению» [13, л. 140–141]. В результате состоявшихся в марте – мае 1919 г. в Закавказье серии переговоров между правительством РА и командованием британских войск по вопросу возвращения беженцев на родину было получено согласие на осуществление правительством РА репатриации, но с условиями: под собственную ответственность, без участия британских вооруженных сил. Для международно-правового обоснования процесса репатриации и создания внутриполитического консенсуса между западными армянами и руководством республики 28 мая 1919 г. в здании парламента правительством РА торжественно был оглашен «Акт о провозглашении независимой и объединенной Армении». Однако, не имея соответствующего военного и экономического потенциала, правительство РА, не смогло осуществить возвращение на родину западноармянских беженцев. Вопрос так и не был разрешен ни в 1919, ни в 1920 гг. – впредь до конца существования первой Республики Армения.

Источники и литература

1. А-До (О. Тер-Мартиросян). Родовые муки армянства. Ереван, 2014. (На армянском языке).
2. Врацян С. Республика Армения, Ереван: Печатный дом «Акоп Мегапарт», 1993. 704 с. (На армянском языке).
3. Законы парламента Республики Армения (1918–1920 гг.). Ереван, 1998. (На армянском языке).
4. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 201. Сп. 1. Д. 211. Ч.1.
5. НАА. Ф. 199. Сп. 1. Д. 10.
6. НАА. Ф. 199. Сп. 1. Д. 23. Ч. 1.
7. НАА. Ф. 199. Сп. 1. Д. 500.
8. НАА. Ф. 199. Сп. 1. Д. 145.
9. Протоколы заседаний парламента республики Армения. Ереван: Национальный Архив Армении, 2010. (На армянском языке).
10. Рубен. Воспоминания одного армянского революционера. Т.7. Ереван: Адана, 1990. (На армянском языке).
11. Сасуни К. Турецкая Армения под русским господством, (1914-1918). Бостон, 1927. (На армянском языке).
12. Туманян М. Дипломатическая история республики Армения 1918-1920 гг. Ереван, 2012.
13. Хатисян А. Рождение и развитие Республики Армения. Бейрут, 1968. (На армянском языке).

References

1. A-Do (O. Ter-Martirosyan). Rodovye muki armyanstva *(The labor pains of the Armenians).* Erevan, 2014. (In Armenian).
2. Vracyan S. Respublika Armeniya *(The Republic of Armenia).* Erevan: Akop Megapart's publ, 1993. 704 p. (In Armenian).
3. Zakony parlamenta Respubliki Armeniya (1918–1920 gg.) *(Laws of Armenian Parliament (1918–1920)*. Erevan, 1998. (In Armenian).
4. National archive of Armenia (NAA). F. 201. List 1. D. 211. Part 1.
5. NAA. F. 199. List 1. D. 10.
6. NAA. F. 199. List 1. D. 23. Part 1.
7. NAA. F. 199. List 1. D. 500.
8. NAA. F. 199. List 1. D. 145.
9. Protokoly zasedanij parlamenta respubliki Armeniya *(Records of meetings of the Parliament of the Republic of Armenia).* Erevan 4. National archive of Armenia publ., 2010. (In Armenian).
10. Ruben. Vospominaniya odnogo armyanskogo revolyucionera *(Memoirs of an Armenian Revolutionary)*. Vol.7. Erevan: Adana, 1990. (In Armenian).
11. Sasuni K. Tureckaya Armeniya pod russkim gospodstvom, (1914–1918) *(Turkish Armenia under Russian Domination).* Boston, 1927. (In Armenian).
12. Tumanyan M. Diplomaticheskaya istoriya respubliki Armeniya 1918–1920 gg. *(Diplomatic History of Armenian Republic in 1918–1920)*. Erevan, 2012. (In Russian).
13. Hatisyan A. Rozhdenie i razvitie Respubliki Armeniya *(The Birth and the Development of the Republic of Armenia).* Bejrut, 1968. (In Russian).

Сведения об авторе

Айрапетян Карен Павлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник института истории Национальной академии наук Республики Армения (Ереван) / k.hayr58@rambler.ru

Information about the author

Hayrapetyan Karen – PhD in History, Research Associate, Instirute of History National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Erevan) / k.hayr58@rambler.ru

УДК 63.3

И. А. Ануприенко

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВА XIV–XV вв.: ОБЫДЕННЫЙ ВЗГЛЯД НОТАРИУСА И КУПЦА

В статье рассматриваются представления о жизненных ценностях в итальянском обществе переходного периода XIV–XV вв. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа переписки знаменитого итальянского купца Франческо ди Марко Датини и его друга нотариуса сера Лапо Маццео Маццеи.

Проблема познания человека в обществе является основополагающей для выявления особенностей и ценностей общественной системы итальянского социума. Анализ прошлого может быть сделан на основе освещения всех сторон жизни человека и, особенно, ментальных стереотипов и поведенческих моделей. В данный период в итальянском обществе, проявлялся диалог, в котором наиболее значимые социокультурные проблемы обсуждались в форме дискуссий, которые велись и в эпистолярном жанре, затем они трансформировались в повседневную практику и становились нормой.

Во флорентийском обществе новые взгляды в руках образованных людей были инструментом понимания и организации мира, поэтому современники придавали этому аспекту большое значение. На основе анализа источников, автор пришел к выводу о том, что персонажи купца и нотариуса в источниках проявляют свою индивидуальность и продуцируют в последующем столетии значительное изменение менталитета.

Проведенный микроанализ позволяет заключить, что дружба между Франческо Датини и Лаппо Маццеи была крепка и включила в орбиту общения их родных и близких и зиждилась, на притягательности противоположностей, так как они были из разных социальных страт. Но исключительный интерес к эпистолярному наследию персонажей, возникает не только из-за их личностей, но и из-за возможности воссоздания их времени и мировоззренческих установок.

На основе анализа данного материала, автор приходит к выводу о том, что представленная переписка может стать фундаментом для генерализации собранных сведений и включения их в более широких социальный контекст. Важность исследования судеб купца и нотариуса заключается в том, что, хотя они и следовали христианским заповедям, принятым в обществе, все же представляли образы людей новой эпохи. Дух предпринимательства, благотворительности, коммерции, международного бизнеса и интенсивного индивидуализма проецировал их последователей – великих людей эпохи Возрождения.

Ключевые слова: ценности, моральные установки, семья, Италия, позднее средневековье, дружба, нотариус, купеческий разум, новации.

I. A. Anuprienko

REPRESENTATION ON LIFE VALUES IN THE CONDITIONS OF THE CHANGING ITALIAN SOCIETY IN THE XIV–XV CENTURIES: A TRIVIAL VIEW OF A NOTARY AND A BUYER

The article discusses the ideas of life values in the Italian society of the transition period of the XIV–XV centuries. The implementation of the research tasks was achieved on the basis of analysis of the correspondence of the famous Italian merchant Francesco di Marco Datini and his friend, a notary Sulfur Lapo Mazzeo Mazzei.

In Florentine society, new views in the hands of educated people were a tool for understanding and organizing the world; therefore, contemporaries attached great importance to this aspect. Based on the analysis of the sources, the author concludes that the characters of the merchant and the notary in the sources show their individuality and produce a significant change in the mentality in the next century.

The conducted microanalysis allows us to conclude that the friendship between Francesco Datini and Lappo Mazzei was strong, included their relatives and friends into the orbit of communication, and was based on the attractiveness of opposites, as they were from different social strata. However, the exceptional interest in the epistolary heritage of the characters arises not only because of their personalities, but also due to the possibility of recreating their time and worldview.

Based on the analysis of this material, the author concludes that the submitted correspondence can be the foundation for generalization of the collected information and its inclusion in the wider social context. The importance of studying the fate of a merchant and a notary is that, although they followed the Christian commandments adopted in society, they still represented the images of people of the new era. The spirit of entrepreneurship, charity, commerce, international business and intense individualism was projected by their followers – the great people of the Renaissance.

Key words: values, moral attitudes, family, Italy, the later Middle Ages, friendship, notary, merchant intelligence, innovations.

Способность прививать основные ценности и моральные установки в разные исторические эпохи лежит не только на близких и родственниках человека, но и на обществе в целом. Фундамент ценностей строится на реальных примерах и моделях поведения людей, их образе жизни. Даже самые незначительные детали, могут породить серьезные последствия, как в хорошем, так и негативном значение, поэтому в воспитании и моральном становлении личности, необходимо учитывать все аспекты. В течение жизни у человека меняются идеалы, на которые влияют множество факторов: социум, религия, окружение, семья, повседневные практики, культурно-историческое и экономическое развитие и т.д. Основные ценности и правила жизни – это законы, которые принесут счастье и подарят спокойствие, как считали широкие слои образованных горожан итальянского общества конца XIV – начала XV в., а начинаются эти правила с главного – умения дорожить тем, что дано Богом [2, с. 138].

Исследовать менталитет и нравственно-ценностные установки городского общества, возможно из эпистолярного наследия эпохи. Переписка между людьми представляет существенную ценность, так как отражает воззрения людей, которые не стремятся в письмах следовать правилам того или иного жанра, за недостатком времени или места на бумаге забывают о риторике, топосах, фигурах речи. В ней нет элемента идеализации, люди выражают самые сокровенные надежды и влечения, но главное – в письмах рассматриваются реальные поступки из жизненной практики, поэтому они являются наиболее достоверным источником для изучения менталитета горожан. Переписка во второй половине XIV в., как правило, велась на volgare – народном итальянском языке, а не на латыни или греческом языках, это было обусловлено веянием времени. Эпистолярное наследие дает возможность реконструировать модели межличностных отношений и жизненных ценностей итальянского общества того времени.

В отечественной медиевистике с XIX в. сформировался взгляд о появлении светскости и индивидуализма, как характерных показателях морального климата эпохи XIV–XV вв., именно эти показатели, по мнению историков, способствовали «процессу создания нового мировоззрения, которое было основано на новых индивидуальных потребностях личности» [3, с. 6].

А. Н. Веселовский подчеркивал связь идеологических новаций с изменением духовной атмосферы и экономики в городском социуме ренессансной Италии [2, с. 121]. В постсоветское время эти аспекты стали актуальными в связи с исследованиями Н.В. Ревякиной, которые посвящены вопросам гуманистического подхода в воспитания [5], родившегося в итальянском обществе XIV–XV вв. благодаря стараниям светских интеллектуалов. И. А. Краснова, работает в русле антропологического направления и исследует богатую палитру отношений итальянских горожан к разным сферам жизни [4]. По сложившемуся мнению, именно образованные горожане стали авторами новых моральных установок, которые были необходимы для жизнедеятельности изменяющегося общества.

Переписка, которую мы предлагаем в качестве предмета исследования принадлежит известному и богатому торговцу из Прато Франческо ди Марко Датини [8] (1335–1410) и другу его семьи, нотариусу серу Лапо Маццео Маццеи [12] (1350–1412).

Франческо Датини, родившийся в Прато в 1335 г., представлял собой модель современного купца, занимающегося бесчисленными торгами по всей Европе. Свой капитал он заработал во Франции в Авиньоне, где жил с 1350 по 1382 гг. Вернувшись домой, в Тоскану через 32 года богатым человеком, сформировал большую торговую импортно-экспортную фирму с представительствами в Авиньоне, Флоренции, Пизе, Генуе, Барселоне, Валенсии, Майорке и Ибице, с филиалами в крупных городах Европы. Основная сфера его деятельности – торговля шерстью, тканями, шелком, кожей, специями, произведениями искусства и предметами роскоши.

Датини воздержался от участия в политике, но стал влиятельным лицом своего города, так как был очень богат. Когда он умер в Прато, 16 августа 1410 года, то оставил свой дом и состояние в размере 100 000 золотых флоринов бедным [13, p.8]. Особым условием в завещании было поручение своим душеприказчикам собрать и сохранить все его бумаги.

В XIX в., во время ремонтных работ Palazzo Datini, была найдена вся письменная документация о жизни и торговле Франческо Датини: 150 000 частных писем, около 500 бухгалтерских книг, 300 договоров о партнерстве, 400 страховых полисов и несколько тысяч рекомендательных писем, векселей и чеков, полностью каталогизированных и датированных [13, p. 178]. Эта документация представляет собой единственный торговый архив в мире, полностью сохранившийся. Документы по-прежнему доступны сегодня для всех в историческом архиве в Палаццо Датини.

Другой персонаж – Лапо Маццеи, в отличие от Датини, родился в бедной семье сельского простолюдина в деревне Гриньяно, предместье Флоренции в 1350 году, смог получить, не смотря на финансовые проблемы, степень в Болонском университете по гражданскому праву.

Переписка этих людей составляет уникальный материал для исследования средневековой торговли, а индивидуальные письма раскрывают яркую картину жизни в XIV–XV вв. и мировоззренческие взгляды на жизненные ценности исследуемого общества.

История дружбы купца и нотариуса описана в эпистолярном наследии. В начале 1373 г., за 10 лет до своего возвращения в Прато, Франческо ди Марко Датини получил письмо от своего дальнего родственника Андреа ди Маттео Белланди, в котором он просил помочь одному бедному молодому человеку из Прато, который учился в университете Болоньи: «Этот молодой человек, по мнению многих, получив образование, то стал бы достойным человеком. Он одарён незаурядным талантом и большим желанием учиться. Его

семья не может помочь ему финансами, а ты мог бы похлопотать, чтобы он был в Болонье одним из студентов имеющим льготы, и с помощью Бога этот юноша стал бы достойным человеком. Это должно случится по милости Божьей» [8, p. 138].

Предсказание Андреа сбылось. Студент, которому было тогда только 20 лет, был Лапо Маццеи, который стал в последствие самым близким другом Франческо Датини. Вернувшийся в Тоскану и избранный гонфалоньером в родном городе, Франческо обнаружил однажды письмо, подписанное нотариусом Синьории Прато. Поинтересовавшись, кто был автором, он обнаружил, что это был тот самый юноша, которому он покровительствовал 10 лет тому назад.

Сер Лапо Маццеи, несмотря на то, что был десятью годами моложе Датини (он родился в 1350 г. и был вторым сыном Маццеи ди Гиго, человека бедного, который налога платил всего-то 3 лиры и 4 сольдо), был уже человеком состоявшимся. Он был по природе скромным и часто с гордостью говорил о себе самом, как о «пастухе из Гриньяно» [12, p.18].

Начав свою практику во Флоренции в возрасте двадцати трёх лет, он стал нотариусом Синьории, которая посылала его в Геную в качестве представителя республики; но гордостью его жизни стала работа нотариусом главного учреждения флорентийской благотворительной больницы для бедных при церкви Санта Мария Нуова.

Будучи человеком праведным, Маццеи критично относился к моральным принципам своей работы и в письмах утверждал, что нотариусам доставляет больше удовольствия «видеть толстые кошельки, своих клиентов» [12, p. 35], титул нотариуса мог быть дарован без всякого предварительного экзамена и выдаваться одним росчерком пера. Сам Лапо мог вспомнить сотню нотариусов, среди которых оказались и четырнадцатилетние мальчишки, и много солдат – наёмников.

В первый период истории Коммуны нотариусы были персонажами очень уважаемыми. Они сопровождали избранных подеста и судей, часто безграмотных, когда те посылались творить правосудие в окрестных городах и предместьях. Именно нотариусы нашептывали судьям на ухо ту известную им малость законов и оформляли официальные документы. Это они формулировали местные указы, организовывали выборы членов Коммуны и писали все официальные письма в соседние города и Синьорию. Кроме того, нотариусы были людьми, обладающими определенными вкусом и культурой, поскольку их обучение шло в гуманитарном направлении, поэтому они владели «искусством сочинять» и «искусством записывать» [13, p. 98].

Но уже к середине XIV в. профессия находилась в упадке. Многочисленные учебники содержали образцы не только юридических сделок, но и клише разнообразных витиеватых и пространных преамбул и писем, которые давали возможность каждому, даже едва подготовленному человеку, копировать всё это, когда была необходимость, и горе было клиенту, если выбор падал на дилетанта.

Со временем во Флоренции появилось большое количество лиц, претендующих на исполнение судебных должностей, к числу судейских от каждого цеха добавились подеста, капитан народа, капитан стражников и ещё инспектор по налогам, каждый был в окружении толпы полуграмотных нотариусов, работающих ради собственного интереса и выгоды.

Именно этот тип дельца описывал Антонио Пуччи (1310–1388), флорентийский поэт в своем трактате. Этот интеллектуал, перечисляя «таланты», требуемые для каждой профессии, писал, что для того, чтобы быть нотариусом достаточно уметь писать слово на латыни «nullius» (нет) так, чтобы не перепутать с «velimus» (мы), быть честным, не слишком выпивать, не жевать слова, читая контракт, а произносить их ясно, чтобы они были понятными обеим сторонам, другого не требовалось [15, p. 58]. Но даже эти скромные требования были чрезмерными для шести или семи сотен нотариусов, толпившихся в залах Палаццо Веккьо на Площади Синьории, несущими толстенные папки с бумагами, каждая из которых, замечает Маццеи, была как половина Библии [12, p. 29].

Джованни Боккаччо который занимал одно из главных мест среди гуманистов в Италии, в первой новелле «Декамерона», обессмертил одного из них в образе сэра Чаппеллетто из Прато, нотариуса, который сгорал со стыда, когда какой – либо из его актов оказывался не фальшивым, лжесвидетельствовал с великим удовольствием как по требованию, так и без всякого требования, кроме того пил, гулял и кутил. Но на смертном ложе сумел напустить такой пыли в глаза своего исповедника, что простодушный брат провозгласил его святым, и он с тех пор стал известен как San Ciappelletto (Святой Чаппеллетто) [1, с.50].

Таким образом, изображённая пером Джованни Боккаччо и Франко Саккетти, а потом и писателями Возрождения, фигура нотариуса постепенно становится смешной. Он всё чаще изображается в виде тощего человечка с огромными очками под косо натянутым париком, тараторящим без остановки пронзительным голосом неудобоваримые, витиеватые фразы, которые заканчиваются все: «и так далее, так далее…» [15, с. 67], словами, которые народная молва полагала губительными для всего мира.

Сэр Лапо Маццеи, не принадлежал к числу таких персонажей. Он провёл десять лет во Флоренции, работая в конторе нотариуса, сэра Паоло Рикольди, которого он описывает, как человека лукавого, грубого и бессовестного. Молодой человек выучился у него многим профессиональным приёмам, но как только представилась возможность, покинул службу, выбрав «жизнь бедную, а не богатую, у которой хлеб всегда полон червями» [11, p. 32], как писал он в своих письмах.

Лапо Маццео Маццеи стал работать с Колуччио Салютати, канцлером Флорентийской коммуны. Во время болезни сэра Колуччио (1404–1405 гг.) Лапо заменял его, но дворец Сеньории не стал предметом его мечтаний: «Я настолько ценю свободу, – писал он Франческо Датини, – что умер бы

там как заключённый и меня не утешили бы ни золото, ни все почести мира» [10, p. 92].

От свободы он не мог отказаться: «Слава Богу, – писал он позже, – я не привязан ни к родственникам, ни к друзьям, ни к сообществам и вообще ни к кому более, чем я сам того хочу; остаюсь один с ярмом на шее, делаю людям добро, и таким хочу быть всегда» [10, p. 93].

Ярмо, о котором он говорит – было дорого ему, потому, что он сам его выбрал – это работа нотариусом в Санта Мария Нуова, большом госпитале, основанном Фолько Портинари, отцом Беатриче, которая была «музой» и тайной возлюбленной Данте Алигьери. Это заведение, занималось многочисленными благотворительными делами: больными, стариками и подкинутыми детьми, раздавало еду и милостыню бедным. Люди, которые работали там, следовали строгому уставу, подобно монашескому, начиная с обета бедности. Настоятелем госпиталя был доминиканец, который был обязан передавать госпиталю всё своё имущество, отказавшись от каких бы то ни было богатств.

Весь персонал – мужчины и женщины, которые ухаживали за больными, были связаны обетом бедности и безбрачия и должны были вести «жизнь добрую и святую». Управление делами госпиталя было в руках эконома и нотариуса, обязанности у них были многочисленными, об этом пишет в письмах Месер Лапо. Ему приходилось не только подписывать все акты и заниматься покупками и продажами. Большая часть поступлений была пожертвована по завещанию благочестивыми людьми, поэтому Маццеи приходилось управлять 50 поместьями, кроме того наблюдать за полями и виноградниками госпиталя, надзирать за крестьянами и за урожаем, от полученных доходов помогать бедным, распределяя деньги, одежду, приданое бедным невестам. Наконец, он занимался также запасами предметов первой необходимости госпиталя, и мы видим его заказывающим через Датини «300 одеял на кровати». За всё это, он получал 10 флоринов в месяц, но даже это, казалось ему чрезмерным, об этом сер Лапо сожалел, говоря, что ему кажется, что он наживается «на нуждах бедняков» [12, p. 103].

Почти 20 лет занимал он этот хлопотливый пост, почитаемый всей Флоренцией, готовый прибегнуть иногда для блага госпиталя к невинным небольшим хитростям, благословляемый бедными.

Всегда с уважением купец Марко Датини посылал в большую семью сера Лапо в конце дня вкусные макароны с мясом и вином. В письмах с благодарностью нотариус писал: «Телятина ваша была превосходна, и я съел присланный мне кусок с новым управителем госпиталя, чтобы дать ему немного утешения от душевных тревог, которые всегда присутствуют при управлении подобным кораблём» [12, p. 113].

Помимо благотворительного дела сэра Лапо находил время, как свидетельствовали его письма, для вещей, которые были близки его сердцу: для дружбы, семьи, бедняков и для своего клочка земли в Гриньяно.

А дружбе, возможно, он отдавал первое место. Его самые близкие друзья, Гвидо ди Паладжио и Франческо ди Марко Датини, были очень не похожи друг на друга: первый был человек, отдалённый от мира, благочестивый и чистый, как сам сэр Лапо, он занимал пост гонфалоньера Флоренции и был послом города, помимо этого он занимался поэзией и философией на своей чудесной вилле близ Флоренции. Датини же был грубый, неотёсанный, беспокойный и скупой торговец. Эта дружба, которая казалась такой непонятной, зиждилась, возможно, на притягательности противоположностей, на привлекательности, которую смелость производит на человека робкого, спокойного, домашнего, привлечённого смелостью и отвагой личности предприимчивой.

«Я не хотел бы, чтобы это показалось лестью, – написал однажды Сэр Лапо Монне Маргарите Датини (жене Франческо – *И.А.*), – но мне кажется, что Франческо самый лучший друг на свете, каждый раз, когда вижу его, мне кажется, что я вижу нового моего отца... Господь да дарует нам милость жить и идти вместе до конца, и вместе вернуться на небо, к месту, откуда мы пришли» [12, с. 120]. В последствие, Сэр Лапо стал не только нотариусом Франческо, но и самым близким его другом, духовно-религиозным наставником, проповедником, исповедником в конце жизни, хотя был на пятнадцать лет моложе, он умер спустя два года после Датини.

Письма Сэра Лапо – более лёгкие, свободные, чем письма Франческо, более литературные, разума более гибкого, хотя и менее опытного, – показывают нам этих людей такими, какими они были на самом деле. Эта дружба раскрывалась в письмах не только, как явление симпатичное, но и как чрезвычайно редкое для времени, в котором яростная борьба между различными группировками и острая конкуренция в торговых делах побуждали относиться в дружбе, как к средству сделать карьеру. «Хорошо иметь друзей, – писал тосканский автор времени Датини в книге необходимых советов торговцам, – но не бесполезных людей. Друзья добрые, мудрые и богатые – это то, что необходимо в жизни» [15, p. 138].

Месер Паоло да Чертальдо – флорентиец, сын нотариуса, торговец зерном, живший в XIV веке, в своем сборнике повседневных советов «Libro di buoni costumi» (Книга о добрых нравах) придерживался того же мнения: «Стремись быть с теми, кто богаче и выше тебя» [7, p.92]. Леон Баттиста Альберти (1404–1472) – итальянский учёный, гуманист, писатель [14, с. 137], сам, следуя лучшим классическим традициям, превозносил прекрасные достоинства дружбы, советовал объединять её членам своего собственного круга, с тем, чтобы дружеские связи способствовали укреплению семьи и возрастанию её благосостояния [6, с.183].

На дружбу у Маццеи была другая точка зрения. Для него, пожалуй, единственного среди его современников, не были дружескими отношения, «которые не соединяло обоюдное желание», по его мнению, взаимоотношения должны основываться на бескорыстности. А вот Франческо Да-

тини писал в ответ: «трусость и подлость – вот что такое дружеские отношения у торговцев» [10, p. 3] и в этом проявлялось его отношение к миру. Датини отличался крайним эгоцентризмом, жадностью, черствостью, подозрительностью даже в мелочах, возможно именно эти качества помогли ему стать очень богатым человеком в то время.

Сер Лапо в отличие от Франческо Датини был безупречен: «я не рассматриваю человека ни по родству, ни по сословию, а рассматриваю лишь по душе его и поступкам» [12, p. 102]. В письме одному из компаньонов Франческо Датини утверждал: «я не хочу от Маццеи ни золота, ни серебра, а хочу только дружбы, поэтому он ценит меня больше всех остальных» [8, с. 54]. Так развивалась дружба между людьми, не имевшая между собой ничего общего.

Жена сэра Лапо Меццеи, монна Тесса, жаловалась на то, что когда приходило письмо от Франческо Датини, не было никакой возможности говорить с мужем до тех пор, пока он не прочитает письмо. Однажды, когда Маццеи, сидя за столом, громко засмеялся, читая одно из писем, она довольно едко заметила: «Вы оба – пустые болтуны и весело только вам, других вы не цените». А вот Маргарита Датини, жена Франческо, была рада всему, что могло смягчить мрачное настроение мужа, и считала, что письма нотариуса могли развеять меланхолию мужа.

Когда у Франческо появлялось новое вино или масло, или жирный заяц, или косуля, он сразу посылал это сэру Лапо и так же поступал иногда нотариус, когда заводилась у него пара куропаток или «блестящее Кармиджано», приглашал друга в свой деревенский домик в Гриньяно. В письмах он рассказывал: «Здесь есть, где устроится и прекрасное вино, мы поговорим о Венеции и Генуе и о многом другом, а если станет скучно, поедем на конную прогулку» [10, с. 9].

Посылая жене корзинку апельсинов или свежей рыбы, Франческо рекомендовал разделить всё провизию с женой сэра Лапо-Тессой, добавляя: «я думаю, что из всего того, что я сделал для него, он заслуживал ещё большего, так как он самый достойнейший человек из моих друзей» [9, с. 52].

Далёкий от того, чтобы быть богатым, Сэр Лапо, однако, не чувствовал своё самолюбие уязвлённым этими милостями. Он говорил Франческо: «я поступаю с вашими делами, как со своими собственными и полагаю, что кто не соотносит своих желаний с желаниями друга, тот плохой человек и не может называться другом» [12, с. 44].

Когда было необходимо, Маццеи оставлял свою щепетильность и вежливо просил прислать немного нового оливкового масла из Палько: «вы могли бы сказать: сэр Лапо, у меня есть хорошее масло, а у тебя нет, поэтому я приказал, чтобы тебе его доставили. Заклинаю вас, ради Христа, если хотите сделать мне приятное, не считайте это оплатой услуги, а считайте выражением дружеского расположения» [12, с. 62].

Но когда Франческо, с показной щедростью, которая сочеталась у него со скаредностью, посылал нотариусу во много раз больше просимого, самолюбие и хорошие манеры Сэра Лапо восставали: «не думайте, что масло, присланное другом, мне не понравилось, но знайте, что его избыток совершенно меня не утешил» [12, с. 65]. Умеренность во всем – это жизненная позиция Маццеи.

Франческо, однако, не мог ни понять, ни научиться этому, и однажды прислал Сэру Лапо такое количество сыра, что его друг пришёл в смятение и спустя 20 лет ещё возмущался: «Как тот работник, который просил воды у Бога для своего просо и вышел из себя, когда увидел у себя дома потоп, так и я, увидев в доме вместо малой толики просимого, целый вьюк дынь, сыра и вина на месяц» [12, с. 111].

Так, несмотря на свою дружбу с таким не похожим на себя человеком, как Франческо, Сэр Лапо сохранил свою гордую независимость: «Как хорошо, что находясь в дружбе с вами, имею душу и разум от Господа нашего и только ему я должен стараться отдать всю свободу мою, потому, что именно он мне её дал» [12, с. 108].

В семьях среднего достатка часто выбирали крёстных отцов для детей среди сильных мира сего, но сер Лаппо Маццеи предпочел, чтобы его детей, а он имел их четырнадцать, крестили бедные и даже тёмные люди, поскольку он верил, что таким образом, сделает их более достойными и отвратит от всякого преступного дела. После многих лет уговоров он согласился с просьбами Франческо быть крёстным отцом одного из детей, хотя считал, что нет необходимости, чтобы крепкая и прочная дружба заканчивалась ещё и кумовством. Его условием в этом случае было, чтобы богатый крёстный пришел на крестины безо всяких приношений и как бедный пилигрим ждал смиренно момента крещения, «а иначе – нет» [13, с. 77].

Связь между крёстными родителями и родителями ребёнка, а также между обоими крёстными считалась очень тесной, как кровные узы. Иногда Лаппо обращался к Франческо со словами: «отец мой, мой старший братец среди сегодняшних друзей, которые окружают вас сегодня, я не самый худший» [12, с. 92].

Мужская дружба была настолько крепка, что включила в орбиту общения и Монну Маргариту Датини, которой нотариус стал самым надёжным советником: «Вы можете поступать со мной, как будто я ваша младшая сестрёнка», – писала она ему в 1394 году, «которая любит вас, как своего старшего брата. Мне кажется, что нет больше человека, к которому я была бы сильнее привязана, чем к вам» [9, с. 72].

Но было чувство, которое превосходило даже дружбу с Франческо: любовь к своей большой семье, к матери, Монне Бартола, жене Монне Тессе и к своим четырнадцати детям. Самая тесная связь была у нотариуса с матерью, которая была крестьянкой, женщиной простой и набожной. Оставшись вдовой, она в старости отправилась жить в домик, который был у сына в Гриньяно, и сюда же верхом на своём старом муле приезжал навестить её сын, раз или два в неделю. Ког-

да же она умерла, он горевал, что недостаточно уделял ей внимания, как большинство сыновей добропорядочных матерей.

Ф. Датини умер 1410 года, но успел организовать при помощи и под влиянием своего друга Сера Лапо Мацциеи «Фонд для бедных им. Франческо ди Марко», сегодняшнего Casa Pia dei Ceppi, которому купец оставил все свои активы [13, p. 5]. Часть его дворца занимает Государственный архив, который хранит ценный документальный фонд его собранный с 1361 по 1411 гг. Это уникальное свидетельство мирового уровня коммерческой производственно – банковской деятельности торговца второй половины XIV века.

Таким образом, жизнь Франческо Датини, флорентийского торговца и банкира, предоставляет нам одну из великих историй успеха Средневековья. Он оставил в деревянных ящиках весь архив своего бизнеса, которые Айрис Ориго исследовал и сделал доступным для современного исследователя.

Исключительный интерес к эпистолярному наследию Франческо Датини и его друга Сера Лапо Мацциеи, возникает не только из-за их личностей, которые мы можем исследовать, но и из-за возможности воссоздания их времени, их города, их семей, их страны и дома, их друзей и партнеров, их мировоззренческих установок.

Что касается самого Датини, фиксация истории его профессиональной деятельности является чем-то более значимым, чем простые записки одного богатого человека. Уникальность Франческо в разнообразии его деятельности, в его коммерческом международном мировоззрении, в его быстрой адаптации к изменяющимся структурам общества, в его собственных амбициях, проницательности, упорстве, беспокойстве и жадности, так как он являлся предтечей бизнесмена сегодня.

Важность исследования судеб купца и нотариуса и их представлений о жизненных ценностях заключается в том, что, хотя они и следовали христианским заповедям, принятым в обществе, все же представляли образы людей новой эпохи. Дух предпринимательства, благотворительности, коммерции, международных связей и интенсивного индивидуализма проецировал их последователей – великих людей эпохи Возрождения.

Источники и литература / References

1. Боккаччо Дж. Декамерон / пер. с итал. Н. Любимова. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. 688 с.

Bokkachcho Dzh. Dekameron *(The Decameron)* / translated by N. Lyubimova. Frunze: Kyrgyzstan, 1986. 688 p. (In Russian).

2. Веселовский А. Н. Характеристика литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV–XV столетия. Собр. Соч. Т.3. Вып. 1. СПб.: [б.и.], 1908. 324 с.

Veselovskij A. N. Harakteristika literaturnogo i obshchestvennogo pereloma v ital'yanskoj zhizni XIV–XV stoletiya *(Characteristic of the Literary and Social Turning Point in the Italian Life of the XIV–XV Centuries)*. Vol.3. Issue. 1. St.Petersburg, 1908. 324 p. (In Russian).

3. Корелин М. С. Очерки итальянского Возрождения. М.: Типография А.Л. Поплавского, 1910. 248 с.

Korelin M. S. Ocherki ital'yanskogo Vozrozhdeniya *(Sketches of the Italian Renaissance).* Moscow: A.L. Poplavskii printing house publ., 1910. 248 p. (In Russian).

4. Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. Ч.1. М. Ставрополь: СГПУ, 1995. 106 с.

Krasnova I. A. Delovye lyudi Florencii XIV–XV vv. *(Business People of Florence in XIV–XV centuries).* Part.1. Moscow – Stavropol': SSPU publ., 1995. 106 p. (In Russian).

5. Ревякина Н. В. Гуманистическое воспитание в Италии XIV–XV вв. Иваново: ИвГУ, 1993. 258 с.

Revyakina N. V. Gumanisticheskoe vospitanie v Italii XIV–XV vv. *(Humanist Education in Italy XIV–XV centuries).* Ivanovo: IvSU publ., 1993. 258 p. (In Russian).

6. Alberti L. B. I libri della famiglia // Alberti L. B. Opere volgari / A cura di C. Grayson. Bari, 1966. V. I. 368 p.

7. Da Certaldo P. Il libri di buomi costumi. Documento di vita trecentesta fiorentina / A cura di A. Schiaffini. Firenze, 1945. 126 p.

8. Dall' archivio di Francesco Datini mercante pratese. A cura di G. Livi. Firenze, 1910. 327 p.

9. Le lettere di Margherita Danini a Francesco di Marco (1384–1410). A cura di V. Rosati. Prato, 1977. 89 p.

10. Lettera CCCII a Francesco Datini // Mazzei ser Lapo. Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV. – T. II. Firenze, 1910. 221 p.

11. Lettera LXI a Francesco Datini in Firenze // Mazzei ser Lapo. Lettere. – T. I. Firenze, 1910. 168 p.

12. Mazzei ser Lapo. Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV / Per cura di C. Guasti. Vol. I-II. Firenze, 1880. 356 p.

13. Origo I. Il mercante di Prato Francesco di Marco Datini (1335–1410). Milano, 1979. 182 p.

14. Romano R. I libri della famiglia di L. B. Alberti // R. Romano. Tra due crisi: l'Italia del Rinascimento. Torino, 1971. 168 p.

15. Trexler R. C. Public Life in Renaissance Florence. N.Y.; L., 1980. 245 p.

Сведения об авторе

Ануприенко Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических дисциплин и методики их преподавания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / anupr2014@yandex.ru

Information about the author

Anuprienko Irina – PhD in History, Associate Professor, Chair of Historical Disciplines and Methods of Teaching, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / anupr2014@yandex.ru

УДК 327(410+73)

А. В. Балаян

ПРИХОД К ВЛАСТИ Г. БРАУНА И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ С США В 2007–2008 гг.

В представленной статье рассматривается отношения Великобритании с США после прихода к власти в июне 2007 г. лейбористского правительства во главе с премьер-министром Г. Брауном. Новому британскому правительству следовало учитывать общественное мнение, британцы выражали недовольство по поводу чрезмерной зависимости внешней политики страны от США и участия Лондона в иракской войне. В статье показано, что Г. Браун принадлежал к числу сторонников сохранения «особых отношений» с США, поэтому от него не следовало ожидать радикального изменения политики Лондона с Вашингтоном, он рассчитывал на некоторую корректировку внешнеполитического курса. Г.Браун признавал стратегическую роль США в поддерживании международной безопасности.

Автор отмечает, что существенной проблемой во взаимоотношениях правительства Г. Брауна с администрацией Д. Буша становится намерение Лондона вывести свои войска из Ирака. Однако, Великобритания не планировала односторонних действий, координируя свою политику в Ираке с США. В статье показано стремление нового британского правительство в большей степени во внешней политике ориентироваться на многосторонние действия с участием международных организаций. Отношения Великобритании с США с 2007 г. в значительной мере начинают определять трудности, возникшие в мировой экономике, поэтому оба государства стремились объединить усилия для борьбы с международным экономическим кризисом.

В заключении автор отмечает влияние президентских выборов 2008 г. на дальнейшие отношения Великобритании с США. Г. Браун стремился определить фаворита предвыборной кампании, понимая важность выстраивания диалога с новым президентом США.

Ключевые слова: Великобритания, США, Г. Браун, внешняя политика, иракский кризис

A. V. Balayan

G. BROWN'S ACCESSION TO POWER AND THE RELATIONS OF GREAT BRITAIN WITH THE USA IN 2007–2008

The article studies the relations of Great Britain with the USA after of the Labour government led by Prime Minister G. Brown came to power in June 2007. New British government had to take into consideration the public opinion, the British expressed discontent with excessive dependence of British foreign policy on the USA and the participation of London in the Iraq war. The article shows that G. Brown belonged to a number of supporters of maintaining "special relations" with the USA, that is why one could not expect any radical changes in London policy with Washington, still the leader was aimed at correcting the foreign policy. G. Brown admitted the strategic role of the USA in maintaining the international security.

The author marks that the intention of London to withdraw from Iraq became an essential problem in relations of the government led by G. Brown with the administration of G. Bush. However, Great Britain did not plan any unilateral action as it coordinated its policy in Iraq with the USA. The article shows the intention of new British government to focus mostly on multilateral action with the participation of international organizations in foreign policy. Since 2007, the relations of Great Britain and the USA have been affected by difficulties that, to a large extent, were preconditioned by the global economy context. Both states intended to join forces to tackle the world economic crisis.

In conclusion, the author notes the influence of presidential elections in 2008 on further relations of Great Britain and the USA. G. Brown pursued to define a favorite of the election campaign taking into account the importance of establishing the dialogue with the new president of the USA.

Key words: Great Britain, the USA, G. Brown, foreign policy, the Iraq crisis.

После парламентский выборов 2007 г. премьер-министром Великобритании становится министр финансов в кабинете Э. Блэра Г. Браун. Он не являлся искушенным специалистом в области внешней политики и никогда ей не занимался профессионально. В этой связи большого внимания заслуживала фигура нового министра иностранных дел Великобритании Д. Милибэнда, взявшего в свои руки бразды правления внешней политикой страны. При М. Тэтчер, Э. Блэре министры иностранных дел находились в тени премьер-министров, но в случае с Д.Милибэндом все было иначе. Он постоянно находился на виду и не раз брал на себя инициативу или продавливал в правительстве необходимые решения. Неслучайно, что во время конфликта в Южной Осетии в 2008 г., именно Д. Милибэнд, а не Г. Браун обратился к поданным и мировому сообществу [33].

Провал политической карьеры Э. Блэра все цело связывалось с его действиями в Ираке. По данным социологических служб почти 75 % британцев требовало возврата британских военнослужащих домой [24]. Данное обстоятельство Г. Брауну следовало учитывать во внешней политике. В противном случае он мог повторить печальную судьбу своего предшественника [18]. В июне 2007 г. накануне своего назначения на должность премьер-министра Г. Браун заявил о необходимости осознания ошибок, допущенных в Ираке и формулирования соответствующих выводов [25].

В первое время, Г. Браун стремился особо не высказываться по внешнеполитическим вопросам. Единственно, во время предвыборной кампании он не раз критиковал Э. Блэра за то, что он увлекся внешней политикой, игнорируя внутриполитические проблемы, обещая исправить ситуацию [32]. В тоже время многие британские эксперты в июне 2007 г. не сомневались в его приверженности ценностям трансатлантической солидарности и поддержке «особых отношений» с США [29, p. 49]. Г. Браун всегда активно интересовался историей, культурой и современным развитием США, он поддерживал хорошие отношения со многими американскими политиками, представляющими как республиканскую, так и демократическую партии. Он не раз отдыхал в Кейп-Коде, где имел возможность поближе познакомиться с представителями политического истэблишмента США [11]. Руководитель Федеральной Резервной системы А. Гринспен не раз бывал у него дома в Шотландии. В отличие от Э. Блэра Г. Браун являлся глубоким приверженцем американской культуры и идеологии. Поэтому от него не следовало ожидать резкого разрыва с США.

К тому же, будучи министром финансов, он поддержал вторжение США и Великобритании в Ирак, Афганистане, Косово. По мнению политического редактора «Times» Майкла Биньона, Г. Браун не меньше Э. Блэра верил в незыблемость союза США и Великобритании и правильность внешней политики Вашингтона [1]. Известный германский эксперт А. Рар также подчеркивал сохранение Г. Брауном преемственности внешней политики Э. Блэра с некоторыми несущественными коррективами, его желание сохранить стратегические отношения с США [10]. Однако, многие британские политики полагали, что Г.Браун несколько дистанцируется от внешней политики Д.Буша, но эти действия в большей степени будут направлены на избирателей, недовольных политикой Т.Блэра. Одновременно в Великобритании и за ее пределами звучали голоса о возможности смещения приоритетов нового правительства, связанных с некоторым ослаблением связей Лондона с Вашингтоном в пользу углубления сотрудничества с Брюсселем [17, с. 161].

24 июня, то есть за три дня до ухода с поста премьер-министра Э. Блэра Г. Браун обнародовал программу своего кабинета, где в дипломатичной форме говорилось о намерении Великобритании сохранить свои обязательства в Ираке и Афганистане, в борьбе с международным терроризмом и действиях по защите окружающей среды совместно с мировым сообществом и прежде всего с США и ЕС [4]. Следовательно, Г. Браун не брал на себя четких обязательств, сохраняя возможность для маневра. Одновременно он не раз прессе заявлял о расколе британского общества и лейбористкой партии в оценке участия страны в интервенции против Ирака [29, p. 49].

Позицию премьер-министра в вопросах отношений Великобритании с США полностью разделял министр иностранных дел Д. Милибэнд. По его мнению, после распада СССР, США стали единственной сверхдержавой, во многом определяющей облик современной политики, поэтому если Великобритания хотела не только сохранить свои позиции в мире, а тем более повысить собственный статус, то она должна была ориентироваться на дальнейшее укрепление союзнических отношений с Вашингтоном [30, p. 360]. Следует подчеркнуть, что после учебы в Оксфордском университете, Д. Милибэнд продолжил обучение в Массачусетском технологическом университет, где он получил степень магистра политологии. Поэтому его также следует отнести к ревностным сторонникам сохранения между Великобританией и США «особых отношений». В тоже время, он был далек от слепого следования за США. В частности, Д.Милибэнд подверг критике подталкивание США Израиля к военной акции в Ливане в 2005 г. [33].

Внешнеполитические взгляды Д. Милибэнда по основным проблемам мировой политики существенно не отличались от позиции Э. Блэра и Г. Брауна. Он поддержал все войны Великобритании (Ирак, Афганистан, Косово, Сьерре-Лионе). В тоже время на конференции лейбористкой партии в 2007 г. он заявил: «Урок заключается в том, что, несмотря на военные победы, военного решения не существует» [33]. Д. Милибэенд сомневался в способности военных акций решить международные проблемы в долгосрочном отношении, особенно это продемонстрировали события в Ираке и Афганистане. Более того, боевые действия порождают новые конфликты или формируют не прогнозируемые последствия. Д. Милибэнд являлся сторонником публичной дипломатии, экономических действий и многосторонней дипломатии. Он принадлежал к сторонникам действий на международной арене только в рамках ООН или широких международных коалиций. Г. Брауна и Д. Милибэнда объединяло стремление к борьбе с изменениями климата, бедностью и международным терроризмом [33].

После прихода к власти, перед уходом в отпуск, неожиданно для всех Г. Браун объявил о согласии на размещение элементов ПРО (соответствующего радара) в Менвит-Хилле без проведения необходимых консультаций с парламентом, министерством обороны и специалистами. На этот шаг даже не решился ярый союзник США Э. Блэр. Эксперты разошлись в оценках данного шага нового премьер-министра. Одни эксперты объясняли такие действия неискушенностью Г. Брауна в

вопросах внешней политики. Другие желанием Г. Брауна на фоне всех разговоров о предстоящем похолодании отношений между Лондоном и Вашингтоном сделать реверанс в адрес Д. Буша и успокоить Белый дом [28]. «Гардиан» прямо обвинила премьер-министра в некомпетентности и втягивании Великобритании в новую холодную войну. Газета сомневалась в заявлениях Г. Брауна и Дж. Буша, что новая система ПРО нацелена против Северной Кореи и Ирана. Все говорило о том, что новая система ПРО носит антироссийский характер, и ответные действия России следовало ожидать в ближайшее время [27].

Общественность страны ожидала решения нового правительства о выводе британских войск из Ирака в течении года. Все больше британцев считало, что правительство должно больше внимания уделять проблемам безопасности внутри Соединенного Королевства. В начале XXI в. официальные власти страны все чаще обращали внимание на радикализацию мусульманской общины внутри королевства [20]. Часть мусульман Великобритания, включая уже родившихся на ее территории, попадала под воздействие экстремисткой идеологии. Не редкими на улицах городов страны становятся драки на расовой почве и громкие акции исламистов [31, p. 736–756]. Потрясение для всей страны стал взрыв в лондонском метро 7 июля 2005 г., унесший жизнь 52 человек [14, с. 16]. Проведенное официальное расследование показалось распространение внутри Великобритании деятельности террористических организаций [26].

В ноябре 2007 г., выступая в Лондонском Сити Г. Браун, заявил: «...для Великобритании хорошо строить более крепкие отношения с США. Европа и США могут вместе достичь экономических успехов. Это не секрет, что я всю жизнь являюсь поклонником Америки» [8]. Данная речь примечательна, очередным определением внешнеполитических ориентиров Великобритании в лице ЕС и США, а также признанием премьер-министром своей приверженности к американским ценностям. Обращение к экономическому сотрудничеству тоже не являлось случайным.

С августа 2007 г. в ведущих государствах и прежде всего в США намечаются первые признаки надвигающегося экономического кризиса, когда Центральные банки взяли на себя финансовые обязательства по устранению проблем с ликвидностью. В сентябре возникают трудности у ряда британских банков [7, с. 93]. Действия правительства и Центрального банка не смогли остановить кризис, который разразился в начале 2008 г., самым неблагоприятным образом, сказавшимся и на Великобритании. Многие эксперты полагают, что в отличие от Т. Блэра, Г. Брауну пришлось первостепенное внимание уделять выводу страны из экономического кризиса и реализации эффективной антикризисной программы, что серьезно ограничивало его возможности во внешней политике.

Только 15 ноября 2007 г. премьер-министр выступил с большой программной речью, посвященной основным приоритетам внешней политики Великобритании. По мнению Г. Брауна центральной место во внешнеполитической стратегии страны занимает развитие сотрудничества с США и ЕС. Г. Браун подчеркнул незыблемость «особых отношений» Великобритании с США. В области международной безопасности Г. Браун призвал к реформированию системы международных отношений, в том числе ряда международных организаций для успешной борьбы с современными вызовами. Сюда включались действия «государств-изгоев», терроризм, рост глобального потока капиталов, товаров и услуг, нарастание экономической и политической мощи Китая и Индии, изменение климата, обострение конкуренции за ресурсы, особенно энергоносители [23]. Для их решения Г. Браун призывал реформировать Совет безопасности ОНН за счет увеличения количества постоянных членов СБ ООН, провести реформу МВФ, внести новые веяния в деятельность «Большой восьмерки», укрепить позиции гражданского общества, привлечь все международные структуры к борьбе с изменением климата. Особое место в выступлении Г.Браун уделил реформированию ЕС для придания союзу большей гибкости в противостоянии с глобальными вызовами [23].

Г. Браун высказался о взаимоотношениях США с ЕС. Он позитивно отозвался о расширении связей Германии и Франции с США, видя в этом основу для укрепления евроатлантизма и решения глобальных проблем современности [10, с. 58]. Гармонизация взаимоотношений между США и ЕС объективно способствовала повышению политического статуса Великобритании в ЕС и в Вашингтоне [22, p. 1134]. Примечательно, что первый свой зарубежный визит в новом статусе, Г. Браун в июле 2007 г., совершил в Берлин. В этом не стоило искать какой-то глубокий смысл. Такие действия премьер-министра адресовались британским избирателям, им следовало показать, что Великобритания будет проводить более независимую политику в отношении США. Через месяц последовал ответный визит А. Меркель в Лондон [12]. Эксперты и общественность с интригой ожидали первый визит Г. Брауна в США.

После избрания на должность премьер-министра Г. Брайн тщательно готовился к первому официальному визиту в США. Перед поездкой в США 30 июля 2007 г. Г. Браун оказался в очень сложной ситуации. С одной стороны, он должен был продемонстрировать приверженность «особым отношениям» с США [29, p. 49]. С другой стороны, обозначить Вашингтону важность для Лондона укрепления связей с ЕС и другими центрами мировой политики для решения глобальных проблем. Британскому премьер-министру необходимо было продемонстрировать Дж. Бушу отход от политики «слепого» следования Великобритании за США в вопросах внешней политики. Одновременно Г. Браун хотел выступить в качестве посредника для налаживания диалога США с Европой после размолвки 2003 г., вызванной вторжением в Ирак.

Накануне визита премьер-министра в США, министр торговли Д. Александер озвучил точку зрения большинства членов кабинета по пробелам международных отношений. По его мнению, военно-политический потенциал государства на рубеже XX–XXI вв. измеряется не его способностью с помощью силы уничтожить своих врагов и оппонентов, а умением в союзе с другими акторами мировой политики решать сложные задачи. Д. Александер дал понять, что Великобритания не собирается в будущем поддерживать новые войны, развязанные США. Лондон выступал не за войны, а за диалог и активизацию деятельности международных организаций, в том числе ООН. Среди приоритетных задач внешней политики Великобритании министр торговли выделял борьбу с бедностью, помощь Африке, борьбу с международным терроризмом, защиту окружающей среды. Большое внимание Д. Александер отводил публичной дипломатии, о которой много говорилось в годы руководства США Д. Буша и Великобританией Э. Блэра, с ее помощью можно было эффективнее решить глобальные проблемы современности с минимальными потерями [10, с. 57]. Выступление британского премьер-министра вызвало большой резонанс в США, Великобритании и в ЕС.

В Вашингтоне перед визитом Г. Брауна чувствовалась определенная нервозность. Ряд назначений в новом британском кабинете у США вызывало опасения, так как на некоторые ключевые должности в МИД заняли критики политики Э. Блэра по отношению США [10, с. 57]. Г. Брауну пришлось столкнуться с антиамериканскими настроениями, царившими в рядах британской элиты. Британский премьер-министр явно выигрывал время, так как Д. Бушу оставалось находиться у власти полгода, и Г. Браун рассчитывал на приход в Белый дом новых политических сил, способных существенно пересмотреть внешнюю политику США.

В тоже время накануне визита Г.Браун постарался показать американской общественности верность «особым отношениям» двух государств, заявив, что он является «… большим поклонником американского духа…» и что, «в британских национальных интересах поддерживать прочные отношения с США…, что мир в долгу перед Соединенными Штатами, взявшими лидерство в борьбе с международным терроризмом» [3]. Отвечая на вопросы журналистов о его политике в Ираке, Г. Браун высказался за вывод войск из страны, но только тогда, когда сами иракцы смогут обеспечить собственную безопасность. Американская сторона также подчеркивала неизменность союзническим отношениям, сложившимся между Великобританией и Лондоном.

Во время первого визита нового британского премьера в Вашингтон стороны намеривались обсудить широкий круг вопросов, в том числе развитие ситуации в Ираке, Афганистане, Косово, политику санкций применительно к Ирану, отношения с Россией, статус Косово, положение дел на Ближнем Востоке и Африке, в том числе ситуацию в Дарфуре, либерализацию мировой торговли, борьбу с бедностью и климатическими проблемами [15]. Хотя первоначально американская администрация намеривалась обсудить только развитие ситуации в Ираке и развертывание новой системы ПРО в Европе. Однако британскому премьер-министру удалось значительно расширить повестку дня встречи лидеров двух стран, которая состоялась в резиденции президента США не далеко от Кемп-Дэвида. Примечательно, что Э. Блэра Д. Буш встречал в своем доме в Кроуфорде в штате Техас. Многие эксперты полагали, что данный факт символизировал настороженность партнеров по отношению друг к другу. В тоже время ряд американских известных политиков призывали не драматизировать ситуацию, признавая неизбежным отход от Colgate – дипломатии. Г. Киссинджер отметил: «Браун – чрезвычайно внимательный человек с более интеллектуальным подходом, чем у Тони Блэра. Президент Буш пригласил его в Кэмп-Дэвид не для того, чтобы поболтать, как Великобритания должна делать то, что скажут Соединенные Штаты. Он хочет выслушать его с открытой душой» [9].

После завершения визита, премьер-министр и президент дали совместную пресс-конференцию. На ней они всячески демонстрировали незыблемость британо-американского союза и полное единодушие сторон по всем ключевым вопросам мировой политики. Правда, Г.Браун в ответе на один из вопросов, допустил возможность ухода британских военнослужащих из Ирака раньше американских солдат. Великобритания делала ставку не на расширение боевых действий в Ираке, а на мониторинге положения дел в стране. По крайней мера, именно так собиралась вести себя Великобритания в трех из четырех, контролируемых ее иракских провинциях [15].

Данная позиция Лондона вызывала раздражение в Вашингтоне, но Г.Браун остался непреклонным. Эти высказывания премьер-министра вызывали поддержку большинства избирателей Соединенного Королевства, требовавшего вывода британского контингента из Ирака. В тоже время Г.Браун отметил, что: «В Ираке у нас есть общие обязанности. Как и США, мы стремимся постепенно передать контроль иракским властям. Окончательное решение будут принимать наше командование в регионе и парламент» [6]. Стороны продемонстрировали солидарность по поводу совместной операции в Афганистане, возможности ввода войск ООН в Дарфур, необходимости дальнейшей борьбы с международным терроризмом и усиления санкций против Ирана. Российская тематика на пресс-конференции не звучала.

Во второй половине 2007 г. по поводу Г. Брауна в Белом доме нарастают нотки раздражения. Т. Блэр к большому удовлетворению сотрудников администрации Дж. Буша согласовал с ней основные внешнеполитические шаги своего правительства или по крайней мере уведомлял о той или иной внешнеполитической акции страны, в том числе по отношению Европейского союза.

О многих действиях Г. Брауна в сфере внешней политики Белый дом узнавал их информации поступавшей по дипломатическим каналам и СМИ. Г. Браун не баловал Дж. Буша телефонными переговорами, тем более востребованностью его советов.

17 апреля 2008 г. Г. Браун вновь приезжает в Вашингтон, где он встречается в Дж. Бушем. Темы для обсуждения являлись традиционными (Ирак, Иран, Афганистан, Дарфур, международный терроризм). В Вашингтоне Г. Браун призвал к дальнейшему расширению, в том числе государствами ЕС санкций против Ирана в экономической и финансовой сферах. Данные слова вызвали большое раздражение в Брюсселе, так как Еврокомиссия считала существовавшие санкции вполне достаточными [19]. В ЕС полагали, что такие важные действия Лондону необходимо согласовывать в рамках внешнеполитических консультаций государств членов ЕС, а не во время консультаций в США.

В этот раз в большей степени стороны рассматривали проблемы развития мировой торговли и финансов, в том числе двухсторонние связи в экономической сфере. Неслучайно, что на совместной пресс-конференции Г. Браун особо подчеркнул о поддержке Великобританией усилий США по выходу из экономического кризиса.

В посольстве Великобритании в Вашингтоне он провел встречи с сенатором-республиканцем Д.Маккейном, сенаторами-демократами Б. Обамой и Х. Клинтон. Все они рассматривались в качестве кандидатов на должность нового президента США, и Г. Браун использовал визит для личного знакомства с ними [5]. Г. Браун очень хорошо знал Д. Маккейна и Х. Клинтон, с Б. Обамой он не был знаком, поэтому ему объективно выгодна была победа на президентских выборах Х. Клинтон. Однако шансы на победу от демократов выглядели более убедительно у Б. Обамы, и Г.Брауну следовало налаживать отношения с новой восходящей звездой американской политики [2]. Следует подчеркнуть, что Г. Браун не имел того обаяния, которым отличался Э. Блэр, который легко знакомился и находил общий язык с людьми. «Суровый» шотландец, каким выглядел Г. Браун, не располагал к открытости и взаимопониманию.

Анализируя итоги политики Г.Брауна по отношению США в течении первого годы его пребывания у власти, газета «Гардиан» отмечала, полный провал утверждений аналитиков, предполагавших серьезный пересмотр новым британским премьер-министром отношений Лондона с Вашингтоном. По мнению издания, Г. Браун оставил неизменным курс Т. Блэра в этом плане, некоторые тактические новшества и полемические заявления, не меняли сути вещей [19]. Г. Браун стремился в глазах собственных избирателей и мирового сообщества избавиться от участи «пуделя Буша», демонстрируя независимость внешней политики страны [21].

Летом и осенью 2008 г. Г. Браун и Д. Буш еще несколько встречались раз в различном формате. В июне 2008 г. Д. Буш посетил Лондон, где стороны провели сверку совместных действий и прежде всего в иранском вопросе, констатировав отсутствие прогресса в позиции Тегерана и призвав усилить санкционный нажим на Иран. Стороны не нашли полного понимания по вопросу о выводе войск из Ирака, но эту проблему Г. Браун собирался детально прорабатывать с приемником Д. Буша [13].

С приходом к власти Г. Брауна нельзя говорить о радикальном изменении взаимоотношений Великобритании с США. Новый премьер-министр, отражая доминирующие в британском обществе настроения, попытался придать более независимый характер внешней политики страны и разрушить, устоявшееся мнение о полной зависимости действий Лондона на международной арене от политики Вашингтона. Первый свой официальный визит Г. Браун демонстративно совершает в Берлин. В тоже время, он относился к числу сторонников сохранения «особых отношений» с США, видя в этом одну из основ укрепления геополитических позиций Соединенного Королевства в современном мире. По большинству ключевых позиций мировой политики Великобритания и США сохраняли полное единство мнений (Афганистан, Косово, Дарфур, иранская ядерная программа и т.д.). Свои действия в Ираке Великобритания координировала с США, выводя под давлением общественного мнения свои войска из страны.

Источники и литература

1. Браун безразличен к России и верит в правильность курса США (27 июня 2007 г.) URL: https://www.svoboda.org/a/399746.html (Дата обращения: 20.09.2018).

2. Британский премьер Гордон Браун посетил США с официальным визитом (17 апреля 2008) URL: https://www.svoboda.org/a/443935.html (Дата обращения: 20.09.2018).

3. Браун Г.: мир в долгу перед США // BBC Russian (30 июля 2007 г.) URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6921000/6921686.stm (Дата обращения: 20.09.2018).

4. Браун обрисовал программу правительства// BBC Russian (24 июня 2007 г.) URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_6235000/6235488.stm (Дата обращения: 20.09.2018).

5. Визит премьер-министра Гордона Брауна в Вашингтон (17 апреля 2008 г.) URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2008-04-17-voa12/605467.html (Дата обращения: 24.09.2018).

6. Габуев А. «Гордон Браун – веселый парень» (1 августа 2007 г.) URL: https://www.kommersant.ru/doc/791510 (Дата обращения: 24.09.2018).

7. Гордиенко Д. В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень экономической безопасности Великобритании // Вестник Международного института экономики и права. 2011. №3. С. 91–108.

8. Гордон Браун объяснился в любви США (13 ноября 2007) URL: http://www.dni.ru/news/polit/2007/11/13/121752.html (Дата обращения: 24.09.2018).
9. Дель Пино Х. Буш и Браун, обреченные на взаимопонимание URL: https://www.inopressa.ru/article/30jul2007/elpais/bush.html (Дата обращения: 24.09.2018).
10. Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза. Отв. ред. Н. К. Арбатова. М.:ИМЭМО, 2009. 118 с.
11. Какой будет внешняя политика Британии при Брауне? // BBC Russian (26 июня 2007 г.) URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6242000/6242630.stm (Дата обращения: 24.09.2018).
12. Канцлер ФРГ поговорит с британским премьером о политике и футболе (22 августа 2007) URL: https://www.dw.com/ru/ (Дата обращения: 25.09.2018).
13. Минаев Е. Последний день Буша в Британии как президента (16 июня 2008) URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_7456000/7456119.stm (Дата обращения: 25.09.2018).
14. Плещунов Ф. Мусульмане Великобритании: поиск новой идентичности // Азия и Африка сегодня. 2008. №10. С.16–21.
15. Премьер Великобритании вылетел США с первым официальным визитом (29 июля 2007 г.) URL: https://ru.euronews.com/2007/07/29/pm-brown-makes-first-us-trip (Дата обращения: 25.09.2018).
16. Рар А. Время по Блэру и по существу // Российская газета. 12.05. 2007.
17. Федоров К. К вопросу о внешнеполитическом курсе Великобритании в период премьерства Гордона Брауна // Власть. 2012. №4. С.161–164.
18. Adams K. Gordon Brown's political career // Financial Times. 30.04.2007.
19. Borger D. Brown's first year: foreign policy // The Guardian 28.06.2008.
20. Countering International Terrorism: The United Kingdom's Security Strategy. Cv. 6888. L.: The Stationery Office. July 2006.
21. Cowell A. Britons Prepare for the Great Puzzle: Gordon Brown//The New York Times. 10.05. 2007.
22. Dunn D.H. The double interregnum: UK-US relations beyond Blair and Bush// International Affairs. 2008. Vol. 84. №6. P. 1131–1143.
23. Evans A. Gordon Brown's first foreign policy speech // Global dashboard. 15.12.2007.
24. Hutto R., Vina G. Gordon Brown plans to halve spending cuts // Bloomberg. 3.07.2007.
25. Jones G. The subtle shift in British foreign policy. 12 June 2007. // The Daily Telegraph. 23.09.2007.
26. Intelligence and Security Committee Report into the London Terrorist Attacks on 7 July 2005. Chairman: The Rt. Hon. Paul Murphy, MP Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty MAY 2006. 45 p.
27. Monbiot G. Brown's contempt for democracy has dragged Britain into a new cold war // The Guardian. 31.07.2007.
28. Miles A. Does Brown know what he wants? // The Times. 2.08.2007.
29. Prišmantaitė K. British foreign policy in the 21st century: priorities and challenges // Global Academic Society Journal: Social Science Insight. 2009. Vol. 2. No.7. P. 41–54.
30. Porter P. Last Charge of the Knights? Iraq, Afghanistan and the Special Relationship // International Affairs. 2010. №2. P. 355–375.
31. Rahsaan M. Muslims, South Asians and the British Mainstream: A National Identity Crisis? // West European Politics. September 2006. Vol. 29. №. P. 736–756.
32. Rawnsley A. We risk sleepwalking into another war in the Balkans// Observer. 18.11. 2007.
33. Underhill W. A look at David Miliband's foreign policy//Newsweek. 9.12.2008.

References

1. Braun bezrazlichen k Rossii i verit v pravil'nost' kursa SSHA *(Brown is Indifferent to Russia and Believes in the US Policy)* (June 27, 2007.) URL: https://www.svoboda.org/a/399746.html (Accessed: 20.09.2018). (In Russian).
2. Britanskij prem'er Gordon Braun posetil SSHA s oficial'nym vizitom (17 aprelya 2008) *(British Prime Minister Gordon Braun Made an Official Visit to the USA)* URL: https://www.svoboda.org/a/443935.html (Accessed: 20.09.2018). (In Russian).
3. Braun G.: mir v dolgu pered SSHA *(The World under an Obligation to the USA)* // BBC Russian (July 30, 2007) URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6921000/6921686.stm (Accessed: 20.09.2018). (In Russian).
4. Braun obrisoval programmu pravitel'stva *(Brown Defined the Government Program)* // BBC Russian (24 iyunya 2007 g.) URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_6235000/6235488.stm (Accessed: 20.09.2018). (In Russian).
5. Vizit prem'er-ministra Gordona Brauna v Vashington (17 aprelya 2008 g.) *(Gordon Brown's visit in Washington (April 17, 2008)* URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2008-04-17-voa12/605467.html (Accessed: 24.09.2018). (In Russian).
6. Gabuev A. «Gordon Braun – veselyj paren'» (1 avgusta 2007 g.) *(Gabuev A. «Gordon Brown – a Cheerful Guy (August 1, 2007)* URL: https://www.kommersant.ru/doc/791510 (Accessed: 24.09.2018). (In Russian).
7. Gordienko D. V. Vliyanie mirovogo finansovo-ehkonomicheskogo krizisa na uroven' ehkonomicheskoj bezopasnosti Velikobritanii *(The Impact of the Global Financial and Economic Crisis on the Level of Economic Security in the UK)* // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ehkonomiki i prava. 2011. No.3. P. 91–108. (In Russian).
8. Gordon Braun ob»yasnilsya v lyubvi SSHA (13 noyabrya 2007) *(Gordon Brown Declared Love for the USA)* URL: http://www.dni.ru/news/polit/2007/11/13/121752.html (Accessed: 24.09.2018). (In Russian).
9. Del' Pino H. Bush i Braun, obrecheny na vzaimoponimanie *(Bush and Brown are Doomed to Mutual Understanding)* URL: https://www.inopressa.ru/article/30jul2007/elpais/bush.html (Accessed: 24.09.2018). (In Russian).
10. Evropeizm i atlantizm v politike stran Evropejskogo soyuza *(Europeanism and Atlanticism in the EU Policy)* / ed by N.K.Arbatov. Moscow: IMEHMO, 2009. 118 p. (Accessed: 24.09.2018). (In Russian).
11. Kakoj budet vneshnyaya politika Britanii pri Braune? *(What will British Foreign Policy under Brown be?)* // BBC Russian (26 iyunya 2007 g.) URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6242000/6242630.stm (Accessed: 24.09.2018). (In Russian).

12. Kancler FRG pogovorit s britanskim prem'erom o politike i futbole (22 avgusta 2007) *(German Chancellor to talk with British Prime Minister about Politicy and Football (August 22, 2007)* URL: https://www.dw.com/ru/ (Accessed: 25.09.2018). (In Russian).
13. Minaev E. Poslednij den' Busha v Britanii kak prezidenta (16 iyunya 2008) *(Bush's Last Day in Britain as the President (June 16, 2008)* URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_7456000/7456119.stm (Accessed: 25.09.2018). (In Russian).
14. Pleshchunov F. Musul'mane Velikobritanii: poisk novoj identichnosti *(Muslims of Great Britain: in Search of a New Identity)* // Aziya i Afrika segodnya. 2008. No10. P.16–21. (In Russian).
15. Prem'er Velikobritanii vyletel SSHA s pervym oficial'nym vizitom (29 iyulya 2007 g.) *(UK Prime Minister Flew to the United States for the First Official Visit (July 29, 2007)* URL: https://ru.euronews.com/2007/07/29/pm-brown-makes-first-us-trip (Accessed: 25.09.2018). (In Russian).
16. Rar A. Vremya po Blehru i po sushchestvu *(Time According to Blair and in Essence)* // Rossijskaya gazeta. 12.05.2007. (In Russian).
17. Fedorov K. K voprosu o vneshnepoliticheskom kurse Velikobritanii v period prem'erstva Gordona Brauna *(On the foreign policy of Great Britain during the premiership of Gordon Brown)* // Vlast'. 2012. No.4. P.161–164. (In Russian).
18. Adams K. Gordon Brown's political career // Financial Times. 30.04.2007.
19. Borger D. Brown's first year: foreign policy // The Guardian 28.06.2008.
20. Countering International Terrorism: The United Kingdom's Security Strategy. Cv. 6888. L.: The Stationery Office. July 2006.
21. Cowell A. Britons Prepare for the Great Puzzle: Gordon Brown//The New York Times. 10.05. 2007.
22. Dunn D.H. The double interregnum: UK-US relations beyond Blair and Bush// International Affairs. 2008. Vol. 84. №6. P. 1131–1143.
23. Evans A. Gordon Brown's first foreign policy speech // Global dashboard. 15.12.2007.
24. Hutto R., Vina G. Gordon Brown plans to halve spending cuts // Bloomberg. 3.07.2007.
25. Jones G. The subtle shift in British foreign policy. 12 June 2007. // The Daily Telegraph. 23.09.2007.
26. Intelligence and Security Committee Report into the London Terrorist Attacks on 7 July 2005. Chairman: The Rt. Hon. Paul Murphy, MP Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty MAY 2006. 45 p.
27. Monbiot G. Brown's contempt for democracy has dragged Britain into a new cold war // The Guardian. 31.07.2007.
28. Miles A. Does Brown know what he wants? // The Times. 2.08.2007.
29. Prišmantaitė K. British foreign policy in the 21st century: priorities and challenges // Global Academic Society Journal: Social Science Insight. 2009. Vol. 2. No.7. P.41–54.
30. Porter P. Last Charge of the Knights? Iraq, Afghanistan and the Special Relationship // International Affairs. 2010. №2. P. 355–375.
31. Rahsaan M. Muslims, South Asians and the British Mainstream: A National Identity Crisis? // West European Politics. September 2006. Vol. 29. №. P. 736–756.
32. Rawnsley A. We risk sleepwalking into another war in the Balkans// Observer. 18.11. 2007.
33. Underhill W. A look at David Miliband's foreign policy//Newsweek. 9.12.2008.

Сведения об авторе
Балаян Арам Валерьевич – соискатель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / baviko@rambler.ru

Information about the author
Balayan Aram – postgraduate, Chair of foreign history, politology and international relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / baviko@rambler.ru

УДК 94(47).084.5

А. В. Баранов

«ТРОЦКИСТСКАЯ» ОППОЗИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНСОЛИДАЦИИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ НА ЮГЕ РОССИИ (1923–1924 гг.)

В статье определены причины и проявления повышенной левой радикальности в большевистских организациях Юга России в 1923–1924 гг. Новизна статьи состоит во введении в научный оборот документов Донской и Кубано-Черноморской областных партийных организаций РКП(б) о внутрипартийной дискуссии: стенограмм конференций и собраний, личных дел членов партийной элиты на Юге России. Активность левой оппозиции интерпретируется в контексте базовых социальных размежеваний и проблем нэповского общества, структуры политических возможностей контрэлитных группировок. К весне 1923 г. большевистская партия достигла полной и неограниченной власти, но испытывала обострение внутренних противоречий из-за кризиса НЭПа, своей классовой разнородности, неясности стратегии общественного развития. Оценивается роль аграрности региона, затяжных проявлений Гражданской войны, нараставшего забастовочного движения в сохранении леворадикальных настроений коммунистов. Сравниваются политические стратегии, позиционирование «троцкистской» оппозиции и большинства партийно-государственной элиты. Внимание автора сосредоточено на внутрипартийной дискуссии 1923–1924 гг. Проявления политической активности «троцкистской» оппозиции на Юге России характеризуются в контексте сложной эволюции новой экономической политики, динамики общественных настроений, взаимодействия власти и многоукладного общества. Оппозиция в 1923–1924 гг. декларировала оздоровление внутрипартийной жизни посредством «рабочей демократии». Ее сторонники предлагали иной, чем пассивное большинство коммунистов, путь к бесклассовому обществу – при сохранении внутрипартийной конкуренции мнений и группировок, при опоре на уравнительные и антирыночные настроения рабочих. Особенно сильной была оппозиция в Кубано-Черноморской области ввиду благоприятного соотношения сил в партийном аппарате. Сделаны выводы о несовпадении общественного «запроса» рабочих и служащих на леворадикальную критику НЭПа и реальных политических действий «троцкистской» оппозиции, что облегчило её разгром.

Ключевые слова: партийно-государственная элита, троцкистская оппозиция, внутрипартийная борьба, Юг России.

A. V. Baranov

THE “TROTSKIST” OPPOSITION IN THE CONTEXT OF THE CONSOLIDATION OF THE PARTY-STATE ELITE IN THE SOUTH OF RUSSIA (1923–1924)

The article specifies the causes and manifestations of increased left radicalism in the Bolshevik organization of the south of Russia in 1923–1924. The novelty of the article consists in the reference to the documents of the Don and Kuban-Black Sea regional party organizations of the RCP(b) on intraparty discussion: transcripts of conferences and meetings, personal affairs of the party elite members in the south Russia. The activity of the left opposition is interpreted in the context of basic social divisions and the problems of NEP society, the structure of the political possibilities of counter-elite groups. By the spring of 1923, the Bolshevik Party had achieved complete and unlimited power, but was experiencing an aggravation of internal contradictions due to the crisis of the NEP, its class heterogeneity, and the ambiguity of its social development strategy. The role of the region’s agrarian character, protracted manifestations of the Civil War, rising strike in preserving the leftist radical sentiments of the Communists is assessed. The political strategies and positioning of the “Trotskist” opposition and the majority of the party-state elite are compared. The author’s attention is focused on the inner-party discussion of 1923–1924. The manifestations of the political activity of the “Trotskist” opposition in the South of Russia are characterized in the context of the complex evolution of the new economic policy, the dynamics of public sentiment, the interaction of power and a multi-layered society. The opposition in 1923–1924 declared the improvement of inner-party life through the “workers’ democracy”. Its supporters suggested a path to a classless society, different from the passive majority of the communists, while preserving the inner-party competition of opinions and groupings, while relying on workers’ leveling and anti-market sentiments. The opposition was especially strong in the Kuban-Black Sea region due to the favorable balance of forces in the party apparatus. Conclusions are made about the discrepancy between the public “request” of the workers and employees for the left radical criticism of the NEP and the real political actions of the “Trotskist” opposition, which facilitated its defeat.

Key words: party-state elite, Trotskist opposition, inner-party struggle, the south of Russia.

Новая экономическая политика 1920-х гг. злободневна в качестве стратегии антикризисного развития многоукладного общества, опыта государственного регулирования рынка. В то же время, НЭП вызвал рост неравенства и неопределённость направления развития Советской России, вызвал противоречивые оценки различных социальных групп. Значительная часть малообеспеченных рабочих, крестьян и партийно-государственных служащих выражала запрос на поворот политической стратегии правящей партии в леворадикальное русло. Левая – «троцкистская» оппозиция не только выражала данные требования, но и конструировала их в виде политической программы. Сохраняет актуальность и выявление внутриэлитных группировок, которые в условиях однопартийной системы могли стать наиболее реальными «ядрами кристаллизации» политического плюрализма. Противоречия партийно-государственной политики особенно ярко проявлялись на Юге РСФСР – в стратегически важном регионе, где концентрировались местности протестных настроений рабочих (Донбасс, Ростов-на-Дону, Новороссийск) и казачьего повстанческого движения.

Цель статьи – определить причины и особенности повышенной левой оппозиционности большевистских организаций Юга России в контексте консолидации партийно-государственной элиты (1923–1924 гг.).

Пространственные пределы исследования включают Донскую, Кубано-Черноморскую и Терскую области, Ставропольскую губернию. Обобщающий современный термин «Юг России» представляется наиболее корректным в сравнении с бытовавшим до лета 1924 г. официальным наименованием «Юго-Восток России».

Степень изученности темы на материалах региона нельзя признать достаточной. Советская историография представлена беглыми упоминаниями в монографиях В. И. Филькина [35] и С. Л. Дмитренко [9]. Источниковая основа их выводов узка: публицистика и резолюции партийных форумов. Наибольшее внимание теме уделялось в работах периода «перестройки» и 1990-х гг.: в диссертациях Ю. И. Верхотурова [4] и С. А. Кислицына [15], в монографии А. В. Баранова [2]. Их авторы стремились переосмыслить явление внутрипартийной оппозиции в контексте альтернатив развития НЭПа, на базе введения в научный оборот ранее недоступных источников. В историографии 2000–2010-х гг. значимыми стали работы С. А. Кислицына о контрэлитах [16], С. Н. Данихно – о рабочем движении периода НЭПа, в том числе – о забастовках 1923 г. в Донбассе [7]. Постепенно преодолевался разрыв между отечественной и мировой историографией, подтверждением чему – публикация работ зарубежных исследователей (Дж. М. Истера [13], С. Пирани [23], А. Эрлиха [49]) на основе российских архивных документов, равно как и применение российскими историками современного понятийного аппарата (А. В. Резник [28]). Остаются спорными и малоизученными роль персонального фактора во внутрипартийной борьбе на Юге страны, взаимосвязь между повседневным поведением местных большевиков и внутрипартийной борьбой.

Методологическая специфика работы в том, что активность левой оппозиции интерпретируется в контексте базовых социальных размежеваний между городом и деревней, социально-классовыми группами, властью и обществом, а также важнейших проблем нэповского общества. Структура политических возможностей контрэлитных группировок в период нэпа зависела от степени влияния на состав большевистской партии в целом и правящую элитную группу, от уровня контроля над «вето-группами» (командный состав РККА, руководство ОГПУ и ключевых народных комиссариатов на общегосударственном уровне). В данном контексте левая оппозиция в РКП(б) могла победить, только предприняв внутриэлитный переворот, для чего не было предпосылок. Поэтому речь шла о давлении на партийно-советскую систему изнутри (ради ее совершенствования), а не об ее разрушении.

Источниковая основа исследования включает стенограммы партийных конференций и собраний, документы партийных контрольных комиссий, личные дела членов РКП(б), статистику голосования краевой и областных партийных организаций РКП(б).

Советская система установилась на Юге России на кульминационном этапе «военного коммунизма» (1920 – весна 1921 гг.). В сельской местности проживало 83 % населения, а крупная промышленность сосредотачивалась в немногих центрах: г. Ростове-на-Дону, Донбассе, Грозном, Новороссийске [50, с. 14]. Регион играл важную роль в продовольственном обеспечении всей страны, а «ножницы цен» – дисбаланс между заниженными ценами на сельскохозяйственную продукцию и завышенными – на промышленные изделия ощущался здесь особенно болезненно. Поэтому вопросы аграрной политики стали важнейшими в повестке дискуссий о НЭПе на Юге России. Регион был оплотом белого движения. Казачьи и крестьянские повстанческие выступления продолжались до осени 1924 г., и вероятной считалась высадка десантов белой эмиграции. Эти обстоятельства объясняют, почему партийно-государственная элита считала нужным проводить на Юге страны предельно жёсткий курс и обеспечивать его соответствующими кадрами.

Первая вспышка борьбы между правящей «тройкой» Политбюро ЦК (И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев), а также оппозиционной частью партийной элиты связана с подготовкой XII съезда РКП(б) весной 1923 г. Л. Д. Троцкий предложил разделить функции государства и партии, которой угрожало «ведомственное перерождение» [30, с. 53].

Сплотившись вокруг лозунга Троцкого о «рабочей демократии», оппозиционеры выдвигали требования свертывания НЭПа. Троцкий проявлял тревогу ростом «капиталистической стихии» и «самодовлеющей» постановкой финансовых дел, считая, будто «можно начать побеждать» нэп [8,

с. 309–351, 400–415]. Эти настроения находили поддержку и в органах власти на местах. Председатель Кубано-Черноморского областного Совета народного хозяйства В. Н. Кочетов[1] утверждал, что полный хозрасчет, кредитование предприятий под основной капитал грозят захватом экономики частным капиталом [36, л. 22–23]. Уполномоченный Наркомата иностранных дел СССР в г. Новороссийске, бывший активный участник «рабочей оппозиции» М. В. Буровцев[2] обвинял руководителей предприятий в «обуржуазивании» [22, с. 112, 114].

Напротив, правившие в Политбюро ЦК «триумвиры» отвергали демократизацию. Г. Е. Зиновьев на XII съезде РКП(б) назвал любую критику «объективно меньшевистской», а фракционность – «свободой образования зародышевых правительств» [10, с. 23]. «Тройка» Политбюро ЦК, используя практики единомыслия, добилась на XII съезде изоляции недовольных и объявила их противниками «генеральной линии». Впервые открыто насаждались слепое подчинение вождям и решение всех проблем в прокрустовом ложе канонизированной идеологии.

Иллюзия единства, оберегаемая сторонами конфликта, рухнула с обострением хозяйственного кризиса. «Ножницы цен» летом – осенью 1923 г. значительно возросли, что делало невыгодным для крестьян продажу своей продукции по заниженным ценам, а закупку промышленных товаров – по заниженным. Горожане стали страдать от задержек выплат заработной платы, продовольственных очередей. Согласно сведениям Комиссии по изучению истории профессионального движения в России и СССР, численность участников стачек в Донбассе выросла за 1923 г. более чем в 10 раз и достигла 89,5 тыс. чел. (52,5 % зарегистрированных по всей стране забастовщиков), причём доминировали (80 %) стачки на государственных предприятиях [12, с. 130]. В условиях нарастающего стачечного движения и подготовки «экспорта революции» в Германию 18 сентября 1923 г. созывается пленум ЦК РКП(б). ЦК обязал коммунистов доносить в ОГПУ и контрольные комиссии об «антипартийных» группах.

Сравним политические стратегии, позиционирование «троцкистской» оппозиции и большинства партийно-государственной элиты. Будучи уверен в быстром торжестве, И. В. Сталин спровоцировал Л. Д. Троцкого на оппозиционное выступление перестановками в составе Реввоенсовета Республики, что лишило Троцкого прочной опоры в вооруженных силах. 4–10 октября 1923 г. Троцкий выступил в письмах к ЦК с резкой критикой партийного режима, который «гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестких периодов военного коммунизма». Он обвинил правящую «тройку» в насаждении «бюрократической иерархии» [21, с. 32–33]. Одновременно члены Политбюро ЦК получили заявление 46 партработников. Среди них преобладали сторонники Троцкого (Е. А. Преображенский, Л. П. Серебряков и др.) и бывшие члены группы «демократического централизма» (В. В. Осинский, Т. В. Сапронов, В. М. Смирнов). К ним присоединились былые вожди «рабочей оппозиции» Дона – С. Ф. Васильченко и М. П. Жаков. Авторы заявления отвергали подбор кадров по степени послушности «узкому кружку» лидеров, репрессии за инакомыслие. Они считали, что возникший после X съезда «режим фракционной диктатуры внутри партии пережил сам себя»; предлагали восстановить отчетность и выборность органов РКП(б), провести совещание ЦК с партийным активом, включая оппозиционеров [1, т. 1, с. 44, 45].

Эти документы дали Политбюро ЦК возможность обвинить Троцкого и его сторонников в вражде к крестьянству, создании единой оппозиции, фракционности и заимствовании идей меньшевизма [25, л. 96–97, 102]. Триумвират решил перехватить инициативу и разрешить дискуссию под своим контролем, чтобы разрядить напряжение между «верхами» и «низами» партии, чтобы выявить инакомыслящих. 7 ноября 1923 г. Зиновьев обнародовал статью, почти дословно повторяющую лозунги «письма 46-ти» [11].

На Северном Кавказе стихийная дискуссия началась в ноябре 1923 г. в Ростове, Новочеркасске, Донецком округе. 4 декабря публикуются оппозиционные тезисы секретаря 1-го райкома РКП(б) г. Краснодара Р. Ю. Рудзита, 7 и 12 декабря – статьи К. И. Голодовича[3] [17]. На партконференции

[1] Кочетов Владимир Николаевич (1893–1937). Сын учителя, образование – низшее (4 класса городского училища). Член РСДРП(б) с 1915 г. После революции – заместитель председателя губисполкома, зам. председателя Экономического совещания, в 1920 и 1922 гг. – председатель Кубано-Черноморского областного Совета народного хозяйства, в 1923–1924 гг. – заведующий организационным отделом Кубано-Черноморского обкома РКП(б), затем переброшен решением ЦК РКП (б) в Киргизию. В 1936 г. – Торговый представитель СССР в Японии. Репрессирован. Реабилитирован в 1957 г.

[2] Буровцев Михаил Васильевич (1887–1954). Сын бухгалтера, образование – высшее (Московский коммерческий институт). Член РСДРП(б) с 1905 г. Участник Московского восстания 1905 г., многократно арестовывался. Член исполкома Моссовета в 1917 г., после Октябрьского восстания – управляющий делами Моссовета, член его президиума. С 1919 г. в РККА, в 1921– мае 1922 гг. – член коллегии агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б). Участник группы Е. Игнатова в дискуссии 1921 г., на X съезде РКП(б) голосовал против резолюции «О единстве партии». С мая 1922 по апрель 1924 гг. – уполномоченный Наркоминдела РСФСР в г. Новороссийске. Позже работал на дипломатических должностях в Канаде, Эстонии, Болгарии. Репрессирован. Реабилитирован.

[3] Голодович Казимир Иванович (1893–1938). Родился во Львове. Образование – неполное среднее (4 класса гимназии), журналист, кооператор. Анархо-коммунист. Член РКП(б) с 1913 г., агитатор, участник установления Советской власти в Киеве. Начальник политотдела армии, в 1922 г. – ответственный секретарь Адыгее-Черкесского областного оргбюро РКП(б), редактор газеты «Черкесская правда». В 1922 г. – сотрудник Кубано-Черноморского областного Совета народного хозяйства, в июне 1923 – феврале 1924 гг. – инструктор Юго-Вос-

Черноморского округа К. К. Герман и М. В. Буровцев выступили за «рабочую демократию», против «военного режима» и «диктатуры аппарата». Они отмечали, что беспартийные рабочие культурнее большевиков, которые так воспитаны ЦК, что без директив не могут сделать и шага. К. К. Герман настаивал: партия должна бороться за интересы не одного класса, а всех трудящихся, а систему управления надо приспособить к обслуживанию крестьян [41, л. 8–10, 16–17, 20].

Политбюро ЦК и Пленум ЦКК РКП(б) приняли 5 декабря 1923 г. компромиссную резолюцию, чтобы завершить дискуссию. Сталин и Зиновьев сочли уступки формальностью, а Троцкий – своей победой. Желая закрепить успех, Троцкий опубликовал статьи, позже объединенные в брошюру «Новый курс». Троцкий пытался опереться на партийную молодежь, намекая на «перерождение старой гвардии». Но он оставался искренним сторонником мировой революции и диктатуры РКП(б), борцом с «опасностями нэпа» [24]. Поэтому оппозиция «старых большевиков» Сталину не желала и не могла стать антисистемной. Она требовала улучшения режима, что сужало базу её поддержки до узкого слоя функционеров, образованных и политизированных рабочих. Выступление Троцкого придало дискуссии общероссийский размах, способствовало дроблению партийной элиты. Зиновьев писал об оппозиционерах: «Они действуют по всем правилам фракционного искусства. Если мы немедленно не создадим своей настоящей архисплоченной фракции – всё пропадет» [5, с.168, 172–179].

Дискуссия на Юге России, как и повсюду, шла в обстановке запугивания инакомыслящих. Суть разногласий затемнялась идеологическим догматизмом. Секретарь краевого бюро ЦК А. И. Микоян заявил на VII Кубано-Черноморской областной партконференции: демократия не нужна, если она не дает хлеба и порождает Кронштадт. Крестьяне могут осмелеть и подумать, что можно отстранить большевиков от власти. Оппозиционеры были реалистичнее в оценках кризиса, но не смогли предложить противовес однопартийности. Содокладчик – М. В. Буровцев возложил вину за отсутствие демократии на «вождей». Партия «прозевала» забастовки, установлен режим личной власти. Руководители области и местностей назначены, а не избраны. Вождизм ведет «в полный тупик». Буровцев верно предвидел, что «все критики, начиная с т. Троцкого и кончая сторонниками “Рабочей группы”, могут попасть в одну общую фракционную группу и оказаться выброшенными из рядов партии...» Оппозиционеры: К. И. Голодович, В. Н. Кочетов, К. К. Герман, Р. Ю. Рудзит, Ж. Адатынь, М. В. Свитнев и И. А. Григорович[1] требовали отменить регулирование классового состава партии. Они предлагали ввести свободу дискуссий и гласность в обсуждении взысканий. Руководство обкома во главе с А. К. Аболиным, успешно применив тактику частичных уступок, добилось принятия «буферной» резолюции [3, с. 244–269, 291, 295].

К началу 1924 г. в Донской и Терской партийных организациях дискуссия завершилась. Оппозиция в Ростове-на-Дону набрала только 150 голосов приезжих слушателей партшкол, хозяйственников, политработников РККА. Лишь партийная ячейка вузов г. Новочеркасска одобрила оппозиционные взгляды. Сравнение распространенности требований показывает: чаще выдвигались лозунги защитить Троцкого от клеветы и личных нападок, реже предлагали установить демократические порядки в беспартийных организациях [6, с.77–80; 29; 30].

В Кубано-Черноморской области дискуссия, напротив, бурно развивалась в январе 1924 г. благодаря расколу партаппарата на равные по влиянию группировки. Заведующий организационным отделом обкома В.Н. Кочетов и секретари 2 из 3 райкомов г. Краснодара возглавили оппозицию, что сыграло решающую роль в поддержке «троцкизма» 30–40 % партийцами области. В Краснодаре и Новороссийске 2/3 участников собраний осудили линию ЦК, в Кавказском отделе и г. Кропоткине – подавляющее большинство (по стране – только 8,5–10,6 %) [30; 32, с. 275–276]. На стороне оппозиции находилось большинство комсомольцев Краснодара и Ставрополя [18; 34; 26, л. 33–34; 29]. Но на многих партсобраниях решения принимались относительным большинством голосов, поскольку малограмотные рабочие и крестьяне не интересовались идейными спорами [42, л. 9–10; 46, л. 1–2; 48, л. 14]. Сельские коммунисты, находясь на полувоенном положении, всецело поддержали ЦК. Итак, соотношение сил определялось интересами профессиональных партработников и противоречиями в их среде, так как 60% коммунистов страны и 80% из них – на Северном Кавказе (в том числе 95% среди выходцев из крестьян) политически неграмотны [33, с. 11; 27, л. 3].

Оппозиция в крае еще в большей мере, чем общероссийская, разнородна. Преобладало требование лишь уточнить истолкование «фракционности», а не узаконить группировки в РКП(б). Только Буровцев намекал на необходимость пересмотра всех решений 1921–1923 гг., включая резолюцию X съезда РКП(б) «О единстве партии» [42, л. 4 об, 7, 19–20; 43, л. 6]. Кубано-Черноморский обком РКП(б) поручил разработать меры по проведению партийной демократии В. Н. Кочетову. Сравнив черновики и окончательный текст резолюции, можно счесть оппозиционными лозунги отчетности хозяйственных органов перед заводскими комитетами и собраниями рабочих, гласности дискуссионных документов, введения квоты рабочих (50 %) в составе райкомов, работы секретарей парткомов на общественных началах. Заблокированы предложения

точного краевого бюро РКП(б). В 1936 г. – начальник Северо-Кавказского краевого комитета по делам искусства. Репрессирован. Реабилитирован.

[1] Григорович Иулиан Андреевич – член РКП(б) с 1921 г. Сотрудничал с большевистским подпольем Екатеринодара (1919–1920 гг.). Заведующий советско-партийной школой 3 горрайона г. Краснодара в 1923–феврале 1924 гг., активный оппозиционер. Позже работал в городской тюрьме Краснодара, занимал хозяйственные должности.

воссоздать дискуссионные клубы, ограничить полномочия бюро партийных ячеек. Сторонники ЦК во главе с А. К. Аболиным добились поправок о недопустимости «беспартийной» дискуссии, о единстве действий бюро обкома РКП(б) [39, л. 14–22; 47, л. 1–3]. В отличие от Кочетова, большинство оппозиционеров проявляли радикализм. Так, К. И. Голодович заявлял, что «ленинизм» не оформился как политическая стратегия и поэтому «Новый курс» Л. Д. Троцкого нужно считать пробой пера по созданию учебника ленинизма. В гарнизоне Краснодара радикалы выдвигали лозунг выборности политических органов РККА и командного состава, в Кропоткине требовали созвать беспартийные рабочие и крестьянские конференции [43].

Все участники дискуссии оставались едиными в понимании будущего социализма как безрыночного общества. Они не отвергали НЭП, а по-разному понимали его будущее. Оппозиционеры не создали противовеса официальному экономическому курсу, противоречиво сочетая идеи сторонников свободной торговли с директивным планированием. Так, звучали требования предоставить профсоюзам 2/3 мест в органах управления предприятий, учредить государственные тресты. Предлагали передать квартиры в центре города рабочим, выселив нэпманов и «деклассированные элементы» из области, усилить поддержку совхозов и колхозов. А. К. Аболин вынужден отстаивать частную торговлю от нападок [42, л. 11–12]. Экономические взгляды оппозиционеров на Кубани имели мало общего с предложениями В. М. Смирнова и Е. А. Преображенского, коренясь в местной левацкой практике.

Обоснованием жестких мер против инакомыслия стали решения XIII Всероссийской партконференции РКП(б). Разногласия, естественные в любой организации, объявлены крамолой. Критика приравнена к антипартийным действиям, вождям оппозиции теперь угрожало исключение из ЦК за «ревизию большевизма». На местах с вольнодумцами не церемонились. За распространение писем Троцкого оппозиционеров в г. Геленджике (И. Ф. Павлюкова[1], Кулика, Бахмутова и др.) исключили из партии [20]. Кочетов, Буровцев и Рудзит по надуманным причинам отозваны в другие регионы [37, л. 33об; 38, л. 5, 76; 40, л. 31, 35; 45, л. 33, 52]. Их поведение после проигрыша свелось к малодостойному самооправданию. Они боролись за политическое выживание.

Каменев и Зиновьев объяснили причины исхода борьбы и мотивы руководства: крестьяне ощутили вкус власти, среди рабочих – нежелательные разговоры. Но это «первая волна, которая говорит с нами коммунистическим языком. Ну, а дальше как она будет говорить?.., если будут легализованы в партии такие фракции, то мы не сможем управлять страной» [14, с. 330–331]. Сторонники ЦК опасались зарождения под оболочкой РКП(б) других партий.

Сделаем выводы. К весне 1923 г. большевистская партия достигла полной и неограниченной власти, но испытывала обострение внутренних противоречий из-за кризиса НЭПа, своей классовой разнородности, неясности стратегии общественного развития. Оппозиция 1923–1924 гг. декларировала оздоровление внутрипартийной жизни посредством «рабочей демократии». Ее сторонники предлагали иной, чем пассивное большинство коммунистов, путь к бесклассовому обществу – при сохранении внутрипартийной конкуренции мнений и группировок, при опоре на уравнительные и антирыночные настроения рабочих. Особенно сильной была оппозиция в Кубано-Черноморской области ввиду благоприятного соотношения сил в партийном аппарате региона. Дискуссия 1923–1924 гг. в Кубано-Черноморской области своеобразна по продолжительности, ожесточённости и содержанию экономических проектов. Сторонники ЦК всё более склонялись к уступкам интересам «нэпманов» и крестьянства. Оппозиционеры же в регионе проявляли повышенный левый радикализм в духе «рабочей оппозиции». Общественный запрос рабочих и служащих на радикальную критику НЭПа не совпал с реальными действиями левой оппозиции, намеренной лишь использовать лозунги демократии для захвата власти, что облегчило поражение «троцкистов».

Массовое вовлечение политически малограмотных рабочих в РКП(б) позволило большинству партийного аппарата сравнительно легко нейтрализовать влияние оппозиции среди интеллигенции и партработников. Малограмотность большинства коммунистов позволяла партийной элите управлять их общественным мнением. Итак, в 1924 г. была подавлена последняя, достаточно шаткая, возможность сохранения внутрипартийной демократии в РКП(б). Консолидация партийно-государственной элиты на основе монополизации власти окончательно закрепилась как в идеологическом, так и в организационном аспектах.

[1] Павлюков (Агапов) Иван Федорович (1888–1936?). Сын крестьянина. Образование низшее. Член РСДРП(б) с 1905 г. Помощник котельщика, счетовод на заводе в Екатеринодаре. Активный участник Октябрьской революции 1917 г. в царицыне, сотрудник советских органов. В 1920 г. – председатель Кавказского отдельского революционного комитета, земельного отдела Екатеринодарского отдельского исполкома Советов. Во время дискуссии 1923–1924 гг. – заведующий совхозом в Геленджике. Позже на хозяйственной работе. Участник троцкистской оппозиции в 1926–1927 г. Репрессирован. Реабилитирован.

Источники и литература

1. Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Т.1. М.: Терра, 1990. 256 с.
2. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: КубГУ, 1999. 346 с.
3. Бюллетень VII-й Кубано-Черноморской областной конференции Российской коммунистической партии. 1923. №1–8.
4. Верхотуров Ю. И. Деятельность партии по развитию экономических связей между городом и деревней в 1921–1927 годах (На материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. … канд. ист. наук. Краснодар: КубГУ, 1990. 235 с.
5. Внутрипартийные дискуссии 20-х годов // Известия ЦК КПСС. 1990. №12. С.164–179.
6. Горбунов А. Итоги дискуссии о партстроительстве на Дону // Коммунист. 1924. №5–6. С.77–80.
7. Данихно С. Н. Рабочие Юго-Востока России в годы нэпа: история генерации и многомерность повседневной жизни социальной группы. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. 343 с.
8. Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. XX. 903 с.
9. Дмитренко С. Л. Сплочёнными рядами: Комсомол в борьбе против троцкизма. М.: Молодая гвардия, 1987. 199 с.
10. Зиновьев Г. Судьбы нашей партии (Сб. статей). М.: Красная новь, 1924. 173 с.
11. Зиновьев Г. Е. Новые задачи партии // Правда. 1923. 7 ноября.
12. Иглицкий А. А., Райхцаум А. Л. Из истории забастовочного движения (1919–1925) // Новые движения трудящихся: опыт России и других стран СНГ. Ч.1. М.: [б.и.], 1992. С.127–135.
13. Истер Дж. М. Советское государственное строительство: система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2010. 255 с.
14. Каменев Л. Б. Статьи и речи. 1905–1925. Т. X. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 330–331.
15. Кислицын С. А. Большевистская политическая элита 20-х – 30-х гг.: дис. … д-ра ист. наук. Ростов н/Д: РГУ, 1994. 642 с.
16. Кислицын С. А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: URSS; КРАСАНД, 2011. 507 с.
17. Красное знамя. 1923. 4, 7, 12 декабря.
18. Красное знамя. 1924. 11 марта.
19. Красное знамя. 1924. 14, 20 февраля.
20. Красное знамя. 1924. 25 апреля.
21. На дискуссионные темы: Сборник постановлений, докладов, речей и статей о внутрипартийном строительстве. Харьков: Путь просвещения, 1924. 141 с.
22. Первая Юго-Восточная краевая конференция РКП(б) (Стеногр. отчёт) (25–28 марта 1923 года). Ростов н/Д: Изд-во Юго-Вост. бюро ЦК РКП(б), 1923. 144 с.
23. Пирани С. Русская революция в отступлении. М.: Новый хронограф, 2013. 424 с.
24. Правда. 1923. 11, 28, 29 декабря.
25. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.2. Д.685.
26. РГАСПИ. Ф.17. Оп.11. Д.203.
27. РГАСПИ. Ф.17. Оп.68. Д.174.
28. Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2018. 392 с.
29. Рожков А. Ю. Родословная нашей газеты // Комсомолец Кубани. Краснодар, 1991. 7 мая.
30. Симонов Н.С. Реформа политического строя: замыслы и реальность (1921–1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. №1. С.42–55.
31. Советский Юг. 1923. 25, 28 декабря.
32. Сталин И. В. Т. 6. Сочинения. М.: ОГИЗ, 1947.
33. Сталин И. В. Т. 7. Сочинения. М.: ОГИЗ, 1947.
34. Трудовой Дон. 1924. 6 января.
35. Филькин В. И. Северокавказская краевая организация ВКП(б) в период строительства социализма. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1975. 422 с.
36. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф.1. Оп.1. Д.292.
37. ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.348.
38. ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.349.
39. ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.364.
40. ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.372.
41. ЦДНИКК. Ф.9. Оп.1. Д.284.
42. ЦДНИКК. Ф.9. Оп.1. Д.447.
43. ЦДНИКК. Ф.17. Оп.1. Д.945.
44. ЦДНИКК. Ф.17. Оп.1. Д.975.
45. ЦДНИКК. Ф.17. Оп.1. Д.990.
46. ЦДНИКК. Ф.17. Оп.1. Д.998.
47. ЦДНИКК. Ф.6186. Оп.1. Д.2.
48. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф.4. Оп.1. Д.161. Л.56а – 56в.
49. Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928 гг. М.: Дело АНХ, 2010. 248 с.
50. Юго-Восток. Справочник по Юго-Востоку России. Ростов н/Д: Советский Юг, 1924. 980 с.

References

1. Arhiv Trockogo: Kommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR, 1923–1927 *(Trotsky's Archives: The Communist Opposition in the USSR, 1923–1927)* ed. and collect. by Yu.G. Fel'shtinskij. Moscow: Terra Publ., 1990. Vol. 1. 256 p. (In Russian).

2. Baranov A. V. Mnogoukladnoe obshestvo Severnogo Kavkaza v usloviyah novoj ekonomicheskoj politiki *(The Heterogeneous Society of the North Caucasus in the Conditions of the New Economic Policy).* Krasnodar: KubSU Publ., 1999. 346 p. (In Russian).

3. Byulleten' VII-j Kubano-Chernomorskoj oblastnoj konferentsii Rossijskoj kommunisticheskoj partii *(Bulletin of the VIIth Kuban-Black Sea Regional Conference of the Russian Communist Party).* 1923. No 1–8. 328 p. (In Russian).

4. Verkhoturov Yu. I. Deyatel'nost' partii po razvitiyu ekonomicheskih svyazej mezhdu gorodom i derevnej v 1921–1927 godah (Na materialah Dona, Kubani i Stavropol'ya): dis. kand. ist. nauk *(The Activities of the Party on the Development of Economic Relations between the Town and the Countryside in 1921–1927 (Based on materials from the Don, Kuban and Stavropol Regions: Dis. D.Sc. (Hist.)).* Krasnodar: KubSU, 1990. 235 p. (In Russian).

5. Vnutripartijnye diskussii 20-h godov *(Intraparty Discussions of the 20s)* // Izvestiya TsK KPSS. 1990. No 12. P. 164–179. (In Russian).

6. Gorbunov A. Itogi diskussii o partstroitel'stve na Donu *(Results of the Discussion on Party Building on the Don)* // Kommunist. 1924. No 5–6. P.77–80. (In Russian).

7. Danikhno S. N. Rabochie Yugo-Vostoka Rossii v gody nepa: istoriya generatsii i mnogomernost' povsednevnoj zhizni sotsial'noj gruppy *(Workers of the South-East of Russia in the NEP Years: the History of Generation and the Multidimensionality of the Daily Life of a Social Group)*. Rostov-on-Don: SKSC HS Publ., 2007. 343 p. (In Russian).

8. Dvenadtsatyj s'ezd RKP(b) 17–25 aprelya 1923 g. Stenograficheskij otchet *(The Twelfth Congress of the RCP (B.)* April 17–25, 1923. Verbatim Report). Moscow: Gospolitizdat Publ., 1968. XX, 903 p. (In Russian).

9. Dmitrenko S. L. Splochennymi ryadami: Komsomol v bor'be protiv trotskizma *(Close Ranks: Komsomol in the Fight against Trotskyism)*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 1987. 199 p. (In Russian).

10. Zinov'ev G. Sud'by nashej partii (Sb. statej) *(The Fate of our Party (Collected Articles)).* Moscow: Krasnaya Nov' Publ., 1924. 173 p. (In Russian).

11. Zinov'ev G. E. Novye zadachi partii *(New Tasks of the Party)* // Pravda. 1923. November 7. (In Russian).

12. Iglickij A.A., Rajhcaum A.L. Iz istorii zabastovochnogo dvizheniya (1919–1925) *(From the History of the Strike Movement (1919–1925)* // Novye dvizheniya trudyashihsya: opyt Rossii i drugih stran SNG *(New Movements of Workers: the Experience of Russia and other CIS countries).* Part 1. Moscow: S.e., 1992. Ch. 1, pp.127–135. (In Russian).

13. Ister Dzh. M. Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo: sistema lichnyh svyazej i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoj Rossii *(Soviet State-Building: a System of Personal Connections and Self-Identification of the Elite in Soviet Russia)*. Moscow: Fund "Prezidentskij tsentr B. N. El'tsyina"; ROSSPEN Publ., 2010. 255 p. (In Russian).

14. Kamenev L. B. Stat'i i rechi. 1905–1925 *(Articles and Speeches. 1905–1925).* Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., 1927. Vol. X, pp. 330–331. (In Russian).

15. Kislitsyin S. A. Bol'shevistskaya politicheskaya elita 20-h – 30-h gg. *(Bolshevik Political Elite of the 20s – 30s):* dis. D.Sc. (Hist.). Rostov-on-Don: RGU, 1994. 642 p. (In Russian).

16. Kislitsyin S. A. Kontrelity, oppozitsii i frondy v politicheskoj istorii Rossii *(Counter-elites, Oppositions and Frondes in the Political History of Russia).* 2nd ed., correct. and add. Moscow: URSS; KRASAND Publ., 2011. 507 p. (In Russian).

17. Krasnoe znamya *(The Red Banner).* 1923. December 4, 7, 12. (In Russian).

18. Krasnoe znamya *(The Red Banner).* 1924. March 11. (In Russian).

19. Krasnoe znamya *(The Red Banner).* 1924. February 14, 20. (In Russian).

20. Krasnoe znamya *(The Red Banner).* 1924. April 25. (In Russian).

21. Na diskussionnye temy: Sbornik postanovlenij, dokladov, rechej i statej o vnutripartiinom stroitel'stve *(On the discussion topics: Collection of Decrees, Reports, Speeches and Articles on Intraparty Construction)*. Har'kov: Put' prosvesheniya, 1924. 141 p. (In Russian).

22. Pervaya Yugo-Vostochnaya kraevaya konferenciya RKP(b) (Stenogr. otchet) (25–28 marta 1923 goda) *(First Southeastern Regional Conference of the RCP(B) (Verbatim report) (March 25–28, 1923)*. Rostov-on-Don: Yugo-Vost. byuro TsK RKP(b) Publ., 1923. 144 p. (In Russian).

23. Pirani S. Russkaya revolyutsiya v otstuplenii *(The Russian Revolution in Retreat).* Moscow: Novyj Hronograf Publ., 2013. 424 p. (In Russian).

24. Pravda *(Pravda)*. Moscow, 1923. 11, 28, 29 dekabrya. (In Russian).

25. Rossijskij gosudarstvennyij arhiv sotsial'no-politicheskoj istorii *(Russian State Archive of Socio-Political History)* (RGASPI). F.17. Op.2. D.685. (In Russian).

26. RGASPI. F.17. Op.11. D.203. (In Russian).

27. RGASPI. F.17. Op.68. D.174. (In Russian).

28. Reznik A. V. Trotskij i tovarischi: levaya oppozitsiya i politicheskaya kul'tura RKP(b), 1923–1924 gody *(Trotsky and His Comrades: the Left Opposition and the Political Culture of the RCP (B.), 1923–1924).* 2nd Ed., 2-e, correct. and add. Saint-Petersburg: European university in St.Petersburg, 2018. 392 p. (In Russian).

29. Rozhkov A. Yu. Rodoslovnaya nashej gazety *(Genealogy of our Newspaper)* // Komsomolets Kubani. 1991. May 7. (In Russian).

30. Simonov N. S. Reforma politicheskogo stroya: zamysly i real'nost' (1921–1923 gg.) *(Reform of the Political System: Plans and Reality (1921–1923)* // Voprosy istorii KPSS. 1991. No 1. P.42–55. (In Russian).

31. Sovetskij Yug *(The Soviet South).* 1923. December 25, 28.

32. Stalin I. V. Sochineniya *(Writings)*. Moscow: OGIZ Publ., 1947. Vol. 6. P.175–176. (In Russian).

33. Stalin I. V. Sochineniya *(Writings).* Moscow: OGIZ Publ., 1947. Vol. 7. P. 11. (In Russian).

34. Trudovoj Don *(The Labor Don).* 1924. January 6. (In Russian).

35. Fil'kin V. I. Severokavkazskaya kraevaya organizatsiya VKP(b) v period stroitel'stva sotsializma *(North Caucasus Regional Organization of the CPSU(b) in the period of socialism construction).* Groznyj: Checheno-Ingush. Publ., 1975. 422 p. (In Russian).
36. Centr dokumentatsii novejshej istorii Krasnodarskogo kraya *(Documentation Center of the Newest History of Krasnodar Region)* (CDNIKK). F.1. Inv.1. D.292. (In Russian).
37. CDNIKK. F.1. Inv.1. D.348. (In Russian).
38. CDNIKK. F.1. Inv.1. D.349. (In Russian).
39. CDNIKK. F.1. Inv.1. D.364. (In Russian).
40. CDNIKK. F.1. Inv.1. D.372. (In Russian).
41. CDNIKK. F.9. Inv.1. D.284. (In Russian).
42. CDNIKK. F.9. Inv.1. D.447. (In Russian).
43. CDNIKK. F.17. Inv.1. D.945. (In Russian).
44. CDNIKK. F.17. Inv.1. D.975. (In Russian).
45. CDNIKK. F.17. Inv.1. D.990. (In Russian).
46. CDNIKK. F.17. Inv.1. D.998. (In Russian).
47. CDNIKK. F.6186. Inv.1. D.2. (In Russian).
48. Centr dokumentatsii novejshej istorii Rostovskoj oblasti *(Documentation Center of the Latest History of the Rostov Region)* (CDNIRO). F.4. Inv.1. D.161. (In Russian).
49. Erlih A. Diskussii ob industrializatsii v SSSR. 1924–1928 gg. *(Discussions on Industrialization in the USSR. 1924–1928)*. Moscow: Delo APE Publ., 2010. 248 p. (In Russian).
50. Yugo-Vostok. Spravochnik po Yugo-Vostoku Rossii *(South-East. A Reference Book on the South-East of Russia)*. Rostov-on-Don: Sovetskij Yug, 1924. 980 p. (In Russian).

Сведения об авторе
Баранов Андрей Владимирович – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / baranovandrew@mail.ru

Information about the author
Baranov Andrej – Dr. of Political Sciences, Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair Political Sciences and Political Management, Faculty of Psychology and Management, Krasnodar State University (Krasnodar) / baranovandrew@mail.ru

УДК 94(479.24)

Э. Р. Вагабова

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАКИНСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ ШКОЛЫ МОРСКОЙ АВИАЦИИ

В предлагаемой статье на основе архивных материалов, периодической печати и дополнительной литературы рассматривается необходимость и причины открытия Офицерской школы морской авиации в Баку в годы первой Мировой войны. Отмечено, что в начале XX века армия царской России испытывала недостаток в авиационных офицерских кадрах. Поэтому для их подготовки началось создание авиационных военно-учебных заведений. В годы первой Мировой войны многие вузы (Петербург, Москва, Севастополь, Киев) перешли на обучение по программе военного времени. В статье обосновывается необходимость и цель подготовки морских военных летчиков непосредственно в Баку, а именно: Бакинский порт, техническое оснащение которого создавало весьма благоприятные условия для размещения здесь школы Морской Авиации. Автор отмечает значительную роль Бакинской городской думы и Городской управы в осуществлении деятельности и финансовой поддержки этой школы. Говорится об испытании летательных аппаратов и новых средств для морской авиации. Обращается внимание на подготовку летчиков боевым видам – разведке и корректировке артиллерийского огня, на обучение личного состава школы метанию зажигательных и разрывных бомб, а также на оказание помощи моряков Школы в подавлении беспорядков, так называемых «голодных бунтов», или «женских бунтов» в Баку в феврале 1916 года. В статье показана роль Бакинского технического училища и его помощь по изготовлению новых механизмов и других технических новинок для использования в морской авиации.

В статье также приводятся имена первых в истории азербайджанской авиации азербайджанских летчиков, а также имена первых летчиц-азербайджанок. Значительную роль в подготовке авиационных кадров сыграли первые Всероссийские авиационные съезды. В связи с образованием Азербайджанской Демократической Республики правительство принялось за организацию своих вооруженных сил, и, в частности, своей национальной авиации.

Ключевые слова: Петроград, Бакинская городская дума и Бакинское городское самоуправление, морская авиация, школа, летчики, летательные аппараты, Бакинское Техническое училище.

E. R. Vagabova

BAKU OFFICER SCHOOL OF NAVAL AVIATION: FROM THE HISTORY OF ESTABLISHMENT AND ACTIVITY

The article studies the reasons for establishment of Officer School of Naval Aviation in Baku in the years of World War I. The study is based on archival materials, periodicals and additional literature. It should be noted that in the beginning of the XX century the army of imperial Russia lacked aviation officers. During World War I many higher educational institutions (St. Petersburg, Moscow, Sevastopol, Kiev) shifted to the training under the program of wartime. The study draws attention to the need to establish a special school for retraining officers in the artillery observer pilots. The article substantiates the necessity and the purpose of training naval military pilots in Baku. The Baku Port was chosen for the uninterrupted training of military pilots, as the largest port of the Russian Empire for freight turnover. The technical equipment of the port provided favorable conditions for the establishment of the Naval Aviation School in Baku. The author notes a significant role of the Baku City Council and City Government in implementation of activity and financial support for this school. The article shows the role of the Baku Technical School and its assistance in the manufacture of new mechanisms and other technical innovations for naval aviation.

The article also features the names of the first Azerbaijani pilots in the history of Azerbaijani aviation, as well as the names of the first female Azerbaijani pilots. A significant role in the training of aviation personnel was played by the first All-Russian Aviation Congresses. Due to the formation of the Azerbaijan Democratic Republic, the government set to organize its armed forces, in particular, its national aviation.

Key words: Petrograd, Baku City Council and Baku municipal government, sea aircraft, school, pilots, aircraft, Baku Technical School.

В ноябре 2018 г. исполнилось 103 года со дня открытия в Баку Отделения офицерской школы морской авиации. Но этому предшествовали определенные обстоятельства.

В царской России с 1910 г. началось создание авиационных военно-учебных заведений для подготовки офицеров-летчиков. В 1911 г. особым указом Николай II утвердил звание «Военный летчик Российской империи» и все учащиеся авиационных вузов стали получать это звание по выпуску [52, с. 527]. Накануне первой Мировой войны происходят изменения в деятельности

существовавших к тому времени авиационных военно-учебных заведений. Это было вызвано тем, что армия царской России испытывала недостаток в авиационных офицерских кадрах. До конца 1914 г. эти вузы (Петербург, Москва, Севастополь, Киев), перешли к обучению по программе военного времени. С подготовкой военных летчиков возникла необходимость и в подготовке летчиков-наблюдателей. Одновременно в конце 1915 г. возник вопрос о пополнении авиации специалистами, знакомыми с аэрофотографией, и имеющими артиллерийское образование. Такая ситуация привела к необходимости создания специальной школы для переквалификации артиллерийских офицеров в летчиков-наблюдателей [52, с. 527]. И уже 8 июля 1915 года была открыта Петроградская Офицерская Школа Морской Авиации – ПОШМА, ставшая первым авиационно-морским военно-учебным заведением. Вслед за этим состоялось открытие аналогичных школ морской авиации в других городах, где морские летчики проходили подготовку в течение 4 месяцев [52, с. 529].

Но уже к осени 1915 г. школа не могла обеспечить все те потребности, ради чего, собственно, она и была открыта. И этому было объективное объяснение. Причина заключалась в том, что в зимний период Балтийское море было непригодно как для целенаправленной работы по подготовке морских (военных) летчиков, так и для учебных полетов гидропланов. Именно в силу того, что Российский флот испытывал острую нужду в военных летчиках, Морской Генеральный Штаб (МГШ) и Отдел Воздушного Флота решили перевести эту школу на юг России. Для этого руководством Морского Генерального Штаба (вице-адмирал А. И. Русин с 1914 г.) были предприняты некоторые шаги, направленные на исправление сложившейся ситуации. Прежде всего, было решено открыть в зимнее время в одном из не замерзающих портов отделение офицерской школы морской авиации. С этой просьбой руководство МГШ обратилось в Отдел воздушного флота высочайше учрежденного Особого Комитета (письмо от 16.9.1915 г. за № 14048/3987 и от 19.9.1915 г. за № 7522) [11, л. 1]. Выбор пал на город Баку и Бакинский порт. Первоначально данное решение рассматривалось как временное и преследовало цель «обеспечения бесперебойной подготовки к весне 1916 года морских летчиков» [20; 48, л. 99].

Вид на бакинскую пристань со стороны Дворца Ширваншахов

Бакинская пристань

Данный выбор Баку был обусловлен еще несколькими причинами, а именно: климатическим фактором (Каспийское море не замерзало); отсутствием активных боевых действий на Каспийском море и в акватории Бакинского порта (в отличие от Черного моря); удаленностью Баку от театра военных действий в годы первой Мировой войны; Баку, будучи крупным нефтепромышленным центром, к началу XX в. являлся и городом с развитым судоходством (судоходство стало развиваться с созданием государства Ширваншахов в IX веке; к этому времени относится и строительство торгового флота Ширваншахов и морского порта в Баку), где располагалось Военно-Морское командование Каспийской флотилией. В 70–80 годах XIX века в Баку были использованы первые нефтеналивные пароходы – знаменитые нобелевские «Зороастр», «Магомед», «Будда», «Моисей», ставшие прообразом современных танкеров. А к началу XX в. Бакинский порт являлся уже самым крупным портом Российской Империи по грузообороту [2; 18, с.14–23]. Таким образом, техническое оснащение порта создавало весьма благоприятные условия для размещения школы Морской Авиации именно в Баку.

В самом начале XX века в Баку и Евлахе были построены и сданы в эксплуатацию аэродромы, а также широкий размах в Баку получило авиамоделирование [23, с. 8]. По сообщению периодической печати, еще в 1910 г. в Баку над Балаханским шоссе на аэроплане типа «Фарман» русским авиатором Сергеем Уточкиным были осуществлены 4 показательных полета. В дальнейшем эти полеты на самолетах стали приобретать периодический характер [6].

К этому времени уже были известны имена первых двух азербайджанских авиаторов, навечно вошедшие в историю авиации Азербайджана. Это Алибей Самедбей оглу Вердиев и Фаррух ага Мамед Керим оглу Гаибов. А. С. Вердиев получил образование авиаинженера во Франции. Во время первой Мировой войны проходил подготовительные курсы во французской школе авиапилотирования, давал уроки полета курсантам училища, выпускником которого он был. В 1916 г. он был удостоен Международной федерацией авиации диплома пилота-авиатора. Также работал инструктором, регулирующим испытательные полеты новых самолетов, и, как инженер-механик, контролировал исправность самолетов. Вернувшись в 1918 г. в Азербайджан, А. С. Вердиев продолжил свою профессиональную деятельность.

Ф. М. Гаибов был первым военным авиатором в истории азербайджанской авиации. Поручик Ф. М. Гаибов в начале Первой Мировой войны в составе российской авиации, принимавший участие в боевых действиях на Западном фронте, был известен как умелый пилот-стрелок в составе экипажа бомбардировщика «Илья Муромец-16». 12 сентября 1916 г. 25-летний поручик Ф. М. Гаибов в неравном бою, сбив четыре вражеских самолета, погиб вместе с экипажем [17, с.180, 477; 22; 23, с.10; 46].

Кроме того, Баку был выбран и по настоянию Его Императорского Высочества князя Александра Михайловича (пред. Особого комитета…), приказавшего «исполнить просьбу Морского Генерального Штаба об открытии школы морской авиации именно в Баку» [49, л. 1]. Тем самым, с переводом летной школы в Баку «балтийцы были освобождены от обузы обучения летчиков на гидропланах» [44; 50, л. 11].

На должность начальника Бакинского отделения Офицерской Школы Морской Авиации (БООШМА) Отдела Воздушного Флота организатором и первым директором Петроградской Офицерской Школы Морской Авиации старшим лейтенантом А. А. Тучковым был рекомендован капитан I ранга в отставке Андрей Александрович Янович. Особый Комитет, учрежденный для усиления военного флота на добровольные пожертвования (состоял из отделов морского, воздушного флота, комиссии по сбору пожертвований, финансового), обратился к Бакинскому градоначальнику об оказании содействия капитану I ранга в отставке А. А. Яновичу в деле устройства и оборудования в Баку офицерской школы морской авиации [11, л. 2-2 об, 3]. 1 октября 1915 г. А. А. Янович приступил к работе.

М. Г. Гаджинский (1875–1931) – завотделом строительства Бакинской городской управы, гражданский инженер, выпускник Петербургского технологического университета.

Видный государственный и политический деятель Азербайджанской Демократической Республики

Большой вклад в деле открытия и оборудования Бакинского отделения офицерской школы морской авиации школы внесли Бакинская городская управа в лице ее руководителя Мамедгасана Гаджинского (выпускника Петербургского технологического института), Бакинский городской голова Л. Л. Быч, Бакинский градоначальник полк. П. И. Мартынов, капитан 1 ранга, контр-адмирал Е. В. Клюпфель, назначенный в конце 1913 года директором маяков и лоций Каспийского моря и командиром Бакинского порта [25, с. 625] и начальник Бакинского торгового порта капитан I ранга в отставке П. А. Данилов, комендант железнодорожного и водного участка станции Баку ротмистр Редриков, благодаря которому БООШМА имела постоянную и своевременную возможность получать и отправлять грузы 8 [47].

Л. Л. Быч (1870–1945) – Бакинский городской голова с 1912–1917 гг.

Так, например, в письме на имя начальника БООШМА сообщалось, что на заседании Бакинской Городской управы (31.10.1915г., №1209/19242) было принято постановление «об отводе участка городской земли под ангары для гидроаэропланов Бакинского отделения ОШМА» [11, л. 2]. На очередном заседании Бакинской городской думы (вып. из журн. 27.10.1915 г., №26), а также в Докладе Бакинской Городской Управы от 7 октября 1916 года по строительному отделению (прил. №5) был рассмотрен вопрос об отводе в районе бульвара участка земли под Авиационную школу [12, л. 4а].

12 ноября 1915 года первый эшелон с офицерами и нижними чинами прибыл в Баку. Как сообщал «Каспий», «школа являлась учреждением общественным, так как она и весь отдел воздушного флота комитета по усилению военного флота существовал на жертвуемые обществом средства» [36], а также находится под покровительством ЕИВ Великого князя Александра Михайловича. В школу могли поступить и сухопутные летчики. Все оборудование Школы было закончено к 22 ноября 1915 года. Министерство торговли и промышленности любезно предоставило для команды школы учебную шхуну Бакинского мореходного училища «Али-Абад». Были получены все необходимые аппараты и различные принадлежности – грузовые и пассажирские автомобили, мотоциклеты, аппараты для полетов, из Петрограда получен был моторный быстроходный катер [22].

22 ноября 1915 года состоялось открытие Бакинского отделения Петроградской офицерской школы Морской Авиации. Освещение школы и молебен торжественно совершал епископ Григорий Бакинский. На открытие были приглашены «все власти, представители Городского самоуправления, по 20 человек учащихся при своем начальстве от каждого из учебных заведений Баку, произнесены здравицы в честь представителей царствующей фамилии и были демонстрированы первые публичные полеты» [11, л. 3].

Подготовка аппарата к пробному полету в день открытия Бакинской офицерской школы морской авиации

23 ноября 1915 года было получено поздравление от Его Императорского Величества Николая II: «Желаю от всего сердца Божьего благословения и полного успеха вновь открытому отделению школы морской авиации в Баку и благодарю весь личный состав за готовность послужить по примеру наших доблестных летчиков» [11, л. 3]. Также была получена телеграмма от великого князя Александра Михайловича, в котором «выражалась благодарность за посланную А. Яновичем телеграмму и всему личному составу школы, а также уверенность, что летчики, вышедшие из молодой школы, будут доблестно служить…» [37]. Поздравление по случаю открытия БООШМА было получено от главного начальника Кавказского военного округа генерал-лейтенанта С. В. Вольского, обещавшего при удобном случае посетить школу [38]. В этот же день, 23 ноября 1915 г. начались учебные полеты. Команда Бакинского отделения насчитывала 160 человек. Наряду с офицерами, в Школе обучались и нижние чины - авиационные унтер-офицеры, авиационные кондукторы, охотники (добровольцы) и матросы.

Личный состав Бакинской офицерской школы Морской авиации

Офицерский состав Бакинской офицерской школы Морской авиации

Второй эшелон был отправлен из Петербурга 30 ноября и прибыл в Баку 14 декабря 1915 г. Таким образом, большая часть курсантов прибыла тремя партиями 10–12 ноября, 12–14 декабря и 31 декабря 1915 г., но некоторые прибыли отдельно после 16 января 1916 г. В декабре 1915 г. в Баку побывал известный летчик, инструктор-лейтенант Б. Р. Миклашевский [28].

Офицерские школы морской авиации были рассчитаны в среднем на 20 человек каждая. Однако в условиях военного времени готовили по 27–35 человек в наборе [52, с. 530]. На 40 человек, одновременно проходивших обучение в БООШМА, постоянный состав школы насчитывал 158 человек. Аналогичное организационное устройство имели и военные авиационные школы [9, с. 62–67].

В течение ноября-декабря 1915 года в Баку были отправлены аэропланы Щетинина, прибывшие в город только в январе 1916 года [49]. Как следует из отчета А. А. Яновича, в распоряжении Школы было «...8 учебных аппаратов двух систем: «типа М-5» и «типа FBA». Весной 1916 г. школа получила один аппарат Кертисса, но полётов на нём было сделано мало...». Обучение, в основном, осуществлялось на гидросамолетах конструкции Григоровича М-5, М-9, М-11. Всего на учете в Бакинском отделении школы по ведомости авиационного имущества числилось 14 летательных аппаратов, в основном аппараты Щетинина (приказ по БООШМА №121 от 16.01.1916 г.). А для организации обучения летчиков бомбометанию 5 марта 1916 г. во временное пользование был предоставлен остров «Песчаный», расположенный в районе Бакинского градоначальства.

После окончания оборудования этой школы и посещения её городским головой Л. Л. Бычем начальник БООШМА капитан I ранга А. А. Янович обратил его внимание на решение ряда вопросов, а именно: сооружения легкой постройки для кают-компаний офицеров с устройством в них электроосвещения и установкой переносимых печей; проведения электричества на дополнительно приспособленную для нужд школы Таможенную пристань и некоторых мелких работ. Со своей стороны, Л. Л. Быч согласился произвести все эти работы, а А. Янович просил ускорить все вышеотмеченные работы [29].

На заседании портового присутствия под председательством А. Ф. Данилова обсуждалось ходатайство Бакинской городской управы о разрешении засыпки водного пространства 1700 кв. саж. между Каменной пристанью и пристанью №10 общества «Кавказ и Меркурий» для офицерской школы морской авиации.

В принятом постановлении отмечалось, что место, выбранное для помещения авиационной школы, крайне стеснительно для торгового судоходства…, что школа переведена в Баку временно и во всей бухте нет другого более подходящего для нее места. Проект Городской управы и смета на засыпку водного пространства обошлись городу в 68088 рублей [27]. Вопрос о засыпке был одобрен, при условии, что «город в последствие не будет просить возмещения казной произведенных им по засыпке расходов» [30]. На первоначальное оборудование помещения для

школы авиации выделен технический персонал, а Городская дума выделила аванс 6 т.р. на работы по приспособлению Каменной и Таможенной пристани под школу с тем, чтобы эта сумма в будущем была возвращена городу. Но поскольку этих средств не хватило, то управа на свой риск продолжила дальнейшее ассигнование, доведя их до 17 т.р. [32].

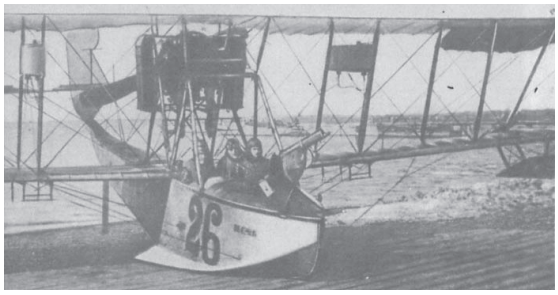
Пристань «Кавказ и Меркурий»

Хотя официальное название школы «Офицерская», тем не менее, наряду с офицерами, в ней обучались и нижние чины – авиационные унтер-офицеры, авиационные кондукторы, охотники (добровольцы) и матросы. Нижние чины, допущенные в 1916 г. к обучению в морской авиации на звание морского летчика, имели особое положение. Многие охотники 2-го и 3-го разрядов проходили обучение для дальнейшей службы в качестве младших авиационных специалистов – механиков, мотористов, техников по обслуживанию гидропланов.

За время деятельности отделения школы, с 23 ноября 1915 г. по 27 апреля 1916 г. в нем обучались 40 офицеров и 17 нижних чинов, имеющих право на производство в офицеры, а также 6 нижних чинов, этого права не имеющих. Из них было выпущено 20 морских летчиков офицеров и один нижний чин [23]. Вся деятельность Школы была подчинена одной цели – подготовке и выпуску квалифицированных морских летчиков для участия в боевых действиях первой Мировой войны.

Большую роль в подготовке кадров для авиации флота сыграл первый официальный документ отечественной морской авиации, а именно: – «Положение о службе авиации в службе связи» [52, с. 529]. Документ также определял, что подготовка нижних чинов к службе в качестве авиационных специалистов осуществляется на флотах при одной из станций 1-го разряда в каждом воздушном районе [52, с. 530].

9 (22) января 1916 года в Баку были закончены испытания гидросамолета М-9 Д. П. Григоровича, начавшиеся 25 декабря 1915 года. Через два дня 11 (24) января 1916 года по итогам испытания М-9 специальной комиссией Бакинского порта был подписан акт. М-9 летал в Баку до 24 марта (6 апреля) 1916 года, а затем был передан в Севастополь. Проводившиеся в Баку испытания М-7 Д. П. Григоровича из-за успеха М-9 были приостановлены. Руководство авиационной школы через местную печать уведомило посетителей, которым был разрешен осмотр школы по утрам и в воскресенье, что к полетам для публики они допускаться временно в течение 1-1,5 месяцев не будут [7; 31].

Летающая лодка М-9 Д. П. Григоровича

Главными задачами морской авиации на протяжении всей первой Мировой войны были разведка и корректировка артиллерийского огня. Поэтому основное внимание уделялось подготовке летчиков именно этим боевым видам. Для этой цели Управлением рыбными промыслами во временное пользование Школе авиации был передан полигон на о. Песчаный в Бакинской бухте, где шло обучение личного состава школы метанию бомб как зажигательных, так и разрывных [35].

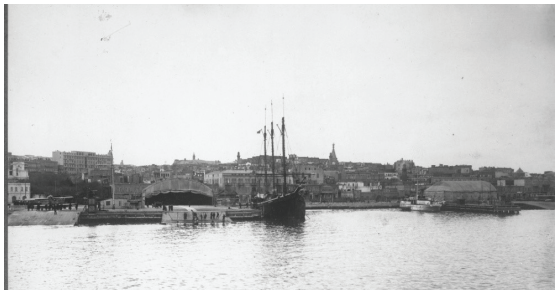
Д. П. Григорович (1883–1938) – Российский и советский авиаконструктор,специалист по гидросамолётам

В этой связи А. Янович просил градоначальника П. И. Мартынова организовать оповещение окрестного населения об опасности для тех, кто мог оказаться на о. Песчаный во время проведения занятий [35]. Кроме того, на о. Песчаном было много змей, поэтому А. А. Янович издал специальный приказ, чтобы команды туда выезжали только в высоких сапогах.

В течение января-марта 1916 года здесь же в Баку проходили испытания аэроглиссера №2 Голенищева-Кутузова, построенного на заводе С. С. Щетинина в конце ноября 1915 г. 27 апреля 1916 г. занятия и полеты в БООШМА были завершены, и лишь осенью 1916 г. Бакинское отделение школы возобновило свою работу.

30 апреля (13 мая) 1916 года был издан приказ (№ 222) о формировании Российского императорского военно-воздушного флота, что способствовало проведению единой технической политики, разработке тактики и стратегии авиации и дальнейшему ее развитию. Одновремен-

но производились испытания новой техники для морской авиации, а именно: два новых аппарата типа «Морской-9» и «Морской-10», а также новые модели аэропланов Григоровича, Лебедева и некоторые другие. Этим занимались как штатные старшие инструкторы Школы, так и прикомандированные опытные летчики, в числе которых в январе 1916 года в Баку находился известный летчик, лейтенант С. А. Лишин.

Общий вид Бакинской Офицерской Школы Морской Авиации со стороны моря

В истории БОШМА интересен такой факт. В результате вздорожания цен на предметы первой необходимости с 14–16 февраля 1916 г. в Баку произошли так называемые «голодные бунты», или «женские бунты», к которым затем присоединились и мужчины. Согласно архивным материалам, «толпа женщин двинулась с Базарной улицы (ныне пр. Азербайджан) к Александро-Невским рядам и начали громить здесь мясные ряды, бакалейные и гастрономические магазины, затем женщины перешли к разгрому пассажа» [15, л. 2]. Поскольку бунты не прекращались, городские власти вынуждены были вызвать против женщин взвод казаков и конных городовых; даже полторы тысяч солдат было недостаточно для охраны города Баку и разгона толпы женщин [13, л. 1]. На чрезвычайном заседании городских властей многие требовали принять карательные меры и вызвать новые казачьи отряды. Была вызвана помощь второго сводного полка Кубанского казачьего войска [13, л. 15].

В такой обстановке по просьбе капитана Морского порта г. Баку контр-адмирала Е. В. Клюпфеля в оказании помощи Бакинскому гарнизону по ликвидации начавшихся в Баку в начале 1916 года беспорядков принимали участие 18 офицеров этой Школы. В каждый из шести воинских подразделений пехоты и казаков были распределены от 2-х до 5-ти офицеров Школы [12; 21, с. 51]. А мичман В. М. Горяинов предложил использовать школьный грузовик, установив на него пулеметы. Эта идея принесла большую пользу, что позже особо было отмечено в приказе А. А. Яновича. Августейший Наместник Императора на Кавказе Его Высочество Николай Николаевич (через Клюпфеля) «горячо благодарил моряков Школы за помощь в подавлении беспорядков в Баку» [53] 52. 17 февраля 1916 г. бунт был фактически подавлен и офицеры вернулись в Школу к своим непосредственным обязанностям – службе, учебе, полетам и т.д. [53] 52. В свободное же время коллектив Школы отдыхал.

Согласно архивному источнику, среди арестованных, как мужчин, так и женщин, участвовавших в бунте, не было азербайджанцев. В основном это были русские и армянские женщины. Двое арестованных мужчин были из России и двое армян [3, с. 87–88; 14, л. 2об. – 3]. Азербайджанские женщины в погромах не участвовали. Дело в том, что азербайджанские женщины не ходили на базар: материальное обеспечение семьи полностью возлагалось на мужчин, как и другие обязанности. В оправдание русских и других женщин ошибочно высказывалось мнение, что азербайджанские мужчины не были мобилизованы на войну и могли материально обеспечить свою семью, в то время как христианские женщины, мужья которых были на войне, были относительно в худшем положении, хотя государство выплачивало им пособия. Эта ошибочная версия опровергается тем обстоятельством, что с начала 1916 г. по решению правительства мусульмане России также стали призываться в армию. И надо заметить, что положение азербайджанских женщин было еще хуже других женщин, так как государство не выплачивало мусульманкам пособия. И этот вопрос был поднят в статье Таги Шахбази «Новое положение и наши женщины», опубликованной в газете «Ачыг сез» («Открытое слово») [54]. Вопрос о февральских событиях в Баку был предметом обсуждения на нескольких февральско-мартовских заседаниях IV Государственной думы [8; 24; 33; 34; 39; 40; 41].

Еще один примечательный факт из жизни БОШМА, усматриваемый из Рапорта начальника БООШМА ОВФ капитана 1-го ранга А. А. Яновича от 30 апреля 1916 г. По указанию Высшего Начальства командиром Бакинского порта контр-адмирал Е. В. Клюпфелем в феврале 1916 г. была организована важная экспедиция в Иран, связанная с военными действиями в ходе первой Мировой войны. Школа выделила один из лучших аппаратов с запасными частями, которым управлял морской летчик мичман П. П. Величковский, за что был награжден боевой наградой.

Учебный процесс в БООШМА строился с учетом всех технических нововведений, появлявшихся к этому времени в авиации. В начале апреля 1916 года в Бакинскую Школу был командирован по делам радиотелеграфии старший лейтенант Стогов. Занятия по приему телеграмм на слух в кают-компании шхуны «Али-Абад» вел заведующий радиотелеграфными станциями Каспийского моря мичман В. В. Сакович с помощью 2-х телеграфистов. Занятия продолжались до отъезда Школы в Петроград в конце апреля 1916 года.

В ходе первой Мировой войны все внимание сосредоточивалось на новых видах вооружения и военной техники. И если, например, для Германии главным был подводный флот, то царская Россия все внимание сосредоточивала на развитии и становлении отечественной авиации. Значительную помощь по изготовлению новых меха-

низмов и других технических новинок оказывало Бакинское техническое училище.

Шхуна «Али Абад» на пристани Бакинской офицерской школы авиации со стороны моря

А. А. Янович заботился и о материальном благополучии своих работников. Так, 4 февраля 1916 г. он «просил Особый Комитет выделить деньги, чтобы повысить жалование казначею П. П. Григорьеву, делопроизводителю и бухгалтеру, сопровождая просьбу самыми похвальными характеристиками всех троих. Их зарплата составляла по 50 руб., дополнительно еще по 100 руб. в месяц на каждого, итого 150 руб. на человека» [49, л. 1–2]. Так же Янович просил о повышении зарплаты шоферу Бортникову с 30 до 100 руб.

Значительную помощь Школе авиации оказывала Бакинская городская дума и Управа. Об этом, в частности, писал и сам начальник Школы А.А. Янович: «Город часто и безвозмездно проводил многие работы: была отгорожена Каменная пристань на Набережной (*напротив нынешнего здания Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики – ГНКАР на пл. Азнефть*, основанной 13 сентября 1992 года со штаб-квартирой в Баку) деревянным забором, построен открытый гараж на 4 автомобиля, мастерские и склады, отремонтировано здание канцелярии, лазарет и школьная фотолаборатория, проведен телефон, оборудована метеостанция, организованы противопожарные меры» [49, л. 2]. И самое главное, как отмечалось в Отчете капитана I ранга, командира БООШМА А. А. Яновича «были устроены спуски (не менее 14 метров) к воде для гидропланов, *каждый из которых состоял из 25–30 свай и обошелся городу в несколько тысяч рублей*, и для чего было выделено много дорогостоящего дерева для свай и настилов. Городом было проведено электричество (оплата за счет города) во все службы Школы, включая шхуну «Али-Абад», удачно приспособленная для проживания команды Школы» [48, л. 99]. По словам А.А. Яновича, «морские летчики в долгу у города не остались, и через некоторое время защищали его с воздуха...» [48, л. 99].

Школьной метеостанцией руководил специально командированный для этого вольноопределяющийся охотник (иначе – доброволец) Павел Введенский, которому помогал делопроизводитель Зейдон Ландау. Причем наблюдения передавались сначала в Главную физическую, потом в Романовскую Обсерваторию и имели самостоятельное значение не только для Школы. Основные сводки ежедневно по телеграфу приходили из Тифлисской Обсерватории.

В связи с неожиданным прибытием новой группы офицеров-летчиков в Бакинскую школу морской авиации (число офицеров превысило 30 чел), возникла срочная потребность в кают-компании большего размера и вследствие срочного решения этого вопроса А. А. Янович просил Бакинскую городскую управу (14 декабря 1915 г. № 396) отвести баржу клуба Торгового флота для нужд школы [48, л. 18]. Со стороны совета старейшин клуба Торгового флота, как отмечалось в письме в Бакинскую городскую управу (19 октября 1916 №383), «препятствий для отвода баржи нет, в случае же повреждений при переводе баржи совет старейшин принимает расходы на себя» [48, л. 48].

На необходимые работы для нужд авиационной школы Бакинская городская управа израсходовала 17500 руб., из них 7500 руб. ушло на расширение бывших Деревянной и Таможенной пристани. Однако для погашения этого аванса от начальника школы никаких денег не поступало, хотя требования от него на различные материалы для нужд школы продолжали поступать» [48, л.19]. В силу того, что город не располагал свободными средствами, а расходы по смете 1915 г. превысили доходы, Дума постановила прекратить в дальнейшем оплату счетов Бакинского отделения офицерской школы морской авиации, а расход на расширение пристани отнести на счет города. В другом письме Бакинская городская управа (11 января 1916 г. №751) на имя начальника БООШМА сообщала, что «Городская управа, не имея в своем распоряжении свободных наличных средств, отказывается от дальнейших ассигнований, хотя готова предоставить своих техников, но исключительно за счет самой школы» [11, л. 22–22 об.].

В ответном письме (14 января 1916 г. №121) на имя городского головы г. Баку Л. Л. Быча А. А. Янович сообщал о «завершении работ по оборудованию для нужд школы за счет расширения Каменной и Таможенной пристаней, а также и о том, что школа не имеет никаких особых работ, требующих больших расходов, о том, что отдел воздушного флота… готовит экстренно, с большими трудностями, защитников родины» [11, л. 23]. При этом указывалось, что вся авиационная деятельность не подлежит оглашению [11, л. 23 об.].

В письме, адресованном зав. строительной частью Бакинской городской управы М. Гаджинскому (16.1.1916 г. № 162), А. А. Янович сообщал, что в случае «если город не сможет принять на себя расходы столярных работ и проведение электроосвещения, то стоимость оставшихся работ будет им возмещена городу» [11, л.23об.].

С просьбой о проведении освещения Бакинская городская управа 21 января 1916 года обратилась к Акционерному обществу «Электрическая сила» [11, л. 25]. Также был подготовлен членом управы М. Гаджинским доклад об отводе Каменной пристани и прилегающего к ней про-

странства для устройства на них ангаров и других сооружений. Городская дума постановила отвести для нужд школы Каменную и Деревянную (бывшую Таможенную) пристани напротив бульвара, выделив на засыпку до 45 тыс. руб. в кредит [12, л. 4 об. – 5].

В письмах начальника Бакинского торгового порта А. Данилова (30 октября 1915 г. № 6068, 31.10.1915 г. № 6076) на имя начальника Бакинского отделения офицерской школы морской авиации сообщалось об отсутствии препятствий со стороны управления порта к приспособлению для нужд школы Старо-Таможенной пристани [12, л. 5, 7]. 25 ноября 1915 г. Бакинская городская управа просила (№ 21339) руководство Торгового порта утвердить смету на засыпку и устройство ограждения, а также расценочную ведомость [12, л. 9–9 об.]. Смета на устройство бетонной дорожки на Каменной пристани для авиационной школы составила 637 руб. 50 коп. [12, л.10], а исполнительная смета на оборудование Каменной пристани для школы составила 7437 руб.13 коп. [11, л. 26, 27, 29]. Сама Таможенная пристань была отделена от бульвара полосой водного пространства (326,50 кв. саж) [11, л. 16]. Исполнительная смета на расширение Таможенной пристани составила 7983 руб., а смета на оборудование Таможенной пристани для авиационной школы – 3 тыс. руб. [11, л. 26, 27]. Расходы Городской управы по оборудованию школы составили 10 734 руб., о чем позже было отмечено в докладе Бакинской городской управы от 9 февраля 1916 г. (прил. № 9) [11, л. 26].

7 октября 1916 г. состоялось закрытое заседание Бакинской городской думы (журнал № 28), на котором был рассмотрен вопрос об отводе места для авиационной школы [12, л. 16]. В докладе Городской Управы «Об отводе места под Авиационную школу» отмечалось, что «устройство и нахождение школы вблизи Приморского бульвара… небезопасно для многочисленной, посещающей бульвар, публики. Бульвар являлся единственным в городе местом отдыха для публики, а занятие школой единственных, оставшихся в распоряжении города для общего пользования, Таможенной и Каменной пристаней стеснило развитое каботажное судоходство.

Согласно архивным данным, наиболее удобным местом для устройства школы являлись участки земли, расположенные на территории Военного порта, а именно: бечевник (береговая полоса, полоса суши вдоль берегов водных объектов общего пользования) против Баиловского шоссе, начиная приблизительно от баркасной пристани общества «Кавказ и Меркурий» к северо-востоку вдоль берега» [12, л. 16]. При этом отмечалась незначительная ширина существующего бечевника, но вследствие небольшой глубины моря представлялось возможным в короткий срок и при сравнительно незначительных затратах образовать сухую территорию достаточных для школы размеров [12, л. 16]. Другим подходящим местом Комиссия признала участок, занятый на тот момент опреснителем.

Оба указанных участка принадлежали Военному порту, следовательно, городское самоуправление могло рекомендовать эти участки. В пределах же городских владений сколько-нибудь подходящих свободных участков совершенно не было [12, л. 3г об.]. До этого школа занимала участок на Каменной и Деревянной пристани. Поэтому вопрос расширения этой площади, которую занимала школа, Комиссия, осмотрев этот участок, единогласно пришла к выводу о полной непригодности этого места для устройства авиационной школы. Закрытие двух пристаней, третья – Петровская была занята Таможенным и Военным ведомствами – ставило в крайне затруднительное положение каботажное судоходство, а близость этого места с городским бульваром создавало целый ряд больших неудобств, как для населения, так и для школы [12, л. 3].

Постоянную угрозу для населения представляли учебные полеты, не гарантирующие от несчастных случаев. Так, подобный случай был в 1915 году, тогда, к счастью, все обошлось без печальных последствий для населения, благодаря тому, что была дождливая погода, и на бульваре никого не было. Поэтому такое соседство для школы признавалось неудобным. Отмечалось, что если школа останется на прежнем месте и на долгий срок, тогда для нее необходима большая площадь, чем она занимала, хотя расширяться было некуда. В этой связи Комиссия категорически высказалась за немедленное перенесение школы с данного района. Но, учитывая тот факт, что для этого потребуется несколько месяцев, в течение которых «школа вынуждена будет закрыться, что, конечно, было нежелательным, Комиссия предложила дать отсрочку на время войны – не более 1 года» [12, л. 3д].

Бакинская Городская Дума, признавая все неудобства, стесненное расположение школы вблизи бульвара, занятие городских пристаней общего пользования и желая пойти навстречу скорейшему открытию и устройству школы, постановила отвести во временное (не более, чем на 1 год) пользование школы Каменную пристань с прилегающим к ней водным пространством до пристани части бывшего о-ва «Надежда» и до пристани Товарищества «Ислам». Кроме того, предлагалось эту половину засыпать частью до глубины в 2–3 фута, а на остальной части устроить платформу на сваях. Таким образом, площадь составила бы в 450 кв. саж. Поэтому представитель Авиационной школы заявил, что если такая площадь будет присоединена к площади Каменной пристани, то школа «освободит деревянную Таможенную площадь, и вовсе не будет занимать бечевник против бульвара вплоть до Каменной пристани» [12, л. 3]. Комиссия, сочтя данный вариант наилучшим решением вопроса, и предложив Думе остановиться на нем, как на временном месте школы, постановила:

– поручить Городской Управе совместно с избранной Городской Думой (заседание от 4.10. 1916 г.) комиссией выработать (с правомочным

представителем в г. Баку «Отдела воздушного флота, высочайше утвержденного Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования») соглашение относительно временного предоставления школе указанного места и непременного освобождения его от всех сооружений школы по истечении годичного срока со дня постановления Думы;

– разрешить Городской Управе израсходовать для приспособления под школу отводимого водного пространства, ассигнованные по ст. 170 сметы расходов 1916 года, на засыпку береговой полосы 38.397 руб. 60 коп. [12, л. 3а об.].

Для решения данного вопроса Думой была избрана Особая комиссия из гласных (Ф. Ф. Скрепинского, А. Г. Тагиева и др.) совместно с Управой и с участием начальника Торгового порта и представителя школы. 5 октября 1916 года Комиссия провела осмотр портовой территории для устройства на ней Авиационной школы. Была осмотрена часть от Каменной пристани до Адмиралтейства, другая часть к Белому городу осмотру не подвергалась в виду ясной непригодности для данной цели (имелись в виду сильные волнения во время южных ветров) [12, л. 3а об.].

Лицам, имевшим образование, окончание военных авиационных школ военного времени давало присвоение воинского звания «прапорщик». Таким образом, авиационные школы в условиях войны отчасти совместили в себе функции учебных заведений двух образовательных уровней: офицерских школ и военных училищ. Совпадение по времени зарождения авиации в России с её участием в первой Мировой войне на многие последующие годы предопределило военный акцент в функционировании всей отечественной авиации в целом [52, с. 530].

Созданные в годы войны базы для подготовки кадров морской авиации позволили в ходе кампании 1917 года начать осуществление целенаправленной и качественной подготовки летного и технического состава для авиационных организационных структур флота в самом морском ведомстве [10]. Наиболее крупной авиашколой к началу 1917 г. на Кавказе стала Кавказская военная авиационная школа в Тифлисе для подготовки летчиков сухопутной авиации (октябрь, 1916г.), преобразованная из довоенной авиашколы Кавказского аэроклуба, где одновременно обучалось около 80 человек в наборе.

Повышению уровня подготовки морских авиаторов способствовал ряд мер организационного характера. В морские авиационные школы в качестве инструкторско-преподавательского состава с флотов направлялись наиболее подготовленные специалисты, были установлены квалификационные требования к выпускникам морских авиационных заведений по специальностям летчика, наблюдателя и авиационного механика, внесены соответствующие изменения в программы подготовки специалистов для морской авиации разной направленности. Таким образом, в годы первой Мировой войны в составе отечественного флота был создан в конце 1916 – начале 1917 гг. новый род вооруженных сил – морская авиация.

10 июля 1917 года в Москве открылся Первый Всероссийский авиационный съезд, избравший Всероссийский авиационный Совет, утвержденный приказом военного министра генерал-майора А. И. Верховского, в который вошли в основном офицеры. Эту общественную организацию с непонятным статусом, но большими амбициями возглавил летчик-наблюдатель член партии эсеров поручик Д. Д. Хризосколео. Однако, по словам Е. И. Ахматовича, этот орган «не внес ничего существенного в положение, создавшееся в авиационных войсках, и своей нераспорядительностью он только способствовал росту недовольства в солдатских массах, и, в конце концов, такое состояние привело к гибели этого «авторитетного» органа» [4, с. 3–19].

Однако вопросы подготовки авиационных кадров становились актуальными и были рассмотрены вскоре на Втором авиационном съезде, состоявшемся в Москве 15 июня 1918 г. В решениях съезда было отмечено, что создание Воздушного флота в России зависит от уровня развития авиатехники и промышленности, для чего необходимо было поднять уровень кадров, сосредоточенный в технических учебных заведениях. Для этой цели съезд признал необходимым учреждение высшего авиационного института, среднего авиатехникума при МВТУ, согласно проекту профессора Н. Е. Жуковского, поручив ему это [19, с. 19–24].

С образованием 28 мая 1918 г. Азербайджанской Демократической Республики (АДР) – первого демократического государства на Востоке – одной из первых мер, предпринятых молодым государством, стало создание военно-воздушных сил страны. В этой связи одной из приоритетных задач государство считало подготовку кадров в сфере авиации, чем и занялось созданное Военное министерство, возглавляемое генералом Самед беком Мехмандаровым.

Толчком к развитию авиационной политики АДР стал подписанный в 1919 году между Азербайджаном и Грузией договор о сотрудничестве в военной сфере, поскольку Грузия в то время являлась своего рода плацдармом России и центром военных структур, и в частности, учебных заведений в области авиации. Приказом 19 августа 1919 г. за подписью генералов Самеда бека Мехмандарова и Мамед бека Сулькевича подпоручик Теймурхан Афшар был назначен заместителем начальника авиаотряда при Генштабе Азербайджанской армии [46, с.30]. С этого времени была начата работа по созданию новой структуры. 14 сентября 1919 года военным министром был утвержден штат авиаотряда [46, с.30]. По приказу военного министра и, согласно подписанному договору, для практической подготовки в Грузию была отправлена группа в составе солдат и офицеров Азербайджана из 9 человек. Окончившие 3-х месячные курсы в Авиационном училище в Тифлисе они вернулись в Азербайджан и среди них прапорщики: Алигусейн Дадашев, Теймур Мустафаев, Гянджинский, Ахмедали Аждар

Гасанзаде, Мамед Гарашаров Асад Алиев, капитан Фиридун бек мирза Сейфулла оглу Гаджар, и другие [23, 11; 46, с. 30].

Правительство АДР обеспечивало полеты самолетов. Так, например, уже в 1919 году впервые в истории авиации Азербайджана был осуществлен перелет через Каспийское море на самолете «Фарман-30», удачно приземлившийся в городе Красноводск (Туркменистан). Правительство Азербайджана приступило к организации национальных вооруженных сил. Было принято решение о создании в армии Азербайджанской Демократической Республики военного авиационного отряда. 26 января 1920 г. по приказу заместителя военного министра Алиаги Шихлинского началось создание в азербайджанской армии 1-го военного авиационного отряда и военно-морской школы летчиков. На должность командира назначили Граудин-Граудса, а коммуниста шведа Гарри Флекмооре (до революции работал в цирке, а весной 1920 г. стал директором Бакинского цирка) военным комиссаром. Заместителем военкома был утвержден С. А. Красовский [43, с. 46]. Из Москвы прибыли машины отечественного производства «Лебедь-12» и «Ньюпор-17». По словам С. А. Красовского, в тот период нелегко было организовать ремонт и эксплуатацию самолетов. Объяснялось это тем, что в Азербайджане не было ни авиазавода, ни авиа-мастерских. Техническое имущество, детали, шплинты и гайки приходилось добывать на частном рынке, и только в централизованном порядке из Гянджи, со складов республики, привозили пулеметы.

Авиационная политика Азербайджанской Демократической Республики, к большому сожалению, была прервана приходом в апреле 1920 года в Баку XI Красной Армии, свергнувшей Правительство АДР и установившей советскую власть. С этого времени азербайджанская гражданская авиация начала функционировать уже в составе СССР. Но, несмотря на ряд ограничений, с которыми пришлось столкнуться азербайджанской авиации, она смогла добиться определенных успехов. В 1924 году во время одного из полетов на самолете М-9 первый советский военный летчик-азербайджанец Теймур Мустафаев и летный наблюдатель Гаджиев обнаружили в Каспийском море нефтяные фонтанчики [43, с. 54–55].

Важным событием в жизни авиации Азербайджана стало строительство аэропортов в Бина (1930–33), Евлахе (1932), Аджикабуле, Шеки (1933). Для строительства и оборудования воздушных линий местного значения правительством СССР было выделено 50 млн руб. [16, с. 70–71].

Примечательным в истории авиации Азербайджана событием стало появление первой азербайджанской летчицы – Соны Нуриевой, окончившей летное училище в Батайске. Ее примеру последовали Зулейха Сеидмирзоева и Лейла Мамедбекова [1, с. 53–54; 45, с. 4].

Однако ситуация в стране была неспокойной. В 1928 году весь конструкторский отдел по гидросамолетам, возглавляемый Д. П. Григоровичем, был отправлен в Бутырскую тюрьму. Здесь под его руководством совместно с авиаконструктором Н. Н. Поликарповым было создано первое в истории тюремное конструкторское бюро и спроектирован истребитель с двигателем воздушного охлаждения [42, с.138–139; 51, с. 49].

В годы Второй мировой войны многие азербайджанские летчики были удостоены звания Героя Советского Союза. Но это уже совершенно другая история.

Подытоживая, отметим, что созданием Бакинского отделения офицерской школы морской авиации было положено начало авиационному образованию в Азербайджане. Пятимесячный учебный период в Баку прошел в целом спокойно и плодотворно. В этом, несомненно, заслуга не только первого начальника Бакинской Школы морской авиации капитана 1-го ранга А. А. Яновича, но Бакинской Городской думы и Бакинской городской управы, много сделавших для успешной работы Школы в подготовке морских летчиков (к уже выпущенным Школой, было подготовлено еще 15 почти готовых морских летчиков, которые самостоятельно вылетели из Баку в Петроград). С 25 февраля 1917 г. Бакинское отделение стало Бакинской школой морской авиации [5, с. 4; 7], 100-летний юбилей которой был отмечен в 2017 г. В итоге – обе школы в Петрограде и Баку стали существовать самостоятельно.

Постановлением Кабинета Министров Азербайджанской республики от 15 июня 1992 года № 337 в целях создания необходимых условий для подготовки, повышения квалификации и переподготовки авиационных кадров учебно-тренировочный центр (УТЦ) по повышению квалификации и переподготовки кадров Государственного Концерна «Азербайджан Хава Йоллары» был преобразован в Национальную Академию Авиации (НАА) – государственное высшее учебное заведение Азербайджанской Республики, занимающееся подготовкой, повышением квалификации и переподготовкой авиационных кадров, первый выпуск (80 чел.), который состоялся в 1996 году. В НАА имеется современная электронная библиотека, а также книжный фонд, укомплектованный научно-технической, учебно-методической, справочной и специальной литературой. Библиотечный фонд постоянно обновляется и пополняется.

29 февраля 2008 г. в Национальной Академии Авиации состоялось торжественное открытие Музея Гражданской Авиации, целью и задачей которого является поиск, сбор, изучение, сохранение материалов, отражающих историю авиации Азербайджана. Экспозиция Музея Гражданской Авиации ярким образом отражает пути развития азербайджанской авиации, а также пройденные национальными авиаторами этапы. В настоящее время в основном и вспомогательном фондах Музея гражданской авиации в надежных условиях хранятся свыше 6000 весьма редких музейных материалов.

Источники и литература

1. Алиев Г. Транспорт и экономика Азербайджана (первая половина XX века). Баку: Элм. 2001. 244 с.
2. Алиев Н. Соколы Азербайджана: [Об истории авиации Азербайджана]. Баку: Азернешр, 1979. 212 с.
3. Алиева Л.А. Положение женщин Азербайджана в период военных конфликтов (на примере фактов I Мировой войны) // Baki universitetinin xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası. 2012. №4. С.87 – 88.
4. Ахматович Е.И. В первые дни // Шипилов И.Ф. Звезды на крыльях: воспоминания ветеранов советской авиации. М.: Воениздат, 1959. С.3 – 19.
5. Ахундов Ф. Короли моря и воздуха // Азербайджанские известия. 2006. 22 декабря.
6. Баку. 1910. 20 октября.
7. Баку. 1916, 5 января.
8. Баку. 1916, 16 февраля.
9. Беляков А. И. Санкт-Петербург - родина морской авиации // Морской сборник. 2000. №8. С.62 – 67.
10. Герасимов В. Л. Отечественная морская авиация в Первую мировую войну: дис. … канд. ист. наук. М.: Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации. 2004, 306 с.
11. Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики (далее – ГИА АР): Ф. 46. Оп. 4. Д. 522.
12. ГИА АР: Ф.389. Оп. 3. Д. 2971
13. ГИА АР: Ф.485. Оп.1. Д.34
14. ГИА АР: Ф.485. Оп.1. Д.35
15. ГИА АР: Ф.485. Оп.1. Д.39
16. Гражданская авиация СССР. 1917-1967гг. / отв. ред. Безбородов Г. В. М.: Транспорт, 1967. 317 с.
17. Гусейнов А. Азербайджанцы в истории России. М.: Оверлей, 2006. 562 с.
18. Гусейнова Д. С. Развитие морского транспорта, формирование кадров рабочих-моряков Азербайджана и их революционные выступления (90-е годы 19 в. – 1907): автореф. дис. … канд. ист. наук. Баку: [б. и.], 1975. 38 с.
19. Елисеев С. П. Сохранить все авиационные школы для трудового народа. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на систему подготовки военных авиационных кадров в Советской России. К 100-летию отечественного Военно-воздушного флота // Военно-исторический журнал. 2012. №7. С.19–24
20. Известия Бакинской городской думы. 1916. Октябрь-ноябрь. №10-11.
21. Известия Бакинской городской думы. 1917. Январь-март. №1-3.
22. Исмаилов Э. Георгиевские кавалеры–азербайджанцы. М.: Герои Отечества, 2005. 247 с.
23. История авиации в Азербайджане. Библиография материалов на русском языке. Сост. Ш. Ахундов. Баку: [б. и.], 2012. 280 с.
24. Кавказ. 1916. 28 февраля
25. Кавказский календарь на 1914 год. Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1913. 977 с.
26. Кавказская копейка. 1915. 22 ноября. № 323.
27. Кавказская копейка. 1915. 28 ноября. № 329.
28. Кавказская копейка. 1915. 14 декабря. № 345
29. Кавказская копейка. 1915. 15 декабря. № 346.
30. Кавказская копейка. 1915. 16 декабря. № 347.
31. Кавказская копейка. 1916. 5 января. № 5
32. Кавказская копейка. 1916. 12 января. № 12
33. Кавказская копейка. 1916. 16 февраля. № 47
34. Кавказская копейка. 1916. 28 февраля. № 59
35. Кавказская копейка. 1916. 12 марта. № 72
36. Каспий. 1915. 24 ноября. № 262
37. Каспий. 1915. 25 ноября. № 263
38. Каспий. 1915. 26 ноября. № 264
39. Каспий. 1916. 14 февраля. № 36
40. Каспий. 1916. 16 февраля. № 37
41. Каспий. 1916. 25 февраля. № 44
42. Керимова Э. А. Азербайджанская авиация в период предвоенного десятилетия // Tarix və onun problemləri. 2010. №1. С.138-139.
43. Красовский С. А. В Закавказье // Жизнь в авиации. М.: Воениздат, 1968. 374 с.
44. Краткий обзор истории авиации в российском императорском флоте (1890-1917). URL: http://xxl3.ru/kadeti/rus_mor_avia.htm; http://www.migavia.com/articles/rus-mor-avia.html. (Дата обращения: 20.11.2018).
45. Лифшиц Г. Знатные лётчицы Азербайджана: [Производственные биографии летчиц – парашютисток Лейлы Мамедбековой, Зулейхи Сеидмамедовой и Соны Нуриевой] // Самолёт. 1936. №3. С.4.
46. Назирли Шамистан. Соколы первой республики: [14 сентября 1919 года Военный министр Азербайджанской Республики издал приказ о создании в армии авиаотряда] // Шамистан. Первый военный лётчик Азербайджана Фаррух ага Гаибов. Баку: CBS Polyqraphic Production, 2007. С.29 – 35.
47. Наше Слово. 1916. 13 марта.
48. Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 2. Д. 1252.
49. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп.1. Д. 2104.
50. РГА ВМФ. Ф. 1230. Оп.1. Д. 7.
51. Соболев Д.А. Репрессии в советской авиапромышленности // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. №4. С.49.
52. Тимофеев Ф. Д. Подготовка летчиков в военно-учебных заведениях России и в начале XX века // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т.16. Вып. № 40. С. 527–530.

53. Филс С. Страницы Истории Морской Авиации России: БОШМА. ЧАСТЬ V: Кое-что еще о происшествиях, учебе и жизни школы URL: http://www.proza.ru/2011/08/14/215 (Дата обращения: 7.04.2018).
54. Şahbazi Tağı. Yeni əhval qarşısında qadınlarımız // Açıq söz» qəzeti. 1916. 4 avqust. №250.

References

1. Aliev G. Transport i jekonomika Azerbajdzhana (1 pol. XX veka) *(Transport and Economy of Azerbaijan (1st half of the twentieth century).* Baku: Jelm. 2001. 244 p. (In Russian).
2. Aliev N. Sokoly Azerbajdzhana: [Ob istorii aviacii Azerbajdzhana] *(Falcons of Azerbaijan: [On the history of aviation in Azerbaijan]).* Baku: Azerneshr, 1979. 212 p. (In Russian).
3. Alieva L. A. Polozhenie zhenshhin Azerbajdzhana v period voennyh konfliktov (na primere faktov I Mirovoj vojny) *(The Position of the Women of Azerbaijan in the Period of Military Conflicts (With the Reference to the Facts of World War I)* // Baki universitetinin xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası. 2012. No. 4. P. 87–88. (In Russian).
4. Ahmatovich E. I. V pervye dni *(In the Early Days)* // Shipilov I.F. Zvezdy na kryl'jah: vospominanija veteranov sovetskoj aviacii. M.: Voenizdat, 1959. 312s. Moscow: Voenizdat, 1959. P.3–19. (In Russian).
5. Ahundov F. Koroli morja i vozduha *(Kings of the Sea and Air)* // Azerbajdzhanskie izvestija. 2006. December 22. (In Russian).
6. Baku. 1910. October 20. (In Russian).
7. Baku. 1916. January 5. (In Russian).
8. Baku. 1916. February 16. (In Russian).
9. Beljakov A. I. Sankt-Peterburg - rodina morskoj aviacii *(St. Petersburg - the Birthplace of Naval Aviation)* // Morskoj sbornik. 2000. No. 8. P. 62–67. (In Russian).
10. Gerasimov V. L. Otechestvennaja morskaja aviacija v Pervuju mirovuju vojnu *(National Naval Aviation in the First World War)*: thesis. Moscow, 2004. 306 p. (In Russian).
11. State Historical Archive of the Republic of Azerbaijan (GIA AR): F. 46. Inv. 4. D. 522. (In Russian).
12. GIA AR: F.389. Inv. 3. D. 2971. (In Russian).
13. GIA AR: F.485. Inv.1. D.34. (In Russian).
14. GIA AR: F.485. Inv.1. D.35. (In Russian).
15. GIA AR: F.485. Inv.1. D.39. (In Russian).
16. Grazhdanskaja aviacija SSSR 1917–1967gg. *(Civil Aviation of the USSR. 1917–1967).* Moscow: Transport, 1967. 317 p. (In Russian).
17. Gusejnov A. Azerbajdzhancy v istorii Rossii *(Azerbaijanis in the History of Russia).* Moscow: Overlej, 2006. 562 p. (In Russian).
18. Gusejnova D. S. Razvitie morskogo transporta, formirovanie kadrov rabochih-morjakov Azerbajdzhana i ih revoljucionnye vystuplenija (90-e gody 19 v. – 1907) *(The Development of Maritime Transport, the Formation of the Staff of Seafarers in Azerbaijan and Their Revolutionary Demonstrations (the 90s of the 19th century – 1907)*: abstract of thesis. Baku, 1975. 38 p. (In Russian).
19. Eliseev S. P. Sohranit' vse aviacionnye shkoly dlja trudovogo naroda. Vlijanie Velikoj ktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii na sistemu podgotovki voennyh aviacionnyh kadrov v Sovetskoj Rossii. K 100-letiju otechestvennogo Voenno-vozdushnogo flota *(Save All Aviation Schools for Working People. The Influence of the Great October Socialist Revolution on the System of Training Military Aviation Personnel in the Soviet Russia. On the 100th Anniversary of the National Military Air Fleet)* // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2012. No. 7. P. 19–24. (In Russian).
20. Izvestija Bakinskoj gorodskoj dumy. 1916. October – November. No. 10–11. (In Russian).
21. Izvestija Bakinskoj gorodskoj dumy. 1917. January – March. No. 1–3.
22. Ismailov Je. Georgievskie kavalery–azerbajdzhancy *(George Knight's – Azerbaijanis).* Moscow: Geroi Otechestva, 2005. 247 p. (In Russian).
23. Istorija aviacii v Azerbajdzhane. Bibliografija materialov na russkom jazyke *(History of Aviation in Azerbaijan. Bibliography of Materials in Russian).* Baku, 2012. 280 p. (In Russian).
24. Kavkaz. 1916. February 28. (In Russian).
25. Kavkazskij kalendar' na 1914 god. Tiflis: Headquarters of the Caucasian governor, 1913, 977 p. (In Russian).
26. Kavkazskaja kopejka. 1915. November 22. No. 323 (In Russian).
27. Kavkazskaja kopejka. 1915. November 28. No. 329. (In Russian).
28. Kavkazskaja kopejka. 1915. December14. No. 345. (In Russian).
29. Kavkazskaja kopejka. 1915. December 15. No. 346. (In Russian).
30. Kavkazskaja kopejka. 1915. December 16. No. 347. (In Russian).
31. Kavkazskaja kopejka. 1916. January 5. No. 5. (In Russian).
32. Kavkazskaja kopejka. 1916. January 12. No. 12. (In Russian).
33. Kavkazskaja kopejka. 1916. February 16. No 47. (In Russian).
34. Kavkazskaja kopejka. 1916. February 28. No. 59. (In Russian).
35. Kavkazskaja kopejka. 1916. March 12. No. 72. (In Russian).
36. Kaspij. 1915. November 24. No. 262. (In Russian).
37. Kaspij. 1915. November 25. No. 263. (In Russian).
38. Kaspij. 1915. November 26. No. 264. (In Russian).
39. Kaspij. 1916. February 14. No. 36. (In Russian).
40. Kaspij. 1916. February 16. No. 37. (In Russian).
41. Kaspij. 1916.February 25. No. 44. (In Russian).
42. Kerimova Je. A. Azerbajdzhanskaja aviacija v period predvoennogo desjatiletija *(Azerbaijan Aviation during the Prewar Decade)* // Tarix və onun problemləri. 2010. No. 1. P.138–139. (In Russian).

43. Krasovskij S. A. V Zakavkaz'e / Zhizn' v aviacii *(In Transcaucasia / Life in Aviation)*. Moscow: Voenizdat, 1968. 374 p. (In Russian).

44. Kratkij obzor istorii aviacii v rossijskom imperatorskom flote (1890–1917) *(A Brief Overview of the History of Aviation in the Russian Imperial Fleet (1890–1917).* URL: http://xxl3.ru/kadeti/rus_mor_avia.htm; http://www.migavia.com/articles/rus-mor-avia.html. (Accessed: 20.11.2018). (In Russian).

45. Lifshic G. Znatnye ljotchicy Azerbajdzhana: [Proizvodstvennye biografii letchic – parashjutistok Lejly Mamedbekovoj, Zulejhi Seidmamedovoj i Sony Nurievoj] *(Notable Pilots of Azerbaijan: [Biographies of Female Pilots - Parachutists of Leyla Mamedbekova, Zuleikha Seyidmamedova and Sona Nurieva*]) // Samoljot. 1936. No. 3. P.4. (In Russian).

46. Nazirli Shamistan. Sokoly pervoj respubliki: [14 sentjabrja 1919 goda Voennyj ministr Azerbajdzhanskoj Respubliki izdal prikaz o sozdanii v armii aviaotrjada] *(The Falcons of the First Republic: [On September 14, 1919, the Minister of War of the Republic of Azerbaijan Issued an Order Establishing an Squadron in the Army])* // Shamistan. Pervyj voennyj ljotchik Azerbajdzhana Farruh aga Gaibov. Baku: CBS Polyqraphic Production, 2007. P.29 – 35. (In Russian).

47. Nashe Slovo. 1916. March 13. (In Russian).

48. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). F. 417. Inv. 2. D. 1252. (In Russian).

49. RGA VMF. F. 418. Inv.1. D. 2104. (In Russian).

50. RGA VMF. F. 1230. Inv.1. D. 7. (In Russian).

51. Sobolev D. A. Repressii v sovetskoj aviapromyshlennosti *(Repression in the Soviet Aircraft Industry)* // WIEET. 2000. No. 4. C.49. (In Russian).

52. Timofeev F. D. Podgotovka letchikov v voenno-uchebnyh zavedenijah Rossii i v nachale XX veka *(Training of Pilots in Military Schools of Russia and at the Beginning of the Twentieth Century)* // Izvestija rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2007. Vol.1 Issue 6. No. 40. P. 527–530. (In Russian).

53. Fils S. Stranitsy Istorii Morskoi Aviatsii Rossii: BOShMA. Part.' V: Koe-Chto eshche O Proisshestviiakh, Uchebe i Zhizni Shkoly - http://www.proza.ru/2011/08/14/215 - data obrashcheniia 7 aprelia 2015g (Pages History of Naval Aviation of Russia: BOSHMA. PART V: Something More About Accidents, Learning and School Life) URL: http://www.proza.ru/2011/08/14/215. (Accessed: 7.04.2018). (In Russian).

54. Şahbazi Tağı. Yeni əhval qarşısında qadınlarımız // Açıq söz» qəzeti. 1916. August 4. No. 250. (In Russian).

Сведения об авторе

Вагабова Эсмира Рагим Гызы – доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан) / esmira.vahabova@ mail.ru

Information about the author

Vagabova Esmira – Dr. of Historical sciences, Leading researcher, Institute of History named after A. A. Bakikhanov, Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan) / esmira.vahabova@mail.ru

УДК 930.85

С. Н. Гаврилов

ПРОБЛЕМЫ РАБОТЫ ВОЕННО-МОРСКОГО СОВЕТА В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ КАРЛА I СТЮАРТА

Созданный в годы Генриха VIII Военно-морской совет стал органом, эффективно обеспечивающим постоянную работу английского военного флота. Во многом именно благодаря Совету превратившийся в государственный институт флот в эпоху Тюдоров успешно решал сложные задачи по обороне страны и обеспечивал реализацию ее наступательной стратегии, тем самым заложив основу для превращения Англии в великую морскую державу.

Однако с восшествием на престол короля-миротворца Джеймса Стюарта это «любимое детище Тюдоров» стало объектом пренебрежения со стороны власти. В этих условиях коррумпированные служащие и высшие офицеры флота стали рассматривать разрушающуюся военно-морскую систему как источник собственных доходов.

Закономерным итогом процесса распада флота и его управленческих структур стал роспуск в 1618 г. Военно-морского совета и его замена Военно-морской комиссией, призванной искоренить коррупцию и восстановить эффективное управление военно-морской сферой. Впрочем, и сама Комиссия также не оправдала возложенных на нее надежд. Итоги ее деятельности весьма сомнительны.

С приходом на английский трон Карла I, амбициозного короля, мечтавшего о восстановлении былой мощи страны в качестве ведущей морской державы, изменяется и внешняя политика. Английский военно-морской флот виделся одним из главных инструментов в решении новых внешнеполитических задач. Явные провалы в деятельности Военно-морской комиссии, ее неспособность обеспечить поддержку флота в военных условиях стали причиной ее устранения и воссоздания в 1628 г. Военно-морского совета.

На данный момент деятельность Военно-морского совета в годы правления Карла I исследована очень слабо. Отсутствию большого интереса исследователей к военно-морской истории раннего стюартовского периода есть два главных объяснения. Во-первых, военно-морская история первой половины XVII в. на фоне героического времени Тюдоров выглядит довольно бледно, а флот ранних Стюартов очень часто даже в среде профессиональных историков воспринимается как жалкое подобие могучих «морских стен Англии» эпохи Тюдоров. И, во-вторых, значительная часть исторических документов этого периода была утеряна во время событий конца 1640-х – 1950-х гг., и очень маленькое количество фрагментарно сохранившихся документов отпугивает исследователей.

Данная статья посвящена исследованию проблем работы воссозданного Военно-морского совета в годы правления Карла I Стюарта.

Ключевые слова: военно-морской совет, английский флот, военно-морская комиссия, корабли, бюджет, политика, коррупция.

S. N. Gavrilov

THE PROBLEMS OF WORK OF THE MILITARY SEA COUNCIL IN THE YEARS OF THE BOARD OF KARL I STUART

The Naval Council, which was created in the years of Henry VIII, became the body that effectively provided the permanent work of the English navy. The Navy that turned into the state institute in the Tudor epoch successfully solved the tasks of defense of the country and implementation of its offensive strategy, thereby laying the foundation for the transformation of England into a great sea power. However, with the accession to the throne of King-peacemaker James Stewart, the fleet, the “favorite child of the Tudors”, became the object of neglect. Under those conditions, corrupt senior officers of the Navy began to consider the collapsing naval system as a source of their own income.

The logical outcome of the process of disintegration of the English Navy and its management structures was the dissolution of the Naval Council in 1618 and its replacement by the Naval Commission, designed to eradicate corruption and restore effective management of the whole naval sphere. However, the Commission itself also did not justify the hopes placed on it. The results of its activities were very doubtful.

The accession of Charles I to the English throne, the ambitious king, who dreamed of restoring the former power of the country as a leading maritime power, led to changes in foreign policy. The English Navy was becoming one of the main tools in solving new foreign policy tasks. Obvious failures in the activity of the Naval Commission, its inability to provide support for the Navy in military conditions caused its liquidation and the restoration of the Naval Council in 1628.

So far the activities of the naval Council during the reign of Charles I have been studied very poorly. There are two main explanations for the lack of interest of researchers in the naval history of the early Stuart period. First, the naval history of the first half of the XVII century in comparison with the heroic time of the Tudors, looks pretty pale and Navy of the early Stuarts very often, even among professional historians is perceived as a pitiful semblance of the mighty “sea walls of Tudor England”. And, secondly, a significant part of the historical documents of this period was lost during the events of the late 1640s-1950s, and a very small number of fragmentary preserved documents deters researchers.

The article is devoted to the study of the problems of the recreated naval Council during the reign of Charles I Stewart.

Key words: the Naval Council, the British Navy, the Naval Commission, vessels, budget, politics, corruption.

Одним из главных достижений английской династии Тюдоров явилось строительство постоянного военно-морского флота, способного решать оборонительные задачи и обеспечивающего реализацию наступательной стратегии Англии. В относительно короткий по историческим меркам срок флот английского короля, собиравшийся и действовавший на феодальной основе, превратился из «события» в постоянно действующий институт. Во многом эти заслуги принадлежали созданному Генрихом VIII и успешно функционирующему на протяжении XVI в. Военно-морскому совету.

Однако с восшествием на престол первого представителя Стюартов Джеймса I «любимое детище Тюдоров» стало объектом пренебрежения со стороны власти. Для короля-миротворца военно-морской флот являлся чрезмерной обузой в условиях опустошенной казны. Это привело к тому, что «флот превратился в ожиревший, безжизненный, вялый организм, разворовывавшийся его собственными служащими» [18, p. 293]. Закономерным итогом стала замена в 1618 г. Военно-морского совета изначально включившей в свой состав двенадцать человек Военно-морской комиссией, в задачи которой вменялось улучшение состояния флота и искоренение коррупции, разъедавшей организацию управления.

Десятилетняя деятельность Комиссии современниками оценивалась отнюдь не однозначно. Даже мнение Карла Стюарта о ней было весьма противоречиво и колебалось от выражения удовлетворения ее действиями до раздражения и гнева на ее офицеров. Последней каплей для короля, видимо, стала неспособность членов Комиссии обеспечить снабжение действующей эскадры, посланной к расположенному близ Ла-Рошели острову Иль де Ре для помощи гугенотам. Результатом стало расформирование в 1628 г. этого административного органа и воссоздание Военно-морского совета (Совета морских дел), просуществовавшего до начала гражданской войны.

Деятельность воссозданного Военно-морского совета в годы правления Карла I на сегодняшний день остается малоизученной, что, в первую очередь, объясняется сложностью проведения исследований из-за лишь фрагментарно сохранившихся источников. Кроме того, на фоне истории военно-морского флота тюдоровской эпохи, бывшего славными «стенами Англии», героически защитившими страну от порабощения и заложившими основу ее могущества, история военно-морской системы раннего стюартовского периода, как на уровне общественного мнения, так и на уровне профессиональных историков, скорее воспринималась как история ее деградации.

В 1896 г. в свет вышла работа Майкла Оппенгейма «История администрации королевского флота» [20], в которой частично затронута деятельность Совета. Но это, пожалуй, первое скрупулезно проведенное исследование военно-морской системы Англии раннего Нового времени за прошедшие сто двадцать лет в силу объективных причин устарело. Что касается более современных трудов, то среди них необходимо, в первую очередь, отметить опубликованную в 1990 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук Эндрю Дерека Траша «Военно-морской флот при Карле I» [41]. Автор ввел в научный оборот значительное количество ранее не использовавшихся документов, хранившихся в отделе рукописей Британской библиотеки и в бывшем Публичном архиве рукописей. Тем не менее, на наш взгляд, это исследование носит местами обзорный характер.

Таким образом, деятельность воссозданного Военно-морского совета нуждается в дополнительном изучении.

Итак, восстановленный в 1628 г. Совет в своей структуре несколько отличался от того, что этот орган представлял собой в эпоху Тюдоров. С момента своего создания в 1546 г. он возглавлялся лейтенантом, но эта должность исчезает уже во времена правления Джеймса I. К сожалению, в дошедших до нас документах не содержится каких-либо указаний о причинах ее устранения. Должность этого офицера как главы Военно-морского совета на протяжении второй половины XVI в. не имела большой функциональной нагрузки и скорее представляла собой некий почетный пост. Учитывая это, ее ликвидация представляется вполне логичной, ибо большой необходимости в сохранении этой должности не было.

И, тем не менее, попытки восстановления этого поста предпринимались. Бывший казначей флота сэр Роберт Манселл безуспешно попытался воссоздать эту должность в 1618 г., но потерпел неудачу. В 1628 г. он уже повторно настаивал на необходимости ее восстановления в возрождающемся Совете морских дел. Пытаясь достичь этой цели, Манселл разработал весьма хитроумную и запутанную комбинацию. Он даже решился умерить свою гордость, всеми силами стремясь замириться со своим врагом Бэкингемом [8]. Но усилия оказались напрасными, убийство Бэкингема привело к краху замыслов коррупционера. Во всей этой истории вызывает удивление то, что Роберт Манселл, имеющий огромный опыт службы в должности офицера Совета на посту его казначея, стремился занять не свою прежнюю должность, а именно пост лейтенанта. Эндрю Траш утверждает, что он просто не осознавал, что эта должность может принести ему лишь титул чести [41, p. 67]. Но с этим утверждением вряд ли можно согласиться. Очевидно, у этого опытного бюрократа, разбогатевшего на коррун-

ционных схемах финансовых потоков [21, p. 117–119], были совершенно иные мотивы, о которых нам, в силу отсутствия источников, остается лишь догадываться. Возможно, некоторый свет на эту странную настойчивость офицера может пролить тот факт, что в 1618 г. Манселл, согласно распространенной в это время практике, покидая должность казначея, продал ее [18, p. 298–299]. Продав ее однажды, он вряд ли мог претендовать на нее снова. Посему бывшему стареющему служащему пост лейтенанта давал именно то, в чем он в данный момент нуждался, а именно почет и место во властной иерархии.

Соотношение четырех оставшихся должностей можно легко проследить, если взглянуть на расположение подписей офицеров Военно-морского совета. Выше других и как можно левее всегда располагалась виза казначея Совета, а затем по убыванию шли подписи контролера, инспектора и клерка военно-морского флота [30]. Расположение росчерков на странице, в целом повторяющее практику тюдоровских времен, дает нам возможность судить об официальном положении офицеров по отношению друг к другу. Но здесь необходимо учитывать и то, что это официальное положение не всегда отражало их реальный вес и влияние. Как и в предыдущее столетие, несмотря на довольно высокий уровень институциализации Совета морских дел, достигнутый уже в середине XVI в., какая-либо подробная документация, регулирующая деятельность этого органа, отсутствовала, и в этих условиях очень многое по-прежнему зависело от личностей, занимающих тот или иной пост.

Пост казначея, первого по положению, в 1628 г. получил сэр Сэквил Кроу. Интересно, что патент ему был выдан еще в апреле 1627 г. [20, p. 281] до восстановления Совета морских дел. На должность контролера был назначен сэр Гилфорд Слингсби, имевший определенной опыт работы со времени своей службы в военно-морской администрации в 1611–1618 гг. Место инспектора досталось менее опытному сэру Томасу Айлсбери, являвшемуся секретарем Адмиралтейства с 1619 по 1924 гг. и членом Комиссии в 1626–1627 гг. И, наконец, пост клерка получил Дэнис Флеминг, долгое время работавший в составе Комиссии и являвшийся самым опытным членом в составе воссозданного Совета [41, p. 75].

При восстановлении должностей главных офицеров не были устранены недочеты ранее существовавшего Совета, и, в первую очередь, не были письменно зафиксированы обязанности каждого из офицеров. Конкретные сферы ответственности его членов скорее определялись традиционно сложившимся набором обязанностей и их собственным пониманием круга своих полномочий.

Круг обязанностей каждого офицера был установлен и хорошо известен еще со времен создания Совета в 1546 г. Казначей распределял деньги, полученные из различных фондов. Исключением являлись финансы Службы снабжения и Службы вооружений, выпадавшие из сферы его ответственности. Он также подготавливал и представлял для инспекции все финансовые записи департамента. Контролер, в свою очередь, проверял отчеты казначея и снабженца, проводил аудит записей кладовщиков военно-морского флота, и, кроме всего прочего, видимо, проверял записи инспектора, за точность составления которых он давал свое поручительство на собраниях офицеров. Инспектор был обязан проводить регулярный осмотр доков, складов и кораблей на местах, надзирать за строительными и ремонтными работами. В его функции включалась и инспекция провизии на складах. Клерк, последний из офицеров, должность которого уходила своими корнями вглубь средневековой эпохи, документировал ход заседаний. Впрочем, на этом его обязанности не ограничивались, ибо он действовал еще и как поставщик, и, помимо всего, отслеживал динамику цен, о которой докладывал остальным офицерам.

Единственная попытка хоть как-то очертить круг обязанностей членов Совета для того «чтобы они знали, что они должны делать и за что нести ответственность перед страной», была предпринята в 1560 г. [14, p. 165]. Впрочем, вряд ли в этом случае можно говорить о жесткой фиксации обязанностей, их границы оставались размыты и в общих словах всего лишь подтверждали уже существующие реалии.

В годы большей стабильности, например, в елизаветинское время, отсутствие фиксированных обязанностей не порождало каких-либо действительно серьезных затруднений, поскольку каждый из членов Совета имел ясное представление о круге своих полномочий. Более того, при определенных условиях отсутствие письменной фиксации обязанностей давало возможность офицерам проявлять инициативу. Подобная свобода действий в годы политической турбулентности середины XVI в. явилась одной из причин того, что Военно-морской совет оставался едва ли не единственной управленческой структурой, не только поддерживавшей стабильное функционирование той сферы, за действия которой он отвечал, но и обеспечивавшей ее дальнейшее развитие [1, с. 106]. Но реализация такого потенциала была возможна лишь при условии, что во главе ведомства стоит круг профессионалов и единомышленников, радеющих, в первую очередь, не столько о личной выгоде, сколько о флоте, или, по крайней мере, в поисках личной выгоды не забывающих и нужды флота. В тюдоровскую эпоху офицеры Военно-морского совета во многом воспринимали свои должности как держания. С одной стороны, они считали возможным использовать представляющиеся им возможности для личной выгоды, но, с другой, они часто жертвовали личными средствами. Уильям Монсон в Военно-морских трактатах, перечисляя идеальные качества казначея флота, упоминает и способность «внести большую сумму денег для спокойствия Его Величества и удовлетворения подчиненных, которые иначе будут ворчать и требовать свое жалованье после проделанной работы» [40, p. 416].

Однако, примеры такого «самопожертвования» в истории первой половины XVII в. наблюдаются довольно редко. В годы нестабильности, дезорганизации власти и противостояния различных политических сил моментально возрастала опасность борьбы в военно-морской администрации за те или иные властные полномочия. И именно такая ситуация характерна для 1630-х гг. Одну из причин злоупотреблений кассир флота Джон Холлонд объяснял в 1638 г. тем, что было нелегко определить обязанности каждого офицера [42, p. 10]. На практике это часто приводило к внутренним столкновениям.

Некоторые затруднения для работы Совета составляло отсутствие постоянного места встреч. Необходимость в таких встречах была велика, ведь Совет являлся коллегиальным органом. Его члены несли ответственность за действия друг друга. Несмотря на неравенство их статусов, офицеры принимали решения на основе голосования по большинству, ибо «ни один человек не должен иметь перевес над своими товарищами» [7]. Встречи, согласно установленным еще в тюдоровское время нормам, должны были проходить не реже двух раз в неделю, ведь рутинная работа по поддержанию флота и его инфраструктуры не должна была останавливаться. Впрочем, малое число дошедших до нас фрагментарно сохранившихся документов не дает возможность делать выводы, что такие встречи действительно регулярно проводились.

Необходимость обеспечения постоянным местом встреч офицеров была головной болью властей. В 1628–1629 гг. для этих целей был снят дом на Сент Мартин лэйн в центре Лондона. Это место имело весьма удобное расположение, но, возможно, возникли трудности со съемом [12], и, видимо, по этой причине в следующем году Совету был предоставлен дом на Минсинг Лэйн, рядом с Тауэром и неподалеку от Службы снабжения [9]. Сам дом был очень удачно расположен, но новое место встреч было крохотным. Даже свои записи каждый из членов Совета вынужден был хранить дома, а казначей, например, предпочитал использовать другой дом на Тауэр Стрит, которым до 1637 г. он владел, либо же снимал его за собственные деньги [23].

В 1633 г. вопрос вновь оказался в повестке дня. «В целях упорядочивания записей военно-морского флота» рассматривалась возможность перемещения места заседаний офицеров и хранения всех документов в бывшее цистерианское аббатство Святой Марии Грации на Тауэр хилл. Но переезд так и не состоялся, и проблема не была решена.

Впрочем, отсутствие постоянного места встреч главных офицеров не являлось действительно такой уж значимой проблемой. Так или иначе, она не была препятствием в работе Совета в предыдущие годы.

Гораздо большее удивление вызывает другой факт. Ни один из вышеупомянутых служащих, видимо, не вызывал большого доверия у властей. Каждый из них, в той или иной степени, успел к моменту получения новой должности запятнать себя на прежней службе. И в этом отношении их назначение могло привести к большим трудностям в работе столь важного органа. Так Сэквил Кроу, хоть и был казначеем флота еще во времена существования Комиссии, но по неизвестной причине в ее состав включен не был. Уже в июне 1629 г. исполнение его обязанностей было приостановлено, так как он попал под подозрение в расхищении фондов. И хотя спустя месяц ему разрешили вновь приступить к работе, Кроу внезапно уезжает, а на его место назначается другой. В таком окончании службы нет ничего удивительного. Для Англии этого времени подобный финал был вполне обычным явлением. Именно так чаще всего без скандалов и обвинений позволяли покинуть свой пост проштрафившимся служащим [27].

Не меньшее удивление вызывает и назначение Гилфорда Слингсби, человека, отличавшегося чрезвычайно склочным характером. Он не только постоянно создавал проблемы для своих сослуживцев на своем прежнем месте службы [41, p. 86], но и давал большое количество поводов сомневаться в своей честности. Слингсби был настоящим задирой и являлся постоянным участником ссор. На его фоне назначение его младшего сослуживца Томаса Айлсбери, не имевшего большого опыта и гораздо более тихого по своему характеру, вряд ли могло вызвать большие опасения. Но, как вскоре оказалось, и он не был лишен амбиций. Именно Айлсбери в 1630 г., к удивлению многих, вдруг в явно ультимативной форме потребовал признания своего старшинства в Совете [41, p.68], породив большой скандал.

Пожалуй, из всех служащих клерк Дэнис Флеминг был наименее замешан в коррупционных схемах, но в раннее Новое время эта должность, в отличие от Средневековья, не была сопряжена с большими полномочиями. Более того, в XVII в. все чаще раздавались голоса в пользу выведения этой должности из Совета, поскольку она не была непосредственно связана с исполнительными функциями власти [41, p. 68].

Таким образом, возникает вопрос о том, почему, несмотря на свою репутацию и довольно неуживчивый характер, все эти люди получили назначение в Совет? Даже учитывая определенный дефицит талантливых управленцев во время правления Карла I, в 1628 г. можно было подобрать и более подходящие кандидатуры, и, более того, некоторые из этих вероятных кандидатов также имели значительный опыт административной деятельности в Военно-морской комиссии. Среди них, например, можно отметить сэра Джона Кока, входившего в ее состав. Способности и рвение этого человека были замечены, и в сентябре 1625 г. он был назначен государственным секретарем, не переставая, однако, числиться членом Комиссии и играть в ней первую роль. Его честность и неподкупность не вызывала сомнений. Возможно, по этой причине он в декабре 1626 г. был назначен в состав специальной ко-

миссии по изучению эффективности деятельности своих коллег [36].

Размышляя о странности этих назначений, необходимо учитывать ряд взаимосвязанных между собой обстоятельств: коррупцию, фракционность политики и патронаж. Рассуждая о разъедающей флот коррупции, мы должны учитывать то, что использование своего положения в личных целях в описываемое время было вполне распространенным явлением. Так, например, в Англии насчитывалось от 5000 до 10000 чиновников, занятых в сфере управления государством, что было значительно меньше в пересчете на душу населения, чем во Франции [2, p. 170–172]. Но при этом частые расследования Короны и постоянные парламентские дебаты в период правления первых Стюартов свидетельствуют о необычайно сильном размахе коррупции. Довольно часто на том или ином посту оказывались люди, воспринимавшие свои должности как синекуры, как некую возможность пополнить свое состояние, при этом само понимание нелегальности реализации коррупционных схем зачастую в их головах отсутствовало. Нельзя сказать, что власть не осознавала пагубность подобной практики и не пыталась с ней бороться. Меры, безусловно, предпринимались, о чем свидетельствует деятельность упомянутого Джона Кока. Но власть, видимо, часто вынуждена была мириться с этим положением. По меткому замечанию Линды Пек, в раннестюартовском военно-морском флоте «сила синекур являлась сухожилиями власти» [21, p. 108]. В этом отношении весьма красноречивы слова клятвы контролера военно-морского флота, в которой он обещал нести свою «службу, руководствуясь целями получения наибольшей выгоды для его Величества, и ни при каких обстоятельствах не стремиться к получению собственной выгоды путем нанесения убытков его Величеству» [19]. Как видим, получение собственной выгоды на службе вовсе не исключалось, она лишь не должна была наносить вред королю.

При назначении на должность в XVI–XVII вв. значительную роль играла фракционность. Фракционность и патронаж способствовали формированию условий для коррупционной практики, но они же были и одним из главных инструментов реформ во флоте [21, p. 106–107]. Высокий уровень фракционности отмечается уже во времена Тюдоров [17, p. 13–24]. Ситуация во власти при первых Стюартах, в том числе в сфере управления флотом, бывшей второй по размерам после королевского двора, дает нам повод говорить лишь об увеличении степени фракционности. Вскоре после убийства герцога Бэкингема в попытке повлиять на короля с целью проведения своего ставленника на должность лорда-адмирала Англии столкнулись две влиятельные группировки. Одним из претендентов был Генри Рич, граф Холланд, за которым стояла профранцузская партия, получавшая помощь от французского посла. Его соперником являлся Джеймс Хай, граф Карлайл. Обе фракции действовали через королеву, ставшую после смерти Бэкингема наиболее влиятельной фигурой в окружении Карла [41, p. 24–25]. Король, впрочем, не собиравшийся устранять Комиссию Адмиралтейства, заменившую Бэкингема, умело подогревал это противостояние, распространяя через своих приближенных слухи, и, тем самым, сохранял фракционность. Без сомнения, эти фракции в будущем оказывали сильное влияние на работу Комиссии Адмиралтейства, заменявшей лорда-адмирала, а через Комиссию и на Военно-морской совет.

Неустойчивость состава Военно-морского совета во времена правления Карла I стала, отчасти, результатом неудачно подобранных главных офицеров. Уже вскоре после его воссоздания последовало отстранение Кроу от должности казначея, полномочия и обязанности которого временно перешли к Гилфорду Слингсби, продолжавшему занимать должность контролера, и к Кенрику Эдисбери, советнику и ассистенту флота, выполняющему административные функции на местах [15, p. 582]. Эдисбери, ценимый за свою работоспособность и честность, оказался перегружен работой. Таким образом, эта временная замена не могла стать решением проблемы.

Возвышение казначея началось еще в елизаветинскую эпоху во времена реформ казначея флота Джона Хоукинса. Он, по сути, стал тем офицером, который благодаря прямой подчиненности лорду-казначею Англии получил широкие полномочия и контролировал практически все финансовые потоки. Слингсби же не пользовался доверием, отдавать в его руки финансы флота было довольно опасно. Что касается Кенрика Эдисбери, то он был необходим для работы на местах, поскольку хорошо разбирался в особенностях службы. Не случайно в январе 1630 г. он был восстановлен в некогда занимаемой им должности кассира, выплачивающего деньги, получаемые из центра, за конкретные работы в портах и доках. Интересно то, что снятие с должности кассира Эдисбери в апреле 1627 г. и возвращение его на эту должность в январе 1630 г. совпадает по времени с отставкой и новым назначением Уильяма Рассела в качестве казначея. Учитывая это, вполне возможно предположить, что Эдисбери был, если не креатурой, то правой рукой Рассела, человеком, которому работоспособный казначей всецело доверял.

В итоге в январе 1630 г. патент на должность получил бывший член Военно-морской комиссии Уильям Рассел [20, p. 281]. Проблема осложнялась тем, что к этому времени он был тяжело болен. Причем этот факт был широко известен, ибо именно обострившаяся подагра в 1627 г. вынудила его уйти в отставку [5; 6]. Болезнь быстро прогрессировала, в 1632 г. Рассел уже не мог стоять на ногах, а к 1638 г. у него полностью отказали ноги и руки. Несмотря на это, он проявлял редкое усердие. Подобно многим служащим предшествующей эпохи, Уильям Рассел часто тратил на выполнение обязанностей казначея свои личные денежные средства, получаемые им в качестве дохода от одновременного занятия других должностей [3, p.93 – 94]. Более того, к нему доволь-

но хорошо относились его сослуживцы. Будучи уже тяжелобольным человеком, Рассел, как мог, продолжал исполнять свои обязанности. В январе 1639 г. ему в помощь был назначен «товарищ казначея» Генри Вэйн [35]. Назначение «товарищей» в качестве соисполнителей, видимо, именно в это время стало входить в практику по причине неспособности многих офицеров выполнять свои обязанности. Молодой Вэйн, которому в этот момент было всего двадцать шесть лет, хотя и являлся трудолюбивым служащим, так и не смог снискать уважение в кругу офицеров. Его, постепенно вытеснявшего старого Уильяма Рассела, воспринимали как зазнайку и выскочку.

Недолго продержался на посту контролера и сэр Гилфорд Слингсби. Его склочность и непомерное желание ставить себя выше других вскоре надоели всем. В итоге в апреле 1631 г. он был заменен сэром Генри Палмером. Не будучи старым, в свои сорок девять лет Палмер отличался весьма слабым здоровьем, состояние которого часто не позволяло ему исполнять свои обязанности. Любой выезд из дома превращался в личный подвиг, поскольку грозил вызвать рецидив подагры. И хотя он всячески крепился и изо всех сил старался скрывать свою болезнь, в 1638–1639 гг. она практически приковала его к постели. Отчаявшись вернуться к службе, он согласился разделить свои обязанности с молодым Джорджем Картеретом [41, p. 81]. В 1641 г. он окончательно передал свой пост в руки Картерета [38].

Схожая ситуация сложилась и с должностью инспектора. Томас Айлсбери, хоть и являлся секретарем адмиралтейства с 1619 по 1924 гг., а также входил в состав комиссии в 1926–1927 гг., особым опытом похвастаться не мог. Айлсбери беспокоило скорее не состояние флота, а его личный статус среди сослуживцев. Вскоре после своего назначения он демонстративно поставил под сомнение старшинство казначея в Совете и потребовал признать свое главенство на том основании, что он единственный из всех имел титул барона. Случилось это примерно в то время, когда был отстранен Кроу. Необходимо признать, что определенные моральные права требовать старшинства у Айлсбери все-таки были, поскольку Слингсби, временно поставленный исполнять обязанности казначея, вряд ли имел больший опыт управления, да и его замешанность в коррупции позволяли поставить под сомнение легитимность его назначения. Что касается Эдисбери, второго исполняющего обязанности казначея, то он вообще не являлся членом Совета. Таким образом, Айлсбери избрал весьма удобный момент для атаки, но слишком переоценил свои силы и влияние. Его требования просто остались без внимания. Оскорбленный до глубины души он весной 1631 г. решается на рискованный маневр и передает большинство дел своему старшему клерку Натаниэлю Тирну [31]. Это был скорее демонстративный шаг, ибо сам инспектор рассчитывал, что клерк будет посылать ему отчеты, и, таким образом, опасность потери контроля над своим прежним постом не возникнет. Тирн же, как оказалось, не смог исполнять обязанности инспектора. В итоге неспособность Тирна к работе в этой должности, интриги и упрямство Айлсбери, стремившегося показать свою незаменимость, привели лишь к тому, что проведение всех инспекций практически было остановлено.

Выстраивая хитроумные комбинации, Айлсбери обыграл сам себя. Как и следовало ожидать, итогом стала его отставка. В декабре 1632 г. он был заменен Кенриком Эдисбери [20, p. 281], тем самым служащим, которого прежний инспектор даже не брал в расчет. Эдисбери, пожалуй, был самым исполнительным и энергичным из всех главных офицеров [20, p. 281]. Неутомимый служащий постоянно был переполнен новыми идеями о повышении эффективности выполняемой работы, и хотя его специальные знания были ограничены, он часто предлагал возможные пути улучшения инспекции [41, p. 85]. На своем посту он оставался до своей смерти, наступившей, предположительно, в результате застарелой болезни в октябре 1638 г. Без сомнения, военно-морской флот со смертью Кенрика Эдисбери понес значительную утрату.

Последовавшее за этим новое назначение Уильяма Баттена [20, p. 281] довольно интересно. Патент на назначение он получил не с формулировкой «пожизненно», а с весьма интересной формулировкой «на столь долго, на сколь будет угодно» королю [20, p. 282]. Эта практика назначений офицеров военно-морского флота и Службы вооружений ранее не применялась и получила широкое распространение после издания приказа от 13 января 1637 г.

Более других из главных офицеров первой волны в своей должности продержался клерк Дэниз Флеминг. Он был довольно работоспособен, не был склонен к скандалам и склокам и избегал участия в интригах своих сослуживцев. Однако состояние и его здоровья оставляло желать лучшего. И хотя, в отличие от своих коллег, в силу особенностей его обязанностей, он вынужден был гораздо реже покидать Лондон, но выполнять свою работу ему становилось труднее и труднее. Так что вопрос поиска новый кандидатуры на должность клерка с годами вставал все острее. Сам Флеминг, не будучи включен в список служащих, имеющих право получать пенсию от короля, не проявлял желания добровольно уйти со своего поста даже после назначения в январе 1638 г. его товарищем Томаса Барлоу, служащего графа Нортумберленда [16, p. 195]. Примерно в это время он в обмен на денежную выплату попытался передать свой пост служащему при королевском дворе своему другу Фрэнсису Уильямсону [41, p. 79], однако коллеги Флеминга заявили решительный протест. Придворных не особо жаловали в военно-морской сфере. Передача власти не состоялась, поэтому престарелый и больной, но упорный Флеминг продолжал исполнять свои обязанности вплоть до своей смерти в 1639 г.

Во всей этой истории постоянной смены офицеров в воссозданном Военно-морском совете отчетливо выделяются два этапа, водоразделом

между которыми являются 1630–1632 гг. Именно в это время лишились своих должностей три из четырех изначально назначенных главных офицеров. И эта дата далеко не случайна.

Сохранившиеся документы не дают нам основания говорить о продуманности решения Карла Стюарта распустить Военно-морскую комиссию и воссоздать Военно-морской совет. По крайней мере, его отношение к деятельности Комиссии нельзя назвать исключительно негативным. В ее действиях было довольно много недостатков, но также были и достижения. И Карл, хотя и не будучи сам хорошим моряком, подобно Генриху VIII, тем не менее, был человеком, любившим военные корабли и прекрасно осознававшим значение военного флота. Король стремился проводить активную внешнюю политику, и военно-морским силам отводилась роль ее главного орудия. С самого начала своего правления Карл настаивал на том, что обладает всеми правами на Британские воды [22, p. 160–163]. Пренебрежение к кораблям, подобное тому, что наблюдалось в начале правление его отца, он позволить себе не мог. Монарх также не мог не замечать, что деятельность Комиссии с момента ее создания в 1618 г. приносит плоды. В ходе расследований были вскрыты ужасающие факты коррупции, процветание которой происходило во многом благодаря бывшему казначею Совета морских дел сэру Роберту Манселлу и инспектору сэру Джону Тревору, пользующимся покровительством и защитой престарелого лорда-адмирала Чарльза Говарда, графа Ноттингема [21, p. 122–126]. Многие служащие, включая самого лорда-адмирала, лишились своих постов, а их места заняли люди, более внушающие доверие, такие как старший член Комиссии Джон Кок. Ко времени вступления на престол Карла I в 1625 г. военный флот насчитывал двадцать пять больших кораблей и несколько пинас, представлявших собой малые парусно-гребные суда [24]. Такое количество военных судов во времена правления Елизаветы Тюдор считалось вполне достаточным, при условии, что система привлечения многочисленных частных военных сил работает эффективно. Джон Кок писал: «Флот был сильнее, чем когда-либо на моей памяти, и его мощь выше, чем в прежние времена» [4]. В этих достижениях, без сомнения, велика была личная заслуга лорда-адмирала герцога Бэкингема, но трудно себе представить, что без участия Комиссии такой результат был бы достижим.

Таким образом, создается впечатление, что в расформировании в целом не так уж и плохо зарекомендовавшей себя Комиссии 21 февраля 1628 г. и воссоздании Совета значительную роль сыграли эмоции Карла I. И действительно, король был не просто раздосадован тем, что очень важная экспедиция к Иль де Ре закончилась провалом, он еще и испытывал стыд перед лордом-адмиралом Бэкингемом, у которого просил прощение за задержку отправки припасов силам герцога, ссылаясь на медленную работу членов Комиссии [41, p. 74]. Короля связывали с герцогом очень близкие отношения. Их сотрудничество и партнерство начали формироваться задолго до коронации Карла. Будучи принцем, он демонстрировал заметную заинтересованность кораблями и флотом. Джеймс I, заметив это, всячески поощрял своего сына и герцога в 1619–1624 гг. работать вместе над проектом военно-морских реформ, проведение которых было необходимо после отставки лорда-адмирала Ноттингема [22, p. 159].

Оставшиеся четыре человека, т.е. треть от изначального состава Комиссии, действительно не смогли обеспечивать поддержку флота. Но это вовсе не означает, что людей было недостаточно для выполнения такой задачи, ведь в тюдоровское время Совет морских дел, насчитывавший в своем составе пять человек, с успехом справлялся и с куда более масштабными задачами. Обращает на себя внимание и то, что воссозданный Совет состоял из такого же количество служащих, т.е. четырех человек, причем три из них имели далеко не блестящую репутацию. Учитывая все эти обстоятельства, вывод напрашивается сам собой. Очевидно, Карл, переполненный эмоциями, просто сорвал свой гнев на членах Комиссии, устранив попутно и сам орган.

Что касается Совета, то уже несколько месяцев спустя Бэкингем выражал сожаление по поводу восстановления постов главных офицеров, поскольку они «в своих представлениях стояли выше своих должностей, но при этом были неспособны исполнять то, что необходимо из-за недостатка понимания в этих делах» [8]. В его словах прослеживается сожаление не столько по поводу воссоздания Совета, сколько по поводу личной некомпетентности его членов. Отсутствие улучшения ситуации подтверждает и секретарь Совета Николас в своем письме к Коку: «Небрежность и невежество офицеров военно-морского флота стали главными причинами того, что флот и припасы не были подготовлены» [7].

Между тем, сам Карл также, вероятно, не был вполне доволен состоянием военно-морских сил. В октябре 1630 г. он попросил одного из членов Комиссии Адмиралтейства Джона Кока составить отчет о флоте [28]. И хотя в этой просьбе видна не только тревога о Военно-морском совете, но и беспокойство по поводу работы Комиссии Адмиралтейства, заменившей лорда-адмирала, однако неутешительный вывод Кока о работе военно-морских баз не мог не поставить под удар Военно-морской совет. Именно последний, а вовсе не Комиссия Адмиралтейства отвечал за техническую работу на местах. Кок не замедлил обрушиться с критикой на Совет. В Чатхэме, например, одной из главных баз флота, судя по описаниям проверяющего, ситуация была ужасной. Деревянная изгородь полностью сгнила, замки на воротах разбиты, припасы отпускаются без каких-либо распоряжений, оставшееся на складах не учтено, корабли столь долго простаивают в сухих доках, что их трюмы прогнили [11].

В марте 1631 г. Кок набросал список предложений для реформирования Совета. Они были выпущены как сборник адмиральских инструкций в следующем месяце. К сожалению, на данный мо-

мент этот сборник утерян. Как полагает Э. Траш, именно данный список предложений лег в основу исчезнувших адмиралтейских инструкций, выпущенных в середине апреля, в которых содержался приказ главным офицерам «реформировать и улучшать их работу» [26]. Этот вывод, считает исследователь, подтверждается письмом, написанным главными офицерами в июле 1631 г., в котором явно отражается мартовский отчет по флоту [41, p.90]. Письмо также подтверждает, что усилия Кока не оказались напрасными, поскольку оно адресовалось хранителю складов в Дептфорде и клерку контроля и требовало от них принять меры для реформирования базы флота [10].

На Джона Кока выбор пал отнюдь не случайно. В свое время возглавлявший Военно-морскую комиссию, он получил большой опыт работы в сфере военно-морского администрирования. После смерти Бэкингема и создания Комиссии Адмиралтейства он, будучи секретарем лорда-казначея Англии Ричарда Уэстона, графа Портленда, вошел в ее состав. И хотя возглавлял этот орган сам лорд-казначей, но опыт Кока в военно-морской администрации признавался всеми безоговорочно. В декабре 1628 г. члены Комиссии писали своему секретарю Эдуарду Николасу «Для улучшения ведения дел приносите на подпись все письма и приказы сначала Коку, а после этого и остальные лорды подпишут эти бумаги» [29]. В 1630-х гг. партнеры Кока в комиссии доверяли ему проведение постоянных встреч с главными офицерами флота для обсуждения смет [37; 34]. Учитывая это, вовсе не удивительно, что ближайший советник короля Томас Уэнтворт описывал военно-морской флот как «возлюбленную» Кока [39].

В том, что Кок не станет скрывать недостатки, сомнений не было. Поскольку он являлся правой рукой лорда-казначея Англии, на данном этапе практически и возглавившего всю военно-морскую систему посредством контроля финансов, его главной задачей была экономия средств. И Джон Кок отлично понимал, как это сделать наилучшим образом. Стоит упомянуть, что тенденция постоянной борьбы Казначейства с Адмиралтейством из-за попыток установить контроль над Военно-морским советом прослеживается на протяжении всей предшествующей истории его существования. С момента своего создания в 1546 г. Совет номинально подчинялся лорду-адмиралу. В годы реформ казначея флота Джона Хоукинса, ставшего в конце 1570-х гг. главной фигурой в этом органе, Совет контролировался лордом-казначеем Уильямом Сесилом бароном Бэрли. Но после смерти Бэрли в 1598 г. Совет вновь номинально попадает под контроль лорда-адмирала. Это состояние продолжалось до смерти в 1628 г. герцога Бэкингема и назначения вместо лорда-адмирала Комиссии Адмиралтейства, в которой главную роль играл лорд-казначей Англии Ричард Уэстон граф Портленд. Учитывая это, было бы ошибочно утверждать, что Джон Кок являл собой образец абсолютно беспристрастного эксперта. Так, например, некоторое время спустя Эдуард Николас заявил: «Ни казначей, ни кто-либо из Казначейства не подходят для того, чтобы быть членом Комиссии Адмиралтейства» [32].

Но, так или иначе, перемены начались. Кок, ставший главным двигателем этих изменений, положил им начало за несколько месяцев до своего отчета. Именно в этом ключе можно рассматривать все замены в составе Совета в 1630–1632 гг., и, прежде всего, попытку включения в его состав Эдисбери. Но простой замены недееспособных офицеров для улучшения ситуации было явно недостаточно. Необходимо было включить в состав Совета верных себе людей, пусть даже они и не будут занимать одну из традиционных должностей. На пост нового «офицера без портфеля», в феврале 1630 г. был отобран бывший член Военно-морской комиссии Уильям Барелл [41, p. 78]. Он не занимал в Совете официальной должности с определенным кругом обязанностей, однако, имел право голоса на заседаниях и выполняет отдельные поручения. Впрочем, Барелл так и не успел оправдать надежд Кока по причине своей внезапной смерти. Его заменили друг Кока опытный военно-морской командующий и дипломат Кенельм Дигби и включенный в состав по приказу короля корабельный мастер Пинеас Питт. Возможно, именно Дигби ставший главным агентом государственного секретаря, помог ему подготовить мартовский отчет. Но и Кенельм Дигби оставался в составе Совета лишь до 1633 г., пока не был отозван, возможно, по причине стремительно распространявшихся в обществе слухов о причастности к смерти его жены, в мае 1633 г. расставшейся с жизнью. Питт же и далее номинально числился членом этого органа, состоящего теперь из пяти членов.

Немного ранее, в 1630-м г. офицеры Совета получили инструкцию включить главу Службы снабжения флота сэра Сэмпсона Даррелла «в свое сообщество» [25]. Впрочем, вряд ли мы можем говорить, что он являлся агентом Кока. Скорее попытка его включения в состав Совета объясняется необходимостью упрощения слаженной работы всей флотской администрации. Эта версия выглядит весьма правдоподобно, учитывая то, что практика совместных заседаний главы снабжения с другими служащими была обычным делом в годы существования Военно-морской комиссии, членом которой этот офицер и являлся. Но удивительно то, что ни в одном из известных на сегодняшний день документов подпись Даррелла среди подписей других офицеров не обнаруживается. Опираясь на этот факт, можно предположить, что вскоре после выпуска инструкции она была отменена. Но гораздо более интересную версию предлагает Эндрю Траш, высказывающий предположение, что офицеров просто попросили проявить обычное сердечное дружелюбие к Даррелу [41, p. 69].

Дошедшие до нас документы не дают свидетельств в пользу активности новых членов Совета по поддержанию работы флота. Это подтверждает версию о необходимости их участия для того, чтобы контролировать остальных. Безусловно, главные офицеры понимали это, и,

учитывая бездействие своих новых товарищей, постоянно протестовали против их присутствия, отказываясь признавать их в качестве равных себе. В 1634 г. раздраженный контролер заявил, что «хотя Питт имеет власть офицера и исполняет его обязанности, по своей природе он всего лишь ассистент» [33].

Впрочем, утрата Кенельма Дигби не означала, что Кок потерял контроль над Военно-морским советом. Правой рукой государственного секретаря и поставщиком всех сведений о работе офицеров являлся Эдисбери. Уже вскоре после своего назначения он раскрыл, что Палмер, Флеминг и Питт выстроили отлаженную систему воровства и продажи старых канатов производителям бумаги. Эта система опиралась на разветвленную сеть служащих в доках [41, p. 92]. Разгорелся большой скандал, известный как «дело коричневой бумаги».

Таким образом, смена в 1630–1632 гг. главных офицеров флота частично смогла исправить ошибки, совершенные при восстановлении Совета морских дел. Новая волна офицеров, хоть и отличавшихся болезненностью, все-таки была более профессиональна и продолжала работать до конца 1630-х гг.

Что касается результативности их работы, то ее оценивать однозначно довольно сложно по нескольким причинам.

Военно-морской совет времен Карла I не имел такую самостоятельность, какую он имел во времена Тюдоров. В момент своего воссоздания он находился под сильным контролем лорда-адмирала герцога Бэкингема. Герцог, по сути, лично стоял во главе всей военно-морской системы, в значительной мере определяя стратегию ее развития. Король, отдавая должное талантам своего лорда-адмирала, даже не пытался вмешиваться.

После же смерти герцога английский флот в целом и Военно-морской совет в частности находились под контролем Карла I и Комиссии Адмиралтейства, главную роль в которой играл лорд-казначей Портленд. Политика Портленда сводилась к жесткому ограничению бюджета флота. В условиях слабого финансирования говорить об успешности работы Совета не приходится. И все-таки даже в это тяжелое для флота время, благодаря деятельности Джона Кока, была осуществлена программа строительства новых кораблей. К 1634 г. четыре новых военных корабля вошли в строй, и было объявлено о строительстве нового огромного корабля «Sovereign of the Seas», киль которого был заложен в Вуличе [22, p. 70].

И лишь в середине 1630-х гг. жесткая хватка лорда-казначея над флотом ослабевает. Введение корабельных денег предоставило новые возможности развития. К этому времени английский военно-морской флот действительно представляет собой внушающую уважение силу, он постоянно присутствует в проливах. Двадцать с лишним тяжеловооруженных английских военных кораблей, сопровождаемые множеством более легких судов, не только контролировали пролив, но и доходили до Бюкан Несс на севере и до Бискайского залива на юге. Они являлись грозным предостережением как французам и испанцам, так и непокорным голландцам. Организация и огневая мощь этих флотов была куда выше огневой мощи и организации флотов 1620-х гг. Богато украшенный и имеющий знаковое имя 1500-тонный Sovereign of the Seas, спущенный осенью 1637 г., стал в подлинном смысле первым трехпалубным кораблем, по своему тоннажу, длине, вооружению, конфигурации парусов стоявший гораздо ближе к кораблям Нельсона, чем к военным кораблям Дрейка.

К несчастью для Карла вся эта мощь так и не была задействована в сражениях, ибо его внешняя политика к этому времени уже «села на мель».

Источники и литература / References

1. Гаврилов С. Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт. Ростов-на-Дону, 2014. 204 с.

Gavrilov S. N. Angliiskii flot epokhi Tyudorov kak gosudarstvennyi institut *(The English Navy of the Tudor Time as a State Institution)*. Rostov-na-Donu: SFU publ., 2014. 204 p.

2. Aylmer G.E. Bureaucracy // The New Cambridge modern history / Ed. by Burke P. Cambridge, 1979. Vol. XIII. P. 164-200.

3. Aylmer G. E. The King's Servants. L., 1961. 527 p.

4. British Library. Additional MS. 64889, fo. 155v. Sept, 1626.

5. British Library. Additional MS. 64889. fo. 67.

6. British Library. Additional MS. 64896. fo. 90.

7. British Library. Additional MS. 64897. fo. 9. 1628. 2 July. Nicholas to Coke.

8. British Library. Additional MS. 64897. fo. 11. 1628. 3 July. Nickolas to Coke.

9. British Library. Additional MS. 9297. fo. 178. 1630. 16 March. Admiralty to Principal Officers.

10. British Library. Additional MS. Uncatalogued. 1631. 25 July. Principal Officers to John Wells and Edward Falkener.

11. British Library. Egerton MS. 2541. fos. 174 – 80.

12. British Library. Harleian MS. 1649A. fo. 116v. Payment to Richard Alport.

13. British Library. Sloane MS. 3232. fo. 141.

14. Calendar of State Papers. Domestic Series. 1547-80 / Ed. by R. Lemon. L., 1856. 802 p.

15. Calendar of State Papers. Domestic Series. 1628-29 / Ed. by J. Bruce. L., 1859. 714 p.

16. Calendar of State Papers. Domestic Series. 1637-38 / Ed. by J. Bruce. L., 1869. 718 p.

17. Ives E. W. Faction in Tudor England. L., 1989. 28 p.

18. Kenny R. W. Elizabeth's Admiral: the Political career of Charles Howard, earl of Nottingham, 1536–1624. Baltimore, 1970. 354 p.

19. Magdalene College. Cambridge. Pepys MS. 2876. P. 653.
20. Oppenheim M. A history of the Administration of the Royal Navy. L., N.Y., 1896. 444 p.
21. Peck L. L. Court patronage and corruption in early Stuart England. Cambridge., 1990. P. 117–119. 319 p.
22. Quintrell B.W. Charles I and his Navy in the 1630's // The Seventeenth century. 1988. № 3. P. 159-179.
23. The National Archives. Exchequer. 351/2279. Payment to Thomas Salter.
24. The National Archives. State Papers. 16/13/59.
25. The National Archives. State Papers. 16/156. fo. 61.
26. The National Archives. State Papers. 16/156. fo. 67v. n.d. Included List of lost books.
27. The National Archives. State Papers. 16/158/44. A Letter by the Lord Treasurer to the Attorney-General in Jan 1630.
28. The National Archives. State Papers. 16/174/21. 1630.10 Oct. Coke to Nicholas.
29. The National Archives. State Papers. 16/177/176. 1628. 13 Dec.
30. The National Archives. State Papers. 16/183/2. 1631. Jan. Russel to Admiralty.
31. The National Archives. State Papers. 16/188/76. Admiralty agenda. 1631. 16 April.
32. The National Archives. State Papers. 16/256/21/.
33. The National Archives. State Papers. 16/258/27. Reasons for increasing the Comptroller's of salary submitted to the Admiralty. 1634. 7 Jan.
34. The National Archives. State Papers. 16/282/34. 1635. 11 Jan, Cock to principal officers.
35. The National Archives. State Papers. 16/425/46. 1639. 10 July. Nicholas to Pennington.
36. The National Archives. State Papers. 16/45. fo. 3.
37. The National Archives. State Papers. 16/475. fos. 321, 323v. 1633. 21 Dec, 1634. 18 Jan. Meetings.
38. The National Archives. State Papers. 16/485/113. 1641. 25 Nov. Carteret to Pennington.
39. The National Archives. State Papers. 63/256/19. 1637 11 March.
40. The Naval Tracts of Sir William Monson in six books / Ed. by M. Oppenheim. Vol. IV. Navy Record Society, 1913. 446 p.
41. Thrush A. D. The Navy under Charles I. 1625–1640. PhD. dissertation. University College, 1990. 384 p.
42. Two Discourses of the Navy 1638 and 1659 by John Hollond and Discourse of the Navy 1660 by Sir Robert Slyngesbie / Ed. by Tanner J.R. Cambr., 1896. 419 p.

Сведения об авторе

Гаврилов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / serggavr75@mail.ru

Information about the author

Gavrilov Sergey – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreing History and International Relations, Institute of History and International Relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / serggavr75@mail.ru

УДК 94 (470+571) “18”

Ю. Ю. Гранкин

ПРИВЛЕЧЕНИЕ КАЗАКОВ К ОХРАНЕ РУБЕЖЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: РЕАЛИИ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

В статье анализируются вопросы, связанные с привлечением казаков к охране и обороне границ на Северном Кавказе в период вхождения этого региона в состав Российской империи. Показаны те трудности, с которыми пришлось столкнуться при организации кордона. Рассматриваются фортификационные сооружения, которые возводились на пограничной линии для обеспечения её надёжного прикрытия. В случае необходимости такими опорными пунктами становились и казачьи станицы, не раз осаждавшиеся силами неприятеля. Все они были выстроены с учётом вероятности отражения набега, хотя для долгой осады были не приспособлены. Отмечается, что казаки отличались своей стойкостью и высокой мотивацией, т.к. в случае успехов неприятеля первыми под удар попадали их дома и семьи. Автор приходит к выводу, что укрепления играли вспомогательную роль в прикрытии границы, а главный упор делался на мобильные отряды казаков, предупреждавших либо ликвидировавших прорывы враждебных партий вглубь охраняемой территории. Приводятся примеры вооружённых столкновений, которые заканчивались как успехами, так и неудачами для казаков. Выявляются региональные особенности несения пограничной службы, что было связано с ландшафтной спецификой края. Жизнь по соседству с воинственными горцами приводила к воспитанию особого типа воинов, прекрасно адаптированных к тем задачам, которые ставила перед ними боевая кавказская повседневность. Таким образом, казачество было важным элементом обеспечения защиты южных рубежей и внесло свой вклад в дело присоединения Кавказа к России.

Ключевые слова: казаки, горцы, граница, укрепление, набег, сражение, служба, отряд, артиллерия.

Yu. Yu. Grankin

THE COSSACKS ON GUARD OF THE BORDERS IN THE NORTH CAUCASUS: REALITIES OF FRONTIER SERVICE IN THE END OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The article analyses the drawing of the Cossacks to the guard and defense of the borders in the North Caucasus in the period when the region was a part of the Russian empire. The difficulties faced during the organization of the cordon are shown. Fortification buildings that were erected on a frontier line to provide for its reliable protection are examined. In case of the necessity the Cossack villages became such strong points, not once besieged by forces of the enemy. All of them were lined up considering the probability of the raid reflection, although for a long siege were not adjusted. It is marked that Cossacks differed in the firmness and high motivation, as in case of the enemy’s successes their houses and families were in danger first. The author concludes that fortifications played a supporting role in the protection of borders, and main stress laid on mobile detachments of Cossacks, warning or liquidating the breaches of hostile parties deep into the guarded territory. The article features the examples of the armed collisions that ended with both successes and failures for Cossacks. The regional features of the execution of the frontier service come to light, it was related to the landscape specific of the edge. The life in the neighborhood to bellicose highlanders developed a special type of the warriors, perfectly adapted to the tasks that the battle Caucasian daily life put before them. Thus, the Cossacks were the important element of providing for defense of south borders and made their contribution to the matter of joining the Caucasus to Russia.

Key words: Cossacks, highlanders, border, fortification, raid, battle, service, detachment, artillery.

Обретя кавказскую границу, Российская империя вынуждена была создавать здесь прочную оборонительную линию. Горские набеги, которые были связаны с особенностью местного уклада, стали серьёзной проблемой на пути освоения этого пространства [8, с. 117]. Обойтись силами регулярных частей не удалось. Ни экономических, ни политических возможностей держать на южных рубежах большие силы у правительства не было, а потому решено было привлечь к охране и обороне границы казаков, которые в силу специфики своей жизни лучше всего подходили для этой цели [11, с. 77].

Обстоятельства казачьей пограничной службы попали в поле зрения уже дореволюционных историков [15, 7, 19, 13 и др.]. Они имели возможность получать информацию непосредственно от людей, которые оберегали южные рубежи империи, проработали огромный пласт документов из архивохранилищ, который в прежнем объёме не дошёл до наших дней. Не пропал интерес к этой проблеме и в последующий исторический период,

т.к. полученный опыт нередко актуализировался и приобретал весьма современное звучание [20, 17, 11].

В условиях Кавказа протяжённость границы, её непростой рельеф потребовали соединить традиционные казачьи военные хитрости, выработанные столетиями противостояния с беспокойными соседями, и требования современной военной мысли, что в результате и легло в основу оформившегося северокавказского фронтира.

Выстроенная пограничная линия опиралась на укрепления, гарнизоны которых формировались из числа войск, расквартированных в регионе. Крепости выступали их штаб-квартирами, где они держали необходимое полковое имущество, отдыхали после походов, лечились и т.п. Нередко рядом возникали слободки, куда перебирались со своими семьями солдаты, чей срок службы завершился. Но даже сами горцы смотрели на такие крепости как на незначительную помеху, возможность укоренения которой оценивали весьма скептически.

В отличие от крепости, станица вызывала у них чувство тревоги. Они не без оснований считали, что получают в её лице опасного конкурента, способного вытеснить их с занимаемой земли. Это даже нашло отражение в фольклоре, что бывает лишь с той информацией, которая действительно считается важной в общественном мнении [14, с. 284].

Неудивительно, что казачьи станицы сделались объектом атак различных «хищнических» партий, которые стремились не только захватить пленных, но и нанести материальный урон казакам. Чтобы противодействовать этой угрозе, приходилось укреплять рубежи поселения, и станицы превращались в небольшие крепости. Конечно, они не напоминали классические фортеции, но вполне годились для отражения стремительного нападения горского отряда.

Вот, как их описывал историк казачества М. А. Караулов: «В большинстве случаев станицы строились по одному общему плану. Прямые улицы рассекают станицу вдоль и поперёк. Посреди станицы просторная площадь для сборов по тревоге, общественных сходов и Божьего Храма. Со всех четырёх сторон линейная станица обычно окапывается глубоким и широким рвом, по внутреннему краю которого насыпался окружающий станицу вал, увенчанный плетнёвой оградой с колючим терновником. С двух (а то и трёх, четырёх) сторон станицы выезды, – крепкие ворота. У ворот часовой и «вестовая» пушка» [7, с. 154]. Такая планировка была следствием учёта опыта, который казаки оплатили немалой кровью и жертвами. Бросается в глаза, что некоторые приёмы обустройства своего поселения у казаков напоминали лагерь римских легионеров, которые также знали толк в возведении необходимых защитных сооружений [16, с.284–285].

Казаки придерживались неписаных правил, которые требовали от каждого станичника проявлять бдительность, не только находясь на службе, но и занимаясь вполне мирными, хозяйственными заботами. Были периоды, когда покидать пределы поселения можно было лишь в светлое время суток. Перед этим усиленные казачьи патрули внимательно осматривали близлежащую территорию с целью обнаружения притаившихся там грабителей.

Устраивая, как сейчас говорят, инженерное обеспечение границы, казаки возводили посты и пикета, располагали скрытые залоги, осуществляли контроль над территорией с помощью разъездов и т.п. Естественно, что сами по себе эти незамысловатые конструкции не могли создать препятствий для хорошо вооружённых и подготовленных партий «набежчиков». В периодически вспыхивавших столкновениях всё решало личное мужество и уровень подготовки защитников рубежей.

Главной целью этих незамысловатых конструкций была защита казаков от непогоды и наличие сигнального устройства (жерди с обмотанной соломой или сеном, кадки со смолою), чтобы иметь возможность предупредить соседей о прорыве неприятеля. Численность команд, которые размещались на таких пунктах, варьировалась от трёх до двухсот казаков [19, с. 115–116]. Главной задачей их было не столько остановить, сколько своевременно обнаружить горскую партию. После этого прорыв старались ликвидировать силами мобильных резервов.

Только на участке Черноморской линии, которая располагалась на пространстве от Усть-Лабинской крепости до Анапы, насчитывалось до 60 постов, батарей и более ста пикетов. При острой нехватке артиллерии нередко приходилось устанавливать на фортециях пушки, которые казаки привезли на Кубань ещё с Днепровской линии. При соответствующей сноровке и умениях казачьих бомбардиров они успешно выполняли возложенные на них задачи и нередко срывали замыслы «немирных» горцев, весьма опасавшихся этих «гармад» [13, с. 140–141].

Первое время бывшие запорожцы экспериментировали и создавали плавучие пикеты, на которых размещалось до 35 человек. Но очень скоро казаки убедились в уязвимости таких «укреплений». После гибели команды одного из таких плавучих постов в 1802 г. от подобной практики отказались, и кордонные амфибии превратились в обычные паромные переправы [13, с. 145–146].

Впрочем, были примеры и успешного использования потенциала казаков в охране водных рубежей. Так, азовские казаки участвовали в патрулировании Черноморского побережья Кавказа. Вместе с ними службу несли и прикомандированные нижние чины Черноморских линейных батальонов. Всё это позволило если и не пресечь, то ослабить поток контрабанды, который шёл из Турции и способствовал поддержанию вооружённого конфликта в регионе, т.к. «немирные» горцы таким образом получали оружие и боеприпасы, а сами продавали захваченных невольников [9, с. 480].

Большое значение имели сведения, которые приносили лазутчики, которых было немало среди горцев по другую сторону границы [12, с.160–

172]. При получении от них информации о готовящемся набеге меры безопасности на Линии усиливались, число разъездов и залог возрастало. Но понять, насколько достоверную информацию принёс такой осведомитель, было крайне затруднительно. Порой сведения, получаемые командованием из разных источников, кардинально расходились. Как не без юмора отмечал И. Д. Попка: «На театре большой войны подмечают иногда за нами замашку преувеличивать, когда речь идёт о силах замеченного неприятеля. Свиньём валит, глазом не окинешь, шестом не проворотишь – все эти выражения сильные, конечно, но это лишь капля в море в сравнении с преувеличениями черкесских вестников, одаренных воображением Шехерезады и красноречием китайской реляции. Если бы сотая доля угроз, разновременно перенесённых ими с гор на линию, сбылась, давно бы уже не черноморских, ни кавказских казаков не существовало на белом свете» [13, с. 148].

Играло свою роль и время, когда осуществлялась охрана кордона. Так, на Северо-Западном Кавказе, на Кубани зимой отряды «набежчиков» были особенно активны, т.к. основные водные преграды замерзали, и можно было осуществить переход в любом удобном месте [19, с. 118].

Горцы, в свою очередь, тщательно отслеживали передвижение казачьих отрядов и при малейшей их оплошности старались уничтожить залогу или разъезд. Известны случаи, когда войсковое начальство наказывало тех провинившихся, которые приносили в место расположения своего секрета солому, чтобы подстелить её для удобства. По ней горцы узнавали, где планируется устроить наблюдательный пункт, и могли незамеченными, обойти его, а то и уничтожить «любителей комфорта». Строжайше запрещалось зажигать огонь или вести разговоры, находясь в залоге, нарушать все те требования караульной службы, которые были выработаны на основании оплаченного кровью опыта [4].

Иногда казакам приходилось выдерживать серьёзные осады, отбиваясь от превосходящих сил неприятеля. Большой резонанс имела оборона станицы Наурской, которую в июне 1774 г. пытались разорить объединённые крымско-турецкие силы при поддержке отрядов горцев. Тогда на защиту станицы встали не только казаки, но и их жёны. «Разряженные наурские казачки в красных сарафанах вышли на защиту родного города и отражали неприятельские приступы наряду с мужьями и братьями. На женщин, между прочим, была возложена обязанность поддерживать костры, разогревать смолу и лить со стен кипяток на головы штурмующих. Сохранилось предание, что даже щи, варившиеся к обеду, шли у казаков на дело защиты», – писал об этом эпизоде вооружённого противостояния на Кавказе В. А. Потто [15, с. 78–79]. И хотя такие масштабные вторжения случались нечасто, но угроза нападения существовала постоянно и держала население пограничья в непрестанном напряжении, затрудняя ведение мирного труда.

Власти старались перехватывать крупные отряды «набежчиков» и либо вытеснять их, либо уничтожать. Последнее было сложным делом, т.к. горцы отличались мобильностью, как правило, имели хороших лошадей, которых специально готовили для дальних переходов. Недаром известный генерал А. А. Вельяминов, разрабатывая планы по умиротворению Кавказа, уделял много внимания этой стороне вопроса. Он отмечал, что горцы здесь имеют неоспоримые преимущества, как перед регулярной русской кавалерией, так и перед казаками. У них выработалась весьма эффективная система разведения и подготовки коней, а сами они прекрасные наездники. «Между ними совсем не редки лошади, на которых в летний день можно проехать полтораста вёрст от утренней зари до вечерней», – отмечал он в одной из своих аналитических записок [1, с. 82].

Непосредственно перед набегом лошадь переводилась на специальный режим питания, чтобы к нужному моменту достичь пика своих физических возможностей. Так, «месяца за два или более перед наступлением удобного к оным времени начинают сильно кормить лошадь, оставляя оную в покое. В продолжение пяти или шести недель она чрезвычайно разжиреет и пустит большое брюхо. Тогда начинают уменьшать понемногу корм, проезжают лошадь слегка и каждый день ставят её по брюхо в воду. В первые дни ездят на ней шагом, и немного потом исподволь усиливают езду, и когда жир начнёт уменьшаться, а лошадь станет привыкать к движению, тогда проезжают её рысью, усиливая езду с каждым днём. Таким образом продолжают уничтожать излишнюю тучность до тех пор, доколе лошадь совершенно облегчится и будет свободно скакать на большое расстояние. Нужно две или три недели, чтобы таким образом подъяровать лошадь, у которой брюхо и жир совершенно пропадают, мясистые части её становятся тверды, и она делается способною к перенесению больших и продолжительных трудов» [1, с. 87–88]. Из описания видно, что подготовка к набегу достигла у горцев уровня подлинного искусства, которое формировалось не одно поколение. Естественно, что обороняющаяся сторона ничего подобного предпринять не могла и заведомо оказывалась в уязвимом положении. Недаром сподвижник легендарного А. П. Ермолова был сторонником наступательных боевых действий и отстаивал мысль, что лишь они могут иметь успех на таком непростом театре военных действий, как Кавказ [9, с. 324].

Но даже в такой ситуации известны случаи катастрофических для горцев сражений, одним из которых стала битва на Калаусском лимане в ноябре 1821 г. Тогда прорвавшаяся крупная партия горцев, которую оценивали в полторы тысячи наездников, была своевременно обнаружена казаками. «Набежчики», убедившись в невозможности продолжить свой набег, попытались уйти на левый берег Кубани. Тёмная ночь, которая обычно играла на руку горцам, на этот раз была использована против них. Небольшие отряды казаков создали видимость полного и плотного

окружения черкесского отряда. Стремясь вырваться из ловушки, те устремились через заболоченное пространство и заплатили за это гибелью большей части всадников. Победителю достались сотни комплектов оружия и конской сбруи, которую удалось впоследствии достать из вод лимана. За своих выживших и попавших в плен соплеменников горцы вынуждены были заплатить выкуп [6, с. 373].

Материальная сторона была одним из стимулов для казаков зорко выслеживать нарушителей границы. Взятые в бою трофеи отходили победителю и могли серьёзно поправить его финансовое положение. Уместно привести здесь в качестве примера фрагмент из повести Л. Н. Толстого «Казаки», где описывается удачный исход противоборства одного из персонажей с чеченским «набежчиком»: «– Слышь Лукашка! – сказал урядник, державший в руках кинжал и ружьё, снятые с убитого. – Ты кинжал себе возьми и зипун возьми, а за ружьё приди, я тебе три монета дам. <…> – Покупай кинжал и зипун. Давай денег больше. И портки продам. Бог с тобой, – говорит Лука. – Мне не полезут: поджарый чёрт был. Один казак купил зипун за монет. За кинжал дал другой два ведра» [18, с. 166–167].

И это не литературное преувеличение. Власти доводили до сведения казаков, что «за всякого хищника, убитого или взятого в плен, будет выдаваемо вознаграждение по двадцати пяти рублей серебром за каждого» [5, л. 2]. Такую награду назначил им ставропольский гражданский губернатор генерал-майор Волоцкий, который счёл необходимым поощрить их служебное рвение.

Но главным побудительным мотивом были нравственные устои, которые требовали от каждого казака не жалеть жизни при выполнении своего воинского долга. Сохранилось немало примеров, когда при обороне границы казаки вступали в противоборство с противником в заведомо гибельной для себя ситуации. К их числу относится разгром сотни А. Л. Гречишкина в сентябре 1829 г. Тогда, натолкнувшись на превосходящие силы неприятеля, казаки закололи своих лошадей и за этим импровизированным бруствером долго сдерживали атаки горцев. На предложение сдаться казаки ответили отказом и почти все пали в неравной схватке. Из всей сотни уцелело восемь человек, которые были ранены и приняты горцами за мёртвых. Погиб сам сотник, три урядника и 45 казаков [17, с. 45–52].

Казаки были кровно заинтересованы в надёжном прикрытии границы, т.к. в противном случае под ударом горских «хищников» оказывались их семьи. Сохранилось немало свидетельств того, как прорвавшиеся горские партии уводили в неволю женщин и детей, разоряли казачьи хозяйства. Восстановить всю картину испытаний, выпавших на долю казаков, не представляется возможным, но даже на основании введённых в научный оборот материалов можно понять, что речь идёт о сотнях жизней [10, с. 255].

При всей схожести задач, которые стояли перед казаками на всём пространстве Северного Кавказа, имелись региональные особенности, на которые в своё время обратил внимание Ф. А. Щербина. Он сравнил тактику линейцев и черноморцев и пришёл к выводу, что «у тех и других представителей казачества различны были как системы охраны границы, так и приёмы борьбы с горцами. Черноморцы сторожили врага, «держали границу», как гласит их историческая песня, т.е. тщательно наблюдали за тем, чтобы не пустить через границу черкеса в свои владения. Линейцы ловили и карали противника, стараясь жестокими расправами отбить у него охоту к набегам. В важнейших случаях борьбы черноморцы опирались на артиллерию, и пушка служила у них тем пугалом для черкесов, которое часто удерживало последних от набегов или заставляло уходить в горы с крупными потерями и с невыполненными планами. Линейцы любили сомкнутый строй кавалерийской атаки, и кавалерию линейных казаков сами горцы считали опасною противницей в их наездниических предприятиях» [21, с. 825].

Кавказские реалии порождали весьма специфичные феномены социальной и военной жизни, к числу которых, без сомнения, следует отнести пластунов. Это были стрелки-разведчики, чьё искусство «малой войны» с её умением устраивать засады, маскироваться, метко, как позднее скажут, «по-снайперски» вести огонь, действовать автономно от основных сил, было доведено до совершенства. Даже само название «пластун» при всех различиях в трактовке сходится на умении подолгу ползать, перемещаться по бездорожью, скрытно лежать на земле [20, с. 99]. Пластуны иногда объединялись в специальные команды и использовались в бою в качестве застрельщиков. Известны случаи, когда пластунов собирали для организации охраны первых лиц из числа командования. Так, А. А. Вельяминов отдал приказ командировать к нему десять лучших пластунов, чтобы они сопровождали его в поездках [2, л. 1–20].

Пластуны обладали соответствующим морально-психологическим складом, были мужественны, инициативны. В глазах современников сложился привлекательно-героический стереотип таких казаков, что способствовало пополнению рядов пластунов молодёжью [20, с. 104–105]. Как правило, их использовали на самых проблемных участках Линии. Нередко проштрафившихся офицеров отправляли к пластунам, чтобы они с риском для жизни загладили свои проступки.

Командование высоко ценило этих воинов. Это выражалось среди прочего и в денежном содержании. Они получали на содержание артели по 14 руб. 28 4/7 коп. в год. Для сравнения – простые казаки имели от казны сумму лишь 8 рублей [3, л.14]. Просуществовали пластуны как особый исторический феномен вплоть до завершения вооружённого противоборства на Кавказе и окончательного умиротворения неспокойных горских обществ.

Таким образом, охрана и оборона границы на Северном Кавказе строилась на привлечении к

этому делу казаков, которые выработали совокупность воинских приёмов, позволявших отражать вторжения враждебных сил. В зависимости от ландшафтных условий строилась система контроля кордонной Линии. Применялись различные тактические хитрости, многие из которых были восприняты из арсенала горских народов. Действуя мобильными группами, опиравшимися на фортификационное обеспечение границы, казаки в целом надёжно защищали вверенные им территории и внесли свой вклад в дело достижения мира на Кавказе.

Источники и литература

1. Вельяминов А. А. Замечания на письмо Главнокомандующего действующею армиею к Военному министру от 27 июля 1832 года №67 // Кавказский сборник. 1883. №VII. С. 78–144.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.249. Оп.1. Д.865.
3. ГАКК. Ф.254. Оп.1. Д.915.
4. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.1.
5. Государственный архив Ставропольского края. Ф.101. Оп.1. Д.893.
6. Записки А. П. Ермолова 1798-1826. М.: Высшая школа, 1991. 463 с.
7. Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Репринтное издание. Владикавказ: [б.и.], 1912. 402 с.
8. Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН,1996. 312 с.
9. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.) / под ред. В. Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2002. 494 с.
10. Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск: РИА-КМВ, 2011. 256 с.
11. Клычников Ю. Ю. «Движимый человеколюбием и долгом своей обязанности…»: казаки в охране и обороне границ на Северном Кавказе // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы восьмой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции / под ред. Н. Н. Великой, С. Н. Лукаша. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2012. С.77–80.
12. Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.
13. Попка И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооружённой силы и службы в двух частях. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 192 с.
14. Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Репринтное издание. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 383 с.
15. Потто В. А. Кавказская война: В 5 т.: Т.1.: С древнейших времён до Ермолова. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 672 с.
16. Разин Е. А. История военного искусства. Т.I. Б.м.: Полигон, 1994. 559 с.
17. Соловьёв В. А. Подвиг сотни Гречишкина. Краснодар: Сполох, 1996. 76 с.
18. Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат. Казаки кавказская повесть 1852 г. Нальчик: Эльбрус, 1978. 288 с.
19. Фелицын Е. Д., Щербина Ф. А. Кубанское казачье войско. Репринтное издание Краснодар: Советская Кубань, 1996.. 480 с.
20. Фролов Б. Е. Черноморские пластуны // Проблемы историографии и истории Кубани. Сборник научных трудов. Краснодар: КубГУ, 1994. С. 95–109.
21. Щербина Ф. А. История кубанского казачьего войска. В 2-х т. (Репринтное издание). Екатеринодар, 1913. Т. II. История войны казаков с закубанскими черкесами. Краснодар: Советская Кубань, 1992. 880 с.

References

1. Vel'yaminov A. A. Zamechaniya na pis'mo Glavnokomanduyushchego dejstvuyushcheyu armieyu k Voennomu ministru ot 27 iyulya 1832 goda №67 *(Marks to the letter of the Commander of the Army in the Field to the Military Minister of July 27, 1832, No. 67)* // Kavkazskij sbornik. 1883. №VII. S.78-144. (In Russian).
2. The State Archives of the Krasnodar region. (GAKK). F.249. Inv.1. D.865. (In Russian).
3. GAKK. F.254. Inv.1. D.915. (In Russian).
4. GAKK. F.261. Inv.1. D.1. (In Russian).
5. The State Archives of the Stavropol region. F.101. Inv.1. D.893. (In Russian).
6. Zapiski A.P. Ermolova 1798–1826 *(The Notes of A.P. Ermolov 1798–1826)*. Moscow: Vysshaya shkola publ., 1991. 463 p. (In Russian).
7. Karaulov M. A. Terskoe kazachestvo v proshlom i nastoyashchem *(The Terek Cossaks in the past and present)*. Reprint. Vladikavkaz, 1912. 402 p. (In Russian).
8. Karpov Yu. Yu. Dzhigit i volk. Muzhskie soyuzy v sociokul'turnoj tradicii gorcev Kavkaza *(A Horseman and a Wolf. Male Unions in the Socio-Cultural Tradition of Caucasus Highlanders)*. St.Petersburg: MAEH RAN,1996. 312 p. (In Russian).
9. Klychnikov Yu. Yu. Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.) *(Russian Policy in the North Caucasus (1827–1840)* / ed.by V. B. Vinogradov. Pyatigorsk: PSLU publ., 2002. 494 p. (In Russian).
10. Klychnikov Yu. Yu., Cybul'nikova A. A. «Tak bujnuyu vol'nost' zakony tesnyat…»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) *("So Violent Liberty Is Driven by Laws"… the Struggle of the Russian Statehood Against the Predation in the North Caucasus. Historical Essays)* / ed by B. V. Vinogradov. Pyatigorsk: RIA-KMV, 2011. 256 p. (In Russian).

11. Klychnikov Yu. Yu. «Dvizhimyj chelovekolyubiem i dolgom svoej obyazannosti…»: kazaki v ohrane i oborone granic na Severnom Kavkaze *(Moved by the Benevolence and Duty of My Responsibility: The Cossaks in the Borders' Guard and Defense in the North Caucasus)* // Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza: materialy vos'moj mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / ed. by N.N. Velikaya, S.N. Lukash. Armavir: V.E. SHurygin's printing house, 2012. P.77–80. (In Russian).

12. Matveev O. V. Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki *(The Caucasian War: from Front to Frontier. Historical and autropological essays)*. Krasnodar: EHdvi, 2015. 272 p. (In Russian).

13. Popka I. D. CHernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu: ocherki kraya, obshchestva, vooruzhyonnoj sily i sluzhby v dvuh chastyah *(Black Sea Cossacks in Their Civil and Military Life; Essays of the Region, Society, Armed Force and Service in Two Parts)*. Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1998. 192 p. (In Russian).

14. Potto V. A. Dva veka terskogo kazachestva (1577–1801) *(Two Centuries of the Terek Cossacks)*. Reprint. Stavropol': Kavkazskaya biblioteka, 1991. (In Russian).

15. Potto V. A. Kavkazskaya vojna: In 5 Vols: Vol.1.: S drevnejshih vremyon do Ermolova *(The Caucasian War in 5 Volumes. V.1: from Antiquity till Ermolov)*. Stavropol': Kavkazskij kraj, 1994. 672 p. (In Russian).

16. Razin E. A. Istoriya voennogo iskusstva *(The History of the Military Art)*. B.m.: Poligon, 1994. T.I. 559 s. (in Russian).

17. Solov'yov V. A. Podvig sotni Grechishkina *(The Feat of the Grechishkin Comopany)*. Krasnodar: Spoloh, 1996. 76 p. (In Russian).

18. Tolstoj L. N. Hadzhi-Murat. Kazaki kavkazskaya povest' 1852 g. *(Hagi Murat. The Cossacks. The Caucasian story)*. Nal'chik: EHl'brus, 1978. 288 p. (In Russian).

19. Felicyn E. D., SHCHerbina F. A. Kubanskoe kazach'e vojsko *(The Kuban Cossack Troops)*. Reprint. Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1996. 480 p. (In Russian).

20. Frolov B. E. CHernomorskie plastuny *(The Black Sea Scouts)* // Problemy istoriografii i istorii Kubani. Sbornik nauchnyh trudov. Krasnodar: KubSU publ., 1994. P. 95–109. (In Russian).

21. SHCHerbina F. A. Istoriya kubanskogo kazach'ego vojska *(The History of the Kuban Cossack Troops)*. Reprint. In 2 Vols. Vol. II. Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1992. 880 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / grankinj@pglu.ru

Information about the author

Grankin Yurii – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Department of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and informatization at Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / grankinj@pglu.ru

УДК 327 (470)

А. К. Дудайти

ПРОБЛЕМЫ КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ (1991–1994 гг.)

В статье анализируется кавказское направление внешней политики Исламской Республики Иран в постсоветский период; вскрываются проблемы, с которыми сталкивалось руководство страны в ходе ее реализации. Выявлена высокая заинтересованность Тегерана в усилении иранского влияния в Южном Кавказе после распада СССР и ослабления в регионе позиций России. Показано острое соперничество Ирана с Турцией за преимущественное влияние в Южном Кавказе, усиление в регионе своих политико-экономических позиций. Анализируются действия руководства Ирана в ходе вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе; отмечено его беспокойство из-за возможного разрастания конфликта, вовлечения в него азербайджанского этнического меньшинства, проживающего на северо-западе Ирана. Раскрывается роль «азербайджанского фактора» в политике Ирана в южно-кавказском направлении; выявляются причины сложившихся сложных взаимоотношений Исламской Республики с Азербайджаном – с одной стороны, и ее высокой заинтересованности в налаживании тесных связей с Арменией – с другой. Анализируется воздействие различных факторов на амбивалентную позицию иранского руководства в вопросе мирного урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. Доказана необходимость внесения качественных изменений во внешнеполитическую деятельность Ирана в южно-кавказском направлении, придания ее политике в регионе более сбалансированного характера. При этом подчеркивается, что сбалансированный внешнеполитический курс иранского руководства отвечал интересам национальной безопасности страны, заинтересованного в снижении общего уровня напряженности в регионе Южного Кавказа.

Ключевые слова: Южный Кавказ, нестабильность, Иран, амбивалентная политика, «азербайджанский фактор», Нагорный Карабах, конфликт.

A. K. Dudayti

THE PROBLEMS OF THE CAUCASIAN POLICY OF IRAN DURING THE ARMED CONFLICT IN NAGORNO-KARABAKH (1991–1994)

The article analyzes the Caucasian direction of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran in the post-Soviet period; the study reveals the problems faced by the country's leadership in the course of its implementation. Tehran's high interest in strengthening Iranian influence in the South Caucasus after the collapse of the USSR and the weakening of Russia's positions in the region is revealed. The sharp rivalry between Iran and Turkey for the predominant influence in the South Caucasus and the strengthening of its political and economic positions in the region are shown. The author analyzes the actions of the Iranian leadership during the armed conflict in Nagorno-Karabakh and notes the concern over the possible expansion of the conflict and the involvement of the Azerbaijani ethnic minority living in the north-west of Iran. The role of the "Azerbaijani factor" in Iran's policy in the South Caucasus is revealed; the reasons for the complex relations of the Islamic Republic with Azerbaijan, on the one hand, and its high interest in establishing close ties with Armenia, on the other hand, are given. The impact of various factors on the ambivalent position of the Iranian leadership on the peaceful settlement of the Nagorno-Karabakh conflict is analyzed. The necessity of making qualitative changes in Iran's foreign policy in the South Caucasus direction, giving its policy in the region a more balanced character is proved. At the same time, it is emphasized that the balanced foreign policy of the Iranian leadership was in the interests of the national security of the country, focused on reducing the overall level of tension in the South Caucasus region.

Key words: South Caucasus, instability, Iran, ambivalent policy, "Azerbaijani factor", Nagorno-Karabakh, conflict.

После распада СССР между двумя региональными державами – Ираном и Турцией, усилилось соперничество за преимущественное влияние и позиции в республиках с мусульманским населением, возникших на постсоветском пространстве. Прежде всего оно приняло форму соперничества «турецкой модели развития», модели светского государства с мусульманским населением, являющегося проводником западных идей и настроений в постсоветских республиках, с «иранской моделью развития», основанной на радикальном исламском мировоззрении, с шиитским духовенством, стоящим у власти, контролирующим и инициирующим все основные социально-политические и экономические процессы в Иране. В ходе этого соперничества постепенно стало выявляться превосходство Турции, поскольку политические элиты постсоветских республик в большей

степени склонялись к принятию «турецкой модели» для развития своих стран. В то же время они негативно относились к политическому исламу, что в свою очередь сдерживало их в развитии тесных связей с Ираном.

В ирано-турецком соперничестве важное место занимал район Кавказа, в прошлом являющийся объектом военно-политического противоборства между Российской, Персидской и Османской империями [14]. Особенно острый характер оно приобрело в Южном Кавказе – важнейшем стратегическом регионе Евразии, где проходили крупные торговые пути, связывающие Европу с Азией. Противоборствующие между собой империи неизменно считали регион Южного Кавказа зоной своего исключительного влияния (подробнее см. [1]).

В результате последовавшего за распадом СССР ослабления российского влияния в Южном Кавказе в руководстве Ирана возросла заинтересованность в восстановлении позиций страны в этом регионе. Учитывая религиозное влияние Ирана и этническое – из Турции, можно было предположить, что в кавказской стратегии этих стран предпочтение будет отдано Азербайджану. В свою очередь, политические элиты этой республики стремились использовать ирано-турецкое соперничество в своих интересах. С Турцией азербайджанцев связывала общая языковая группа (тюркская), эти народы были весьма близки на культурном и ментальном уровне. В свою очередь, ирано-азербайджанские отношения имели богатую историю в составе Персидской империи; на северо-западе Ирана с давних времен проживало азербайджанское этническое меньшинство, наконец, иранцы и азербайджанцы исповедовали единое, шиитское направление ислама. Последнее обстоятельство во многом обусловило выбор Азербайджана в деле усиления иранского влияния на Кавказе; другим фактором, воздействующим на такой выбор, являлись богатые энергетические ресурсы Азербайджана, а также общая граница протяженностью более 700 км.

В то же время на развитие тесных связей между двумя странами негативно влияло то обстоятельство, что политическая элита Азербайджана стремилась использовать в своих политических целях этнический фактор: в частности в Баку звучали призывы денонсировать договоры, закрепившие южные границы республики, чтобы добиться получения азербайджанцами статуса «разделенной нации», а затем выдвинуть требования о воссоединении азербайджанского этнического меньшинства в Иране (Южный Азербайджан) с его северным собратом – Республикой Азербайджан. Власти Ирана болезненно реагировали на эти призывы: раздавались угрозы в корне пересмотреть Туркманчайский договор 1898 г., по которому территория Азербайджана была выделена из состава Персии и включена в состав России [2]. Кроме того, в Тегеране с опасением следили за тем, как развиваются тесные связи между Азербайджаном и Турцией, союзником США по НАТО. Наконец, иранских духовных лидеров раздражал выбор Азербайджаном светской модели развития, что крайне затрудняло религиозную деятельность в республике.

Указанные обстоятельства наложили свой отпечаток на противоречивый подход руководства Ирана к развитию отношений со своим северным соседом. На фоне быстро развивающихся турецко-азербайджанских связей политика Ирана в азербайджанском направлении выглядела пассивной. Власти Турции активно поддержали Азербайджан в Нагорно-Карабахском конфликте, турки незамедлительно присоединились к блокаде, введенной Азербайджаном против Армении. В то же время, руководство Ирана заняло амбивалентную позицию в конфликте: по сути, оно дистанцировалось от движущих его сил, ограничившись заявлениями о необходимости мирного разрешения конфликта.

Учитывая воинствующую риторику в Иране, можно было предположить, что Исламская Республика решительно встанет на сторону своих единоверцев – шиитов-азербайджанцев в противостоянии с армянами-христианами. Но этого не произошло: давая понять азербайджанскому и армянскому руководству, что Иран может выступить посредником в мирном урегулировании конфликта, его руководители на деле заняли в нем армянскую сторону. В Иране с давних времен рассматривали Армению, как своего «младшего партнера» в геополитическом противостоянии с Турцией и доброжелательно относились к ней [4]. В ходе вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе ирано-армянская граница оказалась спасительным выходом из той сложной ситуации, которая возникла вследствие введения турецко-азербайджанской блокады Армении. Кроме того, иранцы помогали Нагорному Карабаху, снабжая его продовольствием и другими товарами [7].

В целом, анализируя иранскую стратегию в период Нагорно-Карабахского конфликта, следует отметить воздействие на нее «азербайджанского фактора». Из-за усилившегося сепаратизма среди азербайджанского населения на северо-западе Ирана руководители этой страны негативно относились к Азербайджану, противодействовали реализации его планов в ходе противостояния с Арменией из-за Нагорного Карабаха. Они проводили эту линию, несмотря на настойчивые призывы лидеров иранских азербайджанцев активно поддержать их собратьев в конфликте с армянскими «неверными» [6, с. 312]. Игнорирование властями этих призывов следовало объяснить опасением, что в результате активных контактов населения Азербайджанской республики с иранскими азербайджанцами среди последних мог усилиться сепаратизм, угрожающий территориальной целостности Исламской Республики.

Угроза центробежных тенденций в Иране заметно возросла летом 1993 г., когда после занятия армянскими силами территории на юге Азербайджана тысячи беженцев хлынули к иранской границе. Часть их пересекла границу и была принята иранскими азербайджанцами. В создавшейся сложной ситуации, чтобы пресечь наплыв беженцев в Иран, центральным правительством

было принято решение о создании для них палаточных лагерей на юге Азербайджана. Осенью 1993 г. туда было отправлено более 40 тыс. чел., перебравшихся ранее в северо-западный регион Ирана [6, с. 313].

Иранские власти противодействовали наплыву беженцев в страну из-за опасения, что они могут склонить местных этнических азербайджанцев к оказанию активной поддержки своим соплеменникам в вооруженном конфликте с армянами. С этой целью они могли оказать давление на центральные власти, требуя вмешательства Ирана в Нагорно-Карабахский конфликт на стороне Азербайджана. Еще большую опасность представляла перспектива проведения мобилизации добровольцев среди этнических азербайджанцев с последующей отправкой в район боевых действий на помощь азербайджанским вооруженным силам.

Таким образом, угроза роста сепаратизма оказывала сдерживающее воздействие на позицию властей Ирана в ходе Нагорно-Карабахского конфликта. Хотя в начале конфликта из лагеря иранских националистов звучали требования активно поддержать азербайджанцев; при этом националисты напоминали, что в прошлом территория Северного Азербайджана входила в состав Персидской державы [6, с. 314]. Однако эти настроения кардинально изменились после прихода к власти в Азербайджане в июне 1992 г. лидера оппозиционного Народного Фронта Азербайджана (НФА) А. Эльчибея. Будучи приверженцем идеологии пантюркизма, этот деятель стал выступать за воссоединение северо-западных территории Ирана с проживающим там азербайджанским этническим меньшинством с Республикой Азербайджан и создание на этой основе нового государства [3]. В период правления А. Эльчибея главным приоритетом внешней политики Азербайджана являлось развитие тесных связей с Турцией и ведущими западными странами, прежде всего с США и Великобританией. Новый лидер Азербайджана открыто занял недружественную позицию в отношении Москвы и Тегерана и всячески старался раздражать российское и иранское руководство. В результате в непростых взаимоотношениях Азербайджана с Россией и Ираном вполне предсказуемо появились новые элементы взаимной отчужденности.

Между тем руководство А. Эльчибея, состоящее в основном из активистов НФА, оказалось не в силах преодолеть хаос и дезорганизацию в республике, вызванных поражениями на карабахском фронте. В результате противостояния, угрожавшего развалом страны, А. Эльчибей был отстранен от власти, а его место в июне 1993 г. занял Г. Алиев. Деятели НФА были склонны считать Москву и Тегеран косвенными виновниками насильственной смены власти в республике, однако доказательств в подтверждение таких обвинений не было представлено. Между тем фактом являлось то, что в период правления А. Эльчибея произошла трансформация в подходе Ирана к проблеме урегулирования конфликта в Нагорного Карабаха в сторону преимущественного учета интересов Армении. В ответ усилились критические выступления азербайджанских политиков в адрес властей Ирана: к обвинениям в тайном пособничестве Тегерана осуществлению государственного переворота добавились новые – поддержка радикальных исламских движений в Азербайджане, а также содействие межэтническому противостоянию в республике путем поддержки сепаратистских настроений среди талышского этнического меньшинства, проживающего на приграничных с Ираном территориях страны.

Новое руководство во главе с Г. Алиевым взяло курс на нормализацию отношений Азербайджана с Россией и Ираном; были также приняты меры для придания азербайджанской политике сбалансированного характера, в частности, подверглась пересмотру внешнеполитическая линия на однобокую ориентацию на Турцию. Следуя в этом направлении, в сентябре 1993 г. Азербайджан вступил в СНГ. Одновременно руководство Г. Алиева стремилось сблизить республику с ведущими странами исламского мира (кроме Турции), в расчете заручиться их поддержкой в противостоянии с Арменией из-за Нагорного Карабаха. С этой целью Г. Алиев неоднократно посещал Иран и Саудовскую Аравию и во время официальных встреч с руководством этих стран обсуждал проблемы, связанные с кризисом вокруг Нагорного Карабаха, а также пути выхода из него [12].

Однако активность азербайджанской дипломатии в иранском направлении не привела к заметному улучшению взаимоотношений между Баку и Тегераном. Как и прежде, позиция Ирана в Нагорно-Карабахском конфликте склонялась в сторону преимущественного учета армянских интересов. Больше того, уровень взаимоотношении двух стран опустился до нижней отметки, когда бакинские власти в результате давления на них со стороны администрации США отказали Ирану в 5% долевом участии в масштабном нефтяном контракте с иностранным участием (13 компаний из 8 стран), заключенного в Баку в сентябре 1994 г. В Тегеране расценили это действие, как послушное следование Азербайджана в фарватере США – «Великой Сатаны» [6, с. 315]. В ответ незамедлительно было прекращено энергоснабжение Нахичевани из Ирана. При этом было заявлено, что правительство Ирана вынуждено прибегнуть к этой мере, поскольку власти автономной республики не могут погасить накопившиеся долги за предыдущие поставки электроэнергии [10].

В последующий период правительство Ирана всячески создавала препоны реализации различных проектов экспорта азербайджанской нефти через свою территорию. Так, азербайджанской стороне не разрешили проложить трубы по территории Ирана в рамках реализации проекта нефтепровода Баку-Джейхан. В Тегеране свое согласие с этим проектом непосредственно увязывали с важным условием, а именно: нефтепровод должен был выйти не на территорию Турции, а в Персидский залив. Тем самым иранцы получали возможность вести контроль за экспортом азербайджанской нефти и соответственно – ока-

зывать воздействие на политику бакинских властей [6, с. 315–316]. В этих условиях, стремясь наладить взаимоотношения с Ираном, руководство Азербайджана предложила иранской стороне 10% долевое участие в разработке другого месторождения нефти – Шах-Дениз. В Тегеране сначала проигнорировали это предложение, но затем, исходя из прагматических соображений, решили принять его [11].

Хотя некоторые подвижки в налаживании экономического сотрудничества между Ираном и Азербайджаном были налицо, в целом двусторонние отношения продолжали пребывать в состоянии кризиса. Во многом это следовало объяснить продолжающимся конфликтом в Нагорном Карабахе, в результате которого регион Южного Кавказа превращался в зону международной напряженности [9, с. 30]. Для преодоления этой угрозы в Тегеране заняли позицию урегулирования конфликта исключительно мирными средствами, в рамках существующих норм международного права. В соответствии с этой позицией руководство Ирана предложило свои посреднические услуги конфликтующим сторонам, однако уже первый его опыт посредничества оказался неудачным. Речь идет о достигнутом в Тегеране 7 мая 1992 г. между главами Азербайджана и Армении согласии на посредничество спецпредставителя президента Ирана в деле прекращения огня и открытии всех коммуникационных дорог в конфликтной зоне. Это соглашение вскоре было нарушено взятием армянскими силами г. Шуши, главного опорного пункта азербайджанских военных сил в регионе. Другим важным фактором, по сути сводящим на нет усилия иранской дипломатии, было негативное отношение к Тегерану со стороны правительства НФА во главе с А. Эльчибеем, его упорное нежелание видеть Иран среди движущих сил-посредников в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе [13].

Тем не менее, Нагорно-Карабахский конфликт активно использовался руководством Ирана для успешной реализации стратегических целей своей страны в Южном Кавказе. После перерастания конфликта в вооруженную фазу в Тегеране стремились оказывать влияние на азербайджанское руководство, прибегая для этого к оказанию косвенной поддержки армянской стороне. Хотя были случаи, когда власти Ирана выступили с жестким осуждением действий армянских вооруженных сил в зоне конфликта. Такой факт имел место в мае 1992 г., когда нападению подвергся Нахичевань, имеющий общие границы с Турцией и Ираном. Руководители этих стран обратились в Совет Безопасности ООН с просьбой осудить армянскую агрессию, после чего в Ереване заверили, что Нахичевань не подвергнется больше вооруженной атаке. Сложная ситуация в ирано-армянских отношениях возникла и в ноябре 1993 г., когда в результате оккупации армянскими силами районного центра Зангелан на юге Азербайджана находящееся там формирование азербайджанских вооруженных сил вынуждено было переправиться через р. Аракс и вступить в пределы иранской территории. В Тегеране были крайне обеспокоены этим фактом, угрожающим безопасности приграничным с Азербайджаном иранским территориям. За исключением этих случаев, когда критика в адрес Еревана была обусловлена опасением разрастания конфликта на иранскую территорию, в Тегеране не скрывали своей поддержки Армении. Как указывалось выше, из Ирана осуществлялось энергоснабжение Армении и Нагорного Карабаха, поставлялись туда продукты питания, другие товары, что имело для армянского населения этих регионов важное значение в условиях турецко-азербайджанской блокады.

В ходе реализации внешнеполитических целей и задач Азербайджана в Южном Кавказе руководство этой страны неизменно наталкивалось на активное противодействие со стороны Москвы и Тегерана. Что же касается поддержки республики со стороны союзника – Турции, то она далеко не всегда выглядела активной: в Анкаре предпочитали с осторожностью действовать в направлении Южного Кавказа, избегая вовлеченности своей страны в Нагорно-Карабахский конфликт. Между тем азербайджанские власти демонстрировали свое бессилие в деле нормализации обстановки в стране. Такой результат являлся следствием явной неспособности А. Эльчибея взять на себя роль государственного деятеля и одновременно, действиями против его правительства со стороны внешних сил.

Между тем создавшаяся в Южном Кавказе взрывоопасная ситуация из-за обострения Нагорно-Карабахского конфликта требовала принять срочные меры, чтобы начать переговорный процесс по его мирному урегулированию [5]. Во властных кругах Ирана возобладало мнение, что преимущественная поддержка Армении в конфликте может иметь негативные последствия для страны, имея в виду угрозу ее безопасности вследствие роста напряженности в регионе. По мнению многих наблюдателей, существовала опасность перерастания конфликта в Нагорном Карабахе в более масштабное противостояние в регионе, с участием России, Ирана и Турции. При этом Ирану грозила прямая вовлеченность в этот региональный конфликт, имея в виду наличие у него общих границ с Арменией и Азербайджаном, а также нестабильное положение на северо-западе страны с проживающим там азербайджанским населением. Поэтому мирное разрешение конфликта в Нагорном Карабахе прямо отвечало национальным интересам Ирана. Казалось бы, осознание этого очевидного факта должно было оказать стимулирующее воздействие на продолжение посреднических усилий властей Ирана [8, с. 84], однако под воздействием целого ряда факторов, действующих как внутри страны, так и за ее пределами, они не были реализованы.

Таким образом, в результате распада СССР появились новые вызовы и угрозы для национальной безопасности Исламской Республики. Прежде всего, возникла нестабильная ситуация в северо-западных территориях страны из-за вооруженного противостояния между Азербайджа-

ном и Арменией вокруг Нагорного Карабаха. Часть азербайджанского населения на этих территориях оказалась втянутой в этот, что уже угрожало существованию самого иранского государства. В Тегеране полагали, что наибольшая опасность безопасности Ирана исходит от Азербайджана, чьи лидеры поддерживали сепаратистские настроения среди азербайджанского этнического меньшинства на северо-западе страны. Исходя из этого в Тегеране всячески старались противодействовать планам развития Азербайджана, поддержали Армению в Нагорно-Карабахском конфликте. Однако такая политика не принесла Ирану желаемых результатов: наоборот, росла напряженность в регионе, создавая новые угрозы безопасности иранского государства. В сложившейся ситуации становилось очевидным, что лидерам Ирана необходимо внести существенные коррективы в свою политику в южно-кавказском направлении, прежде всего, придать ей сбалансированный характер, подразумевающий поддержание высокого уровня взаимоотношений с Арменией и Азербайджаном. Только таким путем можно было рассчитывать на усиление иранских позиций в Южном Кавказе, что полностью подтвердилось в ходе дальнейшего развития событий в регионе.

Источники и литература / References

1. Дудайти А. К. Место Грузии в «восточной» политике России периода нового времени // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. №22(165). С.79–86.

Dudayti A. K. Mesto Gruzii v «vostochnoj» politike Rossii perioda novogo vremeni *(The Place of Georgia in the "Eastern" Policy of Russia in the New Time Period)* // Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2013. No. 22 (165). P. 79–86. (In Russian).

2. Лебанидзе С. Ирано-азербайджанские отношения с напряжением. URL: http://www.bilgesam.org/ru/incele/1538/-ru/#.XBo-j1wzaM8 (Дата обращения: 17.10.2018).

Lebanidze S. Irano-azerbajdzhanskie otnosheniya s napryazheniem. *(Iranian-Azerbaijani Relations with Tension).* URL: http://www.bilgesam.org/ru/incele/1538/-ru/#.XBo-j1wzaM8 (Accessed: 17.10.2018). (In Russian).

3. Полонский И. Сепаратизм в Иране: разрушать ли единство страны внутренние конфликты? URL: https://topwar.ru/86067-separatizm-v-irane-razrushat-li-edinstvo-strany-vnutrennie-konflikty.html (Дата обращения: 20.10.18).

Polonskij I. Separatizm v Irane: razrushat' li edinstvo strany vnutrennie konflikty? *(Separatism in Iran: Will Internal Conflicts Destroy the Unity of the Country?).* URL: https://topwar.ru/86067-separatizm-v-irane-razrushat-li-edinstvo-strany-vnutrennie-konflikty.html (Accessed: 20.10.2018). (In Russian).

4. Проценко Н. В Карабахский конфликт хочет вмешаться Иран. URL: https://vz.ru/world/2016/4/15/805430.html (Дата обращения: 21.10.2018).

Protsenko N. V Karabakhskij konflikt khochet vmeshat'sya Iran. *(Iran Wants to Intervene in the Karabakh Conflict).* URL: https://vz.ru/world/2016/4/15/805430.html (Accessed: 21.10.2018). (In Russian).

5. Cornell S.E. Peace or War? The Prospects of Conflicts in the Caucasus // Iranian Journal of International Affairs. 1997. No. 2. URL: https://aheku.net/articles/english/general/1138 (дата обращения 23.10.2018).

6. Cornell S.E. Small Nations and Great Powers: A Study of ethnopolitical Conflict in the Caucasus. London: Taylor & Francis Group, 2005.

7. Enclave Builds a Lifeline Out of Azerbaijan // International Herald Tribune. 1996. September 20.

8. Halliday F. Condemned to React. Unable to Influence: Iran and Transcaucasia // Transcaucasian Boundaries; (ed. J. F. Wright, S. Goldenberg, R. Schoefield. London: UCL Press, 1996.

9. Herzig E. Iran and the Former Soviet South. London: Royal Institute for International Affairs, 1995.

10. Iran Cuts Electricity to Nakhichevan // OMRI Daily Digest. 1995. 30 May.

11. Iran Finally Agrees to Stake in Shah-Deniz // OMRI Daily Digest. 1996. 13 May.

12. Kechichian J. A., Karasik Th. W. The Crisis in Azerbaijan: How Clans Influence the Politics of an Emerging Republic // Middle East Policy. 1996. P. 64–65.

13. Ramezanzadeh A.Iran's Role as Mediator in the Nagorno-Karabakh Crisis // Contested Borders in the Caucasus / ed. B. Coppieters. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/eng/ch0701.htm (дата обращения: 22.10.2018).

14. Stecchini L.C. History of Iran. The Persian Wars. Iran Chamber Society. URL: http://www.iranchamber.com/ history/articles/persian_wars3.php (дата обращения: 23.10.2018).

Сведения об авторе

Дудайти Альберт Константинович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и политологии исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / adudaiti@mail.ru

Information about the author

Dudayti Albert – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Modern, Contemporary History and Historical Political Sciences Faculty of History of Ossetian State University (Vladikavkaz) / adudaiti@mail.ru

УДК 069.1: 172.15(470.630)

С. М. Дугинец

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ РАБОТЫ МУЗЕЕВ СТАВРОПОЛЬЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Статья посвящена малоизученному вопросу в области истории музейного дела на Ставрополье – изменению подходов к содержанию музейных экспозиций и выставок в советский период. В статье на основе анализа документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Ставропольского края, Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве показаны изменения направления экспозиционно-выставочной работы – от просветительской на начальном этапе, к агитационно-пропагандистской и юбилейной к концу рассматриваемого периода. Приводится тематика выставок, организуемых ставропольскими музеями, как пример их разнонаправленной просветительской работы. Выявлено влияние и жесткий контроль руководящих органов в определении тематики и содержания экспозиций. Проанализирована деятельность по организации передвижных выставок в рамках проводимой музеями края массово-политической работы с сельским населением. Впервые приводятся факты о вагоне-музее как новой форме работы Ставропольского краевого краеведческого музея. На основе приведенной информации можно сделать вывод, что большинство музейных выставок на Ставрополье в 1920-е гг. носили просветительный характер, в первую очередь по наиболее актуальным социальным вопросам – борьбы с инфекционными болезнями, алкоголизмом, ухода за детьми и т.п. С 1930-х гг. происходит изменение содержания экспозиций с доминированием в нем политического просвещения. Великая Отечественная война подняла тематику героической борьбы русского народа с завоевателями. На местном уровне усиление патриотической направленности в выставочной работе проявилось наиболее ярко в создании раздела экспозиции «Лермонтов-патриот» в лермонтовском музее. В первые послевоенные годы экспозиционно-выставочная работа музеев фиксировала злодеяния немецко-фашистских захватчиков в период оккупации, успехи в восстановлении промышленности и сельского хозяйства края. С середины 1950-х гг. наибольшее распространение получили выставки, рассказывающие об успехах в экономике края. Большое количество выставок, устраиваемых музеями края начиная с 1970-х гг., было посвящено юбилейным датам. В период перестройки в выставочной деятельности наблюдается отход от жестких идеологических установок, большое внимание начинает уделяться региональным особенностям края, в частности, появляются материалы о казачестве.

Ключевые слова: музей, экскурсия, выставка, экспозиция, вагон-музей, пропаганда, Ставрополье.

S. M. Duginets

THE FEATURES OF EXPOSITION AND EXHIBITION WORK OF STAVROPOL KRAI MUSEUMS IN THE SOVIET PERIOD

The article is devoted to the little-studied issue in the history of museum business in Stavropol – changing approaches to the content of museum expositions and exhibitions during the Soviet period. The article is based on the analysis of documents from the state archive of the Russian Federation, the State archive of the Stavropol Krai, the Stavropol state historical, cultural and natural landscape Museum-reserve named after G. N. Prozriteleva and G. K. Prave. The study shows the changes in the direction of exhibition work – from educational at the initial stage, to propaganda and anniversary by the end of the period under review. The subject of exhibitions organized by Stavropol museums is given as an example of their multidirectional educational work. The influence and strict control of the governing bodies in determining the subject and content of expositions are revealed. The activity on the organization of traveling exhibitions within the framework of mass-political work with the rural population carried out by museums of the region is analyzed. For the first time the facts about the museum car as a new form of work of the Stavropol regional Museum are given. Based on this information, we can conclude that most of the Museum exhibitions in the Stavropol region in the 1920s were educational by nature, primarily on the most pressing social issues – the fight against infectious diseases, alcoholism, childcare, etc. Since the 1930s, there is a change in the content of expositions with the dominance of political education. The great Patriotic war raised the theme of the heroic struggle of the Russian people with the invaders. At the local level, the strengthening of Patriotic orientation in the exhibition work was manifested most clearly in the creation of the section of the exhibition “Lermontov-the patriot” in the Lermontov Museum. In the first postwar years, the exhibition work of museums recorded the atrocities of the Nazi invaders during the occupation, the success in the restoration of industry and agriculture of the region. Since the mid-1950s, the most widespread exhibitions featured the success in the economy of the region. A large number of exhibitions organized by museums of the region since the 1970s, was devoted to anniversaries. During perestroika the exhibition activity breaks away from rigid ideological guidelines, much attention begins is paid to regional features, in particular, there are materials about the Cossacks.

Key words: museum, excursion, exhibition, exposition, museum car, propaganda, Stavropol.

Музеи на протяжении своей истории призваны быть центрами сохранения и передачи социально значимой культурной информации последующим поколениям. Необходимость всестороннего изучения деятельности музея является актуальной темой исследования. Одной из малоизученных тем стала деятельность музеев по отражению требований государства. Вопросы содержания государственной политики в отношении музеев в различные периоды и этапы становления и развития музейного дела в России были рассмотрены в первом томе «Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.)» сборника коллектива авторов «Музей и власть» в двух томах [30].

Ставропольские ученые также занимались исследованиями по данной проблематике. Роль музея в жизни многонационального региона в начале XX в. проанализирована в работе Е. П. Поповой [31]. К 1990-м гг. относится и начало научных исследований М.Е. Колесниковой в сфере региональной историко-краеведческой и музейной деятельности, которые продолжились и в 2000-е гг. [26, 27].

Политико-массовой и культурной жизни в Ставропольском крае в 1945–1964 гг. посвящено диссертационное исследование Л. П. Сафроновой. Музеи в данной работе считаются неотъемлемой частью культурно-просветительной работы, но их деятельность подробно не освещается и не анализируется [32]. В диссертационном исследовании М. А. Лукаша музеи рассматриваются как одно из учреждений культуры, выполняющее свои функции в рамках реализации молодежной политики государства [29].

Работа музеев в условиях идеологического контроля хорошо описана в мемуарах В. В. Госданкера [23, 24]. Большое количество информации о проводимых в музеях края мероприятиях – открытиях выставок, чтения лекций – представлено в региональных газетах.

Проведенный историографический обзор дает основание говорить о том, что, несмотря на имеющиеся работы, раскрывающие отдельные моменты рассматриваемой темы, все они носят локальный и фрагментарный характер, на длительном промежутке времени исследование данной проблемы не проводилось. Исходя из этого, целью настоящего исследования является выявление характера изменений в подходах к экспозиционно-выставочной работе, проводимой музеями края на протяжении всего советского периода.

В 1920-е гг., в связи с изменившимися социополитическими условиями в России, поменялась и роль музеев. Его главной задачей стала пропаганда достижений советского государства при помощи всех направлений музейной деятельности. Постепенно это стало признаваться в качестве ведущей социальной функции любого музея страны, независимо от его профиля. Деятельность ставропольских музеев соответствовала этим требованиям.

После окончательного установления советской власти в регионе, Ставропольский музей им. М. В. Праве в 1920 гг. целью своей работы обозначил просвещение трудящихся масс губернии путем устройства постоянных и передвижных выставок по всем отраслям знаний и, особенно по тем, которые ближе обслуживали потребности текущего момента (сельского хозяйства, по борьбе с заразными болезнями, по уходу за малыми детьми). За период с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 гг. в музее были организованы 4 крупные выставки: «Мелкое животноводство, севооборот, возделывание картофеля, сахарной свеклы и по кооперации»; «По вредным инфекциям – дизентерии, холере, брюшному тифу»; «Памяти Л. Н. Толстого»; «По социальным болезням (алкоголизму, венерическим болезням, туберкулезу)», а также 5 выставок на актуальные темы – в т.ч. по борьбе с мышами и саранчой, по очистке семян [5, л. 3]. В 1925–1926 гг. музей устроил 7 выставок: «Пчеловодство и шелководство», «Туберкулез и борьба с ним», «Растения и что из них добывают», «Кустарно-заводское производство», «История письмен и книгопечатания», «Женщина и охрана материнства», «Сельское хозяйство».

Не менее активную просветительную работу проводил Музей Северного Кавказа в г. Ставрополе. Учитывая аграрную направленность экономики региона, в 1920-е гг. Г. Н. Прозрителев читал лекции слушателям совпартшколы, красноармейцам кавалерийской дивизии по сельскому хозяйству и ветеринарии. Рассказы Г. Н. Прозрителева были востребованы людьми, газеты регулярно публиковали объявления о предстоящих лекциях с анонсом тем, а сам Григорий Николаевич стал авторитетом для простых людей в различных вопросах сельского хозяйства. Именно ему крестьяне писали письма с просьбой дать совет: какая сеялка лучше, у кого лучше приобрести семена, какие сорта плодовых деревьев сажать в супесчаную почву [20, л. 19].

Руководящие органы определяли задачи музеев в это время следующим образом: интенсивное участие в научно-исследовательской работе страны, обслуживание населения в просветительном отношении, содействие выявлению естественных производительных сил страны и развитию народного хозяйства, содействие хозяйственному и культурному росту национальных меньшинств, делу подготовки защитников социалистического Отечества и других задач государственного строительства. Целью деятельности краеведческих музеев, стало «показать, каковы очередные нужды края, каковы его больные места, какая работа ведется и как, что надо сделать в дальнейшем и какими средствами располагает край для исполнения предложенных работ».

С конца 1920-х гг. перспективы развития культуры стали определяться пятилетними народнохозяйственными планами. Музеи были нацелены на участие в важнейших задачах социалистического строительства и стали приближены запросам школьного и профтехнического образования и массового просвещения. Также музеи принимали активное участие в проведении различных агитационных и политических кампаний (по поднятию урожайности, предвыборные, антирели-

гиозные и др.). Для этих целей использовались внемузейные формы – лекции и передвижные выставки, построенные на общем иллюстративном материале, не связанном со спецификой края («Сталинская конституция», «Женщина в СССР», «Молодежь в нашей стране» и т.п.).

В ставропольских музеях в 1930-е гг. важная роль отводилась выставкам, рассказывающим о первых ростках возрождения отечественного производства. В Ставропольском краеведческом музее были представлены новые коллекции, демонстрирующие продукцию производства – образцы подсолнечного масла, костяных пуговиц, шерсти, чугуна, муки, гвоздей и др. Всего за 1930 год музей организовал 13 выставок на самые разнообразные темы, в числе которых были «Глаз и его болезни» и «Северные окраины СССР». Демонстрировались выставки на консервном, кожевенном и маслозаводе, мясокомбинате, биофабрике, заводе «Красный металлист», в клубе колхозников [33, л. 5, 9]. Пятигорский краеведческий музей в 1931 гг. в степи колхоза «Красный партизан» развернул выставку-передвижку «Вредители сельского хозяйства и борьба с ними». Также сотрудники музея выезжали в цыганский колхоз «Труд Ромэн» (вблизи Минеральных Вод).

Несмотря на то, что «Домик Лермонтова» являлся мемориальным музеем, в 1930-е гг. в выставочной работе политическая проблематика также находила свое отражение. Во 2-й пятилетке музей взял на себя обязательство построить постоянно действующую выставку, отражающую борьбу народа с помещиками и капиталистами, негативную роль церкви, крестьянские бунты и их подавление, завоевательную политику царизма [28, с. 4].

Руководящие органы следили за тем, чтобы тематика выставочной работы музеев соответствовала актуальным запросам общества. В 1936 гг. Северо-Кавказский краевой отдел народного образования разослал директорам музеев края темы выставок-передвижек по обслуживанию весенне-посевной кампании музеями края: «Борьба за сохранность урожая (борьба с сорняками и вредителями сельского хозяйства)», «История развития человеческого общества (археологические материалы)», «Природные богатства Северо-Кавказского края (полезные ископаемые)», «Курорты до и после революции», «Почему мы боремся с религией», «Роль С. М. Кирова и Орджоникидзе в советизации Северо-Кавказского края» [10, л. 164].

В методическом письме музейно-краеведческого отдела Наркомпроса «Об использовании опыта экспозиции ВСХВ» (1939 г.) говорилось о том, что музеи должны использовать опыт Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, являющейся «выдающимся историческим событием в жизни СССР». В соответствии с этим письмом в ноябре 1939 г. заведующему отделом соцстроительства Ставропольского музея Рутберг было поручено проработать план выставки достижений в сельском хозяйстве края, в которой основной упор должен быть взят на показ кандидатов на ВСХВ, передовиков колхозов, совхозов, МТС. К концу 1930-х гг. в краевом музее были созданы панорама завода «Красный металлист», макеты лучшего колхоза и совхоза. Важным событием в жизни музея стало открытие выставки «Невинномысский канал – народная стройка» [2, с. 53].

Война по¬ставила перед музеями две главные задачи: сохранить музейные ценности и определить основные формы своей деятельности в новых экстремальных условиях. Имен¬но на эти задачи, как на важнейшие для данного времени, указывалось в приказах Наркомпроса РСФСР 1941 г. «О мероприятиях по сохранению и учету музейных фондов в годы войны» и «О формах функционирования музеев в условиях военного времени» [22, с. 187]. На начальном этапе Великой Отечественной войны соответствовать тенденции пропаганды успехов было проблематично: в связи с отступлением советских войск показ хода войны в музее был невозможен. В деятельности музеев распространение получили выставки на историческую тематику – борьба русского народа с немецкими интервентами под руководством Александра Невского, суворовские походы, героическая оборона Севастополя, знаменитый прорыв Брусилова, героическая борьба советского народа в период Гражданской войны, успехи в советско-финской войне [35, с. 207].

Обстановке военного времени соответствовала выставка Ставропольского краевого музея «Героическое прошлое русского народа и народов СССР». В этот период все выставки музея носили патриотическую направленность – за 2 месяца после начала войны их было организовано 16. Даже отдел природы строил свою работу с учетом потребностей военного времени – его выставки имели военно-оборонное значение (природные ископаемые, лекарственное сырье). У входа в музей организована витрина со свежими сводками ТАСС и другими материалами, которые обновлялись ежедневно. Пятигорский краеведческий музей организовал выставки на оборонные темы – о событиях войны 1812 г., о борьбе Красной Армии с интервенцией, о текущих событиях Великой Отечественной войны. С началом войны музей «Домик Лермонтова» также ставил своей задачей усиление агитационно-массовой работы. Особой задачей литературного музея было научить по его произведениям «еще больше любить свою родину и самоотверженно защищать ее от вандализма германского фашизма» [13, л. 1]. В экспозиции музея появились отделы «Бородино» и «Лермонтов – патриот».

После освобождения Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков, уже в марте 1943 г. в краевом музее была организована выставка «Наши великие предки. Героическое прошлое русского народа», рассказывающая о борьбе против монголо-татарского ига, немецких рыцарей, польских интервентов, шведских захватчиков, об Отечественной войне 1812 г. и борьбе советского народа против иностранных интервентов, и контрреволюции. Вскоре была открыта выставка «Пять месяцев фашистской оккупации в Став-

ропольском крае», рассказывающая о зверствах немецко-фашистских оккупантов, о партизанском движении в тылу врага [4, л.3–4].

Пятигорский, Черкесский, Карачаевский краеведческие музеи организовывали выставки «Зверства и разрушения, произведенные фашистскими бандитами в период оккупации» [11, л. 62–66; 12, л. 29].

В 1946 г. основным руководящим документом в деле восстановления и развития музеев стал Закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР». Музеи Ставрополья живо откликнулись на его принятие. Уже к маю 1946 г. только Ставропольский краевой музей изготовил 16 выставок в музее и выставок-передвижек на темы о 5-летнем плане. Для колхозов были созданы передвижные выставки по темам «Задачи сельского хозяйства края в послевоенной пятилетке», «Новая техника на колхозных полях», «Кубань-Егорлыкская оросительная система» [6, л. 1]. Ставрополье было показано как крупнейшая житница страны и огромная база животноводства. Аналогичные выставки устраивали все музеи края.

Тематика музейных выставок тех лет продолжала оставаться разнообразной: из истории Гражданской войны на Ставрополье, Герои Социалистического Труда – ставропольцы, происхождение человека и общества, происхождение жизни на земле, природа Ставрополья, природные богатства Ставрополья и их использование, мичуринское учение – основа научной биологии, женщина в СССР, пятилетний план восстания и развития народного хозяйства, Нюрнбергский процесс, Парад Победы. За 1948 г. по музеям края было организовано 105 выставок [17, л. 87–88].

«Идеологическая правильность» содержания экспозиций определялась наличием в ней фотографий и цитат В. И. Ленина, И. В. Сталина и других деятелей коммунистической партии и Советского государства. Именно этим объясняется наличие такого материала в открытом в 1954 г. отделе музея «Лермонтов и наша современность».

Диктатура в духовно-идеологической сфере перекликалась с диктатурой в области науки. На сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина по вопросам о положении в биологической науке в августе 1948 г. работы ученых-генетиков были объявлены лжеучеными, а их труды – вне закона. В соответствии с решениями сессии краеведческие музеи вынуждены были вносить изменения в экспозиции отделов природы. В 1949 г. отдел природы Пятигорского краеведческого музея пополнился новыми экспозиционными комплексами – «Мичуринское учение – основа современной биологии» и «Климат и почва района КМВ». Большое внимание в своей работе уделял краевой музей пропаганде Сталинского плана преобразования природы [21, с. 28].

Диктат руководящих органов проявлялся также в том, что даже в материалах выставки краевого музея «Ставропольский край – край высокой механизации сельскохозяйственного производства» и «Озимая пшеница – основная высокоурожайная зерновая культура в Ставропольском крае» цензором Краевого управления по делам литературы и издательств (Крайлит) были найдены сведения, запрещенные к открытому обозрению. Экспонаты изъяты до соответствующего исправления и просмотра комиссией, а выставки временно запрещены. Директор музея Г. Д. Краснов был предупрежден под расписку об ответственности за сохранение военных и государственных тайн в экспозиции музея [7, л. 1].

Руководящие органы считали, что большую познавательную ценность для посетителей краеведческого музея представляли материалы, характеризующие технический прогресс в развитии сельскохозяйственного производства. В 1950-е гг. в музеи Ставрополья поступали дары от краевого управления сельского хозяйства. В пополнении фондов принимали участие и вузы края. Сотрудники Ставропольского сельскохозяйственного института подарили краевому музею многолетнюю рожь и сорго-гуманиевый гибрид. Пятигорский музей развитие советской промышленности и техники представил экспонированием макета колхозной гидроэлектростанции. Коллектив ремонтного завода сделал и подарил музею макет шагающего экскаватора в 1/20 натуральной величины машины [1, с. 91].

Удивительно, что вопросы экономического развития региона, благодаря позиции партии, удавалось освещать даже в лермонтовском музее. На литературном вечере, проходившем в 1953 г., известный лермонтовед В. А. Мануйлов прочел лекцию «Задачи советского литературоведения в свете решений XIX съезда партии и гениальных трудов товарища Сталина «Экономические способы социализма в России». Лектор критиковал работников музея за то, что, несмотря на достигнутые результаты в исследовательской работе, ими не созданы работы по творчеству Лермонтова.

В 1956 г., после известного доклада Н. С. Хрущева, все учреждения культуры страны включились в работу по преодолению культа личности Сталина. Не остались в стороне и ставропольские музеи. Проходило списание экспонатов, связанных с периодом культа личности, грубо фальсифицирующих историю. В Ставропольском краевом музее из основного фонда в научно-вспомогательный были переведены 1790 единиц хранения. Из экспозиции музея извлекались экспонаты, связанные с личностью И. В. Сталина. Работники музея вспоминают, что медали с изображением Сталина переворачивали на другую сторону.

По-прежнему в экспозициях отделов истории советского общества краеведческих музеев широко пропагандировались достижения местной промышленности и сельского хозяйства. Краевой музей совместно со Ставропольским совнархозом в экспозиции установили ряд ценных экспонатов химической промышленности, в т.ч. макет Невинномысского азотно-тукового комбината, токарные станки завода «Красный металлист» и др. Для показа роли природного ставропольского газа в народном хозяйстве страны в 1958 г. работниками музея подготовлена большая электрифи-

цированная карта газопровода «Ставрополь-Москва-Ленинград». Отдел промышленности края пополнился большим количеством новых экспонатов, показывающих Ставропольский сажевый завод, Георгиевский арматурный, Ставропольский завод поршневых колец, горнорудную промышленность КЧАО и других предприятий края. После того, как в Левокумском районе, впервые на Ставрополье, начали выводить нутрий, директор краевого музея Г. Д. Краснов выступил с инициативой пропаганды их разведения в районах края [15, л. 117].

В силу аграрной специфики региона, крайком КПСС делал упор на культурное обслуживание работников колхозов и совхозов, механизаторских бригад. Пропаганде сельскохозяйственных знаний в музеях и работе с сельским населением уделялось особое внимание. Так, в 1951 г. Ставропольским краевым музеем из 66 выставок 27 были организованы по сельскому хозяйству, в Черкесском – 8 из 23, в Пятигорском – 1 из 4. Но, несмотря на это, на заседании Ставропольского крайисполкома 13 ноября 1951 г., был заслушан доклад директора Ставропольского краевого музея Г. Д. Краснова. Исполком отметил слабую работу музея в деле пропаганды передовых методов соцстроительства. Учитывая вышеизложенное, исполком крайсовета постановил улучшить работу музея, направив главное внимание на пропаганду научных знаний и передовых методов соцстроительства путем организации показа достижений передовых колхозов, совхозов края, героев Социалистического Труда. На следующий год работа с сельским населением проводилась гораздо активнее. В период весеннего сева в колхозы выезжали три сотрудника краевого музея, которые пробыли в общей сложности 2 месяца. Черкесский областной музей в период весенне-посевной кампании музей принимал участие в культурно-массовой работе в поле, провел 351 беседу в колхозах области по различной тематике.

С началом освоения целинных и залежных земель в 1954 г. музеи включились в популяризацию достижений советской молодежи. В Пятигорском музее была открыта стенд-выставка комплекса «На распашку целинных и залежных земель».

Ставропольский крайком КПСС 16 сентября 1957 г. заслушал вопрос «О массово-политической работе и культурном обслуживании чабанских бригад на отгонных пастбищах в период зимовки 1957–1958 годов». Была отмечена неудовлетворительная работа в культурном обслуживании животноводов, т.к. работники краевого управления культуры редко бывали на отгонных пастбищах, слабо направляли деятельность краевых учреждений культуры на улучшение их работы по обслуживанию чабанских бригад, плохо обобщали и распространяли опыт лучших по работе среди чабанов на Черных землях. Поэтому был предложен план, в котором были предусмотрены показ на отгонных пастбищах передвижных выставок по темам: «Ставрополье за 40 лет», «Историко-революционные памятники на Ставрополье» [3, л. 7].

С целью приобщения сельских жителей к культурным ценностям в 1962 г. в краевом музее появилась новая форма массово-политической работы – деятельность вагона-музея, экспозиция которого раскрывала основные черты природы, экономики и истории края. В течение 45 дней в мае-июне по железнодорожным веткам Ставрополь-Кавказская, Ставрополь-Дивное-Петровское-Благодарное курсировал агитпоезд, состоящий из вагона-клуба (с киноустановкой) и вагона-музея. На каждой станции вагон-музей стоял не более суток. В вагоне вмещалась до 20 человек, что приводило к ограничению посещаемости и приходилось работать с 7 до 22 часов [34, л. 14–17]. Желающих посетить вагон-музей было очень много, поэтому члены агитбригады выходили с экспонатами в железнодорожные клубы, школы, фермы, а порой и на пристанционные лужайки. За время своей работы вагон-музей посетил 27 станций и полустанков, сотрудники провели 314 экскурсий и бесед для 30 тысяч жителей отдаленных населенных пунктов. Опыт Ставропольского музея перенял республиканский музей Татарской АССР, организовав пароход-музей, курсировавший по Волге [23, л. 155].

Дальнейшее влияние на деятельность музеев оказало постановление ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партий-ной пропаганды в современных условиях», согласно которому все средства пропаганды должны были раскрывать преимущества социализма, выдающиеся достижения во всех областях общественной жизни в целях воспитания советских людей в духе советского патриотизма и национальной гордости. В документах того времени, на съездах и пленумах партии говорилось о том, что именно культурно-просветительные учреждения должны стать центрами агитационно-пропагандистской работы и своими специфическими приемами умело и доходчиво пропагандировать коммунистическую идеологию, помогая воспитанию нового человека [25, с.23]. Перед музеями стояли задачи широкой пропаганды материалов съездов КПСС; искоренение ошибок, связанных с периодом культа личности; расширение политической и массово-просветительной работы в сельской местности; ввод новых экспозиций, отражающих достижения советского строя.

В мае 1964 г. ЦК КПСС принял постановление «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». В нем выдвигались задачи организации во всех музеях отделов по советскому периоду с раскрытием успехов социалистического строительства и укрепления связи музеев с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, учебными заведениями, научными и творческими обществами. В августе 1964 г. состоялось заседание Идеологической комиссии Ставропольского крайкома КПСС и Бюро крайкома КПСС по вопросу «О состоянии и мерах улучшения работы музеев края». Был разработан план мероприятий по устранению недостатков в Ставропольском краевом музее. В плане было предусмотрено: введение дополнительных ком-

плексов в экспозицию «Ставрополье в период завершения строительства социализма 1953–1958 гг.», «Ставрополье в период развернутого строительства коммунизма. Выполнение 7-летнего плана 1959–1965 гг.»; усиление тематически и иллюстративно комплексов, посвященных съездам КПСС; изучение, сбор материала по наиболее важным моментам истории края: «Укрупнение колхозов края», «Инициатива ставропольцев в переходе на хозрасчет в колхозных бригадах ежемесячное авансирование колхозников» и др.; установление связей с колхозами, совхозами, СНИИСХ, ВНИИОК, с предприятиями, организациями здравоохранения, просвещения, науки, искусства, из крайкома ВЛКСМ (история комсомола), материалами Съездов и Пленумов ЦК КПСС. Данный план отражал основные тенденции в развитии музеев и был полностью выполнен в 1965–1966 гг. [8, л.1–8].

В рамках культурного обслуживания сельских жителей учреждениями культуры по заранее составленному плану проводилось чтение лекций, бесед, организовывались выставки-передвижки и показ кинофильмов. Темы выступлений сотрудников музеев в 1976 г. перед жителями села были очень разнообразны: «Ставрополье навстречу XXV съезду КПСС», «К 150-летию восстания декабристов», «Из истории народной медицины Карачая» и др. Многообразие наблюдалось и в тематике передвижных выставок – о природе, Великой Отечественной войне, о Л. Н. Толстом, страницы истории партийной организации Ставрополья, к 150-летию восстания декабристов, к 70-летию Брежнева, край в X пятилетке, «Учение Дарвина» [9, л. 17].

Шефские связи с тружениками полей Ставрополья были у музея «Домик Лермонтова». Его сотрудники часто выезжали в районы края с докладами, посвященными жизни и творчеству поэта, сопровождая их небольшими выставками, лекциями на темы «Черты живые Ильича», «В. И. Ленин и литература» [14, л. 1]. С 1970 г. в музее появилась новая форма работы – день открытых дверей для работников сельского хозяйства. В 1973 г. музей открыл большую передвижную выставку «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова», предназначенную для демонстрации в сельских районах.

Работу с сельским населением проводили и художественные музеи. Претворяя решения XXIV съезда в области культурного строительства на селе, приобщения сельских тружеников к художественным ценностям в жизнь, краевой музей изобразительных искусств скоординировал выставочную деятельность со Ставропольской организацией сельского хозяйства. В 1970-е гг. музей регулярно проводил «Неделю изобразительного искусства на селе», выставки в районах края. Большим недостатком этих выставок было то, что они были однодневными. Также музей организовывал «Дни изобразительного искусства» – выставки, экскурсии, лекции, беседы, консультации в домах культуры районов края. Часто выезды музея в сельские районы приурочивались к ежегодному месячнику «Город – селу» [16, л. 10]. Музей Ярошенко организовал в подшефном Арзгирском районе филиал музея, а при нем постоянную работу факультета изобразительных искусств. Занятия проходили в форме лекций, бесед научных сотрудников музея. Регулярно устраивались выставки-передвижки и экскурсии слушателей университета в музей.

В 1970–1980-е гг. местные партийные органы старались усилить свое влияние на социально-культурную жизнь края, обеспечить рост культурного уровня населения. Опираясь на разветвленную сеть культурно-просветительных учреждений, которые действовали на всех крупных предприятиях, в каждом населенном пункте, и, используя возможности СМИ, партийные, советские и общественные организации поднимали уровень воспитательной работы в трудовых коллективах, культуры, общественную активность трудящихся края. Вся работа музеев разворачивалась в соответствии с решениями съездов КПСС в области идеологической работы. Деятельность музеев была направлена на организацию и проведение общественно-политических и музейных мероприятий к знаменательным датам и событиям – к юбилеям выдающихся политических деятелей, выборам в Верховный Совет и местные Советы народных депутатов, Дню Мира, Дню учителя, Дню знаний, Дню города, Международного дня музеев. Отделам истории советского общества, как и в прежние годы, отводилась ведущая роль.

В 1972 г. состоялось совещание Всероссийских работников культуры и искусства, посвященное задачам органов и учреждений культуры и искусства по выполнению решений XXIV съезда партии. В своем докладе министр культуры Н. А. Кузнецов в качестве главной задачи поставил такую, чтобы все музеи, независимо от их профиля, от исторического периода, более активно работали на современность, активно пропагандировали достижения советской родины и коммунистической партии [18, л. 1–50].

В период перестройки началось переосмысление роли и места учреждений, нацеленных на сохранение социальной памяти – библиотек, архивов, музеев. В целях эффективного сочетания новых методов хозяйствования и прогрессивных организационных структур и в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1988 г. №824 «О генеральной схеме управления народным хозяйством РСФСР» была введена в действие генеральная схема управления, предусматривающая развитие, исходя из местных условий, сети музеев [19, л. 76].

Сотрудники музеев с подъемом встретили перестройку, демократизацию духовной жизни. Для них открывался доступ к архивным пластам, ранее запрещенной литературе, свободе слова и мнений. Музеи постепенно стали отходить от догм социализма. Сотрудники начали модернизировать экспозиции, особенно по истории советского общества. В этот период раскрылись просторы для новой интерпретации экспозиций и выставок по военной и революционной темам.

Цензоры перестали жестко контролировать содержание музейных экспозиций и выставок. В 1987 г., к 70-летию Октябрьской революции, поместили в экспозицию портреты представителей белого движения – П. Н. Врангеля и А. Г. Шкуро. Но «оргвыводов» со стороны властей не последовало.

Обращение к национальному самосознанию и исторической памяти стало одним из источников возрождения казачества. В конце 1980-х годов по инициативе самих казаков начался процесс возрождения казачества. В этот же период органы власти начали уделять внимание реабилитации репрессированного российского казачества. Музеи региона не остались в стороне от происходящих перемен. В Ставропольском музее в результате экспедиционной работы стала формироваться коллекция по истории и быту казачества. В основную экспозицию музея был введен раздел о казаках, в котором представлены их одежда и предметы быта.

При формировании экспозиций в музее основное внимание стало уделяться нравственному воспитанию, раскрытию духовного и творческого потенциала россиян, формированию национального самосознания. В то же время музейная экспозиция продолжала оставаться средством пропаганды. Основная тематика музейных выставок в 1980-е гг. была следующая: «Мы мирные люди», «Мир на Знамени Октября», «Ставрополь-Пазарджик – города-братья», «Ставрополье в годы Великой Отечественной войны», «За нашу Советскую Родину (Великая Отечественная война в плакатах и литографиях)», «Активные участники установления советской власти и Гражданской войны на Ставрополье», «Герои Советского Союза и кавалеры 3-х орденов Славы – активные борцы за мир», «Фронтовые письма», «Памятники истории и культуры Ставропольского края», «Традиции 1-й Конной армии продолжаются», «Наш дом – Земля», «Памятники природы Ставропольского края», «По страницам Красной Книги», «История здравоохранения Ставрополья».

Для музейного дела эпохи «перестройки» характерен кризис в экспозиционной деятельности музеев страны, особенно музеев исторического профиля. Музейная «модель мира», направленная на «отражение развитого социализма», вошла в серьезное противоречие с реальной жизнью. Именно с этим многие связывают уменьшение числа посетителей исторических и краеведческих музеев страны, наблюдающиеся в конце 1980-х гг.

Подводя итог, следует отметить, что в 1920-е гг. большинство музейных выставок на Ставрополье носили просветительный характер, в частности, после окончательного установления советской власти Ставропольский музей им. М. В. Праве обозначил просвещение трудящихся масс губернии своей приоритетной задачей. Это касалось в первую очередь наиболее актуальных социальных вопросов – борьбы с инфекционными болезнями, алкоголизмом, ухода за детьми, борьбы с сельскохозяйственными вредителями и т.п. С 1930-х гг. содержание выставок и экспозиций начинает меняться: отчетливо проявляется идеологическая составляющая, в работе музеев доминирует политическое просвещение. С началом Великой Отечественной войны в музеях края поднимается тема героической борьбы русского народа с завоевателями: выставки посвящаются победоносным сражениям и выдающимся полководцам. На местном уровне усиление патриотической направленности в выставочной работе проявилось, например, в создании в лермонтовском музее раздела экспозиции «Лермонтов-патриот». В первые послевоенные годы экспозиционно-выставочная работа музеев отражала злодеяния немецко-фашистских захватчиков, успехи в восстановлении промышленности и сельского хозяйства края. В конце 1940-х гг. в экспозиционно-выставочной работе возникла тема Сталинского плана преобразования природы, которая после смерти вождя утрачивает свою актуальность. С развенчанием культа личности Сталина из экспозиций изымались предметы с его изображением и цитатами. С середины 1950-х гг. наибольшее распространение получили выставки, рассказывающие об успехах в экономике края, об участии ставропольчан в освоении целинных и залежных земель. В 1960–1970-е гг. активно разворачивалась работа с сельским населением, местным изобретением стала передвижная выставка на базе вагона-музея. Большое количество выставок, устраиваемых музеями края в 1970-е гг., было посвящено юбилейным датам – к 150-летию восстания декабристов, к 70-летию Л. И. Брежнева и т.п. Такая направленность музейной деятельности сохранялась до середины 1980-х гг., когда в период перестройки наметились тенденции отхода от жестких идеологических установок. Отдельное внимание в экспозиционно-выставочной работе начинает уделяться региональным особенностям края, в частности, появляются материалы о казаках.

Источники и литература

1. Багдасарян А. А. Летопись Пятигорского краеведческого музея (1847–2005). Пятигорск: Вестник Кавказа, 2007. 202 с., ил.

2. Булыгина Т. А. Музейная экспозиция как источник интеллектуальной истории локального сообщества (на примере СГМЗ им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве) // Прозрителевские чтения: сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 2 (научное издание) / под ред. С. Н. Савенко. Ставрополь: Вестник Кавказа, 2006. С. 52–55.

3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.1. Оп.43. Д. 2708.

4. ГАНИСК. Ф.1. Оп.2. Д.580.

5. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.Р-164. Оп.1. Д.484.

6. ГАСК. Ф.Р-645. Оп.3. Д.27.

7. ГАСК. Ф.Р-645. Оп.3. Д.112.
8. ГАСК. Ф.Р-645. Оп.3. Д.221.
9. ГАСК. Ф.Р-645. Оп.3. Д.394.
10. ГАСК. Ф.Р-1077. Оп.1. Д.33.
11. ГАСК. Ф.Р-2174. Оп.1. Д.38.
12. ГАСК. Ф.Р-2928. Оп.1. Д.10.
13. ГАСК. Ф.Р-3020. Оп.1. Д.37.
14. ГАСК. Ф.Р-3020. Оп.1. Д.360.
15. ГАСК. Ф.Р-3798. Оп.1. Д.221.
16. ГАСК. Ф.Р-4210. Оп.1. Д.206.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.А-534. Оп.1. Д.362.
18. ГАРФ. Ф.А-501. Оп.1. Д.6670.
19. ГАРФ. Ф.А-501. Оп.3. Д.1166.
20. ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.14. Д.63.
21. Гниловской В. Г. Сталинский план преобразования природы и задачи краеведов Ставрополья // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 1. Ставрополь: [б.и.], 1949. С.3–32.
22. Годунова Л. Н. Историко-революционные музеи в 1941-1982гг // Актуальные проблемы советского музееведения. Сб. науч. тр. / Центральный музей революции СССР. М. : [б.и.], 1987. С. 179–198.
23. Госданкер В. В. Непрошедшее время: субъективные записки старого музейщика. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. 200с : ил.
24. Госданкер В. В. От прошлого нельзя отряхнуться (музейные поиски, находки, встречи). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. 251 с.
25. Егоров Ю. С. Развитие музейной сети в условиях зрелого социализма (60-70-е гг.) // Музейное дело в СССР. Сб. науч. тр. М.: Центр. музей Революции СССР, 1985. С. 22-38.
26. Колесникова М. Е. Историко-краеведческая деятельность на Северном Кавказе в конце XVIII в – 20-30-е гг XX в. (По материалам Ставрополья): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 1998. 25 с.
27. Колесникова М. Е. Изучение Северного Кавказа в России во второй половине XVIII – начале XXв.: диссертация … докт. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2011. 921с.
28. Коротков С. Д. Музей «Домик Лермонтова» // Коммунар. 1933. 30 января. № 11. С. 4.
29. Лукаш М. А. Культурно-досуговая молодежная политика государства и ее реализация в Ставропольском крае в середине 60-х – 70-е гг. XX века: автореферат дис. … кандидата ист. наук. Ставрополь, 2012. 29 с.
30. Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв). Сб. науч. тр. / НИИ культуры). Ч.1. М.: НИИ культуры, 1991. 322с.
31. Попова Е. П. Роль музея в жизни многонационального региона (на материалах музеев Ставропольского края XIX–XX вв): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1993. 23 с.
32. Сафронова Л. П. Политико-массовая и культурная жизнь в Ставропольском крае в 1945-1964 годах: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск: ПГТУ, 2004. 151 с.
33. Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (далее – СГМЗ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 8.
34. СГМЗ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1.
35. Симкин М. П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны // Труды НИИ музееведения. М.: [б.и.], 1961. Вып. II. С. 176–325.

References

1. Bagdasarjan A. A. Letopis' Pjatigorskogo kraevedcheskogo muzeja (1847–2005) *(Chronicle of the Pyatigorsk Museum of Local Lore (1847–2005)*. Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza, 2007. 202 p. (In Russian).
2. Bulygina T. A. Muzeinaya ekspozitsiya kak istochnik intellektual'noi istorii lokal'nogo soobshchestva (na primere SGMZ im. G.N. Prozriteleva i G.K. Prave) *(Museum Exhibition as a Source of Intellectual History of the Local Community (by the Example of SSMR Named after G. N. Prozriteleva and G. K. Prave)* // Prozritelevskie chteniya: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii. Issue. 2 / ed by. S.N. Savenko. Stavropol' : Vestnik Kavkaza, 2006. P. 52–55. (In Russian).
3. State Archive of Contemporary History of Stavropol Krai (GANISK) . F. 1. Inv. 43. D. 2708. (In Russian)
4. GANISK. F. 1. Inv. 2. D. 580. (In Russian)
5. State archive of the Stavropol territory (GASK). F. R-164. Inv. 1. D. 484. (In Russian)
6. GASK. F. R-645. Inv. 3. D. 27. (In Russian)
7. GASK. F. R-645. Inv. 3. D. 112. (In Russian)
8. GASK. F. R-645. Inv. 3. D. 221. (In Russian)
9. GASK. F. R-645. Inv. 3. D. 394. (In Russian)
10. GASK. F. R-1077. Inv. 1. D. 33. (In Russian)
11. GASK. F. R-2174. Inv. 1. D. 38. (In Russian)
12. GASK. F. R-2928. Inv. 1. D. 10. (In Russian)
13. GASK. F. R-3020. Inv. 1. D. 37. (In Russian)
14. GASK. F. R-3798. Inv. 1. D. 221. (In Russian)
15. GASK. F. R-3798. Inv. 1. D. 1094. (In Russian)
16. GASK. F. R-4210. Inv. 1. D. 206. (In Russian)
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. A-534. Inv. 1. D. 362. (In Russian)
18. GARF. F. A-501. Inv. 1. D. 6670. (In Russian)

19. GARF. F. A-501. Inv. 3. D. 1166. (In Russian)
20. GARF. F. A-2307. Inv. 14. D. 63. (In Russian)
21. Gnilovskoj V. G. Stalinskij plan preobrazovanija prirody i zadachi kraevedov Stavropol'ja *(The Stalinist Plan to Transform Nature and Objectives of the Regional Specialists of Stavropol)* // Materialy po izucheniju Stavropol'skogo kraja. Issue. 1. Stavropol', 1949. P.3–32. (In Russian)
22. Godunova L. N. Istoriko-revoljucionnye muzei v 1941–1982 gg *(Historical-revolutionary Museums in 1941–1982)* // Aktual'nye problemy sovetskogo muzeevedenija. / Central'nyj muzej revoljucii SSSR. Moscow: Central Museum of Revolution of USSR, 1987. P. 179–198. (In Russian)
23. Gosdanker V. V. Neproshedshee vremya: sub»ektivnye zapiski starogo muzeishchika *(The Past: the Subjective Notes of an Old Museum Worker).* Stavropol': SSU publ., 2009. 200 p. (In Russian).
24. Gosdanker V. V. Ot proshlogo nel'zya otryakhnut'sya (muzeinye poiski, nakhodki, vstrechi) *(It is Impossible to Reject the Past (Museum Searches, Findings, Meetings).* Stavropol': SSU publ., 2005. 251 p. (In Russian).
25. Egorov Ju. S. Razvitie muzejnoj seti v uslovijah zrelogo socializma (60–70-e gg.) *(Development of the Museum Network in the Conditions of Mature Socialism (the 60–70-ies.)* // Muzejnoe delo v SSSR. Moscow, 1985. P. 22–38. (In Russian)
26. Kolesnikova M. E. Istoriko-kraevedcheskaja dejatel'nost' na Severnom Kavkaze v konce XVIII v – 20–30-e gg XX v. (Po materialam Stavropol'ja) *(Historical Local Operations in the North Caucasus in the Late Eighteenth Century – the 20–30-ies of XX century (Based on materials of Stavropol territory):* abstract of thesis. Stavropol', 1998. 25 p. (In Russian)
27. Kolesnikova M. E. Izuchenie Severnogo Kavkaza v Rossii vo vtoroj polovine XVIII – nachale XXv. *(The study of the North Caucasus in Russia in second half XVIII – early XX century):* thesis. Stavropol', 2011. 921 p. (In Russian)
28. Korotkov S. D. Muzej «Domik Lermontova» *(Museum "The House Of Lermontov")* // Kommunar. 1933. January 30. No 11. P. 4. (In Russian)
29. Lukash M. A. Kul'turno-dosugovaja molodezhnaja politika gosudarstva i ee realizacija v Stavropol'skom krae v seredine 60-h – 70-e gg. XX veka *(Cultural and Leisure Youth Policy of the State and its Implementation in the Stavropol Region in the mid-60s-70s of the Twentieth Century)*: abstract of thesis. Stavropol', 2012. 29 p. (In Russian)
30. Muzej i vlast'. Gosudarstvennaja politika v oblasti muzejnogo dela (XVIII–XX vv). *(Museum and Power. State Policy in the Field of Museum Work (XVIII–XX Centuries)*. Part 1. Moscow, 1991. 322 p. (In Russian)
31. Popova E. P. Rol' muzeja v zhizni mnogonacional'nogo regiona (na materialah muzeev Stavropol'skogo kraja XIX–XX vv.) *(The Role of the Museum in the Life of a Multinational Region (on the Materials of Museums of Stavropol Region XIX–XX centuries):* abstract of thesis. Stavropol', 1993. (In Russian)
32. Safronova L. P. Politiko-massovaja i kul'turnaja zhizn' v Stavropol'skom krae v 1945–1964 godah *(The Political Mass and Cultural Life in the Stavropol Krai in 1945–1964):* thesis. Pyatigorsk: PSTU publ., 2004. (In Russian)
33. Stavropol State Museum Reserve named after G.N. Prozritelev and G.K. Prave. (SGMZ). F. 4. Inv. 1. D. 8. (In Russian)
34. SGMZ. F. 4. Inv. 2. D. 1. (In Russian)
35. Simkin M. P. Sovetskie muzei v period Velikoj Otechestvennoj vojny *(Soviet Museums during the Great Patriotic War)* // Trudy NII muzeevedenija. Moscow, 1961. Issue. II. P.176–325. (In Russian)

Сведения об авторе
Дугинец Светлана Михайловна – специалист по методической работе Ставропольского государственного медицинского университета (Ставрополь) / Bondarenko25@yandex.ru

Information about the author
Duginets Svetlana – Specialist in methodical work, Stavropol State Medical University (Stavropol) / Bondarenko25@yandex.ru

УДК 94(44»15» 093)

А. А. Егоров

«ЗАПИСКИ» ГЕРЦОГА ДЕ СЮЛЛИ, КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ФРАНЦИИ XVI ВЕКА

Статья посвящена анализу «Записок» герцога де Сюлли, как важному источнику по истории религиозных войн во Франции XVI в. и правления короля Генриха IV. Учитывая тот факт, что Сюлли был одним из активнейших участников религиозных войн, являясь, в то же время, близким другом Генриха Наваррского и то, что впоследствии он фактически занял пост его первого министра «Записки» Сюлли несомненно являются ценнейшим источником по истории Франции XVI в.

Своеобразие и значимость «Записок» герцога де Сюлли, в отличие от, например, известных мемуаров его современника Теодора Агриппы д'Обинье, состоит в том, что автор не ограничивается чисто личными воспоминаниями, а представляет современную ему эпоху во всем ее многообразии. Этот факт, в известном смысле, связан с тем, что де Сюлли был не только участником Религиозных войн во Франции XVI в., но и оказался причастным к важнейшим событиям, последовавшим за их окончанием в качестве видного французского государственного деятеля и непосредственного предшественника знаменитого кардинала де Ришелье.

Довольно интересно то, как Сюлли оценивал абсолютную монархию, как форму государственной власти. Не секрет, что многие его современники, например, Ж.Боден и Ф. Отман высказывали подчас диаметрально противоположные мнения по этому поводу. Для самого герцога де Сюлли абсолютная монархия была наивысшим достижением государственного строительства и наилучшей формой государственной власти. Он считал, что именно при абсолютной монархии все члены общества пребывают в единстве и послушании единоличному главе государства, что является залогом процветания Франции в настоящем и благополучия страны в будущем.

Определенное место в статье уделено истории первого перевода Записок герцога де Сюлли на русский язык, осуществленного в последней трети XVIII в. М. И. Веревкиным. Подчеркнуто, что этот перевод является не только единственным, но и наиболее полным переводом знаменитого первоисточника, определена роль переводчика в работе над оригинальным текстом и его интерпретацией.

Ключевые слова: записки, король, министр, государство, религия, религиозные войны, католики, гугеноты, лига, абсолютизм, финансист, подданные.

A. A. Egorov

«NOTES» BY THE DUKE DE SULLY AS A SOURCE ON THE HISTORY OF FRANCE OF THE 16th CENTURY

The article analyzes the Notes by the Duke de Sully as an important source on the history of religious wars in France of the 16th century and the reign of King Henry IV. According to the fact that Sully was one of the most active participants in religious wars, being at the same time a close friend Henry of Navarre and the fact that later he actually took the post of his first minister Sully's Notes are undoubtedly the most valuable historical source on the history of the 16th century France.

The peculiarity and significance of the Notes of the Duke de Sully unlike well-known memoirs of his contemprorary Theodore Agrippa d'Obigne consists in the fact that the author does not confine himself to purely personal memoirs but represents the contemporary epoch in all its diversity. It can be preconditioned by the fact that de Sully was not only an active participant of the Religious Wars in France of 16th century but was involved in the most important events as an eminent french statesman and immediate predecessor of the famous cardinal de Richelieu.

Quite interesting is how Sully assessed the absolute monarchy as a form of state power. It is not a secret that many of his fellow-countrymen for example J.Bodin and F.Hotman sometimes expressed diametrically opposed opinions on this matter. For the Duke de Sully himself the absolute monarchy was the highest achievement of state building and the best form of state power. He believed that it was with absolute monarchy that all the members of society were in unity and obedience to the single head of state, which is the key to France s prosperity in present, and well-being of the country in future. A certain place in the article is devoted to the history of the first translation of the Notes after the Duke de Sully into the Russian language carried out in the last third of the 18th century by the M. I. Verevkin. It is stressed that this translation is not the only, but the most complete one; it is defined by the role of the translator in the work on the original text and its interpretation.

Key words: notes, king, minister, state, religion, religious wars, Catholics, Huguenots, league, absolutism, financier, subjects.

Любопытным источником по истории Франции рассматриваемого периода являются «Записки» Максимилиана де Бетюна, герцога де Сюлли (1556–1641), опубликованные при его жизни под названием «Memoires des sages et royales oeconomies d'Estat» в Амстердаме в 1638 г.

«Сюлли, – говорится в исторической энциклопедии, - автор мемуаров... тенденциозного произведения, ставившего целью прославить Генриха IV и себя самого» [7, с. 1013].

Переведенные на русский язык 10-томные «Записки» Максимилиана Бетюна, герцога Сюлли, первого министра Генриха IV впервые были изданы в Москве в 1770–1776 гг. Этим изданием мы и пользовались в настоящей статье [2].

Переводчик, Михаил Веревкин, с большой похвалой отзывается в предисловии к «Запискам» об этом труде: «… их (т.е. «Записки». – *А.Е.*), – пишет он, – единых прочтется, можно истинное поиметь познание о Генрихе четвертом. Представляемое ими о сем государе, по благоденственные его и злополучные перемены, разумея ли его царем, воином, политиком, супругом, отцом или другом с толикою чувствительностью влечет к себе наше внимание, что не можем равнодушно взирать на особливости его жизни, ниже на самые незначущие почти ничто...» [3, Т.I, с. 5].

Определяя же предмет рассуждений Сюлли, переводчик продолжает: «...сей министр (т.е. Сюлли. – *А.Е.*) ничего не повествует, чтобы не надлежало прямо до государства, или до особы его государя» [3, Т.I, с. 6]. Особа Генриха IV в самом деле очень часто встречается на страницах «Записок», вероятно, даже чаще, чем особа самого автора. Сам Сюлли признавал, что одним из главных действующих лиц его сочинения был «Генрих, король Наваррский, занимающий знатную часть сих его записок…» [3, Т. I, с. 57].

«Записки» Сюлли лишены того чисто автобиографического (личного) характера, которым так отличаются «Мемуары» Агриппы д'Обинье. Преданный фактотум Генриха IV Сюлли о себе упоминает в общем немногословно, особо себя не выпячивает, больше говорит о короле, о людях, его окружавших, событиях того времени, особенно, конечно, о религиозных войнах, в которых он, как протестант, сражался на стороне Генриха Наваррского [6, с. 451–452; 5, Т. II. с. 5–6, Т. III. с. 37–38, 41, 43].

Поскольку в «Записках» Сюлли касается важных внутригосударственных дел, крупных политических событий, они приобретают значение куда более широкое, чем просто автобиографические воспоминания [3, Т. V; с.7–1 00; Т. IV. с. 3–4; Т. VIII. с. 333; Т.V. с. 205–303; Т.VIII. с. 323–325].

«Записки» Сюлли – это, по словам М.Веревкина: «... первое по-литическое сочинение, открывающее нам истинную степень могущества Франции. В нем-то, – продолжает он, – примечены начальные семена большей части произведенного потом Ришельееми, Мазаринами, Кольбертами: они-то, наконец, приемлются наилучшим училищем искусства, как управлять государством» [3, Т. VIII. С. 94–96; Т. IV. С. 89, 86]. Это замечание, в целом, глубоко верно, и его нельзя не разделить, не погрешив против истины.

Единственно за что герцогу Сюлли «досталось» от Михаила Веревкина, так это за его стиль: «Словоплоден почти всегда, – писал тот о Сюлли,- часто мрачен, безмерною ли то протяженностью своих перемычек, или малою исправностью в речениях, инде простонароден, подл, а в другом, месте с поспешною надменностью» [3, Т.I. с. 9–10]. Но если оставить подобные «обвинения» в изъянах стиля, то «Записки» – это, конечно, первейший и необходимейший источник по истории Франции во время правления Генриха IV.

Первый том «Записок», например, содержит подробнейшее описание событий религиозных войн в период с 1570 по 1590 гг. Особый интерес представляет та его часть, в которой автор рассказывает об образовании и начале деятельности Католической лиги во Франции [3, Т. I. с. 278–282]. Блестящими зарисовками являются описанные им битвы при Арке (1589) и Иври (1590) [3, Т. I. с. 493–504, 526–539]. Вместе с тем, подобно «Мемуарам» д'Обинье, в одном только этом, первом томе «Записок» дана целая галерея интереснейших портретов современников Сюлли: королей Франциска II, Карла IX, Генриха III, герцога Алансонского и прежде всего, конечно, самого Генриха Бурбона, - государя и друга [3, Т. I. с.67, 68, 85, 181, 282, 57, 58,59].

К характеристике Генриха, как «благосердного», умного и проницательного «владетеля» Сюлли возвращается постоянно и в других томах своего сочинения [3, Т. II. с.14–15, 245, 246, 247, 352, 353; Т. V. С. 10]. Начало десятого тома представляет славословие, в котором Генрих IV изображается «… одаренным всеми качествами…», любящим подданных «… как своих детей, а Государство, яко домоначальник свою семью» [3, Т. X. с. 21–22]

Между прочим, в первом томе находится фраза. Могущая быть для Сюлли точнейшей самохаракеристикой: «Помню, что получил я от графа де Шартра, – пишет он, – 600 таллеров за лошадь, которая мне не больше 40-ка таллеров стоила» [3, Т. I. с. 275].

Привыкший всеми правдами и неправдами выколачивать для казны все новые и новые статьи доходов «великий финансист Сюлли» – «французский Мидас», и в собственном хозяйстве был образцовым барином.

Это был, пожалуй, единственный в те времена французский аристократ, разбогатевший на торговле лошадьми и других разнообразнейших экономических предприятиях. Страсть к накопительству, удивительная в эпоху невиданного мотовства двора, разбазаривания дворянством родовых имений, ограбления и обнищания народа – была одной из фундаментальнейших черт характера Сюлли. Впрочем, своеобразие и, одновременно, значимость «Записок» заключаются разумеется все же не в автобиографических деталях, как об этом говорилось уже выше, а в материале, относящемся к государственным де-

лам [10, p. 377–378]. Например, в девятом томе Сюлли упоминает о том, что был разработан проект «...об умножении до 16 тысяч человек королевских секретарей» [3, Т. IX. с. 275–276]. Этот факт свидетельствует о росте бюрократического аппарата в правление Генриха IV.

В восьмом томе содержатся данные о материальной помощи, оказанной Францией своим союзникам в борьбе против общего врага – испанских Габсбургов [3, Т. VIII. с. 346, 379–380]. Из сказанного Сюлли о собрании кальвинистов в Шательро (1606), можно сделать вывод о том, что протестанты, по-видимому, располагали влиятельными сторонниками при королевском дворе [3, Т. VIII. с. 31].

«Записки» Сюлли и их подробный исторический анализ в форме отдельной статьи или, быть может, даже монографии ещё ждут своего исследования, а здесь же скажем лишь несколько слов об отношении Сюлли к абсолютизму, как форме государственной власти. Для Сюлли абсолютная монархия была наивысшим достижением государственного строительства, наилучшей формой правления. «… единовластное правительство, в котором бы все члены общества содержаны были в соединении и послушании единой своей главе, – пишет Сюлли, – есть славнейшее и полезнейшее перед всеми другими родами правительств… особливо для Франции» – уточняет он [3, Т. II. с. 267–268].

Возвращаясь к «Запискам», добавим, что, наверное, не ошибемся, если скажем, что в ряду других сочинений мемуарного плана они занимают, .и справедливо занимают, самое почтенное, самое значительное место.

Это обуславливается, с одной стороны, уникальным содержанием «Записок», с другой стороны, тем, что в ряде случаев (далеко не во всех, конечно) Сюлли удалось верно вскрыть причины тех или иных явлений и процессов, протекавших в современной ему Франции. Например, он совершенно недвусмысленно говорит о том, что «...истинный намерения конец всех знатнейших Французов, искателей короля Испанского был... получить выгоды от Генриха, доколе останется он в протестантской вере» [3, Т. II. с. 266]. Этим он подчеркивает ту мысль, что вовсе не религиозные, духовные, идеальные, так сказать, а вполне мирские интересы двигали католической партией, виднейшими представителями Лиги.

Примеров, подобных приведенному выше, можно назвать немало, но мы ограничимся только одним в целях экономии места.

Немного необходимо сказать о самом издании «Записок» Сюлли в русском переводе последней четверти XVIII в.

Этот перевод Сюлли на русский язык, осуществленный вот уже более 250 лет назад, все ещё остается единственным русским переводом, знаменитого источника. К числу достоинств издания «Записок» 1770–1776 гг., несмотря на его архаичность, принадлежит большая сравнительно-историческая работа, которую провел переводчик в сносках ко всем без исключения десяти томам. Там параллельно сведениям Сюлли приведены мнения и факты, почерпнутые из «Мемуаров» и «Всемирной истории» д'Обинье, из «Мемуаров» Дюплесси-Морнэ, сочинений Матье, Кайе, Перефикса и других источников. Это в значительной мере помогает уяснить реальный ход событий, приблизиться к исторической истине в разрешении того или иного вопроса истории Франции тех лет.

«Записки» Сюлли уже давно и прочно вошли в фонд необходимейших источников по истории Франции конца XVI начала XVII вв. Большинство историков, особенно французских, склонно очень высоко определять источниковую ценность «Записок». Исключение представляет, пожалуй, лишь Жюль Мишле. Делая акцент на то, что Сюлли, как известно, писал записки не сам, а с помощью четырех своих секретарей, он заявил следующее: «В других мемуарах высказывается ложь секретарей Сюлли, которые приписывают этому государственному человеку все, что ни сделалось, даже в то время, когда он едва ли и существовал» [5, с. 3]. Из советских исследователей «Записки» как источник полностью отвергались А. Д. Люблинской, в противоположность Мишле, правда, вовсе без каких-либо разъяснений [4, с. 325]. Эти мнения, чересчур категоричные, нельзя, конечно, считать справедливыми.

Марк Блок был глубоко прав, когда, предостерегая ученых от ненужного скептицизма, писал: «Давно уже догадались, что нельзя безоговорочно принимать все исторические свидетельства… Однако **принципиальный скептицизм** (выделено авт. – *А.Е.*) – отнюдь не более достойная и плодотворная позиция, чем доверчивость, с которой он, впрочем, легко сочетается в не слишком развитых умах» [1, с. 46].

Принимая это во внимание стоит, очевидно, согласиться с мнением Д. В. Томпсона: «Заключение современной критики таково, что следует дифференцированно подходить к оценке разных частей работы… материалы и источники должны быть … проверены…» [9, p. 567].

Но каковы бы ни были разногласия в определении меры истинности «Записок» Сюлли, бесспорным останется то, что они принадлежат к числу тех источников, которые нельзя обойти при изучении эпохи религиозных войн и правления Генриха IV во Франции [8, p. 567].

Источники и литература

1. Блок М. Апология истории или мастерство историка. М.: Наука,1973. 236 с.
2. Веревкин М. И. Перевод «Записок» Сюлли. М.: [б.и.],1776. Б.п.
3. Записки Максимиллиана Бетюна, герцога Сюлли, первого министра Генриха IV. Т.I-X., М.: [б.и.],1770-1776.
4. Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л.: Издательство Ленинградского университета,1955. 369 с.

5. Мишле Ж. Генрих IV (Из сочинения Мишле Histoire de France). СПБ.: [б.и.], 1860. 120 с.
6. Обинье А. Трагические поэмы – Мемуары. М.: Присцельс, 1996. 530 с.
7. Советская историческая энциклопедия. Т. XIII. Советская энциклопедия, 1971. 1024 стб.
8. Les Sourses de l histoire de France par H. Hauseu. T. IV. Paris, 1915.
9. Thompson J. W. A history of historical writing. V.1-2. N.Y., 1942.
10. Wraxall N. W. The history of France. From Henry III to Louis XIV. V. III. L.,1975.

References

1. Blok M. Apologiya istorii ili masterstvo istorika *(Apology of History or the Skill of the Historian).* Moscow: Nauka, 1973. 236 p. (In Russian).
2. Verevkin M.I. Perevod «Zapisok» Syulli *(Translation of Sully's Notes).* Moscow: [b.i.], 1776. (In Russian).
3. Zapiski Maksimilliana Betyuna, gertsoga Syulli, pervogo ministra Genrikha IV *(Notes of Maximilian Bethune, Duke of Sully, First Minister Henry IV).* Vol.I-X., Moscow, 1770–1776. (In Russian).
4. Lyublinskaya A. D. Istochnikovedenie istorii srednikh vekov *(Source Study of the History of the Middle Ages).* Leningrad: Leningrad university publ.,1955. 369 p. (In Russian).
5. Mishle Zh. Genrikh IV. St. Petersburg, 1860. 120 p. (In Russian).
6. Obin'e A. Tragicheskie poemy – Memuary *(Tragic Poems – Memoirs).* Moscow: Pristsel's, 1996. 530 p. (In Russian).
7. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya *(Soviet Historical Encyclopedia).* Vol. XIII. Sovetskaya entsiklopediya, 1971. 1024 column.
8. Les Sourses de l histoire de France par H. Hauseu. T. IV. Paris, 1915.
9. Thompson J.W. A history of historical writing. V.1-2. N.Y., 1942.
10. Wraxall N.W. The history of France. From Henry III to Louis XIV. V. III. L.,1975.

Сведения об авторе

Егоров Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / egorov_1799@mail.ru

Information about the author

Egorov Alexandr – Dr. in Historical Sciences, Professor, Foreign History and International Relations Department, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / egorov_1799@mail.ru

УДК 94(470.63).084.8

А. В. Карташев

СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ В НЕБЕ СТАВРОПОЛЬЯ В АВГУСТЕ 1942 ГОДА

Статья посвящена малоизвестным событиям в истории битвы за Кавказ – участию в ней соединений и частей авиации – в наиболее драматичный момент, при отходе советских войск из-под города Ростова-на-Дону в предгорные районы Северного Кавказа по территории Ставропольского (тогда Орджоникидзевского) края. В статье на основе боевых распоряжений, журналов боевых действий, отчетов, наградных документов и сведений о потерях соединений и частей 4 Воздушной армии из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, воспоминаний и мемуаров авиаторов – участников боевых действий воссоздается целостная картина боевой работы советской авиации над территорией Ставропольского края в первый месяц боев. Географические рамки очерчены границами Орджоникидзевского края, сложившимися к началу Великой Отечественной войны, когда в состав региона входил Моздокский район и Кизлярский округ. Их выбор обусловлен исходя из недостаточной изученности хода военных событий на тактическом уровне на территории данного региона. Выбранный временной интервал – август 1942 г. – соответствует первому месяцу боев на территории края. В статье приводятся данные о частой смене мест базирования авиационных полков и дивизий, об отсутствии взаимодействия их с наземными войсками в вопросах наземной обороны аэродромов, о характере выполняемых боевых задач экипажами бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации, поэтапном смещении районов боевых действий экипажей и подразделений в соответствии со смещением линии фронта, о наиболее успешных боях и сведения о гибели летного состава, анализируются общие итоги боевой работы 4 Воздушной армии. В заключении делается вывод о равном противостоянии сил авиации воюющих сторон и том, что полученный опыт был востребован в 1943 г. в небе Кубани, где советская авиация уже безоговорочно господствовала в воздухе. При написании статьи использовались методы анализа архивных материалов из различных типов источников, сопоставления фактов и их проверки на непротиворечивость известным научным исследованиям.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, Орджоникидзевский (Ставропольский) край, 4 Воздушная армия, боевые действия, воздушный бой, уничтожение мотомеханизированных войск.

A. V. Kartashev

THE SOVIET AIR FORCE IN THE SKY OF THE STAVROPOL KRAI IN AUGUST 1942

The article is devoted to little-known events in the history of the Battle of the Caucasus – the participation of aviation units – at the most dramatic moment, when Soviet troops retreated from the city of Rostov-on-Don to the foothill areas of the North Caucasus through the territory of the Stavropol (then Ordzhonikidze) Krai. The article is based on combat orders, combat logs, reports, award documents and information about the losses of units and parts of the 4th Air Army from the funds of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, memoirs and memoirs of pilots participating in the fighting recreate a complete picture of the Soviet aviation's combat work the territory of the Stavropol Krai in the first month of the fighting. The geographical framework is outlined by the borders of the Ordzhonikidze Krai, established by the beginning of World War II, when the region included the Mozdok District and the Kizlyar District. Their choice is based on insufficient knowledge of the course of military events at the tactical level on the territory of this region. The time interval under consideration – August 1942 – corresponds to the first month of fighting in the territory of the region. The article presents data on frequent relocation of air regiments and divisions, on the lack of interaction with ground forces in matters of ground defense of airfields, on the nature of the combat missions carried out by the crews of bomber, assault and fighter aviation, phased displacement of combat areas of crews and subunits in accordance with the displacement of the front line, about the most successful battles and information about the loss of aircrews, the general results of the combat work of the 4th Air Army are analyzed. It is concluded that the aviation forces of the warring parties were in equal opposition and that the experience gained was claimed in 1943 in the sky of the Kuban, where Soviet aviation was already unconditionally dominating the air. The study is based on the methods of analyzing archival materials from various types of sources, comparing facts and checking them for consistency with well-known scientific studies.

Key words: the Great Patriotic war, the battle for the Caucasus, Ordzhonikidzevsky (Stavropol) Krai, 4th Air army, fighting, air combat, the destruction of mechanized troops.

Боевые действия, развернувшиеся на территории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, проходили при непосредственном участии авиационных частей и соединений. Об этом свидетельствовали участники битвы за Кавказ [3], об этом пишут историки [25]. Но если воздушное сражение за Таманский полуостров на заключительном этапе обороны Кавказа было подробно изучено исследователями [6], то участие авиации Северо-Кавказского и Закавказского фронтов в боевых действиях в оборонительный период битвы носит весьма обрывочный характер. Исключение составляет Малгобекская оборонительная операция, роль авиации в которой рассматривалась отдельно [9]. В своей статье, посвященной роли советской авиации в обороне Кавказа в 1942 г., В. В. Кушнарёв приводит большой фактологический материал о дислокации и подчиненности частей, количестве самолетовылетов и результатах боевых действий [7]. Делая попытку охватить действия всей авиации в оборонительный период битвы за Кавказ, автор не рассматривает вопрос передислокации авиационных частей из-под Ростова и Краснодара в предгорья Кавказа, ничего не говорит о действиях родов авиации в августе 1942 г., дает сведения о группировке, сложившейся к сентябрю 1942 г. В его материале отсутствуют описания боев, фамилии командиров и летчиков. Привести конкретные свидетельства массового героизма летного состава 4 воздушной армии (ВА) не позволили объем и задачи исследования Е. А. Дзадзиевой, которая рассмотрела по большей части вопрос идентификации наземных объектов дислокации частей и соединений 4 ВА на Терском оборонительном рубеже в августе-октябре 1942 г. [4].

Содержание упомянутых работ наводит на мысль о необходимости детально рассмотреть действия советской авиации в ходе битвы за Кавказ, сузив географические и временные рамки исследования. Исходя из этого, целью данной работы является восстановление с помощью архивных материалов общей картины действия авиационных частей над территорией Ставропольского (тогда Орджоникидзевского) края в августе 1942 г. Выбор этого района обусловлен тем, что именно над ним пришлось выполнять свои задачи полкам 4 ВА в наиболее тяжелый с моральной точки зрения эпизод битвы за Кавказ – во время отхода наших войск.

К началу битвы за Кавказ в состав 4 ВА входили: 216, 217, 229, 265 истребительные авиационные дивизии (ИАД), 230 штурмовая авиационная дивизия (ШАД), 218 ночная бомбардировочная авиационная дивизия (НБАД), 219 бомбардировочная авиационная дивизия (БАД), а также отдельные части – 750 армейский смешанный авиационный полк (САП), 6 отдельный учебно-тренировочный авиационный полк (ОУТАП) и 9 отдельная разведывательная авиационная эскадрилья (ОРАЭ).

Самолетный парк 4 ВА к концу июля 1942 г. был следующим: истребители: Як-1 – 48, ЛаГГ-3 – 26, МиГ-3 – 5, И-16 – 13, всего – 92; штурмовики: Ил-2 – 17, И-153 – 11, И-15 – 6, всего – 34; бомбардировщики: Пе-2 – 11, Су-2 – 8, СБ – 15, Р-5 – 14, У-2 – 22, всего – 70 [21, л. 271, 331–336]. Итого в боевом составе 4 ВА насчитывалось 196 самолетов.

Нашим силам противостоял 4 воздушный флот гитлеровцев. В группе армий «А», которую он поддерживал, насчитывалось до 1 тысячи самолетов [1, с. 159].

Действий советских общевойсковых соединений в границах Ставрополья в августе 1942 г. отличались отсутствием сплошной линии фронта. Немецкие танковые клинья рассекали отходившие части Красной армии – измотанные и обескровленные, зажимая их в тиски окружения. Высшее командование, понимая, что остановить врага можно только в предгорьях Кавказа, тем не менее, ставило невыполнимые задачи отходившим войскам, но закрепиться на указанных рубежах им не удавалось [13, с. 48–50].

В своих мемуарах командующий 4 ВА маршал авиации К. А. Вершинин писал: «Летчикам 4-й воздушной армии приходилось действовать в крайне сложной и напряженной обстановке. Они наносили удары по наступающему противнику, оборонялись свои наземные войска от налетов вражеской авиации, следили за направлением их движения, выполняли другие важные задачи» [2, с. 149].

В каких условиях действовала наша авиация, становится понятно из воспоминаний одного из летчиков 16 гвардейского истребительного авиационного полка (ИАП) В. П. Карповича. Он писал, что в конце июля действия советской авиации по поддержке наземных войск сократились из-за отсутствия самолетов. Из 216 ИАД для получения новых самолетов временно убыл 103 штурмовой авиаполк (ШАП). Дивизия в составе двух полков – 16 гвардейского и 247-го – 1 августа перелетела на аэродром Геймановская (Краснодарский край), и «с этого времени боевая работа дивизии сократилась до минимума, как из-за отсутствия материальной части, так и из-за быстрого отхода на юг». Смена аэродромов продолжалась: 3 августа гвардейцы базировались на аэродроме Ворошиловск (ныне Ставрополь), а 5–10 августа – на аэродроме Архангельская. Менял место и штаб дивизии – 31 июля он находился в станице Геймановской, а через два дня – на аэродроме Петровское, 4 августа – на аэродроме Благодарное, 6 августа – в селе Архангельское, а 9 августа – в Советском. Но, несмотря на это, полки дивизии не прекращали своей боевой деятельности. Вскоре в состав дивизии возвратились 88 ИАП и 103 ШАП, пополнившиеся самолетами и летчиками. 8 августа 247 ИАП, а 9 августа 16 гвардейский ИАП вышли из состава 216 ИАД, передали свою материальную часть и убыли на переформирование. Их сменил 45 ИАП в составе 12 истребителей Як-1. В этот момент дивизия располагала девятью самолетами И-16 88-го ИАП, 21 самолетом Як-1 (из которых 9 самолетов было передано из 16-го гв. ИАП) 45-го ИАП и тремя Ил-2 103-го ШАП [5, с. 413–415].

Как свидетельствуют архивные документы, в период отхода наших войск с южного берега Дона до реки Кубань силы 4 ВА уничтожали мотомеханизированные части противника, выдвигавшиеся по 6 маршрутам, два из которых проходили через Ставрополье: один – по дороге Молотовское, Преградное на Ставрополь и Армавир, другой – от Ладовской Балки через Новоалександровск на Кропоткин. 4 августа 7 Ил-2 и 4 И-153 230 ШАД штурмовали мотоколонну до 200 машин и танков по дороге от Преградного до Безопасного. 7 Су-2 219 БАД бомбили колонну до 200 автомашин и танков по дороге от Ладовской Балки на Новоалексадровск. 5 Су-2 нанесли удар по скоплению автомашин (до 400) в Ладовской Балке [21, л. 28].

В ночное время мотомеханизированные части противника были объектами удара ночных бомбардировщиков 218 НБАД. В ночь на 3 августа экипажи У-2 бомбили войска неприятеля, выдвигавшиеся на юг из населенных пунктов Привольное и Молотовское.

Начиная с ночи на 5 августа, когда враг, захватив Ворошиловск, устремился дальше на юг, части 4 ВА уничтожали противника, выдвигающегося в сторону Невинномысска. В ночь с 4 на 5 августа заместитель командира эскадрильи 588 ночного легкобомбардировочного авиационного полка младший лейтенант М.В. Смирнова уничтожала войска противника по дороге Ворошиловск – Михайловское. В результате ударов наблюдались взрывы, сопровождавшиеся густым черным дымом. Предположительно горели горючие материалы. 5 августа, выполняя задание по уничтожению техники противника в Ворошиловске, командир 2-й эскадрильи младший лейтенант Е. Д. Никулина сбросила бомбы на цель, после чего наблюдались сильные взрывы, сопровождавшиеся густым черным дымом. Летчик сержант З. И. Парфенова 5 августа, обнаружив скопление мотомеханизированных колонн и живой силы противника в лесу южнее Ворошиловска, сбросила бомбы в этот район, вызвав сильный взрыв с темным дымом [15, л. 125, 135, 148]. Ночами 7 и 8 августа, уже после оставления Невинномысска советскими войсками, экипажи 218 НБАД продолжали работать на участке Ворошиловск – Невинномысская, но в ночь на 9 августа полки ночных бомбардировщиков получили задачу уничтожать мотомехчасти противника, выдвигающиеся от Петровского на Александровское, Саблинское и на Благодарное [20, л. 5, 11, 18, 24, 26].

Сложность обстановки для частей 4 ВА состояла в том, что базирование частей шло по оси Ставрополь, Солдато-Александровская, Советская, Моздок, то есть, на правом открытом фланге отходящих войск. В ряде случаев впереди базирования частей 4 ВА наших наземных войск не было, и авиаторы вели боевую работу до тех пор, пока противник не приближался на угрожаемое расстояние, после чего происходило перебазирование. Даже сам штаб 4 ВА оказался в Ворошиловске под ударом передовых танковых частей противника, внезапно ворвавшихся в город, и был вынужден поспешно сменить место дислокации [21, л. 29].

О том, как 3 августа чуть не оказался в руках врага легендарный летчик А. И. Покрышкин, приземлившийся на аэродроме в Ворошиловске, известно из его мемуаров. Появившиеся на окраине аэродрома немецкие мотоциклисты, заставили взлететь нашего аса на неисправном самолете и добираться к своим с неубирающимися шасси [11, с. 198–201]. Немецкий автор пишет, что захват Ставрополя был настолько стремительным, что советские самолеты еще пытались садиться на аэродром. По его данным подошедшая на аэродром зенитная артиллерия сбила восемь низколетящих самолетов [14].

На одном из аэродромов Ворошиловска с 1 по 3 августа базировался 750 смешанный авиационный полк 56 армии. 3 августа к 17.00 передовые части противника подошли к району аэродрома, овладели Михайловским и северо-восточной окраиной города. Начался артиллерийско-минометный обстрел аэродрома в районе штаба полка. Ввиду отсутствия возможности свернуть и вывести штаб документы полка были сожжены. Склады горючего и боеприпасов уничтожены не были [24, л. 2].

Наградной лист на младшего лейтенанта Н. И. Зорина – пилота 750 САП – свидетельствует, что 3 августа 1942 г. он сбил в групповом бою в районе Ворошиловска 2 самолета противника и один лично – Фокке-Вульф-189. 3 августа в районе Ворошиловска на самолете И-16 сбил немецкий самолет Хе-111 командир звена 750 полка лейтенант Н. В. Хоцкий. В тот же день лейтенант М. И. Саяпин на самолете И-16 в районе Вознесеновской (под Дивным) сбил Ме-110 [17, л. 210, 225, 267].

Спешно покинув 3 августа Ворошиловск, штаб 4 ВА на следующий день находился в Солдато-Александровской, 9 августа – в Экажево, а с 15 числа – в Троицкой [21, л. 154]. Вместе со штабом армии поэтапно перебазировались на юго-восток и соединения, входившие в ее состав. В целом перебазирование полков проходило успешно, без потерь личного состава и техники. В 288 ближне-бомбардировочном авиационном полку 219 БАД (на самолетах Су-2), были периоды, когда полк оставался без батальона аэродромного обслуживания и, несмотря на это, боевая работа не прекращалась. Большая заслуга в этом принадлежала командиру полка майору И. И. Баутину. Военком полка А. И. Корольков лично организовывал доставку горючего, боеприпасов и питания личному составу [15, л. 43, 213].

В такой обстановке, начиная с 4 августа (с выходом противника в район Ворошиловска и Армавира) и до занятия противником Минеральных Вод части 4 ВА уничтожали скопления мотомехчастей противника в районе переправ и выдвигающихся по маршрутам: Ставрополь – Невинномысск; из района Преградное, Безопасное на Петровское, от Петровского на Александровское, Саблинское, Благодарное, Невинномысск – Минеральные Воды и Минеральные Воды – Пяти-

горск. Еще одной задачей было прикрытие патрулированием истребителей района Минеральные Воды, Георгиевск, Моздок.

Следует отметить, что совместно с частями истребительной авиации 4 ВА в небе Ставрополья выполняли задачи по охране и обороне воздушных рубежей летчики 105 ИАД противовоздушной обороны (ПВО), входившей в состав войск ПВО территории страны. После взятия Ростова, 26 июля с аэродрома Батайск эта дивизия перебазировалась на аэродромный узел Грозный. В ее состав входили 182-й и 234-й ИАП [23, л. 68].

6 августа в период с 16.00 до 16.30 до 20 Ю-88 группами по 3–5 самолетов произвели бомбардировочный налет на ж.д. узлы Георгиевск, Минеральные Воды и Буденновск. 234 полк произвел 16 самолетовылетов на патрулирование воздушного пространства над городами Георгиевск и Минеральные Воды. Патрулируя над Георгиевском на самолете ЛаГГ-3, командир эскадрильи капитан В. М. Усков заметил на встречном курсе два звена Ю-88. Атакованный Усковым ведущий самолет первого звена загорелся и упал в 8 км западнее Георгиевска. Затем Усков атаковал правого ведомого второго звена и, видя, что тот не падает, решил таранить его в хвостовое оперение левой плоскостью. От удара оба самолета рассыпались в воздухе. Ускова выбросило из самолета, и он спасся на парашюте. В результате боя было сбито 2 Ю-88, потерян один истребитель ЛаГГ-3 [23, л. 68–69]. В этом бою капитан Усков был ранен и контужен. За этот подвиг В. М. Ускову было присвоено звание Героя Советского Союза.

8 августа летчики 234 ИАП старший лейтенант Абраменко (инициалы неизвестны) и лейтенант Н. К. Дураков с аэродрома Минеральные Воды провели воздушный бой с группой самолетов Хе-111. Атакованный самолет противника загорелся и упал в районе Георгиевска. 9 августа 234 ИАП перебазировался с аэродрома Минеральные Воды на аэродром Грозный [16, л. 22, 24, 375– 376].

Всего за период с 4 по 10 августа частями 4 ВА было произведено 872 самолетовылета, уничтожено: танков – 44, автомашин – 420, бензоцистерн – 3, бронемашин – 3, живой силы до 1000 человек [21, л. 30].

7 августа группа штурмовиков 657 ШАП (265 ИАД) из 6 Ил-2, ведущий – командир эскадрильи капитан П. Г. Колесников, атаковала скопление танков и автомашин противника в районе северо-восточней Ворошиловска. В результате успешных действий летчикам удалось уничтожить 7 танков, 4 автомашины с личным составом и боеприпасами и 8 зенитно-пулеметных точек [15, л. 96–97]. После выполнения боевого задания самолеты возвращались в район базирования и попали в густой туман, который закрыл весь район базирования. Горючее было на исходе. Но Колесников, благодаря умелому самолетовождению нашел окно, незакрытое туманом, и всю группу успешно посадил на аэродром [18, л. 149]. 10 августа полк штурмовал наземные войска противника на переправе через реку Кубань в районе г. Невинномысска.

8 августа командир эскадрильи 40 ИАП (217 ИАД) капитан И. М. Пилипенко в паре с молодым пилотом вылетели на разведку войск противника в район Каново, Курская, Ага-Батырь. В районе разведки при плохих метеоусловиях неожиданно из-за облака наша пара была атакована тремя Ме-109. Пилипенко принял бой, и умело применяя огонь и маневр, с первой атаки сбил один «мессершитт». Остальные развернулись и ушли в облачность. Отлично выполнив задачу по разведке, летчики вернулись на свой аэродром, доставив ценные данные [15, л. 31–32].

Однако боевые потери в 4 ВА все же случались. 8 августа не вернулся с боевого задания по разведке войск противника на самолете У-2 пилот 585 НЛБАП младший лейтенант Н.Д. Бордиловский. Как потом стало ясно, он попал в плен в районе Минеральных Вод [12].

8 августа начался очередной этап перебазирования соединений и частей 4 ВА дальше от линии фронта. В этот день 230 ШАД получила задачу: перебазироваться на аэродром Мирополький (15 км южн. с. Степное) и на следующий день всеми силами уничтожать мотомехчасти противника, выдвигающиеся от Петровского на Александровское, Саблинское и южнее. На аэроузел Степное перебазировалась 265 ИАД. Ей была поставлена задача 9 августа уничтожать технику и войска противника, выдвигающиеся от Петровского на Саблинское. 219 БАД, закрепившись на аэроузле Моздок, действовала в том же районе и уничтожала колонны войск противника, выдвигающиеся от Петровского на Благодарное и от Петровского на Саблинское. 216 ИАД, базируясь в районе аэроузла Советское, имело ту же задачу, что и 230 ШАД. Одновременно ей было приказано прикрывать действия 219 БАД. Частью сил 216 ИАД в течение светлого времени 9 и 10 августа должна была вести патрулирование над Минеральными Водами. 217 ИАД 9 и 10 августа продолжала осуществлять противовоздушную оборону города Моздок. Напряжение для истребителей и штурмовиков, согласно боевому распоряжению, составляло не менее 3 вылетов, для бомбардировщиков – 3 вылета [20, л. 27, 28].

Несмотря на полученные распоряжения, боевая работа частей 4 ВА 9 и 10 августа ограничивалась из-за недостатка горючего и боеприпасов и перебазирования на новые аэродромы. С прибытием в район Моздока и южнее Терского хребта для частей 4 ВА закончился период отхода и наступил этап напряженной боевой работы [21, л. 30].

На новом месте базирования силы авиации 4 ВА продолжали выполнять боевые задачи в небе Ставрополья. Так, в ночь с 10 на 11 августа 218 НБАД уничтожала скопление войск противника в Пятигорске и выдвигающиеся из Пятигорска на Георгиевск. Еще одним районом действий «ночников» стал участок дороги Пятигорск – Нальчик до рубежа Малки.

Днем 11 августа 230 ШАД, 265 ИАД и 219 БАД под прикрытием 216 ИАД вели боевую работу в районе Минеральных Вод, Пятигорска и Георги-

евска. Как свидетельствуют архивные источники, ввиду сложности наземной обстановки в районе Пятигорска (в это время там шли ожесточенные бои) летный состав был предупрежден об исключительной внимательности и авиаудары производились лишь при точном определении принадлежности войск. Архивные документы свидетельствуют, что активные действия в этом районе с аэродрома Эльхотово вел 805 ИАП (265 ИАД), вооруженный истребителями ЛаГГ-3. В августе 1942 года отличились летчики полка младшие лейтенанты Н. Т. Малецкий, В. Ф. Шмелев, сержанты С. М. Басов, А. И. Кокарев [15, л. 41, 94, 118, 168].

После захвата противником Кавказских Минеральных вод в ночном небе Пятигорска периодически появлялись летчицы 588 НЛБАП. 15 августа экипаж в составе пилота сержанта М. П. Чечневой и стрелка-бомбардира сержанта О. А. Клюевой нанес бомбовый удар по мотомеханизированной колонне в районе станицы Константиновской (под Пятигорском). В тот же день другой экипаж 588 полка, в котором стрелком-бомбардиром была сержант Е. Б. Пасько, разрушил переправу на реке Куба [15, л. 156, 203, 240].

В дневнике Марины Чечневой за 15 августа 1942 года сделана такая запись: «Мы были очень удовлетворены полетами в этот день – день моего рождения. Ольга Клюева, возвращаясь с задания, кричала в переговорный рупор «ура» и поздравляла меня с днем рождения и удачным боевым вылетом, который мы провели в эту ночь». Записи за 17 и 30 августа говорят о том, что девушки, работая в том же районе, поразили склад с боеприпасами и склад с горючим [8, л. 97–98].

Совместно с женскими экипажами выполнял боевые задачи 585 НЛБАП. В ночь с 12 на 13 августа, уничтожая мотомеханизированные войска противника на северной окраине г. Пятигорска, стрелок-бомбардир, младший лейтенант Н. П. Любимов произвел сильный взрыв с пожаром (по всем признакам была взорвана цистерна с горючим). В ночь с 14 на 15 августа пилот старшина Ф. Н. Вышлов на участке Пятигорск – Куба точным бомбометанием уничтожил 3 автомашины или танка [15, л. 108–109, 188].

В районе Кавказских Минеральных вод в период с 11 по 17 августа вел боевые действия 859 ближнебомбардировочный авиационный полк (219 БАД), имевший на вооружении 19 самолетов американского производства Бостон-3. 12 августа отлично отработала в районе Минеральные Воды, Пятигорск, Нагутская эскадрилья капитана П. Г. Егорова, уничтожив 15 автомашин и до 40 фашистских солдат. Экипаж сержанта И. Ф. Лобарева уничтожил 4 машины с войсками и грузом, поджог один танк. После бомбометания его самолет снизился до высоты 40–50 метров и обстрелял колонну из пулеметов – поджог 3 автомашины и уничтожил до 20 солдат противника. Группа во главе со старшим лейтенантом И. С. Гусаковым в районе Минеральных Вод точным бомбовым ударом уничтожила и повредила 2 танка и до 10 автомашин с пехотой и грузом противника. В тот же день в районе станицы Суворовской по дороге на Черкесск экипаж лейтенанта А. Е. Кириченко метким бомбовым ударом уничтожил 4 автомашины с грузом и до 20 человек живой силы противника. Экипаж младшего лейтенанта К. М. Чуевского точно сбросил бомбы на колонну войск противника, двигавшуюся по дороге из Курсавки в Минеральные Воды, записав на свой счет 10 автомашин врага с личным составом и грузом.

В последующие дни экипажи Н. Н. Соколова, А. Е. Кириченко, И. С. Гусакова, И. В. Говорова, С. А. Яковенко, И. К. Лукьяненок и других командиров эффективно бомбили танковые и автомобильные колонны противника на дорогах в районе Пятигорска, Суворовской, Нагутской, Лысогорской, Курсавки, Минеральных Вод, Марьинской, Кубы и других населенных пунктов. Особенно эффективными были вылеты полка 15, 16 и 17 августа, когда одна из эскадрилий 859 полка, ведомая своим командиром капитаном П. Г. Егоровым, вела успешные боевые действия. Так, 17 августа, несмотря на сильное воздействие зенитной артиллерии противника, в районе Куба эскадрилья капитана Егорова в составе девятки Б-3 успешным бомбометанием уничтожила около 19 автомашин, 5 танков и 2 зенитно-пулеметные установки противника. Своих потерь эскадрилья не имела. Хотя огнем вражеской зенитной артиллерии, при заходе на цель был подбит самолет сержанта И. В. Говорова. Однако пилот потушил пожар, отлично выполнил боевое задание, уничтожив 5 автомашин с войсками и грузом и до 30 человек живой силы противника, и на одном моторе довел самолет до своего аэродрома, блестяще произвел посадку и спас машину и экипаж.

19 августа силы 859 полка снова был в воздухе, нанося удары по колонне из 100 автомашин в районе Микоян-Шахар (ныне Карачаевск). Обнаружил колонну в ходе воздушной разведки экипаж лейтенанта С. А. Яковенко, нанеся первый удар по цели. Он доставил на аэродром ценные разведданные для действий следующих экипажей [15, л. 55–85, 160–258].

Штурмовку войск противника в районе Клухорского, Санчарского перевалов, поселка Теберда и деревни Псху вели летчики 790 ИАП 5 ВА Черноморской группы войск Закавказского фронта. Об этом свидетельствуют наградные листы П. Н. Алейникова, А. П. Балашева, П. К. Бабайлова и других летчиков полка.

С приближением противника к Моздоку боевые действия авиации 4 ВА переместились в восточные районы края. С 22 по 24 августа авиационные полки выполняли задачи по уничтожению мотомеханизированных частей противника в районе Советская (Кировский р-н), Каново, Привольный, Ага-Батырь, Авалов, Графский, Русский №1, Русский №2 (Курский р-н), Веселовское (ныне Моздокский р-н респ. Сев. Осетия), не допуская их продвижения на юг и восток. Напряжение для истребителей и штурмовиков устанавливалось

4–5 вылета в сутки, для бомбардировщиков – 3 вылета [20, л. 65].

21 августа эскадрилья 366 БАП (219 БАД), в составе которой находились лейтенант Н.М. Лазарев, старшина Н. И. Пьяных и другие, в районе станицы Советской произвела бомбометание по скоплению автомашин и танков противника. В результате удара было уничтожено 8 танков, 27 автомашин и зенитная батарея с прислугой. 23 августа по дороге Советская – Ага-Батырь эскадрилья 366 полка в составе 7 бомбардировщиков Пе-2 за два полета точными ударами уничтожила и вывела из строя 8 танков, 28 автомашин, рассеяла и уничтожила до батальона пехоты [15, л. 101, 123, 250].

21 августа группа самолетов 859 БАП бомбила автоколонну и скопление танков в лесу в районе Советской, уничтожив и повредив 36 автомашин, 7 танков, зенитную батарею и 5 зенитных точек на автомашинах. В этот день экипажи полка вели исключительно напряженную боевую работу в районе Советской, Каново, Курская и Привольный. Метким бомбометанием экипажа лейтенанта Н. Н. Соколова было уничтожено или повреждено до 5 автомашин, один танк и зенитно-пулеметная установка. 23 августа звено Константина Чуевского – одного из лучших летчиков полка – бомбило скопление автомашин и танков противника в районе Советская, Привольный, Ага-Батырь, уничтожив 5 танков, 7 автомашин с войсками, рассеяв в округе до взвода пехоты [15, л. 55–85, 160–258].

Бок о бок с 859 БАП сражались экипажи 244 ближне-бомбардировочного авиационного полка, также имевшие на вооружении самолеты Бостон-3. Эскадрилья капитана Г. С. Попова с 18 по 24 августа совершила 77 боевых вылетов и, не имея потерь, уничтожила 9 танков, 149 автомашин и 14 цистерн с горючим. В этих вылетах отличились командир звена лейтенант Ф. П. Земсков и стрелок-бомбардир младший лейтенант Н. А. Чернуха [15, л. 154, 246, 43, 213].

Боевые действия бомбардировщиков 219 БАД прикрывал 926 ИАП, входивший непосредственно в состав этой дивизии. 22 августа в районе Моздока командир эскадрильи старший лейтенант Т. Т. Матвиенко заметил 4 истребителя противника, атаковавшие наши бомбардировщики, и вступил с ними в бой своим звеном. Три самолета противника Ме-109 сбили его ведомые, последний спасся бегством. 23 августа командир звена 926 ИАП младший лейтенант И. Ф. Филиппов вступил в воздушный бой с двумя Ме-109. Один был сбит, второй – подбитый – сел в расположении своих войск [15, л. 112, 150, 158].

27 августа 10 ЛаГГ-3, сопровождавшие Бостон-3 в район Галюгаевской, вступили в воздушный бой с шестеркой Ме-109 и одним Макки-200. В результате боя было сбито 2 Ме-109, третий Ме-109 на встречном курсе протаранил старший лейтенант Я. А. Александрович, сохранивший при этом свой самолет и благополучно севший на свой аэродром [19, л. 390–392].

Экипажи ночных бомбардировщиков 218 НБАД с 22 по 26 августа работали в том же районе. 588 НЛБАП уничтожал мотомеханизированные части противника в Ага-Батырь. 650 и 870 НЛБАП действовали вдоль дорог между населенными пунктами Советская, Привольный, Ага-Батырь, Дортуй, Луковский, Моздок, Веселовское, Испиров. С началом боев за Моздок (23-25 августа) ночные бомбардировщики воздействовали по противнику на северных подступах к городу, уничтожая его наземные войска в районе Графский, Русский №2 и по дороге от Моздока до Галюгаевской. В ночь с 26 на 27 августа к экипажам 218 НБАД присоединились силы 50 авиационной дивизии дальнего действия. Их задачей было уничтожение противника в районе Ага-Батырь, Привольный, Каново, Лепелин, Дортуй [20, л. 60–71].

В ночь с 26 на 27 августа в районе Галюгаевской был сбит огнем артиллерии стрелок-бомбардир 650 НЛБАП младший лейтенант И. М. Дьячек. Этот полк также входил в состав 218 НБАД.

Штурмовые действия по наземным войскам противника на северных подступах к Моздоку вели части штурмовой и истребительной авиации. 23 августа, участвуя в штурмовке мотомехколонны противника в районе Каново – Привольный, отличился пилот 84 «А» ИАП 216 ИАД младший лейтенант В. Н. Макутин. Он сделал 5 боевых вылетов на самолете И-153. При этом он брал на самолет максимальное количество боеприпасов. Несмотря на сильный зенитный огонь, он точно бил по целям, эффективно используя каждую бомбу и каждый снаряд [15, л. 110].

В середине августа 103 ШАП (216 ИАД) располагал всего 2–3 исправными машинами, летчики летали по очереди. 23 августа (в период боев за Моздок) в районе Веселовский (сев.-вост. окр. Моздока) пара штурмовиков Ил-2 этого полка в составе: ведущего – командира звена младшего лейтенанта М. И. Кузнецова и ведомого – пилота младшего лейтенанта Г. П. Коваленко под интенсивным огнем зенитной артиллерии произвела 4 атаки по замаскированным в лесу танкам и автомашинам и 3 атаки по зенитным батареям. В повторном вылете пара нанесла штурмовой удар по скоплению танков и автомашин противника в 2 км южнее совхоза имени К. Либкнехта и по дороге от Пиев на Русский (Курский р-н). По данным штаба 216 ИАД, пара уничтожила 10 машин и до 100 солдат и офицеров. Однако при возвращении на свой аэродром наши самолеты были атакованы четверкой Ме-109, но, несмотря на ранения и сильное повреждение самолетов, оба летчика приземлились на своей территории [15, л. 93, 100] в районе Моздока. Тем не менее, полк остался без исправных самолетов и вскоре был отправлен в тыл на кратковременный отдых и пополнение летчиками и авиатехникой.

24 августа, когда противник сходу пытался ворваться в Моздок и форсировать Терек, командованием 216 ИАД перед 84 «А» полком была поставлена задача: штурмовать мототанковые колонны противника и сорвать операцию. В итоге полк с поставленной задачей справился: произвел 52 штурмовки, уничтожил и повредил 9 танков, 14 автомашин, 8 зенитно-пулеметных точек.

Эффективность ударов авиации за 23–24 августа документально подтвердило командование 9 армии: «По далеко неполным данным, только за два дня авиация и наземные части на нашем участке фронта уничтожили 68 танков, 140 автомашин, несколько броневиков и более батальона пехоты».

Примером храбрости и отваги летчиков полка стал воздушный бой, произошедший 25 августа. Восемь экипажей И-153 84 «А» полка в сопровождении девяти истребителей И-16 88 ИАП при налете на вражеский аэродром Дортуй (на юге Ставропольского края) встретили в воздухе двадцать «мессершмиттов» Ме-109. В результате воздушного боя было уничтожено десять самолетов. На земле был сожжен один Ю-52. Свои потери составили два И-153 и один И-16.

В этом бою вновь отличился младший лейтенант В. Н. Макутин. При подходе к объекту штурмовки – аэродрому Дортуй – в 15 км от цели он был встречен огнем Ме-109, в результате чего получил два тяжелых ранения и значительное повреждение самолета. Превозмогая сильную боль, летчик продолжал выполнять поставленную задачу. Противник пытался добить самолет Макутина, но тот, отражая атаку, сбил Ме-109, нанес удар по аэродрому и, уходя от цели, снова был атакован истребителями врага, в результате чего самолет Макутина загорелся, а летчик выбросился на парашюте в полутора километрах от вражеского аэродрома. Невзирая на сильные боли, Макутин 18 километров пробирался ползком на свою территорию.

В том же бою, видя угрозу командиру полка майору Я. И. Антонову со стороны атакующих его Ме-109, пилот младший лейтенант Г. Н. Павлов, пренебрегая своей жизнью, принял неравный бой, отразил атаки и сбил один Ме-109 [22, л. 81–86]. Однако самому майору Антонову в тот день вернуться с задания не удалось. Яков Иванович был участником советско-финской войны и был удостоен звания Героя Советского Союза в 1940 году. Несмотря на опеку со стороны ведомого, немцам все же удалось сбить самолет командира. Как следует из советских документов, Антонов пропал без вести, в то время как немецкий фотоснимок свидетельствует, что Антонов попал в плен. Дальнейшая судьба летчика точно не известна.

В списке безвозвратных потерь 84 «А» ИАП за август 1942 г., кроме майора Антонова Я. И., значатся: заместитель командира эскадрильи лейтенант Петраков Г. С., пилот младший лейтенант Литовченко Н. Д., командир звена лейтенант Кузьмин М. М., пилот младший лейтенант Кудряшев А. И., командир эскадрильи старший лейтенант Егоров А. И. [10].

Группу самолетов из восьми И-16, выделенных от 88 ИАП, в бою 25 августа возглавлял капитан В. И. Максименко. Несмотря на численное и качественное превосходство противника, наши самолеты решительно вступили в бой. Шесть из десяти сбитых «мессершмиттов» и Ю-52, уничтоженный на аэродроме противника на земле, были на счету 88 полка. Своих потерь группа не имела. Раненый в бою капитан Максименко благополучно довел и посадил самолет на своем аэродроме [22, л. 66–67].

Первую убедительную победу в воздушном бою под Моздоком одержал 862 ИАП 217 ИАД. 24 августа лейтенант В. И. Матыцин в 6-7 км севернее Моздока сбил немецкий Ме-109. После прикрытия бомбометания бомбардировщиков Бостон-3 пара Матыцина возвращалась на свой аэродром, но по пути ей встретились два Ме-109. Завязался бой. С первой атаки Матыцина один «мессершмитт» рухнул на землю. Пока шел этот бой, был сбит ведомый Матыцина, а второй Ме-109 пробил радиатор самолета лейтенанта. Сам Матыцин получил легкое осколочное ранение в ногу. Пришлось выходить из боя и совершить вынужденную посадку [15, л. 29].

За месяц полк потерял троих летчиков. 19 августа на самолете ЛаГГ-3 был сбит огнем зенитной артиллерии штурман полка лейтенант С. П. Слукин, упав на землю, сгорел вместе с самолетом. 21 августа погиб при столкновении самолетов в воздухе после возвращения с боевого задания на самолете ЛаГГ-3 командир звена старшина Г. М. Хоботов. Похоронен на территории Орджоникидзевского края у МТС с. Балашов. 22 августа не вернулся с боевого задания пилот старшина Н. П. Барабанщиков [10].

В небе Ставрополья отличились летчики 45 ИАП (216 ИАД). Адъютант эскадрильи старший лейтенант Д. Б. Глинка (будущий дважды Герой Советского Союза) с 12 по 25 августа совершил 27 боевых вылетов на штурмовку, воздушную разведку, сопровождение штурмовиков и прикрытие аэродрома. За это время в составе группы он уничтожил 40 автомашин, до двух рот солдат и офицеров, вывел из строя до 100 автомашин противника, 17 августа в воздушном бою сбил Ме-109. Еще по одному «мессершмитту» в тот день сбили штурман полка капитан Д. И. Аленин и старший лейтенант И. Л. Шматко. Это были одни из лучших летчиков полка – мужественные, тактически грамотные, подготовленные к полетам в сложных метеоусловиях.

В ходе воздушных боев, штурмовок войск противника, сопровождения своих бомбардировщиков в небе Ставрополья отличились летчики 8 ИАП (217 ИАД): старший лейтенант И.М. Горбунов, сбивший со своим звеном Фокке-Вульф-189, старший сержант А.М. Шатов, удачно совершивший воздушный таран Хе-113. 28 августа в районе села Русского (на юге Ставропольского края) штурман полка майор Г.К. Гарбарец сбил Ме-109 и, будучи раненым, благополучно вернулся на свой аэродром Терская [15, л.51, 57, 162, 190].

16 августа в районе села Орловское Буденновского района на самолетах Як-1 погибли в воздушном бою пилоты младший лейтенант В. Р. Шалабаев и старшина Н. С. Штукин. Они были похоронены в 10 км западнее села. 17 августа на самолетах Як-1 не вернулись с боевого задания командиры звеньев лейтенанты А. Ф. Калинин и Е. В. Колдыбаев [10].

За десять дней боевой работы в районе Моздока (с 13 по 24 августа) 8 ИАП было произведено 303 боевых вылета. Несмотря на то, что в это время полк действовал в основном по наземным целям, было сбито 12 самолетов. Свои потери составили пять самолетов и четыре летчика. 24 августа оставшиеся 9 самолетов были сданы в мастерские, а личный состав направлен в 6 ОУТАП.

Август 1942 г. по интенсивности боевых действий авиации 4 ВА стал одним из самых напряженных периодов битвы за Кавказ. Боевые вылеты бомбардировщиков распределялись следующим образом: 1446 – было совершено днем, 1643 – ночью. 2493 – на бомбардировку войск, 70 – мостов и переправ, 7 – по аэродромам противника, 519 – на разведку.

Потери противника в боевой технике и живой силе от действий частей 4 ВА за август 1942 года составили: танков – 280, грузовых автомашин – 3142, легковых машин – 11, бронемашин – 10, автобусов – 25, мотоциклов – 8, тракторов – 2, автоцистерн – 109, зенитных орудий – 56, орудий полевой артиллерии – 23. Подобные потери части армии нанесли противнику лишь в июле и сентябре 1942 года. В дальнейшем такого успеха повторить не удалось. За август силами 4 ВА в воздушных боях было уничтожено 89 самолетов противника, в том числе: 72 Ме-109, 2 Ме-110, 4 Хе-113, 8 ФВ-189, 3 Ю-88, и еще 9 на земле [21, л. 296, 301, 304].

За август 1942 г. в 4 ВА погибло 119 человек летного состава, в том числе: командиров полков и их заместителей – 1, командиров эскадрилий и их заместителей – 12, летчиков и пилотов – 59 (6 в авиакатастрофах), штурманов эскадрилий – 3, летнабов – 13, стрелков-радистов – 18, воздушных стрелков – 13. Август стал одним из тяжелейших месяцев для авиации в ходе всей битвы за Кавказ. Больше погибших было лишь в сентябре 1942 года – 175 человек, когда сражения в предгорьях Кавказа достигли наивысшего напряжения. За август 1942 года 4 ВА потеряла в воздушных боях 59 самолетов, от огня зенитной артиллерии – 15. Не вернулось с боевых заданий 22 экипажа, уничтожено противником на земле – 14 самолетов [21, л. 326–331, 316, 314].

Подводя итог, можно констатировать, что боевая работа советской авиации в небе Ставрополья в августе 1942 г. проходила в сложных условиях отхода своих наземных войск. Маршруты перебазирования большинства авиационных полков 4 ВА прошли через территорию Орджоникидзевского края. За короткое время части сменили по 5–6 аэродромов. Несмотря на то, что авиация была почти полностью лишена прикрытия на земле со стороны наземных войск, эта работа была проделана без существенных потерь и происшествий.

Бомбардировочная и штурмовая авиация вели боевую работу в районе Ворошиловска, Невинномысска, Георгиевска, Кавказских Минеральных вод, Моздока, над территорией Карачаевской и Черкесской областей, Советского, Курского и других районов края. Объектами авиационных ударов были крупные скопления войск, мотомеханизированные колонны на марше, склады с горючим, железнодорожные узлы и станции, вражеские аэродромы и другие объекты. Бесстрашно сражались в воздушных боях подразделения и экипажи истребителей. В августе 1942 г. в небе Ставрополья летчиками было совершено три воздушных тарана. За один из них, совершенный над городом Георгиевском, капитан В. М. Усков был удостоен звания Героя Советского Союза. Пополняли счет своих побед будущие Герои Советского Союза Д. Б. Глинка, В. А. Князев, П. Г. Колесников, Е. Д. Никулина, З. И. Парфенова, М. В. Смирнова, М. П. Чечнева и другие асы. Части 4 ВА потеряли 110 самолетов (от всех видов оружия), при этом своими силами наша авиация уничтожила 98 самолетов противника. Все вышеизложенное позволяет утверждать, что характер боевой работы советской авиации существенным образом отличался от того как действовали наземные войска Красной армии. Эта борьба на равных с превосходящими силами противника не могла коренным образом изменить ход событий на земле, но она стала прологом к завоеванию советской авиацией господства в воздухе, которое стало неоспоримым в воздушных боях на Кубани.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1984. 560 с.

2. Вершинин К. А. Четвертая воздушная. М.: Воениздат, 1975. 374 с.

3. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. 424 с.

4. Дзадзиева Е. А. Мемориальное пространство Великой Отечественной войны как источник исторической памяти: 4-ая Воздушная армия // Известия СОИГСИ. 2017. №25 (64). С.100–113.

5. Карпович В. П. На «Ишаках» и «Мигах»! 16-й гвардейский в начале войны. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 448 с.

6. Кашин В. А., Киселев И. В. Советская авиация на завершающем этапе битвы за Кавказ (сентябрь – октябрь 1943 г.) // Битва за Кавказ (1942–1943): Время. События. Люди: сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны / ред. С. С. Зенгин, К. Б. Пуликовский, Р. З. Близняк [и др.]. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2017. С. 81–86.

7. Кушнерёв В. В. Советская авиация в обороне Кавказа (1942 год) // Культурная жизнь Юга России. 2013. №2 (49). С. 48–50.

8. Магид А. С. Гвардейский Таманский авиационный полк. М.: ДОСААФ, 1960. 288 с.

9. Матиев Т. Х. Роль авиации в Малгобекской оборонительной операции (сентябрь – октябрь 1942 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. Международные отношения. 2016. Т.21. № . С. 70–77.
10. ОБД Мемориал URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51171588& (Дата обращения 21.03.2019).
11. Покрышкин А. И. Небо войны. М.: Воениздат, 1966. 448 с.
12. Российский государственный военный архив. Ф. 500. Оп. 4. Д. 364.
13. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / под ред. С. И. Линца, А. А. Аникеева, Г. И. Кольги. Ставрополь – Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2018. 498 с.
14. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. URL: https://e-libra.ru/read/199784-marsh-na-kavkaz-bitva-za-neft-1942-1943-gg.html (Дата обращения 21.03.2019).
15. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616.
16. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 13.
17. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682527. Д.1.
18. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 22.
19. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 57.
20. ЦАМО, Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0017.
21. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053.
22. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004820. Д. 0046.
23. ЦАМО. Ф. 20156. Оп. 1. Д. 2.
24. ЦАМО. Ф. 22962, Оп. 0010011с., Д. 0008.
25. Януш С. В. Войсковые операции Советской армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь: Книжное издательство, 2005. 576 с.

References

1. Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuza 1941–1945: Kratkaya istoriya *(The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945: a Brief History).* Moscow: Voenizdat, 1984. 560 p. (In Russian)
2. Vershinin K. A. Chetvertaya vozdushnaya *(The Fourth Air Army)*. Moscow: Voenizdat. 1975. 374 p. (In Russian)
3. Grechko A. A. Bitva za Kavkaz *(The Battle for the Caucasus).* Moscow: Voenizdat. 1967. 424 p. (In Russian)
4. Dzadzieva E. A. Memorialnoe prostranstvo Velikoi Otechestvennoi voini kak istochnik istoricheskoi pamyati: 4 Vozdushnaya armiya *(Memorial Space of the Great Patriotic War as a Source of Historical Memory: 4th Air Army)* // Izvestiya SOIGSI. 2017. No 25 (64). P.100–113. (In Russian)
5. Karpovich V. P. Na «Ishakah» i «Migah» 16 gvardeiskii v nachale voini *(On the "Donkeys" and "Mig" 16th Guards at the Beginning of the War).* Moscow: Yauza, Eksmo. 2007. 448 p. (In Russian)
6. Kashin V. A., Kiselev I. V. Sovetskaya aviaciya na zavershayuschem etape bitvi za Kavkaz (sentyabr – oktyabr 1943 g.) *(Soviet Aviation at the Final Stage of the Battle for the Caucasus (September – October 1943)) // Bitva za Kavkaza (1942–1943):* Vremya. Sobitiya. Lyudi: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyaschennoi 75-letiyu so dnya osvobojdeniya Severnogo Kavkaza ot nemecko-fashistskih zahvatchikov v godi Velikoi Otechestvennoi voini. Krasnodar: Krasnodar state cultural institute, 2017. P.81-86. (In Russian)
7. Kushnerev V. V. Sovetskaya aviaciya v oborone Kavkaza (1942 god) *(Soviet Aviation in the Defense of the Caucasus (1942))* // Kulturnaya jizn Yuga Rossii. 2013. No (49). P. 48–50. (In Russian)
8. Magid A. S. Gvardeiskii Tamanskii aviacionnii polk *(Guards Taman Aviation Regiment).* Moscow: DOSAAF. 1960. 288 p. (In Russian)
9. Matiev T. H. Rol aviacii v Malgobekskoi oboronitelnoi operacii (sentyabr – oktyabr 1942 g.) *(The Role of Aviation in the Malgobek Defensive Operation (September – October 1942)* // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Mejdunarodnie otnosheniya. 2016. Vol. 21. No. 3. P. 70–77.
10. Obedinennaya baza dannih «Memorial» *("Memorial" Combined Database).* URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51171588& (Accessed: 21.03.2019). (In Russian)
11. Pokrishkin A. I. Nebo voini *(The Sky of the War)*. Moscow: Voenizdat, 1966. 448 p. (In Russian)
12. Russian State Military Archive. F. 500. Inv. 4. D. 364. (In Russian)
13. Stavropolskii krai v period Velikoi Otechestvennoi voini (1941–1945) *(Stavropol Krai during the Great Patriotic War (1941–1945).* Stavropol – Pyatigorsk: Pyatigorskii gosudarstvennii universitet. 2018. 498 p. (In Russian)
14. Tike V. Marsh na Kavkaz. Bitva za neft. 1942–1943 *(March to the Caucasus. Battle for Oil. 1942–1943)*. Moscow: Eksmo. 2005. 448 p. (In Russian)
15. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMD). F. 33. Inv. 682524. D. 616. (In Russian)
16. CAMD. F. 33. Inv. 682525. D. 13. (In Russian)
17. CAMD. F. 33. Inv. 682527. D.1. (In Russian)
18. CAMD. F. 33. Inv. 793756. D. 22. (In Russian)
19. CAMD. F. 33. Inv. 793756. D. 57. (In Russian)
20. CAMD. F. 319. Inv. 0004798. D. 0017. (In Russian)
21. CAMD. F. 319. Inv. 0004798. D. 0053. (In Russian)
22. CAMD. F. 319. Inv. 0004820. D. 0046. (In Russian)
23. CAMD. F. 20156. Inv. 1. D. 2. (In Russian)
24. CAMD. F. 22962. Inv. 0010011c. D. 0008. (In Russian)
25. Yanush S. V. Voiskovie operacii Sovetskoi armii v bitve za Kavkaz (1942–1943) *(Military Operations of the Soviet Army in the Battle for the Caucasus. 1942–1943)*. Stavropol: Knijnoe izdatelstvo. 2005. 576 p. (In Russian)

Сведения об авторе
Карташев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, руководитель центра изучения истории медицины и общественного здоровья, профессор кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и медицинской информатики Ставропольского государственного медицинского университета (Ставрополь) / andreyy_ kartashev@rambler.ru

Information about the author
Kartashev Andrey – Dr. of Historical Sciences, Dr. of Medical Sciences, Head of Center for the Study of History of Medicine and Public Health, Professor of Chair of Public Health, Health Service Organization and Medical Informatics at Stavropol State Medical University (Stavropol) / andreyy_ kartashev@rambler.ru

УДК 94(47).084.5

С. В. Кононенко

РАЗВИТИЕ АВИАЦИИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАНОВЛЕНИЯ ПАРАШЮТИЗМА В СССР В 1930-е ГОДЫ

Представленная статья посвящена исследованию процесса зарождения авиации в ведущих странах мира, включая нашу страну, в начале XX в., её качественному совершенствованию и количественному росту в период Первой мировой войны и в межвоенный период. В статье аргументированно доказана объективная необходимость внедрения в авиацию парашютов как надежного средства спасения пилотов. При этом обоснована необходимость изобретения принципиально нового средства спасения по сравнению с применяемыми в воздухоплавании, а именно – ранцевого парашюта. Особое внимание уделено в статье процессу превращения парашютов из средства спасения пилотов в боевое средство – средство выброски десантов. В статье приведены данные архивных материалов и периодической печати различных регионов Юга России, позволяющих проанализировать широкий спектр вопросов, связанных с развитием парашютизма в нашей стране в 1930-е гг. – от появления первых подразделений десантников, от организации Высшей парашютной школы до создания фактически нового рода войск – Воздушно-десантных войск, их широкого применения во время военных учений войск ряда военных округов, что было бы невозможно без развития массового парашютизма, чему способствовало создание обширной сети аэроклубов, парашютных станций и парашютных вышек. Огромную роль при этом сыграли Осоавиахим и комсомол, превратившие развитие авиационного спорта, включая парашютизм, в приоритетное направление своей деятельности. Проанализирован и вклад в развитие парашютизма таких южных регионов, как Кубань, Ставрополье, Адыгея, Кабардино-Балкария. При этом в статье подчеркнуто, что именно Россия является родиной возникновения авиации, изобретения ранцевого парашюта и создания Воздушно-десантных войск.

Ключевые слова: авиация, воздушный флот, Осоавиахим, комсомол, история авиации, вооруженные силы СССР.

S. V. Kononenko

AVIATION DEVELOPMENT AS ONE OF THE FACTORS IN THE FORMATION OF PARAUTUTISM IN THE USSR IN THE 1930s

The study analyzes the origin of aviation in the leading countries of the world, including Russia, at the beginning of the 20th century, its qualitative improvement and quantitative growth during the First World War and in the interwar period. The article convincingly proves the objective necessity of introducing parachutes into aviation as a reliable means of saving pilots. At the same time, the necessity of the invention of a fundamentally new means of salvation is justified in comparison with those used in aeronautics, namely, a backpack parachute. The article features the analysis of their use at the final stage of the First World War, from which it follows that the Russian parachutes were much more reliable than the French ones, the latter were in large numbers in service with the Russian army. Special attention is paid to the process of converting parachutes from a means of rescuing pilots into a combat means, a means of dropping airborne troops. The article presents data of archival materials and periodicals of various regions in the south of Russia, which allow to analyze a wide range of issues related to the development of parachuting in the country in the 1930s: from the emergence of the first paratroopers and organization of the All-Union Parachute Center to the establishment of an actual military branch – Airborne troops. The latter were widely used during military exercises of the troops in a number of military districts, which would have been impossible without the development of mass parachutism facilitated by an extensive network of aeroclubs, parachute and parachute stations towers. Osoaviakhim and Komsomol played a huge role as they turned the development of aviation sports, including parachuting, into a priority area of their activities. The study analyzes the contribution of such southern regions as the Kuban, Stavropol, Adygea, Kabardino-Balkaria to the development of parachutism. The article emphasizes that it is Russia that is the birthplace of aviation, the invention of a backpack parachute and the creation of the Airborne Forces.

Key words: air fleet, Osoaviakhim, Komsomol, history of aviation, USSR armed forces.

На становление советского парашютизма существенное влияние оказал ряд социально-политических, экономических и военно-технических факторов. Без такого военно-технического фактора, как возникновение и развитие авиации, парашютизм так и остался бы на уровне периода воздухоплавания, то есть о появлении Воздушно-десантных войск невозможно было бы вести речь. В свою очередь без развития парашютизма можно было бы забыть о развитии авиации,

появлении и совершенствовании космонавтики. В этой связи освещение истории и одной, и другой отрасли без учета фактора взаимозависимости не будет продуктивным.

Целью данной статьи является изучение развития парашютизма в контексте эволюции советской авиации в 1930-е гг. Кроме того, необходимо связать поднимаемую проблему с общим историческим контекстом и изменениями в стране. Именно в условиях форсированной индустриализации в СССР была основана авиационная промышленность.

Проблема актуализируется недостаточной разработанностью в науке. В историографии тема представлено только контекстно, комплексного исследования пока не подготовлено. Встречаются отдельные работы о развитии авиации, об истории Воздушно-десантных войск, в предложенной формулировке проблема не освещалась [5; 6; 12; 13; 25]. Важно отметить, что научная разработка истории парашютизма существенно расширяет исторические знания о состоянии вооруженным сил СССР накануне Великой Отечественной войны.

В целом, одной из общих предпосылок парашютизма в России и мире стало несовершенство первых самолетов и как следствие – жертвы среди пилотов. Например, данное обстоятельство вызвало к жизни ранцевый парашют, изобретателем которого является наш соотечественник Г. Е. Котельников. 9 ноября 1911 г. он подал заявку на патент. Вскоре ему было выдано свидетельство на изобретенный им «спасательный ранец для авиаторов с автоматически выбрасываемым парашютом». Сообщение об этом было напечатано в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» за 1911 г., №52. Свою первую модель ранцевого парашюта Котельников назвал РК-1, что означало «Русский, Котельникова, первая модель» [8, с.11]. В Советском Союзе впервые применил парашют для спасения своей жизни выдающийся летчик М. М. Громов в 1927 г. во время испытания нового самолета. Машина была введена М. М. Громовым в штопор, сделала несколько витков, после чего самолет потерял управляемость и вывести его из штопора не представлялось возможным. Катастрофа была неминуема, и в этой ситуации пилот воспользовался парашютом, спасшим ему жизнь. Вскоре вслед за М. М. Громовым с помощью парашюта спаслись летчики Писаренко и Бухгольц, после чего он стал обязательной принадлежностью каждого советского летчика [14, с. 50]. Таким образом, к началу 1930-х гг. в СССР был технический опыт для последующего развития парашютизма, и для военных специалистов было очевидно, что данное средство существенно повышает шансы на спасение жизни летчика в критической ситуации.

Следует отметить, что первые прыжки вызвали огромный интерес к парашютному делу, в том числе среди молодежи. IX съезд комсомола (январь 1931 г.) принял решение об организации шефства над Воздушным флотом страны и выдвинул лозунг «Комсомолец, на самолет!». Фактически это был призыв к молодежи овладевать и парашютным делом.

История Воздушно-десантных войск своими корнями уходит в 1930-е гг., когда 2 августа 1930 г. под Воронежем, на учениях Московского военного округа, был выброшен первый воздушный десант всего из 12 человек, хотя ряд исследователей доказывают, что первый десант на самом деле был выброшен не 2 августа, а 12 августа [9, с. 20].

Этому событию предшествовало другое событие, произошедшее за неделю до первого десанта – 26 июля под тем же Воронежем. Тогда под руководством военного летчика Л.Г. Минова состоялись первые в стране учебные парашютные прыжки с самолета, положившие начало зарождению в Советском Союзе парашютизма, а 26 июля в память о первых парашютных прыжках и сегодня отмечается как день парашютиста.

Надо отметить, что стремительный подъем авиационной отрасли был основан на достижениях предшествующего периода. После окончания Гражданской войны с 1921 по 1926 гг. Воздушный флот Красной Армии увеличился по количеству самолетов в 4 раза. В дальнейшем производство самолетов только наращивалось. При этом повышались все летные характеристики самолетов. Так, в период с 1927 по 1934 гг. высота полета отечественных самолетов увеличилась на 153%, скорость – на 165%, дальность полета – на 273%, а грузоподъемность самолетов – на 1.200%. Все это позволило И.В. Сталину сделать на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. в докладе об итогах первой пятилетки следующий вывод: «У нас не было авиационной промышленности, у нас она есть теперь» [23, л. 10, 9, 10].

Идея применить спасательный парашют как боевое средство для выброски воздушных десантов зародилось в начале 1930-х гг. С этого момента парашютизм стал одним из приоритетных направлений развития вооруженных сил страны. Вскоре начали формироваться первые воздушные десантные части, которые необходимо было обеспечивать квалифицированными кадрами. За решение этой задачи взялись Осоавиахим и ВЛКСМ и буквально за считанные годы страна покрылась сетью аэроклубов, парашютных станций и парашютных вышек, давших стране сотни тысяч парашютистов.

Первые годы ушли на создание парашютного актива, на подготовку инструкторов парашютного спорта. И только в 1933 г. был создан первый Осоавиахимовский кружок, за которым возникли десятки новых кружков, и через которые к развитию парашютизма была привлечена широкая общественность страны и, прежде всего, молодежь. К концу 1933 г. было выпущено уже 1.200 парашютистов.

Ряд решений ЦК ВКП(б), а также Центрального Совета Осоавиахима и ЦК ВЛКСМ [10, с. 36–39] привели к бурному развитию парашютизма в нашей стране в середине 1930-х гг. Огромную роль в развитии парашютизма сыграли создаваемые с 1933–1934 гг. аэроклубы. В 1934 гг. с самолета прыгнуло уже 4.500 человек. В Москве создает-

ся Высшая парашютная школа, которая готовит инструкторов парашютного спорта. В стране разворачивается широкая сеть парашютных станций и кружков. Строятся сотни парашютных вышек. Они возникают не только в городах, но и в крупных колхозах и совхозах. Всего за один только 1935 г. с вышек прыгнуло 800.000 человек [20, с. 4].

Успехи в развитии массового парашютизма неизбежно должны были привести и вскоре привели к созданию первых подразделений десантников и к применению массовых воздушных десантов при проведении войсковых учений. Так, если в 1931 г. в Ленинградском военном округе был сформирован первый «отдельный отряд №3» численностью 146 десантников, то к концу 1933 г. в ВВС насчитывалось 8 отдельных десантных батальонов и одна бригада общей численностью около 8 000 человек. В последующие предвоенные годы организационная структура ВДВ совершенствовалась, а численность этих войск непрерывно увеличивалась. Если первый десант на учениях Московского военного округа в августе 1930 г. был выброшен в количестве 12 человек, то на учениях Киевского военного округа в сентябре 1935 г. был выброшен десант численностью почти 1.200 человек, который, «захватив» аэродром, обеспечил высадку посадочным способом еще 1765 человек с оружием и боевой техникой. В 1936 г. были проведены еще более масштабные учения с выброской воздушного десанта большой численности: в Белорусском военном округе с парашютами было выброшено 1800 человек, в Московском военном округе 2000 человек [9, с. 126, 158, 172, 180]. На учениях присутствовали иностранные военные наблюдатели, на которых применение такого десанта произвело огромное впечатление.

Вышеописанная тенденция активного развития авиации и парашютизма имела конкретное региональное выражение. Опыт Ставрополья и Кубани также демонстрирует повышенный интерес властей и общества к парашютизму. В феврале 1934 года возник аэроклуб в Краснодаре, в котором в 1935 г. было подготовлено 9 парашютистов, произведено 16 прыжков с самолета, а на 1936 г. была поставлена задача подготовить 250 парашютистов [19, с. 3].

16 июля 1937 года впервые с самолета на армавирском аэродроме прыгнули курсанты парашютной школы армавирского райсовета Осоавиахима. Прыжки с самолета сделали Черкасов и Евдокимов (консервный завод), Иванов и Васильев (ватная фабрика), Литвинов (артель «Красное солнце»), Руденко Дуся (студентка плодоовощного техникума), Раиса Адамайтис (швейтруд), Коногоров (артель пищепродукт), который и стал первым парашютистом в Армавире. Под руководством инструктора парашютного спорта Гошко к прыжкам с парашютом готовилось еще 30 человек [22, с. 4].

Летом 1934 г. был открыт аэроклуб и в Нальчике, среди первых выпускников которого были и девушки. Одной из первых выпускниц аэроклуба была Аня Маремукова. По окончании аэроклуба она осталась работать в нем инструктором по прыжкам с парашютом и за время своей работы подготовила не один десяток парашютисток. После возведения в Нальчике парашютной вышки увлечение прыжками стало едва ли не повальным и на начало 1937 г. в Кабардино-Балкарии уже было 165 профессиональных парашютистов. Летную стезю избрала для себя и первая летчица-горянка Леля Дышекова [26].

Достаточно активная работа на Кубани по подготовке летчиков и развитию парашютизма проходила в Адыгее. К счастью, в Национальном архиве Республике Адыгея (НАРА) сохранился фонд Р-250, содержащий архивные документы Адыгейского областного аэроклуба им. М. М. Громова, которые позволяют досконально изучить механизм работы как партийных и советских исполнительных органов власти, так и непосредственных организаторов авиационной работы, включая развитие парашютного дела, то есть Осоавиахимовских структур и руководителей аэроклуба.

17 августа 1933 г. Президиум Северо-Кавказского крайисполкома и Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) (в Северо-Кавказский край тогда входила и Адыгейская автономная область) принял решение о создании аэроклуба им. Героя Советского Союза М. М. Громова в г. Майкопе, который уже на следующий год должен был подготовить 410 различных специалистов в области авиации, в том числе 50 парашютистов [16, л. 53].

Во исполнение принятого решения 12 ноября 1933 г. состоялось заседание районного комитета содействия развитию гражданской авиации и организации аэроклуба при Майкопском райисполкоме. На заседании отмечалось, что на создание и приобретение материальной части аэроклуба потребуются «громадные денежные средства, ориентировочно – 225–250 тысяч руб.», а поэтому было рекомендовано всем хозяйственным, кооперативным и другим организациям и учреждениям вступить в юридические члены аэроклуба. 20 ноября 1933 г. в помещении Дома обороны было созвано совещание руководителей организаций и учреждений, на котором обсуждался вопрос об организации аэроклуба и вступлении в юридические члены.

Аэроклуб в Майкопе успешно готовил без отрыва от производства пилотов, среди которых было 5 человек адыгейцев, получивших право на самостоятельные полеты: Совмен Рамазан, Гучетль Ахмед, Ташу Хачмиз, Аутлев Хамид, Абреч Мадин [10, с. 4]. Все они имели и парашютную подготовку.

При аэроклубе была создана парашютная станция, в состав которой входила парашютная вышка высотой 27 метров, 9 различных парашютов (тренировочные, десантные, для летчиков, для наблюдателей, учебные), стол для укладки и шкаф для хранения парашютов, парашютные качели, макет кабины самолета У-2, класс для занятий, зал для укладки, укладочные принадлежности. Имелся также аэродром для совершения прыжков, дежурная автомашина и врач для медицинского обеспечения прыжков [18, л. 60].

В 1938 г. Центральный Совет Осоавиахима из-за большого количества катастроф с гибелью людей признал состояние парашютной работы в аэроклубах страны неудовлетворительным. Парашютное хозяйство многих станций было запущено, подготовка парашютистов с вышек вышла из руководства аэроклубов и была предоставлена паркам и предприятиям. Центральный Совет потребовал в своем постановлении навести порядок в использовании парашютных вышек, возложить руководство их работой на аэроклубы и райсоветы Осоавиахима, на территории которых они расположены. Начальникам аэроклубов было предоставлено право утверждать открытие и закрытие (пришедших в негодность) парашютных вышек, принадлежащих кому бы то ни было [18, л. 34].

Выполняя это постановление, начальник Майкопского аэроклуба капитан Тишкевич, командир парашютного отряда Савенков, вместе с руководителями райсовета Осоавиахима и представителя райкома ВЛКСМ обследовали парашютные вышки Адыгеи и признали некоторые непригодными к эксплуатации. В частности, парашютная вышка, принадлежащая лесокомбинату ст. Апшеронская, имела такие дефекты, которые не обеспечивали безопасность парашютных прыжков. Их перечень был указан в акте от 23 августа 1939 г. [17, л. 29], а вышка была закрыта до устранения всех дефектов.

Майкопский аэроклуб только в 1939 г. подготовил: перворазников-парашютистов – 163 человека, спортсменов-парашютистов – 11, инструкторов парашютного спорта второй категории – 2. В 1939 г. парашютная станция работала без единого происшествия и завоевала переходящее Красное Знамя по аэроклубу, выполнив задание по подготовке парашютистов на 125% [18, л. 23].

В целом аэроклуб в Майкопе сыграл важную роль в деле подготовки для страны авиационных кадров. К началу Великой Отечественной войны он подготовил более 600 летчиков и 300 парашютистов. Все они за проявленное мужество и отвагу в боях против немецко-фашистских захватчиков были награждены орденами и медалями, а четыре человека – А. И. Макаренко, А. К. Шевкунов, Д. В. Зюзин и М. К. Нагулян – были удостоены звания Героев Советского Союза [24].

К сожалению, у нас нет документов, подтверждающих, что в работе Осоавиахимовских организаций Ставрополья одним из приоритетных направлений работы было бурное развитие авиационной работы, включая парашютизм. Так, в материалах об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими захватчиками обществам Осоавиахима Ставрополья, нет ничего, что говорило бы о нанесении ущерба авиации, в том числе и парашютному делу. В частности, в акте от 29.06.1943 г. указано, что фашисты нанесли обществам Осоавиахима региона ущерб на общую сумму 792 200 рублей. И далее перечисляется то имущество, что было разрушено, уничтожено или расхищено: 23 миномета, 2 000 клинков казачьих, 1000 противогазов и т.д. [4, л. 2, 2об.].

В принципе, это подтверждают и ряд рапортов местного Осоавиахима Ставропольскому (с 1935 г. – Ворошиловскому) райкому ВКП(б), райисполкому и редакции газеты «Власть Советов». Так, в рапорте к 15-й годовщине Красной Армии в числе достижений райсовета Осоавиахима значатся вскрытие ряда ям со 102 ц. кулацкого хлеба, заготовка 50 ц. семян, организация 4 образцовых военизированных конюшен на 150 лошадей и очищение от грызунов и сусликов 150 000 кв.м полей [1, с. 1].

К 17-й годовщине Красной Армии в числе «больших достижений» райсовета Осоавиахима значится завершение военно-политической подготовки допризывников, рожденных в 1913 г.; ликвидация среди них неграмотности, 25,1% членов Осоавиахима стали Ворошиловскими стрелками 1-й ступени, 45,3% – значкистами ГТО 1-й ступени [22, с. 3].

Факт слабого развития авиационной работы признавали и местные власти. Так, в передовой статье ко Дню Авиации в 1935 г. редакция газеты отмечала: «Ворошиловский район День Авиации встречает с неудовлетворительными показателями. Сделано очень мало …необходимо все внимание заострить на оживлении работы аэроклуба, … организации парашютной станции… Ворошиловский район должен иметь своих летчиков, парашютистов, свои аэродромы и посадочные площадки!» [2, с. 1].

После «заострения внимания» действительно дело сдвинулось. Как отмечалось в одной заметке, «после бесконечных отодвиганий сроков строительства парашютной вышки, – вышка выстроена. В силу недостаточности средств, пришлось ограничиться на первый раз высотой вышки в 23 м» [27, с. 4]. Правда, вместо запланированного открытия вышки в День Авиации это произошло почти на неделю позже – 24 августа. О том, что этого события в городе давно ждали, говорит тот факт, что к 5 сентября с парашютной вышки был совершен 371 прыжок с парашютом. При парашютной вышке Осоавиахим открыл выставку парашютного дела, которую только за первый день посетило около тысячи человек [15, с. 3].

Но прошел еще почти год, пока газета не сообщила: «В Ворошиловске впервые начала функционировать парашютная вышка, ставящая целью подготовить парашютистов 1-й ступени. Райсовет Осоавиахима начал заключение договоров с предприятиями, учреждениями и учебными заведениями на подготовку парашютистов» [11, с. 4].

В то же время до крупных успехов в области развития авиационных видов спорта, включая парашютный, было далеко. Такой вывод напрашивается, когда знакомишься с отчетом о работе Орджоникидзевского крайкома профсоюза МТС за время работы с 17.09.1937 г. по 13.11.1939 г., в котором было указано: значкистов ГТО за отчетный период подготовлено 589 человек, летчиков – 3 чел., парашютистов – 8 чел. [3, л. 43–44]. Все-таки для краевого профсоюза, причем объединявшего в техническом отношении наиболее подготовленную часть трудящихся, это явно не-

значительное количество авиационных спортсменов. Тем не менее, и Ставрополье не оказалось в стороне от развития парашютизма.

Таким образом, 1930-е гг. стали периодом прорыва в развитии отечественного парашютизма, что было следствием успехов в авиационном деле. Имеющийся технический опыт предшествующего периода получил развитие как в центре, так и на местах. В частности, на Ставрополье и Кубани основывались аэроклубы, которые были призваны готовить специалистов в сфере авиации, главным образом, летчиков и парашютистов. Приметой времени стало активное привлечение к обучению девушек, в том числе и представительниц местных кавказских народов. Сравнительный анализ показал, что Ставрополье имело успехи в авиационной подготовке, но от Кубани и ряда других регионов Юга России отставало.

Источники и литература

1. Власть Советов. 1933. 23 февраля.
2. Власть Советов. 1935. 18 августа.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф.Р-1016. Оп.1. Д.138.
4. Государственный архив Ставропольского края. Ф.Р-1931. Оп.1. Д.200.
5. Карташев А.В. История подготовки военных авиаспециалистов в России: 1910–1991: дисс. …докт. ист. наук. Пятигорск: ПГГТУ, 2012. 612 с.
6. Келдыш М. В., Свищев Г. П., Христианович С. А. и др. Авиация в России: справочник. Изд.2-е, перераб. и доп. М.: Машиностроение, 1988. 368 с.
7. Кононенко С. В. Парашютизм в СССР: от зарождения к развитию в первой половине 1930-х гг. // Вестник Екатерининского института. 2017. №2. С.36–39.
8. Корзинкин П. Советский парашютный спорт. М.: ДОСААФ, 1958. 37 с.
9. Котельников В. Р. Красный десант: советские воздушно-десантные войска в предвоенный период. 1930–1941. М.: Русские Витязи, 2014; 200 с.
10. Красное Знамя. 1937. 29 августа.
11. Лисоткин. Парашютный спорт // Власть Советов. 1936. 24 июня.
12. Малахов Д. Н. Боевое применение советской авиации в локальный войнах и военных конфликтах в 30-е годы XX века // Ярославский педагогический вестник. 2009. №.3. С. 218–223.
13. Малахов Д. Н. Организационное строительство ВВС РККА накануне Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2010. №2. С.71–75.
14. Минов Л. Овладей парашютом. Краткая история парашютизма. М.: ОГИЗ Молодая Гвардия, 1934. 48 с.
15. На парашютной вышке // Власть Советов.1935. 5 сентября.
16. Национальный архив республики Адыгея (далее – НАРА). Ф.Р-250. Оп. 1. Д. 2.
17. НАРА. Ф.Р-250. Оп. 1. Д. 49.
18. НАРА. Ф.Р-250. Оп. 1. Д. 63.
19. Наш аэроклуб // Красное знамя. 1936. 18 августа.
20. Немного истории // Правда. 1936. 14 октября.
21. Новый. Прыжки с парашютом // Армавирская коммуна. 1937. 21 июля.
22. Осоавиахим рапортует// Власть Советов. 1935. 23 февраля.
23. Российский государственный военный архив. Ф.29. Оп. 26. Д. 206.
24. Слажнева Е. Есть одна у них мечта – высота // Майкопские новости. 2015. 27 июля.
25. Соболев Д. А., Хазанов Д. Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. М.: «Русское авиационное акционерное общество» (РУСАВИА), 2000. 336 с.
26. Черкесов И. Горянки в небе // Горянка (Нальчик). 2012. 19 сентября.
27. Ястржембский. Парашютная вышка готова // Власть Советов. 1935. 15 августа.

References

1. Vlast' Sovetov. 1933. February 23. (In Russian).
2. Vlast' Sovetov. 1935. August 18. (In Russian).
3. State archive of recent history of Stavropol region. F.R-1016. Inv.1. D.138. (In Russian).
4. State archive of Stavropol region. F.R-1931. Inv.1. D.200. (In Russian).
5. Kartashev A. V. Istoriya podgotovki voennykh aviaspetsialistov v Rossii: 1910–1991 *(History of Military Aviation Specialists Training in Russia: 1910–1991):* thesis. Pyatigorsk: PSHTU publ., 2012. 612 p. (In Russian).
6. Keldysh M. V., Svishchev G. P., Khristianovich S. A. i dr. Aviatsiya v Rossii *(Aviation in Russia)*. Moscow: Mashinostroenie, 1988. 368 p. (In Russian).
7. Kononenko S. V. Parashyutizm v SSSR: ot zarozhdeniya k razvitiyu v pervoy polovine 1930-kh gg. *(Parachuting in the USSR: From Birth to Development in the First Half of the 1930s)* // Vestnik Ekaterininskogo instituta. 2017. No. 2. P. 36–39. (In Russian).
8. Korzinkin P. Sovetskiy parashyutnyy sport *(Soviet Parachuting)*. Moscow: DOSAAF publ., 1958. 37 p. (In Russian).
9. Kotel'nikov V. R. Krasnyy desant: sovetskie vozdushno-desantnye voyska v predvoennyy period. 1930–1941 *(Red Airborne: Soviet Airborne Troops in the Prewar Period. 1930–1941)*. Moscow: Russkie Vityazi, 2014; 200 p. (In Russian)
10. Krasnoe Znamya. 1937. August 29. (In Russian).
11. Lisotkin. Parashyutnyy sport (Parachuting) // Vlast' Sovetov. 1936. June 24. (In Russian).

12. Malahov D. N. Boevoe primenenie sovetskoj aviacii v lokal'nyj vojnah i voennyh konfliktah v 30-e gody XX veka *(Combat use of Soviet aviation in local wars and military conflicts in the 30s of the twentieth century)* // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2009. No.3. P. 218–223 (In Russian).
13. Malahov D. N. Organizacionnoe stroitel'stvo VVS RKKA nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny *(Organizational construction of the Red Army Air Force on the eve of World War II)* // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. No.2. P. 71–75. (In Russian).
14. Minov L. Ovladey parashyutom. Kratkaya istoriya parashyutizma *(Master the Parachute. A Brief History of Parachuting).* Moscow: OGIZ Molodaya Gvardiya, 1934. 48 p. (In Russian).
15. Na parashyutnoy vyshke *(On a Parachute Tower)* // Vlast' Sovetov.1935. September 5. (In Russian).
16. National archive of Republic of Adygea (NARA). F.R-250. Inv. 1. D. 2. (In Russian)
17. NARA. F.R-250. Inv. 1. D. 49. (In Russian).
18. NARA. F.R-250. Inv. 1. D. 63. (In Russian).
19. Nash aeroklub *(Our Flying Club)* // Krasnoe znamya. 1936. August 18. (In Russian).
20. Nemnogo istorii *(A Bit of History)* // Pravda. 1936. October 14. (In Russian)..
21. Novyy. Pryzhki s parashyutom *(New. Skydiving)* // Armavirskaya kommuna. 1937. July 21. (In Russian).
22. Osoaviakhim raportuet *(Osoaviakhim reports)* // Vlast' Sovetov. 1935. February 23. (In Russian).
23. Russian state military archive. F.29. Inv. 26. D. 206. (In Russian).
24. Slazhneva E. Est' odna u nikh mechta – vysota *(They Have One Dream – Height)* // Maykopskie novosti. 2015. July 27. (In Russian).
25. Sobolev D. A., Hazanov D. B. Nemeckij sled v istorii otechestvennoj aviacii *(German mark in the history of domestic aviation).* Moscow: RUSAVIA publ., 2000. 336 p. (In Russian).
26. Cherkesov I. Goryanki v nebe *(Goryanka in the Sky)* // Goryanka (Nal'chik). 2012. September 19. (In Russian).
27. Yastrzhembskiy. Parashyutnaya vyshka gotova *(Parachute Tower is Ready)* // Vlast' Sovetov. 1935. August 15. (In Russian).

Сведения об авторе
Кононенко Сергей Викторович – преподаватель кафедры тактики и общевоенных дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова (Краснодар) / migis-107@mail.ru

Information about the author
Kononenko Sergey – teacher, Chair of tactic and general military disciplines, Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov (Krasnodar) / migis-107@mail.ru

УДК 94(47)

О. В. Клевцова

ВКЛАД ЦЕРКВИ В ОРГАНИЗАЦИЮ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ЕПАРХИИ)

На современном этапе российское общество вновь столкнулось с проблемой увеличения числа людей, зависимых от алкоголя. В истории было много примеров проведения антиалкогольных компаний. Современное общество привлекает различные методы воздействия. Это и наглядная пропаганда, и популяризация спорта, здорового образа жизни, и беседы среди молодежи, и запреты на законодательном уровне.

Данная статья посвящена изучению отношения русской православной церкви к проблеме пьянства. В статье анализируется законодательная система конца XIX – начала XX вв. в деле борьбы с распространением алкогольной зависимости. Автор изучает деятельность «обществ трезвости», домов трудолюбия. В ходе исследования был проанализирован опыт работы Александро-Невского общества трезвости города Санкт-Петербурга.

В статье приведен опыт педагога-новатора и ярого борца с алкоголем С. А. Рачинского, его методика борьбы с пьянством среди молодежи. Автор подчеркивает, что борьба с пьянством была совместной. Правительство со Священным Синодом с 1911 г. проводит всероссийский день трезвости, вводит запрет на употребление спиртного, определяет нормы продажи. В процессе исследования были проанализированы различные методы борьбы с алкоголем. Изучается отношение прихожан к проблеме пьянства.

Новизна исследования состоит в том, что в статье особое внимание уделяется ситуации в Орловской губернии. Через анализ позиции Орловской епископа Серафим (Чичагов), отдельных приходских священников к антиалкогольной борьбе стало возможным более глубже изучить ситуацию в провинции. В ходе работы над статьей автор пришел к выводу, что церковь предъявляла особые жесткие требования к священнослужителям, которые своим правильным примером должны были убеждать народ отказаться от алкоголя. После оформления запрета на пьянство на законодательном уровне, церковь взяла на себя задачу – бороться с тайными и незаконными продажами алкоголя и любой ценой отвлечь народ от употребления водки.

Ключевые слова: алкоголизм, борьба с пьянством, дома трудолюбия, общество трезвости, Орловская епархия.

O. V. Klevtsova

THE CONTRIBUTION OF THE CHURCH TO THE ORGANIZATION OF ANTI-ALCOHOL POLICY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (BY THE EXAMPLE OF THE OREL DIOCESE)

At the present stage, Russian society has again faced the problem of increasing the number of people dependent on alcohol. There have been many examples of anti-alcohol companies throughout the history. Modern society uses different methods of influence. These are visual propaganda, promotion of sports, a healthy lifestyle, conversations among young people and bans at the legislative level.

The article studies of the attitude of the Russian Orthodox Church to the problem of drunkenness. The article analyzes the legislative system of the late XIX – early XX centuries in the fight against the spread of alcohol dependence. The author studies the activity of “sobriety societies” and the houses of diligence. The study analyzes the experience of the Alexander Nevsky sobriety society in St. Petersburg.

The article presents the experience of the teacher-innovator and an ardent fighter against alcohol S. Rachinsky, his method of extirpating drunkenness among young people. The author emphasizes that the fight against drunkenness was a joint action. The government with the Holy Synod since 1911 holds the all-Russian day of sobriety, introduces a ban on the use of alcohol, determines the norms of sale. Different methods of anti-alcohol actions are analyzed. The attitude of parishioners to the problem of drunkenness is analyzed.

The novelty of the study is that the article focuses on the situation in the Orel province. Through the analysis of the position of the Orel Bishop Seraphim (Chichagov), some parish priests to the anti-alcohol struggle, it became possible to study the situation in the province more deeply. In the course of work on the article, the author concludes that the Church imposed special strict requirements on the clergy, who by their right example had to convince the people to give up drinking alcohol. After registration of the ban on drunkenness at the legislative level, the Church took on the task to fight the secret and illegal sales of alcohol and at any cost to distract people from the use of vodka.

Key words: alcohol addiction, fight against alcoholism, houses of diligence, society of sobriety, Orel diocese.

Проблема алкоголизма в России в конце XIX – начале XX в. имела большой размах. Как справедливо заметил великий русский педагог С. А. Рачинский (1833–1902 гг.): «Пьянство в России приняло размеры, опасные для общества, для государства, для Церкви. Колоссальные опыты на Западе доказали, что единственное действенное орудие против этого зла – абсолютная трезвость» [7, с. 27–35].

И хотя с этой проблемой столкнулась не только наша страна, но и ведущие европейские государства, народ прекрасно понимал, что борьбу с недугом начинать надо сообща, с каждого отдельного человека. Самый большой процент подверженных алкогольной зависимости приходился на крестьянское сословие.

Священный Синод определил основные причины пьянства. Среди главных факторов можно выделить: невежество и темнота народа; пример старших (начальствующих лиц, духовных наставников, народных деятелей); нормы поведения («пить водку допьяна не позорно и не преступно»); отсутствие доступных бедным людям развлечений; не желание стремиться к лучшему, к умственному просвещению [11, с. 128].

Церковь всегда занимала активную позицию в борьбе с общенародным недугом. В 50-х гг. XIX в. Священный Синод благословлял священников воспитывать народ на своем собственном примере, с помощью проповеди «о пользе воздержания» [12, с. 125].

Еще в 1858 г. в России создаются первые общества трезвости. Они были основаны на принципе добровольности и исполнения обета трезвости. Но инициатива вскоре сошла на нет [6, с. 63].

Одним из крупнейших обществ трезвости являлось Александро-Невское в Санкт-Петербурге. Оно было основано в 1898 г. на базе Общества распространения религиозно-нравственного просвещения при храме Воскресения Христова. Основной методикой борьбы с пьянством Александро-Невского общества было убеждение пьющих дать обещание воздержаться от употребления спиртных напитков. Это обещание давалось публично, во время богослужения. За первые 10 лет существования было дано 598 000 трезвенных обещаний и проведено более 11 650 бесед и поучений с прихожанами [1].

От этого недуга страдало не только старшее поколение. Современники указывали на то, что к спиртному приобщались и дети. Рачинский являлся не только новатором в педагогике, но и активным борцом за трезвость. Организуя работу школ в селе Татаево Бельского уезда Смоленской губернии, С. А. Рачинский столкнулся со страшной проблемой. «С самого начала моей школьной работы, я не мог не обратить внимания на вопиющее зло, причиняемое моим ученикам постоянным усилением пьянства в крестьянской среде... Для меня стало очевидным, что для ограждения моих учеников от окружающего зла нужны средства более сильные, чем простые увещевания и поучительные речи. И единственное средство, которое я мог придумать, было устройство в тесном кругу моих учеников (из коих многие в то время были уже взрослые) общество трезвости, т. е. абсолютного воздержания от спиртных напитков» [7, с. 65].

В конце XIX – начале XX вв. в стране повсеместно стали организовываться общества трезвости. Активную просветительскую работу о вреде пьянства в нашей стране проводил доктор Н. И. Григорьев, член Санкт-Петербургского Общества Трезвости, Почетный член Лондонского общества изучения пьянства. По его инициативе с 1 сентября 1894 г. в России стал выходить в свет первый ежемесячный журнал «Вестник трезвости». В нем печатались правительственные распоряжения о торговле, употреблении спиртных напитков, рассказывалось о деятельности отдельных Обществ трезвости, познавательные статьи о вреде пьянства и его последствиях, приводились рассказы, повести и стихи нравственного и исторического содержания.

Журнал «Вестник трезвости» был допущен к печати особым отделом ученого комитета Министерства народного просвещения и рекомендован для учительских библиотек, семинарий и институтов, для бесплатных библиотек и читален, а также для народных чтений.

В июле 1909 г. Священный Синод разработал меры в борьбе с пьянством:

– устраивать общества трезвости по образцу Александро-Невского в Санкт-Петербурге;

– привлекать к борьбе с пьянством церковно-приходские попечительства, церковные братства и приходские советы;

– усилить живую проповедь о вреде пьянства;

– восстановить вечернее богослужение, где таковых нет, с чтением акафистов Божией Матери и с общественным пением;

– устраивать религиозно-нравственные чтения с помощью волшебного фонаря;

– правлением семинарии необходимо проводить подготовку воспитанников к борьбе с пьянством.

Священный Синод особое внимание уделял образу жизни священнослужителей. «Можно ли ожидать действенного, проникающего сердца человеческого, внушительного слова против пьянства от такого пастыря, который отличается невоздержанием и дозволяет себе в присутствие своих прихожан… излишнее употребление спиртных напитков…» [12, с. 125].

Так, например, священник Тверской епархии Иоанн Белюстин среди причин распространенного в духовной среде порока пьянства указывал следующие: брак «не по взаимному сердечному влечению» и запрет на второй брак. Часто священник «принимается за чарку – сначала, чтобы заглушить горе, а потом чарка делается для него потребностью и обращается в страсть». Часто к употреблению спиртного подталкивали и сами прихожане, так как «при обходе почти в каждом доме священнику и его спутникам подавали рюмочку» [20, с. 18].

Именно поэтому, в первую очередь необходимо было искоренить недуг в духовной среде, там, где встречались такие случаи.

С помощью исповеди священнослужитель может побороть тягу к алкоголю. Подверженные алкоголизму не выносят никаких внушений со стороны родственников. Эти беседы вызывают только гнев. Именно во время исповеди «священник должен обращать особое исключительное внимание на пьяниц» [12, с. 125]. Очень часто причиной пьянства служат семейные раздоры, священник должен дать правильный совет, помочь в проблеме.

Большую роль в просвещении о вреде алкоголя играла народная школа. «Задача каждой школы – приготовить и воспитать здоровое поколение». Церковь считала, что свободная от наук молодежь может заполнить «умственную и нравственную пустоту… спиртными напитками».

Пастырь должен «раскрыть перед детьми все безобразие и гибельность «зеленого змия». По окончанию школы, после таких бесед, дети попытаются сохранить заветы своего духовного отца и смогут избежать такой пагубной привычки.

Правительство совместно с церковью вело борьбу с пьянством на законодательный уровень. 11 сентября 1911 г. православные христиане вспоминают Усекновение главы святого Иоанна Предтечи. Он был обезглавлен по приказу царя Ирода во время пьяного пира. В этот день христиане постились и повсеместно закрывались питийные заведения и винные лавки. Именно в этот торжественный день петербуржское Александро-Невское общество трезвости проводило всероссийскую компанию в поддержку законопроекта о мерах борьбы с пьянством, подготовленным III Государственной Думой. В соответствие с данным законопроектом правом на запрет продажи алкоголя теперь наделялись волостные, сельские сходы, городская дума и другие органы местной власти. Впервые в истории правом голосовать за принятие ограничений в продажи спиртного наравне с домохозяевами получили жены и матери. Они были более заинтересованы в ограничении пьянства.

Вводился запрет на продажу алкоголя в субботние и предпраздничные дни после 14.00 часов. Полный запрет на продажу алкоголя вводился в воскресные и праздничные дни. Теперь определялось расположение мест продажи спиртного. В столичных и губернских городах такие магазины можно было встретить за 40 сажень и более от церкви, учебных заведениях. В сельской местности не ближе 100 сажень (213 м). Помимо этого, в учебных заведениях повсеместно необходимо было проводить беседы о вреде алкоголя.

После долгого обсуждения, доработок антиалкогольный закон так и не был принят, но многие принципы данного проекта постепенно прочно вошли в жизнь дореволюционного общества [2, с. 64].

В состав Орловской губернии в конце XIX – начале XX вв. входили территории Болховского, Брянского, Дмитровского, Елецкого, Карачаевского, Кромского, Ливенского, Малоархангельского, Мценского, Оловского, Севского, Трубчевского уездов. В губернии, по данным 1896 г. работало 22 виннокуренных заводов, 6 пиво-медоваренных и 3 водочных завода [7, с. 18]. Они приносили доход на сумму 1.937.814 руб. [15, с. 20].

Житель села Подзовалово Болховского уезда Орловской губернии Н. Григорьев сообщает, что в конце XIX в.: «В престольный праздник, Успение, пьянство начинается сразу же после обедни и продолжается 2–3 дня. Крестьяне небольшими группами ходят друг к другу и везде выпивают водку. Часто в нее для крепости подмешивают нюхательный табак. Многие пьют до тех пор, пока не свалятся» [3].

Церковь занимала активную позицию в борьбе с распространением в губернии пьянства. **Священномученик Преосвященнейший епископ Серафим** (в миру Леонид Михайлович Чичагов) – *правящий архиерей Орловской епархии с 3 февраля 1906 г. по 16 сентября 1908 г. стремился просвещать народ о вреде алкоголя.*

В своем труде «О возрождении приходской жизни» епископ Серафим указывал на одну из причин, осложняющих организацию прихода - увеличение пьянства. Епископ подчеркивает, что «народный грех приостановлен Самодержавным Царем», путем введение винной монополии. Теперь основной задачей церкви и приходских советов стало «борьба с тайною продажею вина и изготовлением крепких напитков». Епископ Серафим утверждает, что каждому крестьянину знаком человек, торгующий тайно спиртным. Людям, вынужденным торговать спиртным по бедности, необходимо помочь, чтобы они больше этим не занимались. Епископ призывает организовывать совместную борьбу с местными кулаками «одержимые духом сребролюбия и наживы». Торговцы часто были способны на месть - устраивали поджоги противникам, именно поэтому с ними боялись бороться. Епископ Серафим предложил повсеместно в епархии внедрять следующие методы:

1. Донести до торговцев и прихожан информацию «до какого нравственного падения доходит русский народ благодаря усилившемуся потреблению вина. Каждый благомыслящий человек должен воспротивиться такому разрушению народной нравственности, и все трезвые верующие, соединяясь между собою во имя Бога, православной веры, своего царя – помазанника Божия и возлюбленной родины, обязаны положить конец этой беде, угрожающей благосостоянию всей России и крепости государства».

2. Повсеместно создавать объединения «благомыслящих прихожан», организовывать собрания, привлекать женщин, детей, которые страдают от пьяниц дома.

3. В период формирования объединений необходимо с помощью миссионерских кружков и приходских советов воздействовать на «тайных продавцов». Священнослужитель должен мирным путем, через исповедь, беседы с глазу на глаз объяснить торговцу, что он занимается воровством, торгую запрещенными напитками.

4. После объединения всех желающих в борьбе с пьянством, следует проводить беседы с тайными торговцами на сельском сходе, просить их

«бросить это занятие как недостойное и преступное». Если и эти меры не будут иметь успеха, то отлучать их от прихода.

5. Если и после этих мер торговля спиртным будет продолжаться, то требовать прекращения торговли «под угрозою предания виновных властям для законного суда».

Епископ Серафим очень надеялся на то, что здравый смысл, усердие священников будут иметь результат. Церковь призывала открывать в городах и селах общества трезвости и призывала уменьшать употребление алкоголя на свадьбах и других праздниках, а также во время помина усопших [19].

Общества трезвости в конце XIX в. были организованны в Болховском, Мценском, Елецком и Карачевском уездах [17]. Церковно-приходские общества трезвости Орловской губернии было представлен в Трубчевском уезде, в селе Субботово. Это общество было открыто 2 марта 1892 г., а инициатором открытия общества стал местный учитель церковно-приходской школы А. А. Ватковский. В общество входило 10 человек. Участник давали в церкви обет трезвости на год и более продолжительный срок. После произнесенных клятв священник благословлял иконой нового члена и записывал его имя в «книгу трезвости» [18, с. 18–19].

В губернии существовали и частые Общества трезвости. Например, в селе Америно, Стародубского уезда Орловской губернии сами крестьяне решили в 1891 г. организовать общество трезвости. В данное общество вошло 25 человек [16, с. 27].

Основной целью общества трезвости было любой ценой отвлечь народ от употребления алкоголя. По стране стали массово открывать чайные и столовые, дома трудолюбия. Особой популярностью в борьбе с пьянством стало популяризация прогулок на свежем воздухе, посещения театров. В этот период особо востребованными становятся народные театры.

Церковь брала на себя просветительскую работу. В Епархиальных ведомостях стали чаще появляться рассказы о вреде алкоголя. В Орловских ведомостях за 1898 г. есть интересная статья «Казенная продажа питец». В ней автор сообщает, что в России «самая маленькая деревня имела своего дельца – кабатчика, который без разбора пользовался всякими способами, чтобы побольше нажить на своем промысле и на крестьянской слабости» [9, с. 1490].

Церковь разъясняла народу через статью, о вреде чрезмерного употребления алкоголя. В статье дается объяснение причин принятия антиалкогольного закона 1895 г.: «дозволявший торговать водкою распивочно только в трактирах, где к пятью подается и закуска; распивочные кабаки были вовсе уничтожены, а вместо них заведены винные лавки, откуда можно было брать водку только на вынос». Автор считает, что так «меньше соблазна» для пьянства. Эта мера оказалась не результативной.

С 1 января 1895 г. в четырех восточных губерниях вводится «казенная продажа питья». Автор подчеркивает, что винная монополия стала охватывать все большое количество губерний, пока не распространилась по всей стране. Читателю дается четкое разъяснение пользы от данного закона: «дать возможность потреблять вместо прежнего, плохо очищенного вина, совершенно чистый, насколько можно, безвредный напиток» [9, с. 1492]. Изменения коснулись не только качества напитка, но и его цены. «В казенной продаже нет разницы между оптовою и раздробительною ценой… Это сделано для того, чтобы не соблазнялся выгодно купить побольше водки, а брал бы … столько, сколько ему сейчас нужно» [9, с.1493].

В стране вводится четкий период продажи вина. По будням – не раньше, чем с 7 часов утра и до 10 часов вечера. В сельской местности разрешалась продажа в летнее-весенний период до 10 вчера, а в остальной период – до 8 часов вечера. По праздникам торговали после окончания литургии.

Законопроект предусматривал и наказание за несоблюдение означенных правил. В случае нарушения требований к таре и завышения цены на казенную водку продавец должен возместить штраф в размере 100 рублей. Если кто-то пожелает провести спиртное из других губерний для торговли, где закон не еще не действует, с нарушителя снимается «тройная стоимость привезенных продуктов».

Для организации помощи народу в борьбе с алкоголезависимостью в уездных городах создаются «попечительства о народной трезвости», а в губернских городах - главные комитеты под предводительством губернатора. Членами данных организаций мог стать любой желающий, который своим примером пропагандирует образ жизни трезвого человека. Члены общества имели право посещать питейные заведения с целью контроля их работы, распространять литературу о вреде пьянства, вести просветительские беседы.

Введение винной монополии планировалось поэтапно. С 1 июля 1896 г. казенная продажа вина, и организация попечительств о народной трезвости были введены в девяти губерниях: Бессарабской, Волынской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Полтавский, Таврической, Херсонской и Черниговской. Уже через год монополия распространилась на западные губернии: Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую, Могилевскую, Смоленскую. А 1 января 1898 г. к реформе присоединились Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Харьковская и десять губерний Царства Польского. В 1900 г. монополия вводится в Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Воронежской, Курской, Ставропольской, Черноморской областях и в области войск Донского. В 1901 г. к ним присоединились: Архангельская, Вологодская, Вятская, Казанская, Пензенская, Симбирская, Саратовская, Астраханская губернии и области Уральская и Тургайская. С июля 1902 г. винная монополия стала проводиться и на территории Владимирской, Костромской, Московский, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской, Тверской,

Тульской, Ярославской и Орловской губерний [9, с. 1500]. Таким образом, казенная продажа спиртных напитков к 1903 г. будет распространена по всей территории России.

В Орловской губернии работал губернский комитет попечительства о народной трезвости. Его председателем был губернатор. Почетным членом общества являлся священник Брянцев. В состав общества входили представители от прокуратуры окружного суда, губернские предводители дворянства и многие другие. Из духовного ведомства – епархиальный наблюдатель школ С. Н. Савинов и протоиерей М. Крылов. В обществе состояли военные: командир 142 пехотного Звенигородского полка и член от губернского земского собрания статский советник Николай Петрович Римский-Корсаков, коллежский асессор И. П. Купчинов [9, с. 1490].

В борьбе с алкоголем помогали дома трудолюбия. В Орловской губернии существовали три общества: Попечительское общество Дома трудолюбия в Орле (1888), Попечительское общество Дома трудолюбия в Ельце (1896), Попечительское общество Дома трудолюбия в Мценске (1898) [5, с. 19–20].

В 1891 г. в г. Орле по инициативе местного купца Павла Дмитриевича Бакина открывается дом трудолюбия. В 1897 г. при доме трудолюбия была построена церковь Александры Царицы. На территории Дома трудолюбия имелись ночлежка, богадельня, детский приют и мастерские [21].

В состав членов попечительного общества Орловского дома трудолюбия входили представители различных населенных пунктов губернии. Председательствовал в обществе Михаил Александрович Стахович из г. Ельца. Работу общества также организовывали М. А. Барманская, Н. Д. Панов, врач Ф. О. Гаусман, священник В. В. Воскресенский и многие другие.

При доме трудолюбия имелись:

– церковь (священник И. П. Баженов, псаломщик Ф. Ф. Иванов);

– приют «Ясли» (заведовала А. Н. Гирей);

– хлебопекарня (заведовал А. И. Янушковский);

– чулочная и белошвейная мастерская (заведовала О. И. Денисова)

– убежище для мальчиков;

– убежище для девочек;

– учебно-столярская мастерская;

– богадельня;

– дешёвая столовая;

– ночлежный приют;

– проводился сбор ненужных вещей (им руководило Правление попечительного общества).

Многие люди не только личным примером, но и с помощью активной пропаганды трезвого образа жизни стремились помочь народу. Церковь поддерживала эти общественные начинания. Так, например, на страницах Орловских епархиальных ведомостей за 1917 г. содержится официальное поздравление учителя И. Ф. Прохорова Козинской церковно-приходской школы Ливенского уезда. Наряду с педагогическими и воспитательными успехами учителя местный священник А. Н. Казанский подчеркивает и еще одну важную заслугу. В свои 25 лет Прохоров вел активную работу среди прихожан по искоренению «в сердцах детей грубыя привычки». Учитель Прохоров был одним из первых, кто откликнулся на предложение священника создать в селе Козинке общество трезвости, проведении трезвых собраний среди взрослого населения [14, с. 91].

Елецкое Аргамаченское общество в 1913 г. получили за свои экспонаты, представленные на итальянской выставке в Турине, большую золотую медаль «за целесообразную и высоко полезную организацию борьбы с алкоголизмом» [13, с. 48].

Данное общество возникло 15 марта 1898 г. по инициативе местного священника Аргамаченской церкви Рождества Пресвятой Богородицы Николая Брянцева. В состав общества входило: «… 702 мужчины, 9 женщин, 478 грамотных, 237 неграмотных: по сословию 3 дворянина, 9 духовных, 14 почетных граждан, 212 мещан и 473 крестьян. По занятиям выдающееся число было земледельцев – 223 человека, сапожников – 73 человека, торговцев – 68 человек, каменотесов 51 человек, посадчиков 48, слесарей 31 человек, кузнецов 23 человека и портных 21» [4, с. 64].

Деятельность общества трезвости была направлена на отказ от алкоголя и приобщение людей к посещению чайных, читален. Общество занималось распространением специальной литературы о вреде пьянства, раздавало листы и брошюры, устраивала спектакли и концерты.

Орловская епархия подготовила список рекомендованной антиалкогольной литературы. Среди множества книг можно выделить: книгу Антония (игумен). «Пьянство и курение табаку и их вредные последствия» (1904); «Беседа о пьянстве, с рисунками желудка» (1902); «Водка до всего доведет» (1910); «Грех и безумие пьянства. Сборник поучений против пьянства» (1892); «Дружеский совет: как отстать от окаянного пьянства и проклятого запоя» (1909); «Как отстать от спиртных напитков» (1910); «К вопросу о пьянстве. Составлен по немецким источникам» (1896); «Пьянство великое зло» (1904) и другие [10, с. 1222–1224]. Данная литература была недорогой и ее рекомендовалось закупать и распространять в приходе.

Активная позиция священнослужителей Орловской епархии принесли свои положительные плоды. Так, например, чайная Аргамаченского общества трезвости стала для крестьян местом досуга. Ее посещали не только мужчины, а целые семьи. В 1907 г. по инициативе заведующего Лучковской чайной г. Ельца и комитета по народной трезвости создается очередная читальня при чайной. Организовывали и медицинскую помощь. В 1909 г. в Елецкой больнице открыли приемные покои (вытрезвители) и проводили медикаментозное лечение алкоголиков. Многие члены приходских обществ трезвости Орловской губернии вели просветительскую работу о вреде пьянства, создавали спектакли и проводили праздники трезвости, принимали участие в выставках. Опыт организации борьбы с пьянством был признан

положительным и заимствовался в других епархиях. Так, например, Епископ Екатеринбургский и Ирбитский Макарий на заседании членов Екатеринбургской духовной консистории 9 июля 1910 г. сообщал о достижениях Орловской епархии.

По сообщению Владыки в Орловской епархии применяли следующие меры: «Перед наступлением Великого поста священники с церковного амвона начинали призывать народ к трезвости, хотя на время св. четыредесятницы и пасхальной недели, убеждали давать обеты и сами на себя принимали такие же обеты и исполняли их» [8, с. 578–579].

В Орловских епархиальных ведомостях за 1910 г. содержится отчет о пастырском собрании в Орле. В здании епархиального женского училища уездное пастырское собрание обсуждало с мирянами вопрос о мерах, применяемых в приходах против пьянства. Настоятель Орловской Успенской церкви М. И. Крылов сообщал, что члены приходского совета разделили между собой территорию прихода для того, чтобы следить за распространением пьянства.

Епископ Митрофан предложил прихожанам воспользоваться опытом Елецких обществ трезвости – Аргамаченского и Владимирского. Членам Успенского прихода было выделено 25 руб. для приобретения противоалкогольной литературы [12, с. 124].

В селе Богородицком в Буковищах отец А. Д. Емельянов совместно с 5-6 молодыми членами прихода организовывал служение всеношных бдений. Односельчане активно посещали службы, многие, желая дать обет совершенного отречения от употребления спиртных напитков, получали от священника наставления и благословление. Итоги антиалкогольной работы молодого священника в селе Богородицком пастырство признало положительным.

Священник Иверской привокзальной церкви отец А. Н. Оболенский проводил активную просветительскую работу среди прихожан, «выступал против питья спиртных напитков на поминальных обедах и вообще трапезах, устраиваемых прихожанами на разных требах» [12, с. 124].

Распространение антиалкогольных движений в стране стало повсеместным. В 1914 г. император Николай II вводит запрет на продажу водки. Если первоначально эта мера была временной, то постепенно она вошла в обиход и общество стало ограничивать себя в употреблении спиртного. Такими радикальными мерами и положительными результатами не могла похвастаться ни одна Европейская держава. Таким образом, благодаря совместным усилиям церкви и государства удалось не только на уровне законодательной системы побороть пьянство, но и изменить само отношение народа к этой проблеме. Опыт воспитательной работы, проводимой церковью имел положительные результаты. В молодое поколение удалось вложить нравственные ориентиры и дать возможность изменить условия своего существования. Полученные результаты антиалкогольной борьбы дореволюционной России оказались востребованы и в советском обществе, многие принципы, такие, как убеждение, беседы, привлечение общественности, клятва и обещания стали популярны в СССР. Уже в 1925 г. советская власть восстанавливает государственную винную монополию, возрождает работу движения за трезвость под новым названием – антиалкогольное и стремиться воспитать трезвую молодежь. 16 февраля 1928 г. было создано «Общество борьбы с алкоголизмом». Борьба с пьянством в советском обществе зародилась в народе и только после его возглавила партия. Через убеждение и идеологические принципы власть вела борьбу с алкогольным разгулом. Именно в этом и видится преемственность дореволюционного метода, только инициативу народа поддерживало духовенство и посредством веры лечило народ. Сегодня наша страна вновь столкнулась с «модой на пьянство». Необходимо изучать и активно внедрять ранее накопленные результаты антиалкогольных компаний.

Источники и литература

1. Александро-Невское общество трезвости в Санкт-Петербурге. URL: http://www.encspb.ru/object/ (Дата обращения: 20.09.2018)

2. Афанасьев А. Л. Всероссийские съезды по борьбе с пьянством, III Государственная Дума и трезвенное движение в Сибири и на Дальнем Востоке в 1910–1912 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. №335. С.63-67.

3. Безгин В. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX - начала XX века). М. – Тамбов: Издательство ТГТУ, 2004. 304 с.

4. Гринченко Н. А., Ляпин Д. А. Трезвый Елец. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. 153 с.

5. Гуларян А. Б. Развитие системы благотворительности в Росссийской империи (на примере Орловской губернии) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. №4(60). С.15-21.

6. Гусев Г. В. Общество трезвости как учреждение внешкогльного дополнительного образования (конец XIX – начале XX вв.) // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2010. Вып.1(16). С. 63–76.

7. Девять писем С. А. Рачинского о трезвости. Публ. 1904 г. // Вестник Трезвости, август 1904 г. № 116. С. 27–35. URL: http://www.proza.ru/2016/11/15/46 (Дата обращения: 20. 09.2018)

8. Екатеринбургские епархиальные ведомости за 1910. Екатеринбург, 1910. №28.

9. Орловские епархиальные ведомости за 1898. 1898. №40. 1598 с.

10. Орловские епархиальные ведомости за 1909. 1909. №49. 1230 с.

11. Орловские епархиальные ведомости за 1910. 1910. №5. 32 с.

12. Орловские епархиальные ведомости за 1910. 1910. №35. 948 с.

13. Орловские епархиальные ведомости за 1914. 1914. №2. 62 с.
14. Орловские епархиальные ведомости за 1917. 1917. №5/6. 52 с.
15. Памятная книжка Орловской губернии на 1898 г. Орел: Типография губернского правления, 1898. 72 с.
16. Памятная книга. Адрес-Календарь Орловской губернии на 1909 г. Орел: [б.и.], 1908. 405 с.
17. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа М.: Наследие, 2009. URL: http://statehistory.ru/books (Дата обращения: 21. 09.2018)
18. Русское общество трезвости, их организация и деятельность в 1892-1893 гг. / сост. Н. И. Григорьев. СПб.: [б.и.], 1894. 83 с.
19. Священномученик Серафим Чичагов. О возрождении приходской жизни. URL: http://nikolahram.com/item (Дата обращения: 21. 09.2018)
20. Седова О. В. Повседневная жизнь русского духовенства конца XIX- начала XX вв. в повести Д.Г. Булгаковского «В стороне от жизни» // История: Факты и символы. 2018. №15. С.17-24.
21. Храмы России. URL: http://temples.ru/card (Дата обращения: 20.09.2018).

References

1. Aleksandro-Nevskoe obshchestvo trezvosti v Sankt-Peterburge *(Alexander Nevsky's sobriety society in Saint Petersburg)*. URL: http://www.encspb.ru/object/ (Accessed: 20. 09.2018) (In Russian).
2. Afanas'ev A. L. Vserossijskie s»ezdy po bor'be s p'yanstvom, III Gosudarstvennaya Duma i trezvennoe dvizhenie v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v 1910–1912 gg. *(All-Russian Congresses on the Fight Against Drunkenness, III State Duma and the Sober Movement in Siberia and the Far East in 1910–1912)* // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. No.335. P. 63–67. (In Russian).
3. Bezgin V. Krest'yanskaya povsednevnost' (tradicii konca XIX – nachala HKH veka) *(Peasant Everyday Life (Traditions of the Late XIX – Early XX Century)*. Moscow – Tambov: TSTU publ., 2004. 304 p. (In Russian).
4. Grinchenko N. A., Lyapin D. A. Trezvyj Elec *(Sober Elec).* Elec: ESU named after. I.A. Bunin publ., 2013. 153 p. (In Russian).
5. Gularyan A. B. Razvitie sistemy blagotvoritel'nosti v Rosssijskoj imperii (na primere Orlovskoj gubernii) *(Development of Charity System in the Russian Empire (by the Example of the Orel Province))* //Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No. 4(60). P.15–21. (In Russian).
6. Gusev G. V. Obshchestvo trezvosti kak uchrezhdenie vneshkogl'nogo dopolnitel'nogo obrazovaniya (konec XIX – nachale HKH vv.) *(Sobriety Society as an Institution of Extra-Curricular Education (Late XIX – Early XX Centuries)*) // Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psihologiya. 2010. Issue 1(16). P. 63–76. (In Russian).
7. Devyat' pisem S. A. Rachinskogo o trezvosti *(Nine Letters of S. A. Rachinsky About Sobriety)*. Publ. 1904 g. // Vestnik Trezvosti. 1904. No.116. P. 27–35. URL: http://www.proza.ru/2016/11/15/46 (Accessed: 20. 09.2018) (In Russian).
8. Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti za 1910 *(The Yekaterinburg Diocesan Gazette of 1910).* Ekaterinburg, 1910. No. 28. (In Russian).
9. Orlovskie eparhial'nye vedomosti za 1898 (Orel Diocesan Statements of 1898). 1898. No.40. 1598 p. (In Russian).
10. Orlovskie eparhial'nye vedomosti za 1909 (Orel Diocesan Statements of 1909). 1909. No. 49. 1230 p. (In Russian).
11. Orlovskie eparhial'nye vedomosti za 1910 (Orel Diocesan Statements of 1910).1910. No. 5. 32 p. (In Russian).
12. Orlovskie eparhial'nye vedomosti za 1910 (Orel Diocesan Statements of 1910). 1910. No. 35. 948 p. (In Russian).
13. Orlovskie eparhial'nye vedomosti za 1914 (Orel Diocesan Statements of 1914). 1914. No. 2. 62 p. (In Russian).
14. Orlovskie eparhial'nye vedomosti za 1917 (Orel Diocesan Statements of 1917). 1917. No. 5/6. 52 p. (In Russian).
15. Pamyatnaya knizhka Orlovskoj gubernii na 1898 g. *(The Memorable Book of the Oryol Province in 1898).* Orel: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1898. 72 p. (In Russian).
16. Pamyatnaya kniga. Adres-Kalendar' Orlovskoj gubernii na 1909 g. *(Book of Remembrance. The Address-Calendar of the Oryol Province in 1909)*. Orel, 1908. 405 p. (In Russian).
17. Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriej russkogo naroda *(The History of Taverns in Russia in Connection with the History of the Russian People)*. Moscow: Nasledie, 2009. URL: http://statehistory.ru/books (Accessed: 21. 09.2018) (In Russian).
18. Russkoe obshchestvo trezvosti, ih organizaciya i deyatel'nost' v 1892–1893 gg. *(Russian Society of Sobriety, Their Organization and Activities in 1892–1893)*. St.Petersburg, 1894. 83 p. (In Russian).
19. Svyashchennomuchenik Serafim Chichagov. O vozrozhdenii prihodskoj zhizni *(The Revival of Parish Life)*. URL: http://nikolahram.com/item (Accessed: 21. 09.2018) (In Russian).
20. Sedova O. V. Povsednevnaya zhizn' russkogo duhovenstva konca XIX – nachala XX vv. v povesti D. G. Bulgakovskogo «V storone ot zhizni» *(The Everyday Life of the Russian Clergy in the Late XIX – Early XX Centuries in the story of D. G. Bulgakovskiy "Away from Life")* // Fakty i simvoly. 2018, No. 15. P.17-24. (In Russian).
21. Hramy Rossii *(The Churches Of Russia)*. URL: http://temples.ru/card (Accessed: 20.09.2018) (In Russian).

Сведения об авторе

Клевцова Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. В. Бунина (Елец) / ksenijmel@yandex.ru

Information about the author

Klevtsova Oksana – PhD in History, Associate Professor, Chair of history and Historical and Cultural Heritage, Yelets State University named after I. A. Bunin (Yelets) / ksenijmel@yandex.ru

УДК 94(470.6).084.8

И. В. Киселев

ЦЕНА ОСВОБОЖДЕНИЯ. ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ХОДЕ НАСТУПЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1943 г.

Наступление Красной Армии на Северном Кавказе в январе – октябре 1943 г. оказалось одной из вех коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Его результатом стало поражение войск Германии и ее союзников, освобождение значительной территории с населением несколько миллионов человек. Все это сделало успех советских войск на Северном Кавказе сопоставимым с победами под Сталинградом и Курском. Не случайно освобождению Кавказа посвящена значительная историография, раскрывающая разные аспекты истории этого сражения. Но вопрос о размерах советских потерь этом сражении до конца разрешен не был.

В данной статье были проанализированы современные отечественные исследования, в которых содержится информация о людских потерях Красной Армии в ходе отдельных наступательных операций на Северном Кавказе. Установить их общую величину автору удалось благодаря привлечению новых данных из документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Основным источником информации стали ежемесячные фронтовые сводные донесения о потерях личного состава. Другим важным результатом стала детальная характеристика убыли личного состава советских войск на всех этапах освобождения Северного Кавказа и анализ разных категорий потерь. Результаты исследований опубликованы в этой статье. Они позволяют лучше понять масштабы битвы за Кавказ и цену, которую заплатили советские воины за его освобождение.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, Закавказский фронт, Северо-Кавказский фронт, людские потери, сведения о потерях.

I. V. Kiselev

THE PRICE OF LIBERATION. DEATH TOLL OF SOVIET TROOPS DURING THE OFFENSIVE IN THE NORTH CAUCASUS IN 1943

Red Army offensive in the North Caucasus in January – October 1943 was a milestone of the turning point in the course of the Great Patriotic War. It resulted in the defeat of the German army and its allies, the liberation of a large territory with a population of several million people. All this has made the success of the Soviet troops in the North Caucasus comparable with victories at Stalingrad and Kursk. It is not by chance that a significant historiography is devoted to different aspects of this battle. However, the question of the amount of the Soviet death toll in the battle has not been completely specified.

The article analyzes the modern domestic studies that provide the information about the casualties of the Red Army during different offensive operations in the North Caucasus. The author has established their total value by bringing new data from the documents of the Central Archives of the Russian Ministry of Defense. The monthly front's summary casualty reports of personnel were the main source of information. Another important result was a detailed description of Soviet troops staff attrition at all stages of the liberation of the North Caucasus and the analysis of different categories of losses. The article features the results of the study. They make it possible to better understand the scale of the battle for the Caucasus and the price paid by the Soviet warriors for its release.

Key words: the Great Patriotic War, battle of the Caucasus, Transcaucasus Front, North Caucasus Front, death toll; casualty report.

Среди многих аспектов истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. особое место занимает проблема людских потерь в ходе боевых действий. Ее научная значимость определена тем, что оценка размеров потерь позволяет понять, насколько эффективно решались боевые задачи, какой ценой добыта победа и насколько велики масштабы поражения. Вместе с тем есть и морально-нравственное измерение этого вопроса, ведь за сухими цифрами статистики скрыты судьбы искалеченных и погибших людей.

2018 г. был отмечен 75-летием годовщины побед Красной Армии в сражениях за Сталинград и на Курской дуге. Гораздо скромнее отмечалось 75-летие еще одного успеха советских войск на переломном этапе Великой Отечественной войны – наступательной операции на Северном Кавказе. Между тем, она продолжалась более девяти месяцев и завершилась освобождением от оккупации огромного региона. На протяжении всего этого времени размах боевых действий на юге России и их интенсивность не раз менялись.

Вопрос о том, какова оказалась цена освобождения Кавказа, представляет существенный интерес. Его решение позволит избежать спекуляций, связанных с темой жертв Великой Оте-

чественной войны. Наряду с определением общей величины людских потерь представляется важным сопоставить убыль личного состава на разных этапах освобождения Северного Кавказа, изучить разные категории потерь и принципы их учета. Такой подход позволит представить результаты статистического исследования в контексте хода битвы за Кавказ.

Отметим, что структура управления советскими войсками в первые месяцы освобождения Северного Кавказа претерпела некоторые изменения. Первоначально они входили в состав двух групп Закавказского фронта – Северной и Черноморской. Северная группа войск 24 января была выделена в самостоятельный Северо-Кавказский фронт. А 5 февраля Северо-Кавказскому фронту решением Ставки ВГК была подчинена и Черноморская группа. Поэтому в данной публикации речь пойдет о людских потерях Северной и Черноморской групп войск Закавказского фронта, а затем возникшего на их основе Северо-Кавказского фронта в период с 1 января по 9 октября 1943 г. Действия этих войсковых объединений протекали на территории национальных регионов Северного Кавказа, Краснодарского и Ставропольского краев.

Изучение проблемы потерь Советского Союза на фронтах Великой Отечественной войны носило закрытый характер вплоть до конца 1980-х гг., доступная информация о численности выбывших из строя в процессе боевых действий оставалась фрагментарной. Положение изменилось с публикацией в 1993 г. труда коллектива военных историков под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» [6]. Работа стала основополагающей и получила продолжение в последующих справочных изданиях [8; 9]. Среди прочего, в них содержатся данные о людских потерях Красной Армии на отдельных этапах освобождения Северного Кавказа: в ходе Северо-Кавказской наступательной операции 1 января–4 февраля 1943 г., Краснодарской наступательной операции 9 февраля – 24 мая 1943 г. и Новороссийско-Таманской наступательной операций 10 сентября – 9 октября 1943 г. Совокупные безвозвратные потери Закавказского и Северо-Кавказского фронтов в них составили 95 784 человека, санитарные – 261 551 человек.

Но масштабы убыли личного состава за все время наступления советских войск на Кавказе в 1943 г. указаны не были, хотя цифра потерь в период обороны Северного Кавказа оказалась обнародована. Правда, приводились сведения о потерях Северо-Кавказского фронта второго формирования. За время своего существования с 24 января по 20 ноября 1943 г. он безвозвратно потерял 129 304 человека, еще 379 985 человек отнесены к санитарным потерям. Но эти цифры, с одной стороны, включают потери на первом этапе освобождения Крыма, а с другой – не содержат данных потерях на том этапе наступления, когда управление им осуществлялось штабом Закавказского фронта.

Данные из работ коллектива Г.Ф. Кривошеина об отдельных наступательных операциях советских войск на Северном Кавказе воспроизведены в двухтомном издании «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах» и в главе о битве за Кавказ фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» человек [2; 3]. Ничего нового по интересующему нас вопросу они не добавили. А приведенная в коллективной работе «Битва за Кавказ» цифра безвозвратных потерь советских войск при освобождении Кавказа – около 70 тыс. человек – и вовсе представляется некорректной [1, с. 20]. По-видимому, эта она определена числом погибших и пропавших без вести бойцов и командиров Южного, Закавказского и Северо-Кавказского фронтов на первом этапе освобождения Северного Кавказа с 1 января по 5 февраля 1943 г., каковых оказалось 69627 человек. Не внесло ясности в эту проблему исследование С. В. Януша, посвященное проблемам войсковых операций на Кавказе в 1942–1943 гг. В заключительной части диссертации говориться лишь о совокупных потерях в четырех стратегических операциях, проводившихся советскими войсками человек [23, л.560]. Только в монографии ростовских исследователей «Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.)» появилась прежде не публиковавшаяся цифра общих потерь, понесенных советскими войсками в ходе попыток наступления на Кубани с 16 июня по 12 августа 1943 г. Они оцениваются примерно в 30 тыс. человек [5, с. 222].

Таким образом, до недавнего времени говорить о потерях советских войск было возможно лишь опираясь на статистическом исследовании «Гриф секретности снят». Они дают представление об убыли личного состава в период отдельных операций в ходе освобождения Северного Кавказа, но не позволяют вывести общую цифру и проанализировать динамику изменений, т.к. по своей продолжительности и масштабам эти операции отличались друг от друга.

Отчасти проблему определения размеров советских потерь при освобождении Северного Кавказа можно решить расчетным путем. Потери советских вооруженных сил за весь период битвы за Кавказ составили 344 390 человек убитыми и пропавшими без вести, а так же 605 122 человека ранеными, заболевшими и обмороженными, а всего – почти 950 тыс. человек [4, с. 476]. Теоретически, если из этой цифры вычесть убыль личного состава ходе Северо-Кавказской оборонительной операции, то мы получим искомый ответ. С 25 июля по 31 декабря 1942 г. силы Красной Армии и советского Военно-морского флота безвозвратно потеряли на Кавказе 192 791 человека, еще 181 120 человек пополнили статистику санитарных потерь. В общей сумме это почти 374 тыс. человек. Соответственно, потери советских войск при освобождении Северного Кавказа долж-

ны были составить 576 тыс. человек. Но любые расчетные данные, полученные таким методом, нуждаются в проверке. Поэтому требуется обратиться к документам Центрального архива Министерства обороны.

Со времени действия приказа Министра обороны Российской Федерации от 8 мая 2007 г. №181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» исследователям стали доступны оперативные документы вплоть до уровня фронтовых управлений. К их числу относились итоговые оперативные сводки, составлявшиеся каждым фронтовым штабом ежемесячно и содержавшие раздел о потерях своих войск. Результаты изучения итоговых сводок Северо-Кавказского фронта с февраля до начала октября 1943 г. [12, л. 106; 13, л.88; 14, л. 24; 15, л. 110; 16, л. 115–116; 17, л. 68; 18, л. 40–41], а так же аналогичных документов Северной и Черноморской групп войск Закавказского фронта за январь 1943 г. представлены в таблице 1 [11, л. 106; 20, л. 37–38]. Отметим, что за период с 1 сентября по 10 октября штаб Северо-Кавказского фронта подготовил единую итоговую оперативную сводку [19, л. 79–80]. Поэтому мы располагаем данными, относящимися исключительно к периоду освобождения Северного Кавказа.

Таблица 1

Людские потери Северо-Кавказского фронта, Северной и Черноморской групп войск с 1 января по 9 октября 1943 г. по данным итоговых оперативных сводок

Период	Безвозвратные потери		Санитарные потери		Всего
	Убито	Пропало без вести	Ранено	Заболело и др.	
Январь	9227	2131	21720	9434	42512
Февраль	19520	8100	50117	12736	90473
Март	11691	4761	27904	13327	57683
Апрель	12682	1810	32272	9238	56002
Май	14241	3695	44859	6418	69213
Июнь	5908	772	19005	7011	32696
Июль	6555	759	23739	6560	37613
Август	5450	439	19165	6812	31866
Сентябрь и первая декада октября	12645	1984	44678	8355	67662
Итого	**97919**	**24451**	**283459**	**79891**	**485720**

В 2015 г. по решению Министерства обороны был создан электронный портал «Память народа», где стали размещаться многие оперативные документы Красной Армии 1941–1945 гг. В их числе оказались сводные донесения о потерях личного состава Северо-Кавказского фронта. Именно такие документы, которые составлялись каждые 10 дней, а затем обобщались в ежемесячных донесениях, являлись основным источником информации о потерях советских войск в ходе Великой Отечественной войны. Выяснилось, что цифры сводных донесений о потерях личного состава выше тех данных, что содержатся в итоговых оперативных сводках. Более того, по результатам боев в феврале – марте 1943 г. была подготовлена «Справка о потерях личного и конского состава Северо-Кавказского фронта». Согласно ей, убыль личного состава превысила показатели сводных донесений более чем на 5 процентов. К сожалению, в базе данных не удалось обнаружить донесений о потерях Северной и Черноморской групп войск в январе 1943 г. С учетом этой информации составлена таблица 2, наиболее полно представляющая потери советских войск в ходе наступления на Северном Кавказе [10].

Сопоставление таблиц 1 и 2 демонстрирует, что данные сводных донесений о потерях превышают цифры из итоговых оперативных сводок, в среднем, на 6 процентов. Больше всего отличаются сведения за февраль 1943 г. – почти на 10 процентов. Наименьшими получились различия в мае – немногим более 2 процентов. При ознакомлении с отдельными категориями потерь особенно бросается в глаза информация о заболевших и убывших по иным причинам. В среднем, по данным сводных донесений их оказалось на 11 процентов больше, а в феврале разница составила 47 процентов!

Чем же можно объяснить эти отличия? В итоговых сводках штаба фронта за месяц, который готовил оперативный отдел, использовались сведения о трофеях и потерях, содержавшие только обезличенные цифровые данные. Во многих из них прямо отмечается, что приведенная информация предварительная и неполная. Поступали сведения за месяц от управлений армий, а части и соединения, находившиеся во фронтовом

подчинении, брались в расчет далеко не всегда. А вот сводные донесения готовились отделом укомплектования на основании именных списков, регулярно составлявшихся во всех подразделениях, а значит, были гораздо точнее [7, с. 194].

Таблица 2

Людские потери Северо-Кавказского фронта с 1 февраля по 10 октября 1943 г. по данным сводных донесений о потерях личного состава

Период	Безвозвратные потери		Санитарные потери		Всего
	Убито	Пропало без вести	Ранено	Заболело и др.	
Январь	20548	7491	52432	18744	99215
Февраль	11878	4844	28859	15080	60661
Март	13209	1868	34020	10876	59973
Апрель	14516	3704	45245	7299	70764
Май	6131	965	19606	8361	35063
Июнь	6660	786	23699	8389	39534
Июль	5487	456	19205	8916	34064
Август	12816	1996	44991	11376	71179
Сентябрь и первая декада октября	91245	22110	268057	89041	470453
Итого	**91245**	**22110**	**268057**	**89041**	**470453**

Другой причиной возникших разночтений могла стать стремительно менявшаяся обстановка. В первые месяцы 1943 г. Красная Армия вела на Северном Кавказе активные наступательные действия, войска подчас были оторваны от тылов и штабов, поэтому информация о потерях приходила с запозданием и не в полном объеме. Напомним и то, что в январе несколько частей и соединений было передано из Северной группы войск в Черноморскую. Одновременно происходила описанная выше реорганизация управления, в ходе которой силы Северной и Черноморской групп войск Закавказского фронта возглавило управление Северо-Кавказского фронта. При этом в начале февраля 44-я армия и два кавалерийских корпуса вошли в состав Южного фронта. Все это усложняло подготовку отчетных документов и определение действительных размеров людских потерь. В подтверждение этого факта приведем слова приказ командующего Северо-Кавказским фронтом генерал-полковника И. И. Масленникова от 17 февраля 1943 г.: «Учет потерь и трофей в штабах армий поставлен плохо. Данные о потерях и трофеях, предоставляемые в документах / боевых донесениях и оперсводках /, не отвечают действительности…». По-видимому, следствием такого положения дел стало появление уже упоминавшегося документа, «Справки о потерях личного и конского состава Северо-Кавказского фронта», в котором уточнялась информация за февраль и март 1943 г.

Вместе с тем, опубликованные нами цифры из сводных донесений в значительной степени совпадают со сведениями коллектива Г. Ф. Кривошеева. В качестве примера стоит привести Новороссийско-Таманскую наступательную операцию, проводившуюся советскими войсками с 10 сентября по 9 октября 1943 г. В этот период к учету потерь было меньше нареканий, чем в начале года, а хронологические рамки операции почти совпадают с декадами, когда отдел укомплектования штаба фронта обобщал данные потерь личного состава. Соответственно, в работе «Гриф секретности снят…», указывается, что Северо-Кавказский фронт лишился 64 235 человек, из них безвозвратно – 13 912 человека [9, с. 290]. А сводные донесения за период с 11 сентября по 10 октября 1943 г. дают немного другую цифру общих потерь – 64 134 человека, в том числе безвозвратных – 13 741 человек. Как мы видим, разница между приведенными цифрами не превышает 1 процента.

Так или иначе, суммирование данных сводных донесений позволяет нам говорить о том, что с 1 февраля по 10 октября 1943 г. советские войска на Северном Кавказе потеряли почти 470,5 тыс. человек. Отсутствие статистики за январь отчасти можно компенсировать использованием опубликованной информации о результатах Северо-Кавказской наступательной операции 1 января – 4 февраля 1943 г. За это время убыль личного состава в Закавказском фронте и выделенном из его состава Северо-Кавказском фронте составила около 52,5 тыс. человек. Кроме того, в число участников освобождения Северного Кавказа коллективом А. Ф. Кривошеина были включены войска Южного фронта, фактически проводившие самостоятельную операцию. Они потеряли еще около 102 тыс. человек [8, с. 282].

Но в этом случае возникает заметное расхождение с заявленной ранее цифрой потерь, полученной расчетным путем – 576 тыс. человек. Ведь если принимать во внимание убыль личного состава Южного фронта, сумма цифр из сводных

донесений и работ коллектив А. Ф. Кривошеева окажется больше почти на 50 тыс. человек. А без учета потерь Южного фронта – меньше на 53 тыс. человек. Отсутствие в этих расчетах данных по Черноморскому флоту и Азовской военной флотилии принципиального значения не имеют, так как убыль их личного состава в ходе операций на разных этапах битвы за Кавказ 1942–1943 гг. колебалась в пределах 0,5–1,5 процентов от общей массы советских потерь.

А так как сводные донесения о потерях являются наиболее достоверным источником информации, то их суммарные данные, а так же информация из статистических исследований, подготовленных под руководством А. Ф. Кривошеева, представляется более объективной, чем та, что получена расчетным путем. Все это позволяет утверждать, что освобождение Северного Кавказа стоило советским войскам потери около 520 тыс. человек, в том числе более 120 тыс. человек – безвозвратно.

Обращаясь к данным таблиц 1 и 2, легко увидеть, что величина потерь советских войск на протяжении рассматриваемого периода поменялась несколько раз. Поэтому требуется разобраться с причинами этих колебаний. Первый месяц наступления на Северном Кавказе характеризовался, за некоторым исключением, преследованием отступающих войск противника и продвижением до 500 км. Из своей первоначальной численности 685 тыс. человек, а по другим данным – 708 тыс. человек, войска Закавказского фронта безвозвратно лишились около 2 процентов личного состава. Санитарные потери составили свыше 5 процентов [9, с. 293]. Но уже в следующем месяце характер боев изменился. В итоговой оперативной сводке за февраль 1943 г. указывалось, что «Северо-Кавказский фронт имеет перед собой более сильного и организованного противника чем в январе… Темп отхода противника уменьшается примерно в 4 раза» [12, л. 7]. В результате людские потери достигли своего абсолютного и относительного максимума, практически в два раза превысив показатели предыдущего месяца. Принимая в расчет тот факт, что численность войск фронта в начале февраля составляла около 400 тыс. человек, приходиться признать потерю четверти личного состава. Весной 1943 г. ежемесячная убыль личного состава снизилась, но успехи Красной Армии оказались заметно скромнее. Если в последний месяц зимы войска Северо-Кавказского фронта наступали практически на всем его протяжении и продвинулись до 125 км, то в марте глубина наступления сократилась до 45 км. В течение апреля и мая успех сопутствовал советским войскам в лишь частных операциях, в ходе отражения удара противника по Малой земле и овладении Крымской. Летом 1943 г. атаки на немецкие позиции предпринимались реже, чем в предыдущий период, и относительно небольшими силами, ежемесячные потери сократились почти в два раза. Совсем невелики они были и первую декаду сентября, составив около 7 тыс. человек. И только в последний месяц битвы за Кавказ убыль личного состава вновь возросла в связи с проведением Новороссийско-Таманской наступательной операции. Впрочем, величина понесенных за ее время потерь почти не отличаются от ежемесячных показателей в ходе весны 1943 г., тогда как результатом усилий советских войск стало успешное завершение боевых действий на Кавказе.

При анализе отдельных категорий потерь, обращает на себя внимание изменение доли пропавших без вести в общей массе безвозвратных потерь Северо-Кавказского фронта. В феврале 1943 г. она составляла 26 процентов, а в марте – 29 процентов. В апреле этот показатель сократился до 12 процентов, в мае вырос до 20 процентов, а в последующие месяцы колебался в пределах 7–13 процентов. Объяснить факт относительно высокого числа тех солдат и офицеров Красной Армии, чья судьба в ходе боев конца зимы – начала весны 1943 г. осталась неизвестна, можно двумя причинами. Во-первых, конец зимы и начало весны были отмечены несколькими тактическими неудачами войск Северо-Кавказского фронта, в районе Южной Озерейки, Бриньковской, Новоджерелиевской и Черноерковской. Все они были сопряжены с временным отступлением советских частей, которое влекло за собой оставление поля боя в руках врага и невозможность установить судьбу погибших и попавших в плен. Во-вторых, это время характеризовалось многими недостатками при учете потерь, о которых говорилось выше.

Внимательное изучение статистики санитарных потерь демонстрирует, что ее четвертую часть составляли заболевшие и выбывшие из строя по другим причинам. А в общей массе убыли личного состава Северо-Кавказского фронта за весь период с февраля по октябрь 1943 г. их доля составила 19 процентов. К этой категории потерь при составлении таблицы 2 были отнесены и обмороженные. В феврале их оказалось 2187 человек, в марте – 834 человека. Отдельные случаи обморожения были зафиксированы даже в апреле. Самой очевидной причиной заболеваемости среди солдат и офицеров Северо-Кавказского фронта представляются погодные условия. Однако нельзя сказать, что зима 1942–1943 гг. была слишком суровой. Согласно ежедневным оперативным сводкам, морозная погода часто сменялась оттепелью, только в отдельные дни и ночи температура опускалась до – 15–20 °С в январе и – 10–15 °С в феврале. В марте, за редким исключением, падение температуры ниже 0 °С происходило только ночью. Все это вполне типично для северокавказского региона и сегодня. Объяснить рост числа заболевших в условиях относительно мягко зимы можно только тем, что в эти месяцы советские войска на Кавказе вели непрерывное наступление, оторвались от тылов и стали испытывать перебои в снабжении. В последующие месяцы на убыль личного состава из-за болезни сказывались климатические особенности различных районов боевых действий. Так, в итоговой оперативной сводке 9-й армии за май 1943 г.,

действовавшей в низовьях р. Кубань, сообщалось: «В результате длительного пребывания в плавнях, без отдыха, без какой-либо возможности просушиться, у многих бойцов и командиров начались опухоли конечностей и заболевания» [21, л. 28]. А на знаменитом малоземельском плацдарме под Новороссийском в связи с особенностями питания и нехваткой питьевой воды отмечались случаи куриной слепоты, дизентерии, авитаминоза и даже цинги [22, с. 133].

Изучение сведений о людских потерях Красной Армии в ходе освобождения Северного Кавказа показало, что публиковавшая прежде информация была фрагментарной и не позволяла оценить весь их масштаб. Неполными оказались и данные в столь востребованных исследователями документах, как ежемесячные итоговые оперативные сводки. Наиболее объективная информация по интересующему нас вопросу представлена в сводных донесениях о потерях личного состава.

Детальный анализ этих документов позволил установить общий размер советских потерь в боях на Северном Кавказе с 1 января по 9 октября 1943 г., а значит определить цену освобождения от захватчиков столь важного региона. Вместе с тем удалось выяснить ежемесячные величины убыли личного состава войск Закавказского и Северо-Кавказского фронтов, проследив взаимосвязь их роста и снижения с интенсивностью боевых действий на разных этапах наступления Красной Армии. А сопоставление различных категорий потерь показало, что на итоговые данные об их размере влияли не только такие объективные факторы, как ожесточенность борьбы на поле боя или природно-климатические условия, но и особенности учета убыли личного состава.

Источники и литература

1. Битва за Кавказ. М.; Владикавказ, Триада-Ф, 2002. 411 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В12 т. Т.3. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 т. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010.
4. Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. 636 с.
5. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 284 с.
6. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 415 с.
7. Литвиненко В. Н. Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече, 2013. 288 с.
8. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с.
9. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: Вече, 2010. 624 с.
10. Сводные донесения о потерях личного состава Северо-Кавказского фронта 1 февраля – 10 октября 1943. «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru (Дата обращения: 07.10.2018).
11. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 51. Оп. 932. Д. 357.
12. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 358.
13. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 359.
14. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 360.
15. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 361.
16. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 362.
17. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 363.
18. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 364.
19. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 365.
20. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 367.
21. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 378.
22. Шиян И. С. На Малой земле. М.: Воениздат, 1974. 185 с.
23. Януш С. В. Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций (1942–1943 гг.): дисс. … д-ра. ист. наук. Ставрополь, 2006. 622 л.

References

1. Bitva za Kavkaz *(Battle of the Caucasus)*. Moscow; Vladikavkaz: Triada-F, 2002. 411 p. (In Russian).
2. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov *(Great Patriotic War 1941–1945)*. Vol. 3. Moscow.: Kuchkovo pole, 2012. 864 p. (In Russian).
3. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. Kampanii i strategicheskie operatsii v tsifrakh *(Great Patriotic War 1941–1945. Campaigns and Strategic Operations in Numbers)*. Moscow: Ob»edinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2010. (In Russian).
4. Voennaya ehntsiklopediya *(Military Encyclopedia)*. Vol. 1. Moscow: Voenizdat, 1997. 636 p. (In Russian).
5. Vojna. Yug. Perelom (leto 1942 – osen' 1943 gg.) *(War. South. Turning-point (Summer 1942 - Autumn 1943)*. Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2012. 284 p. (In Russian).
6. Grif sekretnosti snyat. Poteri Vooruzhennykh sil SSSR v vojnakh, boevykh dejstviyakh i voennykh konfliktakh: Statisticheskoe issledovanie *(Declassification. The losses of the Soviet Armed Forces in Wars, Hostilities and Military Conflicts: Statistical Research)*. Moscow: Voenizdat, 1993. 415 p. (In Russian).
7. Litvinenko V. N. Tsena vojny. Lyudskie poteri na sovetsko-germanskom fronte *(The Price of War. Casualties on the Soviet-German Front)*. Moscow: Veche, 2013. 288 p. (In Russian).
8. Rossiya i SSSR v vojnakh XX veka: Statisticheskoe issledovanie *(Russia and the USSR in the Wars of the 20th CENTURY: Statistical research)*. Moscow: Olma-Press, 2001. 608 p. (In Russian).

9. Rossiya i SSSR v vojnakh XX veka. Kniga poter' *(Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Loss Book)*. Moscow: Veche, 2010. 624 p. (In Russian).
10. Svodnye doneseniya o poteryakh lichnogo sostava Severo-Kavkazskogo fronta 1 fevralya – 10 oktyabrya 1943. «Pamyat' naroda» *(Summary Casualty Reports of Personnel of the North Caucasus Front February 1 – October 10, 1943. "Memory of the People").* URL: https://pamyat-naroda.ru (Accessed: 07.10.2018) (In Russian).
11. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 357. (In Russian).
12. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 358. (In Russian).
13. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 359. (In Russian).
14. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 360. (In Russian).
15. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 361. (In Russian).
16. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 362. (In Russian).
17. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 363. (In Russian).
18. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 364. (In Russian).
19. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 365. (In Russian).
20. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 367. (In Russian).
21. TSAMO. F. 51. Inv. 932. D. 378. (In Russian).
22. Shiyan I. S. Na Maloj zemle *(On the Minor Land).* Moscow: Voenizdat, 1974. 185 p. (In Russian).
23. Yanush S. V. Bitva za Kavkaz: problemy vojskovykh operatsij (1942–1943 gg.) *(Battle of the Caucasus: Problems of Military Operations (1942–1943))*. Stavropol', 2006. 622 p. (In Russian).

Сведения об авторе
Киселев Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова (Краснодар) / ilya.v.kiselev@yandex.ru

Information about the author
Kiselev Il'ya – PhD in History, Associate Professor, Chair humanitarian and socio-economic disciplines, Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov (Krasnodar) / ilya.v.kiselev@yandex.ru

УДК 94 (470)

Ю. Ю. Клычников

«РУС МОЩЕН, ЗОРОК, НЕПРОСТ…»: НАЧАЛО СКЛАДЫВАНИЯ РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СОВМЕСТНИЧЕСТВА

В работе реконструируются события раннего этапа формирования русско-северокавказских отношений. Показываются обстоятельства появления руссов в регионе, вызванные необходимостью налаживания торговых контактов с Востоком. Поднимается вопрос о роли Хазарского каганата в обеспечении регулярных контактов между восточными славянами и племенами Северного Кавказа. Анализируются причины, приведшие в итоге к столкновениям между формирующейся Киевской Русью и Хазарией. Демонстрируется неоднозначность первых контактов между дружинами руссов и автохтонным населением. Даётся оценка внешней политики князя Святослава, для которого южное направление оказалось в числе приоритетных. Его походы на Кавказ привели к крушению геополитического соперника и создали условия для возникновения здесь русского форпоста, который впоследствии оформился в Тмутараканское княжество.

Успехи Святослава были закреплены при князе Владимире I. Он достаточно активно контактировал с жителями Тмутаракани, и, видимо, при нём здесь появилась не только русская администрация, но и стали укореняться переселенцы из числа восточных славян. Используя Тмутаракань, Русь могла проводить активную политику в Крыму, усиливать своё влияние на народы Северного Кавказа. Это позволяло формировать долговременное историческое партнёрство, которое понимается как сотрудничество-соперничество и обозначается термином «совместничество».

Ключевые слова: Руссы, Хазарский каганат, торговля, Тмутаракань, походы, контакты, колонизация.

Yu. Yu. Klychnikov

“THE RUS IS POWERFUL, SHARP-EYED, SOMETHING OF HIMSELF ...”: THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN AND NORTH CAUCASIAN COOPERATION

The work reconstructs the events of the early stage of the formation of Russian-North Caucasian relations. The circumstances of the appearance of Russians in the region, caused by the need to establish trade contacts with the East, are shown. The role of the Khazar Khaganate in ensuring regular contacts between the Eastern Slavs and the tribes of the Northern Caucasus is under consideration. The reasons that led to the clashes between the emerging Kievan Rus and Khazaria are analyzed. The ambiguity of the first contacts between the Russian troops and the autochthonous population is demonstrated. The foreign policy of Prince Svyatoslav, who prioritized the southern direction, is estimated. His campaigns in the Caucasus led to the collapse of the geopolitical rival and created the conditions for the emergence of the Russian fort post, which subsequently took shape in the Tmutarakan principality.

Svyatoslav’s successes were fixed during the reign of Prince Vladimir I. He actively contacted with the inhabitants of Tmutarakan, and, apparently, during his ruling not only the Russian administration appeared in the region, but also Eastern Slavic settlers began to take root. Using Tmutarakan, Russia could pursue an active policy in the Crimea, strengthen its influence on the peoples of the North Caucasus. This allowed forming a long-term historical partnership, which is understood as cooperation-rivalry and is designated by the term “cooperation”.

Key words: Ruses, Khazar khaganate, trade, Tmutarakan, campaigns, contacts, colonization.

Многовековой опыт русско-северокавказского совместничества, т.е. сотрудничества-соперничества своими корнями уходит в догосударственный период общей истории [13, с. 5]. Определить его отправную точку – задача трудноосуществимая. Скудость источниковой базы оставляет слишком много на долю гипотетических конструктов, подтвердить (впрочем, и опровергнуть) которые затруднительно. Персидский автор Белами (Бал’ами) упоминает о появлении в 643 г. отряда русов в районе Дербента, но это малоинформативное сообщение, которое пока не подкрепляется другими свидетельствами. Это заставляет исследователей усомниться даже в том, что речь идёт о славянах или варягах. Возможно, слово «русы» является искажением какого-то другого, по-видимому, местного этнонима.

Анализировавший этот факт Б. А. Дорн отмечал, что наличествует «известие о Русах, появившихся в 643 году к северу от Дербента, властитель которого при первом нашествии Аравитян очутился «между двумя сильными врагами, Хазарами и Руссами». Последних он называет «врагами всего мира», преимущественно же врагами «Арабов», которые однако же затем до 10-го века упорно молчат о таких ожесточённых врагах своих. Очень жаль, что все сведения, дошедшие до нас о «Rûs» 643 года, нам сообщает не совре-

менный им, и даже не дорюриковский, писатель, а современник Рюрикова внука, т.е. Белами, автор персидского сокращённого издания большого исторического сочинения Табари, писавшего его впрочем также не до Рюрика, а лишь во времена Олега. При передаче оригинала Белами, по-видимому, поступал очень произвольно, хотя часть заметных вставок и искажений, может быть, следует отнести на счёт позднейших переписчиков» [9, с.379].

Столь же категоричен в своих выводах и М. И. Артамонов: «У Бал'ами говорится, что за Дербентом, пройдя Руссов и Джурханов, находится целое царство и много городов, называемое Беленджер. Что это за Русь между Дербентом и Беленджером – сказать невозможно; вероятно, какое-нибудь сильно извращённое местное племя, во всяком случае не имеющее никакого отношения к Руси славянской, которой в VII в. на Кавказе…не было и быть не могло» [1, с. 195].

Впрочем, существует и альтернативная точка зрения, согласно которой на Каспии существовала русско-хазарская торговая фактория [18, с.540]. Однако никаких дополнительных доводов в пользу этой версии не приводится, а потому её критики продолжают настаивать, что ни международная обстановка, ни уровень социально-экономического и политического развития восточнославянского общества не позволяли закрепиться здесь их анклаву [30, с. 63].

Лишь во второй половине IX в. ситуация претерпела кардинальные изменения, и присутствие руссов на Северном Кавказе начинает подтверждаться достаточно уверенно. Но насколько уместно исходить в оценке формирующегося русско-северокавказского партнёрства лишь факт появления руссов непосредственно в регионе?

Представляется, что само знакомство произошло раньше, и здесь достаточно вспомнить тот факт, что и племена Северного Кавказа, и часть восточнославянского этнического массива входили в состав Хазарского каганата, т.е. были подданными общего владыки. Хазары к VIII в. распространили свою власть на восточноевропейские степи и прилегающие к ним с севера территории, на которых проживали славянские племена. Для последних появление хазар дало возможность беспрепятственно колонизовать чернозёмные просторы Среднего Поднепровья, Волыни, Подолии, не опасаясь угрозы со стороны кочевников. Данниками Итиля были поляне, северяне, вятичи, радимичи, вошедшие впоследствии в состав Древнерусского государства [1, с. 296–302]. Находясь в условиях общего государственного пространства, подданные кагана участвовали в экономических процессах, протекавших в Хазарии, поставляли на внутренний и внешние рынки собственный товар, налаживая взаимодействие друг с другом [17, с. 3; 30, с. 31]. Каганат был заинтересован в этом, а потому прилагал довольно затратные усилия, чтобы добиться безопасного функционирования торговых маршрутов. В местах, куда власть этого государства не распространялась, успешная хозяйственная деятельность была затруднена, а то и просто опасна [22, с. 60]. Важную роль в этом процесс играл Волжско-Балтийский торговый путь, являвшейся важной трансъевропейской артерией, ставшей фактически путём из «варяг в арабы» [32, с. 192; 10, с. 7].

Таким образом, к началу активизации южного вектора политической, экономической и культурной экспансии Руси она уже имела представление о тех народах, которые находились между Каспийским и Чёрным морями.

С IX в. руссы начинают фигурировать в военно-политических событиях на Кавказе как один из сильных игроков, заручиться поддержкой которого стремятся местные сообщества. По крайней мере, по сведениям географа и историка ал-Йа'куби именно к сахиб-ас-сакалиба обращались за помощью в 853–854 (854–855) г. некие мутахаррикун, т.е. бунтовщики, которые подняли восстание против арабов в разных местах Закавказья. Под этим титулом, видимо, скрывается князь одного из восточнославянских племенных союзов. Примечательно, что, помимо славян, противники халифата искали поддержки у правителей Византии и Хазарии. Это были три центра силы, которые могли оказать помощь в борьбе против арабов [2, с.141].

Наличие общего противника не гарантировало отсутствие разногласий между этими политическими силами. Очевидно, каган опасался усиления славянских позиций в регионе, который считал сферой исключительно собственных интересов. Неслучайно с 30-х гг. IX в. и вплоть до начала X столетия торговые связи целого ряда восточнославянских союзов с Востоком оказываются прерванными, что подтверждается резким сокращением восточных монет на археологических памятниках полян, дреговичей, радимичей, полочан, кривичей, северян. Это болезненно сказывается на процессе формирования городских центров, динамично развивавшихся ранее благодаря торговле. Некоторые из них приходят в упадок, и со временем жизнь на них прекращается [4, с. 20].

Речь, по-видимому, шла о «таможенной войне», которой хазары ответили на «сам факт оформления государства Руси, полное прекращение в связи с этим поступления с его территории даней, и, наконец, враждебной по отношению к каганату акт принятия главой Руси титула священной для всех хазар особы кагана…» [35, с. 205].

Сам титул «кагана» («хакана»), возможно, был принят киевским князем в первой трети IX в., что символизировало его претензии не только на политический суверенитет, но и указывало на дальнейшие экспансионистские намерения [20, с. 379].

Впрочем, это не означало полного прекращения походов руссов на Восток. В поле зрения авторов попадали их флотилии, которые отправлялись на Каспий в промежутке между 864–884 гг. [30, с. 64]. Целью их походов был остров Абесгун, что, помимо «военно-коммерческого» интереса, возможно, было связано с политическими обязательствами перед Византией [28, с. 197–198]. Для нас в данном случае важны сам факт наличия

этого региона в сфере военно-политических приоритетов руссов и сохранение, таким образом, заинтересованности в поддержании контактов с населением, по крайней мере, прикаспийских территорий Кавказа.

В дальнейшем экспансия на Каспий была продолжена, а новые экспедиции имели всё более масштабный характер. В 909–910 и 912–913 гг. руссы, задействовав сотни судов, вели боевые действия на Абесгуне, Гиляне, Апшероне. Примечательно, что свои действия руссы согласовали с каганом, который был заинтересован в ослаблении давнего соперника – мусульман [26, с. 328].

Эти акции хотя и приносили трофеи, но не смогли решить главной задачи – устойчиво закрепиться в этих местах и гарантировать себе бесперебойную торговлю с народами прикаспийского ареала. Торговые операции однако не прерывались, хотя, видимо, и производились незначительными силами. По крайней мере, число восточных монет на территории Восточной Европы вновь возрастает, и связывать их исключительно с военными трофеями вряд ли правомочно.

Рассматривая ситуацию на период с 900 по 938 гг., В. Л. Янин отмечал, что «значительное расширение торговли, отразившееся в отмеченном увеличении куфической монеты в Восточную Европу, привело и к усилению насыщенности восточноевропейского денежного обращения серебряной монетой. Увеличение количества монеты в обращении при вело к заполнению всех тех территориальных лакун, которые образовались во втором периоде, когда ввоз монеты был недостаточным. Монета снова проникает на территорию Смоленщины, в пределы радимичской земли, вновь распространяется по Днепру» [36, с. 137].

Чтобы закрепиться на территории Прикаспия, некоторые купцы-руссы шли на принятие ислама, демонстрируя необычайную конфессиональную гибкость в интересах торговых барышей. Приспосабливаясь к местной конъюнктуре, они то принимали христианство, то переходили в мусульманскую веру, обеспечивая себе лояльность со стороны местных владельцев. Возможно, это были те руссы, которые решили остаться в регионе после похода 912/13 гг. и должны были приспосабливаться к тем политическим реалиям, которые царили в этих краях [30, с. 64–65].

Сложные отношения с Хазарским каганатом побуждали руссов искать новые центры для выстраивания торговых отношений с Востоком. По мнению С. А. Голованової, возможно, этим и был обусловлен поход на город Берда (Бердаа), который интересен ещё и тем, что при его организации был заключён военный союз с северокавказскими обществами [30, с.65]. У Низами в одном ряду с руссами в битве «Справа были хозары, буртасов же слева / Ясно слышались возгласы, полные гнева, / Были с крыльев псуйцы; предвестьем беды / Замыкали всё войско аланов ряды» [19, с. 659].

Предпринятая акция у разных авторов относится либо к 943/944 г., либо к 945 г. и подтверждается целым рядом письменных источников, что демонстрирует тот резонанс, который вызвали действия руссов и их союзников. Спустя много лет предания о захвате города руссами вдохновляли поэтов на создания эпических произведений, посвящённых нелёгкой борьбе с этими умелыми воинами [19]. Благодаря такому повышенному вниманию мы имеем возможность достаточно подробно реконструировать это событие. По словам автора XIII в. Ибн-эль-Эсир Джезери, «…снова увидели руссов в Хазарском море; они поднялись вверх по реке куру, и внезапно появились пред Бердаою, столицею Аррана, отстоящею около трёх фарсангов к югу от сей реки. Градоначальник, управляющий столицею от имени правителя адербайджанского, выступил против них с отрядом войск дейлемитских (жители Дейлема – горного Гиляна, горной части Табаристана на юго-западном побережье Каспийского моря. Славились как опытные воины, служившие в отборных частях персидских царей и арабских халифов. – *Ю.К.*) и волонтерами, всего числом более 5000; но руссы разбили их в одну минуту. Дейлемиты были переколоты, а бежавшие с поля сражения преследованы до города, из которого спешили спасаться все, которые только могли достать вьючный скот. Вступив в город, руссы тотчас объявили, что жизнь обитателей будет пощажена. Они сдержали своё слово, и, должно отдать им справедливость, они вели себя воздержанно» [27, с. 22].

Судя по всему, отряд руссов был достаточно большим и состоял из хорошо подготовленных воинов. Даже в литературных произведениях подчёркивались их умения и дисциплина: «Рум, узнавший, что рус мощен, зорок, непрост…», «Всё обдумавший рус не разрозненным строем / Растянул свою рать, а рассчитанным строем…» и т.п. [19, с. 658, 688]. Их шаги не напоминают обычный набег, а являются акцией с далеко идущими замыслами. Лояльное отношение к местным жителям демонстрировало желание заручиться если не их расположением, то, по крайней мере, нейтралитетом. Так поступают в том случае, когда собираются закрепиться на территории всерьёз и надолго.

Однако добиться этого руссам не удалось. Вскоре «войска мусульманские собрались со всех сторон; но быв атакованы руссами, они предались бегству. Во время сражения, чернь Бердаи, вышед вон из города, стала бросать в руссов каменьями, и ругать их во всю мочь. Руссы убеждали народ прекратить неприязненные действия; но он не слушался, и удалились только благоразумнейшие. Городская сволочь, особенно пастухи, никак не могли удержаться. Наконец руссы, вышед из терпения, объявили чтобы в течение недели все жители Бардаи вышли из города. Те, которые имели вьючный скот, отправились; но после назначенного срока довольное число жителей ещё оставалось в городе. Многих из них лишив жизни, 19000 человек, избежавших смерти, руссы взяли в плен. Потом, собрав в мечеть остальных жителей, от коих можно было надеяться получить хороший выкуп, они объявили, что те

которые не выкупят себя, будут преданы смерти. Один частный человек, христианской веры, принял участие в сих несчастных, и стал договариваться с руссами об их освобождении, назначив за каждую голову по 20 драхм; но заключённые, кроме некоторых благоразумнейших, отказались заплатить этот выкуп. Руссы, видя, что им тут ничего нельзя получить, предали их смерти, исключая немногих, успевших спастись. Потом сии чужеземцы разграбили город, взяли в плен детей, и выбрали женщин, которые им понравились» [27, с. 22–23].

Как видно из этого отрывка, руссы достаточно долго пытались выстроить бесконфликтные взаимоотношения с жителями города, но это было воспринято как слабость и нерешительность их отряда. Не желая иметь в тылу враждебное население, они в итоге весьма жёстко подавили недовольство. Обращает на себя внимание эпизод, связанный с посреднической деятельностью одного из местных христиан, который убедил руссов освободить невольников за деньги. Почему он пользовался доверием у захвативших Берда воинов, однозначно сказать нельзя. Возможно, среди руссов были его единоверцы, но не исключено, что он, не будучи мусульманином, выглядел наиболее непредвзятым переговорщиком в глазах руссов-язычников. В любом случае, предводители захватившей город дружины, по-видимому, неплохо ориентировались в местной конфессиональной специфике и использовали это для получения трофеев.

Дальнейшие шаги руссов позволяют предположить, что они не собирались расширять сферу своего влияния и не теряли надежды сохранить Берда за собой. Их действия были скорее реакцией на вызовы, которые бросали им местные правители, стремившиеся к изгнанию захватчиков. Так, «бедственная участь Бердаи возбудила в сердцах мусульманских сожаление и негодование; повелено было сделать всеобщее ополчение. Правитель Адербайджана, Мохаммед Ибн-Муссафир, известный более под название Эль-мерзебана (по определению В. В. Григорьева это то же, что маркграф – охранитель границ, пограничный воевода. – *Ю.К.*), успел собрать 30000 войска, выступил против руссов; но, быв разбит, принуждён был отступить. После сей победы руссы оставались уже спокойными, и в продолжении довольно долгого пребывания своего в Бердае, только раз сделали набег на окрестности Мераги; но излишнее употребление плодов произвело между ними заразительную болезнь, жертвою которой погибло большое число их» [27, с. 23].

Непривычные к местному климату и продуктам северяне оказались жертвой пищевых отравлений, возможно, вызвавших эпидемию дизентерии. Эль-мерзебану удалось в итоге собрать новые силы и заставить руссов укрыться в городской цитадели. Они заранее свезли туда продовольствие и добычу, перевели пленников. Осада затягивалась, но «болезни между сими иноземцами усилились ещё более с того времени как они запёрлись в Шегристане. Ослабленные сим, они решились ночью выти из крепости, унося на плечах лучшее имущество. Достигнув берега реки Кура, без всякого нападения со стороны осаждающих, которые не смели их преследовать, они сели на свои суда и отправились. Таким образом, Господь очистил страны мусульманские от сей толпы неверных» [27, с. 25].

Так, вопреки настойчивым попыткам руссов сохранить за собой Берда, они вынуждены были покинуть его, ограничившись лишь полученными трофеями. Этот поход, вероятно, задумывавшийся как политическая акция, в итоге завершился как обычное «коммерческое» предприятие, пусть и принесшее его участникам прибыль. Вряд ли такой итог планировался с самого начала, и мотивацией была лишь «жажда добычи» [27, с. 25]. В этом случае руссы не стали бы надолго задерживаться в городе, а, захватив искомое, покинули враждебную территорию. Имея ощутимое военное превосходство, их отряды могли успешно разорять сопредельные селения, собирая новые трофеи. Вместо этого они настойчиво пытались наладить контакты с местными жителями, демонстрируя приверженность к законности в оказавшемся в их власти городе. Примечательно, что, изымая ценности, руссы выдавали «кусок глины с печатью», что очевидно гарантировало защиту от повторного сбора дани с такого человека [28, с. 206]. К насилию они прибегли, лишь убедившись, что их миролюбивые призывы тщетны. Тогда своего форпоста на Кавказе руссы так и не получили. Но этот замысел будет воплощён в жизнь несколько позднее, когда на Таманском полуострове возникнет новое русское княжество – легендарная Тмутаракань.

Киевскому князю Святославу Игоревичу придётся приложить немалые усилия, чтобы разгромить своего исторического конкурента и соперника – Хазарский каганат. Борьба с ним во многом определялась внешнеполитическими приоритетами Руси, стремящейся обеспечить себе беспрепятственный выход к Каспийскому и Чёрному морям. Таким образом, ранние русско-северокавказские связи были неотъемлемой частью масштабной геополитической задачи, стоявшей перед Древнерусским государством, настойчиво добивавшимся выхода на Восток.

Судя по всему, первый поход Святослава против хазар был связан с подчинением воли Киева племенного союза вятичей, которые прежде платили дань кагану. Вот что по этому поводу говорилось в «Повести временных лет»: «В год 6472 (964 г. – *Ю.К.*). <…> И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?». Они же ответили: «Хазарам – по щелягу с сохи даем». На следующий год «Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов» [24, с. 168].

Удар пришёлся по житнице каганата, т.к. среди разорённых Святославом земель были и девять климатов (владения в Северном Причерномо-

рье), о значении которых для хазар писал византийский император Константин Багрянородный, отмечавший, что они «прилегают к Алании и может, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии» [14, с. 53].

Видимо, Святослав не хуже греков знал об уязвимых местах противника, чем и воспользовался во время своего похода. В ходе этого похода, двигаясь с Северо-Восточного Кавказа на запад, он разгромил и союзников кагана – аланов и адыгов [15, с. 117–118]. Последние, находились под управлением хазарского наместника, имевшего высокий статус и титул ябгу, что лишний раз свидетельствует о том значении, которое придавалось этим территориям [5, с. 32]. Этот эпизод в русско-северокавказских отношениях, видимо, не рассматривался сторонами как повод к непримиримой вражде, и в дальнейшем будут иметь место вполне конструктивные и не лишённые взаимной комплиментарности контакты. Вполне реальным видится предположение, что Святослав привёл из этого похода с собой в Киев отряды из числа ясов и касогов, на которые рассчитывал, планируя своё вторжение на Балканы [29, с. 100; 3, с. 119]. В пользу этого говорят находки сосуда, сходного с салтовской керамикой, сделанные на территории города [12, с. 137].

В целом можно говорить о том, что поставленные в этом походе цели были достигнуты, и Святослав добился желаемого результата. По крайней мере, после таких успехов вятичи признали над собой власть князя, отныне отдавая дань уже Киеву.

Втянувшись в войну на Балканах, Святослав чуть было не потерял свою столицу, окружённую печенегами. Этот достаточно известный эпизод в истории правления князя-воина послужил для него хорошим уроком, поэтому, прежде чем вновь меряться силами с византийцами, он решил обезопасить свои южные рубежи – «собрал воинов, и прогнал печенегов в степь, и наступил мир» [24, с. 169]. Возможно, что тогда же он совершил ещё один поход против Хазарии. Так, арабский автор X в. Ибн-Хаукаль в «Книге путей и стран» писал, что «Булгар есть небольшой город, не имеющий многих владений; известен же был он потому, что был гаванью этих государств. Но Русы ограбили его, Хазрань, Итиль и Самандар в 358 (969) году и отправились тотчас в Рум и Андалус» [8, с. 218–219]. То есть в промежуток между балканскими кампаниями в 968–969 гг. князь крушил владения кагана в Поволжье и на Северном Кавказе. Видимо, на этот раз в числе его союзников были вчерашние противники, решившие избавиться от власти растерявшего былую мощь повелителя хазар [30, с. 66].

Даже если имела место неточность в датировке и речь должна идти об одном походе, сути произошедшего это не меняет [8, с. 223–227]. Были созданы предпосылки для дальнейшего закрепления Руси на Кавказе, и политический курс князя Святослава продолжили его преемники, энергично укореняясь в этом важном для них регионе. А. Г. Дугин высоко оценивает значение усилий киевского князя с точки зрения решения геополитических задач, стоявших перед молодым государством: «Это принципиально, т.к. мы видим в этом забегающий далеко вперёд в русскую историю проект интеграции Леса и Степи под властью леса. Прежде чем эти земли окончательно закрепятся за русскими, пройдут долгие века, прольются моря крови, состоятся сотни сражений. Южный вектор геополитики Святослава очерчивает на будущее вероятную глубину русского проникновения в этом направлении» [11, с. 148, 151].

Очередной поход на хазар совершает уже Владимир I Святославич, который, по словам Иакова мниха, автора произведения «Память и похвала князю Владимиру и его житие», «на Козары шедъ, побЬди я и дань на них положи» [21, с. 18]. Эта акция имела важное политическое значение для киевского князя, который таким образом должен был восстановить пошатнувшиеся после неудач Святослава в Болгарии позиции в Причерноморье. И хотя свидетельств о посещении Владимиром Тмутаракани не сохранилось, но то, что этот правитель поддерживал достаточно тесные связи с местной религиозной иудейской общиной, можно утверждать достаточно уверенно. При формировании своей будущей религиозной политики он приглашал в Киев хазарских проповедников, с которыми обсуждался самый широкий спектр проблем, и тогда, возможно, была достигнута договорённость о будущем протекторате Руси над Тмутараканью.

В городе появляется русский наместник, а вместе с ним наверняка и сопровождающая его дружина. Отныне жители начинают платить подати своему новому владельцу. Скорее всего, это событие произошло во второй половине 986 – первой половине 987 г. [6, с. 80–81]. По другой версии покорение Тмутаракани было связано с результатами похода князя Владимира в Таврику и относилось к 988–989 гг. [33, с. 295]. Не исключено, что этот поход формально закрепил уже сложившееся повиновение новых земель киевскому князю и завершил подчинение местной общины киевскому сюзерену.

Именно с Владимиром Святославичем, видимо, и следует связывать появление русского княжения на Таманском полуострове. С конца X в. здесь возводятся укрепления, которые имели конструктивные особенности, схожие с крепостями, выстроенными на р. Стугне. Это позволяет предположить об участии в этих работах тех же специалистов, что привлекались князем для создания цепи приграничных фортификаций, защищающих Русь от набегов кочевников [7, с. 164].

Аргументом может считаться и обнаруженная на Таманском городище керамика роменско-борщевского типа, которую связывают со славянским населением, пусть и весьма малочисленным на фоне прочих насельников Тамани [23, с. 23–24, 69]. Возможно, речь идёт о «чёрных людях», которые приняли участие в походе Владимира на

Корсунь и затем решили остаться в этих местах [7, с. 158–159, 164–165].

Этот был тот колонизационный материал, который сформировался в результате процесса феодализации, происходившего в среде восточных славян и приведшего к появлению людей, которые порвали связи со своей общиной и были готовы искать лучшей доли на новых землях [16, с. 144, 170–173, 337]. Его и включил в состав своего войска, идущего осаждать город Корсунь, князь Владимир, когда «собра воеводы своя Варяги и Словяны и Кривичи и Болгары и с черными людьми» отправился в поход [34, с. 52]. В других письменных источниках подтверждается, что черные люди привлекались князьями для участия в походах и на них смотрели как на часть боевого братства, оставить в беде которое было постыдно. В Ипатьевской летописи есть следующее обращение князя Игоря Святославича к своим дружинникам: «оже побегнем, утечем сами, а черныя люди оставим, то от Бога ны будет грех сих выдавшее пойдем; но или умрем, или живи будем на едином месте» [25, с. 131].

Таким образом, Русь стала активным участником политических процессов, проходивших в разных частях Кавказа и связанных с социальными, конфессиональными, экономическими перипетиями, имевшими место в регионе. Здесь у неё появились как непримиримые соперники, так и союзники, готовые к долговременному историческому партнёрству с набиравшей силу державой. Это и определило суть исторического явления, которое можно охарактеризовать как совместничество.

Источники и литература

1. Артамонов М. И. История хазар. 2-е изд. СПб: Филологический ф-т СПбГУ, 2002. 560 с.
2. Бейлис В. М. Арабские авторы IX – первой половины X в.о государственности и племенном строе народов Европы // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год. М.: Наука, 1986. С.140– 149.
3. Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев: Логос, 1997. 224 с.
4. Булкин В. А., Дубов И. В. Тимерево и Гнездово // Из истории феодальной России. Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. С.16–20.
5. Гадло А. В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. С.25–33.
6. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб: Издательство С.-Петербургского ун-та, 1994. 238 с.
7. Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 362 с.
8. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. (С половины VII до конца X века по Р.Х.). СПб.: [б.и.], 1870. 308 с.
9. Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья каспийского моря // Приложение к XXVI-му тому Записок Императорской Академии Наук. 1875. №1. 722 с.
10. Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л: Издательство Ленинградского университета, 1989. 256 с.
11. Дугин А. Г. Геополитика России. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2012. 424 с.
12. Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т.I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 580 с.
13. Клычников Ю. Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений / отв. ред. С. Л. Дударев. Пятигорск: ПГУ, 2018. 108 с.
14. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
15. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. 303 с.
16. Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1945. 432 с.
17. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1985. 148 с.
18. Народы Дагестана / Отв. ред. С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М.: Наука, 2002. 588 с.
19. Низами. Пять поэм. М.: Изд-во «Художественная литература», 1968. 864 с.
20. Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства Восточной Европы 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева / Ответственный редактор Т. М. Калинина. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000. С.367-379.
21. Память и похвала князю русскому Владимиру Иакова мниха и Житие князя Владимира. BERKELEY: SLAVIC SPECIALTIES, 1988. 31 с.
22. Петрухин В. Я. Путь «из варяг в греки»: летописная конструкция и трансконтинентальные магистрали // Древнейшие государства Восточной Европы / Ин-т всеобщей истории РАН. 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен / отв. ред. тома Т.Н. Джаксон; отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. М.: Индрик, 2010. С.58– 65.
23. Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: АН СССР, 1963. С. 5–72.
24. Повесть временных лет / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Издание второе исправленное и дополненное. СПб.: Наука, 1996. 669 с.
25. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению археографическою комиссиею. Том второй. III. Ипатиевская летопись. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1843. 379 с.
26. Пушкина Т. А. Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4-7 октября 2005 г. Великий Новгород / отв. ред. Е.Н. Носов и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С.325–331.

27. Россия и Кавказ. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанные в разное время В. В. Григорьевым ориенталистом. СПб., 1876. 575 с.
28. Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первой половины X в. М.: Мысль, 1980. 358 с.
29. Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982. 240 с.
30. Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под редакцией и с предисловием В. Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 318 с.
31. Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб: Алетейя, 2003. 160 с.
32. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., 1869. 199 с.
33. Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.
34. Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. 126 с.
35. Ширинский С. С. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. Сборник статей. М.: Наука, 1970. С.189–211.
36. Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с.

Reference

1. Artamonov M. I. Istoriya hazar *(History of the Khazars).* 2-e izd. St.Petersburg: St.Petersburg state university publ., 2002. 560 p. (In Russian)
2. Bejlis V.M. Arabskie avtory IX – pervoj poloviny H v. o gosudarstvennosti i plemennom stroe narodov Evropy *(Arab Authors IX – the First Half of the 10th Century. On the Statehood and the Tribal System of the Peoples of Europe)* // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya, 1985 god. Moscow: Nauka, 1986. S.140-149. (In Russian)
3. Bubenok O. B. YAsy i brodniki v stepyah Vostochnoj Evropy (VI – nachalo XIII vv.) *(Yasas and Brodniki in the Steppes of Eastern Europe (VI – the Beginning of XIII cc.).* Kiev: Logos, 1997. 224 p. (In Russian)
4. Bulkin V. A., Dubov I. V. Timerevo i Gnezdovo *(Timerovo and Gnezdovo)* // Iz istorii feodal'noj Rossii. Stat'i i ocherki k 70-letiyu so dnya rozhdeniya prof. V.V. Mavrodina. Leningrad: Leningrad university publ., 1978. P.16-20. (In Russian)
5. Gadlo A. V. Knyaz' Inal adago-kabardinskih rodoslovnyh *(Prince Inal Adygos-Kabardian Genealogy)* // Iz istorii feodal'noj Rossii. Stat'i i ocherki k 70-letiyu so dnya rozhdeniya prof. V.V. Mavrodina. Leningrad: Leningrad university publ., 1978. P. 25–33. (In Russian)
6. Gadlo A. V. EHtnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza X–XIII vv. *(Ethnic history of the North Caucasus X–XIII centuries).* St.Petersburg: St.Petersburg state university publ., 1994. 238 p. (In Russian)
7. Gadlo A. V. Predystoriya Priazovskoj Rusi. Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze *(Prehistory of Priazovsky Russia. Essays on the History of Russian Reign in the North Caucasus).* St.Petersburg: St.Petersburg state university publ., 2004. 362 p. (In Russian)
8. Garkavi A. YA. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih. (S poloviny VII do konca X veka po R.H.) *(Legends of Muslim Writers about the Slavs and Russians. (From the Half of the VII to the End of the 10th Century AD).* St.Petersburg, 1870. 308 p. (In Russian)
9. Dorn B. Kaspij. O pohodah drevnih russkih v Tabaristan, s dopolnitel'nymi svedeniyami o drugih nabegah ih na pribrezh'ya kaspijskogo moray (On the Campaigns of the Ancient Russians to Tabaristan, with Additional Information About Other Raids on the Coast of the Caspian Sea) // Prilozhenie k XXVI-mu tomu Zapisok Imperatorskoj Akademii Nauk. 1875. No 1. 722 p. (In Russian)
10. Dubov I. V. Velikij Volzhskij put' *(The Great Volga Way).* Leningrad: Leningrad university publ., 1989. 256 p. (In Russian)
11. Dugin A. G. Geopolitika Rossii *(Geopolitics of Russia).* Moscow: Gaudeamus, 2012. 424 p. (In Russian)
12. Karger M. K. Drevnij Kiev. Ocherki po istorii material'noj kul'tury drevnerusskogo goroda *(Ancient Kiev. Essays on the History of Material Culture of the Ancient Russian City).* Vol.I. Moscow-Leningrad: SA USSR, 1958. 580 p. (In Russian)
13. Klychnikov Yu. Yu. Sovmestnichestvo: retrospektivnyj analiz specifiki russko-severokavkazskih otnoshenij *(Cooperation: a Retrospective Analysis of the Specifics of Russian-North Caucasian relations)* / ed by S.L. Dudarev // Izvestiya nauchno-pedagogicheskoj Kavkazovedcheskoj SHkoly V.B. Vinogradova. Issue. 9. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 108 p. (In Russian)
14. Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej *(On the Management of the Empire).* Moscow: Nauka, 1991. 496 p.
15. Kuznecov V. A. Ocherki istorii alan *(Essays on the History of Alan)*. Ordzhonikidze: Ir, 1984. 303 p. (In Russian)
16. Mavrodin V. V. Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva *(Formation of the Old Russian State).* Leningrad: Leningrad university publ., 1945. 432 p. (In Russian)
17. Miheev V. K. Podon'e v sostave Hazarskogo kaganata *(Danish in the Khazar Khaganate)*. Har'kov: Izdatel'stvo pri Har'kovskom gosudarstvennom universitete izdatel'skogo ob»edineniya «Vishcha shkola», 1985. 148 p. (In Russian)
18. Narody Dagestana *(The Peoples of Dagestan)* / ed by S. A. Arutyunov, A. I. Osmanov, G. A. Sergeeva. Moscow: Nauka, 2002. 588 p. (In Russian)
19. Nizami. Pyat' poehm *(Five Poems)*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1968. 864 p. (In Russian)
20. Novosel'cev A. P. K voprosu ob odnom iz drevnejshih titulov russkogo knyazya *(On One of the Oldest Titles of the Russian Prince)* // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy 1998 g. Pamyati chlena-korrespondenta RAN Anatoliya Petrovicha Novosel'ceva / ed by T.M. Kalinina. Moscow: Vostochnaya literature, 2000. P. 367–379. (In Russian)
21. Pamyat' i pohvala knyazyu russkomu Vladimiru Iakova mniha i ZHitie knyazya Vladimira *(Memory and Praise to Prince Vladimir of Russia Vladimir Iakov Mnich and Life of Prince Vladimir).* BERKELEY: SLAVIC SPECIALTIES, 1988. 31 p. (In Russian)
22. Petruhin V. YA. Put' «iz varyag v greki»: letopisnaya konstrukciya i transkontinental'nye magistrali *(The Way "from the Varangians to the Greeks»: a Chronicle Design and Transcontinental Highways)* // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy / In-t vseobshchej istorii RAN. 2009: Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sociokul'turnyj fenomen / ed by T.N. Dzhakson; E.A. Mel'nikova. Moscow: Indrik, 2010. P. 58–65. (In Russian)

23. Pletneva S. A. Srednevekovaya keramika Tamanskogo gorodishcha *(Medieval Ceramics of Taman Fortification)* // Keramika i steklo drevnej Tmutarakani. Moscow: SA USSR publ., 1963. P.5–72. (In Russian)

24. Povest' vremennyh let *(The Tale of Bygone Years).* St.Petersburg: Nauka, 1996. 669 p. (In Russian)

25. Polnoe sobranie russkih letopisej, izdannoe po Vysochajshemu poveleniyu arheograficheskoyu komissieyu *(Complete Collection of Russian Chronicles, Issued by the Highest Command Archeographic Commission).* Vol.II. St.Petersburg, 1843. 379 p. (In Russian)

26. Pushkina T. A. Suveniry Austrveg *(Souvenirs Austrveg)* // U istokov russkoj gosudarstvennosti: istoriko-arheologicheskij sbornik: / ed by E.N. Nosov, etc. St.Petersburg: «Dmitrij Bulanin», 2007. P. 325–331. (In Russian)

27. Rossiya i Kavkaz. Sbornik issledovanij i statej po istorii, ehtnografii i geografii napisannye v raznoe vremya V.V. Grigor'evym orientalistom *(Russia and the Caucasus. Collection of Studies and Articles on History, Ethnography and Geography, Written at Different Times V. V. Grigoriev Orientalist).* St.Petersburg, 1876. 575 p. (In Russian)

28. Saharov A. N. Diplomatiya Drevnej Rusi: IX – pervoj poloviny X v. *(Diplomacy of Ancient Russia: IX – First Half of the 10th Century).* Moscow: Mysl', 1980. 358 p. (In Russian)

29. Saharov A. N. Diplomatiya Svyatoslava *(Diplomacy of Svyatoslav).* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1982. 240 p. (In Russian)

30. Severnyj Kavkaz s drevnejshih vremyon do nachala XX stoletiya (istoriko-ehtnograficheskie ocherki) *(North Caucasus from Ancient Times to the Beginning of the Twentieth Century (Historical and Ethnographic Essays)* / ed by V.B. Vinogradov. Pyatigorsk: PSLU publ., 2010. 318 p. (In Russian)

31. Tolochko P. P. Kochevye narody stepej i Kievskaya Rus' *(Nomadic Peoples of the Steppes and the Kievan Rus).* St.Petersburg: Aletejya, 2003. 160 p. (In Russian)

32. Hvol'son D. A. Izvestiya o hazarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah Abu-Ali Ahmeda Ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatelya nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeya *(News of the Khazars, Burtases, Bulgarians, Magyars, Slavs and Russs of Abu Ali Ahmed bin Omar Ibn Dust, an Unknown Arab Writer of the Early 10th Century, According to the Manuscript of the British Museum)*. St.Petersburg, 1869. 199 p. (In Russian)

33. CHkhaidze V. N. Tamatarha. Rannesrednevekovyj gorod na Tamanskom poluostrove *(Tamatarha. Early Medieval Town on the Taman Peninsula).* Moscow: TAUS, 2008. 328 p. (In Russian)

34. SHahmatov A. A. Korsunskaya legenda o kreshchenii Vladimira *(The Korsun Legend of Vladimir's Baptism).* St.Petersburg, 1906. 126 p. (in Russian)

35. SHirinskij S. S. Ob»ektivnye zakonomernosti i sub»ektivnyj faktor v stanovlenii Drevnerusskogo gosudarstva *(Objective Patterns and a Subjective Factor in the Formation of the Old Russian State)* // Leninskie idei v izuchenii istorii pervobytnogo obshchestva, rabovladeniya i feodalizma. Moscow: Nauka, 1970. P.189–211. (in Russian)

36. YAnin V. L. Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoj Rusi i ocherki istorii denezhnoj sistemy srednevekovogo Novgoroda *(Money-weight Systems of Pre-Mongol Rus and Essays on the History of the Monetary System of Medieval Novgorod).* Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2009. 416 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / klichnikov@mail.ru

Information about the author

Klychnikov Yurii – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / klichnikov@ mail.ru

УДК 94 (470.620) «19/20»

О. В. Матвеев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАСТНЫХ ПОВЕРЕННЫХ В КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Статья посвящена профессиональной и общественной деятельности частных поверенных в Кубанской области в 1870-е гг. – начале XX в. Несмотря на то, что их деятельность предполагалась как временная мера этот институт просуществовал до конца 1917 г. В Кубанской области надзор за частными поверенными осуществлялся выдавшим свидетельство Екатеринодарским окружным судом или съездом мировых судей. За проступки или профессиональные ошибки частные поверенные подвергались такой же ответственности, что и присяжные поверенные, вплоть до отдания под суд и исключения из числа поверенных. Вознаграждение частный поверенный получал от своих клиентов также как и официальные адвокаты, либо в соответствии с таксой 1868 г., либо по письменному соглашению. На примерах деятельности ряда адвокатов показаны особенности и условия работы частных поверенных в Кубанской области. Качество практики частных поверенных значительно уступало уровню деятельности профессиональных присяжных поверенных. Первые поверенные были не всегда юридически образованы и подготовлены к ведению дел частных лиц. В то же время весьма плодотворной была общественная и адвокатская деятельность В. И. Лунина, который создал бесплатную юридическую консультацию для рабочих, способствовал развитию правовой культуры на Кубани. Тактом и ответственностью отличались в своей частной практике частные кубанские адвокаты Г. К. Демяник, В. Д. Гуревич, В. М. Владимиров, и др. Для ведения гражданских дел от частных поверенных не требовалось наличие высшего юридического образования, но они должны были получить свидетельство на право ведения дел. Уголовные защиты мог вести частный поверенный только с высшим юридическим образованием и стажем работы не менее 2-х лет. Со временем, прежде, чем принять на службу частного поверенного, о нём стали собираться необходимые сведения, которые представляют интересные оценки деятельности института частных поверенных в Кубанской области. На каждого причастного поверенного Екатеринодарский окружной суд заводил папку личного дела, в котором отражалась вся его юридическая практика в регионе. С ростом числа адвокатов между частными поверенными росла конкуренция. Серьёзные проступки частного поверенного влекли за собой лишение свидетельства на право ведения чужых дел. Однако в целом роль частных поверенных в развитии правосознания в регионе была велика.

Ключевые слова: частные поверенные, Кубанская область, адвокатура, клиенты, жалобы, защита в суде, общественная деятельность, законы.

O. V. Matveyev

ACTIVITIES OF PRIVATE ATTORNEYS IN THE KUBAN REGION IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

The article is devoted to professional and social activities of private attorneys in the Kuban region in the 1870s – early twentieth century. Despite the fact that their work was intended as a temporary measure, the Institute lasted until the end of 1917. The supervision of private attorneys in the Kuban region was carried out Yekaterinodar district court that issued the certificate or by the Congress of justices of the peace. For misconduct or professional errors, private attorneys were subject to the same liability as attorneys-at-law, up to the time of trial and exclusion from the number of attorneys. A private attorney received remuneration from their clients in the same way as official lawyers, either in accordance with the tax of 1868, or by written agreement. By the examples of activity of a number of lawyers, features and conditions of work of private attorneys in the Kuban region are shown. The quality of the practice of private attorneys was significantly inferior to the level of activity of professional attorneys. The first attorneys were not always legally trained and ill-equipped to conduct the affairs of private individuals. At the same time, one should mention very fruitful public and advocacy by V. I. Lunin, who created free legal advice for workers, contributed to the development of legal culture in the Kuban. Tact and responsibility were characteristic of private Kuban attorneys G. K. Damanik, V. D., Gurevich, V. M. Vladimirov, etc. Private attorneys were not required to have higher legal education to conduct civil cases, but they had to obtain a certificate for the business. Criminal defense could lead a private attorney only with higher legal education and experience of at least 2 years. Over time, before taking on the service of a private attorney, they began to gather the necessary information, which feature interesting assessment of the Institute of private attorneys in the Kuban region. For each attorney Ekaterinodar district court had a folder of personal files, which reflected all his legal practice in the region. With the growth of the number of lawyers, the competition between private attorneys increased. Serious misconduct of a private attorney entailed the deprivation of a certificate for the right to conduct other people's affairs. However, in general, the role of private attorneys in the development of legal consciousness in the region was great.

Key words: private attorneys, Kuban oblast, lawyers, client's complaints, legal defense, social activities, laws.

Исторический опыт развития российской адвокатуры крайне востребован сегодня, когда страна совершает уверенные шаги в сторону укрепления здания правового государства. На фоне совершенствования рынка юридических услуг важной проблемой является правовое регулирование профессиональной деятельности адвокатов, которые составляют альтернативу адвокатским образованиям и работают в качестве индивидуальных предпринимателей. В дореволюционной России у этой категории защитников имелись свои предшественники – частные поверенные. Статья посвящена профессиональной и общественной деятельности частных поверенных в Кубанской области в 1870-е гг. – начале XX в.

Согласно Судебным уставам 1864 г. «тяжущиеся сохраняют право являться в суд лично, равно как подавать жалобы и другие бумаги и доверять передачу их посторонним лицам» [17, с. 212]. В связи с этим вести судебные дела разрешалось и частным поверенным. Частными поверенными могли быть лица, получившие высшее юридическое образование или удостоверившие суд в своих познаниях. Им выдавались свидетельства на право ведения чужих дел. Суду, который выдал свидетельство, принадлежала дисциплинарная власть над частными поверенными [19, с. 11]. Независимо от дисциплинарных взысканий, министр юстиции мог устранить частного поверенного от ходатайства по судебным делам, если признавал его «недостойным звания частного поверенного». Частные поверенные вели, главным образом, гражданские дела.

Однако толчок к развитию института частных поверенных был дан лишь десятилетие спустя. 5 декабря 1874 г. образование советов присяжных поверенных было приостановлено «в округах тех Судебных Палат, где оные до сего времени ещё не открыты» [18, с. 409]. В результате деятельности частных поверенных был дан зелёный свет. Предполагалось, что их законное существование будет служить сокращению числа подпольных адвокатов, которые приобрели репутацию мошенников [20, с. 184].

Функционирование частных поверенных предполагалась как временная мера, пока «число присяжных поверенных не будет достаточным». Однако этот институт просуществовал до конца 1917 г. и был отменен специальным декретом. Частные поверенные получали свои права на ведение дел как от окружных судов и судебных палат, так и от съездов мировых судей. Но если свидетельство выдавал съезд мировых судей, то частный поверенный имел право ходатайствовать только по делам у мировых судей.

В Кубанской области надзор за частными поверенными осуществлялся выдавшим свидетельство Екатеринодарским окружным судом или съездом мировых судей. За проступки или профессиональные ошибки частные поверенные подвергались такой же ответственности, что и присяжные поверенные, вплоть до отдания под суд и исключения из числа поверенных. Вознаграждение частный поверенный получал от своих клиентов также как и присяжный поверенный, либо в соответствии с таксой 1868 г., либо по письменному соглашению.

В 1874 г. Екатеринодарский окружной суд рассматривал дело бывшего атамана ст. Староджералиевской урядника Харитона Фёдоровича Шпанько, обвиняемого в преступлении по должности. Атамана обвиняли в том, что тот в 1867 г. «без законного повода лишил казака Клименко свободы», причём посадил его на цепь, в которой продержал чуть менее недели, затем вытребовал с Клименко 50 руб., грозя в противном привлечь казака к суду. Наконец, Х. Ф. Шпанько якобы получил с казаков Загорулько и Гайдукова взятку за прекращение дела по оскорблению ими чести дочери Евдокии Артамоновой [1, л. 4–4 об.]. Подсудимый вину не признал и выбрал в защитники отставного губернского секретаря И. В. Деля.

В Государственном архиве Краснодарского края сохранилось дело о службе кандидата на судебные должности Ивана Васильевича Деля 1-го. Согласно документу, датированному октябрем 1872 г., Ивану Васильевичу было 24 года (следовательно, он родился в 1848 г.), он происходил из дворянского сословия, «по окончании курса наук в бывшем Аудиторском (ныне Военно-юридическое училище Военного министерства)» был назначен аудитором Главного военно-судного управления. Затем служил в управлении петербургского губернского воинского начальника, а 16 мая 1867 г. назначен аудитором Таманского округа Кубанской области. 27 февраля 1872 г. губернский секретарь И. В. Дель, избравший, по-видимому, адвокатское поприще, был «уволен от службы по прошению» [6, л. 7–8].

Изучив дело Харитона Шпанько, Иван Васильевич понял, что атаман отстаивал, прежде всего, интересы станичного общества против хамского поведения некоторых станичников. Подсудимый рассказал на судебном заседании, происходившем 9 марта 1874 г., что «в 1867 году казак Клименко был посажен под арест на цепь не по его личному распоряжению, но по приказанию общества станицы, бывшего на сходке, которое за дерзости, нанесенные в присутствии станичного схода подсудимому (атаману Х. Ф. Шпанько. – *О.М.*) Клименко единогласно присудило подвергнуть последнего такому наказанию» [1, л. 4 об.]. Согласно выстроенной с И. В. Делем линии защиты, Харитон Шпанько заявил, что «действительно получил от Клименко за примирение с ним 50 руб., каковых денег не вымогал у него, угрожая привлечь к суду, но напротив, согласился принять их лишь по настоятельным просьбам Клименко, причем деньги эти получил в присутствии того же общества, при котором ему было нанесено Клименкою оскорбление, и принял их с условием, что Клименко извинится перед обществом. Деньги же, взятые у него 50 руб., подсудимым возвращены были потом Клименко обратно» [1, л. 4 об.–5].

Что же касается денег, полученных с казаков Загорулько и Гайдуком за оскорбление честного имени девушки, то их Харитон Шпанько «не брал в свою пользу, но получил с них 50 руб. для

уплаты Евдокии Артамоновой за оскорбление ея дочери, что и исполнил, желая прекратить по их же просьбе возникшее дело» [1, л. 5].

И. В. Дель умело использовал то обстоятельство, что вызванные подавшими на Шпанько в суд свидетели Жданова, Тихий и Шутов на заседание не явились. В итоге Екатеринодарский окружной суд определил: «На основании 766 ст. уст. уголов. суд. и разрешенных судом вопросов подсудимого бывшего староджералиевского станичного атамана Харитона Фёдорова Шпанько, 42 лет, признать по суду оправданным» [1, л. 18].

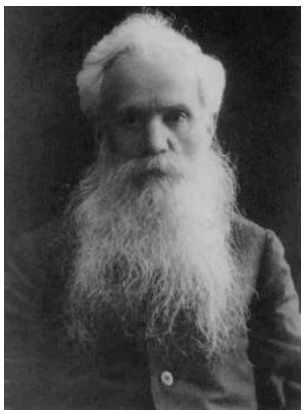
В 1874–1878 г. адвокатской практикой в г. Майкопе, а с 1880 г. – в с. Армавир занимался известный общественный деятель и просветитель Виктор Игнатьевич Лунин (1843–1913). В. И. Лунин вспоминал: «Оставшись без средств, уже женатый, под влиянием впечатления, которое было вызвано в публике моей речью у Мирового Судьи в Туапсе по поводу предъявленного к моей артели иска за потраву и в виду вышедших тогда правил о частных поверенных, решил попытать счастья в качестве такового. Денег было только на переезд до ближайшего сколько-нибудь населенного пункта Майкопа, и я отправился туда в расчете, между прочим, и на заработки жены, изучавшей к тому времени акушерство. Адвокатура мне удалась, и с 1874 года я состою частным поверенным сначала только Съезда Мировых Судей, затем скоро Окружного Суда и скоро Судебной Палаты. В 1880 году я оставил вследствие смерти первой жены и вообще по семейным обстоятельствам Майкоп и переехал в Армавир, где и живу до сих пор. В Майкопе я был только адвокатом с полной доступностью моего кабинета всем и каждому (зарабатывал я там немного), ибо в Майкопе для общественной жизни не было не малейшей почвы» [15, с.8].

Весьма плодотворной была общественная деятельность В. И. Лунина в Армавире. Он создал бесплатную юридическую консультацию для рабочих, организовал воскресную школу для трудящихся, «Просветительское общество», Общество попечения о детях, принял участие в оборудовании больницы Довжиковой. В течение многих лет В. И. Лунин работал над вопросом о преобразовании селения Армавир в город, участвовал в депутациях по этому поводу, став настоящим «отцом города». Н. Н. Николаев вспоминал: «Лунин был известен как крупный и талантливый адвокат-цивилист, пользовался, благодаря своему в высшей степени разборчивому и строгому отношению к приёму дел, таким доверием лиц судебного ведомства, что зачастую для многих из них выступление на процессе В. И. составляло презумпцию правоты именно той стороны, интересы которой он брал под свою защиту.

Поэтому я, вообще мечтавший о выходе в адвокатуру, с удовольствием принял приглашение В. И. поступить к нему в качестве фактического его помощника и изъявил согласие на его условия.

Условия эти были несколько необычны: а именно мне такое, впрочем, как и всем другим помощникам В. И., вменялось в обязанность ведение судебных дел, также участие во всех местных общественных делах и начинаниях, инициатором и душой которых являлся всё тот же неутомимый В. И. И насколько он был терпим и снисходителен к неизбежным ошибкам, промахам, а подчас и недостаточно внимательному отношению со стороны своих помощников к делам судебным, настолько он был настойчив и строг в своих требованиях, касающихся дел общественных. К самому же себе в этом отношении он был просто беспощадным, не давая себе ни минуты покоя, ни минуты отдыха, не взирая на своё слабое здоровье, ни на преклонный возраст, сократив свои судебные дела, источник своего существования, он вечно был занят той или иной общественной работой, изыскивая средства на поддержание уже созданных им многочисленных культурно-просветительских учреждений, борясь с инертностью местного населения, а подчас и своих ближайших сотрудников, отстаивая самостоятельность своего детища от посягательств администрации, и в тоже время всегда стремясь вперёд, к дальнейшему расширению существующих учреждений, и появлению новых…

Только его изумительная, никогда не покидавшая его энергия и беззаветная преданность идее общественного служения могли создать из дикого и безграмотного горского аула тот культурный центр, каким для громадного района Кубанской области является в настоящее время Армавир, далеко переросший свое архаичное название «селения»» [16, с. 2].

В. И. Лунин

Авторитет В. И. Лунина среди жителей Армавира был настолько высок, что последние избрали его депутатом I Государственной Думы от иногороднего населения Кубанской области и Черноморской губернии. В Думе он примкнул к фракции трудовиков, считавшейся наиболее левой в Российском парламенте, и стал одним из её лидеров. После разгона I Государственной Думы в 1906 г. В. И. Лунин участвовал в Выборгском протесте, подписал «Выборгское воззвание», за что бы приговорён к 3-месячному тюремному заключению [21, с. 254]. Скончался В. И. Лунин 30 декабря 1913 г. в Москве и был похоронен в Армавире. На его могилу принесли многочисленные

венки от Екатеринодарской адвокатуры, трудовой фракции Государственной Думы, общества взаимопомощи членов I и II Государственной Думы, юридической консультации, рабочих. К сожалению, могила В. И. Лунина в Армавире оказалась утерянной за годы Советской власти.

Для ведения гражданских дел от частных поверенных не требовалось наличие высшего юридического образования. Но они должны были получить свидетельство на право ведения юридических дел. Что касается уголовных защит, то их мог вести частный поверенный только с высшим юридическим образованием и стажем работы не менее 2-х лет. Свидетельство облагалось особым сбором в размере 40 руб. в год в случае, если выдавалось съездом мировых судей, и 75 руб. в год, если выдавалось окружным судом.

Необразованность некоторых первых частных поверенных в Ейске стало настолько притчей во языцах, что газета «Северный Кавказ» откликнулась на это специальным фельетоном. Автор, не называя фамилий, нарисовал сатирические портреты ейских адвокатов: «Вот – первый, неудавшийся потомок войнолюбивого марса N., который за двенадцать дет военной службы не изучил даже двенадцати ружейных приёмов, оставил поле сражения и без амуниции и панталон прибыл к нам в Ейск и бросился к ногам Фемиды, умоляя богиню приютить его… И приютила, и приласкала его Фемида, и открыла ему к себе не только парадную дверь, но и все потайные входы…

Вот второй, первого класса бурсак, сверстник Тавли и Гороблагодатского («Женихи бурсы»), не совладавший с латинскими глаголами, оставив бурсу, поступил где-то в Екатеринославской губернии звонарем, но по некотором времени был изгнан оттуда «за трисугубое нравственное поведение относительно женска пола». Затем, пробравшись в северную часть Кавказа, обошёл все города и веси, и каким-то сверхъестественным чудом приурочился в Царицыне-Граде под именем «Стряпчего». Но и тут он долго не ужился, ибо был разведан Фемидой по *существу*, получил волчий билет и в конце концов попал к нам…

Вот – третий, некогда доблестный и услужливый Бобчинский, невинное созданьице, безграмотное твореньице, но хитренькое и лукавенькое существо, по милосердию *блаженьких*, куска ради насущного, получил право гражданства во владениях Фемиды…

Вот – четвёртый, потомок Израиля, родной внук Иуды Искариота, отъявленный шантажист, трижды променявший веру отцов, прошел, как говорится, огни, воды и медные трубы. Получивши канцелярское юридическое образование в судах прежнего устройства, сей делец обошёл или объездил семнадцать городов и оставил по себе в судебных учреждениях массу кляуз и бездну исков со стороны обобранных клиентов <…>. Перечисляя таких наших *юристов*, мы не особенно удивляемся их к нам налету (мухи ведь слышат, где сладко), но возмущаемся тем. Что они приурочиваются у нас *на законном основании*… Приезжает какой-нибудь пройдоха, заявляет себя юристом, и его, без надлежащих справок, принимают за такового» [11, с. 1].

Со временем, прежде, чем принять на службу частного поверенного, о нём стали собираться необходимые сведения. Если адвокат отвечал формальным условиям, то суд выдавал ему свидетельство после принятия у адвоката экзаменационных испытаний. На каждого причастного поверенного Екатеринодарский окружной суд заводил папку личного дела, в котором отражалась вся его деятельность при данном суде. Серьёзные проступки частного поверенного влекли за собой лишение свидетельства на право ведения чужых дел. Так, в определении Екатеринодарского окружного суда от 10 июля 1887 г. говорилось: «Представив приказ по ведомству Министерства юстиции об увольнении в отставку бывший судебный следователь Екатеринодарского окружного суда коллежский секретарь Афанасьев обратился в окружной суд с просьбою о зачислении его в число частных поверенных. По произведенному испытанию по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству Афанасьев оказался обладающим сведениями, соответствующими обязанностям Поверенного. На этом основании окружной суд, согласно с заключением Прокурора, постановил принять коллежского секретаря Афанасьева в число частных поверенных для ходатайства по делам, происходящим в окружном суде» [2, л. 7]. Помимо статского советника Михаила Гавриловича Афанасьева, окончившего курс Ростовского уездного училища, в 1887 г. получили свидетельства от Екатеринодарского окружного суда «на право хождения по чужим делам» следующие частные поверенные: кишинёвский мещанин Владислав Львович Петров, который «воспитывался в Одесской гимназии, но полного курса наук не окончил, затем был вольнослушателем в Петербургском университете по юридическому факультету»; дворянин Виктор Игнатьевич Лунин, учившийся «в земледельческой Петровской академии, но полного курса не кончил»; отставной поручик Иван Александрович Жданов, получивший образование в Петровско-Полтавском кадетском корпусе [2, л.9].

К числу ярких защит, которые провёл частный поверенный И. А. Жданов, было дело крестьянки Москаленковой, обвиняемой в мошенничестве. Дело слушалось 29 марта 1901 г. в Екатеринодарском съезде мировых судей. Обвинение строилось на том, что Москаленкова занималась ворожбой за деньги. Иван Александрович Жданов построил свою речь на том, что обвиняемая живет в мире народных верований, за которые, в данном случае, не имеет смысла привлекать к суду. Как отмечалось в судебной хронике, «защитник подсудимых част. поверенный И. А. Жданов указывал на то, что сама полиция не запрещает ворожбы, то и дело разрешая представление всяким магам и чародеям. В народе нет случая, на который не существовало бы заговора. Защитники не находил в настоящем деле состава нака-

зуемого обмана: Москаленкова говорила, что необходима молитва, нужно ставить свечи и проч., и бежавшие мужья и женихи вернутся, и все желания исполнятся. И Иоанн Кронштадтский не сказал бы ничего другого, как: молитесь, и сам бы помолился, кто бы к нему не пришёл в несчастии, будь ты татарин, еврей или христианин. И петербургские дамы шли к Москаленковой, и свидетельницы верили ей; смеясь теперь над другими, они над собой смеются. Защитник просил оправдательного приговора для всех подсудимых» [10, с. 2]. В итоге подсудимая была оправдана.

В 1915 г. Председатель Екатеринодарского окружного суда отмечал: «По собранным мною сведениям частный поверенный при Екатеринодарском Съезде Мировых Судей Валентин Дмитриевич Гуревич в сфере своей профессиональной деятельности пользуется известностью, как способный, знающий и аккуратный адвокат-практик, создавший себе этими качествами весьма солидную клиентуру среди местных торгово-промышленных фирм и кредитных учреждений. Каких-либо компрометирующих нравственную личность г. Гуревича в моём распоряжении не имеется и по отзыву лиц, имеющих дело с Гуревичем, последний проявляет всегда корректность и в своей судебной практике не прибегает к приемам недозволенным или предосудительным с нравственной точки зрения» [4, л. 7 а].

О частном поверенном Василии Матвеевиче Владимирове Председатель Екатеринодарского окружного суда писал Старшему председателю Новочеркасской судебной палаты: «В среде своей профессиональной деятельности пользуется репутацией очень способного, знающего, делового и аккуратного адвоката-практика, создавшего себе этими качествами обширную клиентуру в Округе названного выше Суда. В нравственном отношении г. Владимиров до настоящего времени ни в чем не скомпрометирован не был, а своим корректным отношением к Суду, клиентам и товарищам по профессии, а также добросовестными и законными правами защиты интерсов своих клиентов выгодно отличается от многих лиц из среды присяжных и частной адвокатуры, занимающихся судебной практикой в округе Екатеринодарского окружного суда» [4, л. 8].

Имелись и факты другого рода. 26 апреля 1912 г. Екатеринодарский съезд мировых судей определил в связи с уголовным делом по обвинению Митрофана Прудако, которого защищал частный поверенный Б. Фильман: «По имеющимся в распоряжении Съезда сведениям о нравственных качествах и адвокатской деятельности мещанина Бориса Фильман, признать его не соответствующим требованиям закона для частных поверенных и потому устранить его, Фильмана, от ведения чужих дел в пределах округа» [3, л. 53]. Председатель съезда мировых судей Екатеринодарского мирового округа сообщал 19 декабря 1912 г. Председателю Екатеринодарского окружного суда: «Из жалоб улавливаемых Фильманом в коридорах Съезда клиентов и вообще из подаваемых им в суд бумаг, съезд усмотрел полное невежество Фильмана в юриспруденции, а в соглашениях его с клиентами – явные признаки обмана; по собранным же через Екатеринодарское Городское Полицейское Управление дальнейшим сведениям о личности Фильмана обнаружено, что он крещёный еврей, определенных занятий в городе не имеет, неоднократно привлекался местною полициею к суду в порядке 31 и 38 ст. Улож о наказ., по приговору Новочеркасской Судебной Палаты в порядке 1 ч. 286 ст. Улож. о наказ., подвергнут аресту при полиции на 7 суток, а по приговору Одесского Съезда Мировых Судей с 17 мая 1892 года за повторное мошенничество подвергнут тюремному заключению на три месяца» [3, л. 54].

Высоко отзывались современники о частном поверенном Г. К. Демянике. Григорий Кондратьевич Демяник родился 17 ноября 1861 г. в семье хорунжего Кубанского казачьего войска, окончил Кубанскую войсковую гимназию, три года был вольнослушателем физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, в марте 1897 г. получил свидетельство от Съезда Мировых судей Екатеринодарского мирового округа на право ведения чужих дел [7, л. 3–4]. В 1899 г. он стал помощником частного поверенного В. И. Лунина в Армавире. Товарищ прокурора Армавирского участка Бурменский отмечал, что «Г. Демяник ему известен с самой лучшей стороны как человек в нравственном отношении вполне безупречный» [7, л. 5]. Подобным же образом характеризовал адвоката председатель Армавирского съезда мировых судей Кубанской области: «Отличается наилучшими нравственными качествами, что же касается его деятельности, как частного поверенного, то, не говоря уже о том, что за все время, пока он состоит частным поверенным при вверенном мне съезде, он не разу не выступил по делам мало-мальски грязным; он всегда стремится исключительно к выяснению по делу истины, не стараясь подтасовывать факты, искажать действительность в пользу своих доверителей, чем немало способствует правосудию. При безупречной честности и добросовестном отношении к делу, Демяник обладает недюжинными способностями и достаточной опытностью в ведении как уголовных, так и гражданских дел» [7, л. 7].

«Кубанская справочная книжка» за 1894 г. называет следующих частных поверенных, состоящих в ведении Екатеринодарского окружного суда: Владислав Львович Петров, Виктор Игнатьевич Лунин, отставной поручик Иван Александрович Жданов [12, с.16–17]. В 1898 г. частными поверенными при Екатеринодарском окружном суде состояли И. А. Жданов в Екатеринодаре, В. И. Лунин в Армавире и Павел Захарович Фирсов в г. Ейске [13, с. 84].

В г. Новороссийске с 1900 г. вел дела частный поверенный М. П. Языков. Михаил Павлович Языков родился 15 октября 1871 г. в г. Муроме Владимирской губернии, происходил из потомственных дворян, «юридическим наука не обучался» [8, л. 11]. В деле сохранилась жалоба в Екатерино-

дарский окружной суд на действия М. П. Языкова, написанная крестьянином Таврической губернии И. Г. Кечепуло. В жалобе говорилось: «21-го декабря 1908 года мною были переданы бумаги и доверенности частному поверенному Михаилу Павловичу Языкову в Новороссийске предъявить иск к цементному заводу «Цепь» в Новороссийске о причинении мне увечья лишения трудоспособности. По настоящее время дело мое не продвинуто вперед за время с 21 декабря 1908 г., причина всему этому одна – халатное отношение г. поверенного Языкова к моему делу, который почему то не желает приложить должное внимание к делу и просить Суд назначить таковое к разбору. Я многократно просил письмом г. Языкову привести наконец дело к какому либо концу, и на мои письма г. Языков отвечал, дело будет назначено тогда то, и тогда то, то он сообщал мне, что мне нужно указать врача в Ялте для освидетельствования меня, то мне нужно лично быть на суде для освидетельствования моего здоровья в присутствии поверенного от Завода, и об этом меня уведомил, наконец, дело дошло до того, что на мои письма-просьбы к нему о моем деле от 17 ноября 1911 года и от 18 февраля 1911 года совершенно не ответил и отвечать не желает, и дело мое лежит недвижимо» [8, л. 35–35 об.].

Об условиях работы частных поверенных в Кубанской области и отношении к ним красноречиво рассказывают эпизоды биографии екатеринодарского частного поверенного Н. Т. Богородского. Николай Тимофеевич Богородский родился в 1863 г. в Пензе, происходил из личных дворян, получил образование в Пензенской духовной семинарии и в качестве вольнослушателя при юридическом факультете Московского императорского университета, служил в канцелярии Пензенской посреднической комиссии, имел чин коллежского регистратора. Затем принял звание частного поверенного и вёл дела в Ростове-на-Дону и в Екатеринодаре [5, л. 9–10, 16]. 28 января 1912 г. Н. Т. Богородский, проживавший в Екатеринодаре на ул. Красной, д. №6, написал прошение на имя Председателя Екатеринодарского окружного суда, в котором просил оградить его (Богороского. – *О.М.*) от нападок бывшего присяжного поверенного, а ныне нотариуса В. А. Желипова. «Переселившись по климатическим условиям из Ростова на Дону в г. Екатериндар в июле минувшего 1911 г. на постоянное жительство, – сообщал Н. Т. Богородский, – о публичной деятельности моей до меня стали доходить неблагоприятные вести клеветнического качества. От ростовских евреев-адвокатов я очень много перенёс подобных неприятностей, однажды дошедших до разрешения Общаго Собрания Новочеркасской Судебной Палаты, где под председательством Старшего Председателя г. Хлодковского при участии Прокурора Палаты г. Золотарёва клеветнический навет их оставлен без последствий. В настоящее время здесь идущая пропаганда из Ростова связанная взаимными отношениями с Екатеринодарскою, выразилась в проявленной против меня дерзости со стороны нотариуса Желипова» [5, л. 33]. Последний в это время оставил адвокатскую деятельность и стал нотариусом. Поскольку закон запрещал нотариусам заниматься адвокатской практикой, Н. Т. Богородский очень рассчитывал на клиентов, дела которых обещал ему передать В. А. Желипов. Однако при личной встрече Желипов грубо заявил Богородскому: «Я не намерен поддерживать подпольную адвокатуру». На замечание Николая Тимофеевича о том, что он не относится к числу подпольных адвокатов, В. А. Желипов заметил: «Всю частную адвокатуру я причисляю к подпольной» [5, л. 34 об.].

По сути дела В. А. Желипов выразил существовавшее тогда общее мнение присяжных поверенных о своих конкурентах поверенных частных. Имевший будто бы место еврейский заговор против Богородского тут не причём. Такая интерпретация дела скорее связана с политическими убеждениями Богородского, которого издаваемая в Москве газета «Русское слово» в 1912 г. даже назвала членом Екатеринодарского филиала Союза Русского народа. Сам Н. Т. Богородский это членство отрицал, но отметил: «Если бы это было необходимо, почитал бы себя счастливым быть внесенным в списки монархических партий по убеждению» [5, л. 39].

После резких слов В. А. Желипова на глазах у посторонних людей Н. Т. Богородский сначала растерялся, но затем, вернувшись домой и несколько придя в себя, написал нотариусу письмо с требованием извиниться. В этом письме представляют интерес аргументы, которые привёл Николай Тимофеевич в свою защиту и корпуса частных поверенных в целом: «Вижу, что Вы в своей безмерной гордости очень заблуждаетесь и выше своего авторитета ничего не признаете, тем не менее, Вы меня не в глазах швейцарцев, бывших в передней окружного суда и других посторонних лиц, а в глазах закона. Не зная закона, курьеры, в свою очередь могут причислять меня к деятелям подпольной адвокатуры, не брезгующей никакими средствами.

Если подобное Вы выразили, также не зная закона, благоволите прочесть в Учреждении Судебных Установлений подлежащие статьи, постановленные для частных поверенных. Да было бы Вам, Милостивый Государь, известно, что я удостоен этого звания Новочеркасскою Судебною Палатою. Ростовским на Дону и Екатеринодарским окружным судами, почему за причиненное мне оскорбление предлагаю извиниться.

За сим к сведению Вашему почтительнейше докладываю, что за 32-х летний период моей судебной деятельности чужих денег никогда не присваивал, ни в какие сделки с совестью не входил, никого ни в чём не обманывал и с помощью Господа, даровавшего мне разум и волю на победу супостатов, всею силою разумения стремлюсь служить моему ближнему не ради злой корысти, а ради существования и оправдания высокого доверия судов, удостоивших меня звания «частного поверенного», кроме того я удостаивался доверием, ведя судебные дела Высочайших особ» [5, л. 34 об.–35].

К слову, обидчик Богородского, бывший присяжный поверенный Владимир Антонович Желипов вообще отличался грубостью и взрывным характером и был известен всему Екатеринодару своими громкими скандалами [14, с. 69–70]. Но Н. Т. Богородский подвергался нападкам и других присяжных поверенных. Так осенью 1912 г. помощник присяжного поверенного К. М. Потапов стал всячески раздувать историю о будто бы имевшем место со стороны Богородского подкупе свидетелей Ирина по делу о выдворении из дома в станице Старокорсунской Пелагеи Афанасьевны Тихой. Подавшая иск Ирина Коваленкова после блестящего выступления Богородского в судебном заседании громко обвинила защитника: «Зачем вы купали свидетелей, приезжали в станицу?». На возражение Н. Т. Богородского: «Разве вы меня видели в станице?», последовал ответ: «Да, видела». Поскольку после процесса начали циркулировать слухи о подкупе свидетелей, возмущённый Н. Т. Богородский обратился в Екатеринодарский окружной суд с просьбой о расследовании. «Так как настоящее дело я принял к своему ведению по просьбе одного из г.г. почётных Мировых судей и мужа Пелагеи Тихой за вознаграждение 25 рублей как бедных людей, то само собоюразумеется, с материальной стороны мне не было расчёта прибегать к подкупу свидетелей, с которыми вообще за весь продолжительный период моей г. 30-летней судебной практики не говорил не только до суда, но и после суда, а в данном случае до допроса этих свидетелей членом-докладчиком и нигде этих свидетелей не видел и совершенно не знал, где они живут, то подобная клевета для меня очевидно исходила от наущения Ирины Коваленковой, чрезвычайно развязной на язык, кем-либо из моих доброжелателей-конкурентов. И об этом событии очень много злорадствует помощник присяжного поверенного г. Потапов, каковые разговоры дошли до моего слуха из несомненного источника.

Подобные безнравственные действия каждого уважаемого гражданина, т.е., подкуп свидетелей – уголовно наказуемое преступление, а тем более со стороны аккредитованного судебным доверием – частного поверенного, каковым в данном случае является моя личность, и при полном убеждении моем, что Ирина Коваленкова при допросе может обнаружить своих учителей» [5, л. 41–41 об.].

В заключении Николай Тимофеевич писал: «Я имею честь покорнейше просить, Ваше Превосходительство, не отказать в распоряжении о расследовании настоящего случая как явного преступного и порочащего мою честь и доброе имя» [5, л.41 об.].

В другом прошении от 1 ноября 1912 г. Н. Т. Богородский сообщал, что очень озабочен «сообщением по обвинению меня в подкупе свидетелей по делу Ирины Коваленковой с Пелагеей Тихой, о чём среди местной адвокатуры рассказываются разные клеветнические версии, что будто бы я подговаривал свидетелей и пил с ними водку» [5, л. 42]. Адвокат отметил: «Со стороны Тихой свидетели удостоверили, что Тихая с мужем живет на этом месте – половине усадьбы более 12 лет. На часть таковой была совершена купчая с мужем Ирины Коваленковой и допрошенные г. членом суда по сему делу свидетели подписывали эту купчую, каковая представлена к делу» [5, л. 42]. Свидетели «подтвердили то, что было написано и подписано ими, насколько помню, около десяти лет назад, когда я, Богородский, страдая поражением верхушки правого лёгкого, лечился в Батуме и само собою разумеется не имел даже представления о Тихой, Коваленковой и даже о всей станице Старокорсунской с её обитателями» [5, л.42 об.]. Беспокоясь за свою репутацию, Н. Т. Богородский заключает: «Строго охраняя рекомендацию, данную обо мне Обер-Прокурором Сената Игорем Матвеевичем Тютрюмовым, я счёл бы себя недостойным носить звание частного поверенного, если бы даже подумал о том, что мне приписывают» [5, л. 42 об.].

Безукоризненная репутация Н. Т. Богородского была, по-видимому, подтверждена Екатеринодарским окружным судом, поскольку10 января 1913 г. суд выдал защитнику очередное свидетельство на право ведения чужих дел [5, л. 43].

С ростом числа адвокатов между частными поверенными росла конкуренция. Товарищ прокурора Екатеринодарского окружного суда писал 20 апреля 1914 г.: «Потомственный почётный гражданин Павел Антонович Владиславский состоит частным поверенным при Александровском уездном съезде Ставропольской губернии и проживает в ст. Невинномысской Баталпашинского отдела, в районе Армавирского съезда мировых судей, смежном с округом упомянутого съезда. Харитон Дзасохов состоит частным поверенным при Армавирском съезде и также проживает в ст. Невинномысской. Между названными поверенным в селении несколько лет замечаются крайне враждебные отношения, возникающие на почве профессиональной конкуренции. Частный поверенный Дзасохов возбуждал перед надлежащими властями ходатайство о воспрещении Владиславскому иметь в ст. Невинномысской вывеску частного поверенного. Владиславский, в свою очередь, неоднократно и по различным поводам писал доносы на Дзасохова. Оба, Владиславский и Дзасохов, лица без образования, вышедшие из писарей, первый – человек пожилой, болезненный и весьма неуживчивый, второй – ещё молодой, довольно способный, но мало воспитанный и недостаточно интеллигентный» [9, л. 146].

Товарищ прокурора рассказал и о деле, при рассмотрении которого развернулось противостояние двух частных поверенных: «Частный поверенный Дзасохов вёл дело кр. Фёдора Шорникова, к которому Влдиславским был предъявлен иск в сумме 500 рублей по векселю, переданному Владиславскому крестьянином Акакием Назаренком по передаточной подписи. При разборе этого дела у мирового судьи Дзасохов от имени своего доверенного Шорникова заявил, что последним был утерян вексельный бланк с подписью, и что Назаренку он. Шорников, никакого векселя не вы-

давал, что Назаренко, вероятно, нашёл утерянный Шорниковым вексель и присвоил таковой, а затем переступил его Владиславскому. В виду такого заявления мировым судьёй было приостановлено означенное гражданское дело и возбуждено против Назаренко и Владиславского уголовное дело по обвинению первого из них по 178-й, а второго по 190 ст. улож. о наказ. Разобрав это дело, мировой судья обоих обвиняемых оправдал, признав обвинение, возведенное на них недобросовестным. При рассмотрении дела во второй инстанции, Армавирском съезде мировых судей, приговор мирового судьи, в части, именно признания обвинения недобросовестным, отменен, а в мировом приговоре съезда говорится, что «в рассматриваемом деле имеется много противоречий», есть указание на то, что Шорников потерял подписанный им вексельный бланк; разрешив категорически вопрос о том, является ли вексель, о котором идёт речь, действительно выданным Шорниковым Назаренку в обеспечение займа денег или же это только тот потерянный Шорниковым бланк, не представляется возможным, не взирая на все принятые к тому меры, всякое же сомнение должно толковаться в пользу подсудимого, и потому оправдательный приговор в отношении Акима Назаренко подлежит утверждению, против Павла Владиславского в деле не имеется положительно никаких данных к уличению его в каком бы не было предосудительном деянии, и он оправдан правильно; обвинение не может быть признано недобросовестным. <…> Достаточных данных для обвинения Дзасохова в том, что он намеренно затянул дело по иску Владиславского к Шорникову, чтобы этим дать возможность последнему скрыть свое имущество, не имеется» [9, л. 148–149].

Качество работы частных поверенных значительно уступало уровню деятельности профессиональных присяжных поверенных. Это было связано с тем, что, во-первых, требования, предъявляемые законом к частным поверенным, были заниженными, а во-вторых, частные поверенные не были объединены в какую-либо организацию, в которой могли бы повышать свой профессиональный уровень и где бы хранились и приумножались традиции профессиональной защиты. Тем не менее, частные поверенные внесли определенный вклад в развитие правовой культуры Кубани.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.482. Оп.1. Д.39.
2. ГАКК. Ф.482. Оп.1. Д.93.
3. ГАКК. Ф.482. Оп.1. Д.359.
4. ГАКК. Ф.482. Оп.1. Д.452.
5. ГАКК. Ф.482. Оп.2. Д.112.
6. ГАКК. Ф.482. Оп.2. Д.322.
7. ГАКК. Ф.482. Оп.2. Д.336.
8. ГАКК. Ф.482. Оп.2. Д.1639.
9. ГАКК. Ф.629. Оп.1. Д.6.
10. Жертва суеверия или торжество ворожеи (Екатеринодарский съезд мировых судей) // Кубанские областные ведомости. 1901. №75. 7 апреля.
11. Здешний. Ейские юристы // Северный Кавказ. 1887. №97. 10 декабря.
12. Кубанская справочная книжка 1894 года / сост. В.А. Щербина. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, А.П. Сташевского, М.С. Попова и Килиуса и К°, 1894. XI, 88, 64, 2, 104, 143, 113, 103, XVI с.
13. Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар: Тип. А. П. Сташевского, Э. Х. Килиуса, обл. правления и Выс. Утв. Донского Акц. Общ. Печатного и изд. дела. Ростов н/Д., 1898. – IV, 171, 98, 2 табл., XXIV с.
14. Матвеев О. В. Страницы истории кубанского нотариата. Краснодар: ООО «Кавказская типография», 2012. 200 с.
15. Михайлов М. Виктор Игнатьевич Лунин. Биографический очерк. Армавир: Отклики Кавказа, 1917. 59 с. : ил., портр.; 26 см.
16. Н. Н. Николаев о В. И. Лунине (от нашего петербургского корреспондента) // Кубанский край. 1914. № 1242-49. 1 марта.
17. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание (Собр.) 2. Т. XXXIX. Отд. 1. 1864. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1867. Ст. 41475.
18. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLIX. Отд. 2. 1874. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1876. – Ст. 54130.
19. Стецовский Ю.И. Исторический очерк формирования адвокатуры в России. М.: Изд-во Рос. акад. адвокатуры, 2001. 184 с.
20. Усманов Р. Р. Основные этапы становления и развития адвокатуры на Среднем Урале (1874–1997 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 1998. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. С. 175–225.
21. Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времён до октября 1917 года / Авт. идеи, словника, сост., научн. ред., рук. авт. колл. Б.А. Трёхбратов. Краснодар: Эдви, 1997. 560 с. : ил., портр.

References

1. State archive of Krasnodar region (GAKK). F.482. Inv.1. D.39. (In Russian)
2. GAKK. F.482. Inv.1. D.93. (In Russian)
3. GAKK. F.482. Inv.1. D.359. (In Russian)
4. GAKK. F.482. Inv.1. D.452. (In Russian)
5. GAKK. F.482. Inv.2. D.112. (In Russian)

6. GAKK. F.482. Inv.2. D.322. (In Russian)
7. GAKK. F.482. Inv.2. D.336. (In Russian)
8. GAKK. F.482. Inv.2. D.1639. (In Russian)
9. GAKK. F.629. Inv.1. D.6. (In Russian)
10. ZHertva sueveriya ili torzhestvo vorozhei (Ekaterinodarskij s»ezd mirovyh sudej) *(The Victim of Superstition or the Triumph of the Witch (Ekaterinodar Congress of Magistrates)* // Kubanskie oblastnye vedomosti. 1901. No. 75. April 7.
11. Zdeshnij. Ejskie yuristy *(Locals. Yeisk lawyers*) // Severnyj Kavkaz. 1887. No. 97. December 10. (In Russian)
12. Kubanskaya spravochnaya knizhka 1894 goda *(Kuban Reference Book of 1894)* / V.A. SHCHerbina. Ekaterinodar:, 1894. XI, 88, 64, 2, 104, 143, 113, 103, XVI p.
13. Kubanskij kalendar' na 1898 god *(Kuban Calendar for 1898)*. Ekaterinodar, Rostov on/D., 1898. IV, 171, 98, 2 tabl., XXIV p. (In Russian)
14. Matveev O. V. Stranicy istorii kubanskogo notariata *(Pages of the History of the Kuban Notary)*. Krasnodar: OOO «Kavkazskaya tipografiya», 2012. 200 p. (In Russian)
15. Mihajlov M. Viktor Ignat'evich Lunin. Biograficheskij ocherk *(Victor Ignatievich Lunin. Biographical Sketch)*. Armavir: Otkliki Kavkaza, 1917. 59 p. (In Russian)
16. N. N. Nikolaev o V. I. Lunine (ot nashego peterburgskogo korrespondenta) *(N. N. Nikolaev V. I. Lunino (from our St. Petersburg Correspondent)* // Kubanskij kraj. 1914. No.1242-49. March 1. (In Russian)
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii *(Full Collection of Laws of the Russian Empire)* (PSZRI). Sobranie (Sobr.) 2. Vol. XXXIX. Department. 1. 1864. St. Petersburg: Tip. 2-go Otdeleniya Sobstv. E.I.V. Kancelyarii, 1867. Art. 41475. (In Russian)
18. PSZRI. Sobr. 2. T. XLIX. Otd. 2. 1874. St. Petersburg: Tip. 2-go Otdeleniya Sobstv. E.I.V. Kancelyarii, 1876. Art. 54130. (In Russian)
19. Stecovskij YU. I. Istoricheskij ocherk formirovaniya advokatury v Rossii *(Historical Essay on the Formation of the Bar in Russia)*. Moscow: Izd-vo Ros. akad. advokatury, 2001. 184 p. (In Russian)
20. Usmanov P. P. Osnovnye ehtapy stanovleniya i razvitiya advokatury na Srednem Urale (1874–1997 gg.) *(Main Stages of the Formation and Development of the Bar in the Middle Urals (1874–1997)* // Problemy istorii Rossii. Ekaterinburg: Volot, 1998. Vyp. 2: Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva XV–XX vv. P.175 – 225. (In Russian)
21. EHnciklopedicheskij slovar' po istorii Kubani. S drevnejshih vremyon do oktyabrya 1917 goda *(Encyclopedic Dictionary on the History of Kuban. From Ancient Times to October 1917)* / Avt. idei, slovnika, sost., nauchn. red., ruk. avt. koll. B. A. Tryohbratov. Krasnodar: EHdvi, 1997. 560 p. (In Russian)

Сведения об авторе
Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар) / vim12@rambler.ru

Information about the author
Matveyev Oleg – Dr. in Historical Scinces, Professor, Chair of Russian History, Kuban State University (Krasnodar) / vim12@rambler.ru

УДК 94(5): 930.85

Е. Н. Моисеева

ВОСТОК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ, КНЯГИНИ ЛИДИИ ПАШКОВОЙ: РАЗДВИГАЯ ГРАНИЦЫ ОРИЕНТАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена изучению образа Востока в травелогах русской княгини, путешественницы Лидии Александровны Пашковой, опубликованных во Франции и в России в последней трети XIX века. Изучены записки о путешествиях по Османской империи и Дальнему Востоку. В данной статье сделана попытка идентифицировать нарратив, идущий как в русле, так и вразрез с ориенталистской традицией описания Востока. Характерной чертой записок о путешествиях Лидии Пашковой было внимание к истории и культурному наследию, тех стран, где ей приходилось бывать, что характерно как для ориенталистского дискурса и традиций изучения Востока на Западе, так и для образа «любознательного наблюдателя». Но гуманистический характер травелогов Пашковой разрывает их с традиционным ориенталистским дискурсом и выводит за пределы европоцентристского нарратива. Следует учесть, что имперские идеи оказали влияние на Пашкову, в частности, это относится к признанию ей цивилизаторской миссии Запада. Но осознание ценности цивилизации Запада и признание цивилизаторской миссии Запада не означало для нее автоматического признания права Запада на обладание странами Востока. Значительное внимание уделяется изучению образов местных жителей. Подчеркивается «гибридный» характер травелогов Пашковой, в которых вопросы истории, культуры, этнографии, экономики, географии заслуживают равного внимания. Для травелогов княгини Лидии Александровной Пашковой характерен подлинный интерес к самым разным сторонам жизни, а не поиск экзотики на Востоке.

Ключевые слова: Лидия Пашкова, ориентализм, травелог, путешествие на Восток, образ Востока, Пальмира, Синоп.

E. N. Moiseeva

THE EAST IN THE WORKS OF RUSSIAN-FRENCH TRAVELER, PRINCESS LYDIA PASHKOVA: PUSHING THE BOUNDARIES OF ORIENTALIST DISCOURSE

The article studies the image of the East in the travelogues of the Russian Princess, traveler Lidia Pashkova, published in France and Russia in the last third of the XIX century. The notes on travel to the Ottoman Empire and the Far East are studied. The article attempts to identify the narrative that runs both in line and contrary to the orientalist tradition. A characteristic feature of the notes about Lydia Pashkova's travels was her attention to the history and cultural heritage of those countries where she had to visit, which is typical both for orientalist discourse and traditions of studying the East in the West, and for the image of an "inquisitive observer". The humanistic character of Pashkova's travelogues differs them from traditional orientalist discourse and outputs beyond the Eurocentric narrative. It should be noted that the Imperial ideas had an impact on Pashkova. This refers to the recognition of the civilizing mission of the West. However, awareness of the value of Western civilization and recognition of the civilizing mission of the West did not mean the automatic recognition of the right of the West to own the countries of the East. Much attention is paid to the study of the images of local residents. The "hybrid" nature of Pashkova's travelogues is stressed, the problems of history, culture, ethnography, economy, geography are highlighted equally. Travelogues of Princess Lydia Pashkova are characterized by a real interest in different aspects of life; they do not feature the search for exotics in the East.

Key words: Lydia Pashkova, Orientalism, travelogue, travel to the East, the image of the East, Palmyra, Sinop.

Русско-французская писательница, член Французского Географического общества и большой знаток Востока, отважная путешественница, эрудит, знаток истории, журналистка и путешественница княгиня Лидия Александровна Пашкова оставила после себя литературное наследие и многочисленные автобиографические заметки о путешествиях. Во Франции она была популярна как литератор благодаря своим художественным произведениям, новеллам «Няня Марфа», «Принцесса Вера Глинская», «Развод в России», представляющих картину жизни в России, и написанные на французском языке. Новеллы были опубликованы отдельным изданием [19] и получили хвалебные отклики в прессе [28]. В 1880 г. отдельным изданием вышла ее работа «На Востоке: драмы и пейзажи» [20]. Заметки о путешествиях публиковались на страницах французских журналов [21, 22, 23]. На русском языке в Одессе вышла книга «Французские и английские колонии

на Крайнем Востоке и на Востоке (Из записок кругосветной путешественницы)» [3]. Она подолгу жила во Франции и была корреспондентскою «Фигаро». В России печаталась в «Гражданине», сотрудничала с «Новороссийским телеграфом». Музыкальной публике она известна как автор либретто к балету Раймонда.

Интерес к травелогам Лидии Александровны Пашковой неслучаен. Они многослойны и позволяют изучать различные аспекты феномена путешествия, образа «Другого», воссоздавать пространственную картину Востока. Известно, что княгиня путешествовала по Египту, Палестине, Сирии, Османской Турции, Китаю, Японии. Во многих местах она побывала неоднократно, например, несколько раз между 1869 и 1886 гг. ей пришлось побывать в Константинополе [3, с. 83]. Синоп, Дамаск, Бурса, Константинополь, Смирна, Сайгон, Сингапур и многие другие города описаны на страницах ее травелогов.

Французская исследовательница Клэр Барат считает, что травелоги Пашковой, и в частности, ее работа «Шесть месяцев в древней столице Митридата и на родине Диогена» [22] имеют «туристический стиль», где автор «с лиризмом повествует о приключениях эмансипированной женщины» [6, p. 13–14]. Но это упрощенный, поверхностный взгляд на текст. Без приключений, конечно, не обходилось, как не обходилось и без самолюбования. Княгиня Лидия Александровна Пашкова была женщина новой эпохи, последовавшей в России после отмены крепостного права в 1861 г. О таких свободных женщинах писал в своей монографии С. А. Экшкут: «…. такая женщина повелительно заявляла не только свету, но и властям о своем праве распоряжаться собой и своей судьбой, так как она это считала нужным, а не так как было принято в свете» [4, с. 129].

Однако, нарративы Л. Пашковой имеют, скорее, «гибридный» характер. Этот термин встречается в работе Рене Шампьон «Гертруда Белл и ее рассказы о путешествии в Сирию (1907 г.) и Месопотамию (1911 г.): двойственный ориентализм начала XX в.» [7]. Изучая записки о путешествии англичанки Гертруды Белл, автор отмечает, что в них этнография, история, археология, география и политика смешаны между собой, это делает записки «оригинальными», «гуманистическими» и «разрывает их с традиционным ориенталистским дискурсом» [7]. Для записок о путешествиях Лидии Пашковой характерен именно «гибридный» стиль. В них Пашкова переходила от описания нравов и обычаев, к описаниям географии мест посещения, истории, политики, экономики, археологии. Она не довольствовалась положением «скромного наблюдателя», воспроизводящего стереотипизированное видении Востока. Восток в ее работах мозаичен, его сложно втиснуть в рамки ориенталистского дискурса, но сказать, что записки Пашковой находятся вне этого дискурса также невозможно. Она не могла полностью избежать европоцентристского восприятия Востока, будучи воспитанной в традициях европейской культуры.

В данной работе сделана попытка идентифицировать нарратив, идущий как в русле, так и вразрез с ориенталистской традицией.

Научно-исследовательская литература, в которой изучается феномен путешествий и, в том числе, путешествий женщин на Восток, многообразна. Следует назвать специальные исследования, посвященные женщинам-путешественницам. Среди них работы Барбары Ходсон, Француазы Лапейр и др. [11, 12, 13, 14]. В работе французского автора Бенедикта Моника «Библиография рассказов о путешествиях женщин (XIX век)» [18] перечислены работы женщин-путешественниц и в том числе названа работа Лидии Пашковой «На Востоке. Драмы и пейзажи». Женщинам-путешественницам был посвящен также специальный номер французского научного журнала «CLIO» [10].

Среди коллективных работ следует выделить труд французских историков «Европейские путешественницы в XIX в. Идентичности, виды, коды» [30]. Его авторы изучают то, как женщины конструировали свою идентичность с помощью путешествия, каковы были модели их поведения и модели их повествований, как они представляли страны, по которым совершали путешествия, особенно путешествия по Востоку. Ответы на эти вопросы, по мнению авторов, позволят расширить наше представление о культурной истории Европы. Однако, травелоги Лидии Пашковой не стали объектом внимания авторов данной монографии, как не изучались они и отечественными авторами.

Оказавшись между Россией и Францией (подолгу жила в обеих странах, писала, как на русском, так и на французском языках), Лидия Александровна Пашкова выпала из фокуса внимания французских и отечественных историков. К тому же биографические сведения о княгине скудны. Их можно почерпнуть из ее автобиографических записок о путешествиях. Кое-что можно узнать из французских газет конца XIX века. На страницах французской «Женской газеты» 1879 г. написано следующее: «Мадам Пашкова прожила в Сирии и Египте, то в окружении почтенных сеньоров Дамаска и Каира, то в одиночестве в горах Ливана… Она и побывала у подножья Пальмиры и в тени Пирамид…. Повсюду с этой склонностью к ассимиляции, так свойственной русским, она смогла передать в своих очерках как в общем и целом, так и в деталях характерные черты каждого места» [16, p. 5].

Княгиня дважды была замужем. Ее второй брак с Ипполитом Александровичем Пашковым (1847–1889), по-видимому, способствовал многочисленным знакомствам в свете и связям в консульствах. Пашков Ипполит Александрович служил в Азиатском Департаменте Министерства иностранных дел, и в семидесятых годах был назначен консулом в Яссах. В 1882 году он состоял членом международного суда в Каире в качестве представителя русского правительства, а после занятия Каира англичанами продолжал службу в Азиатском Департаменте в должности начальника отделения [2].

Эти связи княгиня использовала, путешествуя по миру. Во время своих путешествий Лидия Пашкова гостила у русских послов, подолгу жила у них. Например, гостила у Николая Павловича Игнатьева в 1871 г., в 1872 г. из Египта отправилась в Пальмиру, ее сопровождал там консул России в Дамаске. В Синоп княгиня Пашкова прибыла по приглашению российского консула и его жены [22, p.402]. Лидия Пашкова провела зиму с 1883 на 1884 г в Фучжоу, где также гостила у русского консула [23, p. 340].

На сайте BNF (Французская национальная библиотека) указан 1845 г. рождения княгини. Место рождения – Москва [24]. Удалось выяснить, что в Брюсселе в 1896 г. она попыталась покончить собой, выстрелив из револьвера в сердце после посещения русского консула, но ее удалось спасти [26]. Данных о детях нет. Точной даты смерти Л. А. Пашковой пока обнаружить не удалось. До нас дошли ее фотографии в восточных костюмах, которые можно увидеть на сайте Французской национальной библиотеки [15].

Женщина она была отважная, по Ближнему Востоку, например, путешествовала с двумя револьверами в троках своего седла, часто выезжала на прогулки одна, и даже лошадь свою она приучила лягаться, чтобы никто не подошел к ней (в Ливане) [3, с.76]. Французские журналисты не скрывали своего восхищения автором. «Читатели Фигаро уже знают эту бесстрашную путешественницу, которая сегодня в Фучжоу, в семье генерала Тхенг-Ки-Тунга, а спустя несколько недель в Париже, где она выступает в зале Капуцинок…» [17]. Со своей стороны, Пашкова отмечала схожесть характеров русских и французов и симпатизировала французам. «У русских и французов много общего в характере» [3, с. 4], – писала она.

Вообще, следует обратить внимание на интерес к Лидии Пашковой во французском обществе. Возможно, это связано не только с личностью самой княгини, но и с наметившимся сближением Франции и России в последней трети XIX в.

Характерной чертой записок о путешествиях Лидии Пашковой было внимание к истории и культурному наследию, тех стран, где ей приходилось бывать, что характерно как для ориенталистского дискурса и традиций изучения Востока на Западе, так и для образа «любознательного наблюдателя». В этом плане Пашкова не сильно отличалась от своих «коллег» – французских путешественников. В 70-е гг. XIX Лидия Пашкова путешествовала по Ближнему Востоку и долгое время предметом ее мечты была Пальмира, куда она отправилась из Египта 9 марта 1872 г. [21, p. 161]. Безусловно, Л. А. Пашкова хорошо знала историю древней Пальмиры. В своем очерке «Путешествие в Пальмиру» она цитировала графа Вольнея, посетившего Пальмиру за 100 лет до неё, цитировала Плиния, отметила работу Вадингтона «Греческие и латинские описания Сирии» (1870), ссылалась на работы графа Мельхиор де Вогюэ [29].

В другом очерке «Синоп. Шесть месяцев в древней столице Митридата и на родине Диогена» [22] Лидия Пашкова рассказала своим читателям о Синопском сражении и адмирале Нахимове, чья гравюра была напечатана в журнале [22, p. 415–416]. Она буквально по часам воспроизвела битву [22, p. 416]. Пашкова была знакома с историей Китая, и к месту в своем повествовании о пребывании в Китае Лидия Пашкова вставляла исторические факты, например, припомнила события Второй Опиумной войны 1856–1860-х гг. [3, с. 17].

Как и все путешественники по Востоку, она стремилась посетить местные архитектурные памятники. В Китае в Кантоне ее впечатлили храмы, куда отдавали жить животных, там она видела свинью в возрасте 50 лет и очень старых птиц. «В Китае считается добрым делом помещать в храм птиц и зверей с платой за их пожизненное содержание» [3, с. 14].

Внимание княгини в Синопе, привлекла мозаика древнего дворца Митридата, которая была обнаружена случайно, так как местные жители брали камни для своих домов. Мозаика, по ее мнению, хорошо сохранилась. Она даже представила гравюру в своей работе, чтобы заинтересовать, («скромно сигнализировать», как она пишет) ученых археологов и специалистов по истории античности. Она сожалела о том, что культурное наследие практически уничтожается, разграбляется, а ценности распродаются. «Золотая монета времен Перикла продается за 2–3 турецких ливра, а серебряная монета эпохи Митридата за пол ливра или ливр» [22, p. 406]. Каждый год приезжают евреи из Константинополя и покупают по низкой цене все, что удалось найти за год. По ее сведениям, прекрасная коллекция золотых монет была у переводчика русского консула господина Дердерова [22, p. 406]. Лидия Пашкова во время прогулок не раз замечала молодых людей, копающих землю, но никаких серьезных раскопок не происходит, сожалела она.

Следующей достопримечательностью, которую посетила и описала Лидия Пашкова в Синопе был мавзолей Святого Сейита Билала – «красивое строение с минаретом, двором и садом, где находится несколько могил» [22, p. 406]. Внимание путешественницы привлекла наряду с мусульманским памятником мраморная античная колонна во дворе, которую имам выкопал недалеко от мавзолея и, понимая ее ценность, ревностно охранял. Следуя за путешественницей, мы обнаруживаем ее у развалин древней византийской церкви (речь идет о Церкви Балатлар, построенной в начале VII в.), и вновь мозаика впечатлила ее [22, p. 407].

В очерке о своем путешествии в Пальмиру, Лидия Пашкова подробно описала архитектурные особенности древнего города, Лидия Александровна обращала внимание читателей даже на количество метров в высоту или ширину той или иной постройки (описание храма Солнца) [21, p. 172].

Таким образом, интерес к истории и культуре стран Востока у Пашковой проявлялся в тщательном осмотре достопримечательностей и в дальнейшем описании памятников архитектуры на

страницах своих записок о путешествиях. По мнению отечественного исследователя М. В. Белова «излюбленная маска автора путевых записок – это «ученый любитель и «любознательный наблюдатель»» [1, с. 525–526]. Несмотря на то, что данное наблюдение М. В. Белова относится к русским путешественникам первой половины XIX века, столь удачно выбранная маска оказалась впору и следующему поколению путешественников.

В плоскости имперской идеологии лежат рассуждения Лидии Пашковой о цивилизаторской миссии Запада. Термин «цивилизаторская миссия» появился в Европе в эпоху Просвещения и, начиная с 1789 г. стал ключевым словом колониальной Франции [5, p. 62]. Идея цивилизаторской миссии была тесно связана с мифом о национальной исключительности Франции, как о стране с богатой культурой, идеалами эпохи Просвещения, а также с мифом о превосходстве Западной цивилизации в целом над остальными народами мира. «Белый человек верил в свою миссию», – писал А. Руссио [25, p. 93].

Безусловно, княгиня разделяла цивилизаторскую миссию Запада. Мы находим точки соприкосновения ее идей с идеями французских имперских идеологов. Так, например, по словам Лидии Пашковой «только католические школы на Востоке цивилизовывают население» [22, p. 410]. Эта фраза вполне вписывается в представление части французской колониальной элиты о том, что деятельность католических миссионеров является составной частью цивилизаторской деятельности Франции. Эту идею отстаивал французский журналист, автор многочисленных работ о колониальной политике Габриэль Шарм [8, 9]. Французский журналист более всего ценил образовательную и врачебную практику французских католических миссионеров, как и Лидия Пашкова. Вопрос, была ли она знакома с работами Г. Шарма? Можно полагать, что была. Шарм активно публиковался в 80-х гг. XIX в. во французских журналах.

Лидия Пашкова давала положительную характеристику тем жителям Востока, которые подверглись благосклонному влиянию западной цивилизации. Так, например, Пашкова упоминала некоторых турецких дам, которые принимали визиты европейских женщин и даже мужчин. Это жена Кабули-паша, жена сына Саида-паши мадам Киассим, известная более под именем Икбал-Ханум и жена Халиля-паши [3, с. 84]. Этих цивилизованных женщин она противопоставляла армянским и греческим семействам, ведущих строгую семейную жизнь. С большой долей симпатии Пашкова описала некую девушку, которую называла Д…-Паша. Это племянница паши, которой она познакомилась в Синопе. Она была воспитана a la franca (курсив Л. Пашковой) играла на фортепьяно и разговаривала по-французски. По Босфорской моде она носила велюровые платья, расшитые золотом [22, p. 412].

Будучи представительницей своей эпохи, рассуждения Лидии Пашковой о благотворном влиянии западной цивилизации вписываются в логику «здравого смысла» и подтверждают в очередной раз факт о том, что записки путешественников говорят не столько о стране, в которой они побывали, сколько о той интеллектуальной среде, из которой они вышли.

Более пристальное внимание хотелось бы обратить на гуманистический характер травелогов Пашковой, который выражен в её искреннем интересе к местным жителям. Люди в ее очерках занимали важное место и это не «вообще все восточные» люди, хотя совершенно обойтись без обобщений Пашковой и не удалось. В рассказах Пашковой вы видим, как уважение к людям, которые встречались ей на пути, так и презрение к некоторым из них. Это означает, что местных жителей она не воспринимала одинаково, в отличии от стереотипизированной ориенталистикой литературы, с установками на всеобщую лень туземцев, например, или какие-либо иные качества. Местные жители Пашкову и восхищали, и удивляли, и настораживали. Превосходство Запада над ними не являлось для нее абсолютным. Европоцентристские стереотипы восприятия Востока не закрывали от Пашковой подлинной картины мира. Но сказать о том, что чувство европейского превосходства было совсем не знакомо Лидии Пашковой также нельзя.

Пашкова в деталях описывала свои приемы у представителей местного сообщества, в которых нет места снисходительному отношению белого человека к туземцу, а есть отношение равного к равному. В Бурсе, например, она познакомилась с Ахмет Вефик-пашой и его семьей. «Паша встретил меня вместе со своей женой. Я была просто поражена его красивой наружностью. Он был в белом халате и в таком же верхнем кафтане; красивое умное лицо его освещалось приятной улыбкой. Жена его высокая красивая турчанка была одета также в белом; на ней была соболья шуба, покрытая малиновым бархатом» [3, с. 89]. У паши были очень красивые дочери. Лидия Пашкова сообщила читателям, что ее одарили подарками. Женщины подарили ей вышивку, а паша фаянсовые плиты как на мечетях [3, с. 90].

Она с почтением вспоминала о своей встрече в Дамаске с арабским эмиром и национальным героем Алжира – Абд аль-Ка́диром, который напоил её чаем и предоставил проводников за 20 франков в день [3, с. 80]. С особым уважением Пашкова отзывалась о китайском полковнике Тхенг-Ки-Тунге, с которым она познакомилась в Китае, называла его своим другом [23, p. 334]. Его книга «Китайцы, увиденные ими самими Париж. 1884» [27] – это первое произведение на французском языке китайского автора.

С воодушевлением княгиня писала про храбрых афганцев, которые погнали англичан [3, с. 77] в ходе англо-афганской войны 1838–1842 гг. Хотя это можно расценить как ее реверанс в сторону Франции.

В Пальмире Пашкова восхищалась красотой шейха бедуинов. Вот как она описала свое знакомство с шейхом и его женами. «Шейх, красивый, как ассириец с барельефов Ниневии, встре-

тил нас и проводил к ручью, на берегу которого, мы разбили лагерь» [21, p. 164]. Бедуины, которые встретились Пашковой в Пальмире, вызвали у нее благоприятное впечатление. Но иной раз она писала о бедуинах неприятные вещи, позволяя и обобщения, традиционные для дискурса ориентализма. «Бедуины – народ дикий. Обращение их с женщинами просто зверское. Мне не раз приходилось встречать в пустыне караваны бедуинов, переезжающими с места на место, и я всегда поражалась обращению бедуинов с их женами и вообще с женщинами: обыкновенно мужчины едут верхом, а женщины несут тяжести и идут пешком» [3, с. 79]. Женщин из гарема в Дамаске она также назвала «дикими». «Мусульманки из гарема в Дамаске, какие-то дикие женщины; они меня почти раздели, чтобы лучше рассмотреть мою одежду, до самых интимных подробностей» [3, с. 77], – с некоторой долей кокетства писала Лидия Пашкова.

Нелестную характеристику давала княгиня ливанцам, при этом называя их не «дикими», но «странными». «Странные люди ливанцы! Все разделяются по религиям и секта, а еще отдают детей на воспитание католикам и протестантам» [3, с.79]. «Замечателен тот факт, что они ненавидят друг друга» [3, с. 79], – отмечает путешественница.

Но, признавая «странность» ливанцев, Пашкова отрицала превосходство западных путешественников над ними. Вряд ли возможно встретить в ориенталистском нарративе, рассказ о том, как представитель «низшей» расы успешно обманывал представителя «высшей» расы. Возможно ли чтобы английская аристократка оказалась фактически ободрана как липка ливанцами? Оказывается, да. Как раз такой пример привела Лидия Пашкова. Леди Эстер Стенхоуп – дочь лорда Стенхоупа и племянница министра Питта уехала в Сирию после того как умер ее дядя в 1806 г. и отец в 1816 г. Она купила замок в Ливане и однажды заехала в Пальмиру, где за богатые подарки бедуины провозгласили ее королевой Пальмиры. У нее неотступно выманивали деньги толпы бедуинов [3, с. 79]. Она разорилась перед смертью.

Следует подчеркнуть интерес Пашковой к китайцам. С большим уважением она писала, что «китайцы вообще патриоты от высшего до низшего класса» [3, с. 17]. Она осуждала высокомерное отношение французов к китайцам [3, с. 21], по сути, порывая с европоцентристскими представлениями о превосходстве Запада над Китаем. «Китайцы – живой, не апатичный и совершенствующийся народ. Об этом я твердила и не перестаю твердить на русском и французском языках» [3, с. 46]. «Китайцы – сильная, энергичная, умная раса, у этой расы большое будущее, возможно, гораздо большее, чем об этом думают» [23, p. 340].

Гуманистический характер ее травелогов проявляется в сочувственном отношении к бедам простых людей, в этом нет снисхождения представителя высшей расы к представителю низшей расы, что было характерно для традиционного имперского дискурса.

В качестве примера можно привести ее описание тяжелой участи каторжан в Синопе. Каторжникам в Синопе не всегда могли дать положенные им два куска хлеба, которые должны им выдавать дважды в день, – писала она. Вот почему «Паша разрешает каторжникам зарабатывать себе на пропитание, работая за пределами тюрьмы» [22, p. 413]. Пашкова рассказала о таких каторжниках. Один из Черногории по имени Душан. Его осудили за то, что в ответ на удар ятагана турка, он ответил ножом. Два года он сидел в тюрьме в Стамбуле, а затем был сослан на полтора года на каторгу в Синоп. Он умирал от голода, а так как консулу требовался садовник, то паша посоветовал ему этого молодого человека [22, p. 414]. Другой каторжанин «немного ветеринар», как пишет Пашкова, лечил лошадей в охране консульства. А третий, бывший фальшивомонетчик, делал сандалии, инкрустированные перламутром или простые башмаки из дерева орешника, которым сносу не было, по словам, княгини [22, p. 414]. Лидия Пашкова носила такие, они были удобны для прогулок по плохо мощеным дорогам. Этот фальшивомонетчик изготавливал также портсигары. Но вскоре он перестал приходить в консульство. Оказывается, он занялся прежними делами, за что его посадили в высокую башню и приковали цепями [22, p. 414].

Лидия Пашкова с удивлением отмечала, что в Синопе, несмотря на пять сотен каторжан, бродящих по городу в поисках пропитания, люди спали с открытыми дверями. «Во время моего пребывания, каторжане, прямо напротив консульства построили дом, никого не смущала пребывание порядка тридцати осужденных под окнами и открытыми балконами» [22, p. 414].

Нет смысла отрицать, что Пашковой совершенно было чуждо чувство собственного превосходства по отношению к жителям Востока. Снисходительно и долей презрения Пашкова относилась к турецким женщинам, с которыми ей удалось встретиться. Это сближает ее нарратив с дискурсом ориентализма. Пашкову ужасала жизнь некоторых турчанок. Однажды она побывала в доме богатой вдовы, которая жила с несколькими невольниками. «Она целый день лежит, курит, погуляет, выкупается и опять, лежит и курит…» [3, с. 90]. «Она не читает ни книг, ни журналов. Такая жизнь, какою жила эта турецкая вдова, мне показалась ужасной». «Лежать и курить. Курить и лежать, да заниматься кормлением никому ненужной утробы, – это ужасно!..» [3, с. 90], – восклицала княгиня. Но она нигде не писала о том, что все турецкие женщины одинаково ленивы. «А жизнь женщин в Турции далеко не веселая» [3, с. 90], – отмечала Пашкова.

Кроме того, восточные женщины, которые обладали яркой индивидуальностью, незаурядностью заслуживали уважения Пашковой. В ее записках то там, то здесь появляются такие женщины. Лидия Пашкова обратила внимание в Синопе на одну гречанку. Это Хджи-Дуду- собственница красивого белого дома, расположенного недалеко от консульства. Это очень авторитетная

женщина среди православных женщин Синопа. «Оставшись вдовой, оно продолжила заниматься торговлей, как и ее муж!» [22, p. 14]. Это поражало Лидию Пашкову, заставляло ее восхищаться этой женщиной. Таким образом, Лидия Пашкова описывала разные психологические портреты женщин, с которыми она встречалась, но не избежала и некоторых обобщений.

Люди в травелогах Пашковой обладали незаурядностью. Восточные страны, города, которые она посетила также были индивидуальны. Она не искала экзотику повсюду, а пыталась разобраться в самых разных аспектах жизни тех стран, что она посетила. Вот почему немалое место в повествовании Пашковой занимают вопросы экономики. Она могла почти на целую страницу текста поместить таблицу доходов и расходов французов в Китае за 1884–1885 гг. [3, с. 18]. Она была знакома с банковской деятельностью в Гонконге, с торговыми домами. «… богаче и сильней других по оборотам в настоящее время фирма Russel and C, ей дают заказы на материалы для первоклассных железных дорог в Китае. Russel – агент больших немецких и английских торговых домов» [3, с. 11].

Сложно после этого считать работы Пашковой экзотистскими, а стиль легким и туристическим. Ей были интересны финансы Османской империи. Она считала, что они в полном беспорядке. Искреннее она была обеспокоена судьбой Синопа. В своих заметках Лидия Пашкова высказывала сожаление по поводу того, что Синоп потерял коммерческую активность. «Нет никакого шанса у небольшого населения Снопа расцвести подобно Трапезунду, который после длительного упадка вновь поднялся благодаря росчерку пера министру финансов России Вышнеградского» [22, p. 410]. Далее Лидия Пашкова уточнила, что она имела ввиду. «Министр под влиянием серьезных и таинственных комбинаций подписал декрет о том, что торговцы из Персии, проходя через Кавказ, будут платить на таможне. В Итоге торговцы направлялись в Персию через Трапезунд» [22, p. 410]. Мы видим, что Лидия Пашкова в своих заметках предстает перед нами дамой, разбирающейся в экономике, она анализировала экономическую ситуация, была знакома с деятельностью министра финансов Ивана Вышнеградского. Пашкова выразила надежду, что Синоп будет восстановлен в XX веке и станет важным портом и рынком в торговле Малой Азии, Ирана, Центральной Азии.

Подлинный интерес к самым разным сторонам жизни, а не поиск экзотики на Востоке характерен для травелогов княгини Лидии Александровной Пашковой. Любознательность княгини, а также способность устанавливать дружеские связи с разными людьми на своем пути позволили ей увидеть Восток разным, избежать по возможности однозначных характеристик, но не избежать полностью европоцентристского подхода. Вряд ли мы можем требовать этого от нашей героини. Но осознание ценности цивилизации Запада и признание цивилизаторской миссии Запада не означали для нее автоматического признания права Запада на обладание миром. Она не фаталистка и не считала, что Восток неминуемо погибнет под натиском Запада и уступит Западу. «Города, как и люди умирают и воскресают» [22, p. 416], – писала она.

Бесспорным, на мой взгляд, является гуманистический характер травелогов Пашковой, который выводит их за пределы ориенталистского дискурса с присущим ему использованием широких обобщений, а также с характерным для него презрительным отношением европейца по отношению ко всему неевропейскому. Оригинальность взглядов, глубокий исследовательский подход, знания международной ситуации – вот что характеризует ее тексты, хотя присуща им и живописность в описании природы, и юмор в описании курьезных случаев. Травелоги Пашковой позволяют нам увидеть разный Восток, а также лучше понять ментальный климат эпохи и расширить наши представления о культурной истории Европы.

Источники и литература / References

1. Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М. В. Белова. СПб.: Нестор, 2018. 672 с.

Otkrytie «brat'ev-slavyan»: russkie puteshestvennik na Balkanakh v pervoj polovine XIX veka *(The Discovery of "Slavic brothers": Russian Travelers in the Balkans in the First Half of the XIX Century)* / ed by M.V. Belov. St.Petersburg: Nestor, 2018. 672 p. (In Russian)

2. Пашков И. А. Биографическая справка URL: http://az.lib.ru/p/pashkow_i_a/text_1911_bio.shtml (Дата обращения 1.11.2018)

Pashkov I. A. biograficheskaya spravka *(Pashkov I.A.: Biographical Information)* [URL: http://az.lib.ru/p/pashkow_i_a/text_1911_bio.shtml (Accessed: 1.11.2018) (In Russian)

3. Пашкова Л. А. Французские и английские колонии на Крайнем Востоке и на Востоке (Из записок кругосветной путешественницы). Одесса: Тип. «Новоросс. телеграфа», 1886. 91 с.

Pashkova L. A. Frantsuzskie i anglijskie kolonii na Krajnem Vostoke i na Vostoke (Iz zapisok krugosvetnoj puteshestvennitsy) *(French and English Colonies in the Far East and in the East (From the Notes of the World Traveler)*. Odessa, Tip. «Novoross. telegrafa», 1886. 91 p. (In Russian)

4. Экштут С. А. Повседневная жизнь российской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012. 432 с.

Ehkshtut S. A. Povsednevnaya zhizn' rossijskoj intelligentsii ot ehpokhi Velikikh reform do Serebryanogo veka *(The Daily Life of the Russian Intelligentsia from the Era of the Great Reforms to the Silver Age).* Moscow: Molodaya gvardiya, 2012. 432 p. (In Russian)

5. Ageron Ch.-R. France coloniale ou partie coloniale? Paris: PUF, 1978. 302 p.
6. Barat C. Les antiquités de Sinope du Pont dans les récits de voyageurs (XVIIIe – XIXe siècles)» // F. Baratte éd., L'Antiquité vue par les voyageurs, 130e congrès national des sociétés historiques et scientifiques, La Rochelle, 2005, édition électronique, 2008. P.7–16.
7. Champion Renée Gertrude Bell et ses récits de voyage en Syrie (1907) et en Mésopotamie (1911) : un orientalisme ambivalent au début du XXe siècle, Viatica [En ligne], D'Afrique et d'Orient. Regards littéraires de voyageuses européennes (XIXe-XXIe siècles), mis en ligne le 28/05/2018, URL : http://viatica.univ-bpclermont.fr/d-afrique-et-d-orient-regards-litteraires-de-voyageuses-europeennes-xixe-xxie-siecles/ii-voyageuses-et-imperialismes/gertrude-bell-et-ses-recits-de-voyage-en-syrie-1907-et-en-mesopotamie-1911-un (Accessed: 28.10.2018)
8. Charme G. La politique coloniale // Revue de Deux Mondes. 1883. T. 60. 1 nov. P. 49–90.
9. Charme G. Voyage en Syrie. Impressions et souvenirs. Le Saint-Sepulcre-Pelerins et clerges // Revue de Deux Mondes. 1881. T. 45. 15 juin. P. 303–327.
10. Clio. Histoire, femmes et sociétés 2008. №28.
11. Ernot Isabelle Voyageuses occidentales et impérialisme : l'Orient à la croisée des représentations (XIXe siècle) // Genre & Histoire [En ligne], 8 | Printemps 2011, mis en ligne le 28 octobre 2011, URL : http://genrehistoire.revues.org/1272 (Accessed: 28.10.2017)
12. Hodgson Barbara Les aventurières XVIIe-XIXe siècle : récits de femmes voyageuses,; traduit de l'anglais par Marc Albert et Camille Gerfaut, Paris : Seuil, 2002. 215 p.
13. Lapierre Alexandra et Mouchard Christel Elles ont conquis le monde. Les grandes aventurières 1850 – 1950, Paris : Arthaud, 2007. 238 p.
14. Lapeyre Françoise Le roman des voyageuses françaises. Paris, Payot, 2007. 270 p.
15. Lydie Paschkoff [J. Geiser] Photographe. 1881 URL: http://gallica.bnf.fr/services/engine/search/sru?operation=searchRetrieve&version=1.2&query=%28dc.title%20all%20%22Lydie%20Paschkoff%20%20J.%20Geiser%22%29&suggest=1 (Accessed: 28.10.2017).
16. Nouveautés Literraires // La Gazette des femmes. Paris. 1879/12/10. No. 60. P.4-6.
17. Marcade A. Les Russes en Asie Centrale // Figaro. Supplément littéraire du dimanche. 15 aout 1885. P. 131 [Электронный ресурс]. URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2741629/f3.item.r=Pachkoff.zoom (Accessed: 28.10.2017)
18. Monicat Bénédicte Pour une bibliographie des récits de voyages au féminin (XIXe siècle) // Romantisme. 1992 n°77. P.95–100.
19. Paschkoff Lydie La Princesse Vera Glinsky. Paris, Calmann Levy, Editeur. 1876. 254 p.
20. Paschkoff Lydie En Orient. Drames et paysages. Paris: Sandoz et Fischbacher, 1880. 267 p.
21. Paschkoff Lydie Voyage à Palmyre // Le Tour du Monde. (1872). Broché 1877/01 (33) – 1877/06. P.161–176.
22. Paschkoff Lydie Sinope (Asie mineure). Six mois de séjour dans l'antique capitale de Mithridate et la patrie de Diogène» // Le Tour du Monde. 1888–1889, T.57. P.401–416.
23. Paschkoff Lydie Un hiver a Fou-Tcheou (Chine) 1883–1884. P.332–340.
24. Paschkoff Lydie [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.bnf.fr/13006387/lydie_paschkoff/ (Accessed: 28.10.2017)
25. Ruscio A. Le Credo de l'homme blanc. Regards coloniaux français XIX-XX siècle. Paris: Éd. Complexe, 1995. 410 p.
26. Suicide de Lydie Paschoff // Le Journal. 1896. 21 juin. http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7620453x/f3.item.r=Le%20Figaro%20Pashcoff%20Lydie.zoom (Accessed: 28.10.2017)
27. Tcheng-Ki-Tong Les Chinois peints par eux-memes. Paris. 1884. 328 p.
28. Trois nouvelles Russes // Journal de Monaco. 1876. 19 decembre. №964. https://journaldemonaco.gouv.mc/var/jdm/storage/original/application/a9c03c69dabb11ffcf987ac41d1f0246.pdf (Accessed: 28.10.2017)
29. Vogüé de Eugène-Melchior Syrie, Palestine, Mont Athos ; voyage aux pays du passé. Paris, 1876. 344 p.
30. Voyageuses européennes au XIXe siècle. Identités, genres, codes / dir. F. Estelmann, S. Moussa et F. Wolfzettel. P., 2012. 320 p.

Сведения об авторе
Моисеева Екатерина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / moiseevaen@rambler.ru

Information about the author
Moiseeva Ekaterina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Chair of History, Political Science, Sociology, Saratov State Law Academy (Saratov) / moiseevaen@ rambler.ru

УДК 94(470.6)”18”

С. С.-А. Мутаев

УСЛОВИЯ И ПУТИ СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В 60–70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена становлению судебно-административных институтов Российской империи на территории Северо-Восточного Кавказа во второй половине XIX в. после завершения там военных действий. Автор указывает на особенности устройства судебных учреждений и реализации судебной практики, сочетавшие элементы имперского и горского судопроизводства. Это было обусловлено переходным периодом, связанным с инкорпорацией автохтонного населения в социально-политическую систему Российского государства. Для правительства было достаточно признания верховенства монархии как стержня державного мироустройства. Выстраивая административно-судебную систему на Северо-Восточном Кавказе, власти должны были учитывать тот факт, что местные народы не обладали необходимым опытом проживания в условиях господства государства, с его надэтническими и надфамильными ценностями. Адат по-прежнему занимал значительную нишу в горском правосознании. Горские общества не практиковали разделение права на гражданское и уголовное и считали мерилом справедливости возмещение материального ущерба потерпевшей стороны за счёт виновника. Учет местных традиций позволил российской администрации постепенно внедрить имперские политико-правовые институты и связанную с ними практику в повседневную жизнь горцев с наименьшими издержками. Стремясь разделить ответственность за принимаемые решения и таким образом увеличить кредит доверия, кавказская администрация повсеместно включала представителей от местных обществ в судебные и административные структуры. Новая административно-судебная система имела чётко выраженную властную вертикаль, на вершине которой находился начальник Дагестанской области. В его руках были сосредоточены все административные, финансовые, хозяйственные, судебные и военные полномочия. Военное руководство должно было принимать и рассматривать жалобы на решения окружных судов, могло пересмотреть вынесенный приговор и даже передать решение вопроса на рассмотрение командующего войсками области. Исследуемая проблематика остается в определенном смысле актуальной и может служить примером позитивного опыта для административно-правовой деятельности современных властных структур края.

Ключевые слова: горские общества, Российская империя, судопроизводство, военно-народное управление, кавказская администрация, традиция.

S. S.-A. Mutaev

THE CONDITIONS AND WAYS OF JUDICIAL AND ADMINISTRATIVE TRANSFORMATIONS IN THE REGION OF THE NORTH-EASTERN CAUCASUS IN THE 60–70s OF THE XIX CENTURY

The article studies the formation of the judicial and administrative institutes of the Russian Empire on the territory of the North-Eastern Caucasus in the second half of the XIX century after the completion of military actions. The author points to the peculiarities of the judicial institutes system and realization of the judicial practice combining elements of imperial with highland legal procedure. It was caused by the transition period, connected to the incorporation of the autochthones into social and political system of the Russian State. It was enough for the government that monarchy was recognized as the core of the state. Building up the administrative and judicial system in the North-Eastern Caucasus the authorities had to account the fact, that locals didn’t have the necessary experience of existence in the state domination with its above classes and family values. Adath still took the significant recess in the highland notion of legality. Highland societies did not practice the rights’ division into civil and criminal and thought of the justice as the compensation of the material damage of the side that had suffered loss at culprit’s expense.

The appreciation of the local traditions made it possible for Russian administration to instill gradually the imperial political institutes and the attendant practice in the everyday life of highlanders properly. The Caucasian administration included representatives of the local societies into judicial and administrative structures everywhere, trying to share the responsibility for decisions and strengthen faith. The administrative and judicial system had a distinct powerful vertical line, on which top there was a chief of Daghestan region. All administrative, financial, economic, judicial and military powers were concentrated in his hands. The military leaders had to accept and consider complaints on decisions of district courts, revise verdicts and submit the case to the decision of the general officer commanding.

The investigating problem nevertheless remains actual and can be the example of the positive experience of the administrative and judicial activities of the modern state structures of the region.

Key words: societies of highlanders, Russian Empire, legal procedure, military administration of the people, administration of the Caucasus, tradition.

Полиморфность российского государственного пространства диктовала свои специфичные требования к обустройству административно-правовых укладов для народов, населявших империю. Унифицировать их если и было возможно, то лишь в долговременной исторической перспективе, а потому власти, как правило, не стремились форсировать данный процесс. Продолжительное время он не считался первоочередной задачей. Для правительства было достаточно признания верховенства монархии как стержня державного мироустройства. Но после проведения череды буржуазных преобразований, которые изменили облик страны, судебно-административные институты неминуемо должны были трансформироваться, чтобы соответствовать новым историческим реалиям.

Для Кавказа наступал период его встраивания в общеимперскую систему управления, схожую с другими частями государства, и постепенного отказа от особого статуса, который он имел в предшествующие десятилетия. Это имело как свои положительные стороны, так и неминуемые издержки, цена которых варьировалась в зависимости от готовности автохтонных народов поступиться частью своего привычного жизненного уклада.

Завершившееся вооружённое противостояние давало возможность сосредоточиться на выполнении этой задачи, которая позволяла повысить эффективность управления краем, а самое главное – убедить его жителей, что они такие же равноправные подданные императора, как и все остальные народы России [3, с.11]. Судебно-административная универсальность, единые правила, которые распространялись на всё правовое пространство страны, в перспективе позволяли выходцам с Северного Кавказа успешно адаптироваться в любом её регионе. В отдалённой перспективе речь могла идти о «правовой аккультурации», хотя никто не смог бы сказать, как долго придётся ждать этого результата.

На Северном Кавказе контроль и управление автохтонными народами осуществлялись военными чинами. Первоначально главнокомандующий Кавказской армии, а затем командующий войсками Кавказского военного округа возглавляли всю систему военно-народного управления. Вышестоящей инстанцией над ним был военный министр, т.е. в регионе фактически сосуществовали две ветви управления – военная и гражданская. Это не могло не приводить к конкуренции между ними, что не всегда шло на пользу дела. Отсутствовала определённость и иерархичность в самом процессе доведения до высшей инстанции в лице императора информации по тем или иным вопросам, связанным с ситуацией в регионе.

Кавказское направление курировала Азиатская часть департамента Главного штаба, которая так же, как и Кавказский комитет, не всегда была компетентна в тех проблемах, которые должна была разрешать. Специфика армии и её «мозгового центра» в лице Главного штаба заключалась в решении, прежде всего, военных вопросов, а ситуация на Кавказе требовала комплексности, разработки хозяйственных, финансовых, культурных направлений в проводимом политическом курсе. Пока на Кавказе продолжались боевые действия, менять что-либо было нельзя, но после завершения активной фазы противостояния сохранявшееся положение начинало выглядеть анахронизмом и должно было претерпеть кардинальные изменения.

В целом в интересующий нас период сохранялась та же управленческая практика, которая была принята в середине 40-х гг. XIX в., и Петербург лишь формально контролировал и вмешивался в дела наместничества. Но именно в 60–70-е гг. XIX в. сложилось понимание того, что нужно менять сам принцип взаимодействия кавказской администрации и центральных органов управления. Регион переставал быть «проблемной экзотикой» и становился органичной частью имперского пространства со всеми его универсалистскими особенностями [6, с. 315–368].

Но, как показали дальнейшие события, торопливость в этом вопросе была неприемлема. При всех успехах происходивших модернизационных трансформаций край не стал в полной мере походить на другие российские губернии и по-прежнему сохранял серьёзный и взрывоопасный потенциал [13, с. 173–183].

Выстраивая административно-судебную систему на Северо-Восточном Кавказе, власти должны были учитывать тот факт, что местные народы не обладали необходимым опытом проживания в условиях господства государства, с его надэтническими и надфамильными ценностями. Даже титанические усилия имама Шамиля не смогли поколебать власть традиции в местном социуме. Адат по-прежнему занимал значительную нишу в горском правосознании. Они не практиковали разделение права на гражданское и уголовное и считали мерилом справедливости возмещение материального ущерба потерпевшей стороны за счёт виновника.

В своё время Шамиль «полагал, что фундаментом могущества имамата является уравнение шансов людей вне зависимости от их принадлежности к «фамилиям» (кланам), то есть всё то же обуздание кланболизма» [4]. Нечто подобное стремилась утвердить и империя, которая, хотя и ликвидировала имамат, но не могла не оценить достижений его лидера. Государство попыталось выступить в качестве защитника интересов отдельного горца, причём, не интересуясь, делегировал ли он ему это право. На практике формально благие намерения вызывали раздражение и рассматривались как грубое вмешательство в жизнь человека, привыкшего самостоятельно защищать собственные интересы в суде.

Как признавала и сама российская кавказская администрация, «наказания по нашим законам за убийство и поранение, происшедшие в ссоре, по кровомщению, по увозу женщин, или другим обидам, считающимся у горцев кровными, не только не вселяют в народе доверенности и уважения к нашему правосудию, но принимаются за неспра-

ведливость. По их мнению, только сторона, считающая себя обиженною, может искать по подобным преступлениям удовлетворения» [1, с. 425].

Изменить существующие правила было непросто. Данный процесс должен был неминуемо затянуться на несколько поколений, но и откладывать столь болезненную проблему «на завтра» российская власть не могла. Нужно было адаптировать горцев к правилам имперского общежития, которые были далеко не оптимальны и вызывали шквал критики даже у тех, кто вырос и сформировался в их среде.

Между тем ликвидация имамата создала административно-правовой вакуум на Северо-Восточном Кавказе. Следовало как можно скорее внедрить здесь собственную систему управления, чтобы не провоцировать эскалацию новой волны насилия, характерную для безвременья. Назывались даже сроки, которые, по мнению кавказского начальства, были необходимы, чтобы поменять мировоззрение местных народов. Так, А. И. Барятинский считал, что двадцать лет мира позволят замирить навеки кавказских горцев, и предлагал шире использовать уже сложившиеся и овеянные традициями правила регламентации их жизни [1, с. 1287]. Такой подход ляжет в основу реформ, которые будут проведены в регионе.

Сделав ставку на адат, наместник нуждался в силе, которая должна была поддерживать его начинания. Ею стала армия, гарнизоны которой располагались во всех ключевых местах края. Пожалуй, никто не мог сравниться с таким знанием местных реалий, как офицеры, жизненный путь многих из которых был связан с Кавказом. Опыт использования армии для судебно-административной деятельности уже имелся, а потому возникшее в дальнейшем военно-народное управление было вполне закономерным явлением в имперской судебной практике [2, с.87 – 93; 10, с.22].

Сам А.И. Барятинский апробировал этот метод в Чечне, когда внедрил «мехкеме», сочетавшее горское традиционное судопроизводство с контролем со стороны российских властей [8, с. 42]. Делалось это «в виде опыта», который в итоге был признан удачной, хотя и временной мерой [9, с. 648].

Теперь предстояло распространить военно-народное управление на всю территорию Северо-Восточного Кавказа и добиться того, чтобы адатное судопроизводство не противоречило основным законам империи. Следить за этим предстояло военным властям, прямое вмешательство которых в местную судебную практику признавалось возможным в исключительных случаях. На первый взгляд, эта схема вообще выводила духовенство за рамки судопроизводства. Но жизнь показала, что сделать это не просто затруднительно, а вообще невозможно.

Одним из первых подвергся преобразованию Дагестан. После завершения боевых действий на его территории власть делили между собой военная администрация и представители старой знати, которая после ликвидации имамата рассчитывала вернуть себе былое могущество. Нужно было без промедления регламентировать местное управление и судопроизводство, что и сделал князь А. И. Барятинский, когда в апреле 1860 г. утвердил «Проект положения об управлении Дагестанскою областью».

Согласно его положениям формировалась Дагестанская область в составе Кавказского края. В свою очередь, она состояла из четырёх военных отделов и двух гражданских управлений. Военные отделы включали Северный, Южный, Средний и Верхний Дагестан, где были учреждены округа, а гражданское управление – Дербентское градоначальство и управление городом Петровском. Сохранялись и три ханства вместе с шамхальством Тарковским.

В пункте 11 говорилось, что военное управление подразделялось на три отрасли, включавшие управление войсками, горскими обществами и ханское управление. Руководил всем этим начальник Дагестанской области в звании командующего войсками. В его подчинении находились Штаб и Канцелярия.

Канцелярия, в свою очередь, состояла из двух отделений, одно из которых занималось непосредственно проблемами автохтонных народов. Оно с отчётами выходило на начальника Штаба, и такая практика должна была сохраняться до тех пор, пока Дагестан находился в военном управлении.

Для осуществления судебной практики учреждались Дагестанский областной суд, ведавший гражданскими и уголовными делами, расположенный в Дербенте, и Дагестанский народный суд, рассматривающий вопросы, связанные с туземным населением, находящийся в Темир-Хан-Шуре.

Во главе каждого отдела были свои воинские начальники. Были они и во главе округов. Что касается Тарковского владения, то здесь по-прежнему управлял шамхал, а ханствами – ханы. Обращает на себя внимание тот факт, что в состав окружного управления, помимо российских офицеров, входили ещё и медики, «для пользования жителей округа», а также представители местных обществ [1, с. 435].

Оговаривалось, что «состоящие при округах медики, находясь в полном распоряжении начальников окружных управлений, обязаны лечить являющихся, или представляемых к ним больных бесплатно…» [7, с. 263]. Представляется, что такая забота должна была обеспечить авторитет и уважение новым органам власти со стороны местных жителей.

Каждый округ делился на наибства. Исключение было сделано для Кайтаго-Табасаранского и Даргинского, т.к. власти сочли возможным оставить здесь уже привычные формы управления.

По новым правилам управление Дагестанской областью осуществлялось по законам империи и по народным обычаям. Подчёркивалось, что данные правила не являются догмой и могут подвергаться коррективам. При необходимости можно было вносить дополнения «на основании опыта и развивающейся в них потребности» [7, с. 263].

Административно-судебная система имела чётко выраженную властную вертикаль, на вершине которой находился начальник Дагестанской области. В его руках были сосредоточены все административные, финансовые, хозяйственные, судебные и военные полномочия. Военное руководство должно было принимать и рассматривать жалобы на решения окружных судов, могло пересмотреть вынесенный приговор и даже передать решение вопроса на рассмотрение командующего войсками области.

Окружные начальники возглавляли Окружные народные суды и имели в них право голоса. Привилегией председателя было получение перевеса при голосовании, если мнения разделялись в равной степени.

Наибы, среди прочего, наделялись полицейскими функциями. Для них разрабатывались соответствующие инструкции, которых они придерживались. Бросается в глаза то, что «сельское управление в Дагестане остаётся на прежнем основании, т.е. селениями управляют выборные от общества старейшины» [7, с. 263]. Имперская власть явно не хотела вмешиваться в разрешение бытовых вопросов и менять устоявшиеся обычаи и традиции. Это было чревато многочисленными конфликтами с населением, да и обошлось бы казне в огромную сумму на содержание чиновничьего аппарата.

Стремясь разделить ответственность за принимаемые решения и таким образом увеличить кредит доверия, кавказская администрация повсеместно включала представителей от местных обществ в судебные и административные структуры. Наглядно это просматривается на примере Дагестанского областного суда, где были представлены почётные лица из числа местных авторитетов. Именно они рассматривали споры, в которых требовалось компетентное решение на основании норм адата и шариата. Это была дань полиюридизму, характерному для местной практики [5, с.215]. Каждая такая кандидатура утверждалась лично командующим войсками. Решение суда считалась принятым, если за него проголосовало большинство участников заседания. Затем его утверждал командующий областью, а в особо важных случаях – главнокомандующий Кавказской армией.

К компетенции суда относились вопросы, связанные с гражданскими спорами, разбирательствами фактов воровства, грабежа, драк, похищения женщин, конфликты внутри семьи, религиозные разногласия. Сама процедура проводилась «гласно и словесно», причём решения фиксировались как на русском языке, так и на языке, «который употребляется у туземцев для письмён» [7, с. 436].

Аналогичным образом действовали суды на территориях, находящихся под ханским управлением. Здесь уже хан был инстанцией, к которой апеллировали в случае недовольства вынесенным судебным постановлением. Если же и он оставлял жалобу без внимания, то тогда она могла быть подана военному начальству.

Командующий войсками Дагестанской области оставлял за собой право применить оружие в случае возникновения мятежа, наказать за измену, покарать за антиправительственные действия, тяжкие оскорбления государственного служащего, воровство казённого имущества, разбой. Виновники могли быть высланы из края в административном порядке, но в этом случае требовалось довести до сведения главнокомандующего обстоятельства и причины такого шага.

Окружные начальники также наделялись полномочиями применить силу, если возникала необходимость «отвратить распространение возмущения или неповиновения в крае» [7, с. 437]. В случае ареста ими преступника того отправляли в Темир-Хан-Шуру, где уже суд определял дальнейшую судьбу провинившегося.

Содержание штата чинов Дагестанской области оценивалось в 146 322 рубля серебром. Сюда входила не только оплата труда, но и расходы на хозяйственные и канцелярские нужды. Распоряжался и распределял эту сумму командующий войсками в Дагестане.

Исследователи отмечают, что российская администрация признавала успешность ряда шагов имама Шамиля. Иначе трудно объяснить тот факт, что, ликвидировав имамат, империя сохранила наибства как первичный уровень в административно-территориальном делении Дагестана. «Пришлись ко двору» и те кадры, которые были подготовлены главой мюридов. Они достаточно ответственно относились к исполняемым обязанностям и даже рисковали жизнью, стремясь выполнить взятые на себя обязательства. При всей настороженности к таким людям современники отмечали, что, по крайней мере внешне они были лояльны новым властям [13, с. 190].

Ставка на «старую» и «новую» элиту из числа автохтонных народов позволяла обеспечить относительно безболезненное распространение новых судебно-административных институтов. Кроме того, это демонстрировало наличие социального лифта для тех, кто готов был признать новую власть. В глазах горцев такой подход должен был продемонстрировать приверженность царской администрации привычной старине, которую разрушал имам Шамиль в процессе своих революционных преобразований. Таким образом, пытались использовать недовольство тех, кому изменения прошлых лет пришлись не по нраву.

Активное привлечение к судопроизводству местных авторитетных лиц было необходимо ещё и по той причине, что российская администрация нуждалась в компетентной консультации по самым разным вопросам. Изучая непосредственно на местах правовые традиции, можно было избежать ошибок, которые, как показывал опыт, нередко приводили к массовому возмущению.

Со временем удалось оттеснить старую родовую знать от судебно-административной практики. Ханы утрачивали авторитет в глазах соплеменников, т.к. в любой момент их решение можно было оспорить в вышестоящей инстанции военно-народного управления. Сами они также

утрачивали интерес к такого рода статусным занятиям, начинали относиться к ним формально. С одной стороны, такая тенденция свидетельствовала о возрастании авторитета имперских властных институтов, но с другой – просчёты судопроизводства отныне ассоциировались с представителями государства в лице её чиновников.

Реально всеми текущими делами занимались ханские помощники. Они действовали от имени своего повелителя, но ни для кого не было секретом, что это их собственные решения [11, л. 4–4 об]. Власть ханов и шамхалов приобретала бутафорские черты, а сами они предпочитали жить на пенсии, выплачиваемой правительством, а не на доходы, получаемые от вчерашних подданных. Стоит ли удивляться, что многие стали добровольно отказываться от власти, которая не приносила ничего, кроме пустых хлопот. Процесс этот имел ненасильственный характер и был инициирован самими владельцами [11, л.6].

Как следствие – относительно мирное протекание судебно-административной реформы в крае. Имевшие место эксцессы не потребовали серьёзного военного вмешательства и ограничились скорее готовностью применить силу, нежели реальным кровопролитием [12, л. 1].

К 1867 г. процесс распространения военно-народного управления на территории Дагестана в общих чертах завершился. В качестве компенсации за утерянное положение местные правители получили от казны щедрые отступные. Помимо денежного содержания, им передавались крупные земельные наделы. Они могли самостоятельно заниматься хозяйственной деятельностью либо продать участки желающим (или сдать в аренду).

Но финальная точка была поставлена в следующем году, когда вышло в свет «Положение о сельских обществах Дагестанской области» [7, с. 292–303]. Оно регламентировало права и обязанности непосредственного сельского управления на местах, которое традиционно отличалось автономностью и закрытостью от внешнего воздействия. Оговаривались правила устройства сельских обществ и порядок отбывания ими повинностей. Как правило, в общество входили жители одного крупного селения, а если оно было небольшим, то его либо присоединяли к крупному посёлку, либо объединяли несколько таких аулов и отсёлков.

Управление осуществляли джамаат, т.е. сельский сход, выборный старшина, кадий и сельский суд. Староста имел несколько помощников – чоушей. В случае необходимости сельское общество могло назначать тургаков, т.е. людей, которые охраняли поля, смотрителей ирригационных сооружений и т.п.

Джамаат состоял из совершеннолетних домохозяев и сельских должностных лиц. Каждую семью представлял только один человек, самый старший в роду. Права участвовать в сходе лишались лица, находящиеся под следствием или известные своими дурными наклонностями. Созывать сельский сход мог старшина или наиб, а остальные участники джамаата должны были согласовывать с ними своё желание обратиться к односельчанам.

К компетенции джамаата относились: выборы должностных лиц местного самоуправления; право изгнания из общества «вредных и порочных членов его»; право принимать новых жителей в свой состав; право распоряжаться средствами, которые пожертвованы в пользу мечети; право распоряжаться землями, находящимися в общественной собственности; право обсуждать хозяйственные вопросы, касающиеся всего джамаата; контролировать расходование средств, предназначенных на решение общественных нужд; право распределять казённые повинности между членами сельского общества; помощь нуждающимся односельчанам и т.п. вопросы [7, с. 294].

Если сельский приговор выходил за рамки своей компетенции, то он считался недействительным. Решение принималось большинством голосов, от числа присутствующих на джамаате. Но в особо важных случаях, как то изгнание одного из членов общины, распоряжение общественными землями, наблюдение за расходованием средств, получаемых от использования общественных сборов, требовали поддержки не менее двух третей всех участников джамаата. Если кто-то из односельчан не мог или не хотел присутствовать на собрании, то он обязан был подчиниться его воле.

В случае несогласия с решением сельского схода можно было подать жалобу на имя окружного начальника через наиба. Тот, в свою очередь, обращался к руководству отдела со своим заключением, если не мог разрешить возникшего вопроса самостоятельно.

Малолюдные селения имели право собираться отдельно от общего собрания и обсуждать проблемы, которые касались их собственного аула. Правила работы таких сходов были аналогичны работе схода большого посёлка.

Достаточно широкие полномочия получал в этой схеме сельский староста. Он следил за порядком и мог отдавать приказания всем членам коллектива, кроме беков и их семей. Последние находились в подчинении у воинских властей. Через старшину осуществлялось взаимодействие джамаата с окружным начальством. Староста должен был своевременно информировать его о происшествиях на подчинённой ему территории, задерживать бродяг, беглых и дезертиров, приводить в исполнение решение сельского приговора, взыскивать штрафы, обеспечивать поддержку воинским командам, которые перемещались по его землям, контролировать расходование общественных сумм, не допускать межевых конфликтов, вести записи прихода и расхода денег и т.п.

Таким образом, старшина выполнял преимущественно функции контроля, но в некоторых случаях мог применить власть для наказания виновных. Например, назначить выполнять общественные работы сроком на два дня, взыскать штраф в размере рубля и даже арестовать на двое суток. Такие меры дозволялись в случае малозначительных проступков – драки без нане-

сения увечий, непотребного поведения во время богослужения в мечети, непослушания родителям, пьянства и т.п. При этом он должен был приглашать двух свидетелей, прежде чем применить свою власть к нарушителю.

Таким образом, была создана достаточно компромиссная модель взаимодействия имперской администрации и местных обществ. Учитывая, что существовал весьма непростой исторический багаж взаимных претензий и недоверия, такие шаги видятся оправданными и в конкретной ситуации оптимальными. Имперские власти во многих случаях оставляли за собой функции наблюдателя и старались не вмешиваться в жизнь местных обществ. Это позволяло избежать многих конфликтных столкновений, хотя и замедляло процесс правовой интеграции населения в общеимперское пространство. Возобладало понимание того, что, искусственно ускорив такой процесс, можно было добиться противоположного результата.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. Т.XII. 1552 с.

2. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827) / под редакцией и с послесловием В. Б. Виноградова. Ессентуки: АГПИ, 1999. 135 с.

3. Клычников Ю. Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении. (Историко-политологические очерки) / под ред. и с предисловием С.Л. Дударева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.

4. Крымин А. В. Тарикат. URL: http://constitutions.ru/?p=3505 (Дата обращения: 18.01.2017).

5. Малахова Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону: [б.и.], 2001. 400 с.

6. Матвеев В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов-на-Дону: ООО «Омега Паблишер», 2012. 560 с.

7. Материалы для истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: [б.и.], 1902. Вып.1. С.231–372.

8. Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 428 с.

9. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. СПб: Тип. 2-го Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии 1853. Т.XXVII. №26740. 801 с.

10. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / под ред. Н. Н. Великой. Армавир: ИП Шурыгин В. Е., 2011. 248 с.

11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.400. Оп.1. Д.102. Л.4-4 об.

12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.400. Оп.1. Д.74. Л.1.

13. Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: дисс… кан. ист. наук. М., 2002. 240 с.

References

1. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej *(The Acts Collected by the Caucasus Archeolographical Commission).* Tiflis, 1904. Vol.XII. 1552 p. (In Russian)

2. Klychnikov Yu. Yu. Dejatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816–1827) *(The activities of A.P. Ermolov in the North Caucasus)* / ed by V.B. Vinogradov. Essentuki: ASRA publ., 1999. 135 p. (In Russian)

3. Klychnikov Ju. Ju. Severnyj Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii. (Istoriko-politologicheskie ocherki) *(The North Caucasus: Old Problems at New Glance (Historical and Politological Essays)* / ed by Dudared S.L. Pjatigorsk: PSLU publ., 2016. 99 p. (In Russian)

4. Krymin A. V. Tarikat *(Taricat).* URL: http://constitutions.ru/?p=3505 (Accessed: 18.01.2017). (In Russian)

5. Malahova G. N. Stanovlenie i razvitie rossijskogo gosudarstvennogo upravlenija na Severnom Kavkaze v konce XVIII–XIX vv. *(The Formation and Development of the Russian State Government in the North Caucasus at the End of the XVIII–XIX cc.).* Rostov on Don, 2001. 400 p. (In Russian)

6. Matveev V. A. Rossijskaja universalistskaja transformacija i separatizm na Severnom Kavkaze (vtoraja polovina XIX v. – 1917 g.) *(The Russian Universalist Transformation and Separatism in the North Caucasus (the Second Half of the XIX c. – 1917).* Rostov on Don: Omega Pablisher, 2012. 560 p. (In Russian)

7. Materialy dlja istorii upravlenija Dagestanskoj oblast'ju *(The Materials for the History of the Dagestan Region Government)* // Dagestanskij sbornik. Temir-Han-Shura, 1902. Issue.1. P.231–372. (In Russian)

8. Muhanov V. M. Pokoritel' Kavkaza knjaz' A. I. Barjatinskij *(The Caucasus Conqueror – the Prince A.J. Baryatinsky).* Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2007. 428 p. (In Russian)

9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Vtoroe sobranie *(The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection).* St.Perersburg, 1853. Vol. XXVII. No.26740. 801 p. (In Russian)

10. Pylkov O. S. Rossijskaja armija v transformacionnyh processah na severnom Kavkaze (konec XVIII – pervaja polovina XIX vv.) *(The Russian Army in Transformational Processes in the North Caucasus (the End of the XVIII – the First Half of the XIX cc.)* / ed by N.N. Velikaya. Armavir: V.E.Shurygin's publ., 2011. 248 p. (In Russian)

11. The Russian State Military and Historical Archives. F.400. Inv.1. D.102. (In Russian)

12. The Russian State Military and Historical Archives. F.400. Inv.1. D.74. (In Russian)

13. Silaev N. Ju. Severnyj Kavkaz v sostave Rossii vo vtoroj polovine XIX v.: demograficheskie, jekonomicheskie, administrativno-pravovye aspekty integracii *(The North Caucasus as a Part of Russia in the Second Half of the XIX c.: Demographic, Economic, Administrative and Judicial Aspects of Integration):* thesis. Moscow, 2002. 240 p. (In Russian)

Сведения об авторе
Мутаев Сайди Сайд-Алиевич – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / aspirantura@pglu.ru

Information about the author
Mutaev Saidi – Post Graduate, Chair of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / aspirantura@pglu.ru

УДК 93/94+172.4+ 355.01

Н. Ю. Николаев

«БЕСПОЩАДНАЯ ВЗАИМНАЯ РЕЗНЯ ПЕРЕДОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ НАЦИЙ…»: ПУБЛИЦИСТИКА Л. З. СЛОНИМСКОГО В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрена общественно-политическая позиция известного публициста Л. З. Слонимского в период Первой Мировой войны. Выявлены оценки им причин, характера и вероятных результатов масштабного конфликта. Публицист обвинял в развязывании мировой войны исключительно страны Тройственного союза и прежде всего Германию. Именно их стремление к территориальным захватам и экономическим преференциям он считал главной причиной разразившегося летом 1914 г. конфликта. После февральской революции 1917 г. основной причиной столкновения великих держав Слонимский называл сословно-монархический строй центрально-европейских автократий.

Автор внешнеполитических обзоров «Вестника Европы» негативно относился к межгосударственным конфликтам, постоянно подчеркивая их антигуманность и социальную вирулентность. Тем не менее, вплоть до своей кончины, Слонимский поддерживал идею «войны до победного конца». Даже понимание неспособности России в конце 1917 г. выполнять свой союзнический долг не изменило принципиальной позиции публициста, осуждавшего идеи заключения сепаратного мира с Центральными державами. По этой причине он жестко критиковал как леворадикальные проекты «мира без аннексий и контрибуций», так и большевистскую дипломатию накануне подписания Брестского договора.

Победа стран Антанты, по его мнению, означала бы не только сокрушительное поражение «прусского милитаризма», служившего главным источником международной напряженности на рубеже XIX–XX вв., но и невозможность повторения мировой войны. Для установления прочного и долговременного мира Слонимский предлагал предоставить независимость малым европейским народам. Следующим шагом стало бы строительство стройной системы международного права, в которой зачинщикам конфликтов грозили бы не только морально-экономические, но и военно-политические санкции. Однако эффективное применение правовых начал в мировой политике, по мнению публициста, было возможно лишь при условии внутренней демократизации стран-участниц. В конечном итоге, повсеместное распространение демократии, считал Слонимский, привело бы к полной победе человечества над милитаризмом и политической воинственностью.

Ключевые слова: милитаризм, мир, война публицистика, международное право, демократия.

N. Yu. Nikolaev

«RUTHLESS MUTUAL MASSACRE OF LEADING CULTURAL NATIONS...»: JOURNALISM OF L. Z. SLONIMSKY IN THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR

The article considers the socio-political position of the famous publicist L. Z. Slonimsky during the First World War. His assessments of the causes, nature and likely results of the large-scale conflict are revealed. The publicist accused only the countries of the Triple Alliance and first of all Germany of starting the World War. He considered their aspiration to territorial captures and economic preferences as the main reason for the conflict that broke out in the summer of 1914. After the February Revolution of 1917, Slonimsky called the class-monarchic system of the Central European autocracies the main reason for collision of great powers.

The author of the foreign policy reviews of the “Herald of Europe” had a negative attitude to interstate conflicts, constantly emphasizing their inhumanity and social virulence. However, until his death, Slonimsky supported the idea of “the war to the bitter end”. Even the understanding of Russia’s inability to fulfill its allied duty at the end of 1917 did not change the principled position of the publicist, who condemned the idea of concluding a separate peace with the Central powers. For this reason, he harshly criticized both left-wing radical projects of “a world without annexation and indemnity” and Bolshevik diplomacy on the eve of the signing the Brest Treaty.

The victory of the Entente countries, in his opinion, would mean not only a crushing defeat of “Prussian militarism”, which served as the main source of international tension at the turn of the XIX-XX centuries, but also the possibility to repeat World War II. In order to establish a lasting peace, Slonimsky proposed granting independence to small European peoples. The next step would be to build a coherent system of international law in which the instigators of conflicts would face not only moral and economic, but also military and political sanctions. However, the effective application of legal principles in world politics, according to the publicist, was possible only under the condition of internal democratization of the participating countries. Ultimately, the local spread of democracy, according to Slonimsky, would lead to a complete victory of humanity over militarism and political belligerence.

Key words: militarism, peace, war, journalism, international law, democracy.

Леонид (Людвиг) Зиновьевич Слонимский (1850–1918) известный российский публицист, социолог, юрист рубежа XIX–XX вв. На протяжении многих лет он писал внешнеполитические обзоры в умеренно либеральном журнале «Вестник Европы», который пользовался популярностью среди земской интеллигенции, чиновничества, буржуазии и университетской профессуры [5, с. 369–373]. Значительный интерес у публициста вызывали вопросы войны и мира, которые он подробно анализировал как в ежемесячно публиковавшемся «Иностранном обозрении», так и в отдельных статьях. Тем самым, не участвуя формально в отечественном антивоенном движении, Слонимский неустанно пропагандировал миротворческие идеи на страницах одного из самых авторитетных либеральных изданий России [9; 10; 11; 31; 36; 38]. К примеру, внимание публициста привлекла Гаагская мирная конференция 1899 г, результаты которой он оценивал достаточно высоко [3, с. 87–91]. В то же время внешнюю политику царизма на Дальнем Востоке, Слонимский подвергнул серьезной критике, видя в ней одну из причин русско-японской войны [4, с. 184–185]. На наш взгляд, во многом благодаря публицистической активности Слонимского антивоенная проблематика в конце XIX – начале XX вв. неизменно находилась в фокусе внимания редакции «Вестника Европы».

Накануне Первой Мировой войны Слонимский не раз делился с читателями своими тревожными ожиданиями неминуемой катастрофы [1, с. 35–36]. В апреле 1914 г. он писал о «страшном призраке европейской войны», который приближается стараниями военных кругов. «Катастрофа могла бы сделаться неизбежною в каждый данный момент, – предостерегал публицист, – стоило бы только центральным силам поколебаться на минуту в решении миролюбия и увлечься доводами военных специалистов, – и разыгрались бы события, последствия которых нельзя было бы предвидеть» [12, с. 368]. В июле 1914 г., когда события на Балканах приняли уже необратимый характер, Слонимский с горечью признавал «непостижимый и лихорадочный» характер гонки вооружений. «Чем вызваны эти торопливые приготовления? – саркастически вопрошал он, – Против кого собираются в поход руководители армий и флотов? Куда ведут Европу правительства и парламенты? Никто этого не знает; все ссылаются на какие-то неведомые опасности, которые могут обрушиться на народы в каждый данный момент» [13, с. 414].

Основной причиной конфликта публицист считал стремление правящей элиты Центральных держав и прежде всего Германии к масштабным территориальным приобретениям и получению новых экономических выгод [18, с. 397]. К числу важных косвенных факторов, способствовавших началу мировой войны, Слонимский относил столкновение национального движения и империалистических стремлений великих держав [34, с. 337–338].

В то же время, по его мнению, вина за развязывание конфликта лежала исключительно на противниках России. Публицист призывал одуматься германское правительство, которое вопреки собственным геополитическим интересам защищала очередное «возмутительное предприятие», задуманное, уверенной в своей безнаказанности Австро-Венгрией. В предшествующий период военный шантаж Центральных держав, убежденных в том, что Франция и Россия не допустят нарушения международного мира, неоднократно позволял им добиваться ряда локальных геополитических побед. «Тройственный союз, – категорично утверждал Слонимский, – не только не служил гарантией мира, но постоянно сам создавал опасность войны» [37, с. 345]. Австро-Венгрия ловко использовала Германию для достижения собственных целей, но и в Берлине привыкли действовать в своей внешней политике резко и грубо, «бесцеремонно отклоняя всякие предложения, направленные к обеспечению общего мира и справедливости в международных отношениях» [37, с. 346].

Апеллирующему к силе и беззаконию Тройственному союзу Слонимский противопоставлял альянс России и Франции. Последний с момента своего создания носил исключительно оборонительный характер и хотя «военные соображения играли в нем все более крупную роль», вина за эту милитаризацию целиком и полностью ложилась на Германию. За все время существования русско-французского союза его участники ни разу не проявляли агрессивных намерений, не предъявляли ни к кому непомерных требований, не поддерживали несправедливых притязаний. Столь же миролюбивой, с момента образования Антанты, была и внешняя политика Великобритании. «Тройственное согласие, – писал Слонимский, – уже по своему составу и направлению не могло представлять опасность для общего мира, которому непрерывно и настойчиво угрожал тройственный союз, претендовавший на гегемонию в Европе» [37, с. 348]. Против политики грубой силы, олицетворяемой Центральными державами, поднялась коалиция «культурных наций, борющихся за мир на основе права». Их победа над прусским милитаризмом привело бы к исчезновению постоянной международной напряженности, и послужила бы «началом эпохи мирного существования и развития народов» [14, с. 406].

Подчеркивая важность победы над Германией и ее союзниками, публицист одновременно искренне и глубоко сожалел о самом факте начала войны. Он указывал на ее катастрофические социально-экономические последствия: огромные финансовые затраты и утрату бесценных культурных ценностей. Ограбление завоеванных территорий никак не компенсировало колоссальных военных расходов, безвозвратными оставались «материальные и промышленные потери», загубленные человеческие жизни были одинаково утрачены и для победителей, и для побежденных. Война надолго рассорила участников конфликта, разрушила создаваемые десятилетиями межгосударственные связи, «уничтожила все плоды многолетних трудов и затрат… в области мировой

внешней торговли, морского судоходства, колониальной политики» [39, с. 290]. Серьезный удар был нанесен и по духовному здоровью европейских народов. Многочисленные свидетельства бесчеловечной жестокости в отношении военнопленных, мирного населения и нейтральных государств демонстрировали циничное отрицание «всяких существующих норм международного права» [17, с. 355–356]. (Отметим, что приведенные примеры военных преступлений, совершались, по мнению публициста, исключительно военнослужащими Четверного союза).

Уже весной 1916 г. Слонимский указывал на стремительно возраставшее в европейском обществе чувство усталости от войны. Чудовищная действительность, наконец, окончательно сорвала с боевых действий романтический флер, продемонстрировав «перед человечеством такую бездну» и обнажив «в такой отвратительной форме сущность свою», что сникала общую ненависть и отвращение. Публицист сравнивал стихию войны с природной стихией и с надеждой полагал, что если для защиты от разрушительных сил природы удалось найти эффективные средства, то вполне возможно их изобретут для контроля над международными конфликтами [34, с. 326–327].

Однако прочный и долговечный мир, по мысли Слонимского, был возможен лишь при условии разрешения национального вопроса, через «полное освобождение всем угнетенным национальностям» [34, с. 337, 351]. (При этом автор старательно обходил российские реалии, а освобождение малых народов он понимал в первую очередь как «окончательное распадение империи Габсбургов») [34, с. 339]. Однако разрешение данного вопроса отнюдь не гарантировало всеобщего умиротворения, которое требовало, прежде всего, глубинной перестройки господствовавшей системы международных отношений. «Чтобы обеспечить мир, – отмечал публицист, – …. нужно создать интернациональный правовой режим, выработать правила поведения, обязательные для всех государств, ограничить этими правилами их абсолютизм, как конституция ограничивает абсолютную власть монарха. Словом необходима своего рода международная конституция, основанная на праве, ставящая право выше силы» [34, с. 341].

Возможно ли «построить величественный храм международного права», задавался вопросом публицист? Казалась, мировая война окончательно растоптала те ростки интернационализма, которые были заложены на рубеже XIX–XX в., попрала прежние договоренности и гаагские конвенции. Однако игнорирование правовых принципов одним или несколькими государствами, (разумеется, к ним автор относил только Центральные державы), означало лишь их моральное банкротство, но не коллапс всей системы международного права в целом [34, с. 344–345]. Слонимский соглашался с точкой зрения ряда французских юристов, которые требовали подкрепить будущую систему международного права механизмом разнообразных санкции против ее нарушителей; как пассивных (экономический и моральный бойкот), так и активных (военно-политическое давление). Кроме того, построенная на правовых отношениях жизнь европейских государств означала бы естественное уменьшение военных расходов, которое происходило бы под контролем специальных комиссий. Внедрение подобной системы, считал публицист, должно было привести к «самым благотворным результатам и не только организовать международные отношения на принципах права, но также устранить опасность войны и избавить от тягот милитаризма» [34, с. 345–350]. Препятствием для реализации этого грандиозного плана, сулившего в перспективе установление всеобщего мира, могло послужить отсутствие народного контроля за внешней политикой, который пресекал бы агрессивные поползновения «отдельных каст и групп». Слонимский повторял свою прежнюю мысль о том, что без внутренней демократизации кардинальная перестройка межгосударственных отношений стала бы невозможной, а созданное «здание международной юстиции» оказалось бы построенным на песке. Таким образом, *«общая проблема будущего мира силою вещей превращается в проблему демократизации Европы* (курсив наш – *Н.Н.*)» [34, с. 353–354].

После Февральской революции идеи о тесной взаимосвязи монархического строя с милитаризмом и увеличением числа межгосударственных конфликтов выражалась публицистом заметно яснее. По его словам, в руках царствовавших династий находились вооруженные силы государств, внутренняя и внешняя политика, то есть «право жизни и смерти над своими и чужими народами». До тех пор, пока существовал подобный порядок, европейские страны будут периодически испытывать «кровавые ужасы», вызванными личными интересами и амбициями и никак не связанными с решением насущных задач государственной политики [27, с. 368–369]. Однако, справедливо обвиняя сословно-монархический строй в усилении международной напряженности начала XX в., Слонимский умалчивал о том, что в наиболее недемократической форме он существовал именно в Российской империи.

Вместе с тем, публицист был активно вовлечен в тот процесс нагнетания националистических и антигерманских настроений, что в начале мировой войны захлестнули значительную часть либеральной интеллигенции. В своих внешнеполитических обзорах он в полной мере использовал свой недюжинный журналистский талант, для демонизации противника, активно используя при этом семантическую дихотомию «свой-чужой». Лексическая конструкция «свой» в пропаганде всегда представляет собой набор исключительно положительных качеств. В результате, во внешнеполитических обзорах Слонимского «русский народ» выступал максимально позитивной коннотацией, ему изначально были присущи миролюбие, справедливость и гуманизм [37, с. 348].

В свою очередь противник – «чужой» становился носителем в высшей степени негативных черт. По словам публициста, политическая система Германии существовала в условиях «безусловного господства грубой физической силы в вопросах войны и мира», попирая не только «законы права и этики, но и законы простого здравого смысла». Иррациональное стремление к войне, независимо от насущных государственных интересов была характерной чертой прусского милитаризма. В результате такого мышления война из средства трансформировалась в самодостаточную и независимую цель внешней политики Германии. Поэтому неудивительно, что по первому зову своего правительства немецкий народ «превратился в кровожадную, разрушительную силу, готовую истреблять огнем и мечем мирные поселения соседних стран» [15, с. 354–355]. Население Германии, забыв христианского Бога, стало поклоняться «прусскому Богу», одобрявшему крайние проявления военного духа и национализма, превратившись, таким образом, в приверженцев нового, антигуманного по своей сути язычества. «После страшных, кровавых, разрушительных дел, – писал Слонимский, – германские войска набожно возносят благодарственные молитвы к своему прусскому Богу, употребляя при этом всуе имя Христа» [29, с. 339]. В этом пейоративном ряду вполне органично смотрелось сравнение Вильгельма II с древнеримским императором Калигулой, прославившимся своими безумными поступками, чудовищными преступлениями и деспотичными замашками [35, с. 320–323].

В ряде небольших по объему и обличительных по духу статей автор «Иностранного обозрения» жестко критиковал природу германской государственности, основанной на отрицании «всяких договорных и человеческих прав в международных отношениях». Созданный войной, «второй рейх» видел в насильственных захватах единственный источник внешнеполитической мощи и авторитета. «Вздохнуть свободно, завоевать свое место под солнцем, – утверждал публицист, – значило для немецких патриотов избавиться от соперничества равносильных великих держав, принудив их довольствоваться скромной второстепенной ролью под контролем Германии. Для достижения этой цели требовалось подчинение права и этики безусловному культу силы» [28, с. 311–312].

С неприкрытой иронией комментировал Слонимский проекты отдельных германских интеллектуалов предстоящего расчленения территории России. «Доставалось» от публициста и немецким социал-демократам, которые молчаливо одобряли военные приготовления своего правительства, ввиду неизбежного столкновения с Россией [24, с. 314–318; 28, с. 312–315]. В то же время, Слонимский старательно «не замечал» те весьма многочисленные проекты послевоенного территориального переустройства, что появлялись из-под пера его экспансионистски настроенных соотечественников. Кроме того, публицист был и сам не прочь «подправить» границы Центральных держав в пользу России и ее союзников. Правда следует признать, что он скорее констатировал факт будущего передела государственных границ, нежели призывал к нему [16, с. 350].

Чувство возмущения и досады у Слонимского вызывал резкий рост шовинизма и русофобии среди видных представителей немецкой науки и культуры. Комментируя печально известный «манифест 93-х», он отмечал, что именитые ученые не только отвергли те жестокости, в которых мировое сообщество справедливо обвиняло германскую армию, но взяли под защиту «источник этих военных ужасов – прусско-германский милитаризм» [8, с. 346]. Однако ставка на грубую силу, предрекал публицист, едва ли сработает, ведь военный и экономический потенциал, противостоящей Германии и ее союзникам коалиции, был неизмеримо больше. В недалеком будущем это сулило неизбежные для Берлина поражения на фронте, и как следствие, отрезвление немецкого общества и отказ от несбыточных завоевательных планов [8, с. 348–350].

Немецкая армия, считал Слонимский, с начала конфликта систематически нарушала те нормы гуманитарного права, которые были установлены в Гааге в 1899 г. и дополнены на второй мирной конференции. Публицист не был склонен объяснять это особыми свойствами «тевтонской психологии», а отсылал к тому внутриполитическому курсу, что проводился с начала правления Вильгельма II. Поворот к бесправию был совершен под влиянием милитаризма и был тесно связан с идеей «последней войны». Тщательная подготовка к ней и уверенность в будущей победе внушили правящей элите в Берлине «несчастную мысль, что нет надобности считаться с нормами и обязательствами международного права, если последние могут замедлить или стеснить в чем-либо триумфальное шествие германских армий» [7, с. 289–292]. В результате, Германия с самого начала боевых действий постоянно отступала от норм гуманитарного права, лицемерно требуя их соблюдения в отношении себя самой. Наиболее вопиющим примером нарушения гаагских конвенций, Слонимский считал использование немецкой армией отравляющих газов – средством, которое было «возмутительно по существу и бесчеловечно по производимым им последствиям» [26, с. 325–327, 329–331]. Показательно, что протесты Берлина и его апелляция к нормам международного права в связи с морской блокадой, поставившей гражданское население Германии на грань голодной смерти, Слонимский напрочь отвергал, считая подобную политику стран Антанты «правильной и корректной» [22, с. 357–358].

Во всех этих рассуждениях, на наш взгляд, четко прослеживалось противопоставление двух принципов человеческого общежития, двух мировоззрений и культур. Гуманистические ценности – «мир-созидание-право-цивилизация-христианство», по мнению публициста, были связаны с Россией и ее союзниками. Их антитезой выступали идеи «войны-разрушения-бесправия-варварства-язычества», носителями которых являлись страны Четверного союза и прежде всего Германия.

В то же время, публицист признавал наличие в германской культуре давних традиций миротворчества. Например, возможность достижения вечного мира горячо отстаивал И. Кант. Слонимский указывал на принципиальную ошибку современного ему пацифизма, который, в отличие от великого философа, не увязывал прекращение «международного бесправия» с масштабными политическими реформами. Согласие на третейское разбирательство, готовность к международному посредничеству, апелляция к общественному мнению – все эти важнейшие составляющие общего умиротворения были возможны лишь при условии уважения государств к праву и демократической их организации. При отсутствии этих условий, убеждал читателей публицист, «никакие Гаагские конвенции и никакие международные соглашения» не изменят существовавшего положения вещей [6, с. 320–322].

Отрицательное отношение к военным конфликтам, не мешало Слонимскому последовательно призывать к национальному единению и борьбе до победного конца [19, с. 343; 25, с. 337]. Германские войска использовала самые жестокие приемы и методы войны – применяли ядовитые газы, бомбардировали мирные города, расстреливали невинных заложников и топили пассажирские суда нейтральных государств. И все это для того, что бы противник поскорей стал просить мира. Однако система террора, развязанная прусской военщиной, имела обратный эффект, «она вызвала только ожесточение и закрыла все пути к компромиссу» [30, с. 338]. Победа Германии, по мнению публициста, означала бы «дальнейшие ужаснейшие войны, и только ее поражение уничтожило бы источник наступательного милитаризма и привело бы к водворению прочного мира в Европе» [30, с. 339]. По этой причине Слонимский возмущался попытками некоторых «усердных миротворцев» навязать России сепаратный мир. Его удивляла наивность ряда общественных деятелей нейтральных стран, рассуждавших о необходимости заключения скорейшего мира и не учитывавших желание Центральных держав диктовать его условия с позиции силы [18, с. 398–401]. Даже на третьем году войны, в условиях всеобщей усталости, огромных затрат и понесенных жертв, Слонимский предостерегал российское правительство от заключения поспешного мира. Он отдавал должное ловкости германской дипломатии, инициировавшей мирные переговоры, так как неизбежный отрицательный ответ членов Антанты «перенес бы на них ответственность за страшное кровопролитие» [20, с. 360]. Недружелюбно публицист встретил и американское предложение о посредничестве, которое не только носило характер тенденциозной односторонности, но было связано с влиянием германского лобби в США [20, с. 370–372]. Именно по причине наличия у союзников «принципиального миролюбия», указывал Слонимский, они «не могут думать о мире без полной победы…» [21, с. 338, 353].

После Февральской революции публицист приветствовал решение Временного правительства о продолжении войны. «Только силой, – заявлял он, – можно заставить центральные империи вернут награбленное ими, а так как нельзя уже бросить Бельгию, Северную Францию и Сербию на произвол победителей, то не может быть и речи о прекращении войны со стороны держав согласия…» [23, с. 383]. Негодовал Слонимский относительно нападок отечественных пацифистов на страны Антанты, которым приписывали не только агрессивно-захватнические планы, но собственно развязывание мировой войны. В результате, сторонники мира в России настаивали не столько на отказе Германии от «подготовленных ею аннексий и полученных уже контрибуций», сколько на том, что бы ее противники не вздумали в случае победы «обидеть» Центральные державы [32, с. 686].

Реализация подобного сценария будущего мира представлялась Слонимскому откровенно предвзятой и сулившей серьезные международные потрясения для Европы в недалеком будущем. Возможно ли сохранить «status quo» в международных отношениях, задавался он вопросом, после трехлетней борьбы, позволив тем самым отдельным агрессивным государствам вновь «бросать великие и малые культурные нации в омут неслыханных кровавых бедствий и страданий» [32, с. 687]? Лозунг «мир без аннексий и контрибуций» ему представлялся противоречивым, непоследовательным и далеким от политических реалий. Он означал для Германии и Австро-Венгрии лишь вынужденное перемирие, которое нисколько не разрешало стоявшие пред европейскими народами международные противоречия и стало бы лишь прелюдией к новой кровопролитной войне. Помимо этого, сепаратный мир с Центральными державами означал бы неизбежные и весьма чувствительные для России территориальные потери, так как германское правительство рассматривало возможность мирных переговоров с ней лишь с позиции победителя [32, с. 687–690, 700].

В то же время следует признать, что одновременно публицист констатировал безмерную усталость России от войны, отмечал миролюбивые устремления большинства ее населения, указывал на захват немецкой армией важных стратегических позиций. Слонимский призывал союзников осознать, что «революционный народ уже не мог… жертвовать собой из уважения к традициям и договорным обязательствам царской власти, он требовал прекращения надоевшей всем, мучительной и бесплодной войны и возмущался призывами мирных патриотов к отправке людей на фронт и к наступлению армии» [32, с. 680–681].

Нарастание конфликта между антивоенными взглядами Слонимского и пониманием необходимости защищать Родину от вражеского нашествия в полной мере продемонстрировал его критический разбор статьи Р. В. Иванова-Разумника «Испытание огнем» [2]. Уже в его преамбуле публицист риторически спрашивал читателя: «Ужасы мировой войны, беспощадная взаимная резня передовых культурных наций, истребление и ка-

лечение сотен тысяч ни в чем не повинных молодых людей при помощи усовершенствованных смертоносных орудий, разорение и опустошение богатейших областей в Европе, бессмысленное уничтожение накопленных капиталов и всевозможных материальных ценностей, систематическое озверение народных масс под руководством мнимых поборников права и справедливости, – разве это не сплошное безумие» [27, с. 367]? Однако когда враг угрожал российской столице, отвлеченные рассуждения о войне и мире со стороны левых радикалов-интернационалистов казались Слонимскому явно неуместными. Он возмущался попытками Иванова-Разумника уравнять смерть людей от болезней и голода с их гибелью от пуль и снарядов на войне. Не разделял публицист и уверенности социалиста в том, что в рамках капиталистической системы империалистические войны, которые велись бы ради удовлетворения материальных интересов «мирового купца», неизбежны и неостановимы. По мнению Слонимского, представители крупного капитала, за исключением немногих связанных с оборонной промышленностью, так же страдали от войны, теряя огромные материальные ценности и потому с их стороны стремление к новому столкновению было бы сродни сумасшествию [27, с. 372–377]. «Ни «мировой купец», ни «государство купец», – утверждал публицист, – ни другие фантастические фигуры, выводимые на сцену для мнимо-радикального объяснения войны, не устраняют того бесспорного факта, что интересы промышленности и торговли находятся в непримиримом противоречии с какими бы то ни было воинственными планами и стремлениями» [27, с. 378]. Слонимский считал, что Иванов-Разумник не пожелал указать на истинного виновника войны – сословно-монархический строй центральных держав, неуклюже подменяя его вульгарным классовым подходом. Более того, он был готов согласиться и на полное поражение России, отделение от нее значительных территорий и выплату огромной контрибуции, лишь бы оно приблизило ее якобы политическое освобождение. Публицист отмечал, что призывая к прекращению войны, Иванов-Разумник одновременно требовал отказа от сопротивления агрессору и согласия на иноземное владычество. Следствием такого подхода, не без иронии резюмировал Слонимский, стало бы разделение мира на державы-завоеватели с миллионными армиями и миролюбивые страны, руководимые интернационалистами, готовыми подчиняться любому международному насилию [27, с. 379–381].

Рассмотрел публицист и те условия мира, которые предлагали умеренные представители социал-демократической партии. Приветствуя в принципе призывы социалистов к скорейшему окончанию войны и заключению прочного мира, Слонимский усматривал в их подходе ряд недостатков. Во-первых, подписание мирного договора произошло бы не с левыми партиями Германии, а с ее правительством, которое несло прямую ответственность за разжигание мировой войны. Во-вторых, заключенный таким образом мир подкрепил бы политический авторитет автократий Центральных держав, придав новый импульс милитаризму и подвергнув опасности будущее мирное существование европейских государств. В третьих, решимость союзников продолжать войну до победного конца, их стремление навсегда покончить с прусской военщиной и обеспечить продолжительный и справедливый мир, социалисты были склонны объяснять совершенно иначе, а именно своекорыстными интересами французских и английских капиталистов. Многие социал-демократы, утверждал публицист, не желали осознать, что настоящим противником установления мира был не абстрактный капитализм, в равной степени страдавший от военных тягот и лишений, а отсутствие принципов народовластия в политической системе ряда воюющих государств. «…Первая насущная задача социализма, – решительно заявлял он, – должна заключаться в упразднении монархии со всеми ее принадлежностями, ибо пока существует в Европе могущественное монархическое гнездо, в роде австро-германского, до тех пор не может быть и речи ни о прочном, справедливом мире, ни о проведении в жизнь основ социалистического строя» [32, с. 705–706].

Враждебно Слонимский встретил известие о начале мирных переговоров с Германией, которые проводило новое большевистское правительство. Развернутые им внутренние репрессии против помещиков и капиталистов, признавал публицист, имели причиной «сильнейшую жажду внешнего мира». Конечно, было бы замечательно следовать внешнеполитическим заявлением Временного правительства и до конца проявлять солидарность с союзниками, но есть ли для этого, вопрошал публицист, у раздираемой внутренними противоречиями России необходимые силы [33, с. 392–393]? Слонимский фактически признавал, что возможностей для достойного сопротивления Центральным державам экономически истощенная и постепенно погружавшаяся в политический хаос страна не имела. Однако и планы большевистской дипломатии, «на всех парах» мчавшейся к заключению сепаратного мира вызывали у публициста открытое неприятие. Намерения нового главы внешнеполитического ведомства Л. Д. Троцкого пригласить на мирные переговоры союзников без предварительного обсуждения их условий, и, что особенно забавляло публициста, без уведомления о том немецкой стороны, выглядело «бессмысленным издевательством» [33, с. 394–398]. Надежды относительно согласия Германии с предлагаемыми ей условиями, то есть «мир без аннексий и контрибуций, основанный на и самоопределении наций» он именовал «младенческими иллюзиями». В ходе мирных переговоров, отмечал Слонимский, «расчетливая политика германского империализма» столкнулась с «революционным доктринерством людей, привыкших приписывать словесным формулам действительную реальную силу» [33, с. 399].

В конечном счете, судьба оказалась к нему достаточно милосердной. Леонид (Людвиг) Зиновьевич Слонимский скончался в январе 1918 г., то есть до официального заключения Брестского мира, условия которого он, безусловно, посчитал бы национальным предательством и позором.

Подводя итог, отметим, что Первая Мировая война стала серьезным испытанием миротворческих взглядов Слонимского. Оставаясь жестким критиком межгосударственных столкновений, публицист с самого начала конфликта твердо придерживался патриотических позиций, отстаивая идею войны до победного конца. В то же время идейная непоследовательность и противоречивость либеральной доктрины сказывались на тональности публикуемых им материалов, приводя к парадоксальному сочетанию идеи победоносной войны с осуждением варварских способов ее ведения. В статьях Слонимского постоянно присутствовала рефлексия «военных жестокостей», что, однако, не мешало ему замалчивать или даже оправдывать таковые в отношении противной стороны. Кроме того, следует признать известную эволюцию воззрений публициста на проблемы войны и мира. По мере разрастания конфликта и увеличения людских и материальных потерь призывы «сражаться до окончательной победы», постепенно сменялись нараставшими алармистскими настроениями, в которых все более заметно прослеживались его антивоенные взгляды. В своих последних публикациях Слонимский фактически признал неспособность России выполнять союзнический долг, но продолжал выступать против заключения сепаратного мира с Центральными державами.

Источники и литература

1. Агапов В. Л. «В союзе с передовыми нациями»: начало мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1914–1915 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. №31. С. 33–47.
2. Иванов-Разумник Р. В. Испытание огнем // Скифы. Сборник 1-й. СПб. Книгоизд. «Скифы», 1917. С.261–303.
3. Николаев Н. Ю. Проблемы войны и мира на страницах журнала «Вестник Европы» в 1898–1899 гг. (по материалам Л. З. Слонимского) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №1. С. 86–92.
4. Николаев Н. Ю. Русско-японская война на страницах «Вестника Европы» в 1903–1905 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. №2 (22). С.184–188.
5. Очерки истории журналистики и критики. В 2 т. Т.2. Вторая половина XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. 516 с.
6. Слонимский Л. З. Воинственная Германия и возврат к Канту // Вестник Европы. 1915. №3. С.317–322.
7. Слонимский Л. З. Германия и культ силы // Вестник Европы. 1915. №1. С.286–292.
8. Слонимский Л. З. Германские ученые и милитаризм // Вестник Европы. 1914. №11. С.342–350.
9. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1883. №9. С.380–395.
10. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1891. №9. С.395–405.
11. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1895. №9. С.386–398.
12. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. №4. С.364–375.
13. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. №7. С.404–416.
14. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. №8. С.387–407.
15. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. №9. С.350–369.
16. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. №3. С. 346–359.
17. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. №4. С.347–357.
18. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. №1. С.388–402.
19. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. №3. С.342–356.
20. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. №12. С.360–375.
21. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1917. №1. С.337–353.
22. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1917. №2. С. 346–360.
23. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1917. №3. С.373–391.
24. Слонимский Л. З. Книга о целях войны // Вестник Европы. 1916. №8. С.314–318.
25. Слонимский Л. З. Критический момент // Вестник Европы. 1915. №7. С.333–337.
26. Слонимский Л. З. Международное право и милитаризм // Вестник Европы. 1915. №8. С.325–331.
27. Слонимский Л. З. Новое оправдание войны // Вестник Европы. 1917. №7-8. С.367–382.
28. Слонимский Л. З. Немецкие завоевательные планы // Вестник Европы. 1914. №10. С.311–316.
29. Слонимский Л. З. Новое язычество на почве национализма // Вестник Европы. 1915. №5. С.338–344.
30. Слонимский Л. З. Плоды «реальной» политики // Вестник Европы. 1915. №12. С.336–345.
31. Слонимский Л. З. По поводу недавних толков о войне // Вестник Европы. 1886. №9. С.392–396.
32. Слонимский Л. З. Политическое обозрение // Вестник Европы. 1917. № 4-6. С.679–712.
33. Слонимский Л. З. Политическое обозрение // Вестник Европы. 1917. № 9-12. С.385–400.
34. Слонимский Л. З. Проблемы будущего мира (письмо из Франции) // Вестник Европы. 1916. №5. С.326–355.
35. Слонимский Л. З. Суждения о Вильгельме II // Вестник Европы. 1915. №4. С.320–328.
36. Слонимский Л. З. Торжество миролюбия // Вестник Европы. 1894. №12. С. 783–801.
37. Слонимский Л. З. Фатальный союз // Вестник Европы. 1914. №8. С.340–348.
38. Слонимский Л. З. Французские и немецкие идеи о войне // Вестник Европы. 1892. №10. С.753–768.
39. Слонимский Л. З. Что нужно было Германии? // Вестник Европы. 1914. №12. С.287–294.

References

1. Agapov V. L. «V soyuze s peredovymi naciyami»: nachalo mirovoj vojny v liberal'nom zerkale «Vestnika Evropy» (1914–1915 gg.) *("In Alliance with the Advanced Nations": the Beginning of World War in the Liberal Mirror of the "Herald of Europe" (1914–1915)* // Novyj istoricheskij vestnik. 2012. No. 31. P.33 – 47. (In Russian)
2. Ivanov-Razumnik R. V. Ispytanie ognem *(Fire Test)* // Skify. Sbornik 1-j. St.Petersburg: Skify, 1917. P.261–303. (In Russian)
3. Nikolaev N. Yu. Problemy vojny i mira na stranicah zhurnala «Vestnik Evropy» v 1898–1899 gg. (po materialam L. Z. Slonimskogo) *(Problems of War and Peace in the Pages of the Journal "Bulletin of Europe" in 1898-1899. (Based on L. Z. Slonimsky)* // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2018. No. 1. P.86–92. (In Russian)
4. Nikolaev N. Yu. Russko-yaponskaya vojna na stranicah «Vestnika Evropy» v 1903–1905 godah *(Russian-Japanese War on the Pages of the "Herald of Europe" in 1903–1905)* // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. No. 2 (22). P.184–188. (In Russian)
5. Ocherki istorii zhurnalistiki i kritiki *(Essays on the History of Journalism and Criticism). In 2 Vols. Vol. 2. Vtoraya polovina XIX v. (The Second Half of the XIX Century).* Leningrad: Leningrad university, 1965. 516 p. (In Russian)
6. Slonimskij L. Z. Voinstvennaya Germaniya i vozvrat k Kantu *(Militant Germany and Return to Kant)* // Vestnik Evropy. 1915. No. 3. P. 317–322. (In Russian)
7. Slonimskij L Z. Germaniya i kul't sily *(Germany and the Cult of Power)* // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P.286–292. (In Russian)
8. Slonimskij L. Z. Germanskie uchenye i militarizm *(German Scientists and Militarism)* // Vestnik Evropy. 1914. No. 11. P.342–350. (In Russian)
9. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1883. No. 9. P.380–395. (In Russian)
10. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1891. No. 9. P.395–405. (In Russian)
11. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1895. No. 9. P.386–398. (In Russian)
12. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1914. No. 4. P.364–375. (In Russian)
13. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1914. No. 7. P.404–416. (In Russian)
14. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1914. No. 8. P.387–407. (In Russian)
15. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1914. No. 9. P.350–369. (In Russian)
16. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1915. No. 3. P.346–359. (In Russian)
17. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1915. No. 4. P.347–357. (In Russian)
18. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P.388–402. (In Russian)
19. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1916. No. 3. P.342–356. (In Russian)
20. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1916. No. 12. P.360–375. (In Russian)
21. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1917. No. 1. P.337–353. (In Russian)
22. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1917. No. 2. P.346–360. (In Russian)
23. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie *(Foreign Review)* // Vestnik Evropy. 1917. No. 3. P.373–391. (In Russian)
24. Slonimskij L. Z. Kniga o celyah vojny *(Book about the goals of war)* // Vestnik Evropy. 1916. No. 8. P.314–318. (In Russian)
25. Slonimskij L. Z. Kriticheskij moment *(Critical Moment)* // Vestnik Evropy. 1915. No. 7. P.333–337. (In Russian)
26. Slonimskij L. Z. Mezhdunarodnoe pravo i militarizm *(International Law and Militarism)* // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P.325–331. (In Russian)
27. Slonimskij L. Z. Novoe opravdanie vojny *(New Justification for War)* // Vestnik Evropy. 1917. No.7–8. P.367–382. (In Russian)
28. Slonimskij L. Z. Nemeckie zavoevatel'nye plany *(German Conquest Plans)* // Vestnik Evropy. 1914. No. 10. P.311–316. (In Russian)
29. Clonimskij L. Z. Novoe yazychestvo na pochve nacionalizma *(New Paganism on the Basis of Nationalism)* // Vestnik Evropy. 1915. No. 5. P.338–344. (In Russian)
30. Slonimskij L. Z. Plody «real'noj» politiki *(The Fruits of the "Real" Policy)* // Vestnik Evropy. 1915. No. 12. P.336–345. (In Russian)
31. Slonimskij L. Z. Po povodu nedavnih tolkov o vojne *(Regarding Recent Talk of War)* // Vestnik Evropy. 1886. No. 9. P.392–396. (In Russian)
32. Slonimskij L. Z. Politicheskoe obozrenie *(Political Review)* // Vestnik Evropy. 1917. No. 4–6. P.679–712. (In Russian)
33. Slonimskij L. Z. Politicheskoe obozrenie *(Political Review)* // Vestnik Evropy. 1917. No.9–12. P.385–400. (In Russian)
34. Slonimskij L. Z. Problemy budushchego mira (pis'mo iz Francii) *(Problems of the Future World (Letter from France))* // Vestnik Evropy. 1916. No. 5. P.326–355. (In Russian)
35. Slonimskij L. Z. Suzhdeniya o Vil'gel'me II *(Judgments of Wilhelm II)* // Vestnik Evropy. 1915. No. 4. P.320–328. (In Russian)
36. Slonimskij L. Z. Torzhestvo mirolyubiya *(Triumph of Peace)* // Vestnik Evropy. 1894. No.12. P.783–801. (In Russian)
37. Slonimskij L. Z. Fatal'nyj soyuz *(Fatal Alliance)* // Vestnik Evropy. 1914. No. 8. P.340–348. (In Russian)
38. Slonimskij L. Z. Francuzskie i nemeckie idei o vojne *(French and German Ideas about War)* // Vestnik Evropy. 1892. No. 10. P.753–768. (In Russian)
39. Slonimskij L. Z. Chto nuzhno bylo Germanii *(What did Germany Need)* // Vestnik Evropy. 1914. No. 12. P.287–294. (In Russian)

Сведения об авторе
Николаев Николай Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института (филиала) Волгоградского государственного университета (Волгоград) / nikcam@mail.ru

Information about the author
Nikolaev Nikolay – PHd in history, Associate Professor, Chair of Social and Humanitarian Disciplines, Volzhsky Polytechnic Institute (Branch) of Volgograd State Technical University (Volgograd) / nikcam@mail.ru

УДК 94(470.63).084.4

Е. Ю. Оборский

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОВЕТСКИХ МАССОВЫХ ПРАЗДНИКОВ В 1920-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЬЯ)

В статье освещены особенности становления системы советских массовых праздников. После свержения самодержавия в феврале 1917 г. все политические силы старались обеспечить себе поддержку населения. Важным инструментарием этого были массовые мероприятия: праздники, митинги, демонстрации. Одержав победу в Гражданской войне, большевики стали выстраивать новую культурную политику. Новые праздники, памятные дни и ритуалы основывались на событиях недавней истории, преимущественно на революции 1917 года в России и рассказах о ее героях.

Основным праздником был 7 ноября – день прихода большевиков к власти (Великая Октябрьская социалистическая революция). В статье отмечено, что несколько лет отмечались также 12 марта – День свержения самодержавия в России и 18 марта – День Парижской коммуны. Также важными праздниками были Первое Мая (День солидарности трудящихся), 23 февраля (День создания Красной армии), 8 марта (Международный день работниц) и ежемесячные субботники.

Проведение всех праздников в столице и регионах строго контролировалось правящей партией. Приведенные в статье примеры показывают однотипность многих проводившихся торжеств. Пользуясь научной методикой В. Я. Проппа, в статье выделены основные структурные элементы советских праздников тех лет: демонстрации, митинги, массовые гуляния, театрализованные представления. Новой чертой массовых праздников стали общественно-политические заседания.

Показано, что в Советской России и СССР праздники были симбиозом науки, пропаганды и литературы. Для правильного написания праздничных сценариев печатались специальные методические рекомендации. Региональные авторы, как правило, пользовались опубликованными историческими источниками и старались их литературно оформить. Отмечено, что к процессу подготовки праздничных мероприятий вовлекалось большое количество советских граждан. Еще больше их участвовало в непосредственном их проведении, что и составляло одну из целей новой культурной политики большевиков.

Ключевые слова: советские праздники, российская революция 1917 года, Ставропольский край, Первое мая, 7 ноября, В. И. Ленин, свержение самодержавия, демонстрации.

E. Yu. Oborskii

FORMATION OF THE SYSTEM OF SOVIET MASS HOLIDAYS IN THE 1920s (ON THE MATERIALS OF STAVROPOL KRAI)

The article highlights the features of the formation of the system of Soviet mass holidays. After the overthrow of the autocracy (Emperor Nicholas II) in February 1917, all political forces tried to secure the support of the population. An important tool of this was mass events: holidays, rallies, demonstrations. Having won a victory in Civil war, Bolsheviks began to build new cultural policy. New holidays, memorable days and rituals were based on events of recent history, mainly on the Revolution of 1917 in Russia and stories about her heroes.

The main holiday was November 7 – the day of the Bolsheviks coming to power (the Great October socialist revolution). The article notes that several years were also celebrated on March 12 – the Day of the overthrow of the autocracy in Russia and March 18 – the Day of the Paris Commune, the First of May (Day of Solidarity of Workers, May Day), February 23 (Day of the Red Army), March 8 (International Day of Workwomen) and monthly community workdays were also important holidays.

Organization of all holidays in the capital and regions was strictly controlled by the ruling party. The examples given in the article show the uniformity of many celebrations. With the reference to the scientific methodology V. Ya. Propp, the article highlights the main structural elements of the Soviet holidays of those years: demonstrations, rallies, mass celebrations, theatrical performances. A new feature of the mass holidays were social and political meetings.

It is shown that in Soviet Russia and the USSR holidays were a symbiosis of science, propoganda and literature. Special methodical recommendations how to write festive scenarios were developed. Regional authors, as a rule, used published historical sources and tried to make them literary. It is noted that a large number of the Soviet citizens was involved in the preparation process of festive actions. Even more of them participated in their direct implementation, which was one of the goals of the new cultural policy of the Bolsheviks.

Key words: soviet holidays, Russian Revolution of 1917, Stavropol Krai, May Day, holiday of November 7th, V.I. Lenin, overthrow of autocracy, demonstrations.

Массовые праздники являлись неотъемлемой чертой жизни советских граждан с 1918 по 1991 гг. Они представляли собой систему особых действий, наполненных идеологией и отмеченные значительным числом участников. Это была важнейшая черта новой культурной политики большевиков. По мнению немецкого исследователя М. Рольфа, важнейшей чертой праздников была массовая коммуникация людей, которая превращала официальное мероприятие в живое культурное событие [23, с. 10].

В исследовательской литературе, посвящённой советским праздникам, приведены неоднократные сведения о локальной специфике данной системы. М. Рольфом описаны Воронежская и Новосибирская области, Западно-Сибирский край (Кемерово) [23], М. К. Декановой – Среднее Поволжье (Самарская, Симбирская, Пензенская, Саратовская области) [8], С. Ю. Малышевой – Казань и Татарстан [17], К. В. Годуновым – Петрозаводск, Витебск [6]. Практически в каждой работе анализируются данные о праздниках, проходивших в Москве и Петрограде (Ленинграде) [14; 24]. Это объясняется не только доступностью материалов, но и спецификой новой системы праздников, строго централизованной, где к концу 1920-х гг. практически не было места местным импровизациям.

Безусловно, имеется множество теоретических работ об общем значении праздников в социокультурной жизни людей, о символике и скрытых смыслах, о преемственности и новизне. Д. М. Генкин и А. И. Мазаев обосновали утверждение о насыщенных эмоциональных переживаниях, вызываемых праздниками, что давало прекрасный инструмент советской власти для ведения агитации и пропаганды [5; 17]. Классическими трудами о природе праздников и их роли в жизни народа являются труды В. Я. Проппа и М. М. Бахтина [22; 3].

Поэтому целью данной статьи является описание процесс становления централизованной советской системы праздников на региональном материале (Ставрополье). Именно примеры конкретных локальных сообществ данного исторического отрезка времени дают понимание функционирования возникшей государственной системы и ее воздействия на отдельных граждан. Пользуясь методологией В. Я. Проппа, будет дана попытка анализа структуры праздников, вычленения его отдельных элементов, которые повторялись практически в каждом календарном случае [22, с. 22].

Устанавливаемая с 1917 г. система праздников опиралась на события революции 1917 г. и Гражданской войны, на память о революционных деятелях предыдущих эпох. Основой каждого торжества становились конкретные события в истории: 23 февраля – день создания Красной армии, 18 марта – день Парижской коммуны, 6 июля – день принятия конституции СССР, 7 ноября – Октябрьская революция. К дням рождения или смерти знаменитых людей (К. Маркс, В. И. Ленин), крупным событиям (съездам партии и Советов) привязывались еще и различные ритуалы. Одним из важнейших ежемесячных ритуалов стали субботники, начавшиеся в 1919 г. как добровольный общественно-полезный труд. Их популярности способствовала брошюра В. И. Ленина «Великий почин», оценивавшая субботники как новый тип общественного труда на основе свободной и сознательной дисциплины [15, с. 13–14]. Если изначальный смысл субботников был в преодолении отсталости экономики, то практически сразу появились такие формы субботников как уборка окружающей территории, которые напоминали древние обряды очищения [22, с. 143–1 44], поскольку часто проводились весной и изначально сопровождались пением и употреблением пищи. Данный смысл субботника сохранился и по сей день, показывая долгосрочную историческую преемственность.

Советская празднично-ритуальная система была жестко централизованной. Решения принимались руководством партии и спускались в регионы без дискуссий и обсуждений. После победы в Гражданской войне данная система охватила почти всю страну. Причем какое-то время праздники по революционной и пролетарской тематике сочетались с уже устоявшимися религиозными праздниками. О них говорилось в специальной методической литературе и решениях местных органов власти. Например, в 1924 г. в Ставрополе было разрешено отмечать все основные церковные праздники. Причем принял это решение Ставропольский губернский исполнительный комитет и губернский отдел профсоюзов. Губернскому отделу труда, который организовывал и отдых рабочих, предлагалось учитывать национальные праздники народов Ставрополья [27, с. 128]. Эта двойственность какое-то время была распространена не только в городах, но и в селе, когда праздновали и Пасху, и Рождество, и Крещение, и День Парижской коммуны, и день Октябрьской революции [12, с. 158].

Исторически первым праздником классового и революционного характера был день 1 мая (День Интернационала). Легально и открыто по всей стране его впервые провели в 1917 г. Причем, благодаря несовпадению календарей и новым веяниям, он отмечался 18 апреля. В Ставрополе демонстранты, которые с 9 утра собирались на ярмарочной площади у Тифлисских ворот, с 12 часов с пением и музыкой прошли по центру города. Шли солдаты, казаки, рабочие, служащие, «трудовое мещанство», школьники. Их приветствовали члены губернского Комитета общественной безопасности, которые присоединились к организатору – совету рабочих и солдатских депутатов. Особо участники манифестации откликнулись на сообщение городского головы Н. Г. Дидрихсона о разрешении Временным правительством выбирать Городскую Думу на основе всеобщего прямого, равного и тайного голосования [1].

Одно из самых первых массовых празднований Дня 1 мая прошло в Ставрополе в 1921 г. уже после установления советской власти. Многие дома по городу украшались флагами и плакатами. Ставропольский губернский исполнительный комитет совместно с городскими советом и пар-

тийным комитетом организовал демонстрацию, в которой участвовали многие горожане и гости Ставрополя. По самому городу проводились так называемые «летучие» митинги, чтобы охватить те группы горожан, которые могли не дойти до основных мероприятий. На специальном торжественном собрании всех депутатов в центре внимания были лучшие рабочие и участники Гражданской войны. Кроме политических, были и развлекательные формы праздников – спектакли, концерты, показ кинофильмов. Причем в центральном городскому саду для широкой публики была представлена постановка о разных моментах истории Парижской коммуны [27, с. 122].

В середине 1920-х гг. каждый раз создавались специальные комиссии по подготовке Первомая, которые разрабатывали агитационную кампанию. Так, в 1926 г. было дано указание сосредоточиться на вопросах хозяйственного и политического развития Советского Союза, больше разъяснять поставленные задачи и временные экономические трудности, меньше уделять внимание борьбе с религией и обзорам о международном положении [26, с. 36].

По общепринятому мнению, Первомай противопоставлялся Пасхе, от которой он должен был отвлечь основные внимание граждан. Даже основная форма проведения – демонстрация – напоминала крестный ход [2]. Демонстрации, митинги, торжественные заседания, театрализованные постановки, массовые гуляния, украшение городов и сел – вот основные элементы практически всех советских праздников, многие из которых, безусловно, «заимствованы» из исторически сложившейся народной практики.

Основной праздник нового советского государства был посвящен, конечно же, революции 1917 г. Причем, некоторое время отмечалась и годовщина свержения самодержавия – 12 марта, и Октябрьская революция – 7 ноября. Любопытно обоснование даты 12 марта, данное в популярном справочнике для рабочих того времени: кризис промышленности и сельского хозяйства за три года Первой мировой войны привел к голоду и недовольству народа правительством. «Бездарность царских генералов, продажность министров и глупость царя, подчинявшегося влиянию придворных мошенников и грязного проходимца Григория Распутина – скоро привели к полной разрухе внутри страны и тяжелым поражениям на фронте» [25, с. 19–20]. Затем рабочие Петрограда 23 февраля 1917 г. вышли на улицы с требованиями «хлеба!» и свержения самодержавия. 27 февраля произошли боевые столкновения, и появились погибшие. И самодержавие пало, не найдя себе сторонников – Николай II отрекся от престола 12 марта (27 февраля по старому стилю).

Из общепринятой схемы причин революции и стройного описания событий февраля выпадает сама дата отречения монарха. Не совсем понятно, что имели ввиду авторы-составители, поскольку император подписал свой многострадальный манифест 2 марта – 15-го по новому стилю. Однако именно 12 марта в 1920-е гг. было в Советской России, а потом и в СССР официальным нерабочим днем. Если посмотреть другие справочники, то выбранная дата становится более или менее понятной: это «начало Февральской революции. Образование Петербургского Совета Рабочих депутатов» [13, с. 12]. В научно-популярном политическом словаре, выпущенном в 1924 г., статья про Февральскую революцию очень похожа на объяснение праздника в справочнике рабочего: «27 февраля (12 марта) рабочие Питера совместно с солдатами низвергли самодержавие и для защиты своих интересов образовали Советы Рабочих и Солдатских депутатов. Вскоре вся страна покрылась Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Буржуазия образовала Комитет Государственной Думы, а затем попыталась приспособить революцию к своим интересам, захватив в свои руки Временное Правительство, проводившее при поддержке социал-соглашательских партий буржуазную политику, направленную против интересов рабоче-крестьянских масс. День 12 марта празднуется как день свержения самодержавия» [21, с. 348].

Соответственно в этом же словаре все остальные события 1917 года описываются в статье «Октябрьская революция» [21, с. 221–223]. Дается краткая хроника, отмечаются апрельский, июньский июльский кризисы и корниловский мятеж, расстановка политических сил и борьба в октябре-ноябре 1917 г. из большевиков названы фамилии только Ленина и Троцкого. Принцип отбора слов для словаря был прост: к первому изданию в 1922 г. было просмотрено около 500 номеров московских и петербургских газет, выписаны сложные слова из статей, составлены их объяснения «для среднего читателя: рабочего, красноармейца, учителя, студента, слушателя совпартшколы. В словаре общее предпочиталось специальному, а из специального бралось только то, что поступило в обиход нашей речи и общей печати» [21, с. 6]. Если такой словарь доходил до деревни, то он, конечно, комментировался и становился еще более упрощённым.

Праздник 12 марта отмечался уже в 1919 г. массовыми мероприятиями. Правда происходило это только в Петрограде. В Народном доме было проведено игрище о Февральской революции «Свержение самодержавия». В изданном в 1926 г. обзоре массовых празднеств в Ленинграде праздник 1919 г. отмечен особо: авторы назвали замечательным и состав участников – красноармейцы из казарм, и метод создания текста – импровизация, и драматургическое и сценическое построение – обрядово-бытовой принцип манифестации и митинга [18, с. 57]. На двух площадках, соединенных деревянными мостками, исполнялись различные сцены без декораций и с минимальным набором костюмов. Главными сюжетными единицами стали Манифестация «к Дворцу» с пением «Спаси господи» и заключительная штыковая атака на него же. Диалоги перемежались песнями, митинговым массовым говором, криками, спорами. Такое действие разыграли много раз в казармах, лагерях,

на лестницах зданий, на Дворцовой площади. Затем игрище стало основой для подобной постановки в дни празднования Октября [18, с. 58]. В 1920–1921 гг. даже в Петрограде перестали ставить масштабные постановки на день Свержения самодержавия, который оставался какое-то время просто новым важным праздником.

Например, в том же 1926 г. многочисленные мероприятия прошли в Пятигорске. В газете «Терек» так писали об этом дне: «Море яркого и радостного солнечного света, наполнившего все уголки и мгновенья весеннего утра, и величавая тишина пробуждения сил природы дню 12 марта придали характер массового праздника – воспоминания о низвержении самодержавия» [28].

Торжественные заседания в честь 9-й годовщины февральской революции были проведены союзами печатников, металлистов, пищевиков, строителей, работников искусств, просвещения, коммунальников, медиков и санитаров, советских торговых служащих. Также разные торжества были в школах, а детские утренники были перенесены на 18 марта. На некоторых собраниях, которые стали вечерами воспоминаний, выступили члены общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев И. Г. Горбштейн и М. С. Киселев, которые по два года провели во владикавказской тюрьме, а затем и несколько лет в ссылке [20, с. 128, 238].

Последний раз речь о важной исторической дате 12 марта как о массовом празднике – дне свержения самодержавия – шла именно в 1926 г. Затем, в 1927 г. этот праздник исчез, акцент был перенесен на юбилейное празднование Октябрьской революции. Уменьшение форм (элементов) праздника свидетельствует об уменьшении значимости праздника и скорой его исчезновении из жизни граждан. В последний год существования праздника свержения самодержавия остался только один, и тот весьма формальный, элемент – торжественное заседание, сопряженное с воспоминаниями участников революции. Заседание как элемент праздника возникло в жизни народа относительно недавно, и поэтому сам праздник легко исчез из сознания и практики советских граждан.

На Ставрополье, как и других регионах, была своя специфика празднования главного праздника. В условиях Гражданской войны, когда не вся Ставропольская губерния была подконтрольна советской власти, Таманская армия, захватившая Ставрополь в октябре 1918 г., способствовала временному восстановление советских и партийных органов и празднованию первой годовщины Октябрьской революции. По распоряжению российского СНК для празднования выделялось по 10 рублей на каждого красноармейца, но «деньги эти на руки выданы быть не должны, а обращены на просветительные и увеселительные цели, а также на улучшение питания в день праздника» [7, с. 189]. Губисполком создал специальную комиссию, решением которой празднества отмечались устроением лекций, манифестаций и спектаклей.

В Ставрополе город украсили красными флагами и транспарантами, цветной электрической иллюминацией. «7 ноября местные коммунисты (их оказалось полсотни) надели нарукавные красные повязки и вместе с рабочими Форштадта приняли участие в первой октябрьской демонстрации» [9]. В книге Ф. Головенченко и Ф. Емельянова, изданной в 1928 г., уточнялось, что городским Советом для праздника были заказаны «2 флага – для Совета и для Компартии и 100 лент: 50 – для членов Совета и 50 – для членов партии» [7, с. 172]. На площади Ленина состоялся воинский парад. Весь день шли массовые народные гулянья. «На площадях, бульварах, в роще шли лихие казачьи пляски, распевались революционные песни. Ни угроза полного окружения города белогвардейцами, ни тяжелая эпидемия сыпняка и «испанки», ни недостаток боеприпасов, ни рано наступившие осенние холоде, ни постоянные остервенелые атаки лучших полков «добровольческой армии» не смогли затмить огромной радости, захлестнувшей в тот день сердца бойцов таманцев» [9].

В Пятигорске были украшены дома в центре и курортные трамвайчики, вечером зажглись огни иллюминации. 6 ноября 1918 г. в Народном доме, Лермонтовской галерее, центральной гостинице и мужской гимназии проходили торжественные собрания. Печатались и распространялись агитационные листовки, написанные местным большевиком Г. Анджиевским: «Празднуйте же эту великую годовщину с красными знаменами, с цветами, с пением ваших гимнов и с сознанием того, что победа за вами! Спешите принять участие в триумфальном шествии народа-победителя! Стихийный пожар мировой революции озаряет все уголки земного шара! Через знание, труд и борьбу – спешите к Октябрьской победе! Да здравствуют завоевания Великой Октябрьской революции» [9]. 7 ноября прошел массовый митинг на площади около вокзала, которую в честь праздника переименовали в площадь Октябрьской революции, и военный парад, который принимал председатель Реввоенсовета Северо-Кавказской республики Я. Полуян. Также в программе были бесплатные киносеансы, концерты, летучие митинги. В народном доме показали революционную пьесу «Зори» Эмиля Верхарна. Завершилось празднование первой годовщины Октябрьской революции в Пятигорске фейерверком.

Уже в первую годовщину абсолютно нового праздника можно увидеть достаточно серьезный вклад народных масс не только в гуляния, но и в организацию торжеств. Здесь присутствуют те же элементы праздника, некоторые из которых возникали по достаточно импровизационно: партийные заседания, военный парад, митинги, концерты, киносеансы, спектакли. Затем народная инициатива войдет в то русло, которое им будут определять партийные органы. Ориентировка на массовость участия и большое количество мероприятий, по мнению М. Рольфа, уходят корнями частично в дореволюционную праздничную традицию, но, в основном, в революционный 1917 г. [23, с. 42–62]. После падения самодержавия ка-

ждая политическая сила, каждая партия считала, что праздничные демонстрации и торжественные уличные шествия служат укреплению их авторитета. Многочисленные митинги, демонстрации, шествия, сходки в крупных городах и провинции в 1917 г. ориентировались на массовость и уличную политику.

Однако, в другом М. Рольф несколько преувеличил, однозначно связав праздники в провинции и грабежи винных лавок и спиртзаводов. «Революция происходила там в форме пьяных эксцессов и погромов; за коллективной попойкой следовали коллективные акты насилия, жертвами которых становились символы, учреждения и лица, хоть в чем-то воплощавшие собой порядок» [23, с. 63]. Не подвергая сомнению данные о многочисленных грабежах, случавшихся в том числе и на Ставрополье, следует отметить отсутствие прямой зависимости между праздниками и следовавшим после пьяных разгулов насилием. Если это касалось только 1917 г., то природа грабежей не носила «праздничного» характера. Это был бунт против действительности, действующей власти, инфляции, продуктового кризиса.

Скорее всего, М. Рольф ориентировался на отрывок, приведенный В. П. Булдаковым в своем известном труде «Красная смута»: «В праздник деревня отправлялась в церковь, а после обедни всем миров грабила соседние усадьбы» [4, с. 197], описанный митрополитом Евлогием применительно к Волыни на Украине. В своих воспоминаниях Евлогий не говорит о систематическом пьянстве в праздники, отмечая нарастание общей волны насилия с лета 1917 г.: «Общее положение в епархии становилось все хуже и хуже. В деревнях грабежи и разбой, в уездах погромы помещичьих усадеб и убийства помещиков. Случалось, что в праздник деревня отправлялась в церковь, а после обедни всем миром грабила соседние усадьбы. Престарелый князь Сапега, известный на всю округу благотворитель, человек культурный и доброжелательный, вышел к крестьянам и хотел вступить с ними в переговоры, но какой-то солдат крикнул: «Да что его!..» – и убил на месте. Почуяв кровь, толпа озверела и разгромила его усадьбу. Особенно неистовствовали в прифронтовой полосе. Тут была просто вакханалия. И немудрено! Все вооружены, все на войне привыкли к тому, что человеческая жизнь ничего не стоит… Куда девалось «Христолюбивое воинство» – кроткие, готовые на самопожертвование солдаты? Такую внезапную перемену понять трудно: не то это было влияние массового гипноза, не то душами овладели темные силы…» [10]. Сам В. П. Булдаков называет крестьянские грабежи «волнами вторичного насилия, передаваемого общественной системе представителями уродливо урбанизирующегося поколения, чье возрастное самоутверждение пришлось на пик мужицкого разбоя» [4, с. 198].

Возвращаясь к праздникам заметим, что с каждым годом торжества к дню Октябрьской революции сопровождалось все большим количеством разнообразных мероприятий. Усложненная структура и массовость, карнавальные и театральные элементы требовали продуманных сценариев, на которые в провинции не всегда находились творческие силы и способности. Для помощи в организации представлений выходили специальные методические пособия и сборники. В одном из них, выпущенном в 1924 г. были довольно подробные методические рекомендации для создания различных сценариев. Культпросвет работнику рекомендовалось отбирать материал для праздника исходя из двух критериев: «идейная, политико-воспитательная значительность и художественная действенность» [19, с. 8]. По мнению авторов сборника, почти все материалы о революции привлекательны в силу мировой значительности события. Даже простые телефонные переговоры В.И. Ленина, которые в обычном спектакле не используются, для постановки во время праздника подходят хорошо, так как характеризуют важный исторический момент и фигуру вождя пролетариата.

Содержательно из всех материалов можно выделить 4 темы: 1) сравнение между положением рабочих до и после Октября, 2) «самый момент Октября 1917 г., картины восстания, обстановка, борьба, трудности, враги, друзья, вожди», 3) «борьба за сохранение завоеваний Октября, гражданская война», нэп, 4) достижения на текущий момент времени [19, с. 8–9]. Все доступные исторические материалы делились также на 4 вида, к каждому из которых давались свои рекомендации. Для театрализации какого-то исторического момента следовало определиться с местом и временем произошедшего события, развитием сюжета, сочинением драматического текста. В качестве пространственной точки авторы рекомендовали взять место сосредоточения появляющихся новостей: Смольный, телеграф, улицу, проходной двор, фабрику. Это позволило составить представление близким по духу к описываемым событиям. После этого определяем получаемые известия в виде сообщений, приказов, лозунгов, «характерных для переворота, а может быть и подлинных. Они и пропитывают представление необходимым театральным действием» [19, с. 11]. Смена действующих лиц, обмен сообщениями, постоянные звуковой фон из-за кулис (стрельба, шум голосов, маршировка, пение), диалоги – вот элементы сценария, рекомендованные для постоянной подпитки напряжения, «характерного для Октябрьских событий».

Для написания реплик, лозунгов и сообщений, членам художественного кружка предлагалось «на минуту представить себя действующими лицами представления, к которым приходят какие-то сообщения о ходе событий. Ответ, слова находятся сами собой». Например, в ответ на сообщение о подходе войска под руководством Керенского к Петрограду от действующих лиц могут быть такие ответы: «Предатели революции», «Отстоим наше дело», «Нужно сплотиться», «Нужно сообщить в Военно-революционный комитет», «Товарищи, к оружию». В качестве самих сообщений можно взять подлинные документы того времени без

каких-либо изменений. Авторы рекомендовали для этого книгу Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» или воспоминания Троцкого, Антонова-Овсеенко. При этом не надо было перегружать представление текстом, давая больше действия. В достаточно коротком представлении, еще и ограниченном только сценой необходимо дать почувствовать зрителю «огромное массовое движение, борьбу, временные поражения, подъем, героизм, препятствия и победу» [19, с. 12].

Отдельно стоит сказать о рекомендациях в театрализованных праздничных действиях по использованию подлинных исторических документов. Сохранившиеся телеграфные и телефонные переговоры смело могли стать частью постановки практически без изменений. Другие документы могли тоже полностью включаться в действие, поскольку «стиль и язык их, почти всегда вызывающий в нашей памяти время, к которому документ относится, способен больше всяких других приемов сделать произведение живым, реальным, значительным и характерным» [19, с. 15]. Это «вызовет в зрителе впечатление подлинности, которое с большим трудом иногда удается даже большому художнику-мастеру».

Фактически в данных рекомендациях описывается процесс творчества через определённые, уже закреплённые в сознании образы и картины революции. Названы узловые моменты действия, которые потом будут встречаться в и пьесах, и в прозе, и в поэзии. Так, у А. Веселого в его главном романе «Россия, кровью умытая» все элементы революционного саспенса на Юге России присутствуют в полной мере: есть и массовость, и подвиги отдельных героев, противодействие анархии со стороны новой власти. В «Железном потоке» А. С. Серафимовича «впечатляюще показаны огромные трудности похода полураздетых, голодных бойцов 1-й колонны, их боевые схватки с врагом, в ходе которых росли политическая сознательность и организованность, укреплялась воинская дисциплина и, как следствие этого, боеспособность частей, беспрерывно громивших и отбрасывавших со своего пути войска белых генералов» [11, с. 57]. Фактически любое литературное произведение того времени о революции и Гражданской войне следовало предложенной драматической структуре.

Рекомендации к написанию сценариев для праздничных театральных постановок органично укладываются в схему взаимодействия науки-пропаганды-литературы того периода. Для достоверности использовались настоящие документы или воспоминания действующих лиц, которые активно собирались Исптартом и публиковались в исторических, общественно-политических и публицистических журналах. Для идеологического воздействия авторы рекомендаций требовали не усложнять текст и ввести в него короткие отрывки – лозунги или диалоги, а драматизм написанной сценки должен был достигаться путем постоянного нагнетания напряжения. Только в отличие от профессиональных писателей, которые сами могли создавать подобные рекомендации, над созданием маленьких новых пьес должны были работать обычные люди. Конечно, кроме, просвещения и пропаганды, здесь еще заложена цель создания новой интеллигенции, нового советского человека, который сможет трудиться как у станка, так и за писательским столом. Подобная практика должна была стирать у населения некое уважение к мыслительному труду, приравнивая интеллектуалов к «пролетариям умственного труда». Длительная подготовка к подобным мероприятиям консолидировала широкие народные массы и вовлекала их в новую систему традиций.

Вывод: советские праздники в течение первого десятилетия советской власти превратились в стройную централизованную систему. Старые религиозные праздники постепенно исчезли, остались только новые, которые несли мощный идеологический и пропагандистский смысл, апеллируя к истории революции 1917 г., Гражданской войне и ряду других исторических событий. Практически к каждому празднику организовывались специальные группы для подготовки, печатались методические указания, издавались и распространялись тематические тезисы, на которые необходимо было ориентироваться при проведении митингов, демонстраций и заседаний. Структура каждого праздника включала в себя демонстрации, митинги, театральные действия, массовые гуляния. Праздники охватывали все слои населения, с каждым последующим годом вовлекая в орбиту подготовки и участия все большее количество советских граждан. Данная система во многих чертах сохранилась и в современной России, утратив свою идейно-революционную наполненность.

Источники и литература

1. 1 мая в Ставрополе 1917 года // Ставрополье. 1926. №5. С. 50–51.

2. Алексеевский М. Первое мая: история и трансформация праздника. URL: https://postnauka.ru/faq/64151 (Дата обращения: 29.01.2019)

3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 541 с.

4. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.

5. Генкин Д. М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975. 140 с.

6. Годунов К. В. Первая годовщина Октября: «старое» и «новое» в советской праздничной культуре. URL: http://www.polithistory.ru/upload/iblock/a51/a51be20953936ce14836b428beed7546.pdf (Дата обращения: 15.01.2019)

7. Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии. Ставрополь: Пролетарий, 1928. 221 с.

8. Деканова М. К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция: дисс. … канд. исторических наук. Самара, 2009. 244 с.
9. Доценко А. Выросли мы в пламени… Празднование первой годовщины Октября на Ставрополье // Ставропольская Правда. 1962. 7 ноября. №264. С. 3.
10. Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. URL: https://azbyka.ru/fiction/put-moej-zhizni/2/#n16 (Дата обращения: 14.06.2018).
11. Ефимов Н. А. Историческая основа «Железного потока» А. С. Серафимовича // История СССР. 1978. №4. С. 55–72.
12. Казачество в истории Ставрополья: книга для чтения для учащихся 8–9 классов / Невская Т. А., Покотилова Т. Е. и др. Издательство «Лепта Книга»; Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2015. 223 с.
13. Красный календарь Закавказья: на армянском, грузинском, русском и тюркском языках. Б.м. Агентство «Связь», 1925. 122 с.
14. Кустова Э. М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. 2015. №3 (101). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/101_nz_3_2015/article/11509/ (Дата обращения: 02.02.2019).
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39.
16. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978. 398 с.
17. Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, Рутен, 2005. 400 с.
18. Массовые празднества. Л.: Academia. 1926. 206 с
19. Октябрь. (Сборник пособий для проведения праздника октябрьской годовщины в рабочих клубах) / под ред. Е. П. Шалагиновой. М.: Красная Новь, 1924. 170 с.
20. Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. 686 с.
21. Политический словарь: краткое научно-популярное толкование слов / под общей редакцией Б. М. Эльцина. М., Л., Красная Новь, 1924. 400 с.
22. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Терра, 1995. 176 с.
23. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
24. Свиридова Е. Г. Государственная политика СССР в сфере праздничной культуры (20–40-е гг.) // Время науки. 2014. Вып. 2. С. 24–33.
25. Справочник рабочего: бесплатное приложение к «Рабочей газете». М., 1924. 254 с.
26. Ставрополье. 1926. №4.
27. Ставропольская городская Дума. 200 лет. Историческая хроника. М.: «Воскресенье», 2008. 384 с.
28. Терек. 1926. 12 марта. №59. С. 4.

References

1. 1 Maya v Stavropole 1917 goda *(May Day in Stavropol, 1917)* // Stavropolye (magazine).1926. No. 5. P. 50–51. (In Russian)
2. Alekseevskiy M. Pervoye maya: istoriya i transformaziya prazdnika *(May Day: History and Transformation of the Holiday)* // URL: https://postnauka.ru/faq/64151 (Accessed: 29.01.2019) (In Russian)
3. Bahtin M. M. Tvorchestvo Francois Rabelais I narodnaya kul'tura srednevekov'ya I Renessansa. *(Francois Rabelais's Works and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance).* Moscow: Hudozhestvennaya literature, 1990. 541 p. (In Russian)
4. Buldakov V. P. Krasnaya smuta. Priroda I posledstviya revolyuzionnogo nasiliya. *(Red Distemper. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence).* Moscow: ROSSPEN, 2010. 965 p. (In Russian)
5. Genkin D. M. Massovye prazdniki. *(Mass Holidays).* Moscow: Prosveschenie. 1975. 140 p. (In Russian)
6. Godunov K. V. Pervaya godovschina Oktyabrya: «staroe» i «novoe» v sovetskoy prazdnichnoy kul'ture *(The First Anniversary of October: the «Old» and «New» in the Soviet Festive Culture).* URL: http://www.polithistory.ru/upload/iblock/a51/a51be20953936ce14836b428beed7546.pdf (Accessed: 15.01.2019) (In Russian)
7. Golovenchenko F., Emel'yanov F. Grazhdanskaya voyna v Stavropol'skoy gubernii. *(Civil War in the Stavropol Province).* Stavropol: Proletariy, 1928. 221 p. (In Russian)
8. Dekanova M. K. Transformaziya rossijskoj prazdnichnoy kul'tury v konce XIX – pervoy treti XX v.: centr i provinciya *(Transformation of the Russian Festive Culture at the end of the XIX – the First Third of the XX Century: the Center and the Province):* thesis. Samara, 2009. 244 p. (In Russian)
9. Docenko A. Vyrosli my v plameni… Prazdnovanie pervoy godovshchiny Oktyabrya na Stavropol'e. *(We Grew up in a Flame ... The Celebration of the First Anniversary of October in the Stavropol Region)* // Stavropol'skaya Pravda. 1962. November 7. No. 264. p. 3. (In Russian)
10. Evlogiy *(Georgievskiy).* Put' moey zhizni. (Way of My Life) URL: https://azbyka.ru/fiction/put-moej-zhizni/2/#n16 (Accessed: 14.06.2018) (In Russian)
11. Efimov N. A. Istoricheskaya osnova «Zheleznogo potoka» A. S. Serafimovicha *(The historical Basis of the "Iron stream" of A.S. Serafimovich)* // Istoriya SSSR, 1978. No. 4. P.55–72. (In Russian)
12. Kazachestvo v istorii Stavropol'ya *(Cossacks in the History of Stavropol Krai):* kniga dlya chteniya dlya uchashchihsya 8–9 klassov / Nevskaya T. A., Pokotilova T. E. i dr. Izdatel'stvo «Lepta Kniga»; Gumanitarnyy izd. centr VLADOS, 2015. 223 p. (In Russian)
13. Krasnyy kalendar' Zakavkaz'ya: na armyanskom, gruzinskom, russkom i tyurkskom yazykah. *(Red Calendar of Transcaucasia: in the Armenian, Georgian, Russian and Turkic Languages)* B.m. Agentstvo «Svyaz'», 1925. 122 p. (In Russian)

14. Kustova E. M. Sovetskiy prazdnik 1920-h godov v poiskah mass i zrelishch *(The Soviet Holiday of the 1920s in Search of the Masses and Shows)* // Neprikosnovennyy zapas URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/101_nz_3_2015/article/11509/ (Accessed: 02.02.2019) (In Russian)
15. Lenin V. I. PSS *(Complete works)*.Fifth edition. Vol. 39. (In Russian)
16. Mazaev A. I. Prazdnik kak social'no-hudozhestvennoe yavlenie. *(Holiday as a Social and Art Phenomenon)* Moscow: Nauka 1978. 392 p. (In Russian)
17. Malysheva S. Yu. Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provincii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify *(The Soviet Festive Culture in the Province: Space, Symbols, Historical Myths) (1917–1927)*. Kazan', Ruten 2005. 400 p. (In Russian)
18. Massovye prazdnestva *(Mass Festivals)*. Leningrad: Academia, 1926. 206 p.
19. Oktyabr'. (Sbornik posobiy dlya provedeniya prazdnika oktyabr'skoy godovshchiny v rabochih klubah) / ed by E. P. Shalaginovoy *(October. A Collection of Manuals for the Celebration of the Anniversary of the October in the Working Clubs)*. Moscow: Krasnaya Nov', 1924. 170 p. (In Russian)
20. Politicheskaya katorga i ssylka: Biograficheskiy spravochnik chlenov obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselencev. *(Political Hard Labor and Exile: Biographical Directory of Members of the Society of Political Prisoners and Exiled Settlers)* Moscow: All-union society political convicts and exiles, 1929. 686 p. (In Russian)
21. Politicheskiy slovar' *(Political Dictionary)* / ed by B.M. EHl'cina. Moscow, Leningrad, Krasnaya Nov'. 1924. 400 p. (In Russian)
22. Propp V. Ya. Russkie agrarnye prazdniki. *(Russian Agrarian Holidays)*. St.Petersburg, Terra, 1995. 176 p. (In Russian)
23. Rolf M. Sovetskie massovye prazdniki *(Das sovietische Massenfest)*. Moscow: ROSSPEN, 2009. 439 p. (In Russian)
24. Sviridova E. G. Gosudarstvennaya politika SSSR v sfere prazdnichnoy kul'tury (20–40-e gg.) *(State Policy of the USSR in the Sphere of Festive Culture (the 20–40s)* // Vremya nauki. 2014. Vol. 2. P. 24 – 33. (In Russian)
25. Spravochnik rabochego: besplatnoe prilozhenie k «Rabochey gazete» *(Reference Book of the Worker)*. Moscow, 1924. 254 p. (In Russian)
26. Stavropolye *(magazine)*. 1926. No. 4. (In Russian)
27. Stavropol'skaya gorodskaya Duma. 200 let. Istoricheskaya hronika. *(Stavropol City Duma. 200 years. Historical Chronicle)*. Moscow: «Voskresen'e», 2008. 384 p.
28. Terek *(newspaper)*. 1926. March 12. No. 59. P.4. (In Russian)

Сведения об авторе
Оборский Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / oborskye@ gmail.com

Information about the author
Oborskii Evgenii – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / oborskye@gmail.com

УДК 94(72/73)

Т. В. Пантюхина

АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКАЯ ГРАНИЦА: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

В статье освещаются проблемы трансграничного взаимодействия в пограничном регионе США-Мексика в период от создания границы в середине XIX в. и до настоящего времени. На протяжении большей части XIX в. приграничный регион оставался слабо заселенным и мало освоенным. Две стороны приграничья развивались по-разному вследствие экономических, социальных и политических различий между двумя странами. Освоение американской стороны происходило в форме энергичной экспансии, сопровождавшейся взлетами и падениями деловой активности. Мексиканское приграничье осваивалось не столь стремительно, его развитие определялось географической близостью к США и удаленностью от деловых центров Мексики. На рубеже XIX–XX вв. стимулом для развития приграничья стали американские инвестиции в железнодорожное строительство и добывающую промышленность.

Новая экономическая ситуация сложилась в мексиканском приграничье в сер. XX в. с запуском Программы Индустриализации Границы. Были основаны maquiladoras – предприятия по изготовлению продукции из сырья, импортируемого из США, с целью отправки конечного продукта обратно в США. Эти предприятия превратили мексиканские приграничные штаты в высоко индустриальные особые экономические зоны. НАФТА оказала двойственное влияние на приграничье. Договор способствовал дальнейшему развитию maquiladoras, однако на американской стороне границы бизнес во многом пришел в упадок, поскольку американская продукция стала доступна в Мексике, и мексиканцы практически перестали приезжать за товарами.

Приграничный регион богат туристическими дестинациями. С нач. XX в. он приобрел дурную репутацию благодаря «порочному туризму», который был порожден различиями в законодательстве двух стран, касающегося алкоголя, наркотиков и азартных игр.

Актуальные проблемы, находящиеся сегодня в центре острых общественных и политических дебатов – это нелегальная иммиграция и наркотрафик. Американское правительство придерживается двух подходов к решению этих проблем: иммиграционное законодательство и укрепление границы посредством ее милитаризации и возведения стены.

Ключевые слова: американо-мексиканская граница, трансграничное взаимодействие, США, Мексика, нелегальная иммиграция.

T. V. Pantyukhina

THE US-MEXICO BORDER: CROSS-BORDER INTERACTION IN HISTORIC PERSPECTIVE

The paper features the US-Mexico cross-border cooperation from the formation of the border in the mid-nineteenth century until present. During most of the XIX-th century the border region was largely under-populated and underdeveloped. The two sides of the borderland developed unevenly due to discrepancies in the economic, social and political potential of the two nations. On the American side the development of the new territories came in the form of a series of “booms and busts” of settlement and economic activity. The Mexican border region did not develop as rapidly and depended mostly on its closeness to the USA, due to its far distance from business centers in Mexico. In the late XIX – early XX centuries Mexican border communities flourished due to US investments into railroads and mining industry.

A new economic order in the Mexican border region started in the mid-twentieth century with Border Industrialization Program, which set up maquiladoras – manufacturing plants to assemble products with imported from the USA parts and raw materials into finished goods to be shipped back to the USA. Maquiladoras converted Mexican border-states into highly industrialized special economic zones. NAFTA made a controversial impact on the border region. NAFTA facilitated maquiladora industry, but on the American side of the border many businesses declined as Mexicans nearly stopped crossing the border for shopping because American goods became available at reasonable prices in Mexico.

The border region has lots of popular tourist destinations. Since the early XX-th century, it has become infamous for vice tourism, which was based on differences in law relating to alcohol, drugs and gambling in the two countries.

The most urgent issues which are in the centre of heated public and political debates in the USA are illegal immigration and drug trafficking. The US government has two approaches towards the problems: immigration law and strengthening the border through its militarization and the construction of the wall.

Key words: the US-Mexico border, cross-border cooperation, the USA, Mexico, illegal immigration.

Cross-border cooperation is a specific type of cross-regional interaction conditioned by territorial proximity of adjacent areas across borders. It results from the interaction of three key elements: "nature – population – economy" by bringing the different actors – people, enterprises and communities, institutions and organizations, – closer to each other, in order to take advantage of the opportunities offered by the mutual development of the cross-border area.

In the U.S.-Mexico context, the concepts of the border, borderlands, and the frontier represent their ongoing complex geopolitical, cultural, and historical relations. With the signing of the Guadalupe Hidalgo Treaty in 1848 and the Gadsden Purchase in 1853, the Mexican and US governments established the southern border of the United States. The border is the international boundary line between the two countries, and the borderlands are the zones neighboring both sides of that boundary. It is a place where the two distinct Americas: Anglo-Saxon America and Latin America – collide daily, creating borderlands that amount to collective spaces of transcultural/ transnational encounters.

The US-Mexico border extends from the Pacific Ocean to the west and Gulf of Mexico to the east. It stretches about 2000 miles from the southern tip of Texas to California. The border goes across a variety of landscapes, ranging from uninhabitable deserts to urban centers. It is the most frequently crossed boundary in the world, with nearly one million people and one billion dollars worth of commerce crossing the border each day [24].

The border area comprises four states in the United States (Texas, New Mexico, Arizona and California) and six states in Mexico (Baja California, Sonora, Chihuahua, Coahuila de Zaragoza, Nuevo León, and Tamaulipas). The actual US-Mexico border region, according to La Paz Agreement of 1983, is defined as the area of land being 100 kilometers (62.5 miles) north and south of the international boundary [2].

The population for this stretch of land is approximately 15 million people. Two of the ten fastest-growing metropolitan areas in the USA – Laredo and McAllen – are located on the Texas-Mexico border. Additionally, in the actual border region there are about 25 Indian tribes [21].

During most of the XIX-th century the US-Mexico border region was largely unpopulated and underdeveloped. In the mid-nineteenth century this fact proved to be a liability for Mexico and a point of interest to the United States, which was seeking to expand its frontier. Following the US–Mexico War of 1846–1848, this expansion came in the form of a series of "booms and busts" of settlement and economic activity on the American side of the border.

The economic development of the Mexican border region depended mostly on its closeness to the USA, due to its far distance from business centers in Mexico. During the years of Mexican President Porfirio Diaz (1876–1911) the border communities flourished. Railways were built which connected the Mexican border-states more to the USA than to Mexico. The mining industry also boomed, so did the American control of it. By the early XX-th century 81 % of the mining industry was under control of US companies. Overall, Americans had invested 500 million dollars in the Mexican economy, 25 % of it in the border regions [3].

The true measure of American dominance of the borderlands was perhaps not the war of 1846-1848 with Mexico, but the conversion of the borderlands into a highly regulated resource frontier. The borderland was rich with natural resources: gold, copper, oil and land itself, which meant, according to both American and Mexican upper classes, that it should be developed for profit. In order to facilitate the circulation of capital, transportation and communication infrastructure was developed. By the 1880s the borderland had been modernized with railroad trunk lines that connected the Mexican interior to the greater United States. By 1896, US investors had funded the construction of 7,146 miles of track in Mexico. The American investment in Mexican transportation infrastructure was immense. This helped transform the borderland from an insular fringe zone into a membrane that facilitated the long distance transfer of commodities from the Mexican interior throughout the United States [26, p. 209].

Mexican President Porfirio Diaz encouraged international investment not only from the USA, but Germany and Britain as well. These policies also transformed the border. New ports of entry – along with customs houses to extract tariff revenues – sprang up all along the international boundary. Each new port represented a bilateral building project that further joined the transportation infrastructures and markets of Mexico and the United States. This led to the sprawling border towns. By the early XX-th century new border towns had emerged as bustling centers of commerce, community, and government oversight.

A new economic order in the border region started in the 1940s. In 1942 the United States and Mexico launched a major project – the Bracero Program, which was an agricultural guest worker program. Millions of Mexican field workers migrated to the USA to fill the labor shortage left by World War II. Between 1942 and 1964, over 4.5 million Mexicans came to work under the Bracero Program [27].

The Bracero Program was shut down in 1964. In 1965 it was replaced with the Border Industrialization Program (BIP). The former Program helped Mexicanize agricultural work in the American Southwest and West. The new program helped urbanize the Mexican North. The new Program set up maquiladoras – manufacturing plants to assemble products in Mexico. The USA imported raw materials such as fabrics and parts to Mexico free of any trade duties. Mexico provided labour force. Local workers processed and assembled the materials into finished goods. Once completed, the goods were shipped into the USA. The factories produced textiles, electronics and even automobiles. The US paid import tax only on the value added in Mexico. In other words, the Mexican border-states were converted into special economic zones.

Most maquiladoras were owned by Americans, but many Japanese, Korean, European companies like Sony, Panasonic, Samsung, Toshiba, Toyota – operated maquiladoras as well. Most factories took roots in Mexican border-states, namely, in three major border towns: Tijuana, Mexicali and Ciudad Juarez [9, pp. 99–100].

Maquiladoras delivered economic and other benefits to Mexico. They provided job opportunities for locals. On the other hand, maquiladoras have brought about a number of negative effects. Some of them are the following: risky and unhealthy labour places, which resulted into labor diseases and accidents; child labour; damage to the environment. The factories polluted the air and water with toxic chemicals. They were also blamed for increased birth defects and cancer along the border.

Another negative consequence was that maquiladoras put strong pressure on local infrastructure. Water and sewage systems in border towns could not keep pace with worker boom. Moreover, maquiladoras workers could not afford adequate accommodation. So, outside the Mexican border towns shantytowns sprouted. They had no drinking water, sewers, lighting or paved streets. To build their shacks people used garbage [5, pp. 43–46].

In 1994 another program – the North American Free Trade Agreement (NAFTA) – went into effect. NAFTA liberalized commerce between Canada, the United States and Mexico. As for NAFTA's impact on the border region, maquiladora industry boomed. The number of maquiladoras has increased substantially – 160 % since 1990, especially in Baja California. Employment has increased 440 % since 1990 [9, p. 106].

All in all, in the successive decades, maquiladoras showed above-average developmental dynamics (12 plants in 1965 and 2810 plants in 2006). Since the 1960-s maquiladoras have been a key driver of the Mexican economy. They have become the second important symbol of the Mexican economy, after crude oil [9, pp. 93; 107]. Above all, maquiladoras changed the Mexican border region immensely. Once under-populated and underdeveloped rural area, nowadays it consists of a long belt of about 3,000 assembly plants, employing almost one million Mexicans.

Among the post-NAFTA impacts were those felt by border towns on the American side of the border. Many businesses declined and people lost jobs as Mexicans nearly stopped crossing the border for shopping. Before NAFTA residents of Mexican border towns did their shopping on the other side of the border, in the US shops. Previously, some American consumer goods were unavailable in Mexico, others were very expensive in Mexico due to high trade duties. So, Mexicans entered with tourist visas and did the shopping in the stores of American border towns El Paso or San Diego. When necessary, Mexicans smuggled those items across the border. By the 1960-s there was a profitable industry in smuggling TV-s, radios and other consumer goods to Mexico. It was a routine practice. In the 1970-s light planes loaded with TV sets, microwaves and small refrigerators made daily flights to small airstrips in Mexico. In 1978 alone, smugglers brought in 2,8 million dollars in TVs from Loredo, Texas, into Mexico. Among the most popular items over the years were stolen cars. According to one calculation, annually 1 million used cars crossed the border for sale in Mexico, many of which were stolen ones [5, p. 48].

US border town sales began to slide after NAFTA went into effect. Now Mexicans needn't go shopping to the other side of the border. They can buy identical American goods at home.

As for Americans, they love shopping on the other side of the border. Day trips are particular popular. No entry documents are needed, no customs search is conducted, no Mexican auto insurance is required. Most Texans visit Mexican border towns to buy liquor and cigarettes as vodkas and tequilas are cheaper there, cigarettes are twice as cheap. Non-Texans visiting the border towns are usually more interested in the works of Mexican artisans. Straw, leather and woolen goods, ceramics, household decorations and cotton dresses are popular items because nothing much like them exists in the United States [6].

The border region has lots of popular tourist destinations. Since the early XX-th century it has become infamous for vice tourism, which was based on differences in law. In the early XX-th century American authorities on local, state and federal levels passed laws which defined drinking, gambling, drug use and prostitution as "vices" and restricted access to them. Throughout the United States businesses that catered to these activities shut down or went underground. In the southwest vice migrated across the boundary line. Saloons, casinos and prostitutes relocated to Mexico, where legal climate was more permissive. The Mexican government just registered and taxed vice businesses while Americans completely outlawed them.

US Prohibition sparked border town tourism, from Tijuana on the Pacific Ocean to Matamoros on the Gulf of Mexico. Tourism jumped dramatically. For instance, the number of tourists crossing the border at just El Paso from July 1918 to July 1919 was 14,130. It increased dramatically to 418,735 in the following year [5, p. 58; 20, pp.150–151].

All Mexican border towns were boosted by Prohibition-era vice business. But Tijuana definitely stood out. Before Prohibition-era, in 1915, Tijuana was a small, dirty and dusty town of only 1,000 residents. However, by the end of the 1920-s, Tijuana's population had skyrocketed to 8,383 residents. The town benefited from its proximity to Southern California and Hollywood. Tijuana's Casino de Agua Caliente was a magnet for celebrities. It offered a wide range of vice entertainment: gambling, bars, greyhound and horse races, golf, hot spring baths. Hollywood stars Clark Gable, Ch. Chaplin, Douglas Fairbanks and Marx brothers visited Agua Caliente. Other stars like Rita Hayworth performed there [20, p. 151]. American moral reformers described Tijuana as a "mecca of prostitutes, booze sellers, gamblers and other American vermin" [10, p. 227].

Prohibition era was important in formulating stereotypes about Mexican culture. The Mexican border region emerged from the decade as a "wide-open place where anything goes" [10, p. 227]. Interestingly enough, during Prohibition the bulk of rum-running came across the US-Canada border. Nevertheless, the national image of Canadians suffered little.

After the lifting of Prohibition in 1933, vice tourism in Mexican border towns declined. Another strong blow to vice business came when Mexican President Lasaro Cardenas banned gambling in 1935. Both factors pulled businesses back to the USA and kept Americans at home.

The decline of legal gambling in Mexico coincided with the rebirth of the US gambling economy on the American side of the border. The state law in Nevada allowed gambling in 1931. Soon Las Vegas, a desert city, grew to become the West Coast magnet for gamblers. Vegas eventually replaced Mexico as the Hollywood celebrity destination. The city has become a hub for international vice tourism. Many Hollywood films accurately depict Vegas as a "Sin City", a lawless frontier and morality-free zone.

As for another vice – drinking – developments in alcohol law caused various shifts in border crossings. In 1984 a federal law raised American drinking age to 21. Mexico's drinking age is 18. And even this age is rarely enforced. The difference in law quickly spurred weekend border town trips. American teens of 18 and even under 18 from nearby cities, particularly San Diego and Los Angeles, go for a drink at weekends. These weekend parties perhaps, exceed decadence during the Prohibition era. In the USA bars close by 2 a.m. In Mexican border towns alcohol flows, music plays and prostitutes welcome at all hours at night. Additional lure for American weekend tourists is easy access to drugs as in 2009 Mexico decriminalized personal amounts of drugs. With this youthful infusion, by the 1990-s more American tourists travelled to Tijuana than to Disneyland [5, p. 64].

The history of vice tourism demonstrates that difference in law in neighboring Mexico and the USA boosted border crossings and the development of border towns on both sides. Due to a number of factors, including more permissive legislation in Mexico, Mexican border towns have acquired a strongly negative image. They are associated with tequila, sex and marijuana.

Mexican-American border is notoriously known for many illegal activities. During the Prohibition years Mexicans smuggled alcohol to the north. Today's trafficking includes two new "goods": people and drugs.

Mexican criminal gangs smuggle across the border people who cannot enter the USA legally. It is well-organised crime. The gangs have developed different illegal facilities for border crossing: special guides, secret gathering points, transport and logistics services, etc. The newest feature in this business is juvenile traffic. Children are smuggled across the border without documents and parents. In 2014 alone the US border patrols stopped the trafficking of about 70,000 children [14, c. 185].

A large part of human trafficking is prostitution. Young Mexican women are "asked" to work in night clubs and brothels in the USA. This business is highly developed in Mexican border-states, in which disappearing and killing of females have become common. In 2012 "white slave" trade brought Mexican criminals about 10 billion dollars [14, c. 186].

Trafficking in drugs to the north is also profitable business. Mexico's climate allows it to grow both cannabis (marijuana) and opium. The latest trend is the production of synthetic drugs. Mexico is also an important transit terri¬tory for cocaine from South American countries. Due to these favorable factors Mexican drug cartels prosper [1, c. 33].

Cross-border criminal collaboration turns out mutually beneficial. Mexican gangsters supply the demand for drugs in the USA. Americans gangsters supply the demand for firearms in Mexico. From the other side of the border, Mexico receives large stocks of the US weapons, which are used in wars between criminal gangs.

One of the most long-standing problems related to the US-Mexican border is illegal immigration. Just to illustrate the scale of the problem: the number of illegal border crossings has skyrocketed in the past decades. From the 1980s to the mid-2000s, between 1 million and 1.6 million people were detained at the border every year. In 2000 alone, border patrols detained 71,000–220,000 migrants each month.

Illegal immigration has become a major concern for the US government since 1980-s. It had to deal with two problems: how to curb illegal immigration and what to do with 4 million migrants staying illegally in the USA at that time?

In 1985 President Ronald Reagan signaled a significant shift in US policy. In his speech he described illegal immigration as an "invasion," and immigration as a matter of national security. The next year (1986), Congress passed the Immigration and Reform Control Act (IRCA) [12]. It was the first large scale reform of American immigration policy. Before 1986 there was no legislation addressing illegal immigration.

The aim of the 1986 law was to reduce the flow of illegal immigrants to the USA. The law allocated new resources to the Border Patrol to tighten border security and, for the first time in American history, authorized fines against employers who hired illegal workers. As for illegal immigrants, the law granted permanent legal status, or "amnesty" to 2.8 million unauthorized immigrants who had been in the country continuously since January 1, 1982.

The Clinton administration passes a new immigration bill in 1996 (IIRIRA) [11]. It's the last major immigration law. The bill made deportation of illegal immigrants easier, citizenship harder and border security tighter.

The immigration laws of 1986 and 1996 failed to stop the flow of illegal immigrants. Moreover, their number had doubled, from 4 million in 1986 to 8 million in 2002.

President Bush called for a complete overhaul of the immigration policy. Bush proposed a guest worker program. Illegal immigrants were offered the possibility of becoming legal by registering as temporary

workers. But Comprehensive Immigration Reform Act of 2007 failed in Congress [8]. Not only Democrats but also the majority of Republicans – President Bush's own party – voted against. Instead the Congress focused on strengthening the border.

President Obama's immigration project was similar to those of his predecessors. Like President Bush Obama met strong opposition of the Republican-controlled Congress. The 2013 "Border Security, Economic Opportunity, and Immigration Modernization Act" died in Congress [7].

Republicans demanded flooding the border with troops and technology to seal it tighter than ever. While visiting the border in El Paso in 2011, Obama noted that the Republicans, the opponents of the reform, were not satisfied. "Maybe they will need a moat," he joked. "Maybe they will want alligators in the moat." [17; 18].

So, there have been two approaches towards illegal immigration problem: to create legal channels for migrant workers through immigration reform and to strengthen the border. So far, attempts of the US administrations to carry out immigration reform have been unsuccessful. Now, let's take a look at how successful the policy of tightening the border was.

The US government has taken numerous unilateral measures to "secure" its border. In 1994, the first National Border Patrol Strategic Plan was developed. It signified the start of militarization of the border. Lots of money has been put into strengthening the border, particularly into technology. Doughy blimps with thermal imaging for nighttime provide video surveillance. Seismic sensors spot migrants with their first movements on American territory. Money is not spared on anything: from all-terrain vehicles to helicopters and advanced reconnaissance drones. The number of Border Patrol agents has been raised from 5,000 officers (in 1992) to 9,000 (in 2001) and to over 20,000 today.

That gives the Border Patrol much better opportunities of fighting criminal smuggling networks. Gangsters nowadays keep up with the latest technologies. They use Facebook to hire drivers. They use satellite phones and encrypted communication apps to direct drivers, night-vision technology to monitor patrols, and advanced tracking devices to scan for moving vehicles [25].

A major element of the border security is the wall. Congress first mandated the construction of a border fence in 1996 as part of the Illegal Immigration Reform and Immigrant Responsibility Act (IIRIRA). IIRIRA called for the construction of a 14-mile long fence, along the boundary between San Diego and Tijuana. Currently, fencing covers 653 discontinuous miles of the 1,954-mile border. The wall is relatively new – nearly 90 % of it was built in the past 13 years.

How successful were tough measures on the border?

To begin with, the policy backfired. It has given rise to an underworld of smuggling, document fraud, and other criminal activity. To make the difficult crossing through unfamiliar territory, migrants have been forced to hire the services of smuggling networks or of individual guides known as "coyotes". Fees that coyotes charge also increased. Earlier, in the 1990-s, Mexicans paid $500 – $1,500 to cross the border. Nowadays they pay up to $9,200 for the same crossing. Those figures have continued to rise [25].

As crossing the border has become more expensive and risky, Mexican migrants, once in the United States, remain longer to pay the higher cost of the journey. Before passage of the IRCA in 1986, the median stay of Mexican migrants in the United States was 2.6 years. After the border crackdown of the Clinton years, the median stay had risen to 6.6 years.

The fact that the crackdown on illegal immigration have failed is illustrated by statistics. The US unauthorized immigrant population peaked in 2007 at 12.2 million. In the peak year illegal immigrant population made up 4 % of the US population of nearly 316 million [23]. The illegal immigrant population declined for the next two years (2007–2009) during the recession. Then it has stabilized, since the end of the Great Recession in 2009 at 11 million.

The majority of undocumented immigrants are from Mexico. There was a peak of nearly 7 million illegal immigrants from Mexico in 2007. That made up 59% of the whole number of undocumented immigrants in the US. Then the number slightly decreased [19]. Now there are about 5.6–6 million illegal immigrants from Mexico [15].

As for the latest developments at the border, the centerpiece of President Donald Trump's immigration plan is the construction of an "impenetrable, physical, tall, powerful, beautiful, southern border wall." The wall is planned to be 1,000 miles long and 55 feet tall. But the project faces financial and environmental obstacles.

A serious problem is the impact of fencing and other security measures on the wildlife. The border area is inhabited by jaguars, ocelots, Mexican wolves and raccoons. In key locations of the existing wall fencing seriously hampers the movement of predators and migratory animals, which is a serious threat to survival.

In 2018 the journal Bioscience published a paper documenting the ecological harms of the fence over the past decade, and the further damage that would be incurred by Trump's proposed wall [16]. 2,700 scientists from 47 countries co-signed the paper in a special letter opposing the border wall [13]. "The wall is an ecological disaster", they say. The border barriers threaten the health of 1,5000 species of plants and animals, including 62 endangered or vulnerable species.

Funding of the new wall is another obstacle for the construction. President Trump asserts the construction for 18 billion dollars. Congress contributed only $1,6 billion to the project in the fiscal year of 2018 [25]. In the fiscal year of 2019 the President requires Congress to allocate 5,6 billion dollars, but the bill is unlikely to pass the Senate [22].

To conclude, the US-Mexico border has a long and complicated history. Over two centuries it has been the scene of conflict as international borders are likely to be. Many problems have complicated the relations between the two countries, making life diffi-

cult for the borderland residents. For the US people the border seems troublesome. An American author W. Langewiesche wrote in The Atlantic in 1992: the US "would have preferred to have a second Canada on our southern flank" [4]. There are similar sentiments on the Mexican side of the border: "Poor Mexico! So far from God and so close to the United States!" The saying is attributed to Porfirio Díaz, Mexican President.

There is a great deal of truth in the phrase. Proximity to the United States cost Mexico half of its national territory in the XIX-th century. It also exposed Mexico to various military and economic incursions in the XX-th century.

But U.S.-Mexican relations have also had their benefits. On multiple occasions the people of both countries have demonstrated that they can work together for the betterment of both. Moving forward, the question is whether the United States and Mexico will be able to face their shared challenges – economic development, immigration, and drug trafficing – by finding cooperative solutions. Mexico will always be "so close to the United States," but that need not always be such a bad thing for either country.

Источники и литература \ References

1. Гришина А. Е. Американская стратегия борьбы с наркотрафиком из Мексики // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. №10. С. 33–40.

Grishina A. E. Amerikanskaya strategiya bor'by s narkotrafikom iz Meksiki *(American Strategy of the Fight Against Drug Trafficking from Mexico)* // Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii. 2017. No. 10. P.33–40. (In Russian).

2. Agreement between the United States of America and the United Mexican States on cooperation for the protection and improvement of the environment in the border area. Signed at La Paz. August 14, 1983. URL: https://www.epa.gov/sites/production/files/2015 09/documents/lapazagreement.pdf (Accessed: 12.12.2018).

3. Alvarez C. J. The United States–Mexico Border. Online publication. Date: Mar., 2017. URL:http://americanhistory.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780199329175.001.0001/acrefore-9780199329175-e-384 (Accessed: 20.07.2018).

4. A moving border, and the history of a difficult boundary \ USA Today Network URL: https://www.usatoday.com/border-wall/story/us-mexico-border-history/510833001/ (Accessed: 4.01.2019).

5. Bender S. W. Run for the border. Vice and virtue in U.S.-Mexico border crossing. NY: NY Un-ty Press, 2012. 224 p.

6. Border Shopping URL: https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/fodors/top/features/travel/destinations/unitedstates/texas/sanantonio/fdrs_feat_135_5.html (Accessed: 12.07.2018).

7. Border Security, Economic Opportunity, and Immigration Modernization Act URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-113s744es/pdf/BILLS-113s744es.pdf (Accessed: 10.07.2018).

8. Comprehensive Immigration Reform Act URL: https://www.congress.gov/bill/110th-congress/senate-bill/1348 (Accessed: 10.07.2018).

9. Dorocki S., Brzegowy P. The maquiladora industry impact.on the social and economic situation in Mexico in the era of globalization // Environmental and socio-economic transformations in developing areas as the effect of globalization. Ed. by Wójtowicz M., Winiarczyk-Raźniak A. Kraków: Wydawnictwo Naukowe UP, 2014. P.93 – 110.

10. Holiday in Mexico. Cultural reflections on tourism and tourist encounters. Ed. by Bender D and Wood A.G. Durham, London: Duke Un-ty Press. 2010. 385 p.

11. Illegal Immigration Reform and Immigrant Responsibility Act of 1996. URL: https://www.congress.gov/104/crpt/hrpt828/CRPT-104hrpt828.pdf (Accessed: 10.07.2018).

12. Immigration Reform and Control Act of 1986 URL: https://www.eeoc.gov/eeoc/history/50th/thelaw/irca.cfm (Accessed: 12.07.2018).

13. Livni E. The US-Mexico border barriers threaten 1,500 plant and animal species // Political Science. July 24, 2018. URL: https://qz.com/1334546/the-us-mexico-border-barriers-threatens-1500-plant-and-animal-species/ (Accessed: 4.01. 2019).

14. Martynov B.F., Moloeznik M.P. Mexico on a criminal traffic scenario \\ Вестник МГИМО-Университета. 2017. 2(53). С.184–194.

15. More Mexicans Leaving Than Coming to the U.S. \ Pew Research Centre. Nov. 19, 2015. URL: http://www.pewhispanic.org/2015/11/19/more-mexicans-leaving-than-coming-to-the-u-s/ (Accessed: 10.07.2018).

16. Nature Divided, Scientists United: U.S.-Mexico Border Wall Threatens Biodiversity and Binational Conservation URL: https://defenders.org/publications/peters-et-al-in-press-bioscience.pdf (Accessed: 4.01.2019).

17. President Obama at the Border // New York Times. May 10. 2011.

18. President Obama on Fixing Our Broken Immigration System: «E Pluribus, Unum». Speech in El Paso, Texas. May 10. 2011. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2011/05/10/president-obama-fixing our-broken-immigration-system-e-pluribus-unum (Accessed: 10.07.2018).

19. Rise in U. S. Immigrants From El Salvador, Guatemala and Honduras Outpaces Growth From Elsewhere \ Pew Research Centre. Dec.7, 2017 URL: http://www.pewhispanic.org/2017/12/07/rise-in-u-s-immigrants-from-el-salvador guatemala-and-honduras-outpaces-growth-from-elsewhere/ (Accessed: 10.07.2018).

20. St.John R. Line in the sand: a history of the Western US-Mexico Border. Prinston Un-ty Press, 2011. 296 p.

21. The U.S.-Mexico Border Region. URL: https://www.hhs.gov/about/agencies/oga/about-oga/what-we-do/international-relations-division/americas/border-health-commission/us-mexico-border-region/index.html (Accessed: 20.07.2018).

22. The Washington Post. Jan.2. 2019.

23. Unauthorized Immigrant Totals Rise in 7 States, Fall in 14 \ Pew Research Centre. Nov. 18, 2014 URL: http://www.pewhispanic.org/2014/11/18/unauthorized-immigrant-totals-rise-in-7-states-fall-in-14/#decrease-in-unauthorized-immigrants-from-mexico (Accessed: 20.07.2018).

24. US-Mexican Border Issues. URL: https://www.globalsecurity.org/military/world/mexico/foreign-relations-us border.htm (Accessed: 29.07.2018).

25. What it costs to be smuggled across the U.S. border // New York Times, June 30. 2018.
26. White, R. Railroaded: The Transcontinentals and the Making of Modern America. New York: W.W. Norton, 2011. 736 pp.
27. Zhao X. Immigration to the United States after 1945. URL: http://americanhistory.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780199329175.001.0001/acrefore-9780199329175-e-72?rskey=ck4PPp&result=5 (Accessed: 12.07.2018).

Сведения об авторе
Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / pantyukhina@rambler.ru

Information about the author
Pantyukhina Tat'yana – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University (Stavropol) / pantyukhina@ rambler.ru

УДК 94 (47).084.8

Е. И. Пыркина

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ СТАВРОПОЛЬЯ В 1960-е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ ПОЗДНЕЙ УРБАНИЗАЦИИ

Данная статья посвящена истории городов Ставрополья в 1960-е гг. Основополагающим фактором, повлиявшим на социальное и культурное состояние городского населения региона, была урбанизация, которая стала результатом комплекса миграционных, градостроительных процессов, изменений в социальной структуре общества, городской культуре и образе жизни. В силу своей сельскохозяйственной специфики Ставропольский край в данный хронологический период только стал на путь модернизации и урбанизации, которые повлекли за собой социокультурные изменения.

На общероссийском фоне середины XX века города Ставрополья были слабо урбанизированными, несмотря на быстрый рост городского населения и высокую концентрацию нового промышленного строительства в них. В то же время, хотя и медленно, с большими трудностями, начался процесс смены хозяйственных занятий горожан – увеличилась доля населения, занятых в сфере управления, культуры, обслуживании, появились признаки перехода к промышленному труду. На территории края проводилась масштабная работа по укрупнению предприятий химической, газовой, нефтяной и электротехнической отраслей. Без внимания не остались и предприятия легкой промышленности. Это не могло не оказать существенное влияние на структуру миграционных процессов. Также в процессе урбанизации происходило взаимопроникновение городского и сельского пространства, постепенная интеграция и смешение бытовых и культурных границ, унификации досуга городских и сельских обывателей в рамках социальной политики советской власти.

Город, в условиях урбанизационного перехода, сохраняет и приумножает свой потенциал в организации жизнедеятельности всего общества и становится не только носителем новых идей, возможностей, объединяющих жителей, выразителем социальных потребностей, но и средством перехода к исторически новому состоянию.

Проблема, поднятая в данной статье, актуальна, так как исторический опыт становления нового социокультурного облика человека в различных социальных уровнях позднего советского социума позволяет увидеть и определить многие важные аспекты организации современного общества, находящегося на стадии перехода к новым формам общественной и культурной интеграции.

Ключевые слова: Северный Кавказ, социокультурный, региональная и локальная специфика, общенациональные тенденции, урбанизация.

E. I. Pyrkina

DEVELOPMENT OF CITIES IN STAVROPOL KRAI IN THE 1960s: PROBLEMS OF LATE URBANIZATION

This article is devoted to the development of cities in Stavropol in the 1960s. The underlying factor that influenced the social and cultural development of the urban population was urbanization, which was the result of a set of interrelated migration, urban planning processes, changes in the social structure of society, urban culture and lifestyle. Due to its agricultural specifics, the Stavropol Krai in this chronological period only took the path of modernization and urbanization, which resulted in sociocultural changes.

On the all-Russian background of the mid-twentieth century, the cities of Stavropol were poorly urbanized, despite the rapid growth of the urban population and the high concentration of new industrial construction in them. At the same time, albeit slowly, with great difficulty, the process of changing the economic activities of the townspeople began – the proportion of the population engaged in management, culture, and maintenance increased, and signs of a shift to industrial work appeared. On the territory of the region, large-scale work was carried out to consolidate the enterprises of the chemical, gas, oil and electrical industries. Light industry enterprises were not left without attention either. This could not have a significant impact on the structure of migration processes. The process of urbanization featured interpenetration of urban and rural space, the gradual integration and mixing of household and cultural boundaries, the unification of leisure time of urban and rural inhabitants in the framework of the social policy of the Soviet government.

The city, in the context of urban transition, retains and multiplies its potential in organizing the life activity of the whole society and becomes not only a carrier of new ideas and opportunities that unite residents, a spokesman for social needs, but also a means of transition to a historically new state.

The problem raised in this article is relevant, as the historical experience of the formation of a new socio-cultural image of a person in different social levels of the late Soviet society allows us to see and define many important aspects of the organization of modern society, which is at the stage of transition to new forms of social and cultural integration.

Key words: North Caucasus, socio-cultural, regional and local specificity, national trends, urbanization.

Вопросы урбанизации и процессов ее сопровождающих занимают важное место среди ключевых проблем исторической науки. Для понимания сути современной российской модернизации и урбанизации важен анализ развития городов Ставрополья в 1960-е гг. Исследование нового облика человека в контексте опыта его исторического формирования на разных этапах развития советского общества дает возможность понять начала организации современного общества, в том числе специфику его движения к новым социально-культурным формам единства.

Изучение развития и роста городов подразумевает системное отражение общественных процессов, протекающих в основных сферах жизни города: политика, экономика, культура. Выявление особенностей изменений структуры городского населения невозможно без анализа жизни города в указанных сферах. Вместе с тем, среди ключевых факторов выступает локальная особенность Ставрополья – его аграрная специфика. Следует помнить, любое местное сообщество подчиняется и общим тенденциям истории страны, так как является неотъемлемой частью общенационального пространства.

Целью данной работы стало изучение особенностей общественного, культурного и экономического развития городов Ставрополья в 60-е гг. XX в. в контексте процесса урбанизации, как ведущего процесса в развитии городов. Исследование истории городов на Ставрополье через призму социально-культурных сфер жизни общества позволяет «раскрыть сущность города как локального социального сообщества через его становление, развитие оппозиции города и деревни, центра и периферии, промышленных и аграрных секторов во всех их конкретно-исторических формах» [13, с. 3].

Одной из теоретических проблем темы является определение категории «урбанизация». Рассмотрим наиболее часто используемые исследователями варианты. А. С. Сенявский, заложивший основы исторической урбанистики, в своем труде «Урбанизация России в XX в.: роль в историческом процессе» дает следующее емкое определение: «Урбанизация – это территориальная концентрация человеческой жизнедеятельности, ведущая к её интенсификации и дифференциации, вплоть до выделения новых её видов, обуславливающая формирование городских форм и пространственных структур расселения и распространения городского образа жизни» [14, с. 28]. Согласно трактовке словаря иностранных слов, урбанизация – это и есть «сосредоточение населения и экономической жизни в крупных городах» [10, с. 187]. Урбанизацию можно определить как переход из сельского в городское состояние, сопровождавшийся ростом городов и городского населения или как «урбанизационный переход» [14, с. 35]. Характеризуется такой «переход» изменениями социально-классовой структуры общества, образа жизни, менталитета, формами проведения досуга, также системой расселения людей и размещения промышленных предприятий.

Урбанизационные процессы, происходившие в советской России, разработаны в историографии недостаточно глубоко. Особенно поверхностно исследована история провинциальных городов. Однако, имеющаяся литература позволяет сделать общие выводы о ставропольской урбанизации 1950–1960-х гг., здесь продолжали действовать, несмотря на советскую специфику, тенденции как «протоурбанизации», так и собственно урбанизации [1, с. 171]. Урбанизацию в советскую эпоху можно определить как «источник прорыва к новым формам общественной жизни, а также как мощный механизм, стимулировавший ломку традиционных структур, старых элементов городской жизни и городской культуры, перестройку образа жизни и форм социально-экономической организации всего общества на городской лад» [1, с. 173].

О начавшемся в 1960-е гг. урбанизационном ростеСтаврополья говорить сложно, в силу того, что впервые послевоенные десятилетия основ развития городов практически не наблюдались. Наличие обширной промышленной базы ещё не означало, что население Ставропольского края, в частности города Ставрополя, стало превращаться в городское общество. Впервые послевоенные десятилетия он оставался преимущественно аграрным городом. Несмотря на начавшееся повсеместное строительство, и интенсивное развитие промышленности, развитие культурной и духовной сфер общества, ставропольчане не могли идентифицировать себя с представителями городского населения. Это объясняется тем, что более привычный образ жизни не мог быстро измениться, хотя наличие модной одежды, относительной доступности предметов быта не могли не оставить след. Более того, удельный вес населения города к 1960 г. значительно увеличился за счёт сельских жителей окрестных сёл, что способствовало повышению объёмов промышленного строительства.

Следует учитывать, что урбанизация носила дуалистический характер: с одной стороны, протекали формально-статусные и социально-демографические изменения, а с другой, менялся внутренний мира человека [6]. Перемещение из сельской местности в городскую среду, в иную социальную категорию, пусть даже более высокую, редко превращало бывшего сельского обывателя в полноценного горожанина. Пребывание индивида в новом статусе носило искусственный характер, так как сознание отдельного взятого человека не могло быстро трансформироваться, как этого требовал на тот момент урбанизационный процесс.

Это связано с тем, что в переходной стадии урбанизационного процесса, которая в стране приходится, по мнению А. С. Сенявского на 1960–1980-е гг. горожане в большинстве своём несли на себе отголоски сельского менталитета, хотя относительно приспособленного к городским условиям. Ппоэтому мы можем сделать вывод, что урбанизация в советской России проходила под знаком превалирования полусельского мировос-

приятия, мышления, изменением старых городов и становлением абсолютно новых, а также постепенным появлением новой культуры и образом жизни населения. Следовательно, процесс урбанизации оценивается не только через образ жизни населения городов, но и количественными показателями, такими как размер и численность городов, а также динамикой увеличения численности населения, проживающего в них [7]. Однако это лишь часть урбанизации, в которую органически входят специфическая эволюция социальной, культурной жизни горожан, их психологии.

Достаточно часто понятие урбанизации советского города отождествляется в исторической литературе с понятием индустриализации. Нет возражения, что важнейшими факторами урбанизации являются индустриализация, аграрно-промышленная интеграция и научно-техническая революция, сущностная сфера которых есть развёртывание отношений между человеком и природой. Индустриализация в любой исторический период требовала концентрацию материальных и трудовых ресурсов в городах.

В 1960–1970-е гг. Ставропольский край, как и другие аграрные регионы, переживал пик промышленного развития. На территории края развернулся новый этап индустриализации и урбанизации, которые втянули местное население в орбиту новых социальных отношений. Общий подъем социального и экономического потенциала СССР в 1960-х и 1970-х гг. определил фундаментальные вехи модернизации промышленности на Северном Кавказе. Во многом начавшийся рост был обусловлен стремлением реформировать организационно-управленческие основы общественного производства, а также выстроить приоритеты в направлениях социальной политики государства.

На Ставрополье активно проводилась специализация и концентрация промышленных предприятий. К 1960 г. в крае уже действовали 6 машиностроительных заводов, а к концу десятилетия в эксплуатацию были введены еще 7 предприятий данного профиля. В 1970-е гг. ведущую роль в крае стала занимать электротехническая отрасль. Особое внимание советского руководства было направлено на концентрацию производства предприятий химической, нефтегазовой и электротехнической отраслей, расположенных на территории Северного Кавказа [1, с. 171]. Легкая промышленность тоже не осталась без внимания. Были созданы «швейные объединения «Машук» в Пятигорске и Ставропольское мебельное объединение по производству кухонной мебели» [1, с. 174].

Одним из приоритетных направлений советской власти было развитие химической промышленности. На Ставрополье развернулось широкое строительство предприятий химической отрасли. Так, например, в 1957 г. был разработан проект планировки города Невинномысск, который изначально строился как промышленный центр, а если быть точнее, как промышленная пригородная зона города Ставрополя. Позже в проект были внесены поправки, которые предусматривали развитие города Невинномысска как «административного и культурного центра Невинномысского района с увеличением численности населении с 35 тыс. до 75 тыс. человек» [3, с. 2]. Все же приоритетным направление в деятельности города было развитие промышленности. Согласно проекту, в 1963 г. в городе стало функционировать крупнейшее на юге СССР предприятие большой химии Невинномысское объединение «Азот». В 1966 г. в Ставрополе первую химическую продукцию выпустил Ставропольский завод химических реактивов. К 1970 г. объем химической продукции в крае увеличился на 9 %. [11, с. 106].

Рост промышленных предприятий в регионе вызвал миграционные изменения. Перемещение жителей из села в город, привело к повышению уровня социальной мобильности населения. В город направлялись за поиском новой работы, прежде всего, в промышленных отраслях; молодежь - за получением профессионального образования, так как города стали вузовскими центрами. По данным переписи населения 1959 г. доля городского населения в Ставропольском крае составила 31,2 %. В целом по РСФСР в данный период доля городского населения была приблизительно 52–53 %. Ставропольский показатель оказался гораздо ниже, так как урабанизационный процесс начался позже, чем в других регионах. Но уже перепись 1970 г. показала значительный прирост городского населения – на 22 %.

В данных исторический период в крае наблюдается активная трансформация сельских поселений, которые сократились почти на 50 %. Такое значительное сокращение количества сельских населенных пунктов произошло, прежде всего, за счет ликвидации небольших населенных пунктов с численностью до 50 человек [14, с. 85]. В середине 1960-х гг. сельские жители переселялись в пригородные районы. Огромный миграционный поток населения хлынул из центральных и восточных районов Ставрополья, связано это было с неблагоприятными климатическими условиями.

В 1960-х гг. в процессе урбанизации на Ставрополье городская культура все активнее стала приникать в сельскую повседневность. Особые черты городского семейного быта прослеживались в домах сельских обывателей, например, наличие личных автомобилей, городской мебели, бытовой техники. Менялась мода и манеры поведения сельского населения, особенно молодежи. Труженики сельской местности свой досуг стали чаще строить по городскому типу: посещение кинотеатров, библиотек, театров, филармоний, кружков по интересам и других общественных мест.

Излюбленным местом проведения досуга были кинотеатры. В кино ходили семьями, профессиональными коллективами, школьными классами. Для зрителей кинематограф выполнял функцию второй действительности, так как зритель примерял на себя роль главного героя, вместе с ним переживал какое-либо событие.

Такая форма проведения досуга была невероятно притягательной, так как позволяла зрителю оторваться от насущных проблем и пару часов отдохнуть. Клубные учреждения ставропольских сел и городов, как правило, были оснащены киноустановками. К 1962 г. на Ставрополье были построены кинотеатры с вместимостью от 700 до 1200 зрителей, например, «Мир»- в Невинномысске, «Экран» и «Родина» - в Ставрополе. Это вызвало зрительский ажиотаж. Средний показатель посещаемости кинотеатров в 1968 г. достигал 25 посещений в год на человека, что сравнительно выше среднего советского показателя [6]. К просмотру зрителям предлагали фильмы, основанные на основных постулатах коммунистической идеологии.

Новой и активно набирающей популярность формой проведения досуга были кружки и клубы по интересам. Например, «существовал клуб деловых встреч, где обсуждались многочисленные вопросы с юридической направленностью» [2, с. 2]. Дети посещали кружки, такие как фотокружок, кружок выжигания, театральные. На базе ставропольского драматического театра организовывались тематические мероприятия для молодежи по возрастным категориям, где обучали актерскому мастерству, пониманию смыслового содержания спектаклей – «языку театра». Как городские, так и сельские жители края свой досуг проводили в избах-читальнях. В них проводились тематические мероприятия различных форматов: читались доклады, лекции, выступали агитационные бригады и др.

На стремительное развитие городов Ставропольского края влияние оказали природные условия, а именно богатство недр минеральными источниками. Первым в истории нашего государства курортом стал район Кавказских Минеральных Вод, который привлекал туристов из всей страны, но был недостаточно благоустроен для их приема. Поэтому во второй половине XX в. руководство СССР и местные власти были заинтересованы в развитии рекреационных возможностей данного региона, так как наличие курорта оказывало влияние, как на экономическую сферу, так и на культурную и социальную жизнь края и государства. Начиная с 1955 г. разрабатываются проекты по планированию и строительству курортных городов. Так, например, город Минеральные Воды развивался как железнодорожный узел, промышленный, административный и культурный центр Минераловодского района. Здесь планировалось за счет увеличения территории города в южном и восточном направлениях осуществить постройку 2-х – 3-х этажными (75 %) и индивидуальными домами (25 %) [5, с. 3]. В центре города решено было организовать главную площадь на проспекте Карла Маркса. Планировалось сохранить существующую уличную сеть и проложить новые магистрали. Проект предусматривал также увеличение площади зеленых насаждений до 110 га. Прежде всего, сделать это за счет насаждения городских садов, скверов и бульваров в жилых районах. Озеленить санитарные зоны разрыва между промышленными предприятиями и спальными частями города [5, с. 4]. Особое внимание, уделялось увеличению количества городского транспорта, хотя основным видом по-прежнему оставался автобус. Проект предусматривал реконструкцию и прокладки новых сетей водо-, газо- и энергоснабжения города [5, с. 5]. Подобные проекты по благоустройству городов были разработаны и в городах Ессентуки, Пятигорск, Кисловодск.

В проектах главным пунктом было увеличение количества, расширение и благоустройство имеющихся лечебно-профилактических центров. Под руководством ведомственных министерств совместно с краевой властью, повсеместно возводились санитарно-курортные учреждения. В городах группы Кавминвод проводилось активное озеленение городов, строились кинотеатры, концертные залы и другие заведения проведения досуга горожан и туристов. В Кисловодске и Пятигорске, особой популярностью в это время, стали пользоваться построены подвесные канатные дороги на горы Машук и Большое Седло. В Ессентуках был расширен городской парк до 70 гектар, построены спортивные базы во всех районах города. В середине 1960-х гг. толчок к развитию получила лечебная и материально- техническая база в детских санаториях и санитарно-оздоровительных учреждениях. Нельзя не отметить и проявившуюся тенденцию полицентризма на территории курортных городов Северного Кавказа. Это поспособствовало одному из старейших город-курортов – Пятигорску – стать неофициальным административным центром района Кавказских Минеральных Вод. В нем сконцентрировалась обширная научная база, которая позволила городу наряду с краевым центром Ставрополем стать вузовским и культурным центром. Одновременно стремительными темпами развивались промышленные предприятия города. С одной стороны, это оказало негативное влияние на состояние курортного региона и качество предоставляемых услуг. Но с другой, привело к увеличению численности населения, так к 1960 г. на территории курортного региона проживала треть населения края. Попытки местной курортной власти ограничить промышленное строительство на территории курортных зон и проведение мероприятий по охране имеющихся ресурсов, часто приводили к разногласию с краевым руководством. Но функционирование промышленные предприятия было необходимо для обеспечения полной занятости жителей городов- курортов. Согласно указу Совета Министров в 1975 г. на территории Кавказских Минеральных Вод функционировали 2 курортные зоны, а к 1986 г. более 100 санаториев [1, с. 170].

Подводя итог, вышесказанному отметим: по сравнению с общероссийскими темпами роста городов и городского населения, Ставрополье – регион с поздней урбанизацией. В силу своей сельскохозяйственной специфики Ставропольский край в 1960-е гг. только стал на путь модернизации и урбанизации, которые повлекли за собой социокультурные изменения. Города стали централи культурного, научного и промышленно развития. Отток населения сел и деревень в го-

родской ареал происходил за счет увеличения количества предприятий различных отраслей промышленности. Сельская молодежь в городах осваивала не только новые профессии, обучаясь в высших и средних учебных заведениях, но и городской образ жизни. Поэтому жизнь в сельской местности стала все больше приобретать городские черты.

Источники и литература

1. Булыгина Т. А. Некоторые тенденции социокультурного, хозяйственного и политического развития Северного Кавказа в конце 1960-х – начале 1980-х годов// Наука. Инновации. Технологии. 2013. №2. С. 161–172.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 3844. Оп. 1. Д. 9.
3. ГАСК. Ф.3844. Оп. 1. Д. 11.
4. ГАСК. Ф.3844. Оп. 1. Д. 12.
5. ГАСК. Ф.3844. Оп. 1. Д. 13.
6. ГАСК. Ф.4127. Оп. 1. Д. 941.
7. История городов и сел Ставрополья / ред. Д. В. Кочура. Ставрополь, 2001. 752 с.
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года РСФСР / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года РСФСР / ЦСУ при Совете Министров СССР. М.: Статистика, 1972. 576 с.
10. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 669 с.
11. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 669 с.
12. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь: Шат- гора, 1999. 528 с
13. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987. 237 с.
14. Ногина Е.В. Социокультурное развитие городского населения Ставрополья в 1920-1930 годы: опыт исторического исследования : диссертация ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 264 с. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01002740028#?page=1 (Дата обращения: 05.11.2018).
15. Ракчеев В.Н. Урбанизация и особенности расселения на Кубани и Ставрополье в 1930-1950-е гг. // Исторические науки, этнология и археология. 2014. №2. С.84 – 88.
16. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 288 с.

References

1. Bulygina T. A. Nekotorye tendentsii sotsiokul'turnogo, khozyaistvennogo i politicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v kontse 1960-kh – nachale 1980-kh godov *(Some Tendencies of Socio-Cultural, Economic and Political Development of the North Caucasus in the Late 1960s – Early 1980s)* // Nauka. Innovatsii. Tekhnologii. 2013. No. 2. P.161–172. (In Russian).
2. State Archive of the Stavropol Krai. F. 3844. Inv. 1. D. 9. (In Russian).
3. GASK. F.3844. Inv. 1. D. 11. (In Russian).
4. GASK. F.3844. Inv. 1. D. 12. (In Russian).
5. GASK. F.3844. Inv. 1. D. 13. (In Russian).
6. GASK. F.4127. Inv. 1. D. 941. (In Russian).
7. Istoriya gorodov i sel Stavropol'ya *(History of Towns and Villages of Stavropol)* / ed by D. V. Kochura. Stavropol': SSU publ., 2001. 752 p. (In Russian).
8. Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda RSFSR *(Results of the All-Union Population Census of 1959 RSFSR).* Moscow: Gosstatizdat, 1963. 456 p. (In Russian).
9. Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1970 goda RSFSR *(Results of the All-Union Population Census of 1970 RSFSR).* Moscow: Statistika, 1972. 576 p. (In Russian).
10. Komlev N. G. Slovar' inostrannykh slov *(Dictionary of Foreign Words)*. Moscow: Eksmo, 2006. 669 p. (In Russian).
11. Krai nash Stavropol'e. Ocherki istorii *(Stavropol is Our Krai. Essays on History).* Stavropol': Shat- gora, 1999. 528 p. (In Russian).
12. Lappo G. M. Goroda na puti v budushchee *(Cities on the Way to the Future)*. Moscow: Mysl', 1987. 237 p. (In Russian).
13. Nogina E. V. Sociokul'turnoe razvitie gorodskogo naseleniya Stavropol'ya v 1920–1930 gody: opyt istoricheskogo issledovaniya *(Socio-Cultural Development of the Urban Population of Stavropol in 1920–1930: the Experience of Historical Research):* thesis. Stavropol', 2004. 264 p. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01002740028#?page=1 (Accessed: 05.11.2018). (In Russian).
14. Rakcheev V. N. Urbanizatsiya i osobennosti rasseleniya na Kubani i Stavropol'e v 1930–1950-e gg. *(Urbanization and Features of Resettlement in the Kuban and Stavropol in the 1930s–1950s)* // Istoricheskie nauki, etnologiya i arkheologiya. 2014. No.2. P.84–88. (In Russian).
15. Senyavskii A. S. Urbanizatsiya Rossii v KhKh veke: Rol' v istoricheskom protsesse *(The Urbanization of Russia in the Twentieth Century: The Role in the Historical Process).* Moscow: Nauka, 2003. 288 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Пыркина Елена Игоревна – аспирант кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / alena.pyrkina@yandex.ru

Information about the author

Elena Pyrkina – postgraduate student, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / alena.pyrkina@yandex.ru

УДК 94 (47)

А. В. Танцевова

«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» – ВИКТОРИНА ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В 1920-е гг.

В статье рассматриваются практики конструирования образа «нового человека» на страницах массового советского еженедельника «Огонек» в 1920-е гг. Период 1920-х гг. современные исследователи называют временем начала советской модернизации, направленной на коренную трансформацию культурного, социального, экономического и институционального пространства общества. Советская власть, вырабатывая новую идеологию, выстраивала новую модель человеческих отношений, пропагандировала новые ценности и модели поведения на страницах периодической печати. Журнал «Огонек» был одним из первых еженедельников, который выработал различные практики репрезентации образа советского человека в печати, отвечавшего требованиям большевистской доктрины. Одной из таких форм представления стала игра-викторина «Герой нашего времени», серии которой выходили в журнале «Огонек» со №2 по №15 за 1929 г. В статье проанализированы двенадцать серий игры – викторины, которые дали возможность рассмотреть процесс формирования и отражения образа «нового человека» в журнале «Огонек» в исследуемый период. Серии игры-викторины представлялись в журнале по средствам различных форм информации: словесной и визуальной и были направлены на формирование новых черт советского человека и транслирование новых ценностей: коллективизм, социальный оптимизм, труд, патриотизм, социалистический интернационализм, атеизм. Они были необходимы для создания нового общества на новой ценностно-смысловой, экономической, политической и духовной основах. Эти ценности, положенные в основу формирования мировоззрения советского человека, являлись важными компонентами идеологии и частью новой системы общественных отношений, отвечавшей политическому запросу власти. Такая пропаганда прививала психологически позитивное отношение к происходившим реформам, способствовала моральному стимулированию трудящихся за ударный труд и образцовый быт, создавало базу для внедрения советских ценностных ориентиров и новой культуры. Все это создавало условия для формирования советской идентичности.

Ключевые слова: периодическая печать, журнал «Огонек», советская власть, культурная революция, пропаганда, образ «нового человека», ценности, репрезентация, практики конструирования, викторина.

A. V. Tantsevova

«THE HERO OF OUR TIME» QUIZ IN OGONIOK WEEKLY: PRACTICES OF CONSTRUCTING THE IMAGE OF A NEW MAN IN THE 1920s

The study features practices of constructing the image of a new man by Soviet mass weekly Ogoniok in the 1920s. Modern researchers nominate the period of the 1920s as the beginning of Soviet modernization, aimed at a radical transformation of the cultural, social, economic and institutional space of society. The Soviet leadership was developing new ideology, constructed a new model of interpersonal relations and disseminated new moral values via periodicals. Ogoniok was one of the first weekly magazines which developed various ways of representating the image of a Soviet man in the print media, which conformed to the bolshevic doctrine. One of these forms of presentation was the quiz game “The Hero of Our Time”, a series featured in issues 2–15 in of 1929. The article analyzes twelve game series – quizzes, which made it possible to consider the process of formation and reflection of the image of a “new man” in Ogoniok. A series of quiz games was presented in the magazine in various visual and textual forms. “The Hero of our Time” quiz was aimed at formation of new characteristic features of the Soviet man and dissemination of a new representation of moral values such as social optimism, industriousness, patriotism, international socialist solidarity and atheism. They were necessary for the creation of a new society on a new value-semantic, economic, political and spiritual basis. Those values were the core of the Soviet man’s mindset, Soviet ideology and a new social system. They conformed to the political strategy of the Soviet power at that time. Propaganda instilled a psychologically positive attitude towards the reforms that took place, promoted moral encouragement of the working people for hard work and exemplary life, created the basis for the introduction of Soviet value orientations and a new culture. All these aspects created the conditions for the formation of the Soviet identity.

Key words: print media, Ogoniok magazine, Soviet power, culture revolution, propaganda, image of a new man, values, practices of constructing, quiz.

Период 1920-х гг. современные исследователи называют временем начала советской модернизации, под которой понимают всеобъемлющий процесс обновленческих постреволюционных мероприятий в экономической, социальной, политической, культурной и общественной жизни страны. В процессе формирования новой идеологии власть особо выделяла важность воспитательного элемента в культурных и социальных преобразованиях. Воспитать по-новому, это означало привить те ценности и поведенческие установки, которые вписывались бы в социалистическую картину мира и служили нуждам социально-экономической модернизации страны.

Культурная революция включала целый комплекс мероприятий (преодоление производственной неграмотности рабочих, агрономическое просвещение крестьян, распространение книги и периодических изданий среди трудящихся, преодоление разобщения науки и труда, вовлечение в научное творчество масс трудящихся, мероприятия «по переделке человеческой массы», «культурную мобилизацию» и т.д.) [27, с. 54]. Это был социокультурный слом старых традиций и устоев, построение новых, на революционных началах, важный элемент построения социализма.

Культурная политика большевиков являлась частью долгосрочного общественного эксперимента по строительству организационной и управленческой структуры, призванного «радикально модифицировать поведение человека» [22, с. 12]. Культуру большевики рассматривали как определенный аспект социального мира, как разнородные феномены экономических и политических отношений, которые «редуцировались к культурным различиям» и в перспективе усилиями партии должны были быть преодолены. Такое упрощение действительности, как считают современные исследователи, «порождало новую социальную действительность, новые объекты политического воздействия и новую картографию социальной реальности» [30, с. 41].

Одной из черт проводимой культурной политики была дегуманизация как следствие превалирования роли коллективного начала над индивидуальным: «Личность как цель и идея общественного прогресса растворилась в грандиозных кампаниях, штурмах, охватах, в которых выразила себя культурная революция, ставшая смысловым ядром всех культурных преобразований» [28, с. 16]. Курс на построение социализма в отдельной стране, слом вековых устоев, строительство новой жизни, начавшееся в середине 1920-х гг., политическая борьба за власть, разгромом оппозиции, начало индустриализации, проведение коллективизации – все это выдвигало новые требования к пропаганде и агитации, вело к изменению не только политической и экономической стратегии власти, но и идеологической.

На репрезентацию новых образов и ценностей с целью воздействия на массовое сознание, изменение поведенческих стереотипов в желательном для власти направлении, была направлена периодическая печать. В 1920-е гг. она выступала одним из трансляторов новых ценностей, которые утверждались в советском обществе: коллективизм, социальный оптимизм, труд, патриотизм, социалистический интернационализм, атеизм. Положенные в основу формирования мировоззрения советского человека, эти ценности, являлись важными компонентами идеологии и частью новой системы общественных отношений. Для нового общества нужен был «новый человек». В этой связи через конструирование определенных образов и моделей поведения шло активное формирование новой модели человеческих отношений, пропагандировались новые ценности, являющиеся важными составными частями единого образа советского человека.

Целью статьи является рассмотрение практик конструирования образа «нового человека» на страницах массового советского еженедельника «Огонек», который одним из первых выработал различные формы представления данного образа в печати. Одной из таких форм стала игра-викторина «Герой нашего времени», серии которой выходили в журнале «Огонек» со №2 по №15 за 1929 г. В статье проанализированы двенадцать серий игры – викторины, которые дали возможность рассмотреть практики формирования и отражения образа «нового человека» в журнале «Огонек» в конце 1920-х гг. Данный вопрос в обширной историографии истории формирования «нового человека» не поднимался [22, 23, 24]. К этой теме не обращались и исследователи истории журналистики, хотя история первых советских журналов рассматривалась [1,2].

Журнал «Огонек» на новой идеологической основе был воссоздан в 1923 г.[1]. В 1926 г. он стал Акционерным издательским обществом «Огонек», выпускавшем массовую периодику. Редакция журнала смогла выработать свой особый информационно-пропагандистский потенциал, используя широкий арсенал методов и форм советской пропаганды для репрезентации образа «нового человека». Именно на творческие возможности редакционного коллектива, на привлекательность не только самих материалов, но и форм их подачи разным социальным группам читателей, обращалось внимание в контексте многообразия различных направлений журналистики в 1920-х гг.

В 1928 г., первым в стране, журнал «Огонек» запускает новую развлекательную игру для читателей – викторину, в предисловии к которой отмечает: «Новая игра недавно появившиеся в Амери-

[1] «Огонек» издавался с 1879 г. в г. Санкт-Петербурге как еженедельный иллюстрированный журнал литературы, науки и искусств. Издателем был Г. Гоппе, редактором Н. П. Аловерт. В период контрреформ в 1883 г. был закрыт. Выпуск журнала был возобновлён лишь в 1899 как еженедельного иллюстрированного литературно-художественного приложения к газете «Биржевые ведомости», выпускаемой в г. Санкт-Петербурге крупным издателем С. Проппером. С 1902 г. «Огонек» стал самостоятельным журналом, позиционировавшим себя как журнал для семейного чтения. В 1918 г. журнал был закрыт как антисоветский. В новых реалиях «Огонек» начинает выходить в г. Москве с 1 апреля 1923 г.

ке, которую коренным образом реорганизовав и приспособив к советскому быту «Огонек» вводит у нас» [3, с. 16]. Интеллектуальная игра, состоявшая из ряда вопросов, структурированных по определенной теме, предлагала читателю в игровой форме проверить свои знания и расширить кругозор в понимании идущих в стране процессов модернизации всех сторон общественно-политической и культурной жизни. Первые серии викторины содержали по 50 вопросов из различных областей знаний и назывались: серия первая «Итак мы начинаем» [4, с. 15], серия шестая «Сколько оков» [5, с. 15], серия восьмая «И если минуту подумать» [6, с. 15] и т.д. Первые серии игры-викторины не имели единой тематической линии. В дальнейшем вопросы группировались по определенной тематике, имели конкретизированное название серий.

К концу 1920-х гг. игры-викторины, которые можно рассматривать как особый жанр, стали популярными их печатали многие журналы и газеты Советской России. Редакция «Огонька» писала: «Почти все газеты и журналы вели свою «викторинную» линию по «Огоньку» и стоило последнему видоизменить форму «Викторины» (портреты, схематические контуры, снимки зданий и пр.), как это видоизменение сейчас же отражалась на других изданиях» [20, с. 16]. Игра-викторина быстро приняла «вид культработы» и стала важной формой коммуникации читателя и редакции: «Начав свое победное шествие со страниц «Огонька», «Викторина» прошлась по значительной части советской печати и сделалась какой-то реальной клеточкой перестраиваемого советского быта, одним из маленьких, но ощутимых элементов культурной революции» – отмечала редакция «Огонька», подводя итоги первых серий игры-викторины [20, с. 16].

В год коренного перелома в журнале «Огонек» вышла серия игры-викторины под названием «Герой нашего времени». Данная викторина «методически, серия за серией, проверяла читателей по основным отраслям общественной и трудовой жизни», помогала «выработать в себе» новые качества и черты советского человека [7, с. 13]. Так викторина «Герой нашего времени» заставляла читателя поочередно выступить в роли общественника, клубного работника, спортсмена. Отмечая цель, которую преследовала новая серия игры-викторины, редакция писала: «Задача ее – выявить совокупность отдельных требований, которые наша эпоха социалистического творчества предъявляет к рядовому трудящемуся строителю социализма. Из отдельных деталей должен встать общий облик героя нашего советского времени – человека, в котором гармонируют физические и умственные способности, который одинаково приспособлен и для квалифицированных трудовых процессов. И для веселого разумного отдыха и развлечения. Наш «герой» должен уметь предельно использовать все то бесконечное количество физических и умственных способностей, которыми природа его наделила» [7, с. 12–13].

Серии «Герой нашего времени», посредством развлекательной формы подачи материала, через вопрос-ответ, были направлены на формирование новых черт «нового человека». Для того чтобы рассмотреть в себе черты «нового человека», необходимо было правильно ответить на вопросы викторины. Ответы на все серии викторины, по сути, представляли собой образ идеального советского человека. Читатель мог сравнить в конце игры, насколько он соответствует выдвигаемым требованиям, является ли ««героем времени» – разносторонне развитым, наблюдательным общественником, работоспособным человеком» [7, с. 13]. О значимости данной серии игры-викторины «Огонька» в транслировании образа «нового человека» можно судить по широте охвата читательской аудитории: «Время единичных героев прошло, но мы хотим, чтобы, по крайне мере, миллион читателей «Огонька»» мог ознакомится с ней [7, с. 13]. И это заявление редакции журнала было реализовано, так как тираж «Огонька» в 1929 г. составлял 430 000 экз. в неделю [30, с. 18].

Первая серия игры-викторины «Герой нашего времени» предлагала читателю проверить себя: «Хороший ли вы инспектор?» [8, с. 13]. Редакция разместила «моментальный снимок подъезда одного из московских учреждений, сделанный вездесущим фотографом «Огонька» т. С. Фридляндом» и пригласила читателей «произвести молниеносное обследование в качестве добровольцев – инспекторов РКИ и сейчас же ответить на нижеследующие вопросы: В какой области работает учреждение? Аккуратны ли служащие и долго ли ждут посетители? Как часто созывается производственное совещание? Есть ли выдвиженцы и как их используют? Развита ли самокритика? Есть ли в учреждении кумовство?» [8, с. 13].

Каждый правильный ответ на вопрос давал читателю 10 очков, а собрав наибольшее количество очков, читатель мог по праву «считать себя лучшим среди своих товарищей инспектором – обследователем» [8, с. 13]. При этом редакция предостерегала читателя «воздержаться от преждевременной гордости», ведь следующий номер «Огонька» «принесет вам новые испытания, и вообще путь ваш к званию «Героя нашего времени» будет довольно тернистым. Лишь выдержка, терпение и воля к победе смогут с успехом повести вас по этому пути» [8, с. 13].

Одной из составляющей новой повседневности советского человека был новый быт, новые формы досуга, которые активно пропагандировались на страницах журнала. Издание помещало материалы о клубах и кружках, библиотеках и читальнях, предназначенных для трудящихся. Во второй серии игры, которая называлась «Хороший ли вы жилец?» [9, с. 15], с целью проверки читателя на знание и соблюдение новых бытовых форм поведения, редакция задала разнообразные вопросы по теме быта. Была размещена фотография типичной московской уплотненной комнаты, сделанная С. Фридляндом. Читатель

должен был внимательно рассмотрев фотографию ответить на 20 вопросов: «В каком состоянии потолок нижнего этажа?» [9, с. 15]. (Ответ: «В неблагополучном, судя по тому, что в квартире происходит, очевидно колка дров» [25, с. 15]; «Отчего в комнате сыро?» (Ответ: «В комнате сушат белье что видно из веревки с бельевыми зажимами»); «Что запрещенное находится в комнате?» (Ответ: «Электрическая печь») и т.д. Создание нового быта являлось важной частью социалистического строительства, поэтому печать, так активно освещала изменения в повседневной жизни людей.

Первостепенной задачей советской власти было «воспитание взрослого населения страны» [26, с. 10]. Важнейшее значение играли такие новые формы политического просвещения масс, как школы политграмоты, школы-передвижки, рабочие клубы, красные уголки, избы-читальни, культотделы и т.д. Вопросы культурно-просветительской работы среди рабочих и служащих фабрик, находились в поле зрения корреспондентов и фоторепортеров «Огонька». В десятой серии викторины «Герой нашего времени» читателю предлагалось проверить себя «Хороший ли вы клубный работник?» [17, с. 15].

Еще одной темой, с помощью которой конструировался образ советского человека, была тема здорового образа жизни. «Новый человек» должен был стать не только личностью с новыми ценностными установками, но и быть здоровым и активным членом общества. Физкультура и спорт должны были прочно войти в повседневный быт советских людей. Серия третья викторины предлагала читателю проверить себя «Хороший ли вы физкультурник?». В предисловии к ней редакция писала: «..мы объявляем проверочную недельную мобилизацию мышц. Каждый должен проверить себя. Может быть, под напором розового жирка подались и забились под выступом костей мышцы. Каждый, кто хочет если не быть «Героем нашего времени», то просто не отставать от жизни, пусть проверит, в хорошем ли состоянии его руки, грудь, живот, ноги, и если в этой вашей армии окажутся захиревшие дезертиры, то вести тело в наступление, подтягивая отставших, а для этого пусть каждый попробует: Постоять минуту в таком положении, как изображено на снимке 1; Закрепив ноги под каким-нибудь тяжелым предметом (фот. 2), выпрямиться (фот. 3); Коснуться кончиками пальцев пола, не сгибая колен (фот.4); Продержать руки в положении снимка 5-ого 6 минут; Отойти от стены на расстояние 3 ступеней, упереться головой в стену (снимок 6) и, вытянув руки по швам, не двигая ногами, выпрямиться; Плавно подняться на одной ноге, держа другую параллельно полу (фот. 7)» [10, с. 15]. Выполнение каждого упражнения иллюстрировалось, а правильный ответ приносил читателю 10 очков.

Этой же теме была посвящена и одиннадцатая серия игры-викторины, под названием «Хороший ли вы спортсмен?», в предисловии к которой редакция отмечала: «Нужно лишь помнить, что может прийти время, когда умение и физическая ловкость могут понадобиться не только для таких мирных задач, но и для того чтобы бороться с теми, кто ныне использует предметы не по их прямому назначению пытаясь … войну, изобретая усовершенствованные бомбометы и дальнобойные оружия. Тогда от каждого человека потребуется ловкость и находчивость, которые сможет им дать только спорт» [18, с. 15]. С помощью материалов о физкультуре и спорте журнал пропагандировал не только физическую силу, необходимую для служения советскому государству, но и такие этические нормы, как коллективизм, взаимопомощь, выдержанность и терпение при выполнении ответственных задач.

Ряд серий игры-викторины был посвящен проблеме образования трудящихся. Так, серия четвертая «Хороший ли вы считаете?» предлагала читателю проверить свое умение «держать цифры в руках и умело пользоваться этим замечательным орудием» [11, с. 15]. При этом журнал обосновывал свое «рвение в воспитании счётной грамоты» тем, что «борьба за честную цифру против обманчивой, прикрывающей растратчика, директора у которого только на бумаге понижается себестоимость и хозяйчика-эксплуататора-становится боевой нашей задачей» [11, с. 15]. Серия пятая «Хороший ли вы читатель?», ориентировала на чтение литературы [12, с. 15]; шестая – «Хороший ли вы кинозритель?» предлагала читателю из монтажа снимков русских и иностранных актеров узнать их и указать фильмы, в которых они снимались. За каждый правильный ответ, читатель получал 4 очка [13, с. 15].

Серия седьмая «Хороший ли вы техник» [14, с. 15] разъясняла читателю, что кроме того, что нужно хорошо управлять руками, необходимо иметь и минимальную техническую сообразительность. Читателю предлагалось рассмотреть 20 вопросов, содержащих картинки и придумать как можно больше всевозможных способов использования различных механизмов и приспособлений. На это отводилось 10 минут, и человек должен был проверить себя сам.

Восьмая серия «Хороший ли организатор?» [15, с. 15] была направлена на формирование организаторских способностей и рационализаторских навыков. В предисловии к девятой серии «Хороший ли вы слушатель и оратор?». Редакция писала: «умение разнообразить речь, говорить точно и кратко, не прибегая к иностранным словам – вот важная и нужная задача. На приводимых примерах, попробуйте себя проверить» [16, с. 15]. За каждый правильный ответ читатель получал 2 очка. Читатель должен был успеть в течение трех минут расставить в перепутанных предложениях слова, так чтобы получились осмысленные фразы.

Последней серией викторины стала двенадцатая «Готовы ли вы к обороне?» Редакция «Огонька» предлагала читателю проверить, насколько хорошо он знает военное дело, и если не набирает 100 очков, предлагала «подтянуться». Вступительная часть игры гласила: «От греков и до недавних дней основной специальностью героев

была война. Герой нашего времени совсем не должен ходить в пожарной каске героев Трои или в сдвинутой набекрень казацкой фуражке Крючкова, но, тем не менее, помимо гражданской доблести, обследователя, жильца, техника, спортсмена и т.д., он должен знать и военное дело, чтобы .. ну, вы сами знаете для чего» [19, с. 15]. Формы нового поведения людей, такие как (политическая и общественная активность, жертвенность, физическая выносливость и т.д.), находили отражение в разнообразной тематике викторины «Герой нашего времени» и были направлены на формирование идеального образа советского человека.

Еще одной ценностью, важнейшим моральным стимулом преобразований в Советской стране, новой ценностью был социальный оптимизм, который сквозной невидимой нитью, проходил через все серии игры-викторины «Герой нашего времени». Все серии игры-викторины, как правило, заканчивались призывом, совершенствовать себя и мир вокруг. Вера в «светлое будущее», оптимизм как мировоззрение «нового человека» носил революционно-действенный характер, для него были не характерны пассивное ожидание лучшего будущего и пессимизм.

Игра-Викторина «Герой нашего времени» нашла широкий отклик у читателей и была «самая смелая, самая популярная из игр «Огонька» [21, с. 15]. Об этом свидетельствует итоги игры, которые редакция журнала подвела в пятнадцатом номере за 1929 г., обобщив письма читателей в редакцию. В заключении, завершая игру редакция писала: «Каждое время имеет своих героев…. Быть счастливым у нас в Союзе легко, потому что, когда паровоз идет вперед, делая 100 километров в час, когда каждый день меняется, становится богаче жизнь, – весело и хорошо подкидывать топливо в топку, весело и хорошо работать, весело и хорошо каждую секунду чувствовать себя во всеоружии всех своих умственных и физических сил. Давай все, что дать можешь, и бери от нашей интересной творческой жизни все, что она может дать» [21, с. 16]. Серии игры-викторины «Герой нашего времени» в доступной и понятной для читателя форме представляли и отражали образ «нового человека», и в определенной мере способствовали формированию ценностно-идеологической структуры личности советской эпохи. Достаточно широкий спектр вопросов игры-викторины, посвященных развитию всех сфер жизнедеятельности советского социума, лишний раз подтверждает тот факт, что журнал «Огонек» был предназначен для образованного и грамотного читателя, городского обывателя, подготовленного для восприятия данной информации.

Журнал «Огонек» был одним из первых советских периодических изданий, разработавшим различные формы представления образа советского человека, отвечавшего требованиям большевистской доктрины. Немалую долю своих материалов посвящал пропаганде новых идей и ценностей, в основе которых лежали новые практики, с помощью которых шло создание массовой культуры советского образца, отвечавшей политическому запросу власти. Такая пропаганда прививала психологически позитивное отношение к происходившим реформам, способствовала моральному стимулированию трудящихся за ударный труд и образцовый быт, создавало базу для внедрения советских ценностных ориентиров и новой культуры. Все это создавало условия для формирования советской идентичности.

Источники и литература

1. Белая Г., Скороходов Г. Журналы «Красная Нива», «Прожектор», «Огонек» // Очерки истории русской советской журналистики. 1917−1932. Т. 1. М.: Наука, , 1966. 400 с.

2. Бочинина М. А. Советские массовые журналы двадцатых-тридцатых годов: (на опыте «Красной нови», «Прожектора», «Огонька»): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1984. 25 с.

3. Викторина – новая игра читателей «Огонька» // Огонек. 1928. №2. С.14−15.

4. Викторина – новая игра читателей «Огонька». Серия первая «Итак, мы начинаем» // Огонек. 1928. №2. С.15.

5. Викторина – новая игра читателей «Огонька». Серия шестая «Сколько очков» // Огонек. 1928. №7. С.15.

6. Викторина – новая игра читателей «Огонька». Серия восьмая «И если минуту подумать» // Огонек. 1928. №9. С.15.

7. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька» // Огонек. 1929. №2. С.12–13.

8. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия первая − «Хороший ли вы инспектор?» // Огонек. 1929. №2. С.13.

9. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия вторая «Хороший ли вы жилец?» // Огонек. 1929. №3. С.15.

10. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия третья «Хороший ли вы физкультурник?» // Огонек. 1929. №4. С.15.

11. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия четвертая «Хороший ли вы считаете?» // Огонек.1929. №5. С.15.

12. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия пятая «Хороший ли вы читатель?» // Огонек. 1929. №6. С.15.

13. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия шестая «Хороший ли вы кинозритель?» // Огонек. 1929. №7. С.15.

14. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия седьмая «Хороший ли вы техник?» // Огонек. 1929. №8. С.15.

15. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия восьмая «Хороший ли вы организатор?» // Огонек.1929. №9. С.15.
16. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия девятая «Хороший ли вы слушатель и оратор?» // Огонек.1929. №11. С. 15.
17. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия десятая «Хороший ли вы клубный работник?» // Огонек. 1929. №12. С.15.
18. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия одиннадцатая «Хороший ли вы спортсмен?» // Огонек. 1929. №13. С.15.
19. «Герой нашего времени» − новая игра читателей «Огонька». Серия двенадцатая «Готовы ли вы к обороне?» // Огонек.1929. №14. С.15.
20. Итоги «Викторины». Перед новой игрой читателей «Огонька» // Огонек. 1928. № 52. С.16.
21. Итоги игры «Герой нашего времени» // Огонек.1929. №15. С.15 – 16.
22. Куренной В. Советский эксперимент строительства институтов // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2013. 272 с.
23. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 444 с.
24. Новый человек: Сборник статей. Алма-Ата: Казахстан,1966. 260 с.
25. Ответы к второй серии игры «Герой нашего времени» // Огонек. 1929. №4. С.15.
26. Тираж журнала «Огонек» // Огонек. 1929. №34. С.21.
27. Просвещение и культура. 1921. №7−8. С.50–65.
28. Просвещение и жизнь. 1929. №12. С.15–25.
29. Соскин В. Л. Советская культурная политика в Сибири (1917−1920-е годы). Очерк социальной истории. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2007. 452 с.
30. Хестанов Р. Чем собиралась управлять партия, создав министерство культуры СССР // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2013. С.35–50.

References

1. Belay G., Skorokhodov G. Magazines “Krasnaya Niva”, “Projector”, “Ogonek” // Ocherki istorii russkoj sovetskoj zhurnalistiki 1917−1932 *(Sketches of the History of Russian Soviet Journalism. 1917−1932)*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1966. 400 p. (In Russian).
2. Bochinina M. A. Sovetskie massovye zhurnaly 1920−1930 godov na opyte Krasnoj Novi Prozhektora Ogonka *(Soviet Mass Magazines of the 20s and 30s: (on the experience of Krasnaya Niva, Projector, Ogoniok):* abstract of thesis. Moscow, 1984. 25 p. (In Russian).
3. Viktorina novaya igra chitatelej Ogonka *(Quiz − a New Game for the Readers of Ogoniok)* // Ogonek. 1928. No.2. P.15. (In Russian).
4. Viktorina novaya igra chitatelej Ogonka. Seriya pervaya «My nachinaem» *(Quiz − a New Game for the Readers of Ogoniok. The First Series “So, We Begin”)* // Ogonek. 1928. No. 2. P.15. (In Russian).
5. Viktorina novaya igra chitatele Ogonka. Seriya shestaya skolko ochkov *(Quiz − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Six “How Many Points”)* // Ogonek. 1928. No. 2. P.15. (In Russian).
6. Viktorina novaya igra chitatelej Ogonka. Seriya vosmaya a esli minute podumat *(Quiz − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Eight “ And If You Think A Minute”)* // Ogonek. 1928. No.9. P.15. (In Russian).
7. Geroj nashego vremeni novaya igra chitatelej Ogonka *(“The Hero of Our Time” − a New Game for the Readers of Ogoniok)* // Ogonek. 1929. No.2. P.15. (In Russian).
8. Geroj nashego vremeni novaya igra chitatelej Ogonka. Seriya pervaya horoshij li vy inspektor *(“The Hero of Our Time” − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series One − “Are You a Good Inspector?”)* // Ogonek. 1929. No. 2. P.15. (In Russian).
9. Geroj nashego vremeni novaya igra − chitatelej Ogonka. Seriya vtoraya horoshij li vy zhilec *(“The Hero of Our Time” − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Two “Are You A Good Tenant?”)* // Ogonek.1929. No. 3. P.15. (In Russian).
10. Geroj nashego vremeni novaya igra − chitatelej Ogonka. Seriya tretya horoshij li vy fizkulturnik *(“The Hero of Our Time” − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Three – “Are You a Good PT Professional?»)* // Ogonek.1929. No. 4. P.15. (In Russian).
11. Geroj nashego vremeni novaya igra − chitatelej Ogonka. Seriya chetvertaya horoshij li vy schitaete? *(“The Hero of Our Time” − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Four – “How Wel Do You Count?”l)* // Ogonek.1929. No. 5. P. 20. (In Russian).
12. Geroj nashego vremeni novaya igra − chitatelej Ogonka. Seriya-pyataya-horoshij-li-vy-chitatel *(“The Hero of Our Time” − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Five − “Are You a Good Reader?”)* // Ogonek.1929. No. 6. P. 15. (In Russian).
13. Geroj nashego vremeni novaya igra − chitatelej Ogonka. Seriya shestaya horoshij li vy kinozritel *(«Hero of Our Time» − a new game of readers» Ogonek «. Sixth series − “Are you a good moviegoer?”)* // Ogonek.1929. No. 7. P. 15. (In Russian).
14. Geroj nashego vremeni novaya igra − chitatelej Ogonka. Seriya sedmaya horoshij li vy tekhnik *(“The Hero of Our Time” − a New Game for the Readers of Ogoniok.Series Seven − “Are You a Good Technician?”)* // Ogonek. 1929. No. 8. P.15. (In Russian).
15. Geroj nashego vremeni novaya igra - chitatelej Ogonka. Seriya-vosmaya-horoshij-li-vy-organizator? *(“The Hero of Our Time” − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Eight “Are You a Good Organizer?”)* // Ogonek.1929. No. 9. P.15. (In Russian).

16. Geroj nashego vremeni novaya igra − chitatelej Ogonka. Seriya devyataya horoshij li vy slushatel I orator *("The Hero of Our Time" − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Nine − "Are You a Good Listener And Speaker?")* // Ogonek.1929. No. 11. P.15. (In Russian).

17. Geroj nashego vremeni novaya igra − chitatelej Ogonka. Seriya desyataya horoshij li vy klubnyj rabotnik *("The Hero of Our Time" − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Ten − "Are You a Good Club Worker?")* // Ogonek.1929. No. 12. P. 15. (In Russian).

18. Geroj nashego vremeni novaya igra − chitatelej Ogonka. Seriya odinnadcataya horoshij li vy sportsmen? *("The Hero of Our Time" − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Eleven − "Are You A Good Athlete?")* // Ogonek. 1929. No. 13. P.15. (In Russian).

19. Geroj nashego vremeni novaya igra − chitatelej Ogonka. Seriya dvenadcataya gotovy li vy k oborone? *("The Hero of Our Time" − a New Game for the Readers of Ogoniok. Series Twelve − "Are You Ready for Defense?")* // Ogonek.1929. No. 14. P.15. (In Russian).

20. Itogi viktoriny pered novoj igroj chitatelej Ogonka *(The Results of the Quiz. Before the New Game Of the Readers of Ogoniok)* // Ogonek.1928. No. 52. P. 16.

21. Itogi igry geroj nashegovremeni. *(The results of the game «Hero of Our Time»)* // Ogonek.1929. No. 15. P.15–16. (In Russian).

22. Kurennoj V. Sovetskij ehksperiment stroitelstva institutov vremya vpered kulturnaya politika v SSSR *(Soviet Experiment in Building Institutions // Time, Forward! Cultural Policy in the USSR)* / Ed. I. V. Glushchenko, V. A. Smoked. Moscow: Higher School of Economics, 2013. 272 p. (In Russian).

23. Lebina N. B. Ehnciklopediya banalnostej sovetskaya povsednevnost kontury simvoly znaki *(Encyclopedia of banalities: Soviet Everyday Life: Outlines, Symbols, Signs).* St.Petersburg: Dmitry Bulanin, 2006. 444 p. (In Russian).

24. Novyj chelovek *(New Man).* Collection of articles. Alma-Ata: Kazakhstan, 1966. 260 p. (In Russian).

25. Otvety k vtoroj serii igry geroj nashego vremeni. *(Answers to the Second series of the Game "Hero of Our Time")* // Ogonek. 1929. No. 4. P. 20. (In Russian).

26. Tirazh zhurnala Ogonek *(Circulation of Ogoniok)* // Ogonek. 1929. No. 34. (In Russian).

27. Prosveshchenie-i-kultura *(Education and Culture).* 1921. No. 7–8. (In Russian).

28. Prosveshchenie-i-zhizn *(Education and Life).* 1929. No. 12. (In Russian).

29. Soskin V. L. Sovetskaya kulturnaya politika v sibiri 1917−1920-e gody ocherk socialnoj istorii *(Soskin V. L. Soviet Cultural Policy in Siberia (1917−1920s). Essay on social history):* Novosibirsk, 2007. 452. p. (In Russian).

30. Hestanov R. Chem sobiralas upravlyat partiya sozdav ministerstvo kultury SSSR *(What Was the Party Going to Manage, Having Created the USSR Ministry of Culture)* // Vremya vpered kulturnaya-politika-v-SSSR / ed. I. V. Glushchenko, V. A. Smoked; Moscow, 2013. P.35–50. (In Russian).

Сведения об авторе

Танцевова Анастасия Владимировна − кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и социальных технологий Российского университета транспорта (РУТ, МИИТ) (Москва) / tantsevova@mail.ru

Information about the author

Tantsevova Anastasiya – PhD in History, Associate professor, Chair of Political Sciences, History and Social Technologies, Russian University of Transport (MIIT) (Moscow) / tantsevova@mail.ru

УДК 9. 93

Е. В. Туфанов

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КАДРОВ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ В 1920–1930-е гг.: НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье освящается актуальная для исторической науки проблема, посвященная становлению системы распределения кадрового потенциала партийно-государственной номенклатуры. В представленной работе на основе анализа решений партийных съездов и конференций рассматривается процесс развития системы распределения представителей партийной и государственного аппарата. Кроме того, посредством анализа введенных впервые в научный оборот архивных документов прослеживается развитие распределения работников аппарата управления Северокавказского региона за счет выдвиженцев на руководящую работу представителей местных этносов. Для укрепления своих позиций в национальных регионах, центральная власть старалась привлечь в органы государственного управления национальных районов представителей местного населения. Источники позволили автору выявить, что в исследуемый период окончательно проявился централизованный характер механизма распределения кадров. Центральная власть посредством системы распределения кадров расставляла на руководящие позиции в партийных и советских учреждениях в центре и регионах свой кадровый потенциал обеспечивала проведение политики партии в советском обществе. Функции партийного аппарата в области распределение кадров являлись системообразующим элементом партийно-государственной модели Советского государства.

Ключевые слова: Советская политическая система, назначенство, учетно-распределительный отдел, РКП(б), центральный комитет, номенклатура должностей, аппарат управления, выдвиженцы, кадровая политика, номенклатурный принцип.

E. V. Tufanov

FORMATION OF THE PERSONNEL DISTRIBUTION SYSTEM DURING THE FORMATION OF THE PARTY-STATE NOMENCLATURE IN THE 1920S–1930s: ON THE MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS

The article studies the problem of forming the system of distribution of personnel potential of the party and state nomenclature, which is relevant for history studies. The article considers the process of developing the system of distribution of party and state apparatus representatives on the basis of the analysis of decisions taken at party congresses and conferences. In addition, through the analysis of archival documents introduced for the first time in scientific circulation, the issue of distribution of employees of the administration of the North Caucasus region at the expense of nominees for leadership of representatives of the local ethnic group is traced. In order to strengthen its position in the national regions, the Central government tried to involve representatives of the local population in the public administration of the national areas. The sources allowed the author to reveal that the centralized nature of the personnel distribution mechanism. The Central government, through the system of personnel distribution, placed its personnel potential in leading positions in the party and Soviet institutions in the center and in the regions, ensured the implementation of the party's policy in Soviet society. The functions of the party apparatus in the field of personnel distribution were the backbone element of the party-state model of the Soviet state.

Key words: Soviet political system, appointment, accounting and distribution Department, RCP(b), Central Committee, nomenclature of positions, management apparatus, nominees, personnel policy, nomenclature principle.

В отечественной историографии одним из актуальных направлений исследований в настоящее время является проблема становление системы распределения кадрового потенциала в период формирования партийно-государственной номенклатуры Советской России.

Проблеме становления системы распределения кадров в период 1920–1930-х гг. посвящен ряд работ российских историков. Особенно следует отметить работы Е. Г. Гимпельсона, так как в его монографиях реконструирована система становления распределения кадров в центральных органах управления. Однако автор не рассматривает региональный уровень, где присутствуют определенные [4; 5; 6; 7]. С. А. Павлюченков в своей работе «Орден меченосцев», опираясь на архивные документы, исследует процесс становления системы учета и распределения кадров в рамках функционирования номенклатурного принципа управления [20]. На регио-

нальном уровне советскую кадровую политику и формирование номенклатурной системы затрагивал Ю. Ю. Карпов [19]. Однако историк исследует процесс формирования местного аппарата управления, на фоне «национального вопроса» в условиях функционирования советской системы управления. При этом не уделяет внимание другим компонентам становления системы учета и распределения кадров. Необходимо выделить исследования М. А. Гутиевой, в которых исследуется процесс становления системы распределения национального кадрового потенциала Северокавказского региона [8; 9].

Таким образом, целью данного исследования является изучение процесса становления системы распределения кадров партийно-государственной номенклатуры в период функционирования советской политической системы на Северном Кавказе.

Одной из актуальных задач центрального руководства являлся подбор и распределение кадрового потенциала на ключевые посты в партийные и государственные органы управления. Строгая дисциплина, принцип единоначалия, беспрекословное подчинение низших партийных организаций высшим, являлось внутрипартийным законом. Экстремальные условия сохранения власти обусловливало такое явление как назначенство. На принципах назначенства формировались многочисленные органы управления [29, с. 156]. Данный принцип лег в основу функционирования партийных комитетов различного уровня. Необходимо отметить, что партийный аппарат изначально берет на себя функции распределения кадров не только на партийном уровне, но и на руководящие советские должности.

Строительство системы управления в недрах партии по военным лекалам, оправдывались на VIII и IX-х партийных съездах [1]. В каждом партийном комитете и Центральном комитете партии формировались Учетно-распределительные отделы, которые были призваны организовать всю кадровую работу. Принятый на VIII Всероссийской конференции РКП(б) партийный устав установил окончательную структуру партийного устройства и утвердил их функциональные обязанности [2].

В соответствии с постановлением VIII съезда партии большевиков в структуре ЦК, был сформирован Секретариат Центрального Комитета [1, с. 442–443]. В Секретариате был образован Учетно-распределительный отдел. Его основной задачей является не только учет членов партии, но и последующее распределение их на посты в государственных, хозяйственных партийных и профсоюзных учреждениях и организациях. Важным способом распределения кадрового партийного потенциала была переброска руководящих партийных работников из одного региона в другой. Данная практика возникла еще согласно решениям VIII съезда РКП(б), где согласно резолюции по организационному вопросу отмечалось: «В каждой губернии губернские силы распределяются губернским комитетом партии, в столицах – городским комитетам под общим руководством Центрального Комитета. Центральному комитету поручается вести борьбу против местничества, сепаратизма в этих вопросах. Центральному Комитету поручается систематически перемещать из одной отрасли работы в другую и из одного района в другой партийных работников в целях наиболее продуктивного использования их» [1, с. 444]. Переброска кадров стала первым актом создания системы кадрового распределения и назначения управленца. Она продемонстрировала, то, что политика назначенства прочно вошла в практику деятельности центральных органов партии.

Создание отдельной структуры распределения и учета кадров в системе партийного управления свидетельствует о том, что большевики уделяли огромное внимание кадровому вопросу. Практика перемещений советских и партийных руководителей была продиктована комплексом причин: кадровый голод в органах партийного и советского аппарата управления и постановление IX Всероссийской конференции РКП(б) об очередных задачах партийного строительства, которая констатировала: «В центре и на местах необходимо систематически перемещать ответственных работников с места на место, дабы дать им возможность шире изучить советский и партийный аппарат и облегчить им задачу борьбы с рутиной» [26, с.280]. Переброска кадров проходила в различных направлениях: как из столицы в провинцию, так и в обратном направлении. Согласно плану работы ЦК РКП(б) принятому на X Всероссийской конференции РКП(б): Основные задачи партийно-государственной работы в настоящее время требует сосредоточить главное внимание на распределении кадрового потенциала партии, что в первую очередь связано с выдвижением новых управленцев и переброской их на более сложную и важную работу. Также конференция требует усиление деятельности органов учета и распределения всех уровней путем учета всех резервных сил партии. К этому периоду времени все партийные работники были разделены на три категории масштаба: губернского, областного и уездного уровня [26, л. 10–11]. Соответственно выстраивалась система партийных отделов применительно к уровню их ответственности. Такая схема деления ответственных работников на категории по уровню, является первой ступенью к будущей номенклатуре должностей.

Огромное значение в кадровом вопросе сыграла Всероссийская перепись членов РКП(б). Так как для формирования системы распределения и назначения необходимо было знать количественный и качественный состав партии [23, л. 35]. Следует отметить, также совещание секретарей губкомов и обкомов во время XI партийной конференции, где было принята резолюция по учету и распределению партийных работников [24, л. 3]. Таким образом, был сделан шаг в направлении становления номенклатурного подбора и распределения партийных работников.

Передвижение большого количества управленцев в различные регионы в мирное время было уже не столь эффективным, как это в годы Гражданской войны. Требовались другие формы и методы контроля за партийной массой аппаратом управления. Таким методом распределения партийных кадровых резервов явилась переброска ответственных партийных работников из региона в регион. Переброска управленцев стала первой серьезной попыткой создание системы распределения и назначения управленцев. Система переброски кадров ярко продемонстрировала, что политика назначенства на «избираемые» руководящие должности становилась основным методом работы Центрального Комитета. Запланированный перевод управленцев из одной партийной организации в другую и есть официальное признание того, что выдвижение снизу отсутствовало – так как местах голосовали за тех, кого присылали из вышестоящего партийного органа. Таким образом, кадровым потенциалом на избираемых должностях распоряжались не партийные массы, а сотрудники партийного аппарата управления. Следовательно, выдвижение и продвижение сотрудника аппарата зависит не от трудящейся массы, а от специализированного вышестоящего органа распределения кадров. Данный факт являлся показателем бюрократических методов работы партийного аппарата. В это время номенклатурная система как таковая, еще была не сформирована. Но методы функционирования номенклатуры и ее деятельности уже были заложены: система назначенства на избираемые должности по указанию вышестоящих органов, их безотчетность перед членами партии, полная зависимость ответственного работника от воли вышестоящего партийного органа.

Согласно специально принятому постановлению по оргвопросам, который утвердил Пленум Центрального Комитета от 24 февраля 1923 г., Секретариат Центрального Комитета имел право распределять партийный кадровый потенциал не выше губернского уровня. Оргбюро распределяло работников не выше областного уровня. Для выполнения задач, поставленных XII партийным съездом: усиление партийного руководства в кадровом вопросе подготовки и отбора руководителей для советских, и других органов [10, с. 728], начинается работа по сбору списков руководящего ядра регионального и республиканского масштаба [12–18]. Вырабатывается единая схема распределения работников по должностям. Водятся номенклатуры должностей для всех центральных учреждений и их региональных органов. Указывается примерное количество штатных должностей [22, л. 1–282]. В марте 1924 г. Центральный Комитет утверждает 3 вида номенклатур: номенклатуру №1, куда входили 2855 должностей, кандидаты на которые утверждались ЦК, номенклатуру №2, состоящую 3232 должностей, находившиеся в ведение Учраспредотдела ЦК и номенклатуру №3, как ведомственную номенклатуру, состоящую из 3064 должностей [21, л. 1–125].

Следует отметить, что большая часть назначений в 1920-е гг. определяла не партийное руководство (ЦК и Оргбюро ЦК), а рядовые работники распределительного отдела. По номенклатурам проходили не только государственные учреждения, но и общественные организации. По этому принципу распределялись и выпускники высших учебных заведений – члены партии. Распределением и назначениям по номенклатурным спискам подвергались не только члены партии, но и беспартийные специалисты. Орграспредотдел ЦК стал системообразующим органом, который распределял всех работников-назначенцев. Сформированный государственный аппарат должен был руководствоваться, рекомендациями узкого круга политических лидеров. Номенклатурная система окончательно сформировалась в 1930-е гг., а в последующие годы функционирования СССР только совершенствовалась. Так номенклатурный кадровый потенциал являлся основным претендентом на вакантную управленческую должность, как в партийном, так и государственном аппарате управления. Став частью номенклатуры, член партии трансформировался в универсального управленца и мог по решению партии возглавить любую структуру или предприятие. Все вопросы назначения ответственных работников и руководителей в государстве контролировал партийный аппарат. Тем самым номенклатура – охватывала все общество, а на самой вершине в ЦК правящей партии достигалась наивысшая концентрация государственной и партийной власти.

ВКП(б) в силу объективных факторов, таких как самовоспроизводства, внутренней саморегуляции, контролирование материальных благ, создает систему с военной простотой и жесткостью своих членов. Основным элементом данной системы стала привилегия распределения и утверждения на руководящие должности тех претендентов, которые соответствовали всем требованиям ВКП(б), и советской системы управления.

Формирование советской системы управления и становления группы региональных ответственных работников на Северном Кавказе было напрямую связано с решением национального вопроса. Для укрепления государственных позиций в национальных регионах, центральная власть всячески привлекала в аппарат партийного и советского управления представителей коренного этноса. Для формирования номенклатуры на места, как социальной опоры власти в регионах, государство в 1920–1930 гг. начинает реализовывать политику выдвижения региональных лидеров на руководящую работу в органах советского и партийного аппарата управления. Проводя политику выдвижения, государственная власть через агитацию привлекала автохтонное население к деятельности в местных органах государственной власти. Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет, предлагал с целью повышения качественного уровня управленцев увеличить кадровый потенциал за счет выдви-

женцев на руководящую работу подготовленных националов общественников, приступить к подготовке и переподготовке кадров путем созыва курсов, также увеличить состав аульских советов до 15–21 товарищей вовлекая женщин и молодежь [3, л. 91–97].

В исследуемый период выдвижение на Северном Кавказе осуществлялось на лидирующие должности по двум критериям: 1) кандидат обязан был разделять идеологию коммунистической партии; 2) быть представителем коренного этноса региона. На заседании бюро Северо – Кавказский крайкома ВКП(б) 12 апреля 1925 г., был заслушан доклад о состоянии работы в национальных областях. На основе доклада был сформирован план распределения выдвиженцев – националов в краевые органы управления советской и партийной власти. Согласно разверстке Северная Осетия должна выдвинуть в различные краевые органы управления 8 человек: 4 члена партии и 4 беспартийных, Ингушетия – 6 человек: 3 члена партии и 3 беспартийных, Чечня – 7 человек: 1 член партии, 6 беспартийных, Карачаево-Черкессия – 8 человек: 2 члена партии, 6 беспартийных, Кабардино – Балкария – 7 человек: 3 члена партии, 4 беспартийных, Адыгейско-Черкесская область – 6 человек: 2 члена партии, 4 беспартийных [27, л. 14]. Выдвиженцы должны были быть согласно плану представлены в краевых органах управления: земельный отдел – 2, прокуратура – 1, отдел народного образования – 1, госстрах – 2, потребкооперация 1, рабоче-крестьянская инспекция – 1, Крайком – 1, Крайисполком – 2, РЛКСМ – 2 и другие краевые органы власти [27, л. 19].

Выдвижение представителей местных этносов в состав государственных руководителей содействовало консолидации местного населения и власти. Согласно плану на 1929/1930, 1930/1931, 1931/1932 гг. подготовки и переподготовки кадров советских работников Северо-Осетинской автономной области должны были пройти переподготовку 200 работников сельских советов, осуществить подготовку 200 новых работников для местных советов, повысить квалификацию 100 работников областного и окружных исполнительных комитетов, подготовить 200 счетных специалистов, технических работников советов (машинисток) – 90, также организовать переподготовку 30 милиционеров [28, л. 292].

Выборность трансформировалась в формальность в существующей политической системе и назначенство стало основным структурным инструментом бюрократической системы управления в государстве. Таким образом, новые ответственные работники, востребованные для решения актуальных проблем страны, являлись фундаментом, на котором возводилась советская политическая система в многонациональном крае, но в тоже время местный кадровый резерв старался сохранить традиции и обычаи соответствующие его этносу.

Таким образом, система распределения кадрового потенциала за исследуемый период претерпела существенные изменения, хотя многие ее элементы продолжили свое существование в советской политической системе. Создание органов учета и распределения в недрах партийного аппарата, а впоследствии введение номенклатуры стали двумя этапами на пути систематизации и централизации распределительной деятельности партийного аппарата. Для исследуемого хронологического периода характерна, как система назначенства и массовых переброс, так и распределение отдельных управленцев, вызываемого комплексом причин: дефицитом кадров, стремлением к ликвидации групповщины и конфликтов.

Система распределения управленцев является одним из основных элементов функционирования номенклатурных списков должностей и обязательной составляющей при выборах партийных и советских работников. Их главный принцип – максимальная замена беспартийных руководителей, членами РКП(б) – ВКП(б), на высшие посты назначались коммунисты, по мере снижения должностей повышался процент беспартийных. Вследствие постоянных перемещений работников сокращался их стаж работы в данной должности. Продвижение кадров по служебной лестнице определялось не их профессиональной подготовкой и опытом, а чисто политическими критериями. При этом мало считались с низким уровнем образования. Пополнение кадров партийно-государственного аппарата управления шло за счет молодого контингента советского общества.

Через номенклатурный механизм партийный аппарат управления находил и обучал будущих работников способных решать сложные государственные задачи. В результате полной зависимости номенклатурного управленца от вышестоящего партийного органа увеличивалась их ответственность за исполнение поставленных задач. Единая монополия в государстве не давала управленцу выбора, любая поставленная задача должна быть выполнена в полном объеме. Центральная власть посредством системы распределения кадров расставляла на руководящие позиции в партийных и советских учреждениях в центре и регионах свой кадровый потенциал обеспечивала проведение линии партии в огромном советском обществе. Следовательно, функции партийного аппарата в области распределение кадров являлись системообразующим элементом партийно-государственной модели Советского государства.

Источники и литература

1. Восьмой съезд РКП(б). По организационному вопросу. // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М.: Политиздат, 1954. С.441–447.

2. Восьмой съезд РКП(б). Устав Российской коммунистической партии (большевиков). // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М.: Политиздат, 1954. С. 461–472.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф.1485. Оп.8. Д.182. Л. 91–97.
4. Гимпельсон Е. Г. НЭП и Советская политическая система 20-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 437 с.
5. Гимпельсон Е. Г. НЭП Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М.: Собрание, 2004. 303 с.
6. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. М.: ИРИ РАН, 1998. 257 с.
7. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М.: ИРИ РАН, 2001. 225 с.
8. Гутиева М. А. Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе // Гуманитарные и социальные науки 2011. №1. С.2–7.
9. Гутиева М. А. Взаимодействие центральных и местных органов власти в условиях формирования советской модели управления Северным Кавказом (1917–1939 гг.). // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. №2 С.53–59.
10. Двенадцатый съезд РКП(б). По организационному вопросу. // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М.: Политиздат, 1954. С. 728.
11. Девятый съезд РКП(б). По организационному вопросу. // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М.: Политиздат, 1954. С. 497–501.
12. Известия ЦК РКП (б). 1922. №45.
13. Известия ЦК РКП (б). 1923. №50.
14. Известия ЦК РКП (б). 1923. №51.
15. Известия ЦК РКП (б). 1923. №53.
16. Известия ЦК РКП (б). 1923. №55-56.
17. Известия ЦК РКП (б). 1923. №59.
18. Известия ЦК РКП (б).1924. №62-52.
19. Карпов Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX века: эволюция проблем и решений. СПб: Петербургское востоковедение, 2017. 397 с.
20. Павлюченков С. А. «Орден Меченосцев». Партия и власть после революции 1917–1920 гг. М.: Собрание, 2008. 464 с.
21. РГСПИ Ф. 17. Оп. 34, Д. 256, Л.1-125.
22. РГСПИ Ф. 17. Оп. 34, Д. 95, Л.1-282.
23. РГСПИ Ф. 17. Оп. 34. Д.13. Л. 35 об.
24. РГСПИ Ф. 17. Оп. 34. Д.24. Л. 3 об.
25. Резолюции и постановления IX Всероссийской конференции РКП(б). Об очередных задачах партийного строительства. // Девятая конференция РКП(б) сентябрь 1920 года. протоколы. М.: Полиздат, 1972. С. 280
26. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия Алания. Р.-46, Оп.1, Д.40. Л.292.
27. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р-7, Оп. 1. Д.113. Л.14.
28. ЦДНИРО. Р.-46. Оп.1. Д.40
29. Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия северо-запада советской России 1920-х годов. СПб.: Европейский дом, 2007. 293 с.

References

1. Vos'moy s»ezd RKP(b). Po organizatsionnomu voprosu *(The Eighth Congress of the RCP(b). On the Organizational Issue)* // KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s»ezdov konferentsiy i plenumov TsK. Chast' II. 1898–1924. Moscow: Politizdat, 1954. P.441–447. (In Russian)
2. Vos'moy s»ezd RKP(b). Ustav Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov) *(The Eighth Congress of the RCP(b). Statute of the Russian Communist party (Bolsheviks)* // KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s»ezdov konferentsiy i plenumov TsK. Chast' II. 1898–1924. Moscow: Politizdat, 1954. P.461–472. (In Russian)
3. State archive of Rostov territory. F.1485. Inv.8. D.182. L. 91-97. (In Russian)
4. Gimpel'son E.G. NEP i Sovetskaya politicheskaya sistema 20-e gody *(NEP and Soviet Political System in 1920s).* Moscow: IRH RAS, 2000. 437 p. (In Russian)
5. Gimpel'son E. G. NEP Novaya ekonomicheskaya politika Lenina – Stalina. Problemy i uroki. (20-e gody XX veka) *(New Economic Policy of Lenin and Stalin. Problems and Outcomes)*. Moscow: Sobranie, 2004. 303 p. (In Russian)
6. Gimpel'son E. G. Sovetskie upravlentsy 1917–1920 gg. *(Soviet Managers in 1917–1920).* Moscow: IRH RAS, 1998. 257 p. (In Russian)
7. Gimpel'son E. G. Sovetskie upravlentsy 20-e gody (Rukovodyashchie kadry gosudarstvennogo apparata SSSR) *(Soviet Managers in 1917–1920. Governing Staff State And Party of USSR).* Moscow: IRH RAS, 2001. 225 p. (In Russian)
8. Gutieva M. A. Politika korenizatsii kadrov i osobennosti ee realizatsii na Severnom Kavkaze *(Policy os Staff Indigenization and Peculiarities of its Practice in the North Caucasus)* // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki 2011. No.1. P.2–7. (In Russian)
9. Gutieva M. A. Vzaimodeystvie tsentral'nykh i mestnykh organov vlasti v usloviyakh formirovaniya sovetskoy modeli upravleniya Severnym Kavkazom (1917–1939 gg.) *(Interaction of Central and Local Authorities in the Formation of the Soviet Model of Governance of the North Caucasus (1917–1939)* // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2011. No. 2 P.53–59. (In Russian)
10. Dvenadtsatyy s»ezd RKP(b). Po organizatsionnomu voprosu *(The Twelfth Congress of the RCP(b). On the organizational issue)* // KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s»ezdov konferentsiy i plenumov TsK. Part II. 1898–1924. Moscow: Politizdat, 1954. P.728. (In Russian)

11. Devyatyy s»ezd RKP(b). Po organizatsionnomu voprosu *(The Nineth Congress of the RCP(b). On the Organizational Issue)* // KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s»ezdov konferentsiy i plenumov TsK. Chast' II. 1898–1924. Moscow: Politizdat, 1954. P.497–501. (In Russian)
12. Izvestiya TsK RKP(b). 1922. No. 45. (In Russian)
13. Izvestiya TsK RKP(b). 1923. No. 50. (In Russian)
14. Izvestiya TsK RKP(b). 1923. No. 1. (In Russian)
15. Izvestiya TsK RKP(b). 1923. No. 53. (In Russian)
16. Izvestiya TsK RKP(b). 1923. No. 55-56. (In Russian)
17. Izvestiya TsK RKP(b). 1923. No. 59. (In Russian)
18. Izvestiya TsK RKP(b).1924. No. 62-52. (In Russian)
19. Karpov Yu. Yu. Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoy periferii v 20–30-e gg. XX veka: evolyutsiya problem i resheniy *(National Policy of the Soviet state in the North Caucasus Periphery in the 20-30s of the XX Century: the Evolution of Problems and Solutions)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2017. 397 p. (In Russian)
20. Pavlyuchenkov S. A. «Orden Mechenostsev». Partiya i vlast' posle revolyutsii 1917–1920 gg. *("The Knights of the Sword". The Party and Government after the Revolution, 1917–1920)*. Moscow: Sobranie, 2008. 464 p. (In Russian)
21. RGSPI F. 17. Inv. 34, D. 256, L.1-125. (In Russian)
22. RGSPI F. 17. Inv. 34, D. 95, L.1-282. (In Russian)
23. RGSPI F. 17. Inv. 34. D.13. L. 35 ob. (In Russian)
24. RGSPI F. 17. Inv. 34. D.24. L. 3 ob. (In Russian)
25. RGSPI. F.17. Inv.34. D.24. L.10 ob- 11. (In Russian)
26. Rezolyutsii i postanovleniya IX Vserossiyskoy konferentsii RKP(b). Ob ocherednykh zadachakh partiynogo stroitel'stva *(Resolutions and Resolutions of the IX all-Russian Conference of RCP(b). On the Following Tasks of Party Construction)* // Devyataya konferentsiya RKP (b) sentyabr' 1920 goda. protokoly. Moscow: Polizdat, 1972. P.280. (In Russian)
27. Central state archive of North Ossetia-Alania Republic. R.-46, Inv.1, D.40. L.292. (In Russian)
28. Centre of documentation of recent history of Rostov territory. (TsDNIRO). F.R-7. Inv. 1. D.113. L.14. (In Russian)
29. TsDNIRO. F.R-46. Inv. 1. D.40. (In Russian)
30. Chistikov A. N. Partiyno-gosudarstvennaya byurokratiya severo-zapada sovetskoy Rossii 1920-kh godov *(Party Beauracracy in the North-West of Soviet Russia in the 1920s)*. St. Petersburg: Evropeyskiy dom, 2007. 293 p. (In Russian)

Сведения об авторе
Туфанов Евгений Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / e.vt@mail.ru

Information about the author
Tufanov Evgenii – PhD in Historical Sciences, Associate professor, Chair of Philosophy and History, Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / e.vt@mail.ru

УДК 378.147

М. А. Бычко, И. А. Комаревцева

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ И ПЕРЕПОДГОТОВКЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В условиях развития цифровых технологий при эффективном использовании дистанционных форм обучения возможно повысить качество подготовки и переподготовки юристов. Присоединение России к Болонской декларации требует исполнения ею соответствующих обязательств и означает включение России в процесс формирования единого общеевропейского образовательного процесса. В целях повышения качества юридического образования необходима грамотная адаптация болонских положений на российской почве с учётом уже накопленного европейского опыта и отечественных научных, педагогических и культурных традиций. Вызывает сомнения достаточность срока обучения для получения степени бакалавра. Внедрение в образовательный процесс бакалавров обязательного дистанционного курса, стало бы идеальным решением для формирования практических навыков юриста. В рамках такого дистанционного курса целесообразно использовать общедоступные информационно-правовые системы типа Консультант Плюс, Гарант. Имеющийся в них функционал «конструктор договоров» и «конструктор правовых документов» может выполнять роль «тренажеров» для обучающихся при подготовке правовых документов. Использование дистанционных технологий позволит максимально снизить затраты на обучение, одновременно повысив уровень профессиональной подготовки специалистов. В отличие от подготовки юристов переподготовка юридических кадров возможна исключительно посредством дистанционного обучения.

Ключевые слова: юридическое образование, цифровые технологии, педагогические технологии, дистанционное обучение, профессиональная компетентность педагога.

M. A. Bychko, I. A. Komarevceva

THE USE OF DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES IN TRAINING AND RETRAINING OF LEGAL PERSONNEL: THE PROBLEM STATEMENT

In the context of the development of digital technologies with the effective use of distance learning it is possible to improve the quality of training and retraining of lawyers. Russia's accession to the Bologna Declaration requires the fulfillment of its respective obligations and means the inclusion of Russia in the process of forming a single European educational process. In order to improve the quality of legal education, competent adaptation of Bologna provisions is necessary with the account of already accumulated European experience and domestic scientific, pedagogical and cultural traditions. It is doubtful whether the period of study for a bachelor degree is sufficient. The introduction of a compulsory distance course in the educational process of bachelor studies would be an ideal solution for the formation of practical skills of a lawyer. As part of this distance learning course, it is advisable to use public information and legal systems such as Consultant Plus and Garant. The functionality of "contract designer" and "legal document designer" available in the software can serve as "simulators" for students in the preparation of legal documents. The use of remote technologies will allow minimizing the cost of training, while increasing the level of professional training. In contrast to the training of lawyers, retraining of legal personnel is possible only through distance learning.

Key words: legal education, digital technologies, pedagogical technologies, distance learning, professional competence of a teacher.

Современный период развития российского юридического образования характеризуется масштабным его реформированием, в основе которого лежат несколько взаимосвязанных факторов.

Прежде всего, речь идет о таком знаковом для всего российского образования событии, как присоединение России в 2003 г. к Болонской декларации, что требует исполнения ею соответствующих обязательств [3]. В результате Российская Федерация официально присоединилась к процессу формирования единого общеевропейского образовательного процесса. По нашему мнению,

грамотная адаптация болонских положений на российской почве с учётом уже накопленного европейского опыта и отечественных научных, педагогических и культурных традиций будет способствовать улучшению всех показателей юридического образования.

Также огромную роль в процессе реформирования отечественного юридического образования играют федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), благодаря которым существенным образом изменилась концепция современного юридического образования, обновилась его структура, принципы и содержание.

Еще одно обстоятельство, которое задало вектор модернизации российского юридического образования связано с изданием Указа Президента РФ от 26.05.2009 N 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» [10]. Данный нормативный документ был призван навести порядок на рынке образовательных услуг, в частности, путем оптимизации процесса общественной аккредитации лицензирования деятельности образовательных учреждений. Заметная роль в этом процессе отведена Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». На первый взгляд, издание Указа продиктовано причинами внутреннего свойства: необоснованным ростом количества юридических вузов, подготовкой юристов низкой квалификации, снижением требований к качеству образования или прямым нарушением этих требований. Однако, похожие обстоятельства можно наблюдать не только на национальной, но и на международной арене: в международном аспекте наблюдается «массовость» образования, особенно гуманитарного, расширяется сегмент частного образования, наблюдается слабо выраженная корреляция между профессиональным профилем выпускников и потребностями рынка в специалистах.

Таким образом, указанные выше факторы, определяющие направления развития и реформирования отечественного высшего юридического образования, сложились под влиянием новых реалий международного масштаба.

На современном этапе развития российского юридического образования, который характеризуется практическим воплощением нормативов стандарта третьего поколения, основной задачей образовательного процесса выступает реализация заложенного в образовательном стандарте компетентностного подхода, формирование компетенций. В этой связи актуализируется вопрос о педагогических технологиях, способных привести к заявленному в новом образовательном стандарте результату. Современное российское юридическое образование требует применения педагогических технологий, которые способны решать задачи по обучению студентов навыкам самостоятельного поиска и освоения знаний, которые дают студентам возможность сформировать знания о своем незнании. В этом связи особое значение приобретает рассмотрение вопроса о путях реализации таких педагогических технологий в современной российской образовательной среде.

Говоря об актуальности темы настоящего исследования нельзя не согласиться с мнением Э. А. Нерсесян, которая в контексте правового образования говорит о необходимости изучения проблем применения педагогических технологий, что обусловлено, по ее мнению, тем фактом, что роль педагога в ходе образовательного процесса не сводится к передаче студенту необходимого объема правовых знаний, педагог также должен привить студенту элементы правовой культуры, научить практическому применению полученных знаний [5].

Особое внимание необходимо уделить особенностям развития современного юридического образования в цифровую эпоху, на фоне всеобъемлющей цифровизации различных сфер жизни общества. Возможность использования цифровых технологий в образовательном процессе закреплена на законодательном уровне. Так, в законе «Об образовании в Российской Федерации» [11] к средствам обучения и образования относятся, помимо всего прочего, информационно-телекоммуникационные сети, электронные образовательные ресурсы. В соответствии со ст. 13 названного закона при реализации образовательных программ допустимо использование электронного обучения.

Сегодня в России идет процесс зарождения и становления системы подготовки, переподготовки кадров, в том числе и юридических, в условиях развития цифровых технологий. Вопросы подготовки и переподготовки юридических кадров в условиях развития цифровых технологий в последнее время привлекают пристальное внимание ученых. В педагогической доктрине имеется определенный научный задел в рассматриваемой сфере. Однако, в целом, имеющиеся на сегодняшний день работы затрагивают лишь отдельные аспекты проблематики в области подготовки и переподготовки юридических кадров в цифровую эпоху. Так, например, некоторые авторы анализируют вопросы применения в юридическом образовании конкретных информационных ресурсов и средств обучения [2, 6].

Вопросы трансформации юридического образования в эпоху цифровых технологий привлекают внимание не только российских, но и зарубежных авторов. В частности, У. Бинфорд анализирует особенности юридического образования в XXI веке, уделяя внимание таким вопросам, как: влияние цифровых технологий на юридическое образование, обучающее программное обеспечение, онлайн сообщества, социальные сети, электронные учебники, и т.п. [14]. Многие авторы рассуждают о необходимости повышения цифровой грамотности участников юридического образовательного процесса [13].

Проблемы современного юридического образования обсуждаются в формате конференций. Так, например, в рамках IV Петербургского меж-

дународного юридического форума была проведена конференция по юридическому образованию, где представители ведущих юридических вузов России особое внимание уделили вопросам юридического образования в современных условиях развития цифровых технологий [8]. Особо следует отметить ежегодные конференции Legal tech, посвященные внедрению IT-технологий в юриспруденцию (2016–2018 гг.).

Несмотря на существующие теоретические и практические предпосылки эффективного применения системы подготовки и переподготовки юридических кадров в условиях развития цифровых технологий, многие проблемы в отечественной теории остаются недостаточно разработанными. Главным образом, это обстоятельство связано с тем, что в нашей стране данная проблема актуализировалась сравнительно недавно.

Итак, актуальность настоящего исследования обусловлена высокой теоретической и практической значимостью вопросов применения педагогических технологий в юридическом образовании в современных условиях развития государства и общества.

Одним из возможных направлений развития системы подготовки и переподготовки юристов на современном этапе является дистанционное обучение. Полагаем популярность дистанционного обучения будет расти в современных условиях цифровизации различных сфер общественной жизни, в том числе и образования.

Дистанционное обучение рассматривается как самостоятельная образовательная технология, в рамках которой взаимодействие между педагогом и обучающимся происходит удаленно. При этом обучающийся отделен от преподавателя как в пространстве, так и иногда во времени, но у него существует возможность в любой момент инициировать диалог с педагогом с помощью средств цифровой коммуникации.

На этапе принятия решения о внедрении дистанционного обучения ВУЗ должен определиться с моделью дистанционного обучения. Возможно это будет наиболее простая кейсовая модель, при которой разработанные кейсовые задания рассылаются обучающимся по электронной почте. Данная модель не требует от вуза значительных финансовых вложений. С другой стороны, при использовании кейсовой модели дистанционного обучения, обратная связь преподавателя и обучающегося будет сведена к минимуму. Обучающийся, получив задание, будет самостоятельно с ним работать. Более затратной является сетевая модель, когда общение педагога и обучающегося происходит на постоянной основе через специально созданную платформу – систему дистанционного обучения. Также от вуза требуется наличие определенной материально-технической базы, то есть специального оборудования, способного обеспечить потребности дистанционного обучения. В этой связи представляется очевидным тот факт, что в некоторых случаях введение системы дистанционного обучения будет зависеть от возможности дополнительного финансирования.

Безусловно, у дистанционного обучения имеется ряд преимуществ. Так, оно позволяет получить знания и освоить новые компетенции в удобное для обучающегося время, без отрыва от работы при условии наличия компьютера и доступа к сети Интернет. При этом у педагога имеется возможность использовать все многообразие педагогических технологий, применяемых при «традиционном» обучении, например, технологию проблемного обучения, которая крайне важна в юридическом образовании.

Несмотря на очевидные «плюсы» дистанционного обучения, среди педагогов не сложилось однозначной оценки данной педагогической технологии. Некоторые авторы отмечают, что российская система образования пока еще «не готова» к активному внедрению дистанционного обучения по причине отсутствия необходимого количества надлежащим образом разработанных электронных учебных курсов [1]. Зарубежные авторы также неоднозначно оценивают потенциал дистанционного обучения. Так, профессор Патрик Макги из Университета Восточного Лондона отмечает, что сейчас набирает обороты процесс распространения так называемых массовых открытых онлайн курсов. Однако, онлайн обучение не способно дать студенту практический опыт, именно в этом состоит основной недостаток дистанционного обучения. Профессор Патрик Макги уверен, что в образовательном процессе должна быть сохранена практическая составляющая, например, стажировки [15].

Мы поддерживаем приведенные доводы, но полагаем, что для переподготовки кадров в сфере юриспруденции они отчасти теряют свою актуальность. Речь идет уже о лицах, имеющих определенный базовый уровень юридического образования и в силу субъективных или объективных причин, имеющих необходимость повысить свою квалификацию. Среди субъективных причин наиболее распространенными является временный перерыв в работе (служба в вооруженных силах, работа по другому профилю, отпуск по беременности и родам, по уходу за ребенком и т.п.). Объективной причиной выступает необходимость получения новых навыков вследствие развития информационных технологий, лавинообразного увеличения информации, требующего ее восприятия, обработки, передачи в результате чего создаются и внедряются в жизнь информационные системы, позволяющие оптимизировать управленческие процессы, как в сфере бизнеса, так и в различных областях публичного управления. Повсеместное проникновение цифровых технологий во все сферы жизни общества захлестнула и юриспруденцию. Компании все больше и больше начинают вводить элементы цифровизации в свою работу, государство это делает еще активнее: ЕГРН, ЕГРЮЛ, МФЦ и возможность взаимодействия с ними через телекоммуникационную сеть «Интернет»; «Электрон-

ное правительство»; возможность ведения торгов и участия в аукционах для обеспечения государственных и муниципальных нужд и т.п.

В реестре федеральных информационных систем [7], предназначенных для использования при осуществлении государственных функций, с которыми вынужден работать юрист, насчитывается более четырех сотен. Конечно, юрист в силу своей профилизации работает не со всеми существующими системами, но с некоторыми не может не сталкиваться. Так, например, через портал государственных услуг Российской Федерации [12] обеспечивается доступ к сведениям о государственных и муниципальных услугах, государственных функциях по контролю и надзору, об услугах государственных и муниципальных учреждений, об услугах организаций, участвующих в предоставлении государственных и муниципальных услуг, а также предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг. Сегодня практически все юридически значимые действия можно осуществлять через Единый портал госуслуг или через интернет-сервис ФНС России. Огромный пласт работы юриста отводится работе с еще одной информационной системой – ЕИС – единая информационная система в сфере закупок, созданной и действующей в рамках Федерального закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Юрист не умеющий работать с этими и другими информационными системами перестает отвечать современным профессиональным требованиям. Повышение квалификации, переподготовка такого юриста предполагает под собой, прежде всего изучение правовой базы работы с информационными системами, а также получение практических навыков работы, что вполне возможно в ходе обучения с использованием дистанционных технологий.

Помощь как в подготовке, так и переподготовке юриста, повышении его квалификации могут оказывать общедоступные информационно-правовые системы типа Консультант Плюс, Гарант. Использование имеющегося в них функционала типа «конструктор договоров» может выполнять роль «тренажера» для обучающихся при составлении отдельных видов гражданско-правовых договоров. Обучающиеся, получив теоретические знания о той или иной правовой конструкции могут применить их при составлении проекта договора. Но не только договоры можно учиться составлять, используя имеющийся функционал. Так очень результативно для обучения студентов можно использовать конструктор правовых документов, позволяющий написать претензию, жалобу, исковое заявление. Подготовка учредительных документов организации тоже может начинаться с работы на конструкторе. При этом не начальном этапе лучше использовать помощь подобного «конструктора», а потом уже применять свои теоретические и начальные практические знания при работе в учебных юридических клиниках, при оказании бесплатной юридической помощи гражданам. Конечно, сложно согласиться с мнением, что теперь ничего не стоит составить гражданско-правовой договор или написать претензию, для этого можно и не быть юристом, но в процессе дистанционного обучения именно такие «конструкторы» могут оказать необходимую помощь.

Внедрение в образовательный процесс бакалавров подобного обязательного дистанционного курса, на наш взгляд было бы идеальным решением для выработки практических навыков юриста. Конечно, необходимо увеличивать срок обучения, но использование дистанционных технологий в этом случае максимально снизило бы затраты на обучение, но повысило уровень профессиональной подготовки молодых специалистов.

Реализация модели дистанционного обучения требует особых навыков и качеств от участников данного процесса: как от педагога, так и от обучающегося. Активное внедрение в образовательный процесс технологии дистанционного обучения актуализировало проблему профессионально-педагогической компетентности педагогов, осуществляющих образовательную деятельность в дистанционном режиме.

На сегодняшний день существует научно-обоснованная система требований, предъявляемых к педагогу, осуществляющему образовательную деятельность как в рамках подготовки кадров, так и в сфере переподготовки. Педагог должен обладать набором компетенций и профессионально-значимых качеств. К числу ключевых компетенций педагога обычно относят следующие: ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые, личностного совершенствования [4].

Очевидно, что сущностная специфика дистанционного обучения, о которой мы говорили выше требует от педагога особых качеств, отличных от тех, которыми должен обладать педагог, осуществляющий свою деятельность в рамках «традиционного» обучения. В этой связи в педагогической науке предпринимаются попытки выделить так называемые «эталонные ключевые квалификации» преподавателя дистанционного обучения [9]. Полагаем, особое значение для дистанционного педагога приобретает такая квалификация, как виртуальная коммуникабельность, под которой понимается способность педагога свободно, спокойно и уверенно вести учебный и научный диалог с обучающимся, используя информационно-коммуникационные технологии и сеть Интернет. При этом у преподавателя не должно быть психологического дискомфорта от факта виртуального взаимодействия с обучающимся, он должен уметь создать эффект своего присутствия и воспринимать личность виртуального собеседника как реальную, обладающую психологическими и эмоциональными особенностями.

Что касается обучаемого, то на наш взгляд, основными требованиями, предъявляемыми к

нему, является высокий уровень самоорганизации и мотивированности в получении новых знаний, умений и навыков. Как понимаем, гибкий график учебы, т.е. обучение в любое удобное время таит для обучающегося как огромные плюсы, так и минусы. Недостатки чаще выявляются на первоначальном этапе подготовки юриста. Молодым людям, только окончившим школу гораздо сложнее научиться контролировать самим свое время и регулировать процесс обучения, чем это делают уже зрелые люди проходящие переподготовку. Поэтому использование дистанта при получении базового образования должно на наш взгляд быть ограничено и использоваться в тесной взаимосвязи с традиционной формой обучения.

Как в ходе подготовки, так и переподготовки специалистов посредством использования дистанционных образовательных технологий необходимо уделять должное внимание формированию у обучающихся навыков обеспечения безопасности использования как получаемой, так и передаваемой информации. Все данные, которые вводит пользователь в информационных системах, в том числе на сайтах «госуслуг», могут стать легкой добычей злоумышленников. Потеря персональных данных, разглашение сведений составляющих коммерческую информацию возможны при неграмотном поведении юриста, что угрожает огромными финансовыми потерями. Нельзя забывать и про риск утери части или целых авторских дистанционных курсов без получения их авторами гонораров. В связи с этим, переподготовка юридических кадров должна включать в себя изучение основных принципов IT-технологий, в том числе изучение специальных правил безопасности использования не только информационных сетей, но и устройств посредством которых обеспечивается дистанционное обучение и последующая работа юриста (персональных компьютеров, планшетов, смартфонов и т.д.). Как показывает практика, они тоже могут быть подвергнуты несанкционированным атакам. К сожалению, подобные знания не давались ранее при обучении юристов и этот пробел можно восполнить сейчас только в процессе переподготовки.

В итоге отметим, что на современном этапе в условиях жесткой конкуренции на рынке труда к юристам предъявляются высокие требования. В целях формирования у специалистов оптимального набора профессиональных компетенций необходимо использовать широкий спектр педагогических технологий, как традиционных, так и иных, в том числе дистанционного обучения. Внедрение дистанционного обучения в образовательный процесс потребует внесения изменений в его организацию, что может отразиться на сроках обучения и привести к их незначительному увеличению. Полагаем, что в ситуации активного развития цифровых технологий, возрастание доли дистанционного обучения в образовательном сегменте выглядит вполне целесообразным и своевременным.

Литература

1. Алексеева Е. Н. Развитие дистанционного обучения и проблемы внедрения дистанционных образовательных технологий в высшей школе на современном этапе модернизации российского образования // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. №2(65). С. 252. URL: http://cyberleninka.ru. (Дата обращения: 05.02.2019).

2. Денисова Е. И. Использование в учебном процессе официального сайта правоохранительного органа // Вестник Омского университета. серия «Право». 2011. № 2(27). С. 209–212.

3. Зона Европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования («Болонская декларация») (Болонья, 19 июня 1999 г.) URL: http:// www.base.garant.ru/2564382 (Дата обращения: 05.02.2019).

4. Левитан К. М. Юридическая педагогика: учебник. М.: Норма, 2008. 343 р.

5. Нерсесян Э. А. Педагогические технологии в правовом обучении: автореф. дис. …маг. педагогики. Ставрополь, 2017. 100 с.

6. Петросян Э. Г. Электронный многоязычный словарь как вспомогательное средство подготовки юристов к участию в поликультурной профессиональной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Выпуск 26 (605). С.123–131.

7. Постановление Правительства РФ N 1235 «О федеральной государственной информационной системе координации информатизации» от 14.11.2015. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 05.02.2019).

8. Рагулин А. В., Кулагин А. В. IV Петербургский международный юридический форум. Конференция по юридическому образованию: обзор мероприятия // Евразийская адвокатура. 2014. №4. С.7.

9. Турковская Н. В. Профессионально значимые качества преподавателя дистанционного обучения // Вестник ЧГПУ. 2011. №10. С.171. URL: https://cyberleninka.ru. (Дата обращения: 05.02.2019).

10. Указ Президента РФ N 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» от 26.05.2009 URL:http://www.consultant.ru. (Дата обращения: 05.02.2019).

11. Федеральный закон N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 URL:http://www.consultant.ru. (Дата обращения: 05.02.2019).

12. Федеральный закон N 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 // Российская газета. N 168. 30.07.2010,

13. Kate Galloway A Rationale and Framework for Digital Literacies in Legal Education // Legal Education Review. Volume 27. Issue 1. Article 9. 2017. URL:https://epublications.bond.edu.au/ler/vol27/iss1/. (Дата обращения: 05.02.2019).

14. Warren W. Binford H. Envisioning a Twenty-First Century Legal Education //Washington University Journal of Law & Policy. Volume 43 New Ideas in Law and Legal Education 2014 URL:https://openscholarship.wustl.edu/law_journal_law_policy. (Дата обращения: 05.02.2019).

15. Why online courses can never totally replace the campus experience by Professor Patrick McGhee, vice-chancellor of the University of East London URL:https://www.theguardian.com/education/2012/nov/19/open-online-courses-higher-education. (Дата обращения: 05.02.2019).

References

1. Alekseeva E. N. Razvitie distantsionnogo obucheniya i problemy vnedreniya distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologii v vysshei shkole na sovremennom etape modernizatsii rossiiskogo obrazovaniya *(Development of Distance Learning and Problems of Introduction of Distance Learning Technologies in Higher Education at The Present Stage of Modernization of Russian Education)* // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. No. 2(65). P.252. URL:http://cyberleninka.ru (Accessed: 05.02.2019). (In Russian)

2. Denisova E. I. Ispol'zovanie v uchebnom protsesse ofitsial'nogo saita pravookhranitel'nogo organa *(Use in the Educational Process of The Official Website Of The Law Enforcement Agency)* // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2011. No. 2(27). P. 209–212. (In Russian)

3. Zona Evropeiskogo vysshego obrazovaniya. Sovmestnoe zayavlenie evropeiskikh ministrov obrazovaniya (Bologna Declaration) (Bolon'ya, 19 iyunya 1999 g.) *(European Higher Education Area. Joint Statement of the European Ministers of Education (Bologna Declaration)* URL: http:// www.base.garant.ru/2564382 (Accessed: 05.02.2019). (In Russian)

4. Levitan K. M. Yuridicheskaya pedagogika: uchebnik. *(Legal Pedagogy: textbook)*. Moscow: Norma, 2008. 343 p. (In Russian)

5. Nersesyan E. A. Pedagogicheskie tekhnologii v pravovom obuchenii: *(Pedagogical Technologies in Legal Education)* avtoref. dis. …mag. pedagogiki. Stavropol', 2017. 100 p. (In Russian)

6. Petrosyan E. G. Elektronnyi mnogoyazychnyi slovar' kak vspomogatel'noe sredstvo podgotovki yuristov k uchastiyu v polikul'turnoi professional'noi kommunikatsii *(Electronic Multilingual Dictionary as an Auxiliary Means of Training Lawyers to Participate in Multicultural Professional Communication)* // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. Issue.26 (605). P.123–131. (In Russian)

7. Postanovlenie Pravitel'stva RF N 1235 «O federal'noi gosudarstvennoi informatsionnoi sisteme koordinatsii informatizatsii» *(On Federal State Information System of Informatization Coordination*) ot 14.11.2015 URL: http://www.pravo.gov.ru (Accessed: 05.02.2019). (In Russian)

8. Ragulin A. V., Kulagin A .V. IV Peterburgskii mezhdunarodnyi yuridicheskii forum. Konferentsiya po yuridicheskomu obrazovaniyu: obzor meropriyatiya *(IV St. Petersburg International Legal Forum. Conference on Legal Education: Overview of the Event)* // Evraziiskaya advokatura. 2014. No. 4. P. 7. (In Russian)

9. Turkovskaya N. V. Professional'no znachimye kachestva prepodavatelya distantsionnogo obucheniya *(Professionally Significant Qualities of a Distance Learning Teacher)* // Vestnik ChGPU. 2011. No. 10. P. 171. URL: https://cyberleninka.ru. (Accessed: 05.02.2019). (In Russian)

10. Ukaz Prezidenta RF N 599 «O merakh po sovershenstvovaniyu vysshego yuridicheskogo obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii» *(On Measures to Improve Higher Legal Education in the Russian Federation)* ot 26.05.2009 URL:http://www.consultant.ru. (Accessed: 05.02.2019). (In Russian)

11. Federal'nyi zakon N 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» *(On Education in the Russian Federation)* ot 29.12.2012 URL:http://www.consultant.ru. (Accessed: 05.02.2019). (In Russian)

12. Federal'nyi zakon N 210-FZ «Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug» *(On the Organization of State and Municipal Services)* ot 27.07.2010 // Rossiiskaya gazeta. 30.07.2010. (In Russian)

13. Kate Galloway A Rationale and Framework for Digital Literacies in Legal Education // Legal Education Review. Volume 27. Issue 1. Article 9. 2017. URL:https://epublications.bond.edu.au/ler/vol27/iss1/. (Data obrashcheniya: 05.02.2019).

14. Warren W. Binford H. Envisioning a Twenty-First Century Legal Education //Washington University Journal of Law & Policy. Volume 43 New Ideas in Law and Legal Education 2014 URL:https://openscholarship.wustl.edu/law_journal_law_policy. (Data obrashcheniya: 05.02.2019).

15. Why online courses can never totally replace the campus experience by Professor Patrick McGhee, vice-chancellor of the University of East London URL:https://www.theguardian.com/education/2012/nov/19/open-online-courses-higher-education. (Data obrashcheniya: 05.02.2019).

Сведения об авторах

Бычко Марина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / marina.bichko@yandex.ru

Комаревцева Ирина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Irak77@yandex.ru

Information about the authors

Bychko Marina Alekseevna – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Civil Procedure, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / marina.bichko@yandex.ru

Komarevtseva Irina – PhD in Law, Associate Professor, Civil Law and Civil Procedure Department, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / Irak77@ yandex.ru

УДК 342.22

И. Ш. Галстян, Р. К. Мелекаев

ПОНИМАНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА КАК СОЦИАЛЬНОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

В работе изложено авторское видение теории социального государства как модели эффективного правового государства. Эффективное государство рассматривается как социетальная система, в которой активно идет процесс смены отношений и процессов на уровне общества. Приведены позиции отечественных и зарубежных правоведов (Роберта фон Моля и Лоренца фон Штейна, С. С. Алексеева, П. П. Глущенко, О. В. Родионовой, В. Г. Баева, М. А. Рейснера, Б. Н. Чичерина и др.).

Авторами подчеркивается мысль, что общество, государство и граждане заинтересованы в обоснованном воздействии права на социальные процессы. В правовой сфере генеральной перспективой становится формирование новой социальной концепции права. Вместе с тем, в настоящее время не удается обеспечить личное влияние людей на процессы правотворчества и правоприменения и преодолеть такое отрицательное явление, как отчуждение от права. Основным результатом функционирования эффективного государства как модели социального государства авторы предлагают считать отсутствие у граждан нуждаемости в государственной помощи для удовлетворения своих минимальных потребностей (естественных, физиологических, потребности в безопасности).

Цель любой модели государства, как организации политической власти, в частности модели эффективного социального государства – обеспечение единства и целостности общества, осуществляемое посредством государственного механизма управления делами общества, суверенной публичной власти, придающей праву общеобязательное значение, гарантирующей права и свободы гражданам, законность и правопорядок, где эффективность рассматривается через призму социальной эффективности. При ее реализации необходимо учесть готовность органов управления как системы, субъектов ее управления и аппарата государства к ее пониманию, исполнению и реализации адекватно временным, историческим и эволюционным параметрам.

Взаимодействие элементов правового социального государства рассмотрено авторами сквозь призму синергетических процессов флуктуации, отвечающих за адаптацию современной социальной политики правового государства к новым правовым реалиям.

Ключевые слова: социальное государство, правовое государство, социальная функция, российский либерализм, социентальная система, эффективное государство, правовое регулирование, правотворчество, правовое воздействие.

I. Sh. Galstyan, R. K. Melekayev

UNDERSTANDING THE RULE OF LAW AS A SOCIAL STATE IN THE DOMESTIC THEORY OF LAW

The paper presents the author's vision of the theory of the social state as a model of an effective legal state. An effective state is considered as a societal system in which the process of changing relations and processes at the level of society is actively underway. The positions of domestic and foreign lawyers are given (Robert von Mol and Lorentz von Stein, S. S. Alekseev, P. P. Glushchenko, O. V. Rodionova, V. G. Baeva, M. A. Reisner, B. N. Chicherin, etc.)

The authors emphasize the idea that society, the state and citizens are interested in the grounded impact of the right on social processes. In the legal sphere, the general perspective is the formation of a new social concept of law. However, at present, it is not possible to ensure the personal influence of people on the processes of lawmaking and law enforcement and to overcome such a negative phenomenon as alienation from the law. The authors suggest that the main result of the functioning of an effective state as a model of a social state is the lack of citizens' need for state aid to meet their minimum needs (natural, physiological, security needs).

The goal of any state model, as an organization of political power, in particular, an effective social state model, is to ensure the unity and integrity of society, implemented through the state mechanism for managing the affairs of society, sovereign public power, giving the right a universally binding value guaranteeing the rights and freedoms to citizens, law and order, where efficiency is viewed through the prism of social efficiency. When implementing it, it is necessary to take into account the readiness of the governing bodies as a system, the subjects of its management and the state apparatus for its understanding, execution and implementation of adequate time, historical and evolutionary parameters.

The interaction of elements of a legal social state is considered by the authors through the prism of synergistic fluctuation processes responsible for the adaptation of the modern social policy of the legal state to new legal realities.

Key words: social state, legal state, social function, Russian liberalism, social system, effective state, legal regulation, lawmaking, legal influence.

Разработка теории социального государства чрезвычайно важна, поскольку реализация социальной функции государства способна принести и приносит обществу столь же огромную пользу, сколь разрушительными (и экономически, и психологически, и политически) могут быть ее недооценка и необоснованное в конкретных исторических условиях гипертрофирование [1].

Актуальность категории «социальное государство» вызвана не только теоретическими, но и практическими тенденциями реализации данного явления, а также социально-политическим свойством исследуемой дефиниции. Если «социальное» понимать как «общественное», то в этом контексте «социальным» может быть названо любое государство. Однако нас интересуют государство как институт, а также способы, механизмы управления им и степень достигаемости целей управления.

Для более детального изучения понятия «социальное государство» обратимся к работам, послужившим основополагающими концепциями социального государства. Среди них выделяются труды правоведов Роберта фон Моля и Лоренца фон Штейна.

В 1832 г. была опубликована книга Р. фон Моля «Наука полиции под началом юридического государства», в которой автор предложил «концепцию нового государства», согласно которой за каждым признавалось равенство прав и социальных возможностей, а вопросы поддержки бедных слоев населения относились к обязанностям государства: «...хотя чувство справедливости и сострадания к несомненной нужде человека не допускает строгого взвешивания юридической обязанности государства, но, что, тем не менее, даже чисто с точки зрения права можно требовать вспомоществования» [6].

Понятие и назначение социального государства по-разному определяли российские ученые. Так, С. С. Алексеев считал, что «государство в социальной сфере во всех больших масштабах выступает не как институт власти, а как общенациональная авторитетная (а не авторитарная) корпорация, однопорядковая в данном отношении по своему статусу с соответствующими инициативно-частными организациями» [3].

По мнению П. П. Глущенко, социальное государство – это такое государство, в котором социальные противоречия преодолеваются эффективно работающими государственными структурами и представленными в них неподкупными компетентными государственными служащими [4]. Как мы видим, здесь автор рассматривает социальное государство через механизм государства, «винтиком» которого и его воплощением является государственный аппарат с корпусом государственных гражданских служащих.

В настоящее время в отечественной и зарубежной науке существует многообразие толкований понятия «социальное государство». Основная проблематика теоретического трактования данного понятия заключается в том, что в большинстве случаев на социальное государство ученые смотрят как на политико-правовое и социальное образование, главной целью которого является перераспределение материальных благ исходя из принципов социальной справедливости и равенства. Но для того чтобы блага равномерно распределялись, и система управления этим процессом была эффективна, необходимо повышать эффективность производства самих благ, и речь здесь идет не только о производительности труда, результативности и экономической эффективности. По мнению автора, государство становится эффективным в том случае, если у его граждан отсутствует нуждаемость в государственной помощи для удовлетворения минимальных потребностей.

Основными задачами в социальной сфере становятся повышение качества жизни населения и обеспечение достойного уровня жизни каждого гражданина и гарантий для тех, кто по объективным причинам не в состоянии реализовать свой потенциал.

Вышесказанное позволяет понимать под социальным государством такую политическую организацию общества, механизм государства в которой, представленный эффективным государственным аппаратом, создает целостную и эффективную систему жизнедеятельности общества и содействует возникновению институтов гражданского общества, в том числе различным формам самоорганизации граждан и организаций, повышению качества жизни граждан и организаций, их правовому и правомерному взаимодействию и развитию системы независимого местного самоуправления для решения вопросов местного значения.

Рассуждая о соотношении правового и социального государства, профессор О. В. Родионова пишет, что «идея правового государства», где права и свободы любого человека превыше всего (права индивида, принцип индивидуализма), а представители государственной власти подчиняются законам наравне с простыми гражданами, является настолько заманчивой, что люди еще долго будут верить в возможность ее полной реализации, не задумываясь о том, что далеко не каждый человек способен самостоятельно пользоваться свободами, и что некоторые люди ищут поддержки со стороны государственно-организованного общества. Большинство стран мира, провозглашает себя «правовыми», во многом из-за того, что в современном мире права и свободы – это составляющие идеологии любого государства, позиционирующего себя как правовое, хотя очевидно, что очень многие страны не являются правовыми, так как не отвечают требованиям данного типа государства [7].

Что касается социального государства, то, по сути, социальное государство является частью деятельности государства, ориентированный на защиту нуждающихся групп населения от различных социальных рисков. И хотя базисными принципами социального государства являются равенство, коллективизм, что, казалось бы, должно приводить к противоречиям между этими

феноменами: правовым государством и социальным государством, однако никакого противоречия между ними не возникает. Дело в том, что социальным в той или иной мере в контексте той или иной модели социального государства (по Эспин-Андерсену, или по иным классификациям) государство с неизбежностью становиться, когда достигает индустриальной стадии развития общества. То есть любое государство (с любым территориальным устройством, с любой формой правления, с любым политическим режимом) в той или иной степени будет социальным. В том числе и правовое государство. Однако, провозглашая себя правовым государством в Конституции, в реальности государство таковым полностью стать не может, в этом и заключается весь парадокс.

Социальная функция современного российского государства, по мнению О. В. Родионовой, модифицируется таким образом, что патернализм государства заключается не в дотационных долгосрочных выплатах всем нуждающимся без разбора, не в безоглядном патронаже, а, прежде всего, в создании условий для граждан, желающих включиться в активную трудовую жизнь (переквалификация, обучение и т. п.) [7].

Сегодня, Российская Федерация существует в рамках индустриального общества. И поэтому, так или иначе, здесь с неизбежностью будет присутствовать социальная функция. А вот ее методы реализации и качественные характеристики обусловлены самыми различными детерминантами. Поскольку современная Россия существует в рамках мирового сообщества, то неизбежным становиться влияние на социальную функцию Российской Федерации, таких детерминант, как, прежде всего рыночная экономика, исторические и этнонациональные особенности, политический режим, и, конечно, глобальные проблемы, связанные с глобализацией.

Идея «правового государства» является чуждой для российского менталитета, так как это западная идея. Как отмечает, О. В. Родионова, государственное устройство конкретного государства должно опираться исключительно на результаты всего предшествующего развития именного данного государства. Ш. Монтескье говорил об этом. Та же мысль выражена Гегелем: «Каждый народ имеет свое собственное государственное устройство; английское является государственным устройством англичан, и, если бы захотели дать его пруссакам, это было бы столь же абсурдно, как решение дать прусское государство туркам. Каждое государственное устройство есть только продукт развития духа народа и ступени развития сознания его духа. Это развитие необходимо требует поступательного движения, в котором ни одна ступень не может быть пропущена, нельзя опережать время, время всегда присутствует». Станет ли идея правового государства частью менталитета, духовной потребностью россиян, – это покажет время. А вот идея «социального государства», достаточно быстро прижилась среди россиян. Потому что идея «социального государства», первоначально сформулированная также не на российской почве, является не только идеей, концепцией, а неотъемлемым этапом развития любого государства, в том числе и России [7].

На наш взгляд, идея правового государства, именно в западном понимании, россиянами, можно сказать отвергается. И здесь важную роль как отмечают многие авторы, играет и особый исторический путь развития российского государства и общества, и менталитет, и духовная потребность россиян, прежде всего в справедливости, и морали. Говоря иными словами, правовое государство для россиян, прежде всего, должно ассоциироваться со справедливостью и духовностью.

Как пишет В. Г. Баев, во все времена человечество искало ответ на вопрос: возможно ли существование справедливого государства? Пожалуй, только власть имущих не волновал данный вопрос. Независимость и личная свобода были основными ценностями западного правосознания [2]. Однако идеалом российского либерализма являлось равенство всех перед законом, а независимость и свобода для русского народа было лишь ступенью к другим более значимым целям, таким как равенство, социальная справедливость, коллективизм, поддержка государства. Именно эти цели преобладали в сознании нашего народа на протяжении веков.

Особое внимание необходимо уделить социальной справедливости, во-первых, потому что для российского народа социальная справедливость всегда занимала важное место, и это при том, что для россиян материальные ценности никогда не были в приоритете, а во-вторых, вопрос социальной справедливости, на наш взгляд, никогда не был таким актуальным как в новейшей истории России.

Известный юрист и философ Б. Н. Чичерин в своей работе «Собственность и государство» (1882–1883 гг.) [10] рассматривает проблему справедливого государства, в которой особое внимание обращает вопросам распределения национального богатства и социальной справедливости. Реализация данного принципа в правовом аспекте неизбежно ставит перед исследователем ряд вопросов: Как и по каким критериям должно осуществляться распределение национальных доходов? Имеет ли право государство вмешиваться в экономику страны ради общей пользы? Если да, то каковы пределы допустимого вмешательства?

Б. Н. Чичерин посвятил проблеме распределения богатства отдельную главу в работе «Собственность и государство», где, анализируя имеющийся опыт исследований по данной тематике, вывел собственную формулу. Определяя свою точку зрения на социальную справедливость, он использует неординарный подход, отнюдь не с социальных позиций. Автор полагает, что наиболее важными факторами обладания благами выступают не потребности, труд или способности и таланты личности, а вклад этой личности в экономическую деятельность, коэффициент ее полезности для экономики, выражая это следую-

щим аргументом: «…справедливым мы должны признать такое распределение, которое дает каждому деятелю доход, сообразный с его значением в производстве». [10] По мнению правоведа, больше материальных благ должно достаться тому, кто внес больший вклад в их создание. Это благотворно скажется на росте производства, обеспечит экономике поступательное развитие и процветание и, в конечном счете, общий уровень жизни людей повыситься. Являясь противником материального равенства, считал что только завистливые люди требуют материального равенства, а справедливость на самом деле тут не причем: «…вместо установления одинаковой свободы для всех отбирать богатых в пользу бедных, как требуют социалисты, …было бы не только нарушением справедливости, но вместе с тем извращением коренных законов человеческого общежития» [10]. Для равномерного распределения благ необходимо, чтобы система управления этим процессом была эффективна. Следует повышать эффективность производства этих благ, и речь здесь идет не столько о производительности труда, результативности и экономической эффективности, сколько о социальной эффективности государства. Еще раз необходимо отметить, что государство становится эффективным в том случае, если у его граждан отсутствует нуждаемость в государственной помощи для удовлетворения минимальных потребностей.

Можно предложить разновидность модели социального государства – теоретическая модель эффективного государства, в основе которой лежит представление о государстве как о политической организации общества. Цель данной организации – обеспечение единства и целостности общества, осуществляемое посредством государственного механизма управления делами общества, суверенной публичной власти, придающей праву общеобязательное значение, гарантирующей права и свободы гражданам, законность и правопорядок. Понимание эффективности рассматривается через призму социальной эффективности. Данная модель является теоретической. При ее реализации необходимо учесть готовность органов управления как системы, субъектов ее управления и аппарата государства к ее пониманию, исполнению и реализации адекватно временным, историческим и эволюционным параметрам.

Критерии социальной эффективности призваны ориентировать государственное управление на потребности и проблемы общества и характеризовать управленческий уровень их разрешения, а социальный эффект, достигнутый при этом, должен не только сохраняться, но и усиливаться, учитывая на этапе реализации социальные последствия принятых управленческих решений.

К теме справедливого государства обращался и известный российский ученый М. А. Рейснер. Понимание права через справедливость просматривается во всех его научных трудах. Он считал необходимым закрепление принципа справедливости в Конституции, для защиты хрупкого и подконтрольного власти права от злоупотреблений.

Однако многие современные ученные критично относятся к позиции М. А. Рейснера, основной целью теоретической конструкции которого, являлась ориентация на внедрение в правовую теорию классовой идеи.

В. Г. Баеву представляется ценной сама мысль М. А. Рейснера о неизбежности конституционного регулирования экономических отношений. Также очень важной идеей, по его мнению, является необходимость смещения акцента в системе показателей с измерения производства на измерение благосостояния [2]. Изменение курса государства в социально-экономической жизни страны неизбежно. В хозяйственной сфере меры, применяемые по регулированию экономики, неэффективны, так как действия государственных органов не носят системного характера. Объективно выражена необходимость во вмешательство в сферу экономики, и ее конституционной регламентации, так как если механизмы саморегуляции не дают результата, необходима жесткая управляющая рука государства для реанимации экономики страны. В то же время, в Основном законе, необходимо закрепить строго ограниченные рамки государственного вмешательства в частную сферу с целью перераспределения доходов. Проблема заключается в том, что очень сложно (если вообще возможно) разработать универсальные пределы направленного воздействия государств. Существует необходимость в создании гибкой системы государственных органов, которые будет интуитивно определять необходимость во вмешательство в экономику, исходя из реальных потребностей народа, и рамки вмешательства могут расширяться либо сужаться в конкретных политико-правовых условиях. Такова магистральная линия концепции конституционной экономики, нового научного направления, и ее реализация – крайне сложная задача, однако очень важная, так как ответственность за осуществление принципа справедливости в ней возлагается на правящую элиту, которая должна отличаться высокой степенью нравственности и самоограничения, не допуская злоупотребления властью. Переориентацию государства в направлении защиты интересов малообеспеченных слоев следует начать с закрепления в Конституции категории «общей пользы», установления прогрессивного налогообложения, формирования социальной ответственности бизнеса, прозрачности государственных органов.

К настоящему времени, историческое положение российского государства в системе развития страны, по мнению Д. Н. Миронова, с определенными оговорками можно сказать, восстановлено [5].

Модель эффективного государства рассматривается как социетальная система, в которой активно идет процесс смены отношений и процессов на уровне общества, и которая включает в себя функциональное взаимодействие основных структур – экономической, социальной, идеологической и политической. Каждая из структур соци-

етальной системы эффективного государства как модели социального государства, будучи ее элементом, но, выполняя свои функции и задачи при взаимодействии с другими элементами структуры, придает новое (системное) качество государству, не сводимое к качествам ее элементов. В результате этого возникает тенденция полной адаптации к формам и способам функционирования социетальной системы – эффективного государства, ее структурных и личностных элементов.

Для увязки с естественным ходом истории временный характер развития эффективного государства требует перестройки как структурных, так и личностных элементов социетальной системы – системы государственного управления и ее элементов (необходимо адаптировать ментальность и направление политики всех уровней государственного управления и ее составляющих к изменяющимся условиям жизни и состоянию общества), перехода от стратегии выживания к стратегии жизни.

В зависимости от места, которое та или иная структура начинает занимать в социетальной системе (эффективном государстве), а нас интересует система государственного управления, последняя начинает развиваться естественным путем, ощущая временные эволюционные потребности развития экономики и общества.

Основной результат функционирования эффективного государства как модели социального государства можно увидеть в отсутствии у граждан нуждаемости в государственной помощи для удовлетворения своих минимальных потребностей (естественных, физиологических, потребности в безопасности).

Теоретическая модель эффективного государства, как было сказано выше, разработана с позиции социальной эффективности одного из элементов социального государства – механизма государства, государственного аппарата, ключевой характеристикой которого является качественный состав государственного управления, отвечающий заданным нами критериям и показателям.

Общество, государство и граждане заинтересованы в обоснованном воздействии права на социальные процессы. Эти процессы весьма разнообразны и предполагают «мягкие», «тонкие» и императивные методы правового регулирования. Конституционная характеристика социального государства предполагает выполнение всех социальных обязательств перед гражданами и обеспечение приоритета соответствующих бюджетных расходов. В правовой сфере генеральной перспективой становится формирование новой социальной концепции права, поскольку в последние годы право чаще всего ассоциируется с механизмом жесткого «одномерного» регулирования. Сугубо «текстовое» понимание затрудняет выявление его гуманистического потенциала и разнообразных способов влияния на сознание и поведение людей, поэтому пока не удается обеспечить личное влияние людей на процессы правотворчества и правоприменения и преодолеть такое отрицательное явление, как отчуждение от права.

В фокусе правового регулирования социальной сферы находятся социальные процессы и явления, происходящие в обществе. Речь идет о развитии межличностных, групповых профессиональных, национальных, миграционных, трудовых и иных отношений. Некоторые из них давно приобрели юридическую форму в виде соответствующих отраслей законодательства (например, трудовое законодательство, законодательство о социальном обеспечении). Формируются отрасли научного, миграционного, спортивного законодательства. Правда, здесь немало проблем и противоречий. Еще более сложная ситуация с процессами в национальных, межнациональных, территориальных и профессиональных отношениях. Здесь важен системный подход и согласование регулирования с помощью норм конституционного, административного, уголовного, муниципального и международного права, которые еще только предстоит разработать.

Социальная сфера традиционно регулировалась нормами административного права, где преобладает управленческий аспект, характерный для советского механизма государственного управления. Данный аспект сохраняется и в настоящее время, хотя введено много новых способов правового регулирования социальной сферы [9]. Развитие концепции социальных (публичных) услуг позволило акцентировать внимание на правовом механизме оказания услуг.

Обобщая тенденции правового развития в социальной сфере, можно отметить:

а) выделение соответствующих нормативно-правовых массивов из состава административного права и формирование самостоятельных отраслей законодательства;

б) комплексный характер регулирования в отраслях законодательства о здравоохранении, образовании, культуре, спорте и труде, а именно подвижное сочетание публично-правовых и частноправовых методов;

в) высокий удельный вес способов максимального регулирования и нормативного самоуправления;

г) большая степень децентрализации и самостоятельности медицинских, образовательных и иных учреждений в отношении вопросов управления;

д) потребность в активной деятельности граждан и их общественных объединений, в т.ч. профессиональных.

Несомненно, на качественный уровень правотворчества и эффективность правового воздействия на результат в виде реализации социальной ориентированности государства негативное влияние оказывает поспешность правотворчества, его недостаточное научное осмысление, прогнозирование и планирование. Фокус внимания на достижение стратегических и тактических целей смещается в пользу решения ситуационных вопросов [8], недооцениваются важнейшие программные правовые акты, что приводит к хао-

тичности в правотворчестве в целом и в социальной сфере в частности, к необходимости постоянных корректировок правовых актов посредством внесения изменений и дополнений.

Таким образом, резюмируем, что оптимальное правовое регулирование социальной сферы неполноценно и неэффективно вне использования новых методов проектирования нормативных актов и без использования механизмов стимулирования общественной деятельности.

Литература

1. Алебастрова И. А. Социальное государство: белые одежды голого короля или платье для Золушки? // Конституционное и муниципальное право, 2008. №20. С.2–11.

2. Баев В. Г. «Справедливое государство» как категория юриспруденции // Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики: Материалы X международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2016. 289 с.

3. Волгин Н. А. Социальное государство / Н. А. Волгин, Н. Н. Гриценко, Ф. И. Шарков / Учебник для вузов. М.: Социальные отношения, 2004. 45 с.

4. Глущенко П. П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (Теория и практика). /под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., Санкт-Петербургская академия, 1998. 448 с.

5. Миронов Д. Н. Основы формирования правового государства // Конституционное и муниципальное право. 2016. №3. С.6–10.

6. Моль Р. Наука полиции под началом юридического государства: Перевод с 3-го немецкого издания. Вып. 1 / Фон Моль Р.; Пер.: Р. Сементковский СПб.: Печ. В. И. Головина, 1871. [электронный ресурс] // http://www.bibliard.ru/ (дата обращения: 12.01.2019)

7. Родионова О. В. Правовое и социальное государство: проблемы соотношения // Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики: Материалы X международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2016. С.28–40.

8. Смирнова М. Г. Социальные притязания: понятие и структура // Актуальные проблемы юридической науки: Сборник международной научной конференции конференции «Седьмые осенние юридические чтения» (м. Хмельницк, 28–29 ноября 2008 года): В 4-х т. 1 часть: Теория государства и права. Философия права. Международное право. Хмельницк: Хмельницкий университет управления и права, 2008. С. 110–116.

9. Социальное законодательство. Научно-практическое пособие (отв. ред.: д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Тихомиров, канд. философ. наук, доцент В. Н. Зенков). М.: Контракт, Инфра-М, 2005. 352 с.

10. Чичерин Б. Н. Собственность и государство URL: http://www.klex.ru/ (дата обращения: 12.01.2019)

References

1. Alebastrova I. A. Social'noe gosudarstvo: belye odezhdy gologo korolya ili plat'e dlya Zolushki? *(Social State: White Clothes of a Naked King or a Dress for Cinderella?)* // Konstitucionnoe i municipal'noe parvo. 2008. No. 20. P. 2–11. (In Russian)

2. Baev V. G. «Spravedlivoe gosudarstvo» kak kategoriya yurisprudencii *("A Fair State" as a Jurisprudence Category)* // Verhovenstvo prava i pravovoe gosudarstvo: problemy teorii i praktiki: Materialy X mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moscow: RSUP publ., 2016. P. 289. (In Russian)

3. Volgin N. A. Social'noe gosudarstvo *(The Welfare State)*. Moscow: Social'nye otnosheniya, 2004. P.45. (In Russian)

4. Glushchenko P. P. Social'no-pravovaya zashchita konstitucionnyh prav i svobod grazhdan (Teoriya i praktika). *(Social and Legal Protection of Constitutional Rights and Freedoms of Citizens (Theory and Practice)* / ed by V.P. Sal'nikova. St.Petersburh: St.Petersburg Academy publ., 1998. 448 p. (In Russian)

5. Mironov D. N. Osnovy formirovaniya pravovogo gosudarstva *(Basics of the Formation of the Rule of Law)* // Konstitucionnoe i municipal'noe parvo. 2016. №3. P.6–10. (In Russian)

6. Mol' R. Nauka policii pod nachalom yuridicheskogo gosudarstva *(The Science of Police Under the Authority of a Legal State):* Perevod s 3-go nemeckogo izdaniya. Issue. 1 / Fon Mol' R.; Per.: R. Sementkovskij St.Petesburg: V.I. Golovin's printing office, 1871 URL: http://www.bibliard.ru/ (Accessed: 12.01.2019). (In Russian)

7. Rodionova O. V. Pravovoe i social'noe gosudarstvo: problemy sootnosheniya *(Legal and Social State: Problems of Correlation)* // Verhovenstvo prava i pravovoe gosudarstvo: problemy teorii i praktiki: Materialy X mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moscow: RSUP publ., 2016. P.28–40. (In Russian)

8. Smirnova M. G. Social'nye prityazaniya: ponyatie i struktura *(Social Claims: the Concept and Structure)* // Aktual'nye problemy yuridicheskoj nauki: Sbornik mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii konferencii «Sed'mye osennie yuridicheskie chteniya» (m. Hmel'nick, 28–29 noyabrya 2008 goda). Hmel'nick: Hmel'nick University of management and law, 2008. P.110–116.

9. Social'noe zakonodatel'stvo *(Social Legislation)*. M.: Kontrakt, Infra-M, 2005. 352 p. (In Russian)

10. CHicherin B. N. Sobstvennost' i gosudarstvo *(Property and the State)*. Moskva, Izdatel'stvo Russkoj Hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2005. URL: http://www.klex.ru/ (Accessed: 12.01.2019). (In Russian)

Сведения об авторах

Галстян Инесса Шагеновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин филиала Московского института государственного управления и права в Карачаево-Черкесской республике (Черкесск) / inessagal@mail.ru

Мелекаев Руслан Курманович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / merukus@yandex.ru

Information about the authors

Galstyan Inessa – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Discipline, Moscow Institute of Public Administration and Law (Branch in Karachay-Cherkess Republic) (Cherkessk) / inessagal@mail.ru

Melekaev Ruslan – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law North-Caucasian Federal University (Stavropol) / merukus@yandex.ru

УДК 347.73

А. В. Гладчук

АУДИТ В СФЕРЕ ЗАКУПОК КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

Процесс расходования бюджетных средств страны неразрывно связан с осуществлением финансового контроля по их эффективному и целевому использованию. В значительной степени финансовый контроль затрагивает сферу осуществления получателями бюджетных средств закупочных процедур для обеспечения своей деятельности и выполнения своих функций. Через контрактную систему в сфере закупок происходит расходование большей части бюджетных средств государства.

Законодательство о контрактной системе согласно ч. 1 ст. 2 Закона № 44-ФЗ основывается на положениях Бюджетного кодекса Российской Федерации и при проведении процедур закупок товаров, работ, услуг заказчиками используются бюджетные средства, в целях осуществления качественного и всестороннего финансового контроля, в рамках аудита в сфере закупок контрольно-счетными органами Российской Федерации охватываются вопросы по эффективному использованию заказчиками бюджетных средств при осуществлении закупок.

В данной научной статье раскрываются содержание, проблематика и направление развития аудита в сфере закупок, механизмы аудита эффективности, проводимого контрольно-счетными органами Российской Федерации, как необходимого условия реализации внешнего финансового контроля сферы закупок в целях повышения эффективности расходования бюджетных средств в контрактной системе.

При этом в статье классифицируются типы наиболее распространенных нарушений законодательства о контрактной системе в сфере закупок и практика контрольных органов по их выявлению и предупреждению в дальнейшем, а также предлагаются меры по совершенствованию результатов процедур закупок с точки зрения качества, результативности и достижения необходимых задач, определяемых Законом № 44-ФЗ, в том числе совершенствования мероприятий, проводимых в рамках аудита закупок. В рамках осуществления деятельности по аудиту закупок необходимо ориентировать вопросы мероприятий проверок главным образом на выявление фактов, обеспечивающих связь выявленного нарушения с не эффективным расходованием бюджетных средств и не достижением определенных законодательством о контрактной системе и бюджетным законодательством Российской Федерации результатов закупки.

Учитывая изложенное выше, а также связь между бюджетными правоотношениями и осуществлением аудита в сфере закупок контрольно-счетными органами Российской Федерации с целью соблюдения бюджетного законодательства и иных нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения по составлению, исполнению и расходованию бюджетных средств страны в сфере закупок, подтверждается актуальность темы рассматриваемой в данной статье.

Ключевые слова: аудит в сфере закупок, контрактная система в сфере закупок, контрольно-счетные органы, бюджетные средства, аудит эффективности, финансовый аудит.

A. V. Gladchuck

AUDIT PROCUREMENT AS A TOOL TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF SPENDING BUDGET FUNDS IN THE CONTRACT SYSTEM

The process of spending the country's budget is inextricably linked to the implementation of financial controls on their effective and targeted use. To a considerable degree, the financial control affects the implementation of the budget holders of purchasing procedures to ensure its activities and the performance of its functions. The greater part of the state budget is spent through the contract system in the field of procurement.

The legislation on the contract system in accordance with part 1 of article 2 of the Law №44-FZ is based on the provisions of the Budget code of the Russian Federation and during the procurement procedures of goods, works and services customers use budget funds in order to implement quality and comprehensive financial control, in the audit in the field of procurement the control and accounting bodies of the Russian Federation cover issues on the effective use of budget funds by customers in procurement.

The study reveals the content, problems and direction of development of audit in the field of procurement, mechanisms of efficiency audit conducted by the control and accounting bodies of the Russian Federation as a necessary condition for the implementation of external financial control of procurement in order to improve the efficiency of budget spending in the contract system.

At the same time, the article classifies the types of the most common violations of the legislation on the contract system in the field of procurement and the practice of control bodies to identify and prevent them in the future, and also proposes measures to improve the results of procurement procedures in terms of quality, effectiveness and achievement of the necessary tasks defined by Law No. 44-FZ, including the improvement of activities carried out in the framework of procurement audit. As a part of the implementation of procurement audit activities, it is necessary to fo-

cus the issues of audit activities mainly on the identification of facts that link the identified violation with the inefficient spending of budgetary funds and the failure to achieve the results of procurement determined by the legislation on the contract system and the budget legislation of the Russian Federation.

Taking into account the above mentioned, as well as the relationship between budget relations and the implementation of audit in the field of procurement by control and accounting bodies of the Russian Federation in order to comply with budget legislation and other regulatory legal acts regulating legal relations on the preparation, execution and expenditure of budget funds of the country in the field of procurement, the relevance of the topic discussed in this article is confirmed.

Key words: audit in the field of procurement, contract system in the field of procurement, control and accounting bodies, budget funds, efficiency audit, financial audit.

Аудит в сфере закупок (далее – аудит закупок) регламентированный в соответствии со статьей 98 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ, Закон о контрактной системе) осуществляется в соответствии с полномочиями, закрепленными за Счетной палатой Российской Федерации (далее – Счетная палата) и контрольно-счетными органами субъектов и муниципальных образований [9].

Полномочия по осуществлению аудита в сфере закупок (далее – аудит закупок) закреплены в соответствии с российским законодательством за контрольно-счетными органами (далее – КСО) так, например, указанное полномочие осуществляется органами государственного внешнего финансового контроля, а именно Счетной палатой РФ, КСО субъектов РФ, КСО муниципальных образований [9]. Согласно положениям части 2 статьи 98 Закона №44-ФЗ Счетной палатой РФ и КСО субъектов и муниципальных образований проводится оценка деятельности и анализируются результаты закупок по достижению целей, определенных в соответствии с Законом №44-ФЗ [9].

В целях проведения аудита закупок установлен необходимый перечень мероприятий, регламентированных нормами Закона №44-ФЗ. К указанным мероприятиям относятся: экспертно-аналитическая деятельность, информационная и иная деятельность, целью которой является проверка, анализ и оценка информации о законности, целесообразности, обоснованности, эффективности и результативности расходов на закупки [9, ч. 3 ст. 98].

Деятельность по осуществлению финансового контроля в виде государственного аудита закупок представляет собой новый институт финансовых правоотношений, что подтверждается недостаточной разработанностью российского законодательства, регулирующего указанную сферу. Несовершенство и недостаточность разработки правовых норм подтверждается, например, положениями Закона №44-ФЗ устанавливающего лишь общий порядок осуществления аудита закупок Учитывая изложенное выше, Законом №44-ФЗ регламентируются положения отражающие общий порядок осуществления проверок и проведения мероприятий аудита закупок. Указанное подтверждает в свою очередь недостаточность качества и эффективности проведения проверок в сфере закупок [9].

В основе аудита закупок, при осуществлении его уполномоченными органами Российской Федерации, субъектов и муниципальных образований используются принципы финансового контроля.

Деятельность уполномоченных органов на осуществление аудита закупок регламентируется не только нормами правовых актов о контрактной системе, но и нормами финансово-правовых актов, а именно нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 5 апреля 2013 года №41-ФЗ «О счетной палате Российской Федерации» (далее – Закон №41-ФЗ), Федеральным законом от 7 февраля 2011 года №6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», нормативными правовыми актами, издаваемыми самими КСО, в том числе о порядке проведения аудита закупок.

Аудит закупок неразрывно связан с определением аудита эффективности в сфере закупок и при определении указанного понятия необходимо отражать взаимосвязь процедур закупок с бюджетным процессом, учитывая, что эффективность использования бюджетных средств, в том числе при осуществлении закупок, является основополагающим принципом бюджетной системы. Согласно статье 34 БК РФ указанный принцип определяет достижение участниками бюджетного процесса необходимого результата с использованием наименьших затрат на каждой из стадий бюджетного процесса, а именно при составлении и исполнения бюджетов [2].

Необходимо отметить, что при сравнении данного принципа с закрепленными стандартами ИНТОСАИ, понимание эффективности в системе российского права соответствует международным стандартам, закрепленным в международных правовых актах.

Процедура закупки представляет собой длительный процесс осуществления последовательных действий заказчика, начиная с планирования путем формирования плана и план-графика закупок на очередной финансовый год и плановый период, с целью обоснования бюджетных ассигнований на осуществление закупок и заканчивая отчетами об исполнении заключенных контрактов по окончании финансового периода.

Учитывая связь при осуществлении закупочных процедур с бюджетным процессом на разных его стадиях при планировании, предоставлении и использовании бюджетных средств на закупку то-

варов, работ, услуг, критерием эффективности закупок является отношение результата качества и соответствия требований, устанавливаемых для товаров, работ, услуг к размеру израсходованных бюджетных средств.

Учитывая изложенное выше, можно определить понятие аудит эффективности в сфере закупок (далее – аудит эффективности закупок, аудит закупок), как совокупность методов оценки экономической эффективности и результативности деятельности государственных и муниципальных заказчиков по расходованию средств бюджета и достижению целей, определяемых законодательством о контрактной системе в сфере закупок в установленные сроки и с заданным результатом качества при осуществлении закупок товаров, работ, услуг.

Законом №44-ФЗ в рамках проведения аудита закупок регламентирована проверка направляемых на закупки расходов с точки зрения целесообразности, обоснованности и своевременности [9, ч. 3 ст. 98].

Проведение процедур закупок заказчиками в соответствии с установленными Законом №44-ФЗ целями подпадает под понятие целесообразность закупок, осуществление установленных функций учреждения; реализация государственных и муниципальных программ; выполнение международных обязательств [9].

Обоснованность закупок включает в себя соблюдение требований, установленных законодателем к формированию и утверждению плана и план-графика закупок [9].

В законодательстве о контрактной системе отсутствует понятие своевременность закупок и не регламентируется принцип своевременности, но учитывая правоприменительную практику, под своевременностью закупки понимается планирование закупок с учетом норм бюджетного планирования и проведение процедур закупки заблаговременно, учитывая срок проведения закупок, для достижения ее целей. Так, например, при обосновании закупок на следующий год и формировании плана закупок Заказчик обязан соблюдать требования нормативных затрат, утвержденных главным распорядителем бюджетных средств по общему правилу до доведения лимитов бюджетных обязательств, в некоторых случаях по решению высшего исполнительного органа субъекта, муниципального образования Российской Федерации до представления субъектами бюджетного планирования обоснований бюджетных ассигнований в порядке, установленном финансовым органом.

При проведении аудита эффективности закупок проверке подлежат, как отдельные закупочные процедуры, так и вся совокупность действий по осуществлению деятельности проверяемого объекта как заказчика [5].

Понятие аудита эффективности отражается в научной литературе, как проверка экономичности, эффективности и продуктивности использования организацией собственных ресурсов при осуществлении задач и обязательств [8].

По результатам проведения аудита эффективности закупок у контрольных органов нет задачи оценить законность процедуры закупки, так как в процессе аудита осуществляется анализ и оценка результатов проведения закупочных процедур. В законе о контрактной системе не регламентировано положения о достижении заказчиками наилучшего результата с использованием наименьшего объема бюджетных средств, основной целью закупок для государственных и муниципальных нужд и осуществление только аудита эффективности закупок не позволяет сформировать условия для прозрачности таких закупок, укрепления правосознания конкурентности в обществе.

Таким образом, аудит эффективности закупок не содержит в себе основной задачи по выявлению незаконных действий со стороны должностных лиц заказчиков проверяемых объектов, а обеспечивает оценку степени их профессионализма, в том числе соответствие занимаемой должности и целесообразность предоставления финансовых ресурсов в их распоряжение.

Согласно положениям пункта 13 части 1 статьи 13 Закона №41-ФЗ деятельность Счетной палаты по осуществлению аудита закупок в рамках выполнения своих задач, [10] является самостоятельным видом контроля, осуществляемого, указанным КСО. Следует отметить, что при установлении, указанного выше полномочия отсутствует законодательное закрепление положений, регламентирующих порядок проведения данного вида аудита.

Необходимо отметить, что согласно международными правовыми актам финансовый аудит и аудит эффективности являются видами аудита, в соответствии с положениями Лимской декларации руководящих принципов контроля (далее – Лимская декларация) [3].

С точки зрения научного подхода основными формами деления финансового контроля являются: финансовый аудит, аудит соответствия, аудит эффективности [1, с. 98–100].

Согласно нормам Закона № 41-ФЗ, с точки зрения развития установленный международными стандартами подхода, закрепляются положения о деятельности Счетной палаты в рамках финансового аудита, аудита эффективности, в том числе положения о стратегическом аудите и о возможности проведения иных видов аудита [10, ч. 4 ст. 14].

Отдельные полномочия Счетной палаты согласно Закону №41-ФЗ должны рассматриваться в дополнение к правоотношениям, складывающимся в рамках финансового аудита специальным предметом: аудит в сфере закупок товаров, работ и услуг [10, ч. 12 ст. 14].

Согласно части 5 статьи 14 Закона №41-ФЗ предметом проверок в рамках финансового аудита является документальная проверка в целях выявления в пределах полномочий Счетной палаты достоверности финансовых операций, бюджетного учета, бюджетной и иной отчетности, целевого использования федеральных и иных

бюджетных средств, в рамках проверок финансово-хозяйственной и иной деятельности контрольных объектов [10]. Учитывая изложенное, к предмету контроля можно отнести соответствие принятых расходных обязательств, бюджетных средств установленным требованиям российского законодательства о контрактной системе на всех этапах закупки, наличие и соответствие установленным требованиям всех форм исполнительной и отчетной документации.

При осуществлении закупочных процедур, соответствующие правоотношения содержат в себе нормы требования и запреты, в том числе технического характера, например, работа в ЕИС или на электронных торговых площадках [4]. В понятии финансового аудита не содержится положений по осуществлению процедуры оценки процессов технического характера. Исходя из практической деятельности по осуществлению финансового контроля за процедурами закупок, совершаются формальные ошибки по содержанию, отраженному в установленных формах документов, и нарушению сроков, установленных законодательством Российской Федерации о контрактной системе. Указанные нарушения допускаются, ввиду невнимательности или в связи с неправильным пониманием норм действующего законодательства благодаря отсутствию профессиональных знаний необходимых для исполнения обязательных норм действующего законодательства.

Контроль за законностью проводимых заказчиком процедур относится к аудиту соответствия.

Учитывая положения статьи 72 БК РФ процедуры закупок осуществляются с учетом положений БК РФ, таким образом процедура закупок является составной частью бюджетного процесса, а законность и обоснованность начальных максимальных цен контрактов и сумм принятых бюджетных обязательств включает в себя законность правоотношений, складывающихся при осуществлении заказчиками процедур закупок. Учитывая изложенное выше, аудит соответствия необходимо рассматривать в качестве составной части финансового аудита в рамках проведения проверок в отношении закупочных процедур на предмет их «соответствия действующему бюджетном законодательству» [10].

При проведении аудита закупок необходимо включать в вопросы мероприятия: соблюдение заказчиками требований по составлению документации, утверждаемой для проведения закупочных процедур, соблюдение требований по проведению отдельных видов закупочных процедур, соблюдение общих требований к заказчику о наличии необходимых локальных актов для осуществления закупок, наличия необходимого количества обученных сотрудников, членов комиссии по закупкам.

Учитывая изложенное выше, а также положения ст. 98 Закона №44-ФЗ под предметом аудита закупок в широк смысле можно понимать соблюдение нормативных правовых актов в сфере закупок.

Необходимо отметить, что при проведении аудита закупок уполномоченные должностные могут отражать в актах проверки нарушения норм иного законодательства, выявленные в ходе проведения аудит с целью дальнейшей передачи информации о выявленных нарушениях в органы по соответствующей компетенции.

Согласно статье 98 Закона №44-ФЗ устанавливаются полномочия органов аудита по проверке эффективности и результативности расходов, направляемых на закупки для достижения целей их осуществления [9].

Отдельный вид аудита подразумевается согласно статье 4 Лимской декларации основным вопросом осуществления, которого является достаточность эффективности и экономности расходования государственных средств, и который охватывает в своем осуществлении специфику управленческой деятельности, с точки зрения организации и административного элемента [3].

Российским законодательством о контрактной системе аудит закупок закрепляется в качестве специфического полномочия КСО Российской Федерации, КСО субъектов и муниципальных образований. Нерешенным остается вопрос по разграничению компетенции КСО и иных органов, уполномоченных на осуществление контроля в сфере закупок.

Учитывая наличие формального разграничения компетенции указанных органов согласно положениям статьи 99 Закона №44-ФЗ, необходимо регламентированное решение вопроса об организации взаимодействия при «пересечении» мероприятий по проведению отдельных проверок деятельности заказчиков и деятельности складывающейся в рамках правоотношений по использованию бюджетных средств, учитывая, что в действующем законодательстве РФ не находят отражения нормы устанавливающие порядок согласования мероприятий проверок и их планов между КСО и иными контрольными органами.

Законодательством о контрактной системе определены органы, осуществляющие контрольную деятельность: осуществляющие функции по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов, в части соответствия информации об объемах финансового обеспечения, органы внутреннего государственного финансового контроля, в части соблюдения требований закона №44-ФЗ и иных нормативных правовых актов в сфере закупок, главные распорядители бюджетных средств, в рамках ведомственного контроля [9].

Открытым остается вопрос о мерах реагирования, применяемых по итогам деятельности контрольных органов и КСО. В силу требований законодательства контрольные органы имеют право осуществлять административное производство. Выдавать обязательные для исполнения предписания и обращаться в суд с требования о признании проведенных закупок недействительными, то КСО специальных мер реагирования в рамках аудита закупок лишены и могут пытаться препятствовать незаконному и неэффективному использованию средств в рамках общей компе-

тенции. Отсутствие права на судебное оспаривание итогов закупок существенно ограничивает эффективность деятельности КСО.

Счетной палатой за период с января по декабрь 2017 г. было проведено 175 контрольных мероприятий, включающих в себя проверку закупочной деятельности заказчиков 340 объектов контроля [6].

В результате проведенных в 2017 г. контрольных мероприятий было выявлено 2178 нарушений законодательства о контрактной системе в сумме 104,6 млрд. рублей, в 2016 г. 823 нарушения в сумме более 48,8 млрд. рублей. Выявленные Счетной палатой нарушения за период с января по декабрь 2017 г. по применению законодательства о контрактной системе увеличились в 2 раза по сравнению с предыдущим годом [6].

Указанное увеличение по нарушениям законодательства о контрактной системе напрямую связано с утверждением методических рекомендаций по проведению аудита закупок, в том числе, учитывая большее количество проверок и проверяемых объектов, а также совершенствование доступности и открытости информации, размещаемой на портале ЕИС [6].

Наиболее распространенные нарушения законодательства о контрактной системе в зависимости от суммы выявляемых Счетной палатой нарушений, можно выделить следующие:

– нарушения обязательных условий исполнения контрактов, в том числе установленных сроков, включая выполнение заказчиками условий по соблюдению сроков оплаты контракта (68,2 % от общей суммы выявленных нарушений);

– нарушения установленных правил при обосновании начальной цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (13,1 %);

– неисполнение обязательств по заключению и оплате контрактов в нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации с превышением пределов доведенных лимитов бюджетных обязательств (11,2 %);

– неисполнение обязательных условий заключенных контрактов по приемке и оплате товаров, работ, услуг (2,4 %);

– неисполнение обязанности заказчиком по применению мер ответственности по контракту, установленной в соответствии с Законом № 44-ФЗ, а именно не применение мер взыскания неустойки (пени, штрафов) в результате нарушения поставщиком, подрядчиком условий заключенного контракта (1,4 %);

– несоблюдение требований, установленных Законом № 44-ФЗ по внесению изменений в контракт (0,8 %).

Согласно сведениям по ФАС России, за период с января по декабрь 2017 г. от Счетной палаты было зарегистрировано 110 обращений, предположительно имеющих состав правонарушения нарушения законодательства о контрактной системе, из них подтверждено 65 обращений. В результате оценки поступивших фактов по указанным обращениям были подтверждены 181 нарушение, из которых 105 фактов (58 %) подпадали под административное правонарушение. Всего ФАС России было взыскано по результатам административного производства на сумму 743 тыс. рублей [6].

В целях выполнения своих полномочий и достижения задач, определенных Законом №41-ФЗ Счетная палата на основании соглашений осуществляет взаимодействие с КСО субъектов РФ в целях координирования и совершенствования деятельности по осуществлению внешнего финансового контроля, в том числе аудита закупок.

В целях совершенствования результатов процедур закупок с точки зрения качества, результативности и достижения необходимых задач, определяемых Законом №44-ФЗ, в том числе совершенствования мероприятий, проводимых в рамках аудита закупок, особое внимание требуется уделить внедрению следующих элементов контрактной системы:

– разработка и утверждение на уровне Российской Федерации большего количества с учетом разнообразия отдельных видов объекта закупок типовых контрактов;

– разработка и законодательное утверждение обязательных императивных норм, регламентирующих порядок обоснования начальных максимальных цен при осуществлении закупок;

– разработка и включение в открытой единой информационной системе в виде единого каталога цен, как по отдельным субъектам Российской Федерации, так и на Федеральном уровне для государственных нужд о средних рыночных ценах на товары, работы, услуги с целью применения заказчиками доступной информации для обоснования начальных максимальных цен контракта методом сопоставимых рыночных цен;

– совершенствование функций портала ЕИС в целях обеспечения своевременного контроля за деятельностью заказчиков по осуществлению закупок на всех стадиях закупочного процесса.

В рамках осуществления деятельности по аудиту закупок необходимо ориентировать вопросы мероприятий проверок не только на выявление фактов несоблюдения условий заключенных контрактов, как со стороны заказчика, так и поставщика, но и главным образом фактов, обеспечивающих связь выявленного нарушения с не эффективным расходованием бюджетных средств и не достижением определенных законодательством о контрактной системе и бюджетным законодательством Российской Федерации результатов закупки. Элементы указанные выше должны обеспечить необходимый уровень качества проводимых закупок и их результатов, а также послужить необходимым катализатором к повышению эффективности и результативности использования бюджетных средств используемых при проведении закупочных процедур.

Литература

1. Бровкина Н. Д. Основы финансового контроля: учебное пособие. М.: Магистр, 2007. 382 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Гарант: комп. справ. правовая система. URL: http://base.garant.ru (Дата обращения: 09.01.2019).
3. Лимская декларация руководящих принципов контроля (принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 году). Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации URL: http://www.ach.gov.ru (Дата обращения: 09.01.2019).
4. Мирошник О. А. Методика и практика осуществления контрольно-счетными органами аудита в сфере закупок // Местное право. 2017. №3. С.29–42.
5. Мирошник О. А. Полномочия контрольно-счетных органов по аудиту в сфере закупок: реалии и перспективы // Вестник АКСОР. 2013. №2. С.66–69.
6. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации». Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: http://www.ach.gov.ru (Дата обращения: 09.01.2019).
7. Пономарев С. Счетная палата как орган аудита в сфере закупок: проблемы правового регулирования государственного аудита // Бюджетные организации: бухгалтерский учет и налогообложение. 2015. № 2. // Гарант: комп. справ. правовая система. URL: http://base.garant.ru (Дата обращения: 09.01.2019).
8. Саунин А. Н. Аудит эффективности в государственном финансовом контроле // Финансы. 2004. №2. С.15.
9. Федеральный закон от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Гарант: комп. справ. правовая система. URL: http://base.garant.ru (Дата обращения: 09.01.2019).
10. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Гарант: комп. справ. правовая система. URL: http://base.garant.ru (Дата обращения: 09.01.2019).

Reference

1. Brovkina N. D. Osnovy finansovogo kontrolya *(Foundation of Financial Control).* Moscow: Magistr, 2007. 382 p. (In Russian)
2. Byudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 g. №145-FZ URL: http://base.garant.ru (Accessed: 09.01.2019). (In Russian)
3. Limskaja deklaracija rukovodjashhih principov kontrolja (prinjata IH Kongressom Mezhdunarodnoj organizacii vysshih organov finansovogo kontrolja (INTOSAI) v g. Lime (Respublika Peru) v 1977 godu). *(The Lima Declaration of Guidelines on Auditing Precepts). The official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation)* URL: http://www.ach.gov.ru (Accessed: 09.01.2019) (In Russian)
4. Miroshnik O. A. Metodika i praktika osushchestvleniya kontrol'no-schetnymi organami audita v sfere zakupok *(Methods and Practice of Implementation of Audit in the Field of Procurement by Control and Audit Authorities)* // Mestnoe pravo. 2017. No. 3. P.29–42. (In Russian)
5. Miroshnik O. A. Polnomochiya kontrol'no-schetnykh organov po auditu v sfere zakupok: realii i perspektivy *(Powers of Audit and Audit Authorities in the Field of Procurement: Realities and Prospects)* // Vestnik AKSOR. 2013. No. 2. P. 66–69. (In Russian)
6. Report on the results of the expert-analytical event «Monitoring the development of the system of state and corporate procurement in the Russian Federation». The official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation. URL: http://www.ach.gov.ru (Accessed: 09.01.2019). (In Russian)
7. Ponomarev S. Schetnaya palata kak organ audita v sfere zakupok: problemy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo audita *(Audit Chamber as an Audit Body in the Field of Procurement: Problems of Legal Regulation of State Audit)* URL: http://base.garant.ru (Accessed: 09.01.2019). (In Russian)
8. Saunin A.N. Audit effektivnosti v gosudarstvennom finansovom kontrole *(Audit of Efficiency in State Financial Control)* // Finansy. 2004. No. 2. P.15. (In Russian)
9. Federal'nyi zakon ot 05.04.2013 g. № 44-FZ «O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» *(On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs)* // Garant: pravovaya sistema. URL: http://base.garant.ru (Accessed: 09.01.2019). (In Russian)
10. Federal'nyi zakon ot 05.04.2013 g. №41-FZ «O Schetnoi palate Rossiiskoi Federatsii» *(On the Accounts Chamber of the Russian Federation)* // Garant: pravovaya sistema. URL: http://base.garant.ru (Accessed: 09.01.2019). (In Russian)

Сведения об авторе

Гладчук Антон Владимирович – аспирант юридического института кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / gladchukavzakupki@yandex.ru

Information about the author

Gladchuck Anton – Post Graduate, Chair of Administrative and Financial Law, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / gladchukavzakupki@yandex.ru

УДК 336.22

М. В. Койлова

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ РОССИИ В АСПЕКТЕ АНАЛИЗА ПОСЛЕДНИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

В статье анализируются новеллы последних лет в сфере налогового права, а также находящиеся в стадии обсуждения идеи через призму воплощения в них идеи справедливости. В данном контексте произведена их оценка, выявлены преимущества и недостатки. Также отмечены проблемные аспекты, которые могут возникнуть в процессе их реализации и предложены меры по их преодолению.

Был сделан вывод о том, что именно пропорциональная шкала налогообложения в большей мере согласуется с принципом справедливости, поскольку предполагает равенство правовой позиции лиц сообразно их экономическому положению. В связи с этим были приведены контраргументы на позиции противников подобного преобразования, которые сводятся к росту «теневого сектора», усложнению налогового администрирования и снижению покупательной способности населения.

Также нами был проанализирован видоизмененный алгоритм налогообложения имущества граждан и отмечены проблемы его практической апробации.

Хотя нами была одобрена идея расчета данного налога исходя из кадастровой стоимости вместо инвентаризационной, поскольку впредь налог напрямую обусловлен реальной стоимостью с опорой на коммерческие свойства объекта и общую роль в рыночной инфраструктуре, на практике действительно «справедливая» реализация данной новеллы пока проблематична в силу неготовности единого кадастра недвижимости и отсутствия унифицированной методики, что влечет частые случаи оспаривания стоимости имущества.

Далее, применительно к курортному сбору нами был сделан вывод о том, что законодатель, следуя зарубежному опыту, решил позаимствовать опыт введения подобного сбора, однако не учел специфику «российской почвы», поскольку не принят во внимание контингент туристов, посещающих экспериментальные площадки, а также не воспринят дифференцированный подход к размеру взимаемого сбора. В качестве потенциально возможного последствия отмечается уменьшение турпотока в официальный туристический сектор российских курортов, что повлечет потерю всех налогов с этой части.

Наконец, в отношении налогообложения самозанятых мы пришли к выводу о том, что, данная идея, будучи в целом прогрессивной, вряд дли повлечет массовый «выход из тени», поскольку даже предлагаемые преимущества такого шага пока не в состоянии перевесить риски и угрозы для данной категории граждан.

В завершение оценены перспективы последующего развития данных идей и концепций и их влияние на упрочнение принципа справедливости в налоговом праве России.

Ключевые слова: принцип справедливости, налоговая нагрузка, прогрессивная шкала налогообложения, налог на недвижимое имущество, курортный сбор, налогообложение самозанятых, кадастровая оценка.

M. V. Koilova

THE OBJECTIFICATION OF THE PRINCIPLE OF FAIRNESS IN TAX LAW OF RUSSIA IN THE ASPECT OF ANALYSIS OF RECENT LEGISLATIVE DEVELOPMENTS

The article analyzes the novelties of recent years in the field of tax law, as well as the ideas under discussion through the prism of the implementation of the idea of justice. In this context, their assessment was made, the advantages and disadvantages were identified. The author notes some problematic aspects that may arise in the process of their implementation and proposed measures to overcome them.

It was concluded that it was the proportional scale of taxation that was more consistent with the principle of equity, since it implied equality of legal position of persons in accordance with their economic situation. In this regard, counterarguments were given to the positions of opponents of such a transformation, which are reduced to the growth of the “shadow sector”, the complication of tax administration and the decrease in the purchasing power of the population.

We also analyzed the modified algorithm of taxation of citizens’ property and noted the problems of its practical approbation.

Although we approved the idea of calculating this tax on the basis of cadastral value instead of inventory value, since from now on the tax is directly due to the real value based on the commercial properties of the object and the general role in the market infrastructure, in practice, the “fair” implementation of this novel is still problematic due to the unavailability of the unified real estate cadastre and the unity of methodology, which leads to frequent cases of contesting the value of property.

Further, with regard to the resort collection, we concluded that the legislator, following foreign experience, decided to borrow the experience of the introduction of such a collection, but did not take into account the specifics of the “Russian soil”, because it does not take into account the contingent of tourists visiting the experimental sites, and will not accept a differentiated approach to the amount of the tax.

As a potentially possible consequence, there is a decrease in the tourist flow to the official tourist sector of Rus-

sian resorts, which will result in the loss of all taxes from this part.

Finally, with regard to the taxation of self-employed, we concluded that this idea, being generally progressive, is unlikely to lead to a massive “way out of the shadow”, because even the proposed advantages of such a step are not yet able to outweigh the risks and threats to this category of citizens.

In conclusion, the prospects of further development of these ideas and concepts and their impact on strengthening the principle of justice in the tax law of Russia are evaluated.

Key words: the principle of justice, tax burden, progressive scale of taxation, real estate tax, resort fee, tax on the unemployed, cadastral valuation.

Потребность в разработке фундаментальных основ налогообложения была обусловлена процессами развития государственности и усилением роли налогов в покрытии государственных расходов. Заслуга в конструировании прочного теоретического фундамента принципиальных основ налогообложения по праву принадлежит экономисту А. Смиту, что нашло выражение в изданном им в 1776 г. труде «Исследование о природе и причинах богатства народов», где они были не только четко сформулированы, но и научно обоснованы [1, с. 75].

Бесспорен тот факт, что из всего многообразия принципов налогообложения, как предложенных А. Смитом, так и впоследствии привнесенных иными исследователями с учетом меняющихся социально-экономических реалий, нишу самого дискуссионного и сложного для практической реализации занимает принцип справедливости. Несмотря на прошедшее с момента его обоснования время, проблема достижения справедливости в налоговом праве приобрела еще большую актуальность, что весьма логично, так как сама категория «справедливости» исключительно неопределенна и вариативна в своей трактовке.

Не стремясь охватить весь плюрализм воззрений на справедливость в налоговом праве, более целесообразным представляется провести обзор некоторых как уже воспринятых законодателем новелл, так и находящихся в стадии обсуждении и разработки предложений последних лет в исследуемой сфере и проанализировать их с позиции соответствия началам справедливости.

1. Прогрессивное налогообложение как синоним социальной справедливости. Несмотря на то обстоятельство, что дебаты о необходимости введения прогрессивной ставки налогообложения с трудом можно назвать новыми – они сопровождают весь процесс функционирования системы налогов и сборов, споры об этом с каждым годом приобретают всю большие остроту и масштаб.

Практически ежегодно в Государственную Думу вносятся законопроекты по данному вопросу. Прошлый год также не стал исключением − в октябре 2017 г. Госдумой были отклонены в первом чтении четыре законопроекта о переходе к прогрессивной шкале по налогу на доходы физических лиц [2].

Между тем, с учетом достаточно проблематичной экономической обстановки и тенденции роста бюджетного дефицита, идея о повышении налогов выглядит все более привлекательной. Показательно, что 30 июля 2017 г. первый заместитель министра финансов Татьяна Нестеренко заявила, что поддержание стабильности в экономическом сегменте России обеспечивается только за счет резервов, которые истощатся к концу 2017 года.

Несмотря на множество критических замечаний в адрес сторонников системы прогрессивного налогообложения, в числе которых, прежде всего, рост «теневого сектора», усложнение налогового администрирования и снижение покупательной способности населения, хотелось бы отметить следующее.

Принцип справедливости выступает первоосновой построения системы налогообложения и предполагает равенство налоговой позиции лиц, занимающих равное экономическое положение. В связи с данным обстоятельством, именно пропорциональная шкала налогообложения в большей степени отвечает данному принципу.

Что касаемо усложнения процессов управления и контроля в сфере налогообложения, хотелось бы возразить, отметив, что для подавляющего большинства населения России, имеющего один источник дохода, необходимость составления декларации с отражением суммарно полученного годового дохода будет отсутствовать. Остальные же налогоплательщики, в силу достаточной ясности российского налогового законодательства, в отличие от иных развитых зарубежных стран, не столкнутся с проблемой при их заполнении, что наглядно демонстрирует прежний многолетний опыт функционирования в России прогрессивной ставки.

Более того, представляется, что введение в практику налогообложения налоговых деклараций сыграет позитивную роль, способствуя повышению налоговой культуры населения, а также осознанию внесения личного вклада в обеспечение правопорядка, обороны страны [3, с. 108]. Напротив, в ситуации, когда удержание налога производится налоговым агентом, большинство населения даже не задумывается над этим.

Наконец, налоговое декларирование выступает важнейшим документом, подтверждающим легальность осуществляемых гражданином расходов, введение мер по контролю за которыми является одним из излюбленных мер государства.

Что касаемо ФНС России, то в современных условиях наращивания информационно-вычислительной мощности, обработка налоговых деклараций и контроль в этой сфере не потребуют существенных затрат и многочисленного персонала.

В отношении довода о снижении покупательной способности хотелось бы отметить, что при условии введения продуманной шкалы налоговых ставок и установлении необлагаемого минимума эти опасения будут беспочвенны, и, более того, скорее, ожидаемым итогом будет планомерное повышение покупательной способности основной массы населения страны.

В завершение следует резюмировать, что главное предназначение индивидуализированного налога на доходы физических лиц состоит не столько в изъятии доли дохода у состоятельной части населения с передачей ее малообеспеченным, сколько в минимизации расслоения населения по уровню обеспеченности [4, с. 127]. Представляется, что плоская шкала не способна преодолеть данную тенденцию, поскольку со стороны обеспеченного населения уплата налога практически неощутима, ведь его доходы слагаются в основном не из заработной платы, а от имеющегося в его распоряжении капитала. Решение данной проблемы возможно исключительно посредством установления прогрессивных ставок налогов с доходов, которые, к слову, применяет подавляющее большинство экономически развитых стран мира.

Однако отметим, что в процессе установления прогрессивной шкалы ставок налога на доходы крайне важно их продумать и экономически обосновать, иначе преимущества данной системы трансформируются в ее недостатки. При этом следует принимать во внимание тот факт, что цель собирания значительной прибыли за счет возложения существенного налогового бремени исключительно на состоятельных лиц, вероятней всего, не будет достигнута, поскольку их процент в России не так велик, и, кроме того, у данного класса населения имеются «схемы» вывода средств в офшоры. Поэтому очень важно разработать оптимальный вариант, чтобы последствия не стали еще более плачевными, чем мы имеем на сегодняшний день. В данном отношении немаловажно, что В. В. Путин выдвинул предложение о том, чтобы 2018 год был годом обсуждения налоговой политики, в качестве одного из важнейших элементов которого как раз выступает налог на доходы физических лиц.

2. «Обновленный алгоритм» исчисления налога на недвижимое имущество граждан. Последние годы также характеризовались актуализацией вопроса замены земельного налога и налога на имущество единым налогом на недвижи¬мость, что, как неоднократно отмечал в ежегодных посланиях Федеральному Собранию РФ Владимир Путин, будет достаточно уверенным шагом вперед к справедливому налогообложению имущества, поскольку повлечет перераспределение налоговой нагрузки между собственниками больших квартир и земельных участков, и владельцами недорогого имущества.

Следует указать на тот факт, что несколько раз осуществлялся перенос принятия данного закона, что объяснялось частичной готовностью системы государственного кадастра, служащей основой для определения кадастровой стоимости объектов недвижимости, а также отсутствием определенности по вопросу дифференциации ставок для разных категорий граждан и разных видов объектов.

Тем не менее, с 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 04.10.2014 г. №284-ФЗ «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физичес¬ких лиц», и суть нововведения в том, что в качестве налоговой базы теперь выступает не инвентаризационная стоимость объекта недвижимости, а его кадастровая стоимость на дату постановки на кадастровый учет [5, с. 18].

Трансформация существующего ранее механизма исчисления налоговой базы была продиктована целью нивелирования социальной несправедливости – впредь налог напрямую обусловлен реальной стоимостью, поскольку в отличие от инвентаризационной стоимости, воспринимающейся как некого анахронизма и включающей параметры себестоимости объекта при строительстве и его износа, кадастровая стоимость опирается на коммерческие свойства объекта, включая материал, из которого он сооружен, возраст, расположение относительно центра города и общую роль в рыночной инфраструктуре. Вышеизложенное объясняет порой кардинальную разницу между кадастровой и инвентаризационной стоимостью.

Переход на новую систему налогообложения имущества физических лиц, исходя из кадастровой стоимости имущества, императивен для всех регионов России и должен быть завершен к 1 января 2020 г. Представляется, что наиболее ощутимы указанные нововведения будут для владельцев недвижимости с высокой рыночной стоимостью, чья налоговая нагрузка возрастет в несколько раз [6, с. 35]. В то же время, по заверениям экспертов, «средний покупатель» ощутит рост налогового бремени в незначительной степени, учитывая, помимо прочего, введение категорий граждан, освобожденных от уплаты налога на один объект недвижимости, а также ряд понижающих коэффициентов.

В целом, хотелось бы одобрить идею расчета налога исходя из рыночной стоимости имущества, но, вместе с тем, ее по-настоящему «справедливая» реализация требует достоверного видения этой стоимости, что в условиях российского государства является весьма проблематичной задачей: рынок недвижимости еще довольно молод, единый кадастр недвижимости по-прежнему отсутствует.

Между тем, от правильности проведения кадастровой оценки объектов налогообложения во многом зависят динамика и тенденции роста налоговой нагрузки, поскольку уже сегодня многие юридические и физические лица прибегают к оспариванию завышенной, по их мнению, кадастровой стоимости земель.

Вышеизложенное послужило поводом для оглашенного 1 марта 2018 г. в «Манеже» требования В. В. Путина в послании Федеральному Собранию по оптимизации в кратчайшие сроки порядка расчета налога на имущество физических лиц. Обоснованием тому послужило то обстоятельство, что кадастровая стоимость, которая вроде бы должна соответствовать рыночной, зачастую превышает ее во много раз, что недопустимо. Налог, как отметил Президент, должен быть «справедливым и посильным для граждан» [7].

3. Курортный сбор. Также интересен с позиции принципа справедливости вопрос о целесообразности введения так называемого курортного сбора – с 1 мая 2018 г. был запущен эксперимент, который будет длиться до 31 декабря 2022 г. включительно, предусматривающий плату за пользование курортной инфраструктурой в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях. Нормативной основой данного нововведения выступает Федеральный закон от 29.07.2017 г. №214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае». В свою очередь, на территории данных субъектов РФ также разработаны соответствующие законы – к примеру, в Ставропольском крае это Закон Ставропольского края от 08.12.2017 г. №130-кз «О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае», где в качестве экспериментальных территорий определены город-курорт Ессентуки; город-курорт Железноводск; город-курорт Кисловодск; город-курорт Пятигорск [8].

По словам разработчиков, обязанность по уплате данного сбора будет возложена не только на приезжающих иностранных туристов, но и на граждан РФ, за исключением не достигших совершеннолетия лиц, инвалидов и ветеранов, а его размер не будет превышать пятидесяти рублей в сутки. К слову, для 2019 года максимальная ставка уже составляет 100 рублей.

Вместе с тем, считаем, что этот вопрос более проблематичен, чем кажется на первый взгляд. Разумеется, «правительственные» цели при введении данного эксперимента исключительно благие, и все концентрирующиеся в региональных бюджетах доходы от этого сбора предназначены для инвестирования в развитие туристического сектора. Однако мы стали свидетелями кристальной логики либерального подхода к экономике, порождающей стремительное увеличение социального неравенства и подрывающей устойчивость государства к внешнему воздействию. Показателен негативный исторический опыт, когда Краснодарский край в 2004 году ввел данный налог, поступления составили 4 млн рублей, однако затраты на его администрирование превысили указанную сумму.

Дело в том, что законодатель, следуя зарубежному опыту, решил позаимствовать опыт введения подобного сбора, однако не учел специфику «российской почвы». В отличие от курортов Западной Европы, где поток иностранцев исключительно велик, на курорты Крыма, Краснодарского края, в лечебницы Ставропольского края и Алтая едут в подавляющем большинстве граждане России, а иностранцы составляют мизерную долю общего туристического потока.

Далее, на Западе размер курортного сбора варьируется от 1,5 до 5 евро в сутки, что для жителя Европы неощутимая сумма, уплачиваемая, к тому же, иностранцами. В то же время, представляется, что 50 руб. (с 2019 г. – 100 рублей) для жителя России является несколько иной величиной, учитывая, что минимальная стоимость путевки в лечебницы на «экспериментальные площадки» составляет около 2500 рублей в сутки, уплата сверх этого курортного сбора приведет к ее увеличению примерно на 3 %.

Также во всем мире наблюдается гибкий подход к решению данного вопроса, и подлежащая уплате сумма обусловлена категорией отеля, престижностью курорта, стоимостью путевки. В России же сумма сбора на практике одинакова для всех. Состоятельные граждане не ощутят разницы в стоимости, в то время как не располагающие высоким доходом граждане могут оказаться в достаточно непростой ситуации, что нельзя признать справедливым. Данное обстоятельство неоднократно отмечалось некоторыми депутатами, к примеру, Николаем Осадчим, еще на стадии второго чтения документа.

Кроме того, как видится, введение курортного сбора на постоянной основе неизбежно приведет к уменьшению турпотока в официальный, белый туристический сектор российских курортов [9, с. 67]. Странно, что Правительство, придерживающееся этой логики в отношении НДФЛ, в иной ситуации не предвидит, что немалая часть турпотока будет смещена в тень, что повлечет потерю всех налогов с этой части.

Несправедливость данной новеллы также можно рассмотреть в другой плоскости: согласно принятой поправке, частный сектор не попадает под действие закона, что было вынужденной мерой в силу особой сложности администрирования курортного сбора.

Между тем, именно частный сектор на сегодняшний день «вмещает» две трети всего турпотока, и уже сегодня звучат возражения со стороны владельцев объектов туристической инфраструктуры, апеллирующих к тому, что они «взяты за горло», несмотря на наличие сертификации, компетентного персонала, получающего официальную заработную плату, своевременную и полную уплату налогов, в то время как в частном секторе наблюдается непозволительная свобода действий и бесконтрольность.

В данном отношении важно отметить, что В. В. Путин, давая поручение правительству по поводу курортного сбора, потребовал осторожного и гибкого подхода. Мы же явственно наблюдаем, что в своем настоящем виде курортный сбор выступает налогом на граждан с неудовлетворительным уровнем доходов, желающих улучшить свое здоровье, отдыхая в России, при отсутствии

сопутствующих мер по повышению жизненного уровня населения, что нельзя признать соответствующим началам справедливости.

4. Налог за «отсутствие официального места работы» и налогообложение самозанятых. В последнее время в кругу представителей высших властных структур все настойчивей звучала мысль о необходимости введения нового налога для лиц без официального места трудовой деятельности, что, по мнению большинства чиновников, будет в полной мере отвечать требованию справедливости и позволит нормализовать бюджетную обеспеченность.

В сентябре 2017 года вице-премьер Ольга Голодец заявила, что Минтруд России готовит законопроект, который обяжет официально неработающих граждан производить ежегодные взносы в казну за пользование объектами социальной инфраструктуры государства для нивелирования дефицита Фонда обязательного медицинского страхования. Реализация идеи введения данного налога также предполагает, по замыслу разработчиков, формулирование нового понятия: «граждане трудоспособного возраста, не имеющие объективных причин быть неработающими».

Отсюда, важно уточнить, что данный законопроект направлен не на граждан, не имеющих возможности трудиться по объективным причинам, а скорее на лиц, трудоустроенных неофициально, имеющим неучтенный доход, при этом пользующихся всеми благами современного социального общества (прежде всего, речь идет о медицине и пенсионных платежах). Здесь уместно замечание премьер-министра Дмитрия Медведева, отмечающего, что данный налог неверно трактовать как взимание платы с неработающих граждан – он скорее представляет собой инструмент «вовлечения в систему платежей за социальные услуги уклоняющихся от их оплаты лиц» [10].

Ряд независимых экспертов считают, что данный законопроект вместо ожидаемых доходов приведет к дополнительным расходам, поскольку им предусматривается освобождение от налогообложения зарегистрированных на бирже лиц, что может повлечь процессы массовой регистрации в Центрах занятости, и государство будет вынуждено выделять денежные средства на оплату их пособий.

Как верно указал председатель Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам Сергей Рябухин, первоочередная мера должна заключаться в определении контингента налогоплательщиков. При этом он отметил некорректность названия «налог на тунеядцев» в силу верховенства конституционного принципа свободы труда. В целях реализации данной меры была проведена сверка данных о застрахованных лицах в системе обязательного медицинского страхования для установления статуса «работающий». По ее итогам, из числа трудоспособного населения доля лиц, не получающих доходы от трудовой деятельности составила 16,4 млн. При этом официально в качестве безработных зарегистрировано 1,4 млн россиян [11].

Изначально предполагалось, что, начиная с 2019 года, размер данного налога будет установлен в размере около 20000 рублей в год, из которых 15 тысяч будут подлежать перечислению в Пенсионный фонд, а 10 тыс. – в систему медицинского страхования. Обозначенная выше сумма впоследствии была снижена до 8 тыс., однако эксперты считают ее также слишком завышенной, предлагая начальный порог в 500 рублей. В любом случае, очевидно, что адекватный расчет суммы, затрачиваемой из бюджета на неработающего человека, отсутствует.

Идея внедрения данного налога базируется на более чем двухлетнем опыте его функционирования в Белоруссии, уже долгое время выступающей в роли «полигона», на примере которого российские властные структуры наблюдают реакцию населения на нововведения.

В апреле президентом Белоруссии А. Г. Лукашенко был подписан декрет «О предупреждении социального иждивенчества», обязывающий трудоспособное население, проживающее на территории страны, но при этом не работающее и не платящее налогов более полугода, ежегодно производить уплату сбора в размере около 250 долларов под угрозой привлечения к административной ответственности. Это повлекло массовые протесты в начале 2018 года в крупных городах с требованием существенной доработки закона, а сбор был оплачен около 10 % от всех неработающих человек.

Учитывая этот негативный опыт и объективно осознавая трудности выявления «безработных граждан и внесения их в единый реестр, Министр труда Максим Топилин сообщил, что будет разработано решение, благодаря которому произойдет легализация доходов неофициально работающих россиян [12].

Подобная идея нашла свое воплощение в налогообложении самозанятого населения. На сегодняшний день отсутствует полная ясность относительно всех значимых аспектов, однако власти были единогласны в предоставлении самозанятым налоговых каникул до 2019 года взамен на то, что они «самоидентифицируются» в налоговом органе. К слову, благородные намерения государства не были оценены, что подтверждают статистические данные, согласно которым с 2017 г. процедуру регистрации прошли менее полутора тысяч человек по всей России.

Тем не менее, эксперимент по самозанятым стартует в пилотном режиме уже с 1 января следующего года, но пока лишь в нескольких регионах (Москва, Подмосковье, Татарстан и Калужская область). Продлится налоговый эксперимент 10 лет – с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2028 г.

Министерство финансов предлагает под самозанятыми понимать лиц, не имеющих наемных работников и получающих доход от оказания услуг и продажи товаров как физическим, так и юридическим лицам. Здесь недостает конкретики, однако, вероятно, фрилансеры в традиционном понимании охватываются данным определением. Речь идет о репетиторах, косметологах,

нянях, фотографах, художниках, блоггерах, переводчиках, копирайтерах, массажистах и иных − с них предлагается взимать так называемый налог на профессиональный доход в размере 4 % в случае оказания услуг частым лицам, и 6 % − юридическим лицам. При этом отсутствует необходимость регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, равно как приобретение онлайн-касс, вместо которых планируется разработка мобильного приложения с биометрической идентификацией, в котором ежемесячно будут отражаться доходы лица, служащие базой для удержания указанных ранее процентов.

Предполагается, что мотивацией для самозанятых будет выступать низкая по сравнению с удерживаемой из дохода официально трудящихся налоговая ставка. По расчетам Национального агентства финансовых исследований, средняя заработная плата фрилансера (20800 рублей) предполагает уплату фискального сбора в размере 600 рублей [13].

Не оспаривая прогрессивность данной идеи, хотелось бы отметить некоторую проблематичность – как поступать людям, не имеющих смартфонов с приложениями, процент которых очень существенен, в особенности, в маленьких городках и селах, где поиск официальной работы со стабильным заработком − большая удача?

Кроме того, кто может дать гарантии того, что после «выхода из тени» самозанятые не будут вынуждены уплачивать гораздо большие суммы налогов?

В силу данных факторов, даже предлагаемые преимущества такого шага (получение официального статуса предпринимателя, что открывает возможности для получения кредитов, размещения рекламы, заключения договоров, отстаивания своих прав как предпринимателя в суде; получения привилегий малого бизнеса в виде «налоговых каникул», грантов и иные) пока не в состоянии перевесить риски и угрозы для данной категории граждан.

В целом, эффективность данного предложения сомнительна, ведь администрирование налога, разработка приложений и сопутствующие этому расходы могут существенно превысить получаемые финансовые выгоды.

Подтверждает вышеизложенное и скептицизм самого Минфина − заместитель министра финансов Илья Трунин откровенно признал, что налог на самозанятых не расценивается в качестве значимого источника доходов, и от него ожидается нейтральный эффект.

С учетом этого, можно прийти к выводу о том, что смысл данной задумки скорее в персонифицированном учете легализовавшихся фрилансеров для последующего фискального контроля за ними посредством метода «кнута и пряника».

Мало кто согласится выбрать траекторию «выхода из тени» из соображений предосторожности. Тот факт, что средства пойдут в регион или на обязательное медицинское страхование (1,5 %), для гражданина не так ощутимо, потому что и сегодня регионы платят взносы в Фонд ОМС за безработных. Если бы речь шла о взносах в ПФР, то для человека был бы смысл переходить на новый налоговый режим.

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы отметить, что каждое из рассмотренных в рамках настоящей статьи законодательных предложений по достижению справедливости в налогообложении обладает рациональным началом, но, вместе с тем, таит в себе значительные риски и угрозы для устойчивости системы налогообложения России.

В данном отношении следует указать, что успешность реализации любой идеи обусловлена тактикой ее воплощения, и предстоит скрупулезная подготовительная работа по согласованию всех значимых нюансов, плодотворность которой продемонстрируют лишь время и правоприменительная практика.

Литература

1. Рябых Д. И. Принцип справедливости в налоговом праве // Налоги. 2017. №13. С. 74–78.

2. Госдума отклонила законопроекты о прогрессивной шкале НДФЛ URL: https://ria.ru/economy/20171012/1506705596.html (Дата обращения: 10.03.18).

3. Пансков В. Г. Прогрессивная или пропорциональная шкала налогообложения: что лучше и эффективнее // Экономика. Налоги. Право. 2017. №2. С.105–112.

4. Демин А. В. О соразмерности налогообложения // Финансы. 2002. №6. С.125–130.

5. Абакарова Р. Ш. Краткий обзор изменений по налогу на имущество физических лиц // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №3. С.17–22.

6. Целищева М. С. Налог на имущество физических лиц в России: социальное измерение // Научные записки молодых исследователей. 2017. №1. С.31–42.

7. Новый налог на недвижимость – это узаконенный грабеж россиян? URL: http://artyushenkooleg.ru/wp-oleg/archives/11808 (Дата обращения: 20.08.18).

8. Путин поручил пересмотреть несправедливые налоги на недвижимость URL: https://legal.report/article/01032018 (Дата обращения: 15.03.18).

9. Закон Ставропольского края от 08.12.2017 г. №130-кз «О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае» URL: http://www.dumask.ru (Дата обращения: 14.10.18).

10. Уберия А. Р. О целесообразности введения курортного сбора в России // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. №4. С.63–67.

11. Закон о тунеядстве в России 2018 URL: https://sovetnik.guru/grazhdanskoe-pravo/nalog-na-tuneyadstvo.html (Дата обращения: 12.04.18).

12. Ловушка для самозанятых URL: https://news.ners.ru (Дата обращения: 1.09.18).
13. Самозанятые граждане 2018 [URL: https://kakzarabativat.ru (Дата обращения: 3.09.18).

References

1. Ryabyh D. I. Printcip spravedlivosty v nalogovom prave *(The Principle of Fairness in Tax Law)* // Taxes. 2017. № 13. P.74–78. (In Russian)
2. Gosduma otklonila zakonoproekty o progressivnoi shkale NDFL *(The State Duma Rejected Bills on the Progressive Scale of Personal Income Tax)* URL: https://ria.ru/economy/20171012/1506705596.html (Accessed: 10.03.18). (In Russian)
3. Panskov V.G. Progressivnaya ili proportcionalnaya shkala nalogooblozheniya: shto lychshe I effectivnee *(Progressive or Proportional Scale of Taxation: What is Better and More Effective)* // Economic. Taxes. Law. 2017. No. 2. P.105 – 112. (In Russian)
4. Demin A. V. O sorazmernosty nalogooblozheniya *(On the Proportionality of Taxation)* // Finance. 2002. № 6. P.125–130. (In Russian)
5. Abakarova R. S. Kratkii obzor izmenenii po nalogu na imushesrvo fizicheskih lic *(Summary of Changes in Personal Property Tax)* // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. No. 3. P.17–22. (In Russian)
6. Tcelisheva M. S. Nalog na imushestvo fizicheskih lic v Rossii: sotcialnoeizmereniye *(The Tax on Property of Physical Persons in Russia: the Social Dimension)* // Scientific notes of young researchers. 2017. No. 1. P.31–42. (In Russian)
7. Novii nalog na nedvizhimost – uzakonennii grabezh rossiyan? *(The New Property Tax is a Legalized Robbery of Russians)* URL: http://artyushenkooleg.ru/wp-oleg/archives/11808 (Accessed: 20.08.18). (In Russian)
8. Putin poruchil peresmotret nespravedliviye nalogi na nedvizhimost *(Putin Instructed to Review Unfair Property Taxes)* URL: https://legal.report/article/01032018 (Accessed: 15.03.18). (In Russian)
9. Zakon Stavropolskogo kraya ot 08.12.2017 r. № 130-kz «O nekotoryh voprosah provedeniya eksperimenta po razvitiyu kurortnoy infrastrucyury v Stavropolskom krae *(On Some Questions of Carrying out of Experiment on the Development of a Resort Infrastructure in the Stavropol Krai)* URL: http://www.dumask.ru (Accessed: 14.10.18). (In Russian)
10. Uberiya A. R. O tcelesoobraznosty vvedeniya kurortnogo sbora v Rossii *(On Expediency of Introduction of Resort Tax in Russia)* // The development of social Sciences of the Russian students. 2017. No. 4. P.63–67. (In Russian)
11. Zakon o tuneyadstve v Rossii 2018 *(The Law on Parasitism in Russia 2018)* URL: https://sovetnik.guru/grazhdanskoe-pravo/nalog-na-tuneyadstvo.html (Accessed: 12.04.18 g.). (In Russian)
12. Lovushka dlya samozanyatyh *(A Trap for the Self-Employed)* URL: https://news.ners.ru (Accessed: 1.09.18). (In Russian).
13. Samozanyatiye grazhdane 2018 *(Self-Employed Citizens 2018)* URL: https://kakzarabativat.ru (Accessed: 3.09.18). (In Russian).

Сведения об авторе

Койлова Мария Владимировна – ассистент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / mary.kojlova@yandex.ru

Information about the author

Koilova Mariya – Assistant, Chair of Administrative and Financial Law, Law Institute, North Caucasus Federal (Stavropol) / mary.kojlova@yandex.ru

УДК 34

М. Е. Каледин

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Автор исследования рассуждает о целесообразности и эффективности типологизации несовершеннолетних преступников. Дифференциация (типологизация) рассматривается в качестве инструмента прогнозирования, минимизации и превенции возможных преступных посягательств в перспективе. Автор предлагает дифференцировать преступников исходя из психолого-мотивационного критерия совершения преступления и выделяет два основных типа преступников: экспансивные (инстинктивные) и консеквентные преступники, каждый из которых дифференцирует на подтипы исходя из особенностей психологического портрета личности, мотивации и идеи как критериев совершения преступления.

Автор предлагает внесение изменений в действующую редакцию статьи 421 Уголовно-процессуального кодекса в контексте возложения обязанности проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетнего, ввиду существования многих заболеваний, протекающих латентно и диагностируемых только специалистом.

Автор предлагает создание специализированных социально-педагогических реабилитационных программ в рамках проведения судебно-медицинских экспертиз, к которым следует обращаться правоприменителям при взаимодействии с несовершеннолетним, что, по мнению автора исследования, будет способствовать более эффективной ресоциализации ювенальных преступников.

Также автором высказано предложение о создании специализированных курсов на бесплатной основе, нацеленных на психолого-педагогическую коррекцию несовершеннолетних осужденных, которая будет включать проработку внутренних противоречий, детских травм, закомплексованности и прочих негативных элементов личности. Указанные курсы могут проводиться на базе психиатрических больниц, а в качестве преподавателей (коучеров) могли бы выступать студенты-практиканты.

Таким образом, грамотная типологизация несовершеннолетних преступников, создание благоприятных условий и принятие в купе эффективных мер может способствовать действительному «выздоровлению» лица, вставшего на преступный путь.

Ключевые слова: несовершеннолетние, ювенальная преступность, типологизация, дифференциация, ресоциализация, мотивационный, психологический критерий.

M. E. Kaledin

ON CRIMINOLOGICAL PSYCHOLOGICAL DIFFERENTIATION OF JUVENILE OFFENDERS

The study discusses the feasibility and effectiveness of the typology of juvenile offenders. Differentiation (typology) is considered as a tool for forecasting, minimizing and preventing possible criminal attacks in the future. The author proposes a typology of criminals based on psychological and motivational criteria of the crime and identifies two main types of criminals: expansive (instinctive) and consequent criminals, each of which differentiates into subtypes based on the characteristics of the psychological portrait of the person, motivation and ideas as criteria for committing a crime.

The author proposes to amend the current version of article 421 of the code of Criminal procedure in the context of imposing the obligation to conduct a comprehensive psychological and psychiatric examination of a minor, due to the existence of many diseases that occur latently and are diagnosed only by a specialist.

The author proposes the development of specialized socio-pedagogical rehabilitation programs in the framework of forensic medical examinations, which should be addressed to law enforcement officers in cooperation with minors, which, according to the author of the study, will contribute to a more effective re-socialization of juvenile offenders.

The author also proposed the launch of specialized free courses aimed at psychological and pedagogical correction of convicted minors, which will include the study of internal personal contradictions, children's injuries, complexes and other negative phenomena. These courses can be conducted on the basis of psychiatric hospitals, clinics of border states, and as teachers (coaches) could be students-trainees.

Thus, the competent typology of juvenile offenders, the creation of favorable conditions and the adoption of effective measures in the compartment can contribute to the real "recovery" of a person who has embarked on a criminal path.

Key words: juvenile, juvenile delinquency, classification, differentiation, socialization, motivation, psychological criterion.

В условиях современной действительности, преступность несовершеннолетних набирает с каждым годом значительные обороты. Изучение феномена «несовершеннолетний преступник» представляет интерес не только для доктрины, но и имеет огромное значение для правоприменения в целом.

По своему составу преступный мир характеризуется широкой пестротой – в социуме сосуществует разнообразное количество преступных типов, изучение которых представляет интерес как с психологической, педагогической точек зрения, так и в культурном отношении. Каждый индивидуум, без исключения, требует к себе сугубо индивидуального подхода со стороны правоприменительных органов, которые, в последние годы, испытывают острую потребность в криминолого-психологических познаниях.

Осведомленность правоприменителя о типе того или иного преступника, может помочь ему спрогнозировать поведение последнего, определить, в каком отношении и степени конкретный преступник социально опасен, следовательно, какие меры необходимо предпринять для защиты общества от вероятного последующего преступного посягательства.

Систематизация информации, дифференциация несовершеннолетних преступников на типы, выявление признаков, черт и особенностей, могла бы оказать помощь правоприменителю в контексте минимизации преступности и улучшения качества рассмотрения уголовных дел в судах общей юрисдикции.

Для принятия решения о том, какие меры целесообразно применить к тому или иному несовершеннолетнему преступнику в целях его «ликвидации» с преступного пути, необходимо владеть информацией о первопричине, т.е. знать, что конкретно в личности явилось корнем преступления, послужило неким рычагом и каким изменениям должны подвергнуться эти негативные элементы личности с целью достижения необходимой личностной трансформации на благо ювенального преступника и социума.

Для разрешения указанных вопросов необходимо владеть информацией о разновидности преступного мира, к которому принадлежит субъект, иметь представление о криминогенных особенностях, присущих представителям того или иного типа, а также о целесообразных способах воздействия на них.

Таким образом, при условии осведомленности правоприменителя о совокупности тех или иных эндогенных факторов, присущих несовершеннолетнему, он может оказать положительное воздействие в контексте профилактики и превенции возможного последующего девиантного поведения.

Как отмечает И. Ф. Заболотный, практическое значение типологизации личности преступников связывается, прежде всего, с возможностью дифференцировать профилактическое и карательно-воспитательное воздействие, решать некоторые следственные задачи, выявлять и анализировать отдельные типы преступного поведения, а также объяснять это поведение особенностями определенного типа личности [4].

Типологизация лиц, вставших на преступный путь, обусловлена необходимостью сведения их в однотипные группы, так как для того, чтобы более глубоко изучить личность преступника и ее структурированность, необходимо познать и типичное в такой личности.

Совершение преступления является конечным «маршрутом» несовершеннолетнего лица, предшествует же ему совокупность факторов: жизнь, состоящая из микро и макросред, негативные черты характера и качества, которые в конкретной ситуации и предопределяют общественно опасный поведенческий тип.

Исследователи К. Е. Игошев и Г. М. Миньковский полагают, что само это поведение есть «не что иное, как реализация вовне (объективизация) определенных сторон, свойств внутреннего мира данной личности [5].

Преступление как негативное социальное явление имеет под собой два корня. Один произрастает из личности ювенального преступника, другой из внешней действительности, т.е., так называемые, микро и макросреды. Те элементы, из которых слагается «личный» корень преступления, можно назвать «эндогенными» факторами, а внешние обстоятельства, которые побуждают субъекта совершить преступление – «экзогенными» [7].

Автор исследования полагает, что каждое преступление является результатом взаимодействия как эндогенных, так и экзогенных факторов, иными словами – есть результат многофакторной детерминации – в одних преступлениях доминирующая роль принадлежит эндогенным, в других – наоборот.

Однако совершение преступления всегда обусловлено системой факторов – создайте условно цепочку внешних событий, под прессом которых произошло преступление, необходимо прибавить личность с её индивидуальным складом характера. Так, личность иного склада, при тождественных внешних обстоятельствах, совершит иное преступление или вовсе откажется от становления на преступный путь.

Изучение криминологической литературы свидетельствует о том, что представители доктрины, по общему правилу, выделяют четыре типа ювенальных преступников, для которых совершение преступления было: 1) случайным (рандомным), противоречащим общей природе личности; 2) ситуационным, т.е. совершенным вследствие общей неустойчивости личностной направленности; 3) соответствующим общей направленности личности, но рандомным с точки зрения ситуации и мотива; 4) соответствующей личностной психологической установке и включающим нацеленные действия по созданию преступной ситуации (иногда искусственно).

В зависимости от конкретного исследователя, каждый ставит «во главу угла» различные признаки (признак) в качестве доминирующих критериев дифференциации типов личности, как-то: психологический, социальный, экономический, политический, национальный и др.

В рамках настоящего исследования, автор предлагает дифференциацию несовершеннолетних преступников на типы исходя из криминоло-психологического и мотивационного критериев.

1. Экспансивные (инстинктивные) преступники

К указанному типу относятся индивидуумы, которые ценою преступления готовы купить удовольствие, удовлетворить различные потребности. Такому типу не свойственен глубокий анализ, осознанность, а также построение цепочки причинно-следственной связи между содеянным, и последствиями, которые вероятно могут наступить.

В момент совершения преступления такие индивидуумы могут относиться к последствиям индифферентно либо легкомысленно, полагая, что им удастся избежать правосудия и остаться «чистыми».

Нередко это мнение обусловлено слепой верой в профессионализм и ловкость сотоварищей, которые часто оказываются людьми бывалыми, знающими как быстро и легко «сухими выйти из воды».

Несовершеннолетние без крепкого внутреннего стержня и осознанности, как правило, соглашаются, впоследствии, может прийти осознание содеянного и раскаяние.

В рамках настоящего исследования информативные материалы, касающиеся конкретных людей, заимствованы из рукописей и набросков доктора юридических наук и профессора кафедры уголовного права и процесса Чечель Григория Ивановича (в целях сохранения конфиденциальности, имена собственные в конкретных примерах изменены).

Александр Р., 17 лет, уроженец г. Ростов-на-Дону, сожительствует с Л., имеет на иждивении малолетнего ребёнка, осуществлял трудовую деятельность в качестве электрика на неофициальной основе. Некто Ш. пригласил его поправить у себя электрическое освещение, позднее разговорился с ним и продолжал общение после починки электричества. Познакомившись поближе, он предложил ему совершить грабеж под видом проведения следственного действия «осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов». Александр Р. без колебаний согласился, веря, что дело «сойдет с рук» и он останется безнаказанным. С фальсифицированным постановлением о разрешении проведения следственного действия – осмотра жилища, они вдвоем прибыли в квартиру Г., причем, Ш. производил обыск, а Александр Р. составлял протокол. Впоследствии, с награбленными деньгами, драгоценностями прибыли в квартиру Ш. Позднее, после правозглашения по данному уголовному делу приговора суда, Александр пояснил, что он воспринял его вполне спокойно. Александр производит впечатление человека безучастного, спокойного и интеллигентного. В условиях изоляции от общества размышлял о том, что нанес своей семье вред, в тот момент, когда он решился на преступление, говорит, что о наказании много не думал, полагал, что, в крайнем случае, «дадут год, не более».

Автор приходит к выводу, что тип – инстинктивные преступники решается на преступление без особой нравственной, внутренней борьбы, и не только, когда испытывает нужду. Иногда он действует под влиянием неожиданно вспыхнувшей или навязанной (подкинутой) кем-либо идеи.

Предлагаем дифференцировать тип экспансивных (инстинктивных) преступников на подтипы.

1.1. Самолюбиво-амбициозные экспансивные преступники

Так, некоторые индивидуумы готовы встать на преступный путь, исходя из соображения произвести впечатление, как говорится «показать себя». Таким подтипом людей руководит преимущественно тщеславие, «ложное» самолюбие. Им присуща закомплексованность, чрезмерная обидчивость, а также навязчивая идея не показаться в глазах других неудачником.

Такой подтип способен пойти на преступление, порой тяжкое или особо тяжкое, если жертва затронет самолюбие, иногда это может быть самый незначительный повод, который спровоцирует совершение преступления.

Иван Ж., 17 лет, уроженец г. Екатеринбург, шел по улице и впереди себя заметил девушку лет 30, при виде которой у него внезапно возник умысел на совершение преступления. Догнав её, он завел беседу, предложил помочь донести сумки, немного позднее нанес своей спутнице 7 ударов камнем по голове, схватил сумки и скрылся. Придя домой, он передал похищенные вещи матери, сказав, что это подарок от тети. Анализируя условия жизни Ивана, приходим к выводу, что отец его держал фермерское хозяйство, у матери была домработница. Родители Ивана часто ссорились, мать ругала отца за пьянство. Вскоре отец скончался. Иван закончил школу, учился средне. Детство в целом протекало без потрясений, семья не бедствовала. Половой жизнью Иван не жил. Перед тем как совершить разбойное нападение, его уволил родной дядя. В связи с указанным событием Иван был очень опечален – чувствовал себя униженным. Он осознавал, что мать расстроится, если узнает правду. По этой-то причине, дабы не возвращаться домой с «пустыми руками», он решил хоть как-то «подзаработать».

В этом и кроется, по нашему мнению, ключ к распознанию корня указанного преступления. Несовершеннолетнее лицо, будучи на хорошем счету, не допуская ранее «проколов», был уволен, тем более, родным дядей. Что касается осознания содеянного впоследствии, то Иван указывает, что себя осуждает, однако не по причине нравственного зова, а по причине невыгодности преступления для него самого – «опозорил себя и будут теперь пальцем тыкать». Поясняет, что сначала ударил девушку камнем, и когда она упала и закричала, с испугу начал хаотично наносить многочисленные удары по голове. Впоследствии, по возвращении домой, произошедшему не придал значения и занялся своими делами.

Вину признал в ходе проведения очных ставок с потерпевшей. О содеянном нередко вспоминает, но подходит сугубо с рациональной точки зрения: как на него будут люди смотреть, что подумают. Раскаяния и сожаления к потерпевшей не испытывал, испытывал страх перед «Буквой Закона». Производил самоанализ, что человека убивать нельзя, однако указанный самоанализ не имеет никакой эмоциональной окраски.

1.2. Сребролюбивые экспансивные преступники

Следующий подтип инстинктивных преступников составляют те, которые готовы встать на преступный путь ради материального блага – красивой вещи, утвари, с целью украсить себя лично (дорогая одежда, обувь, драгоценности) или домашней утвари (редкая ваза, ковер, сервиз и др.).

Яков Л., 17,5 лет, уроженец г. Краснодар, совершил разбойное нападение группой лиц с целью заполучить новую одежду к предстоящему важному мероприятию. Яков Л. работал пекарем у отца в булочной. Семья была материально обеспечена, однако отец злоупотреблял распитием спиртных напитков и большую часть доходов пропивал. Яков Л., совершая преступление, осознавал степень и характер противоправной деятельности, имел среднее образование, увлекался чтением классической литературы, однако отец давал мало карманных денег, а Яков любил принарядиться, «показать себя». Следовательно, приближение праздников обусловило возникшую потребность в новом костюме и карманных деньгах посредством совершения преступления.

Также следует привести пример о том, как желание добыть себе обувь высокого качества, побудило двоих несовершеннолетних – Дмитрия В. и Станислава К. совершить преступление, а именно в три часа ночи напасть на пожилого человека в селе и ограбить его. Вначале они избили потерпевшего, затем отняли ценные вещи и скрылись с места преступления. Несовершеннолетние – легкомысленные по своей натуре люди, любят погулять и развлечься. Чувство самоанализа, осознанности, нравственно-моральный стержень им не свойственны, страсть к материальным вещам является доминирующей в характере.

1.3. Праздные экспансивные преступники

Указанный подтип совершает преступления с целью получить средства для какого-либо развлечения, как-то: пойти в клуб, ресторан, приобрести наркотическое средство, алкоголь и прочее.

Дмитрий К., 16,5 лет, уроженец г. Михайловска, согласился принять участие в убийстве семьи А., так как у него не хватало средств на алкоголь, а родители не давали карманных денег. Семья А. была дальними знакомыми Дмитрия К., открыли дверь, сначала все выпили, а затем началась «бойня», в результате которой Дмитрий К. «перебил» четырех человек.

Олег Е., 17,3 лет, уроженец г. Ростова-на-Дону, – молодой человек достаточно ленивый и апатичный по своей натуре. Отец его занимался изготовлением обуви, мать была домохозяйкой. Родители находились в напряженных отношениях, так как отец злоупотреблял распитием спиртных напитков, наносил побои всем членам семьи. Из 6 человек выжили четверо, из которых – два сына, две младших дочери. Отца Олег избегал, ненавидел за причинение ему физической боли, однако с 9 лет отец разрешал Олегу употреблять спиртные напитки, а именно водку, затем разрешил курить сигареты. Когда Олегу было 9,5 лет, отец умер. Мать и старший брат старались вывести Олега в люди, отвели к психологу, записали на спортивные секции. Однако учёба давалась слабо, впоследствии, после окончания девяти классов, устроиться на работу не предпринимал попыток, жил за счёт родственников. Олег любитель развлечений – любил посещать питейные заведения, клубы, пробовал торговать несертифицированной алкогольной продукцией, однако из-за пагубного пристрастия потреблял все самостоятельно. Начал совершать кражи, грабежи. Договорившись с товарищем Л., решили произвести ограбление квартиры. Людей, которые открыли дверь – ударили по голове кувалдой несколько раз и забрали материальные ценности. Впоследствии, Олега и Л. задержали и избрали меру пресечения в виде заключения под стражу.

Анализируя психотип Олега, приходим к выводу, что он корыстолюбивый, жестокий, с полным отсутствием нравственного стержня, склонен к праздной жизни. Основной мотив к совершению преступления – добыть денежные средства любым путем для удовлетворения потребностей в развлечениях.

1.4. Религиозно-фанатичные экспансивные преступники

Данный подтип характеризуется наличием чрезмерного интереса к религиозной литературе, догме, посещению святых мест, жертвованием денежных средств на благотворительность.

Однако чрезмерная «любовь» к религии омрачается агрессией и конфронтацией по отношению к тем, кто не разделяет данные взгляды, либо относится к ним крайне пренебрежительно/индифферентно.

Максим Т., 16,9 лет, уроженец г. Волгограда, после посещения вечерней литургии, заметил, как некто Д. курил на территории храма, а, позднее, бросил окурок и плюнул. Максим Т., недолго думая, подошел к Д. и ударил его кирпичом по голове. От причиненных телесных повреждений потерпевший скончался на месте.

Впоследствии, Максим Т. пояснил, что не мог допустить подобного неуважительного и наглого поведения к Богу. Свое поведение и поступок порицает, говорит, что агрессия и злоба затмила в тот момент всю присущую ему сознательность и анализ.

1.5. Экстремистские экспансивные преступники

Экстремизм (от лат. Extremus – крайний, чрезмерный) – приверженность крайним взглядам, методам действий. Как правило, экстремисты часто отрицают в принципе возможность достижения

консенсуса. Увеличению экстремизма способствуют общественные катаклизмы, как-то: авторитарные политические режимы, социально-экономические кризисы, процессы инфляции и др.

Дефиниции «экстремизм», «экстремистская организация», «экстремистские материалы», получили закрепление в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (источник обращения – Консультант-Плюс) [9].

Уголовный закон под преступлениями экстремистской направленности понимает преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В современном социуме функционирует большое количество партий, объединений, организаций, которые, по своей сути, являются экстремистскими. По своим идейным критериям, могут быть религиозного или политического цикла.

Несовершеннолетние лица, в частности, способствуют развитию и процветанию подобных объединений.

Как отмечает исследователь Ю. Н. Зеленов «молодежный экстремизм стал распространенным явлением» [5].

Несовершеннолетние лица представляют собой особую социальную касту, которая, как правило, не имеет четко устоявшегося личностного стержня, и, ввиду этого, склонна быть подверженной влиянию различных детерминант (социальных, религиозных, экономических, политических, культурных).

В подростковом возрасте, существующая реальность в сознании подростков окрашена особой цветовой гаммой – все события воспринимаются через призму обостренных чувств, эмоций, любое замечание или разговор позиционируются как попытка вторжения в личное пространство и способ ограничения личной свободы.

Кроме того, в подростковом возрасте, уровень внушаемости и доверчивости чрезвычайно высок, таких лиц легко завербовать, пообещать «золотые горы» и те, в силу возрастной «гибкости», дадут согласие.

Указанная специфика возрастных особенностей обусловливает многочисленность экстремистских групп.

Так, Алексей С., являясь жителем с. Безопасного, проживал в полной многодетной, малообеспеченной семье. Отец Алексея работал на ферме у одного из жителей села, однако тот нашел работников цыганской национальности, требующих меньший размер оплаты труда, в связи с чем отец Алексея был уволен и стал злоупотреблять спиртными напитками.

С тех пор, Алексей начал считать, что все трудности, возникающие у его семьи, возникают по вине лиц, цыганской национальности.

В один из дней, Алексей, придя домой, застал отца в состоянии сильного алкогольного опьянения, после чего у него возник умысел на «расправу» с первыми попавшимися ему лицами цыганской национальности по причине рассовой ненависти.

В продолжение своего приступного умысла, Алексей вышел из дома, при этом взяв в руки металлический прут, после чего, подойдя к входной двери соседнего дома, в котором проживала цыганская семья, постучал в дверь. Входную дверь ему открыл отец семейства, после чего, Алексей нанес ему не менее пяти ударов указанным металлическим прутом по различным частям тела, причинив последнему тяжкий вред здоровью.

1.6. Развратно-экспансивные преступники

Указанному подтипу свойственна безудержная тяга к половым удовольствиям, их не останавливают морально-нравственные критерии, ключевым толчком к совершению преступлений является похоть. Подтип развратных преступников руководствуется преимущественно животными инстинктами, анализ и осознанность в контексте морали им не свойственны.

Павел Д., 17,7 лет, уроженец г. Краснодар, родители молодого парня злоупотребляли распитием спиртных напитков, отец нередко причинял физическую боль. Павел с 16 лет сожительствовал с молодыми девушками, а иногда и женщинами. Обращался с избранницами жестко и не понимал категорического слова «нет», когда речь шла о половом сношении. В результате, парню не хватало конкретной девушки (женщины) и он принуждал иных лиц к сексуальным действиям насильственного характера. «Бесперебойные» связи объясняет тем, что он натура влюбчивая и полигамная, на отказы женского пола реагировал неадекватно. Так, судебно-психиатрическая экспертиза установила диагноз – нервное расстройство на почве врожденной психопатии с извращениями в области сексуальной сферы.

1.7. Альтруистические и антиальтруистические экспансивные преступники

Преступники альтруисты – подтип, действующий ради удовлетворения альтруистического долга, желание служить другим людям, доставлять им удовольствие, дарить радость и т.д. и т.п. (во имя любви, дружбы, долга, сострадания и др.)

Преступники антиальтруисты – подтип, действующий ради удовлетворения альтруистического долга, желание угождать одним, причиняя вред другим. В основе лежит негативная эмоция – злоба, месть, ревность, агрессия и др.

Андрей Г., 16,5 лет, уроженец г. Ставрополя, проживал совместно с матерью, отчимом и престарелой бабушкой, которая являлась инвалидом первой группы. Отчим злоупотреблял распитием спиртных напитков, применял физическую силу по отношению к родным, в особенности, к матери, унижал, психологически подавлял и держал, как говорится, в страхе всю семью. Андрей Г. долго молчал, с отчимом не пререкался, так как мать велела вести себя подобным образом. В один из будних дней, отчим вернулся домой в состоянии сильного алкогольного опьянения, начал оскорблять бабушку и мать, затем начал поднимать руку на последних. Несовершеннолетний в

тот момент осознавал, что если подобную нежелательную активность не пресечь, то с каждым разом она будет набирать обороты и может привести к трагедии. Находясь в состоянии шока и перевозбуждения, он взял стеклянную вазу и нанес несколько ударов по голове отчиму, от чего последний получил черепно-мозговую травму по квалифицирующему признаку – тяжкий вред здоровью. Впоследствии, Андрей раскаялся, сожалел о содеянном, однако мать и бабушку ему было жаль в большей степени, и он чувствовал свой долг защитить последних.

Указанные подтипы альтруистов и антиальтруистов можно дифференцировать детальнее по принципу видовых подтипов, беря за основу руководящую эмоцию – экспансивные альтруисты агрессоры, ревнивцы, мстители, завистники, раздражительные; по виду аффективные и эмоционально-осознанные – действия первых обусловлены «порывом», «зовом» чувства, сознание затуманено, функция анализа временно приостановлена.

Действия вторых обусловлены аффектированным состоянием, однако одновременно сохраняются элементы осознанности и прогнозирования.

Самуил Ж., 17,5 лет, уроженец г. Кисловодска, ухаживал за девушкой еврейской национальности. По истечении нескольких месяцев после знакомства, принял решение жениться на девушке. Мать Самуила была против брака, постоянно ссорилась с семьей невесты, делала замечания и упрекала родителей девушки, что это они «заловили» молодого человека, а про родного сына говорила, что он легкомысленный, неряшливый, по-настоящему любить не способен и т.д. и т.п. На сына мать пыталась воздействовать разными способами: отказывалась стирать, готовить, выдавать карманные деньги. В связи с этим, у матери и сына были постоянные конфликты, скандалы, которые 20.02.2015 г. привели к трагедии. 19.02.2015 г. Самуил проснулся, зашел в гости к невесте, затем на учёбу. Вернувшись вечером, он узнал, что его мать ворвалась с щипцами для волос в квартиру невесты, схватила за волосы невесту и ударила ее мать по лицу. Родители невесты упрекали Самуила, что он не может «обуздать» родную мать» и является бесхарактерным. Весь вечер Самуил пробыл у невесты, покинул ее дом в 11 часов вечера с четким намерением убить мать – задушив её, как только она откроет ему дверь. Однако, когда мать открыла дверь, он не смог воплотить задуманное в реальность, умылся и пошел спать. Но уснуть не получалось, вспоминались все нанесенные обиды, юноша злился и плакал.

Ночью у него окончательно созрел план по убийству матери, который он тщательно проработал на ментальном уровне. В 4 часа утра парень встал, прокрался в комнату матери, взял ключ от гаража, откуда впоследствии он взял деревянную доску, которой нанес ей несколько ударов по голове. От стонов матери проснулся спавший в соседней комнате младший брат, попытался войти в комнату к матери, однако Самуил преградил путь, сказав: «маме плохо, беги за доктором». Послав брата за доктором, который жил этажом ниже, Самуил хотел сымитировать ограбление: сорвал дверной замок, открыл окно, молотком разломал деревянный шкаф, разбросал вещи и др. Позднее, он выскочил на улицу с криком: «у нас налет»», «мать убили!», начал будить соседей, просить, чтобы осуществили вызов кареты скорой помощи. Потерпевшая, не придя в сознание, скончалась.

Несовершеннолетнего осудили к 8 годам лишения свободы.

Знакомясь с личностью Самуила, мы узнаем, что отец его злоупотреблял распитием спиртных напитков, был раздражительным, постоянно ссорился с матерью, иногда применял физическую силу. Семья была конфликтная, отношения с отцом у парня были хорошие, а с матерью, братом и сестрой – натянутые. Мать ненавидел в течение многих лет. Как он пояснял, любил он искренне только невесту. Материальных затруднений в целом он не испытывал, однако в результате длительной психотравмирующей ситуации сформировался перечень доминирующих негативных черт – мстительность, раздражительность, вспыльчивость, злоба. Впоследствии, в содеянном раскаялся, пояснил, что «какая они ни была, все-таки мать», и он не должен был поступать таким образом. Испытывает угрызения совести, что оставил брата и сестру без матери.

Доминирующей негативной чертой являлась мстительность. Самуил мог избрать иной ненасильственный способ выражения протеста – переехать от матери и прекратить общение, однако сделал выбор в пользу становления на преступный путь.

2. Консеквентные преступники

Представителями указанного типа являются преступники, которые, поставив перед собой цель – достижение высокого положения, как-то: социального, служебного, материального, семейного, готовы встать на преступный путь и совершить преступление на благо достижения «высокой» цели. Корнем преступного деяния, в данном случае, является целеполагание, которое предполагает наличие в себе ряда подцелей, задач, рассчитанных на длительный временной промежуток.

Таким образом, консеквентный преступник является антиподом экспансивному преступнику, его действия не обусловливаются внезапным порывом эмоций и чувств. В данном случае речь идет о целеполагании и тщательной подготовке, взвешивании всех «за» и «против».

В качестве целеполаганий можно выделить следующие виды: 1) карьеризм; 2) достижение высокого материального статуса; 3) иное.

Валерий К., 17,5 лет, уроженец г. Саратов, проживал совместно с родителями, которые занимались торговлей. Семья была материально обеспеченной и юноша не знал нужды. Половую жизнь Валерий начал вести рано, в основном, имел мимолетные связи. В 17 лет начал сожительствовать с Е., 23 г., которая осуществляла

трудовую деятельность в качестве продавца в бакалейной, в скором времени девушка забеременела. Е. очень волновал материальный вопрос, так как молодая пара жила в общежитии в одной комнате и имела небольшой совокупный доход. Родители Валерия не помогали, так как последний испортил с ними отношения.

Валерий и Е. на почве недостатка денежных средств постоянно ругались, он начал распивать спиртные напитки, поднимать на нее руку, когда та находилась в положении. Вдобавок девушка была очень ревнивой и угрожала Валерию время от времени прыснуть в лицо кислотой. Данной угрозы парень опасался и воспринимал её как реальную. 30.03.2013 г., Валерий проснулся достаточно поздно, выслушал все недовольства сожительницы, он хотел её избить, однако удержался. Днем парень вышел и вернулся уже вечером в состоянии алкогольного опьянения. Молодые люди снова сели за стол и начали ругаться, начались угрозы прысканьем «кислотой», судом и прочим. Валерий выскочил из-за стола взвинченный, хотел убить, но сдержался. Последующие часы он обдумывал план убийства, пытался вызвать раскаяние у сожительницы за неуважительное к нему отношение, однако девушка «не каялась».

Перед сном, сказал Е. – «ну ладно, пойду закурю», встал и пошел к столу, на котором лежали сигареты и нож. Парень спрятал нож в рукав, лег рядом с Е., ещё раз спросил её, согласна ли она попросить прощения и, получив отрицательный ответ, сказал: «Е., у тебя одеяло сползло, дай поправлю», обнял девушку, достал нож из рукава и резнул по горлу. Ни испуганного лица, ни криков Валерий не заметил, только один хрип. Перерезав сожительнице горло, он перевалил её на правый бок и «дорезал». Позднее, повалил девушку на пол, сам сел на кровать и, почувствовав сильную усталость и боль в глазах – уснул. Проспал около 7 часов, встал, позавтракал, отправился по делам. Вернувшись домой – пообедал и принялся за сокрытие следов преступления: разрезал труп на части, разрубил кости топором, тело поместил в мешок и бросил в реку. Так, обеспокоенные соседи начали искать Е., так как та часто навещала их и жаловалась на сожителя. Вечером, одна из соседок позвонила в полицию и когда сотрудники вошли в комнату, то увидели, что Валерий пытался ликвидировать следы преступления: оттирал кровь, стирал вещи, пропитанные кровью жертвы. Впоследствии, всю процедуру убийства рассказывает абсолютно спокойно, мотивирует свой поступок тем, что боялся, что с него будут в судебном порядке взыскивать алименты, он вынужден будет нести и иные расходы, пока Е. будет находиться в декретном отпуске. Также поясняет, что в содеянном не раскаивается, о Е. и ребенке не вспоминает, с нравственной точки зрения никакого анализа не производит.

Не отрицает, что убийство – тяжкий грех и перед Всевышним и перед людьми, однако если человек «не вреден», а в обратном случае – «какой же тут грех», – говорит он. Покойная Е. была чрезмерно ревнива, характерна, угрожала ему. «Избавился от такой сволочи и ладно, зарезал и из головы долой».

В данном случае, поразительно то, с каким равнодушием Валерий относится как к судьбе собственного не рождённого ребенка, так и его матери. Доминирующими чертами являются жестокость, неудовлетворенность, злоба и ненависть к окружающим.

Таким образом, в современном мире сосуществует великое множество преступников, каждый из которых, характеризуется уникальным набором качеств, свойств и особенностей и только способность (компетенция) разбираться в психотипах ювенальных преступников может оказать благотворное воздействие в контексте профилактики и минимизации подростковой преступности.

Так, при системном анализе материального и процессуального права, регламентирующего особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, приходим к выводу, что отсутствует прямая императивная обязанность производства комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетнего преступника.

В статье 421 УПК РФ указано, что при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 2).

Медицинское освидетельствование несовершеннолетнего проводится в ходе предварительного расследования на основании постановления должностного лица. Заключение о результатах медицинского освидетельствования несовершеннолетнего представляется в суд с материалами уголовного дела [8].

Из буквального толкования нормы следует, что для выяснения обстоятельств: «понимал ли несовершеннолетний характер своих действий?», «был ли способен руководить своими действиями?», необходимо «наличие данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии».

В чём должны быть выражены (объективизированы) эти некие данные, кем должен быть удостоверен данный факт, остается неурегулированным в рамках правового поля.

Более того, несовершеннолетнее лицо могло столкнуться с проблемами в психо-эмоциональной сфере, однако родители не обращались ранее за медицинской помощью и указанный факт не удостоверен надлежащим образом, либо заболевание протекает сугубо латентно и родители вместе с чадом не подозревают о его существовании, так как отклонения могут быть диагностированы только специалистом.

Например, в психиатрии имеется разновидность заболевания, так называемая, латентная шизофрения – форма шизофрении, протекающая с «лёгкими патологическими расстройствами», с отсутствием психотической симптоматики [2].

Так, Герман Роршах обозначал термином «латентная шизофрения» внешне адекватно функционирующих лиц, которые на его тесты отвечали так же, как больные шизофренией [1].

Как правило, психотической симптоматики при скрытой шизофрении не наблюдается, однако она может проявиться после длительного скрытого течения расстройства или под влиянием негативных факторов, как-то: травма головы, стресс, депрессия, смерть близкого и прочее).

Вызывает интерес тот факт, что сама диагностика скрытой формы шизофрении с шизоидным расстройством личности сопряжена с трудностями [3].

В исследуемой норме делается ссылка на медицинское освидетельствование, однако конкретизация по виду отсутствует, несмотря на то, что в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержатся многочисленные виды [10].

В связи с этим, полагаем необходимо внести корректировку в норму и указать на конкретный вид освидетельствования: «медицинское освидетельствование несовершеннолетнего на наличие или отсутствие у него заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа».

Исследуемая норма также обязывает устанавливать наличие или отсутствие у несовершеннолетнего заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специализированном учреждении, для рассмотрения судом вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от наказания и направлении его в указанное учреждение (ч. 3 ст. 421 УПК РФ).

Указанные обстоятельства подлежат установлению, если подросток совершил преступление средней тяжести или тяжкое преступление. А как быть с преступлениями иных категорий – небольшой тяжести и особо тяжкими? Если у подростка имеется заболевание, однако он совершил преступление небольшой степени тяжести, тогда по логике законодателя он не нуждается в освидетельствовании.

В этой связи полагаем необходимым внести изменения в действующую редакцию статьи 421 и указать на необходимость проведения не медицинского освидетельствования, а самостоятельной психолого-психиатрической экспертизы: «в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой, средней степени тяжести, тяжкое либо особо тяжкое, надлежит проведение комплексной психоло-психиатрической экспертизы, вне зависимости от того, имеется ли в отношении конкретного лица информация об отставании в психическом развитии».

Кроме того, считаем необходимым в рамках проведения психоло-психиатрической экспертизы подготавливать некую социально-педагогическую реабилитационную программу, к которой следует обращаться правоприменителям при взаимодействии с несовершеннолетним, что будет способствовать скорейшей ресоциализации ювенальных преступников.

В целях более глубокой и эффективной ресоциализации несовершеннолетнего, также предлагаем создание специализированных курсов, нацеленных на психолого-педагогическую коррекцию осужденных, которая будет включать проработку внутренних личностных противоречий, детских травм, закомплексованности и прочих негативных явлений. Указанные курсы могут проводится на базе психиатрических больниц, клиник пограничных состояний, а в качестве преподавателей (коучеров) могли бы выступать студенты-практиканты.

Таким образом, коучинг подобного рода, по мнению автора, будет способствовать действительной, а не номинальной ресоциализации ювенального преступника.

Резюмируя вышеизложенное, подведем итоги исследования:

1) автор предлагает дифференциацию несовершеннолетних преступников исходя из психолого-мотивационного критерия на два типа: экспансивные (инстинктивные) и консеквентные преступники, каждый из которых подразделяется на подтипы исходя из особенностей психологического портрета личности, мотивации и идеи как критериев совершения преступления;

2) предлагается внесение изменений в действующую редакцию статьи 421 Уголовно-процессуального кодекса РФ посредством закрепления обязанности проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетнего, ввиду существования многих заболеваний, протекающих латентно и диагностируемых только специалистом.

3) Автор предлагает создание специализированных социально-педагогических реабилитационных программ в рамках проведения судебно-медицинских экспертиз, которыми следует руководствоваться правоприменителям при взаимодействии с несовершеннолетним, что будет способствовать скорейшей ресоциализации ювенальных преступников.

4) Также автором высказано предложение о создании специализированных курсов на бесплатной основе, нацеленных на психолого-педагогическую коррекцию несовершеннолетних осужденных, которая будет включать проработку внутренних личностных противоречий, детских травм, закомплексованности и прочих негативных явлений. Указанные курсы могут проводиться на базе психиатрических больниц, клиник пограничных состояний, а в качестве преподавателей (коучеров) могли бы выступать студенты-практиканты.

Таким образом, грамотная типологизация несовершеннолетних преступников, создание благоприятных условий для социального «выздоровления» и принятие в купе эффективных мер может способствовать реальной ресоциализации лица, вставшего на преступный путь.

Литература

1. Вид В.Д. Психотерапия шизофрении. URL: https://www.piter.com/product/psihoterapiya-shizofrenii-3-e-izd. (Дата обращения: 21.09.2018)
2. Блейхер В. М., Крук И. В. Шизофрения латентная URL: http://pedlib.ru/Books/4/0363/4_0363-1.shtml. (Дата обращения: 21.09.2018)
3. Жмуров В.А. Психиатрия. Энциклопедия – Т/О М.: «Neformat», 2016. 341 с.
4. Заболотный И. Ф. Причины современной преступности несовершеннолетних и её предупреждение. М.: Юридлит, 2004. 296 с.
5. Зеленов Ю. Н. Педагогическая профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2013. 63 с.
6. Игошев К. Е., Миньковский Г. М. Семья. Дети. Школа. М.: Юридлит, 1989. 448 с.
7. Криминальная психология «Преступные типы» / под ред. Познышева С. В. М.: Издательство Юрайт, 2019. 292 с.
8. Федеральный закон от 18.12.2001 г. №174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Дата обращения: 21.09.2018).
9. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/. (Дата обращения: 21.09.2018).
10. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/. (Дата обращения: 21.09.2018)

References

1. Vid V.D. Psihoterapija shizofrenii *(Psychotherapy of Schizophrenia)* URL: https://www.piter.com/product/psihoterapiya-shizofrenii-3-e-izd. (Accessed: 21.09.2018) (In Russian)
2. Blejher V. M., Kruk I. V. Shizofrenija latentnaja *(Latent Schizophrenia)* URL: http://pedlib.ru/Books/4/0363/4_0363-1.shtml. (Accessed: 21.09.2018) (In Russian)
3. Zhmurov V. A. Psihiatrija. Jenciklopedija – T/O *(Psychiatry. Encyclopedia)*. Moscow: «Neformat», 2016. 341 p. (In Russian)
4. Zabolotnyj I. F. Prichiny sovremennoj prestupnosti nesovershennoletnih i ejo preduprezhdenie *(The Reasons for Modern Crime of Minors and its Prevention)*. Moscow: Juridlit, 2004. 296 p. (In Russian)
5. Zelenov Ju. N. Pedagogicheskaja profilaktika jekstremistskih projavlenij v molodezhnoj srede *(Pedagogical Prevention of Extremist Manifestations among Young People)*. Moscow, 2013. 63 p. (In Russian)
6. Igoshev K. E., Min'kovskij G. M. Sem'ja. Deti. Shkola *(Family. Children. School)*. Moscow: Juridlit, 1989. 448 p. (In Russian)
7. Kriminal'naja psihologija «Prestupnye tipy» *(Criminal Types)* / ed by Poznyshev S.V. Moscow: Jurajt, 2019. 292 p. (In Russian)
8. Federal'nyj zakon ot 18.12.2001 g. №174-FZ «Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» *(Criminal Procedure Code of the Russian Federation)* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Accessed: 21.09.2018).
9. Federal'nyj zakon ot 25.07.2002 g. № 114-FZ «O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti» *(On Counteraction to Extremist Activity)* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/. (Accessed: 21.09.2018).
10. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii» *(On the Basis of Health Protection in the Russian Federation)* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/. (Accessed: 21.09.2018)

Сведения об авторе

Каледин Максим Евгеньевич – аспирант кафедры уголовного права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / zamnianc@mail.ru

Information about the author

Kaledin Maksim – post graduate student, Chair of Criminal Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / zamnianc@mail.ru

УДК 81`42

Е. И. Боровицкая

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИГРАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В настоящей статье рассматриваются содержательно-тематические особенности произведений миграционной литературы, обосновывается их концептуальное единство. Выдвигаемые гипотезы и теоретические посылки проиллюстрированы примерами из англоязычных произведений М. Д. Шраера «В ожидании Америки» и Дж. Квок «Девушка в переводе», акцент при этом сделан на анализе когнитивно-прагматических феноменов различных лингвокультур (исконно родной и принимающей) в их взаимодействии и взаимовлиянии. В ходе анализа выделены типологические и этнокультурные особенности текстов современных американских романов, написанных в автобиографическом формате писателями-мигрантами. В статье приведена уточненная трактовка понятия «миграционная литература», обобщены ключевые, концептуально значимые понятия миграционной литературы, описаны социокультурные и временные планы произведений, установлены их этно- и лингвокультурные особенности. В ходе исследования среди ключевых особенностей произведений миграционной литературы, характеризующихся высокой степенью автобиографичности, были выделены следующие типологические особенности: наличие в тексте «мультикультурной реальности», в которую помещен бикультурный протагонист-эмигрант. В качестве сюжетообразующей темы романа выступает развитие образа главного героя-эмигранта в процессе его социокультурной адаптации в другой стране. В статье описаны основные тематические и концептуально-значимые черты данного типа произведений. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о высокой степени прагматичности представленных в текстах произведений явлений различных лингвокультур (родной и принимающей).

Ключевые слова: художественный текст, миграционная литература, концептуальное единство, типологические и этнокультурные особенности, лингвокультурный образ эмигранта.

E. I. Borovitskaya

CONCEPT AND THEMATIC UNITY OF THE MIGRANT LITERATURE

The article deals with substantial thematic features of emigration literature, its conceptual unity is proved. The hypotheses and theoretical parcels are illustrated by examples from English-language works by M. D. Shrayer «Waiting for America» and J. Kwok «Girl in translation», the emphasis at the same time is put on the analysis of cognitive and pragmatic phenomena of different linguocultures (the source and the target ones) in their interaction and interference. Some typological and ethnic-cultural features of modern American novels texts written in an autobiographical format by emigrant writers are marked out in the analysis. The specified interpretation of the concept “migration literature” is given in the article, its key conceptually significant concepts and lexical features are described. The following typological features were distinguished in the research as the key features of the works of migration literature characterized by a high degree of autobiographical character: the existence of “multicultural reality” in the text where the bicultural protagonist emigrant is placed. The development of an image of emigrant as the main character in the course of his sociocultural adaptation in other country acts as a key subject of the novel. The main thematic, conceptual and significant features of this type of works are described. The study allows making a conclusion about a high degree of pragmatism of various linguistic and cultural (source and target) phenomena presented in texts.

Key words: literary text, migration literature, conceptual unity, typological and ethnic-cultural features, linguistic and cultural image of an emigrant.

Ввиду сложившейся исторической ситуации проблема эмиграции приобрела актуальность во всем мире как отражение основных жизненных тенденций современного общества и вместе с этим взаимодействия культур. Научный интерес представляет художественная рефлексия относительно проблем миграции, судеб переселенцев, их существования в пространстве двух культур и языков. Будучи носителем иного национального сознания и языка, эмигрант в то же время становится – вольно или невольно – частью новой для него культуры принимающей страны. Художественное произведение отражает индивидуально-авторское мировидение писателя, дает в художественном формате представление о личности героя-эмигранта, его мировоззрении, внутреннем мире и внешнем бытии, обусловленном в немалой степени различными стереотипами, существующими в обществе в тот или иной момент. По убеждению представителей отдельных лингвистических теорий, «анализ языкового материала позволяет выявить и приписать той или иной группе людей конкретные характеристики в качестве объективных констант» [3, с. 15], что дает основание для глубокого всестороннего исследования образа эмигранта, присущих ему стереотипов, динамики его мировоззрения и жизненных установок. Цель настоящей статьи – обоснование концептуального единства, выявление содержательно-тематической специфики и ключевых художественных мотивов, а также типологических и лингвокультурных особенностей, формирующих семантическое пространство литературных произведений, посвященных жизни эмигрантов в США.

В качестве материала исследования выступили англоязычные произведения Джин Квок «Девушка в переводе» («Girl in translation», 2010) и Максима Д. Шраера «В ожидании Америки» («Waiting for America», 2007). Антропоцентрический подход открывает широкие перспективы для интегративного и многоаспектного изучения индивидуально-авторского мира писателя. В ходе анализа наряду с общенаучными процедурами наблюдения, описания, классификации и обобщения использовались приемы дефиниционного, контекстологического и сопоставительного методов изучения текста как семантического и концептуального единства.

Произведение Дж. Квок, по словам самого автора, основано на личном опыте семьи, но не является собственно автобиографическим: «Это скорее художественное произведение, чем мемуары» [26]. Роман повествует о китайской девочке, переехавшей вместе с матерью из Гонконга в США. Вопреки мечтам, мать и дочь оказались не в экономическом раю, как они предполагали, а в Нью-Йоркских трущобах. Главная героиня Кимберли днем ходит в школу и старательно учится, а по вечерам помогает на работе матери. День за днём Ким учит английский язык, «переводя» свою жизнь с китайского языка и быта на английский, конструируя мосты между двумя мирами, а в реальности – между прошлым и будущим. Девочка многого не понимает в США, она растеряна, напугана, но верит в себя и не собирается отступать.

Исходная культура главного героя второго текста, романа М. Д. Шраера, совершенно иная: советский еврей переезжает в США вместе со всей семьей. В романе показаны этапы эмиграции: вылет из Москвы в Австрию, затем остановка в Риме и, наконец, переезд в Америку, а также сопутствующие эмиграционному процессу интервью, собеседования. Автор эмоционально описывает контрасты и культурный шок, который ощутили члены его семьи на пути к своему новому будущему. Самим М. Д. Шраером жанр произведения определен как биографический роман. Оба романа переведены на русский язык, причем последний при непосредственном участии автора.

Большое значение в американской культуре имеет тема эмиграции, адаптации представителей других народов в США, проблемы их вхождения в национальную культуру. По словам американского политика Норма Коулмана, «наша страна (США) построена на эмигрантах, наша сила – в нашем различии» [цит. по: 21, с. 156]. Это высказывание как нельзя лучше отражает процесс становления государственности США, однако то, что политик называет силой, в реальности является объектом споров и дискуссий, а также причиной многочисленных конфликтов на почве этнокультурной розни. Изучению формирования американской литературы в свете культурных барьеров посвящен ряд работ американских исследователей, выполненных в рамках литературоведения и лингвистической антропологии. В частности, американский литературовед и переводчик Л. А. Розенвальд отмечает, что американская литература прошла собственный путь, ключевое значение в котором имела попытка представления взаимодействия различных лингвокультурных общин. Аргументируя актуальность своих исследований, он говорит о том, что «колонизация, рабовладельчество, эмиграция сформировали и продолжают формировать американскую жизнь» [25, с. 13]. Эту же мысль подчеркивает в своей работе Л. Адамсон: «Многие произведения американской литературы обращаются к теме американской мечты с точки зрения коренных жителей или первопроходцев-иммигрантов» [21, с. 32].

«Миграционный роман» – термин американского литературоведения [22], едва ли поддающийся строгому определению по причине значительной жанровой и тематической диффузии литературы этого направления: военные драмы, любовные романы, детективы и др. Однако эти произведения обнаруживают ряд общих черт, среди которых можно отметить «мультикультурную реальность» и наличие в ней протагониста-эмигранта. Принадлежность произведения к миграционной литературе в рамках данного исследования определяется по следующим критериям: во-первых, текст отражает опыт переезда в чужую страну, во-вторых, он носит бикультурный характер (обе культуры накладывают отпечаток на содержание и концептуальное пространство текста), в-третьих, во многом двойственная цель

создания произведения: с одной стороны, это в первую очередь эстетическая форма самовыражения автора, но также и средство борьбы против угнетения, способ повлиять на существующие в обществе предубеждения и стереотипы [5, с. 230]. Кроме того, художественное творчество выступает как форма самопознания автора, а в ряде случаев и в качестве акта сотворения художником собственной личности [17, с. 56].

Как уже было отмечено выше, оба романа носят в большей или меньшей степени автобиографический. Н. Богомолов отмечает, что «автобиографичность – общая черта литературы, ее степень выраженности в произведении различна, и в каждом отдельном случае перед исследователями возникает особая проблема, для решения которой необходимо прибегать к самым разнообразным методам изучения – от источниковедческих до психоаналитических» [2, с. 140]. Он считает, что главной задачей автобиографического анализа является соотнесение реальностей действительной и художественной.

В. В. Виноградов ввел термин «образ автора» для обозначения «цементирующей силы, которая связывает все стилевые средства в цельную словесно-художественную систему… стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения» [6, с. 92]. Проблемами образа автора занимался и М. М. Бахтин, который подчеркивал разницу между самим автором и его образом в произведении: «В отличие от реального автора созданный им образ автора лишен непосредственного участия в реальном диалоге (он участвует в нем лишь через целое произведение), зато он может участвовать в сюжете произведения и выступать в изображенном диалоге с персонажами» [1, с. 295]. Образ автора в произведении ассоциируется с неким «всеведением» и объективностью, так, например, на страницах анализируемых нами произведений автор знает, что будет в будущем (относительно происходящего на страницах романа), что вводится конструкциями следующего типа: «в то время я не знал», «тогда мне казалось», «себе тогдашнему». Необходимо подчеркнуть нетождественность образа автора в автобиографических произведениях и образа рассказчика. В исследуемых нами романах повествование ведется от первого лица, тем самым обеспечивая возможность показывать литературную действительность «изнутри». Развитие характера персонажа и становление жизненного пути в новой реальности формируют сюжетную основу произведений миграционной литературы.

Обращаясь к типологии повествовательных форм, Е. В. Падучева выделяет несколько типов, среди которых в нашем исследовании мы остановимся подробно на характерном для автобиографического произведения повествовании от первого лица, когда повествователь является аналогом говорящего; такая форма традиционно именуется в отечественной нарратологии рассказчиком, а в зарубежной – нарратором [11, с. 39]. Итак, повествование о жизненном пути эмигрантов в обоих произведениях ведется от первого лица, что наделяет авторов дополнительными возможностями для создания иллюзии большего правдоподобия и реализации «личностно-оценочного модуса как маркера психологического повествования» [15, с. 253], поскольку читателю легче поверить человеку, рассказывающему историю о самом себе: «повествование от первого лица приобретает характер исповеди, что усиливает художественное впечатление» [18, с. 214]. В данном случае акцент в произведениях сделан на главном герое, именно за его или ее психологическим состоянием в большей степени следит читатель, в то время как остальные персонажи второстепенны, их внутренний мир создает лишь фон для основной линии повествования. С. Лансер предложила схему описания повествователей в произведении, согласно которой в обоих случаях мы имеем дело с «нарратором-протагонистом» [24, с. 60], когда «повествуемое «я» представлено главным героем романа, т.е. это собственно автобиографический нарратор» [19, с. 92]. По наблюдениям лингвистов, этот тип повествования встречается в литературе наиболее часто, ему присуще относительно большое временное расстояние между повествуемым и настоящим (повествующим) «я», при этом они связаны между собой «психофизической идентичностью» [19, с. 92].

С прагматической точки зрения интерес представляет заглавие романа как одна из самых значимых сильных позиций текста, призванных произвести на читателя особое воздействие, неотделимое от сущности произведения: это «привилегированная и вынесенная вовне часть художественного целого» [9, с. 60]. И. Р. Гальперин определяет его как «компрессированное, нераскрытое содержание текста» [7, с. 133], оно представляет собой «первую интерпретацию произведения, предлагаемую самим автором, которая обязательно должна быть принята во внимание при переводе» как особом типе интерпретации [13, с. 243].

В оригинале роман М. Д. Шраера носит следующее заглавие «Waiting for America: A Story of Emigration», однако в переводе, осуществленном при участии самого автора, вторая часть заглавия отсутствует: «В ожидании Америки». Очевидно, что для произведения, изданного в США, первой части заглавия автору показалось недостаточно, и потому было введено поясняющий компонент: «История эмиграции», который был опущен при переводе, поскольку несет в себе избыточную информацию, ведь читатель может догадаться, что речь в романе пойдет о переезде в Америку. С. В. Серебрякова отмечает, что в названии на «метасемиотическом уровне акцент переносится на индивидуально-авторское осмысление языковых единиц, означающее приращение смыслов в рамках художественного целого» [14, с. 276].

Характеризуя особенности названия глав, следует отметить, что роман состоит из трех частей,

каждая из которых включает, в свою очередь, 3 главы. В трех из 9 глав романа встречаются также «Интерлюдии» (в оригинале романа «Interlude»). Термин для названия главы является нетипичным для романа, он заимствован из музыкальной и театральной терминологии, где используется для обозначения «небольшой музыкальной пьесы, исполняемой в промежутках между частями другого музыкального произведения» [16]. Использование данного термина автором придает этим главам несколько иронический характер, сохраняя при этом «нарочито интеллигентный» стиль повествования.

Первая глава романа в оригинале носит название «Flight», которое дословно можно перевести как «Перелет», о чем, собственно и повествует данная часть романа – перелет героя и его семьи из Москвы в Вену и некоторые события, которые предшествовали ему и следовали за ним. В переводе, однако, оно заменено на стилистически более экспрессивное «Побег», тем самым позволяя читателю с первых минут почувствовать отношение автора к эмиграции как побегу, освобождению, что в дальнейшем акцентируется в тексте главы. Еще одна из глав романа называется «Русские этруски» (в оригинале «Russian Etruscans»), где герой обращается к мировой истории в поисках похожих эпизодов, находит общие черты и заявляет о своем единстве с другими эмигрантами, описывая свои собственные чувства в связи с эмиграцией как чувства других переселенцев.

Заключительная глава романа называется «Изгнание в рай», представляя собой аллюзию на Библейский сюжет «Изгнание из Рая». Под раем в данном случае автор подразумевает США, однако он предоставляет читателю возможность творческого поиска при декодировании заложенного образа, тем самым реализуя креативную интенцию. Оригинальное заглавие главы звучит как «Refuge in Paradise», где лексема «refuge» не является соответствием «изгнания», но несет положительную коннотацию «shelter or protection from danger, trouble», что скорее можно перевести как «убежище». Мотив поиска нового пристанища является важной составляющей художественных произведений об эмигрантах, поскольку причиной их переезда является, как правило, смена страны проживания с целью улучшить качество своей жизни, как, например, в анализируемом нами произведении, уйти от неугодного политического режима.

Второй привлеченный к анализу роман в оригинале носит название «Girl in Translation», которое переведено на русский язык буквально: «Девушка в переводе» с целью сохранить оригинальную метафору, показывающую путь становления главной героини в новой языковой среде, ее постоянный поиск самовыражения средствами другой лингвокультуры. Анализ содержания романов в типологическом аспекте подтвердил вывод С. В. Серебряковой, что «заданная в заголовке семантика слов «пронизывает» весь текст, обеспечивая его семантическое и концептуальное единство, в том числе и на имплицитном уровне, не равное простой сумме семантики составляющих его высказываний» [13, с. 244].

Анализ пространственно-временного континуума имеет больше значение для исследования типологии литературных произведений, так как время и пространство служат конструктивными принципами организации художественного текста. Литература воссоздает иллюзию течения времени. Время в художественном произведении носит «системный характер», т.е. одновременно время – это эстетическая действительность произведения и воплощение авторской концепции, отражение его картины мира. Произведения миграционной литературы неизменно характеризуются наличием трех временных планов, носящих контрастный характер, – прошлое до эмиграции (ностальгическое, без надежды, веры и будущего, но тем не менее, понятное, то, где у эмигрантов было свое место); настоящее с его лишениями, поиском себя, тоской по родине или стабильности; и будущее, полное надежд, порой недосягаемое, неизменно светлое и идеализированное. Названные временные пласта в основном и обеспечивают концептуальное единство изучаемых романов. Например, Ким, героиня произведения «Девушка в переводе», следующим образом описывает свое состояние: *There was so much I wanted here in America and so much I was afraid of, I had no other words left* [23, p. 11].

В произведениях миграционной литературы жизнь героев разорвана непреодолимой реальной и ментальной границей на два этапа: прошлое в родной стране и настоящее в новой стране, при этом одно из этих пространств нередко идеализируется, ностальгия по прошлому стирает порой недостатки родной страны. Так, в романе Д. Квок «Девушка в переводе» главная героиня Ким вместе с матерью переезжают из Гонконга в США к семье тети, которая обосновались здесь намного раньше. В самом начале своей адаптации на новом месте жительства Ким очень тепло вспоминает родину, скучает по старой школе и привычному окружению: *Images of the tough kids at **my old school in Hong Kong** flashed through my mind* [23, p. 6]. *But you, don't forget you were the smartest student **our primary school in Hong Kong** has ever seen* [23, p. 9]. *It was **impossible to get used to** them… I **missed our** neat little living room with its red couch and piano, on which Ma used to give lessons to kids after school* [23, p. 13].

В новой реальности героиня из Гонконга часто не может понять, как к ней относится американский учитель, которому она всячески пытается показать свое почтение привычными для нее в Гонконге способами: *Perhaps he thought I was arrogant or mocking him with my **formal "sirs"** and **standing when spoken to**. It was so much **a part of my upbringing**, I found it **hard to stop*** [23, p. 34]. Или в следующем эпизоде, когда учитель спрашивает у героини, почему она сидит на уроке не так, как остальные дети: *"I sorry, sir," I said, but I **had no idea** what I'd done wrong this time. I looked*

*around at the **other students**. Most of them were sprawled in their chairs. Some had sunk so low that they were practically lying down, some were leaning on their elbows, a few were chewing gum. **In Hong Kong,** students **must** fold their hands behind their backs when the teacher is talking, to show respect* [22, p. 16].

Композиция включает в себя три временных плана повествования: прошлое, настоящее и будущее, при этом последнему и ожиданию встречи с ним в романах отводится ведущая роль, что позволяет сделать вывод о том, что концепт НАДЕЖДА является важной содержательной составляющей художественных произведений миграционной литературы, поскольку причиной их переезда является, как правило, смена страны проживания с целью улучшить качество своей жизни или, например, уйти от неугодного политического режима. В этой связи США нередко выступают в роли идеального демократического государства, в котором мечты сбываются и куда герои устремляются в поисках светлого будущего: *…they got us out of Hong Kong and brought us here to America, the **Golden Mountain*** [23, p. 8]. *Every single kid at my old school had been **openly envious** when they heard we were moving to the U.S. It was difficult for anyone to **escape from Hong Kong** before its scheduled return from British to Communist Chinese rule in 1997* [23, p. 8].

Объединяющим для изучаемых романов выступает концепт АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА, который рассматривается в качестве одной из ключевых тем в исследовании «Thematic guide to the American novel» («Тематический гид по Американскому роману») Л. Адамсон, представляющем собой обзор основных тем американской литературы: «Многие произведения американской литературы обращаются к теме американской мечты, как с точки зрения коренных жителей, так и первопроходцев-иммигрантов» [21, с. 32]. По мнению журнала Observer, суть американской мечты заключается в равенстве возможностей для всех людей. Именно эта идея заставляет героев романов менять страну проживания: надежда на равенство и справедливость. Интерес в определении понятия АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА представляет прилагательное «американская» (American). Оксфордский словарь английского языка дает следующее толкование: американский – «принадлежащий континенту Америка» или же определение, используемое по отношению к «населению континента Америка», т.е. не обязательно имеющее отношение к США. Однако с течением времени понятие «American Dream» приобретает лингвокультурную устойчивость и начинает использоваться в большей степени применительно к США: американская мечта как «идеал процветающего демократического общества, к которому стремятся американцы» [21, с. 21]. Постепенно данное устойчивое сочетание приобретает концептуальную значимость, становится своего рода девизом американского стиля жизни, олицетворяя материальные ценности американского общества, но оставляя без внимания эмоциональную и духовную сферы жизни.

В романе «В ожидании Америки» герой М. Д. Шраера различным образом высказывается об Америке: *America was both a remote dream and a near future* [27, p. 77], *“**I think** it’s grand. It’s like a game where no one knows the rules and everyone plays by them. **I think** it’s an easy place to be. Lots of room. How about you, mama? What do you think it’s like?” “**I’m not sure. I hope** it’s a place where you don’t have to take part in anything if you don’t want to. Beautiful beaches. **I don’t know**”* [27, p. 154]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что герои сами не в полной мере представляют новую жизнь в другой стране, однако для них переезд в Америку – это избавление от социальных проблем родной страны. Описывая ужин, на котором герой увидел за соседним столиком американскую пару, автор акцентирует внимание на теме их разговора, отмечая спокойствие и внешнее благополучие этих людей: *They were so **blissfully comfortable** in their own skin, so untouched by fears and inhibitions, so unworried about their future… They were exchanging weighty comments about the quality of Italian foods: “their” sandwich bread, “their” cheese, “their” turkey.* [27, p. 154]. На протяжении всего романа автор подчеркивает то, что герои устали от политических гонений на родине, что они находятся в ожидании чего-то пусть даже призрачного, но однозначно лучшего для себя. Именно это ощущение отсутствия духовности становится основной причиной культурного и, в первую очередь, внутреннего ментального конфликта в мировосприятии переселенцев.

Следующий внутренний конфликт, характерный для героев миграционной литературы, – проблема восприятия самих себя как полноценных членов новой для них культуры и страны. Персонажи подвержены давлению извне, как например, в следующем отрывке, где старшая сестра героини дает совет младшей, как нужно называть ребенка: *But little sister, you **should** call her by her **American name** now: Kimberley. It’s very important to have a name that is **as American as possible**. Otherwise, they might think you were fresh off the boat!* [23, p. 9]. На языковом уровне в тексте произведения данные поведенческие директивы, которые эмигрант пытается применить к себе, зачастую передаются при помощи модальных конструкций долженствования: «следует», «должен», «нужно», которые являются показателями субъективной деонтической модальности, связанной с долгом, с требованиями к поведению, предъявляемыми новой для эмигранта системой правил [4, с. 218].

Концептуально значимое понятие культурного конфликта также становится объектом рефлексии в художественных произведениях, описывающих жизнь эмигрантов. Сам термин «культурный конфликт» появился в XX в. и использовался в западной антропологии для обозначения группового поведения, а также проявления неблагополучного социального поведения в отношении

представителей различных культур. Культурный конфликт эксплицирует различия в действиях представителей разных культур, он не обязательно сопряжен с проявлением агрессии. Под культурным конфликтом принято понимать ситуацию несоответствия в процессе коммуникации систем, норм и ценностей у представителей разных культур, обусловленную неприятием культурно отличающихся норм, стиля поведения, в основе чего лежит осознанный или подсознательный этноцентризм [12, с. 178].

На языковом уровне культурный конфликт как индикатор ментального противоречия может быть показан при помощи сравнения или параллельных конструкций, описывающих модели поведения, характерные для разных лингвокультур. Порой авторы используют некоторую иронию при изображении культурного конфликта, как это, например, происходит в следующем эпизоде: *Now that I was in the U.S., I assumed he* ***[Santa Claus]*** *would be appearing like all the other* ***strange things*** *I had heard of but had not seen until now, like* ***red hair*** *and* ***mittens*** [23, p. 43]. Здесь автор приводит типичные для любого европейца явления как некую диковинку в глазах ребенка из другой страны.

В типологическом плане необходимо отметить функционирование культурно детерминированной лексики – культурных реалий, к которым принято относить безэквивалентные слова, отражающие культуру того социума, где язык функционирует [10, с. 10, с. 70]. Например, такая лексика присутствует в романе Дж. Квок при описании быта семьи выходцев из Гонконга, которые придерживаются своих исконных традиций и принципов фэн-шуй в повседневных ситуациях на новой родине: Фу (магические слова, написанные древними учителями), фэн-шуй, джонки, календарь «Тонг Синг» [8]. Автор очень подробно описывает ритуалы, связанные с празднованием китайского Нового года и обед по этому случаю. Аналогичная ситуация прослеживается в романе М. Д. Шраера: *товарищ, кипятильник, отказник* [20] введены автором в текст на английском языке для передачи советского колорита. Эти единицы зачастую не имеют комментариев в тексте произведения, поскольку являются частью образа жизни главных героев, просты и понятны для них, к тому же они приводятся в контексте, понятном читателю и помогающем ему заглянуть в мир другой культуры.

Подводя итоги анализа содержательно-тематического пространства произведений миграционной литературы, необходимо отметить, что представленная в данных произведениях фактическая информация, а также авторский комментарий эксплицируют личностный взгляд на изображаемые события. Анализ произведений позволяет сделать вывод о наличии в текстах миграционной литературы главных типологических особенностей: «мультикультурной реальности» и наличия в ней бикультурного протагониста-эмигранта.

В результате исследования нами была отмечена высокая степень автобиографичности повествования, нашедшая реализацию в повествовании от первого лица, что придает тексту наибольшую достоверность в глазах читателя. Развитие образа главного героя-эмигранта в процессе его социокультурной адаптации в новой среде становится сюжетообразующей темой романа. Заглавие обоих романов подчеркивает бикультурный характер произведений и бикультурную сущность главных героев.

Типологически значимым можно считать наличие в семантическом пространстве произведений трех временных планов повествования: прошлое, настоящее и будущее, контрастирующих между собой. При этом каждому временному плану соответствует свое пространство: прошлому – родина персонажей, настоящему – путь, переезд, промежуточные остановки на пути и будущему – США как страна с большими возможностями.

Ключевыми концептуально значимыми понятиями, рассмотренных романов выступают концепты «НАДЕЖДА», «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА» и понятие «культурный конфликт». Авторы описывают дискомфорт, испытываемый героями-эмигрантами, вызванный разницей менталитетов и чувством вины за то, что они находятся в этой стране. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о высокой степени прагматичности представленных в текстах произведений явлений различных лингвокультур (родной и принимающей).

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1975. 445 с.

2. Богомолов Н. А. Автобиографическое начало в раннем творчестве М. Кузмина: статья первая // Блоковский сборник XII. Тарту: -во ТГУ, 1993. С.131–146.

3. Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. №3. С.14–26.

4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

5. Ваулина Л. Н., Баркова К. В. Тематические особенности миграционной литературы западной Германии // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. №1. С.229–234.

6. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 259 с.

7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2004. 144 с.

8. Квок Д. Девушка в переводе. М.: Фантом Пресс, 2011. 352 с.

9. Лукин В. А. Художественный текст. М.: Ось-89, 1999. 192 с.

10. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

11. Падучева Е. В. В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1995. Т.54. №3. С.39–48.
12. Ривлина А. А. «Лингвокультурный конфликт» и его «наивная» метаязыковая интерпретация: (на материале взаимодействия современного русского языка с английским) // Личность. Культура. Общество. 2011. Т.13. С.17–183.
13. Серебрякова С. В. Концептуальная значимость заглавия в переводческом аспекте // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь: СГУ, 2008. С.240–245.
14. Серебрякова С. В. Лингвокультурная адаптация ключевого слова в разновременных переводах художественного текста // Индустрия перевода: Материалы V Международной научной конференции. Пермь: ПНИПУ, 2013. С. 274–278.
15. Серебрякова С. В., Донцова А. А. Личностно-оценочный модус как маркер психологического повествования // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С. 253–258.
16. Ушаков Д. Н. Толковый словарь Ушакова. 1935–1940. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/824882 (Дата обращения: 10.01.2019).
17. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
18. Чернец Л.В. Введение в литературоведение: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с.
19. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
20. Шраер М.Д. В ожидании Америки. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 312 с.
21. Adamson L.G. Thematic Guide to the American novel. London: Greenwood Press, 2002. 373 p.
22. Boelhower W.Q. The Immigrant Novel as Genre. Oxford: Oxford University Press, 1981. P.3–13.
23. Kwok J. Girl in Translation. New York: Riverhead Books, 2010. 290 p.
24. Lanser S. S. The Narrative Act: point of view in Prose Fiction. Princeton N.J.: Princeton University Press, 1981. 308 p.
25. Rosenwald L. A. Multilingual America. New York: Cambridge University Press, 2008. 198 p.
26. Sampsonia way. URL: http://www.sampsoniaway.org/literary-voices/2011/04/27/jean-kwok-and-the-girl-in-translation (Accessed: 10.01.2019).
27. Shrayer M. D. Waiting for America: a Story of Emigration. Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2007. P.142.

References

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva *(Aesthetics of a Written Word)*. Moscow: Iskusstvo, 1975. 445 p. (In Russian)
2. Bogomolov N. A. Avtobiograficheskoe nachalo v rannem tvorchestve M. Kuzmina: stat'ya pervaya *(Autobiographic Issue of M. Kuzmin's Early Works: the First Article)* // Blokovskij sbornik XII (Blok Collection). Tartu: TSU publ., 1993. P. 131–146. (In Russian)
3. Boldyrev N. N., Dubrovskaya O. G. O formirovanii sotsiokul'turnoj spetsifiki diskursa *(On the Formation of Social and Cultural Discourse Features)* // Voprosy kognitivnoj lingvistiki (Issues of cognitive linguistics). 2015. No. 3. P.14–26. (In Russian)
4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki) *(Language Conceptualization of the World (on the Material of Russian Grammar)*. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997. 576 s. (In Russian)
5. Vaulina L. N., Barkova K. V. Tematicheskie osobennosti migratsionnoj literatury zapadnoj Germanii *(Thematic Features of Western German Migration Literature)* // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta *(Annals of Kostroma State University. Series: Pedagogics. Psychology. Social Kinetics)*. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2008, №1. S. 229–234. (In Russian)
6. Vinogradov V. V. Stilistika. Teoriya poehticheskoj rechi. Poehtika *(Stylistics. Theory of Poetic Language. Poetics)*. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. 259 c. (In Russian)
7. Gal'perin I. R. Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya *(Text as an Object of Linguistic Studies)*. M.: URSS, 2004. 144 s. (In Russian)
8. Kvok D. Devushka v perevode *(Girl in Translation)*. M.: Fantom Press, 2011. 352 c. (In Russian)
9. Lukin V. A. Khudozhestvennyj tekst *(Literary Text)*. M.: Os'-89, 1999. 192 s. (In Russian)
10. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb, zavedenij *(Linguistic Culture Study: Students Book for Universities)*. M.: Izdatel'skij tsentr «Akademiya», 2001. 208 s. (In Russian)
11. Paducheva E. V. V. V. Vinogradov i nauka o yazyke khudozhestvennoj prozy (*V. V. Vinogradov and the Science of Literary Text Language)* // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka *(Literature and Language Series)*, 1995. T. 54, №3. S. 39–48. (In Russian)
12. Rivlina A. A. «Lingvokul'turnyj konflikt» i ego «naivnaya» metayazykovaya interpretatsiya: (na materiale vzaimodejstviya sovremennogo russkogo yazyka s anglijskim) *(Linguistic and Cultural Conflict and its "Naïve" Metalinguistic Interpretation (on the Material of Russian-English Interaction)* // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo (Personality. Culture. Society). 2011. T. 13. S. 177–183. (In Russian)
13. Serebryakova S. V. Kontseptual'naya znachimost' zaglaviya v perevodcheskom aspekte *(Conceptual meaning of the Title in Translation Aspect)* // Yazyk. Tekst. Diskurs (Language. Text. Discourse). Stavropol': Izd-vo SGU, 2008. S. 240–245. (In Russian)
14. Serebryakova S. V. Lingvokul'turnaya adaptatsiya klyuchevogo slova v raznovremennykh perevodakh khudozhestvennogo teksta *(Linguistic and Cultural Adaptation of a Keyword in Asynchronical Literary Text Translations)* // Industriya perevoda: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Perm': Izd-vo PNIPU, 2013. S. 274–278. (In Russian)
15. Serebryakova S. V., Dontsova A. A. Lichnostno-ocenochnyj modus kak marker psihologicheskogo povestvovanija *(Personal Evaluative Modus as a Marker of Psychological Narration)* // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija (Humanities and Law Research Journal). 2016. №2. Stavropol': SKFU, 2016. S. 253–258. (In Russian)

16. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' Ushakova. 1935–1940 *(Explanatory Dictionary by Ushakov. 1935–1940)*. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/824882 10.01.2019 (Accessed: 10.01.2019). (In Russian)
17. Khalizev V. E. Teoriya literatury *(Theory of Literature)*. Moscow: Hight school, 2004. 405 p. (In Russian)
18. Chernets L. V. Vvedenie v literaturovedenie: *(Introduction to Literature Studies: Students Book for Professional Use in Universities)*. Moscow: Akademiya, 2012. 720 p. (In Russian)
19. Shmid V. Narratologiya *(Narratology)*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2008. 304 p. (In Russian)
20. Shraer M. D. V ozhidanii Ameriki *(Waiting for America)*. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2013. 312 p. (In Russian)
21. Adamson Lynda G. Thematic Guide to the American novel. London: Greenwood Press, 2002. 373 p.
22. Boelhower W.Q. The Immigrant Novel as Genre. Oxford: Oxford University Press, 1981. P.3–13.
23. Kwok J. Girl in Translation. New York: Riverhead Books, 2010. 290 p.
24. Lanser S. S. The Narrative Act: point of view in Prose Fiction. Princeton N.J.: Princeton University Press, 1981. 308 p.
25. Rosenwald L. A. Multilingual America. New York: Cambridge University Press, 2008. 198 p.
26. Sampsonia way. URL: http://www.sampsoniaway.org/literary-voices/2011/04/27/jean-kwok-and-the-girl-in-translation (Accessed: 10.01.2019).
27. Shrayer M. D. Waiting for America: A Story of Emigration. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 2007. 142 p.

Сведения об авторе
Боровицкая Ева Игоревна – аспирант кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / borovitskaya.eva@mail.ru

Information about the author
Borovitskaya Eva – postgraduate, Chair of translation studies, Institute for the Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / borovitskaya.eva@mail.ru

УДК 8.1751

А. А. Горжая

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В СОПОСТАВЛЕНИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ П. Б. ШЕЛЛИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И К. Д. БАЛЬМОНТА НА РУССКОМ

Статья посвящена комплексному исследованию цветообозначений в переводческом ракурсе. Поэтический материал, представленный работами английского поэта Перси Биши Шелли (The Revolt of Islam, The Sensitive Plant, Ginevra, Marenghi, The Cloud, To Jane: The Recollection, The Cenci: A Tragedy in Five Acts. Dedication, to Leigh Hunt Esquire, Arethusa, England in 1819, A Vision of The Sea, Ode to The West Wind), послужил ресурсом выборки колористической лексики на английском языке, а переводы данных работ, выполненные К. Д. Бальмонтом – на русском. Впервые представлено комплексное описание цветообозначений в поэтических текстах П. Б. Шелли, произведена их классификация, описаны особенности их функционирования. Теоретические и практические выводы о количественном преобладании хроматических единиц над ахроматическими, номинативов над колоративами, немотивированной колористической лексики над мотивированной, основных ЦО над смешанными, сложными и референтными, говорит о том, что лингвоцветовая картина мира поэта состоит в основной массе из ярких, и в то же время простых, легко доступных для восприятия языковых единиц. Данное исследование углубляет знания о лингвоцветовой картине мира Шелли и расширяет представление об эстетике лексики цветообозначений в поэтических текстах. Малочисленный состав индивидуально-авторских ЦО ставит под сомнение полновесность их основного статуса. Количественные данные сопоставительного анализа творческих подходов и транслатологических решений класса цветообозначений К. Д. Бальмонтом выявили инструментарий переводческих трансформаций: дословный перевод, опущение и реметафоризация/метафоризация. Исследователь также отмечает, что тексты, созданные автором перевода, оказали на адресата в той или иной мере схожее воздействие, как и оригинал, а значит, достигнута коммуникативно-функциональная эквивалентность в произведениях на русском языке. Владение данными знаниями позволяет переводчику экономить время и сконцентрироваться на решении нетривиальных задач.

Ключевые слова: цвет, цветообозначение, поэтический текст, ахроматические и хроматические цвета.

A. A. Gorzhaya

TRANSLATOLOGICAL FEATURES OF COLOUR NAMING IN COMPARISON OF P. B. SHELLEY'S POETIC TEXTS IN ENGLISH AND K. D. BALMONT'S IN RUSSIAN

The paper investigates the colour terms in the translation perspective. Poetic material presented by the works of the English poet Percy Bysshe Shelley (The Revolt of Islam, The Sensitive Plant, Ginevra, Marenghi, The Cloud, To the Jane: The Recollection, The Cenci: A Tragedy in Five Acts. Dedication, to Leigh Hunt Esquire, Arethusa, England in 1819, A Vision of The Sea, Ode to The West Wind) served as a resource for sampling colouristic vocabulary in English, and translations of these works by K. D. Balmont in Russian. For the first time, a complex description of colour terms in the poetic texts of P. B. Shelley is presented, their classification is performed, and the features of their functioning are described. Theoretical and practical conclusions about the quantitative prevalence of chromatic units over the achromatic, nominative over the colorators, unmotivated colouristic vocabulary over the motivated, main colour namings over the mixed, complex and referential, means that the linguocolour world view of the poet mostly consists of bright, and at the same time simple, easily comprehensible language units. This study extends knowledge about the linguocolour world view of Shelley and expands the idea about the aesthetics of the vocabulary of colour terms in poetic texts. The small number of individual author colour namings casts doubt on the soundness of their main status. The quantitative data of a comparative analysis of creative approaches and translatological solutions of the colour designation class by K. D. Balmont revealed the tools of translation transformations: literal translation, omission and remetaphorization/metaphorization. It must be noted that the texts created by the author of the translation have had a similar effect on the addressee, as it had on the original one. It means that a communicative-functional equivalence has been achieved when creating texts in Russian. With this in mind a translator can save his time and concentrate on solving non-trivial tasks.

Key words: colour, colour naming, poetic text, achromatic and chromatic colours.

Окружающая действительность воспринимается нами в цвете, и этот факт, несомненно, является значимым. Цвет, как один из основных признаков несознательного восприятия, концептуализации и категоризации мира, обладает огромной силой воздействия и играет важную роль в процессах познания окружающей действительности. Облачаясь в форму слова, цветовой образ становится предметом изучения языкознания. На уровне языка определенное межкомпонентное соединение понятий цветовой и нецветовой лексики обуславливает тот факт, что посредством цветообозначающих языковых единиц могут быть выражены многие стороны человеческой жизни и онтологически обусловлены визуальные характеристики объекта.

Особым способом организована речь, неопределенная потребностями обыденного языка, в поэзии. Интерес к поэтическому тексту не ослабевает ввиду наличия большой смысловой нагрузки на каждое отдельно взятое слово. В данной разновидности речевой деятельности всегда прослеживается особая авторская интенция, и, помимо собственного содержания, в той или иной степени проявляет себя имплицитная информация. В этом случае учитывается не только содержание, но и форма. Цветовой спектр приобретает самые различные оттенки благодаря особой организации текста и повышенной активизации всех его уровней. Особый интерес вызывает колористическая лексика в поэтических текстах Перси Биши Шелли. Цвет в творчестве стихотворца вписан в поэтическую картину мира и выступает в качестве целостной и завершенной модели окружающей действительности.

Цель данной работы – выявить транслатологические особенности лексики цветообозначений (ЦО) с английского языка на русский на материале поэтических текстов Перси Биши Шелли и их переводах, выполненных Константином Дмитриевичем Бальмонтом.

В данной работе мы предлагаем рассматривать понятие «цветообозначение», суть которого более полно раскрывает Е. А. Горн, как «единицу, принадлежащую, как к системе языка, так и к системе речи, выраженную любыми средствами от морфемы до сверхфразового единства, имеющую в своем значении лексическую прямую или опосредованную ассоциативную связь с цветом». В поэтическом тексте цветообозначения выполняют различные функции, такие как номинативную, аттрактивную, изобразительную и эстетическую.

По мнению З. И. Комаровой и М. Б. Талапиной, концепт цвета «представляет собой схему восприятия, в соответствии с которой у всех объектов окружающего нас мира выделяется характеристика «окрашенности», передаваемая в языке посредством прилагательных цвета» [3, p. 33].

Однако смысл даже первичных цветов не может быть универсальным, поскольку в некоторых случаях обозначение цвета отсутствует в языке. А исторические прототипы цветов, связанных с той или иной частью спектра, придали свои оттенки значению цветообозначения.

Для переводческого исследования в данной статье, в целях более глубокого понимания цветовой картины мира П. Б. Шелли, интерпретирующего колоративную лексику как способ психологизации нарратива, особый интерес представляет классификация М. В. Мироновой, которая выделяет пять типов прилагательных цветообозначения. К ним относятся основные (red, blue, green, yellow, black, white), смешанные (оранжевый = желтый + красный (orange = yellow + red), фиолетовый = синий + красный (violet = blue + red), сложные (темно-зеленый, ярко-красный, light blue, dark red), референтные – названия растений, животных, птиц, минералов, еды и напитков (ginger, mint, hazel, flamingo, lilac) и, наконец, окказиональные или индивидуально-авторские цветообозначения (бледно-скромный, желто-бархатный, твердо-алый). Подобные ЦО широко используют авторы художественных произведений, в которых прилагательные несут дополнительные внутритекстовые значения (прямые, метафорические, символические и т.п.) и несут идейно-художественную нагрузку [5, p. 100].

Довольно распространенной является типологизация цветов на ахроматические (черный, серый, белый) и хроматические («пестрые»), основанная на онтологическом противопоставлении света и тьмы (Р. М. Фрумкина (1984), Н. В. Серов (1995), А. П. Вежбицкая (1996), П. В. Яньшин (2006)). При изучении реализации эстетической и изобразительно-выразительной функций языка важным является подразделение наименований цвета на нейтральные (номинативы) и стилистически маркированные (колоративы), которые принято называть ЦО фигурального характера, способными порождать художественную речь (Н. А. Мартьянова (2007).

Индивидуально-авторскую цветовую картину мира принято классифицировать по наличию или отсутствию мотивированности, согласно которой можно говорить о мотивированных именах цвета и наименованиях, таковой не обладающих. Поскольку мотивированные ЦО образованы от наименований различных объектов реальной действительности и обладают ярко выраженной этимологией, например: golden, snow-white, olive и т.д., их можно назвать объектными именами цвета [3, p. 218].

Нашу исследовательскую базу составили произведения, написанные Перси Биши Шелли в разные годы жизни, а именно: The Revolt of Islam (a fragment) (1817), The Sensitive Plant (1820), Ginevra (1821), Marenghi (1818), The Cloud (1820), To Jane: The Recollection (1822), The Cenci: A Tragedy in Five Acts. Dedication, to Leigh Hunt Esquire (1819-1820), Arethusa (1820), England in 1819 (1819), A Vision of The Sea (1820), Ode to The West Wind (1819), а также их переводы, выполненные Константином Дмитриевичем Бальмонтом: «Возмущение Ислама (Лаон и Цитна)», «Мимоза», «Джиневра», «Маренги», «Облако», «Воспоминания к Джен», «Ченчи», «Аретуза», «Англия в 1819 г. Сонет», «Морское видение»,

«Песнь к западному ветру», которые были взяты из различных сборников и интернет-источников.

Для анализа были выбраны произведения, представляющие собой различные литературные, в частности, лирические и поэтические жанры, такие как: трагедия, поэма, лирическое стихотворение, ода, сонет, басня. Подробные переводческие комментарии будут даны к тем примерам, которые, на наш взгляд, являются в эмпирической базе наиболее яркими и образными.

Текстовое пространство поэтических произведений П. Б. Шелли насыщено различными ЦО, такими как: red, green, golden, azure, crimson black, blue, yellow, purple, orange-coloured и их оттенками разной степени интенсивности: hoary gray, faint crimson, dark-red, tender green. Благодаря способности автора мастерски осваивать весь спектр цветовых терминов своей культуры, создается впечатление большого количества используемых красок. Все это обогащает знания читателя об окружающем мире и человеческой личности, как его важного компонента.

Итак, в рамках ранее заявленных нами классификаций цветообозначающей лексики, а также в ходе анализа эмпирического материала, включающего в себя 153 примера колоративной лексики, которые были отобраны методом сплошной выборки, мы выделили 94 хроматических (*red, purple, blue, silver, yellow, brown, golden* и т.д.) и 59 ахроматических единиц (*white, black, gray* и т.д.).

Эмпирическую базу с позиции подразделения цветов на нейтральные (номинативы) и стилистически маркированные (колоративы) цвета, которые также принято называть ЦО фигурального характера, составили 103 примера ЦО-номинативов (*green, black, brown, white, red* и т.д.) и 50 примеров ЦО-колоративов (*golden, emerald, silver, azure, milky* и т.д.).

Говоря о мотивированных ЦО, можно выделить 39 цветообозначений (*snowy, golden, lead-coloured, ivory, blood-red* и т.д.), и немотивированных ЦО – 114 единиц (*blue, black, red, green, sanguine* и т.д.).

Согласно идентификаторам цветовых тегов, предложенным М. В. Мироновой, мы выделили 83 основных (*red, blue, yellow, black, white, green* и т.д.), 22 смешанных (*orange-coloured, purple, gray, crimson* и т.д.), 10 сложных (*many-coloured, dark-red, golden-pinioned, deep-red, lead-coloured* и т.д.), 34 референтных (*silver, golden, dewy, emerald* и т.д.) и, наконец, 4 окказиональных или индивидуально-авторских цветообозначения (*night-black, moonlight-coloured, million-coloured, hectic-red*), которые составляют дополнительные внутритекстовые значения в произведениях П. Б. Шелли и несут особую идейно-художественную нагрузку, но чей небольшой состав позволяет поставить под сомнение полновесность их основного статуса.

Поскольку исследуемый поэтический текст заключает в себе индивидуально-авторскую художественную картину мира и содержит в себе языковые особенности авторской / субъективной поэтической номинации, а также лингвистические особенности объективного / инвариантного языкового мышления, мы причисляем его к антрополингвистической категории.

Как результат языкового творчества, транслатологическая характеристика поэтического текста подразумевает, что переводчик, как субъект коммуникации, должен генерировать новый поэтический текст, равноценный оригиналу по его концептуальной и эстетической информации, но использующий по необходимости совсем иные языковые, а порой и стиховые формы [1, p. 25]. Интерпретатор, интегрируя в создаваемое произведение, декодирует вербально-художественную информацию оригинала в соответствии с переводческой, личностной, культурной, языковой установками [6, p.11], он обрабатывает поступающую информацию на двух уровнях: как переводчик-читатель и как переводчик-поэт.

Все трансляционные преобразования основаны на одной или двух речемыслительных операциях, это – парафраз и / или замена. Однако уровень межъязыковых трансформаций может значительно варьироваться, это могут быть преобразования, обусловленные некоторыми отличиями оригинала и переведенного текста. Наблюдаются ситуации, когда текст перевода и текст оригинала имеют разную словесную форму, то есть текст перевода сложно определить как перевод оригинального текста. Только в результате детального сопоставления можно сделать вывод, что такой вид перевода наиболее приемлемый, и именно он позволяет наилучшим образом передать оригинал реципиенту.

С точки зрения перевода цветообозначений в таком типе текста, интерес вызывает тот факт, что поэтический текст дополнительно ограничивается метрико-ритмическими нормами, организованностью на всех уровнях его структуры. В процессе передачи текста оригинала на язык перевода возникают трудности, обусловленные различиями систем версификации в разных языках, а также расхождением структур фонетики, лексики, стилистики, а также грамматики.

Компетентность в технике перевода и умение применять ее на практике экономят переводчику время и позволяют сосредоточиться на решении нетривиальных задач. Однако только два этих фактора не всегда способствуют успешному переводу, поскольку любой вид трансформации требует от переводчика творческого подхода и определенных решений для создания равноценного текста на языке перевода.

По итогам анализа перевода исследуемых произведений, выполненного К. Д. Бальмонтом, в которых автором порождаются новые образы, обладающие определенными цветовыми характеристиками, выявлено, что большинство хроматических цветообозначений передано при помощи следующих грамматических и лексико-грамматических трансформаций, таких как: опущение (30 %), дословный перевод (28 %), реметафоризация (7 %), а также лексико-семантической модификации эмфатизации (6 %). 29 % распределились между наименее частотными приемами: добавление, деметафоризация, целостное преобразование, расщепление и свертывание образа.

Прежде всего, стоит отметить особенности организации двух уникальных примеров хроматических ЦО в сонете England 1819 («Англия в 1819 году. Сонет»), посвященном тяжелой социально-политической ситуации в годы правления короля Георга III. Сонет является одним из самых смелых политических заявлений Шелли. Лексические средства необычайно яркие и образные, что свидетельствует о глубоких переживаниях Шелли.

***Golden and sanguine** laws which tempt and slay;*
Religion Christless, Godless – a book sealed;
A senate, Time's worst statute, unrepealed –
Are graves from which a glorious Phantom may
Burst, to illuminate our tempestuous day.

***Свирепые подкупные законы**,*
Что в петлю завлекают и казнят, –
Святоши, что везде рождают стоны, –
Гнуснейший хлев, безмысленный Сенат, –
То черные могилы, из которых
Да встанет Призрак, с пламенем во взорах!

Референтное ЦО *golden* в данном фрагменте несет смысл подкупности политических деятелей и судей. В то время как деметафоризация (прием замены метафорического способа выражения мысли прямым) эмоционального каузатора *sanguine*, имеющее такие эквивалентные соответствия, как: 1) оптимистический; оптимистичный, 2) румяный (о лице), 3) кроваво-красный, отображает двойственный характер этих законов и весь ужас кровопролития, которое явилось результатом функционирования подобных коррупционных механизмов в Англии.

Одно из самых известных стихотворений Шелли 1820 года – The Sensitive Plant («Мимоза»), написано в четыре строфы, в жанре басни. Все образы в произведении аллегоричны с садом, представляющим райский мир, а Леди, ухаживающая за садом – мать-природа, которая заботится обо всем живом и является не чем иным, как душой сада.

And on the stream whose inconstant bosom
Was pranked, under boughs of embowering blossom,
*With **golden and green light**, slanting through*
Their heaven of many a tangled hue,
Broad water-lilies lay tremulously,

*Под ласковой тенью **зеленых ветвей**,*
*Под **искристым светом горячих лучей**,*
Над гладью изменчивой, гладью речной
Дрожали кувшинки, целуясь с волной;…

В данном примере переводчик расщепил образ колоративного *green light* на *под ласковой тенью зеленых ветвей*, при этом их суммарный образный потенциал примерно совпадает с образным потенциалом исходной единицы, созданным Шелли. В свою очередь, реметафоризация цветового образа *golden light,* несущего фигуральный характер, была заменена на описательный оборот (т.е. используется нецветовая лексика) *«искристым светом горячих лучей»*, что не только сохраняет авторский образ, но и эмфатизирует его.

Ахроматический фрагмент лингвоцветовой картины мира репрезентируется в поэзии Шелли цветообозначениями, которые обладают разным прагматическим потенциалом. Основные ахроматические цвета организующие «цветовое пространство» произведений Шелли это *black* и *white*. Остальные цветообозначения манифестируют периферийные признаки ахроматического фрагмента произведений поэта.

Большинство ахроматических ЦО были переведены при помощи дословного перевода (27 %), с целью сохранения эквивалентности, а также при помощи опущения (17 %), метафоризации (11 %) и замены формы слова (11 %). В случае если образ невозможно было передать в полной мере, переводчик создавал свой, иногда более сильный образ с яркой стилистической окраской (добавление, конкретизация, метонимическая трансформация, перераспределение содержания, целостное преобразование, расщепление образа (в целом процентное соотношение данных модификаций составило 34 %)).

Стихотворение A Vision of The Sea («Морское видение») описывает мощь и силу водной стихии – шторм на море и затерявшийся в нем корабль, на котором один за другим погибают все моряки. Когда буря стихает и сквозь тучи проглядывает солнце, в живых остаются только мать и дитя, к которым вскоре приходит помощь. Стоит отметить, что манера, в которой написано это стихотворение, напоминает манеру написания текстов, в гипнотическом состоянии или так называемое «автоматическое (механическое) письмо».

From the stark night of vapours the dim rain is driven,
And when lightning is loosed, like a deluge from Heaven,
*She sees the **black trunks** of the waterspouts spin*
And bend, as if Heaven was ruining in…

Из туманов, угрюмых, как чернеющий гроб,
Вместе с молнией хлынул многоводный потоп.
Напряженные смерчи, как подпоры небес,
*Поднимаясь, коснулись этих **темных завес**,*
И тяжелое небо так повисло на них,
Что они пошатнулись и в глубинах морских...

В данном примере утраченное номинативное цветообозначение *black*, в словосочетании '*black trunks*' было компенсировано фразой *«темных завес»*, что позволило переводчику сохранить образность и прагматический потенциал ИЯ.

Произведение Ginevra («Джиневра»), которое Шелли пишет в 1821 году, повествует о девушке по имени Джиневра, которая по воле семьи вышла замуж за нелюбимого человека, однако сердцем и душой осталась верна возлюбленному

Антонию. Невеста умирает в день своей свадьбы, вызывая всеобщую скорбь, и лишь только ее жених Герарди не горюет о ее смерти: «...И тупо утешенья слушал он, в которых не нуждался: не зажжен любовью был в нем дух».

В произведении часто встречаются нейтральные ЦО, описывающие внешний облик невесты, как при жизни, так и после нее:

They found Ginevra dead! if it be death
To lie without motion, or pulse, or breath,
With waxen cheeks, and limbs cold, stiff, and ***white****…*

Увы, они нашли Джиневру мертвой.
Да, мертвой, если это смерть - лежать
Без пульса, не вздыхать и не дышать,
Быть ***белою****, холодной, восковою…*

С целью сохранения метрико-ритмической структуры произведения переводчик в данном примере использует замену формы прилагательного *white* на форму женского рода в творительном падеже – *белою*. Также для усиления эмфатического эффекта и в целях прагматической адаптации образа, созданного Шелли, к русской лингвокультуре, переводчик посчитал возможным применить синекдохическую трансформацию: признаки «смерти» он переносит с частей тела (щек, конечностей и т.д.) на все тело Джиневры.

Так, большинство ахроматических цветообозначений были переданы при помощи дословного перевода, что говорит о стремлении автора сохранить эмоционально-экспрессивную составляющую поэтических текстов П.Б. Шелли. В исключительных случаях, переводчик применяет замену формы слова, синекдохическую трансформацию или компенсацию с целью сохранения новой метрико-ритмической формы, созданной при переводе.

Далее приведем примеры уникальных цветовых индивидуально-авторских образов. В нашей картотеке таких единиц, несущих формальносемантический характер, выявлено четыре, а именно: *night-black, moonlight-coloured, million-coloured, hectic-red*. Индивидуально-авторские цветообозначения переведены при помощи приемов нейтрализации и компенсации, использованных одновременно в одном примере (50 %), приемы опущения и целостного преобразования реализованы во второй цветообозначающей единице (24 %). Также выявлены трансформации генерализации (13 %) и деметафоризации (13 %) с заменой цветовой лексики при помощи нецветовой.

Так, в произведении The Sensitive Plant (Мимоза) разные объекты живой природы – например, цветы, описываются как небесные светила. Их лепестки, бутоны светят как звезды, а звезды в свою очередь появляются в небе или отражаются в воде.

And the wand-like lily, which lifted up,
As a Maenad, its ***moonlight-coloured*** *cup,*
Till the fiery star, which is its eye,
Gazed through clear dew on the tender sky;

И лилия ***светлую*** *чашу взяла*
И вверх, как Вакханка, ее подняла,
На ней, как звезда, загорелась роса,
И взор ее глаз устремлен в небеса;

Прекрасный *«лунный»* образ лилии, созданный Шелли при описании цвета её чашечки (мотивированная лексема *'moonlight-coloured'*), в процессе перевода теряется (*светлую*). Переводчик стирает черты авторского стиля, применяя приемы компенсации и нейтрализации, оправдывая это сохранением оригинальной формы строфы (четверостишие с рифмовкой аабб).

Отождествляя себя с осенним западным ветром в Ode to the West Wind (Ода западному ветру), поэт Шелли наделяет его символическими функциями (своими дикими порывами он разносит по земле крылатые семена возрождения):

Yellow, and black, and pale, and hectic-red*,*
Pestilence-stricken multitudes: O thou,
Who chariotest to their dark wintry bed

Бегут листы и кружатся толпой,
Тая в себе ***всех красок сочетанье****,*
Объятые губительной чумой.

Осенние листья в приведенном выше фрагменте, обозначенные немотивированными ЦО (*Yellow, and black, and pale*), совсем не такие, как мы себе их представляем – яркие, красочные, вместо этого они несут отрицательную коннотацию и создают довольно пугающий образ, автор сравнивает их с «*толпой больных, привидений*». Здесь четко прослеживается аллегория между цветами и четырьмя всадниками, которые являются вестниками апокалипсиса. Мотивированное ЦО *hectic*, которое в англо-русском словаре ABBYY Lingvo имеет эквивалентные соответствия *чахоточный, туберкулезный, гектический*, косвенно отсылает нас к образу одного из всадников, имя которого Чума или Мор. В примере использованы приемы опущения и целостного преобразования, т.е. синтез значения иными лексико-грамматическими средствами без семантической связи с исходной единицей, как результат неизбежной потери из-за расхождения форм стихосложения.

Таким образом, индивидуально-авторские ЦО, представляющие собой особую подсистему, передать в поэтическом переводе достаточно трудно по причине расхождения норм английского и русского языков, а также по причине различия картин мира поэта и переводчика. Такой крупный переводчик, как К.Д. Бальмонт, справляется с данными трудностями при помощи нейтрализации и компенсации, опущения и целостного преобразования, генерализации, а также деметафоризации.

Проведенное нами исследование художественного творчества П.Б. Шелли, отражающего в своих произведениях человека, его эмоции, представление себя и других в цветовом пространстве, позволяет сделать следующие выводы: выявленное нами количественное преобладание хроматических единиц (из них незначительное количество – 4 контекста, составили индивидуально-авторские цветообозначения) над ахроматическими 94 и 59 соответственно, номинативов (103 единицы) над колоративами (50 единиц), немотивированной колористической лексики (114) над мотивированной (39) и основных ЦО (83 единицы) над смешанными, сложными и референтными (70) из общей классификации, предложенной М. В. Мироновой, говорит о том, что лингвоцветовая картина мира поэта состоит в основной массе из ярких, и в то же время простых, легко доступных для восприятия языковых единиц.

Что касается передачи содержания произведений Шелли средствами русского языка, количественные данные свидетельствуют о том, что подчиняясь общим правилам транслатологии класса цветообозначений К. Д. Бальмонт находит стратегический компромисс в дословном переводе, опущении и реметафоризации / метафоризации. Следует отметить, что, поскольку тексты, созданные автором перевода, оказали на адресата в той или иной мере схожее воздействие, как и оригинал, в произведениях на русском языке достигнута коммуникативно-функциональная эквивалентность.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.

2. Горн Е. А. Цветообозначения в художественном тексте на английском и русском языках в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале современной английской литературы): дис. ...канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 211 с.

3. Комарова З. И., Талапина М. Б. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент: монография. Екатеринбург: УФУ, 2011. 220 с.

4. Лопатина Н. Р. О некоторых социокультурных и психологических аспектах прилагательных цвета // Сфера языка и прагматика речевого общения: Междунар. сб. науч. тр. Краснодар: КубГУ, 2003. С. 218–226.

5. Миронова М. В. Классификация прилагательных цвета (на примере цветообозначений русского и английского языков // Вестник АмГУ. 2009. Вып. 46. С.100–101.

6. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М.: Советский писатель, 1963. 431 с.

References

1. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda *(Language and Translation: Questions of General and Specific Theory of Translation).* Moscow: LKI publ., 2008. 240 p. (In Russian)

2. Gorn E. A. Tsvetooboznacheniya v khudozhestvennom tekste na angliiskom i russkom yazykakh v sopostavitel'no-perevodcheskom aspekte (na materiale sovremennoi angliiskoi literatury) *(Colour Namings in the Fictional Text in the English and Russian Languages in the Comparative Translational Aspect (on the Material of Modern English Literature):* dis. ...kand. filol. nauk. Sankt- Peterburg, 2014. 211 p. (In Russian)

3. Komarova Z. I., Talapina M. B. Lingvotsvetovaya kartina mira: akhromaticheskii fragment *(Linguocolour World View: Achromatic Fragment):* monografiya. Ekaterinburg: UFU publ., 2011. 220 p. (In Russian)

4. Lopatina N. R. O nekotorykh sotsiokul'turnykh i psikhologicheskikh aspektakh prilagatel'nykh tsveta *(On Some Sociocultural and Psychological Aspects of Colour Adjectives)* // Sfera yazyka i pragmatika rechevogo obshcheniya: Mezhdunar. Krasnodar: KubSU publ., 2003. P. 218–226. (In Russian)

5. Mironova M. V. Klassifikatsiya prilagatel'nykh tsveta (na primere tsvetooboznachenii russkogo i angliiskogo yazykov *(The Classification of Colour Adjectives (on the Example of Colour Terms of the Russian and English languages)* // Vestnik AmGU. 2009. Issue. 46. P.100–101. (In Russian)

6. Etkind E. G. Poeziya i perevod *(Poetry and Translation).* Moscow: Sovetskii pisatel', 1963. 431 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Горжая Алеся Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kafedra.tipp@mail.ru

Information about the author

Gorzhaya Alesya – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of translation studies, Institute for the Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kafedra.tipp@mail.ru

УДК 378.146

Е. С. Грушевская

ОПРОС КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОСНОВНЫХ ДИСПОЗИЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена описанию феномена объединения как ценностно-стратегической сущности в политическом дискурсе (ПД) на материале анализа опросов различных групп респондентов по ряду вопросов относительно различных форм политической коммуникации.

Цель данной работы – выявить и охарактеризовать диспозиции адресатов на основе анализа и обобщения ответов на вопросы, реферируемые к теме «Политика». Объект исследования – диспозиции субъектов коммуникации; предмет – их вербализация. Новизна подхода заключается в применении метода опроса как эффективного средства вычленения и характеристики основных установок в политической субъект-субъектной коммуникации; в интерпретации феномена объединения. Результаты исследования показали наличие в целом четырех типов установок – положительной, отрицательной, нейтральной, амбивалентной, характеризующих адресатов vs адресантов. Отмечается, что амбивалентное отношение имеет противоречивую актуализацию, одновременно учитывающую позитивную и негативную диспозиции. Доказано, что в целом позитивная и негативная диспозиции в дискурсе респондентов актуализируют соответствующие стороны синергетического процесса как динамического явления преодоления дисбаланса. Выявлено, что нейтральная диспозиция выражена противоречиво подобно амбивалентной диспозиции. При этом различаются эксплицитная («нейтрально») и имплицитная нейтральность. В большинстве случаев позиционируемая нейтральность непоследовательно реферирует к доводам, в реальности обосновывающим позитивное и негативное отношение.

Таким образом, доказано, что дискурс респондентов представляет собой ответные реакции на поставленные вопросы в диалогическом режиме, характеризуя обратную связь как адресантно vs адресатную коммуникацию и не представляет собой повсеместное выражение результата воздействия со стороны адресантов (агентов) политического дискурса; он формируется при актуализации процессов дифференциации и интеграции, образующих феномен объединения, выраженный в единстве ценностных (общечеловеческих, общекультурных, личностных) смыслов и стратегической (диспозициональной) ориентации.

Ключевые слова: политический дискурс; дискурс респондентов; диспозиция; адресантно-адресатная коммуникация; диалогичность; феномен объединения.

E. S. Grushevskaja

SURVEY AS A METHOD OF IDENTIFICATION AND INTERPRETATION OF MAJOR DISPOSITIONS IN POLITICAL DISCOURSE

This article describes the phenomenon of unification as a value-strategic entity in political discourse based on the analysis of surveys of different groups of respondents on a number of issues regarding various forms of political communication.

The purpose of this work is to identify and characterize the dispositions of addressees on the basis of the analysis and synthesis of answers to the questions referenced to the topic “Politics”. The object of study is the dispositions of the subjects of communication; the subject is their verbalization. The novelty of the approach lies in the application of the polling method as an effective means of isolating and characterizing the basic attitudes in the political subject-subject communication; in the interpretation of the phenomenon of association. The results of the study showed the presence of four types of installations in general - positive, negative, neutral, ambivalent, characterizing the recipients vs addressees. It is noted that an ambivalent attitude has a controversial update, at the same time taking into account the positive and negative dispositions. It is proved that, on the whole, positive and negative dispositions in the discourse of respondents actualize the relevant sides of the synergistic process as a dynamic phenomenon of overcoming imbalance. It is revealed that the neutral disposition is expressed in a contradictory way like an ambivalent disposition. At the same time, explicit (“neutral”) and implicit neutrality differ. In most cases, positioned neutrality inconsistently reviews the arguments that, in reality, justify a positive and negative attitude.

Thus, it is proved that the discourse of respondents is a response to the questions posed in the dialogical mode, characterizing the feedback as addresser vs addressee communication and does not represent the ubiquitous expression of the result of influence from the addressees (agents) of political discourse; it is formed during the actualization of the processes of differentiation and integration, forming the phenomenon of unification, expressed in the unity of value-based (universal, general cultural, personal) meanings and strategic (dispositional) orientation.

Key words: political discourse; discourse of respondents; disposition; addresser-addressee communication; dialogue; unification phenomenon.

В многомерном исследовании политического дискурса особое место традиционно отводится изучению его стратегических и ценностных характеристик, исходя из конечной цели убеждения, с точки зрения теории воздействия [см. к примеру 1–8]. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью перспективного изучения категории адресатности в субъект-субъектной коммуникации, исходя из нового, эмпирического подхода, нацеленного на выявление и интерпретацию конкретных диспозиций, характеризующих тип адресата. Новизна подхода в данной работе заключается в прояснении традиционного подхода в альтернативно-комплементарном ракурсе, заключающемся в привлечении дополнительного понятия «ценностно-стратегический феномен», формирующего типы диспозиций, выявленных в дискурсе респондентов, содержащих когнитивные и психологические факторы. Таким образом, данная статья посвящена описанию феномена объединения как ценностно-стратегической сущности в политическом дискурсе (ПД) на материале анализа опросов различных групп респондентов по ряду вопросов относительно различных форм политической коммуникации. Основные вопросы, формирующие позицию адресатов относительно политического дискурса, следующие:

1) Внушаемы ли Вы? Обобщите свои наблюдения относительно функции воздействия. Какие индивидуумы наиболее внушаемы?

2) Как Вы относитесь к политике (положительно/отрицательно)? Объясните свое отношение по принципу «польза/вред».

3) Ходите ли Вы на выборы? Да/нет. Почему?

4) Как Вы относитесь к митингам и акциям протеста? Участвуете ли Вы в них? Да/нет. Почему?

5) Как Вы относитесь к политическим дебатам? Смотрите ли теледебаты?

6) Какие чувства и эмоции Вы испытываете при виде политической рекламы?

Ответы на первый вопрос выявили неоднозначное отношение респондентов к внушению, базовой составляющей функции воздействия. Дискурс респондентов в подавляющем большинстве характеризуется отрицанием факта внушения, соответственно воздействия. Далее следует интерпретация ответов на вопросы о ПД, содержащих информацию от общего к частному. Так, второй вопрос ориентирован на выявление отношения к политической коммуникации в целом. Ответы адресатов представляют широкий спектр выражения мнения, позиции. Далее следуют вопросы частного характера относительно конкретных форм политического дискурса – выборы, митинги, акции протеста, политические (теле)дебаты, политическая реклама. Ответы на перечисленные вопросы формируют определенные классы субъектов политической коммуникации. При этом речь идет не только о возможности выявления типологии адресатов, но и их характеристике в качестве адресантов. Данный феномен указывает на цельнооформленность ПД как самоорганизующейся системы, в которой есть место как хаосу, так и порядку. И в этом процессе особое место занимают функции (само)организации, (само)регуляции как субъектов политической коммуникации, так и ее структуры как системы. При этом базовым механизмом представляется функция (само)идентификации относительно координации собственной установки и диспозиций других субъектов коммуникации. По результатам исследования установлено в целом четыре типа диспозиций – негативная, позитивная, нейтральная, амбивалентная. Рассмотрим их репрезентацию в дискурсе респондентов относительно обсуждаемых вопросов.

Ответы на второй вопрос – Отношение к политике – в дискурсе респондентов выражены в различных диспозициях. Отрицание происходит на базе референций к следующим факторам, которые явлены как доводы (аргументы) – объективного (политика как система, критерий истины) и субъективного – (эффективность / неэффективность (бессмысленность, бесполезность, вред); компетентность / некомпетентность адресантов / адресатов; эмоциональность (пессимизм, стресс) адресатов) характера. Нейтральность выражается на основе следующих факторов (доводов, оснований): объективные (политика как необходимая система; адресат как внешний наблюдатель, направленный на объективность) и субъективные (адресат как внешний наблюдатель с учетом информационной ориентированности; компетентность / некомпетентность адресатов; недостаточность вовлеченности; сфера интересов; ситуативность; формально нейтральное отношение, имплицитно выражающее неприятие). Позитивная установка акцентируется собственно компетентностью адресатов относительно высказываемого, выраженного в позитивной тональности, переданной соответствующей лексикой. Объективные доводы, основания: политика как необходимая система, составляющая государства; указание на абстрактную сущность; указание на конкретную функцию (к примеру, внешнеполитическая); указание на функцию взаимодействия (ср. с функцией воздействия). Субъективные доводы, основания: дискурсивная экспликация посредством маркера тональности; референция на ценностные установки адресантов (к примеру, политики, ориентированные на благо общества); указание на необходимые характеристики собственно политики (правильная, грамотная, разумная); указание на необходимые характеристики адресатов ПД (политическая грамотность, сознательность, ангажированность); указание на формальную позитивность с допущением, характеризующую невовлеченность («отписка»); указание на неформальную позитивность адресатов (оптимистов), в качестве адресантов, транслирующих позитивные установки. Амбивалентное отношение выражает диалектическое единство положительных и отрицательных сторон ПД, указанных нами в позициях субъективных и объективных факторов. В нем дифференцированы обе стороны (польза/вред) в виде перечисления «плюсов» и «минусов», как в отношении системы и структуры, так и субъектов в полити-

ческой коммуникации. Данный тип выражения отношения характеризует тип личности, ориентированный на целостный подход с неформальной / формальной (отписка) установкой адресата в качестве адресанта политической коммуникации.

Дискурс респондентов относительно выборов (ответы на третий вопрос) изучается в диспозициях – позитивная, негативная, амбивалентная. Позитивное отношение к выборам явлено в следующих общих ценностных смыслах: «гражданский долг», «патриот», «обязанность», «ответственность», «волеизъявление», «выражение выбора», реализация которых контекстуально обусловлена, т.е. реферирует к условиям и понятиям различного рода – «возможность», «достойный кандидат». В контексте обозначенных смыслов актуализируется стратегия объединения, явленная в позиционировании личности в качестве части целого: «не остаться в стороне», «внести свой вклад», «мое решение влияет на…», «голос каждого», «участие в управлении государством», «делаю то малое, что могу». В данном ключе выявляются активные адресаты, рассматриваемые нами в качестве адресантов, т.е. неформальных граждан, оптимистов. При реферировании к деонтической сфере, к формальной актуализации ценностных смыслов, реализуется тип формальный тип гражданина. Негативное отношение формируется на основе предвзятого мнения, выраженного на неуверенности, отсутствии веры со стороны адресата. Отрицательная диспозиция выявляет следующие понятия в виде контраргументов (и соответствующих следствий), идущие вразрез с ценностями позитивной диспозиции: «предопределенность», «бессмысленность», «нечестность выборов», «отстраненность» («абсентеизм»); «отсутствие интереса к теме», «личная некомпетентность», «наличие / отсутствие кандидатуры», «аргумент к возрасту», «ссылка на неудачный опыт». Соответственно формируется ситуация размежевания, противопоставленная феномену объединения. Амбивалентное отношение, в свою очередь, имеет противоречивую актуализацию, одновременно учитывающую позитивную и негативную диспозиции. Оно представляет когнитивную систему субъекта (адресата / адресанта) как пространство полимодальной актуализации знаний, мнений, верований.

Дискурс респондентов относительно митингов и акций протеста (ответы на четвертый вопрос) сформировался в следующих установках: положительная, отрицательная, амбивалентная, нейтральная. В позитивной диспозиции характеризуются две категории граждан с точки зрения деятельности – участвующие и не участвующие (поддерживающие – «уважение к протестующим») в митингах и акциях протеста. Таким образом, позитивное отношение к данным формам ПД явлено в следующих общих ценностных смыслах и понятиях: «интерес» («любопытство»), «осознанная необходимость», «выражение недовольства», «возможность донести свою позицию», «тематическая обусловленность», «содействие решению проблем», «справедливость». В дискурсе респондентов эксплицированы следующие необходимые субъективные и объективные требования («законность», «мирная атмосфера», «анонимность», «тематическая обусловленность») и ограничения к названным формам ПД: «отсутствие подобных форм в городе (стране)», «отсутствие времени / здоровья / мотива». В данной диспозиции неучастие в митингах и акциях протеста актуализирует аргумент «бесполезность» («бессмысленность») адресата «скептика-пессимиста». В обратной активной позиции адресат фигурирует в роли адресанта ПД. Политический дискурс явлен как динамическая система, преодолевающая догмат институциональности субъект-субъектных отношений. Анализируемые формы политической коммуникации, как и дискурс респондентов, их интерпретирующий, суть актуализация естественного процесса взаимодействия собственно институционального и персонального типов дискурса, указывающая на равную значимость условно называемых ролей агентов и клиентов. В позитивном отношении актуальны смыслы и ассоциативные образы, способствующие координации действий в адресантно(vs)адресатной коммуникации институционально-персонального (группового) порядка: «современное взаимодействие», «противовес», «нововведения», «исправление ошибок», «контакт».

Отрицательная диспозиция к митингам и акциям протеста может быть выражена односложно, а также с представлением аргументов: «отсутствие интереса», «бессмысленность», «бесполезность», «нецелесообразность». При этом некоторые понятия («опасность», «конфликтность» и др.), актуальные в положительной диспозиции в качестве ограничительных условий, явлены в качестве аргументов «против» при негативной диспозиции. В основе неприятия фигурируют негативные смыслы и ассоциативные образы: «толпа», «опасность», «страх», «дискомфорт», «конфликт», «насилие», «раздор», «нестабильность», «революция», «полиция», «разгром», «огонь», «драка», «кутузка», «2-ой Майдан», «агрессия», «дисбаланс». Коннотативно негативно маркировано понятие «толпа» как источник хаоса во всех смыслах. Толпа («стадо») есть негативный субъект анализируемых форм ПД, формируемый из клиентов агентами политической коммуникации. Основной стратегией при этом явлена стратегия объединения.

В целом позитивная и негативная диспозиции в дискурсе респондентов актуализируют соответствующие стороны синергетического процесса как динамического явления преодоления дисбаланса. Данный процесс цельно представлен в амбивалентной диспозиции. При этом в ряду отрицательных смыслов отмечаем аналогичные понятия, аргументы «против»: «опасность», «страх», «насилие», «дебоширство»; а в ряду положительных аргументов «за»: «возможность выразить мнение», «быть услышанными», «претензии», «недовольство» (для клиентов ПД); «обоснованность», «польза», «справедливость», «эффективность» (собственно для ПД). Невы-

полнение положительных условий способствует формальной («показуха») актуализации данных форм ПД. Интроспекция при интерпретации субъектов коммуникации выявляет тип субъекта «не активно протестующий».

Нейтральная диспозиция выражена противоречиво подобно амбивалентной диспозиции. При этом различаем эксплицитную («нейтрально») и имплицитную нейтральность. В большинстве случаев позиционируемая нейтральность непоследовательно референрирует к доводам, в реальности обосновывающим позитивное и негативное отношение. Значимым компонентом релевантной актуализации митингов и акций протеста объявляется тематическая составляющая. Она фигурирует в качестве важного средства переключения внимания, а также значимого фактора объединения групп лиц в таких формах ПД, как митинги и акции протеста. При этом важна степень мотивации, степень «возмущения чем-либо» относительно насущных проблем в различных сферах повседневности (к примеру, сортировка мусора, защита животных, тарифы ЖКХ, пенсионное законодательство и др.).

Дискурс респондентов по отношению к теледебатам (ответы на пятый вопрос) характеризуется в следующих направлениях: нейтральное, негативное, позитивное, амбивалентное.

Нейтральное отношение выражено преимущественно односложно. При эксплицировании данной диспозиции, референции к когнитивной составляющей колеблются от незнания к выражению собственного мнения. Отрицательное отношение также может быть актуализировано односложно с указанием как на знание, так и незнание предмета обсуждения, и объективные факторы. С другой стороны, объективный фактор, к примеру, «отсутствие телевизора» может указывать на субъективную диспозицию респондента с позиционированием его как адресата «теленезависимого». Негативное отношение при этом выражено на основе эмотивной лексики, характеризующей эмоциональное неприятие («бесят», «нервируют», «раздражает», «испанский стыд»). Когнитивная составляющая отрицательной диспозиции выражена в следующих понятиях, референрующих к смыслу: «бессмысленность», «необъективность», «несерьезность», «бесполезность», «неформат», «отсутствие интереса».

Отсутствие интереса явлено как базовый аргумент к неприятию в целом. Эмоциональное неприятие при имплицитно выраженном отсутствии интереса может обосновываться представлением альтернативы, в некоторых случаях и шуточно. С одной стороны, рациональное отрицание при отсутствии интереса референрует к аргументам «отсутствие новизны», «формализм», с другой стороны, негативная диспозиция раскрывает неприятие стилистики и тональности теледебатов, а также факт игнорирования темы как дискурсообразующему компонента.

Таким образом, интерпретация дискурса респондентов относительно теледебатов позволяет выявить противоречие с точки зрения реализации их формы и содержания: с одной стороны, теледебаты позиционируются как формальный феномен, с другой стороны, выявляется факт невыполнения формальных (и содержательных) требований. Актуализация фактора «интерес» / «отсутствие интереса» соотносится также с тематической составляющей.

Положительное отношение выражено без аргументации, в некоторых случаях эмоционально в различной степени («крайне», «люблю», «обожаю»). Как и в случае отрицательной диспозиции, позитивное отношение обосновывается аргументом «интерес» неформально («очень сильный интерес», «неформальная обстановка», «достойный кандидат», «выявление компетентности») и формально. Неформальное отношение референрует собственно к когнитивному (информационному) и ценностному компонентам. При этом в дискурсе респондентов особое значение приобретает актуализация формально-процессуального характера дебатов, с указанием на возможность приобретения компетентности с точки зрения полезности.

Амбивалентное отношение содержит в себе элементы позитивного и негативного отношения, т.е. выражает противоречивую диспозицию, характеризующую противоположное отношение к двум вопросам, включая такие аргументы как «ситуативность», «ограничения», «интерес». Специфика негативного отношения как составляющего амбивалентной диспозиции выражена в аргументе (мотиве) «антиэстетическое удовольствие», который явлен такими лексическими единицами, как «глумление», «ирония», «недоверие», «глупость кандидатов». Мотив «антиэстетическое удовольствие» актуализирует развлекательную функцию посредством ЛЕ «шоу», «цирк», «клоунада», «сборище клоунов», «веселье». Амбивалентное отношение являет собой диспозицию, в наибольшей степени направленную на вовлеченность в субъект-субъектную коммуникацию. При этом актуальны мотивы «включенность» в реальный процесс политической коммуникации самих клиентов ПД, а также «призыв к объективности», которые основаны, прежде всего, на значимость когнитивной составляющей.

Отношение к политической рекламе (ответы на шестой вопрос) в дискурсе респондентов выстроилось по следующим направлениям – негативное, нейтральное, амбивалентное, позитивное.

Негативное отношение превалирует в дискурсе различных категорий респондентов. Оно реализуется односложно (номинативно и предикативно) в дифференцированном диапазоне чувств и эмоций: «рвотные позывы», «бесит», «отвращение» («ближе к отвращению»), «неприязнь», «негодование», «раздражение», «ужасно», «недоверие», «неинтересно», «смех», «ирония», «бал-маскарад», «умиление», «испанский стыд». Объектом интерпретации явлена сама политическая реклама. Она характеризуется следующими ЛЕ с негативной коннотацией: «натянутая», «приставучая», «некреативная», «некачественная», «вычурная». Негативная диспозиция референрует

к когнитивной составляющей («игнорирую», «ненужная для меня информация»), а также к критерию «истина / ложь» («ложь», «обман», «честные лица» (ирон.), «благородные устремления» (ирон.), «завираются»). Дискурс респондентов при этом фиксирует актуализацию комиссивов, грамматически вербализуемых в будущем и прошедшем временах («обещания … в итоге не выполнят»; «невыполненные обещания»). Негативная диспозиция строится посредством указания на отсутствие следующих понятий: «эффективность», «польза», «уместность».

Анализ дискурса респондентов значим возможностью исследования обратной связи, характеризуемой диалогичностью. Она выражается косвенными речевыми актами, репликами («Хочется выключить», «Переключите рекламу, плз», «Закатывание глаз считается?». Негативная диспозиция дополняется прескрипциями, указывая на альтернативу.

Нейтральное отношение выражено чаще всего односложно и развернуто («Нейтрально», «Равнодушие», «Ничего не испытываю», «Абсолютно никаких эмоций не испытываю» и др.). Оно формируется исходя из принципа «от общего к частному», т. е. политическая реклама рассматривается как вид рекламы. При этом отмечаем точку зрения, при которой данный принцип нерелевантен. В качестве аргументов нейтральной диспозиции актуализируются доводы «интересы», «право», «политическая позиция».

Амбивалентная диспозиция в дискурсах респондентов закономерно реализует контрадикторные (смешанные) чувства и эмоции (смех и раздражение), а также наличие элементов нейтральности.

Положительное отношение выражено односложно («Интерес», «Заинтересованность») и развернуто. Дискурс респондентов актуализирует психологическую («приятно видеть лица и слышать голос») и когнитивную составляющие («можно узнать, что предлагает избиратель»). Позитивная диспозиция референтирует к конкретным условиям, соотносимым к собственно рекламе («реклама грамотная») и к адресантам («реклама достойных политиков») ПД. Подобно негативной диспозиции при позитивном отношении актуальны аргументы «польза», «эффективность».

Особого внимания заслуживают дискурсы респондентов, в которых в разной степени представлен факт наличия феномена внушения и воздействия, релевантного в различных диспозициях. В целом, значимым выводом представляется указание на дискурсообразующий фактор хронотопа при интерпретации стратегии воздействия как объекта исследования. При этом констатируется факт неэффективности стратегии воздействия в современных условиях политической коммуникации.

Таким образом, анализ эмпирического материала позволил сделать следующие выводы:

1. Дискурс респондентов представляет собой ответные реакции на поставленные вопросы в диалогическом режиме, характеризуя обратную связь как адресантно vs адресатную коммуникацию.

2. Наличие обратной связи позволяет рассматривать отдельного субъекта (персонального клиента) политической коммуникации как неформального конкретного адресата, мнение которого суть составляющая матрицы референциальных отношений политического дискурса.

3. Дискурс респондентов при этом не есть тотальное выражение результата воздействия со стороны адресантов (агентов) политического дискурса; он формируется при актуализации процессов дифференциации и интеграции, образующих феномен объединения, выраженный в единстве ценностных (общечеловеческих, общекультурных, личностных) смыслов и стратегической (диспозициональной) ориентации.

Литература

1. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М.: ИНИОН, 1986. С.100–143.

2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Наука, 1987. С.88–125.

3. Иссерс О. . Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

4. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. 432 с.

5. Романов А. А. Политическая лингвистика. Функциональный подход. Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН, ТвГУ, 2002. 191 с.

6. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.

7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.

References

1. Baranov A. N., Parshin P. B. Yazyikovyie mehanizmyi variativnoy interpretatsii deystvitelnosti kak sredstvo vozdeystviya na soznanie *(Linguistic Mechanisms of Variative Interpretation of Reality as a Means of Influencing the Consciousness)* // Rol yazyika v sredstvah massovoy kommunikatsii. Moscow: INION, 1986. P.100–143. (In Russian)

2. Blakar R. M. Yazyik kak instrument sotsialnoy vlasti *(Language as a Tool of Social Power)* // Yazyik i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya. Moscow: Nauka, 1987. P.88–125. (In Russian)

3. Issers O. S. Rechevoe vozdeystvie: uchebnoe posobie *(Speech Impact: Study Guide)*. Moscow: Flinta: Nauka, 2011. 224 p. (In Russian)

4. Karasik V. I. Yazyikovaya spiral: tsennosti, znaki, motivyi *(The Language Spiral: Values, Signs, Motives)*. Volgograd: Paradigma, 2015. 432 p. (In Russian)
5. Romanov A. A. Politicheskaya lingvistika. Funktsionalnyiy podhod *(Political Linguistics. Functional Approach)*. Moscow – Tver: IYa RAS publ., TvSU publ, 2002. 191 p. (In Russian)
6. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdeystvie. *(Introduction to Speech Exposure)*. Voronezh: Istoki, 2012. 178 p. (In Russian)
7. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika *(Political Linguistics)* Moscow: Flinta: Nauka, 2012. 256 p. (In Russian)
8. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa *(Semiotics of Political Discourse)*. Moscow; Volgograd: Peremena, 2000. 367 p. (In Russian)

Сведения об авторе
Грушевская Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / kff-kubsu@yandex.ru

Information about the author
Grushevskaya Elena – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of English Philology, Kuban State University (Krasnodar) / kff-kubsu@yandex.ru

УДК 81-119

Д. А. Писаренко

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗНАКОВ СМЕРТИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В статье проанализированы и систематизированы смешанные знаки смерти, представленные в 250 русских народных сказках, собранных А. Н. Афанасьевым (индекс + икона; индекс + символ; символ + индекс; символ + индекс + икона). Систематизация знаков проводилась в соответствии с классификацией, предложенной Ч. С. Пирсом.

Исследование знаков смерти позволяет охарактеризовать древнейшие фундаментальные представления русского человека о мироустройстве, выявить источники представлений о смерти, закрепленных в русской языковой картине мира, и проанализировать отношение к смерти как к одному из основных бытийных феноменов. Несмотря на тщательное описание констант русской языковой картины мира, наличие нескольких монографий о ее составляющих, феномену смерти, определяющему развитие духовно-нравственной культуры народа, в отечественном языкознании не уделяется достаточного внимания. Данный факт определяет актуальность настоящего исследования. В статье предпринимается попытка охарактеризовать смыслы и значения знака смерть в народных сказках, собранных А. Н. Афанасьевым. Богатый фольклорный материал позволил автору описать развитие представлений о смерти. Применяемый в исследовании лингвосемиотический подход дает возможность изучить структуру знаков смерти, их источники (мифологические, научные, религиозные, бытовые), частотность обращения к тому или иному знаку в тексте сказок.

Научная новизна работы обоснована самой постановкой проблемы: впервые в отечественном языкознании проводится анализ знаков смерти на базе фольклорного материала, дается лингвосемиотическая классификация данных знаков. Результаты исследования могут быть применены при дальнейшем изучении феномена смерти в лингвистике, лингвокультурологии, лингвосемиотике (или изучении жизни как тесно связанного со смертью феномена).

Ключевые слова: лингвосемиотика, знак, смешанные знаки, языковая картина мира, ключевое слово, феномен смерти.

D. A. Pisarenko

LINGUOSEMIOTIC PECULIARITIES OF DEATH SIGNS IN RUSSIAN FOLK TALES

The article analyzes and systematizes the mixed signs of death, presented in 250 Russian folk tales collected by A. N. Afanasyev (index + icon; index + symbol; symbol + index; symbol + index + icon). The systematization of signs was carryied out in accordance with the classification proposed by C. S. Pierce.

The study of the signs of death allows us to characterize the ancient fundamental ideas of Russians about the world order, identify the sources of ideas about death, enshrined in the Russian language picture of the world, and analyze the attitude to death as one of the main phenomena. Despite the careful description of the constants of the Russian language picture of the world, the presence of several monographs about its components, the phenomenon of death, which determines the development of the spiritual and moral culture of the people, is not given sufficient attention in domestic linguistics. This fact determines the relevance of this study. The article attempts to characterize the meaning of the sign of death in folk tales collected by A. N. Afanasyev. Rich folk material allowed the author to describe the development of ideas about death. The linguosemiotic approach used in the study makes it possible to study the structure of the signs of death, their sources (mythological, scientific, religious, everyday), the frequency of references to a particular sign in the text of fairy tales.

The scientific novelty of the work is justified by the formulation of the problem: for the first time in the domestic linguistics, an analysis of the signs of death is carried out based on a folk material; a linguo-semiotic classification of these signs has given. The results of the study can be applied to further study the phenomenon of death in linguistics, linguistic culturology, linguosemiotics (or the study of life as a phenomenon closely related to the death).

Key words: linguosemiotics, sign, mixed signs, linguistic picture of the world, keyword, the phenomenon of death.

В современной отечественной лингвистике пристальное внимание уделяется исследованию языковой картины мира – мироустройства, мировосприятия, отражаемого в языке. Познание языковой картины мира проводится путем метаязыковой рефлексии, с помощью анализа так называемых ключевых слов, или ключевых идей, – «культурно значимых слов-концептов» [5], называющих определяющие данную культуру явления. Смерть относится к числу базовых, инвари-

антных для многих языковых культур бытийных феноменов; изучение феномена смерти в русском языке позволяет охарактеризовать основы духовно-нравственной культуры русского народа, ценностные ориентиры, главенствующие в обществе в настоящее время.

Особенности мировосприятия русского народа, представления о ключевых для русской языковой картины мира идеях в полном объеме можно изучить на фольклорном материале, а именно на основе текстов народных сказок.

Материалом для статьи послужили 250 русских народных сказок, собранных А. Н. Афанасьевым. В результате лингвосемиотического анализа в сказках были выявлены знаки смерти, разделенные на группы в соответствии с базовой классификацией знаков американского ученого-семиотика Ч. С. Пирса. Он выделил три основных вида знаков: «Во-первых, подобия (likenesses), или иконы (icons), которые выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи, просто имитируя их. Во-вторых, существуют указатели (indications), или индексы (indices), которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними… В-третьих, существуют символы, или общие знаки, которые ассоциируются с их значениями (meanings) благодаря привычке» [10]. К наиболее совершенным Ч. С. Пирс относил смешанные знаки, которые включают два или три вида знаков; именно знаки смешанной природы репрезентируют языковую картину мира человека: «Во всех рассуждениях мы употребляем смесь подобий, индексов и символов. Мы не можем обойтись без каждого из этих видов. Весь комплекс целиком может быть также назван символом, поскольку в рассуждении превалирует символический, живой характер» [10].

В изучаемых сказках представлены исключительно смешанные знаки, совмещающие два или более типов (знак, находящийся на первом месте, преобладает):

– индекс + икона;
– индекс + символ;
– символ + индекс;
– символ + индекс + икона.

К смешанному знаку **индекс + икона** относятся такие знаки, которые совмещают прямое указание на смерть и изображение смерти или ее признаков (табл. 1).

Таблица 1

Знак индекс + икона

Знак	Название сказки
Кости (или другие части тела мертвого человека – головы, черепа)	«Лиса-лекарка», «Кот, петух и лиса» (№ 37), «Мизгирь» (№ 6), «Морской царь и Василиса Премудрая», «Морозко» (№ 96), «Дочь и падчерица», «Кобиляча голова», «Баба Яга» (№ 102, № 103, № 104), «Иван Быкович» «Марья Моревна», «Чудесная курица», «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» (№ 175), «Безногий и слепой богатыри» (№ 198) «Морской царь и Василиса Премудрая» (№ 222, № 224, № 225), «Бесстрашный» (№ 350)
Покойник, мертвое тело	«Морозко» (№ 96), «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» (№ 171, № 176), «Сивко-бурко» (№ 179), «Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь» (№ 182, № 184), «Звериное молоко» (№ 203), «Бесстрашный» (№ 348–350), «Рассказы о мертвецах» (№ 351–362)
Неподвижность (часто сочетается с другими видимыми и воспринимаемыми органами чувств признаками смерти – неприятный запах, предсмертная гримаса, окостенение тела, молчание)	«Лисичка-сестричка и волк» (№ 1, № 4, № 7), «Лиса-повитуха» (№ 10, № 11), «Смерть петушка», «Мизгирь» (№ 85, № 86), «Бесстрашный» (№ 350), «Рассказы о мертвецах» (№ 351, № 355, № 356)
Спящий человек	«Иван-царевич и Белый Полянин», «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке», «Сказка о молодце-удальце», «Чудесная курица», «Мертвое тело» (№ 396)

Исходя из данных таблицы, мы можем сделать вывод, что к одному из самых распространенных знаков типа *индекс + икона* относятся **кости**. Кости в русской языковой картине мира означают основу человеческого тела, его материального состава. Кости связаны со смертью причинно-следственными отношениями, то есть по смежности, индексально (скелет – то, что остается от человека после его кончины); также кости являются прямым изображением смерти персонажа, то есть соединяются с ней иконически. От умерших сказочных героев зачастую остаются только косточки: *«Старик спустился вниз по кочешку, поднял мешок, а в мешке одно костье, и то примельчалось»* [1, с. 26]; *«с вечеру пойдет богатырь во дворец и здоровый и сильный, а к утру одни косточки останутся»* [1, с.799]. Человеческие кости и черепа могут выступать как предостережение об опасности или о подстерегающей героев смерти: *«Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено!»* [1, с.219].

Кости – знак с амбивалентной семантикой. Несмотря на то, что они прямо указывают на смерть сказочного персонажа, кости также неразрывно связаны с жизнью, в них хранится память о человеке, его душа. Согласно древним славянским воззрениям, кости умершего нельзя беспокоить. С этим связано представление о «нечистой» смерти в народных сказках – разъединение костей: *«Они на то не согласилися, убили его и косточки разбросали по чистому полю»* [1, с. 349]; *«Волшебный конь разнесёт его кудри по ветру, размычет его кости по чисту полю»* [1, с. 421].

Сказочный мотив прорастания из костей волшебного дерева, ракитового куста (в этом случае кости – индексальный знак жизни; иногда функцию костей выполняет гузенная кишочка (конец толстой кишки) или пепел животного) соотносится с редким вятским обрядом троецыплятницы [6], в ходе которого участники (исключительно женщины) после обрядового обеда хоронили или пускали по реке куриные кости.

Распространенными являются также знаки **покойник**, **мертвое тело**. Два этих знака, отнесенных нами к одной группе, по своей семантике различаются. Мертвое тело – видимый, эмпирически познаваемый знак смерти, связанный с ней по смежности и прямо изображающий ее. Мертвое тело свидетельствует об окончательной кончине человека; оно может быть холодным, неподвижным: *«старуха выбежала встретить дочь, да вместо ее обняла холодное тело»* [1, с. 112]. Покойник или мертвец, появляющиеся в сказке, как правило, ночью начинают вести себя как живые: двигаются, разговаривают. С рассветом, с пением петухов данные способности утрачиваются. Появляются мертвецы в местах, символизирующих границу «верха» и «низа», «этого» и «того» света, – на дереве, на могиле, на распутье: *«Едут дорогою, глядь – в стороне дерево, на дереве покойник висит, за ноги привязан»* [1, с. 798]; *«Вот могила растворилась, и оттуда вышел мертвец с гробовою крышкою, в белом саване»* [1, с. 802]; *«в неуказные часы идет мимо кладбища и видит: стоит на распутии мертвец в белом саване»* [1, с. 807–808]. По народным представлениям, «оживать» покойники могли в том случае, если с их телами не были проведены ритуалы, обеспечивающие защиту от смерти живым и благополучный переход на «тот свет» мертвым. Еще один способ оградить живых от смерти – нарушить целостность мертвого тела; этот мотив часто встречается и в русских народных сказках: *«…убрал своих покойников, а наутро вырыл на дворе большую яму, положил их туда лицом книзу, заколотил каждому по осиновому колу в спину и закидал землею: с тех пор полно вставать по ночам да царапаться!»* [1, с. 800]; *«собрался народ и повалил на кладбище, отыскали могилу, из которой мертвец выходил, разрыли и вбили ему прямо в сердце осиновый кол, чтоб больше не вставал да людей не морил»* [1, с. 803].

К внешним – видимым, ощущаемым, осязаемым – признакам кончины относятся **неподвижность** и **неподвижность в сочетании с другими телесными проявлениями смерти** (неприятный запах, смертная гримаса, окостенение, молчание). Знаки связаны с референтом – смертью – причинно-следственными отношениями (например, запах – следствие разложения тела после кончины), а также прямо изображают его. Зачастую сказочные персонажи используют свои знания о смерти, чтобы притворяться мертвыми: *«Кума рассердилась, пошла куды-то и легла на дорогу, а мужик с рыбой ехал, да и думает, что лисичка пропала, взял ее и бросил на сани»* [1, с. 17]; *«Выбежала на дорогу, видит – едет с сельдями мужик, прикинулась и легла поперек дороги, как умерла»* [1, с. 18]. Мертвецы, оживающие в полночь, с появлением первых солнечных лучей перестают двигаться и замолкают: *«мертвец ничего не говорит, молчит – знать, время не пришло еще ему говорить-то»* [1, с. 802]; *«старик окостенел и замолчал»* [1, с. 806]. Окостеневшие покойники в сказочном тексте сравниваются с неподвижными твердыми предметами: *«а мертвецы на каком месте стояли, на том и повалились, словно колоды»* [1, с. 800]; *«ту самую минуту колдун омертвел: лежит, не тронется, словно деревянная колода»* [1, с. 807].

Сонный человек уподобляется мертвому. Запрещено убивать спящего; такая смерть считается «злой», недостойной: *«сонный человек – что мертвый»* [1, с. 331] (данная формула повторяется в сказках «Иван-царевич и Белый Полянин», «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке», «Сказка о молодце-удальце»). Смерть – вечный сон: *«..поднял дубинку да как треснет старуху по голове – так она и не ворохнулась, навеки уснула!»* [1, с. 858]. Знак также связан со смертью по смежности (сон – переходное состояние, близкое к смерти; спящий человек находится на границе двух миров) и иконически (спящий или сонный внешне подобен мертвому).

Знаки, относящиеся к группе **индекс + символ**, указывают на денотат как прямо, так и условно, на основе соглашения (табл. 2).

Таблица 2

Знак индекс + символ

Знак	Название сказки
Кровь	«Иван Попялов», «Буря-богатырь Иван коровий сын», «Иван Быкович», «Иван крестьянский сын и мужичок сам с пёрст, усы на семь верст», «Два Ивана солдатских сына», «Кощей Бессмертный» (№ 156), «Чудесная рубашка»
Серебро	«Марья Моревна»
Свеча	«Буря-богатырь Иван коровий сын»
Саван	«Рассказы о мертвецах» (№ 351 – 352, № 356 – 357)

Знаки **кровь**, **серебро** и **свеча** по значению соотносятся между собой: в славянской картине мира они символизируют жизнь, свет, силу и здоровье человека, но в то же время при определенных условиях могут приобрести прямо противоположный смысл – стать символом смерти, тьмы и болезни. В сказках эти предметы изменяются, портятся: кровь льется из вещи, принадлежащей герою (рукавица, платок, полотенце), или темнеет; серебро чернеет; свеча тухнет. По мнению В. Я. Проппа, в предметах заключена часть души персонажа [11]; именно поэтому их должны охранять кровные родственники (как правило, братья). Изменившийся предмет указывает на уже свершившуюся или подстерегающую персонажа смерть: *«Иван павесив сваи рукавицы да ка́жа брата́м: «Як из маих рукавиц патячé кровь, дак прибегáйте ка мне на по́мачь»* [1, с. 207]; *«поставил стол и свечку, воткнул в стену ножик, повесил на него полотенце, дал братьям колоду карт и говорит: «Играйте, ребята, в карты, да меня не забывайте; как станет свеча догорать, а с этого полотенца будет в тарелке кровь прибывать, то бегите скорей на́ мост, ко мне на подмогу»* [1, с. 212]; *«В то самое время у зятьев Иван-царевича серебро почернело. «Ах, – говорят они, – видно, беда приключилася!»* [1, с. 298]. Дуализм, двойственная семантика знаков, символизирующих одновременно жизнь и смерть, здоровье и болезнь, свет и тьму, является отражением аксиологической поляризации, свойственной для русского языка и русской картины мира вообще.

Еще один повторяющийся в сказках и связанный с кровью мотив – убийство превращенных в разные предметы змеевых сестер или жен. Согласно принципу тройственности, лежащему в основе сказки, три женщины поочередно превращаются в заманчивые для героев предметы – например, яблоню, колодец и кровать («Иван Быкович»), подушки, яблоню, крыницу («Иван Попялов»). Из разрубленных предметов течет кровь, указывая на смерть помощниц антагониста.

Свеча связана со смертью также через содержание погребальных и похоронных обрядов. Она освещает умершему человеку путь на «тот свет». «Не зажечь свечу для умирающего и не принести свечу для прощания с покойным считается великим грехом» [3]. Из серебра изготавливали ритуальные предметы.

Таким образом, кровь, серебро и свеча одновременно указывают на смерть (изменение этих предметов означает кончину героя) и символизируют ее, связываясь с ней условно, на основании соглашения.

Саван указывает на переходное состояние человека, находящегося на границе двух миров. В сказках саван обычно белого цвета; он помогает отличить живого человека от ожившего мертвеца. Покойники в саване появляются в местах, индексально или символически связанных со смертью, – на могиле, на распутье, в опасное время суток – в полночь: *«…мертвец в белом саване сидит на могиле»* [1, с. 802]; *«стоит на распутии мертвец в белом саване»* [1, с. 808]; *«Ровно в двенадцать часов попадали все запоры и растворились все двери; входит в избу покойник в белом саване…»* [1, с. 807].

Также можно выделить тип знака, совмещающий прямое указание на денотат и условную связь с ним, но в другом соотношении, – **символ + индекс** (табл. 3). Символ здесь превалирует над индексом, является доминирующим, главенствующим.

Таблица 3

Знак символ + индекс

Знак	Название сказки
«Тот свет»	«Старик лезет на небо», «Старик на небе», «Ведьма и Солнцева сестра», «Князь Данила-говорила», «Три царства – медное, серебряное и золотое» (№ 128–130), «Норка-зверь», «Иван Сученко и Белый Полянин», «Зорька, Вечорка и Полуночка», «Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри», «Летучий корабль», «Батрак», «Шабарша», «Иванко Медведко», «Иван-царевич и Белый Полянин», «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» (№ 171, № 173, № 176), «Петухи жерновки», «Чудесный ящик», «Волшебное кольцо» (№ 191), «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» (№ 214), «Мудрая жена», «Морской царь и Василиса Премудрая» (№ 226)

«Тот свет» – одно из центральных понятий славянской мифологии, «связанных с верой в посмертное существование души и культом предков» [4], это место, по предположению человека, символизирует смерть. Появление на «том свете» – доказательство реальной или символической смерти персонажа, то есть «тот свет» не только символизирует кончину, но и указывает на нее. Герой волшебных сказок, попадая на «тот свет», пересекает границу двух миров, после чего начинает проходить различные испытания. Расположение «того света» связано с религиозными христианскими представлениями славян о рае и аде. Чаще всего в сказках «тот свет» находится внизу – под землей или под водой. Герой спускается туда либо по канату, веревке, ремню, либо отворотив камень или пень; попадает в мир смерти через расступившееся море: *«вынул из кармана три больших ремня, что вырезал у бабы-яги, привязал их к веревке и опустился на тот свет»* [1, с. 241]; *«зверь дабег да великага белага камня, падняв яго и пашов на той свет»* [1, с. 193]; *«Вот клубочек катился-катился – и прямо в море: море расступилося, дорога от-*

крылася; дурак ступил раз-другой и очутился с своими провожатыми на том свете» [1, с. 494]. Не всегда персонаж сказки оказывается на «том свете» по своей воле: его бросают в пропасть ревнующие братья («Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»), или земля расступается под его ногами («Князь Данила-говорила»). Значительно реже «тот свет» расположен наверху: герой попадает туда, встав на весы с ведьмой («Ведьма и Солнцева сестра»), взобравшись по выросшему до небес растению («Старик лезет на небо», «Старик на небе», «Петух и жерновки»).

Рассматриваемый знак в фольклоре неоднозначен и противоречив. Если «тот свет» расположен наверху, то там могут находиться полезные для человека волшебные предметы (например, в сказке «Петух и жерновки» старик приносит с небес волшебные жерновцы). Под землей же человека ждет нечисть – черти, ведьмы. Черти обитают рядом с водой или на мельнице. Мельница – демонический объект. «Полагали, что при строительстве мельницы мельник делает заклад, иногда в форме завета – это жертвоприношение нечистой силе» [12].

В сказке «Три царства – медное, серебряное и золотое» соотнесенность «того света» с сакральным миром подчеркивается с помощью названий царств. Медь, серебро и золото в народном сознании конвенционально связаны с божественным началом, светом, красотой. В царствах героя встречает не враг-антагонист, а три прекрасные девицы-колпицы. Птицы в мифологической символике противопоставлены подземным гадам и тварям («низу»), символизируют человеческую душу: таким образом, в сказке девушки, путь к царству которых лежит через «яму подземельную», условно относятся к «верху», выделяются из своего окружения. С образом смерти в сказке соотносится Ворон Воронович: ворон, в отличие от колпиц, принадлежит к «нечистым» хтоническим птицам (создание которых приписывается черту) и связан с миром мертвых. Изображение той или иной птицы также означает «верх» и «низ», то есть колпицы и ворон одновременно являются символом и иконой.

Все три типа знака – **символ, индекс и икону** – совмещают герои – персонификации смерти (табл. 4).

Таблица 4

Знак символ + индекс + икона

Знак	Название сказки
Баба-яга	«Баба-яга» (№ 102–103), «Василиса Прекрасная», «Баба-яга и Заморышек», «Баба-яга и жихарь», «Ивашко и ведьма» (№ 108–111), «Иван Быкович», «Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри», «Иван-царевич и Белый Полянин», «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» (№ 172–174, № 178), «Безногий и слепой богатыри» (№ 198–199), «Царь-медведь», «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» (№ 212), «Морской царь и Василиса Премудрая» (№ 219, № 224–225)
Кощей Бессмертный	«Кощей Бессмертный» (№ 156 – 158), «Марья Моревна»
Смерть	«Бесстрашный» (№ 349)

Образы Бабы-яги и Кощея Бессмертного семантически многоплановы. В настоящее время в фольклористике нет единого мнения о происхождении и структуре этих знаков. Они одновременно зооморфны и антропоморфны, принадлежат к миру мертвых и миру живых. Однако несмотря на формальную схожесть функций, сказочные герои отличаются по нескольким показателям.

Баба-яга – женский демон [14] (Н. А. Терновская, Н. И. Толстой), «лесная старуха-волшебница» [7] (В. В. Иванов, В. Н. Топоров), богиня смерти [8] (К. Д. Лаушкин), «олицетворение зимних бурь» [2]. Не всегда Яга – отрицательный персонаж, она может и помогать герою советом, дать ему волшебный предмет («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» (№212), «Морской царь и Василиса Премудрая» (№ 219, №224–225).

Яга связана со смертью прежде всего через обряд инициации; она охраняет «тот свет», мир мертвых, от мира живых.

Для воссоздания внешнего вида Бабы-яги необходимо обращаться не к одной, а сразу к нескольким сказкам. Яга – старуха с костяной (или золотой) ногой, ощущающая запах живого человека как нечто чужеродное. К. Д. Лаушкин рассматривает костеногость героини как оставшуюся от ее зооморфного, змеиного облика черту [8]. Баба-яга также икона, изображение олицетворенной, персонифицированной Смерти: «это старуха, худая и страшная (с.-рус.), … она беззубая или зубастая (чеш. lazubala), с большими руками, которыми она может везде дотянуться, с длинными ногтями-когтями (макед.), с большим ртом (словац.), хромая – одна нога короче другой (чеш.)» [15]. У Яги, как и у смерти, есть атрибуты. Смерть пользуется сельскохозяйственными орудиями (косой, тяпкой), чтобы забрать человека в мир мертвых; сказочная героиня использует домашнюю утварь для передвижения. Она разъезжает на ступе, погоняя пестом или железным толкачом: *«Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след заметает»* [1, с. 125].

Образ Яги, представление о ней дополняет описание ее жилища, изображенного как изба пожирательницы людей, людоедки. Оно пре-

достерегает героя, указывая на то, что там его поджидает сама Смерть: *«забор вокруг избы из человечьих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верей у ворот – ноги человечьи, вместо запоров – руки, вместо замка́ – рот с острыми зубами»* [1, с. 124].

Интерпретации образа Кощея во многом схожи с пониманием образа Бабы-яги. Кощей – владыка «того света» [13] (Ю. С. Степанов), бог Зимы-Смерти [16] (Дж. Кертин), олицетворение Смерти [9] (Т. А. Новичкова).

Если облик Бабы-яги можно воссоздать на основе нескольких сказок, то внешность Кощея в фольклорных текстах не описывается вовсе. На принадлежность Кощея Бессмертного к миру мертвых указывает то, что он так же, как Яга, не переносит запах живого человека. Некоторые свойства, способности героя позволяют отнести его к зооморфным существам. Кощей, подобно сказочному Змею или птице, умеет летать: *«Только что гости успели спрятаться, прилетает с охоты Кощей Бессмертный»* [1, с. 292].

Смерть Кощея оторвана от него, спрятана она обычно в яйце. Яйцо –значимый символ, связанный с космогоническими мифами, с представлениями о мироустройстве. Уничтожение яйца влечет за собой смерть героя.

Функции Бабы-яги и Кощея могут выполнять другие герои: Змей, Ветер, ведьма Чувилиха. В сказках «Федор Тугарин и Анастасия Прекрасная», «Хрустальная гора» смерть Змея, как и смерть Кощея, таится вне его тела: в камешке, в семечке. Ведьма Чувилиха из сказки «Терешечка» является аналогом Яги-людоедки; живет она в избушке на курьих ножках.

В одной из проанализированных сказок («Бесстрашный», №349) Смерть появляется в виде мертвеца. Она приходит по ночам и пожирает детей: *«В самую полночь пришел мертвец. Барин спрашивает его: «Кто пришел?» – «Смерть!»* [1, с. 797].

Таким образом, в сказках представлено четыре типа смешанных знаков смерти. Знаки, относящиеся к группе **индекс + икона**, связаны со знаниями человека о биологической кончине, представляют собой внешние признаки смерти. Знаки, объединяющие **индекс и символ**, сопряжены со смертью через похоронную и погребальную обрядовость. Группа **символ + индекс** представлена одним знаком («тот свет»), отражающим религиозные воззрения человека. Самые древние и неоднозначные в семантическом отношении знаки входят в группу **символ + индекс + икона**.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2017. 1087 с.

2. Баба-яга // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб. [б.и.], 1890–1907. С.5.

3. Белова О. В., Седакова И. А. Свеча // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т.4. М.: Международные отношения, 2009. С.567–573.

4. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. «Тот свет» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т.5. М.: Международные отношения, 2012. С. 298–303.

5. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.

6. Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С.105–150.

7. Иванов В. В., Топоров В. Н. Баба Яга // Славянская мифология: энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.

8. Лаушкин К. Д. Баба-Яга и одноногие боги (К вопросу о происхождении образа) // Фольклор и этнография. Ленинград: Наука, 1970. С. 181–186.

9. Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 640 с.

10. Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск: ТГУ, 2009. С. 88–95.

11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 274 с.

12. Седакова И. А. Мельница // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т.3. М.: Международные отношения, 2004. С. 222–225.

13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2004. 824 с.

14. Терновская Н. А., Толстой Н. И. Баба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 122–123.

15. Толстая С. М. Смерть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 58–71.

16. Curtin I. Myths and Folk-Tales op the Russians, Western Slavs and Magyars. London, 1890. 551 p.

References

1. Afanas'ev A. N. Narodnye russkie skazki . Polnoe izdanie v odnom tome *(Folk Russian Fairy Tales. Complete Edition in One Volume)*. Moscow: «Izdatel'stvo AL''FA-KNIGA», 2017. 1087 p. (In Russian).

2. Baba-yaga // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). St.Petersburg, 1890–1907. P. 591 (In Russian).

3. Belova O. V., Sedakova I. A. Svecha *(Candle)* // Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh. Vol. 4. Moscow.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. P.567 – 573 (In Russian).

4. Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. «Tot svet» *(«Other world»)* // Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012. P.298 – 303 (In Russian).

5. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Konstanty i peremennye russkoi yazykovoi kartiny mira *(Constants and Variables of the Russian Language Picture of the World)*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. 696 p. (In Russian).

6. Zelenin D.K. Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoi kul'ture 1901–1913 *(Selected Works. Articles on Spiritual Culture 1901–1913).* Moscow: «Indrik», 1994. P.105 – 150 (In Russian).

7. Ivanov V. V., Toporov V. N. Baba Yaga // Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskii slovar'. 2-e izd. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. 512 p. (In Russian).

8. Laushkin K. D. Baba-Yaga i odnonogie bogi (K voprosu o proiskhozhdenii obraza) *(Baba Yaga and One-Legged Gods (On the Question of the Origin of the Image))* // Fol'klor i etnografiya. Leningrad: Nauka, 1970. P.181–186. (In Russian).

9. Novichkova T. A. Russkii demonologicheskii slovar' *(Russian Demonological Dictionary).* St.Petersburg: Peterburgskii pisatel', 1995. 640 p. (In Russian).

10. Pierce Ch. S. Chto takoe znak? *(What is a Sign?)* // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Tomsk: TSU publ., 2009. P.88–95 (In Russian).

11. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki *(The historical roots of the fairy tale).* Moscow: Labirint, 2000. 274 p. (In Russian).

12. Sedakova I. A. Mel'nitsa *(Mill)* // Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. P.222–225 (In Russian).

13. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury *(Constants: Dictionary of Russian Culture)*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2004. 824 p. (In Russian).

14. Ternovskaya N. A., Tolstoi N. I. Baba *(Woman)* // Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. P.122–123 (In Russian).

15. Tolstaya S. M. Smert' *(Death)* // Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012. P.58–71 (In Russian).

16. Curtin I. Myths and Folk-Tales op the Russians, Western Slavs and Magyars. London, 1890. 551 p.

Сведения об авторе

Писаренко Дарья Александровна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / darja-pisarenko@rambler.ru

Information about the author

Pisarenko Daria – post-graduate student, Chair of Russian Languge, Institute for the Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / darja-pisarenko@rambler.ru

УДК 8.1751

Е. В. Яковлева

ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ПРАГМАТИКИ ЯЗЫКОВОГО АБСУРДА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена осмыслению и описанию феномена языкового абсурда с позиции прагмалингвистики и теории перевода.

Основное внимание в работе автор акцентирует на трудностях перевода художественного текста в плане передачи прагматики языкового абсурда. Поскольку абсурд предполагает сохранение авторской интенции, для переводчика важно разъяснить читателю языка перевода непонятные культурные реалии, речевые стереотипы, игру слов и т.д., используя стандартную и общепринятую лексику языка, подлежащего переводу.

Основное содержание исследования составляет анализ рассказов «In His Own Write» (1964) и «Spaniard in the Works» (1965), автором которых является Джон Леннон, с точки зрения языкового абсурда и его основных функций. Детальное изучение данного явления показало, что языковой абсурд выполняет в основном игровую функцию, которая обусловлена интенцией автора, исходя из основных задач художественного типа текстов, и создается в основном с помощью игры слов. Основной целью игрового абсурда (обнаруженного в 67 % случаев нашего эмпирического материала) является создание определенного эстетического эффекта. Для сохранения прагматики исходного текста переводчик А. А. Курбановский зачастую прибегает к использованию окказиональных соответствий с элементами добавлений, руководствуясь при этом принципом схожести звучания.

Анализ примеров функционирования в тексте деструктивного языкового абсурда (вторая по частотности функция абсурда, выявленная в проанализированных нами текстах – 33 %) и их перевода позволил нам прийти к выводу, что данный вид абсурда создается в основном с помощью семантической подстановки, реже – семантической контаминации. Прослеживается, что для сохранения прагматики исходного текста переводческие трансформации применяются с опорой на как лингвистический, так и экстралингвистический контекст, а сохранение и передача прагматического потенциала высказываний достигаются с помощью нулевой трансформации, иногда используются переводческие приемы добавления или опущения.

Ключевые слова: абсурд, десемантизация, депрагматизация, деструктуризация, игровой абсурд, деструктивный абсурд.

E. V. Yakovleva

FEATURES OF THE LANGUAGE ABSURDITY PRAGMATICS TRANSMITTING IN THE TRANSLATION

The article is devoted to understanding and describing of the phenomenon of linguistic absurdity from the perspective of pragmalinguistics and translation theory.

The author focuses special attention on the difficulties of translating a literary text in terms of transmitting the pragmatics of linguistic absurdity. Since the absurdity presupposes the preservation of the author's intention, it is important for a translator to explain to a reader of the target language the incomprehensible cultural realities, speech stereotypes, word-play, etc., using standard and common vocabulary of the language to be translated.

The main content of the study is an analysis of the stories "In His Own Write" (1964) and "Spaniard in the Works" (1965), authored by John Lennon, from the point of view of language absurdity and its main functions. A detailed study of this phenomenon has shown that linguistic absurdity performs mainly a gaming function, which is determined by the author's intention, based on the main tasks of the literary type of texts and created mainly with the help of a word-play. The main goal of the gaming absurdity (found in 67 % of examples of our empirical material) is to create a certain aesthetic effect. To preserve the pragmatics of the source text, the translator A. A. Kurbanovsky often resorts to the use of occasional conformity with elements of additions, being guided by the principle of sound similarity.

Analysis of examples of functioning in the text of destructive language absurdity (the second most frequent function of the absurdity, identified in the analyzed texts, is 33%) and their translation allowed us to conclude that this type of absurdity is created mainly with the help of semantic substitution, less often by means of semantic contamination. It is evident that in order to preserve the pragmatics of the source text, translational transformations are applied based on both the linguistic and extra-linguistic context, and the preservation and transmission of the pragmatic potential of statements is achieved by means of zero transformation, sometimes translation techniques of addition or omission are used.

Key words: absurdity, desemantization, depragmatization, destructurization, gaming absurdity, destructive absurdity.

На сегодняшний день множество разнообразных художественных произведений, скетчей, комедийных шоу, фильмов, статей и телепередач базируются на явлении языкового абсурда, целью которого является создание юмористического эффекта, путем выхода за рамки общепринятых понятий о явлении или предмете. Автор создает совершенно новое понятие, основываясь как на собственном, так и на общекультурном видении картины мира, преображая и видоизменяя ее. Однако нельзя рассматривать конкретный случай употребления абсурда, пренебрегая экстралингвистическим контекстом и личностью самого автора. Именно поэтому при работе с текстами оригинала, содержащими языковой абсурд, перед переводчиком встает сложная задача – скомбинировать несочетаемые или даже противоречащие друг другу реалии, не утратив при этом основных компонентов смысла.

В лингвистике внимание явлению языкового абсурда начало уделяться лишь в середине XX века. На сегодняшний день разработкой и изучением данного вопроса занимаются Д. В. Токарев, В. Ю. Новикова, О. Д. Буренина-Петрова, М. Н. Виролайнен, В. И. Карасик и др.

Ключевым для данного исследования является понятие языковой абсурд, под которым понимается «ненормативные, не предполагающие особой знаковой конвенции и не соответствующие реальной дискурсивной ситуации языковые конструкции, состоящие из значимых единиц и семантически противоречащие сложившейся языковой картине мира» [4, p. 42].

Однако мы не считаем целесообразным признавать существование дихотомии «абсурд/смысл». Специфичный характер отношений между абсурдом и смыслом выделял и Г. Кружков, при этом он не рассматривал их взаимоисключительность: «Если идти вглубь нелепого, можно дойти до смысла. И наоборот: если идти честно вглубь смысла, обязательно дойдешь до бессмыслицы, хаоса» [5, p. 4].

Среди механизмов создания явлений языкового абсурда выделяют десемантизацию, депрагматизацию и деструктуризацию. Нарушение и искажение семантических ресурсов языка имеет своим результатом десемантизацию. Общепринятая картина мира также может нарушаться через деструктуризацию семантики образов (нарушения предметного характера), деструктуризацию семантики координат (пространственных, временных) используя подшучивания над непониманием со стороны собеседников, отсутствия определенности или неоднозначности основного понятия. Депрагматизация подразумевает намеренное ненормативное использование прагматических ресурсов языка. Функционально-прагматическая установка способствует созданию намеренных абсурдных языковых конструкций в абсурдных высказываниях. Деструктуризация имеет место при нарушении когезии (формальной связности) и/или когерентности (смысловой связности текста) [4, p. 59].

Эмпирическим материалом для нашего исследования служит подборка контекстов из произведений Джона Леннона, опубликованных в виде двух сборников рассказов «In His Own Write» (1964) и «Spaniard in the Works» (1965), и выполненный А. А. Курбановским их перевод на русский язык. Общий объем картотеки составляет 120 единиц анализа.

Если руководствоваться классификацией языкового абсурда, основанной на способе его выражения, описанной С. В. Ивлевой, можно выделить:

• семантический абсурд

(a) семантическая контаминация: «***I find it recornered in my nosebook***», *«childburn»*;

(b) семантическая неупорядоченность: *«thirsty two»*, «He ***shook his bed***», «I halb been wading for»;

(c) семантическая подстановка: «***Jack the Nipple***», «*why did I not insult you sooner», «a barret of abbeys*»;

(d) семантическая антонимия: «***I whispered deafeningly***»;

(e) семантическое искажение: «*black and moody*» (tooth).

• прагматический абсурд

(a) прагматически-логический абсурд: «***Anyway the handsome Prince who was really Misst Cradock, found out and promptly ate the Wicked Queen and smashed up the mirror***»;

(b) прагматически-оценочный абсурд: «*Perry was the Loud Mayor*», «***Snore Wife***», «*Cpt Smellit*», «*Squire Trelorgy*».

• синтактический абсурд

(a) абсурдное повествование: *«A dog is quietly gnawing at a pigmy under the giant desk. The time is half past three on the old grandbladder clock by the windy»*;

(b) абсурдное описание: *«A broadshouldered room containing hugh fireplace facing a large big windy, a giant-size desk is covered in all type of many business paper and great disorder to look on. There are three or four or five chairs faceing the desk»*;

(c) абсурдное рассуждение: *«His wife Bernie, who was well controlled, had wrabbed his norman lunch but he was still sad. It was strange for a man whom have everything and a wife to boot»* [2].

Согласно классификации, предложенной В. И. Карасиком [3, p. 49], картотеку нашего эмпирического материала представляется возможным разделить в соответствии с функциями, которые языковые конструкции, порождающие абсурд, выполняют в тексте:

• деструктивный: *«He had butterfield in his stomach», «Sly down in that legchair», «mother begat me at childburn»*.

В данном случае предложения *«He had butterfield in his stomach»* и *«Sly down in that legchair»* выполняют в контексте рассказа деструктивную функцию, так как они нарушают логические связи и противоречат сложившемуся порядку вещей. Так, лексема *«butterfield»* образована по принципу созвучности лексической единицы *«butter»* с лексемой *«battle»*, кроме того,

в данном контексте лексема *butter* будет являться не просто уместной, но и добавит новые смысловые оттенки высказыванию, которые и сделают выражение *«butterfield in one's stomach»* примером создания языкового абсурда.

Далее, в предложении «Sly down in that legchair» присутствуют целых два момента, формирующие языковой абсурд. Во-первых, прилагательное «sly» в данном примере используется в качестве глагола в повелительном наклонении, заменяя глагол «sit» во фразовом глаголе «sit down». Во-вторых, логически-ожидаемая в рамках данного контекста лексема «armchair» сознательно заменена на лексему «legchair», которая отсутствует во всех словарях, а значит, является авторским неологизмом, построенным по принципу замены одной значимой части слова противоположной по значению лексемой: arm – leg.

• **игровой абсурд:** *«Laboring Partly», «We must not forget the General Erection»*.

Приведённые выше случаи функционирования в тексте языкового абсурда выполняют игровую функцию, так как нацелены на критическое изображение действительности. Так, словосочетание *«Laboring Partly»* во-первых, показывает отношение автора текста к партии лейбористов, а во-вторых, заставляет самого реципиента пересмотреть свое отношение к данной реалии.

Подобная ситуация и в предложении *«We must not forget the General Erection»*, где обыгрывается ситуация с предвыборной суматохой: general election – general erection. Языковой абсурд будет вполне успешно выполнять игровую функцию в текстах с ярко выраженной политической тематикой, так как подобные вопросы всегда являются актуальными и вызывают, соответственно, бурную реакцию у реципиентов.

Примеров, в которых языковой абсурд выполнял бы парольную функцию, выделяемую Владимиром Карасиком, в картотеке нашего эмпирического материала выявлено не было.

Процентное соотношение игрового и деструктивного видов абсурда, встречающихся в рамках текстового пространства Джона Леннона, согласно вышеуказанной классификации составило 67 % к 33 % соответственно. Подобный значительный количественный разрыв можно объяснить превалированием эстетической функции художественного типа текстов.

При переводе художественного текста можно столкнуться со значительными трудностями в плане передачи прагматики, так как художественная литература создается в основном для носителей исходного языка. Лексические, грамматические, стилистические и другие различия языка оригинала и языка перевода обусловливают необходимость всевозможных трансформаций при переводе [1, p. 81]. Считаем, что явление языкового абсурда представляет особую сложность для переводчика, так как предполагается сохранение авторской интенции. Основная задача при переводе языкового абсурда – разъяснить читателю, в данной статье – русскоязычному, непонятные культурные реалии, речевые стереотипы, игру слов и т.д. английского языка, используя стандартную и общепринятую лексику русского языка для достижения аналогичной прагматической цели. Анализ способов и вариантов перевода языкового абсурда из произведений Джона Леннона «In His Own Write» и «Spaniard in the Works» с английского языка на русский представляется возможным посредством метода сопоставления данных контекстов с их эквивалентами, созданными А. А. Курбановским в книгах «Пишу как пишется» и «Испалец в колесе».

Деструктивный абсурд, как таковой, направлен на разрушение привычного порядка вещей в сознании читателя, а также создании новых логических связей между предметами или событиями. Переводческие трансформации применяются в данном случае с опорой на как лингвистический, так и экстралингвистический контекст, а сохранение и передача прагматического потенциала высказываний достигаются с помощью лексических добавлений или нулевой трансформации:

1. Then luckily Anne's father came home from sea and ***cancelled the husband****.*

Но, к счастью, из дальних морей возвратился Эннин папаша и ***отменил жениха****.*

Первый контекст с примером деструктивного языкового абсурда сформирован с помощью семантической подстановки, где вместо ожидаемой лексемы *«wedding»* автор использует совершенно неподходящую лексему *«husband»*, употребление которой не согласуется с общепринятыми и привычными нормами.

Ввиду того, что фраза *cancelled the husband* не подвержено влиянию экстралингвистического и широкого лингвистического контекстов, не несет в себе скрытой семантики, культурных реалий, отсутствующих в языке и культуре носителей языка перевода, а также не содержит безэквивалентных единиц перевода, переводчик использует нулевую трансформацию при переводе, не утратив прагматических значений предложения.

Данный перевод будет являться адекватным и эквивалентным тексту оригинала ввиду того, что в культуре языка перевода словосочетание *«отменить жениха»* будет являться алогичным, а приемлемым и ожидаемым вариантом будет считаться употребление лексемы *«свадьба»*.

Языковой абсурд во втором примере:

2. Frank ***looked at the table hardly daring to look at the table****.*

Франк ***поглядел на стол, едва отваживаясь глядеть на стол****.*

сформирован с помощью семантической неупорядоченности и является деструктивным ввиду того, что вторая часть предложения практически противоречит первой, что создает комический эффект. Прагматический эффект предложения усилен повторяющимся существительным *«table»*, что передается переводчиком при помощи повто-

рения соответствующей лексемы на языке перевода – *«стол»*.

В представленных ниже предложениях создается языковой абсурд путём семантической контаминации, когда вместо лексической единицы «old» автор использует слияние лексем «owl» и «old», пытаясь создать определенный образ в сознании реципиента.

3. «I hate that table», he said. «Bloody ***owld*** *table in my house».*

*«Я ненавижу этот стол» – сказал он. – «****Старый*** *паршивый стол в моем доме».*

Однако значение получившегося неологизма никак не находит отражение в процессе перевода, поэтому прагматический эффект можно считать в данном случае утраченным.

Следует отметить, что здесь переводчик прибегнул к опущению, что в результате может отразиться на восприятии текста перевода реципиентом. Нельзя сказать, что эффект, произведенный на читателя текста перевода, будет полностью эквивалентным эффекту, произведенному на читателя текста оригинала.

В четвертом контексте деструктивный языковой абсурд создан с помощью семантической подстановки и нарушает сложившуюся картину мира, так как мужское имя указывается автором как реальное имя для женского персонажа.

4. Little wonder howeapon, with ***her real name being Patrick****, you see?*

Ничего удивительного, впрочем, ведь ***её настоящее имя-то было Патрик****, смекаете?*

Здесь переводчик снова прибегает к нулевой трансформации, подыскивая для каждой лексемы соответствие, закрепленное в словаре, что не нарушает прагматический потенциал текста.

Однако в вышеприведенном примере можно обнаружить и лексему *«howeapon»*, полученную путём семантической контаминации. Автор изменил привычную лексему *«however»*, добавив к ней лексему *«weapon»*. Значение получившегося неологизма никак не находит отражение в тексте перевода. Переводчик подбирает лишь устоявшееся соответствие *«впрочем»* английской лексической единице *«however»*, опуская дополнительные семантические значения.

Что касается переводческих решений, в данном примере переводчик использует прием опущения, который никак не компенсируется далее в тексте перевода, что приводит к потере семантических и прагматических значений.

5. Father ***Cradock turns round slowly from the book he is eating, explaining that she doesn't have to like it, and promptly sets fire to his elephant****.*

Тут папаша Крэдок медленно ***отделяется*** *от* ***книги****,* ***которую пожирает****, и объясняет, что она не обязана никому при этом нравиться; заодно добросовестно* ***подпаливает собственного слона****.*

В следующем контексте можно распознать деструктивный языковой абсурд, сформированный путем семантической подстановки. То есть автор заменяет исходную фразу *«to read a book»* совершенно новой – *«to eat a book»*, не сохраняя при этом какие-либо смысловые связи, а руководствуясь исключительно принципом схожести звучания глаголов *«eating»* и *«reading»*. В процессе перевода прагматическое значение данного словосочетания было усилено семантической заменой, где переводчик передал фразовый глагол *«turns round»* лексемой *«отделяется»*, употребление которой нарушает нормы и узус языка реципиентов. Следует также отметить, что в тексте оригинала словосочетание *«turns round»* носит нейтральный характер и не является составной частью языкового абсурда. Также усиление прагматических значений высказывания происходит и при передаче глагола *«eating»* с помощью конкретизации. В русском языке переводчик использует глагол с более выраженным коннотативным значением – *«пожирает»*.

Таким образом, перевод исследуемого контекста, содержащего деструктивный языковой абсурд, с английского языка на русский представлен такими переводческими приемами, как добавление и конкретизация, послужившими для усиления прагматики предложения.

В этом же предложении можно увидеть пример функционирования деструктивного абсурда, созданного с помощью семантической неупорядоченности действий:

6. Father ***Cradock turns round slowly from the book he is eating, explaining that she doesn't have to like it, and promptly sets fire to his elephant****.*

Тут папаша Крэдок медленно отделяется от книги, которую пожирает, и объясняет, что она не обязана никому при этом нравиться; заодно добросовестно ***подпаливает собственного слона****.*

Данный пример деструктивного абсурда основан на нарушении причинно-следственных связей в предложении, где фраза *«sets fire to his elephant»* нарушает общепринятый ход вещей, так как является непривычной и нелогичной для реципиента. В представленном переводе прагматика фразы *«sets fire to his elephant»* сохранена путем синтаксического уподобления, где каждой из переводных единиц найдены словарные соответствия.

Таким образом, анализ примеров функционирования в тексте деструктивного языкового абсурда и их перевода позволяет нам прийти к выводу, что данный вид абсурда создается в основном с помощью семантической подстановки, реже – семантической контаминации. Для сохранения прагматики исходного текста переводчик в

большинстве случаев прибегает к нулевой трансформации, иногда используя переводческие приемы добавления или опущения.

В отличие от деструктивного, игровой абсурд не нацелен на изменение читательской картины мира и разрушения общепринятой логики, а зачастую используется автором лишь в эстетических целях, для создания юмористического эффекта в тексте. Поэтому в процессе передачи прагматических значений у переводчика больше свободы в выборе соответствий для единиц перевода.

1. All of a southern I notice ***boils and girks*** *sitting in hubbered lumps smoking Hernia taking Odeon and going very high.*

Внезапно я заметил ***колоду корней и телиц****, сидевших большой кучей прямо на полу. Они курили жмурь, пили одеон и тащились от всего этого на полную катушку.*

В данном предложении языковой абсурд выполняет игровую функцию, так как лексемы *«boils»* и *«girks»* выбраны автором как созвучные для замены нейтральных лексем *«boys»* и *«girls»*, они не несут в себе семантической нагрузки и словарных значений, свойственных им в языке оригинала. Автор использует данные лексемы для создания юмористического эффекта, путем смысловой несочетаемости существительных со следующими далее глаголами.

Переводчик не стал использовать словарные соответствия для данных лексем, так как лексические единицы *«кипеть»* и *«мошенничать»* не могут передать основного значения лексем *«парни»* и *«девушки»*, заложенного автором в тексте оригинала. Так, в процессе перевода переводчику пришлось прибегнуть к использованию окказионального соответствия, получив в результате выражение «колоду корней и телиц». Данное выражение будет являться созвучным «компанию парней и девиц», а также легко различимым для русскоязычного реципиента. Данный перевод будет являться адекватным, так как, даже несмотря на опущение сем, заложенных в тексте оригинала, и добавление переводчиком лексических единиц с совершенно иной смысловой наполняемостью, прагматические значения текста оригинала при переводе воспроизведены в полной мере.

Кроме того, в данном примере имеет место случай функционирования игрового абсурда в рамках устойчивого выражения *«all of a sudden».* Среди эмпирического материала нами было обнаружено и проанализировано несколько подобных примеров.

2. ***All of a surgeon*** *there was amerry timble on the door.*

Вдруг, как грум среди частного неба*, раздается превеселый стук в дверь.*

Так, лексема *«sudden»,* являющаяся составной частью устойчивого выражения, заменяется нейтральной лексемой *«surgeon»* с неподходящей семантикой. В тексте перевода данной единице подобрано нейтральное словарное соответствие лексеме *«sudden» – «вдруг».* Прагматические значения текста оригинала в данном случае компенсируются с помощью добавления. Так, переводчик меняет составные компоненты выражения *«как гром среди ясного неба»* с подходящей семантикой на созвучные *«как грум среди частного неба».* Тем самым алогичность и юмористическая составляющая текста оригинала сохраняются.

Однако в большинстве случаев при передаче фраз такого типа, переводчик нейтрализует семантику и прагматику оригинала, используя лишь словарное соответствие исходному выражению:

3. ***All of a suddy*** *Small Jack Hawkins creep in unobtrugell with a siddy grip on his head.*

Тут вдруг *появился малютка Джек Хоукинс, который подкрался незаметно, прикрываясь сумкой на голове.*

4. ***All of a southern*** *I notice boils and girks sitting in hubbered lumps smoking Hernia taking Odeon and going very high.*

Внезапно *я заметил колоду корней и телиц, сидевших большой кучей прямо на полу. Они курили жмурь, пили одеон и тащились от всего этого на полную катушку.*

В данных примерах трансляции игрового абсурда переводчик не обращает внимания на дополнительную семантику уменьшительного *«suddy»* и совершенно нелогичного *«southern».* Так как опущение использованных автором семантических значений не приведет к потере важных смысловых компонентов текста оригинала, переводчик использует словарные соответствия *«внезапно»* и *«тут вдруг»*, опуская прагматические значения фраз.

5. ***Jack the Nipple*** *strike again.*

Джек-Затошнитель *появляется снова.*

В данном примере игровой абсурд сформирован с помощью игры слов, где автор прибегнул к изменению общеизвестной реалии для придания дополнительных коннотативных оттенков описываемому персонажу. Так, прозвище известного серийного убийцы, *«the Ripper»* было изменено на *«the Nipple»*, с основной прагматической установкой – высмеивание персонажа. Поскольку словарное соответствие лексеме *«the Nipple»* не может быть подходящим, так как оно не будет созвучным русскому эквиваленту – *«Потрошитель»,* поэтому переводчик использует созвучное и не менее комичную лексему *«Затошнитель»*, сохраняя прагматическую установку автора.

По аналогии с предыдущим примером можно проанализировать передачу прагматических значений при переводе языкового абсурда, созданного с помощью игры слов на основе общеизвестных реалий в следующем контексте:

6. ***We must not forget Mr Caravans lovely smile when he raised the price of the M.P.s (Mentals of Parliament) wagers as well also****.*

*Мы не должны позабыть любедную улыбку мистера Каравана, когда он заодно поднял жавороньe Ч. П. (****Чреслам Параметра****, чьи параметры выросли).*

При передаче словосочетания *«Mentals of Parliament»*, где *«Mentals»* – производное существительное от *«members»* и *«genitals»*, переводчик оставляет только сему лексической единицы *«genitals»*. Наряду с этим, для создания юмористического эффекта, иронии переводчик использует архаизм «чресла», получая, таким образом, словосочетание *«Чресла Параметра»*. Однако в английском языке существует лексема *«mental»*, которая переводится как *«псих, глупец, маразм»,* но в официальной версии перевода данного рассказа переводчик опускает эту сему. Для усиления прагматики исходного текста переводчик выводит фразу «чьи параметры выросли», которая отсутствует в тексте оригинала.

Таким образом, проанализировав примеры функционирования игрового абсурда, мы можем прийти к выводу, что этот вид абсурда создается в основном с помощью игры слов. Основной целью функционирования данного вида абсурда в художественных текстах является создание определенного эстетического эффекта. Для сохранения прагматики исходного текста переводчик в большинстве случаев прибегает к использованию окказиональных соответствий с элементами добавлений, руководствуясь принципом схожести звучания.

Литература

1. Алимов В. В. Теория перевода: перевод в сфере профессиональной коммуникации. М.: Либроком, 2009. 160 с.

2. Ивлева С. В. Лингвосемиотические характеристики комического абсурда: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 177 с.

3. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 519 с.

4. Кравченко О. В. Явления языкового абсурда в художественных текстах: дис. ...канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 181с.

5. Кружков Г. Книга NONceHca: Английская поэзия абсурда в переводах Григория Кружкова. М.: Б.С.Г.–ПРЕСС, 2000. 228 с.

References

1. Alimov V. V. Teoriya perevoda: perevod v sfere professional'noi kommunikatsii *(Theory of Translation: Translation in the Field of Professional Communication).* Moscow: Librokom, 2009. 160 p. (In Russian)

2. Ivleva S. V. Lingvosemioticheskie kharakteristiki komicheskogo absurd *(Linguosemiotic Characteristics of the Comic Absurdity):* thesis Volgograd, 2010. 177 p. (In Russian)

3. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi *(Language Keys).* Volgograd: Paradigma, 2007. 519 p. (In Russian)

4. Kravchenko O. V. Yavleniya yazykovogo absurda v khudozhestvennykh tekstakh *(The Phenomena of Linguistic Absurdity in the Literary Texts):* thesis. Stavropol', 2010. 181 p. (In Russian)

5. Kruzhkov G. Kniga NONceHca: Angliiskaya poeziya absurda v perevodakh Grigoriya Kruzhkova *(The book of NONceHca: English Poetry of the Absurdity in Translations by Gregory Kruzhkov).* Moscow: B.S.G.–PRESS, 2000. 228 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Яковлена Евгения Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kafedra.tipp@mail.ru

Information about the author

Yakovleva Evgeniya – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of translation studies, Institute for the Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kafedra.tipp@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)

Ткаченко Д. С. Противоречивый генерал в сложное время

Рецензия на монографию «Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / под общ. ред. В. П. Сальникова, О. А. Белозерова, И. В. Белоконь, О. А. Гоков, Н. В. Григорьева, С. В. Моисеева, Н. Ю. Николаев, Ю. Г. Попов, Р. Ю. Почекаев, В. П. Сальников. – СПб.:Фонд «Университет», 2018»

Tkachenko D. S. Controversial general in difficult times

Review «General Kuropatkin is a state and military leader of the Russian Empire. To the 170th anniversary of birth / Ed. by V. P. Sal'nikov, O. A. Belozerov, I. V. Belokon', O. A. Gokov, N. V. Grigor'ev, S. V. Moiseev, N. Yu. Nikolaev, Yu. G. Popov, R. Yu. Pochekaev, V. P. Sal'nikov. – St. Petersburg: Found "University", 2018»

Среди плеяды исторических деятелей начала XX века фигура А. Н. Куропаткина является одной из наиболее противоречивых личностей, вызывающих споры среди не только исследователей-историков, но и простых обывателей. При этом, начиная с дореволюционных времен в общественном сознании образ генерала связан с единственным эпизодом в его биографии – участием в Русско-японской войне в качестве верховного главнокомандующего Маньчжурской армией. Начиная со времени завершения этой войны, не особенно вдаваясь в детали деятельности А. Н. Куропаткина и его штаба, трагические итоги конфликта для России напрямую связываются с личными качествами командующего, допущенными тактическими ошибками и общей бесперспективности, избранной им «отступательной» стратегии. Личности двух участников этой войны: А. Н. Куропаткина и коменданта Порт-Артура А. М. Стесселя в исторических трудах и в художественной литературе демонизированы – превращены в образы тех «бездарных генералов», которые вопреки героизму рядовых участников конфликта свели на нет все усилия своих подчиненных и проиграли войну. Данная трактовка оказалась крайне удобной не только в царской России, объясняющей населению причины проигрыша самодержавным правительством непопулярной войны, но и в советское время, где она часто выступала в качестве иллюстрации тезиса историка-марксиста М. Н. Покровского о том, что «колониальные войны» в силу своего несправедливого характера, не могут порождать ни истинных героев, ни талантливых генералов-военачальников [5, с. 101]. Образ бездарных генералов, породивших своими недальновидными действиями клубок внешнеполитических проблем, тянущихся из прошлого в XXI век, так же удобен для объяснения корней ряда внешнеполитических вызовов современной России на ее дальневосточных рубежах, что диктует попытки сохранить устоявшиеся оценочные суждения и в наши дни. Таким образом, до предела идеологизированная оценка личности А. Н. Куропаткина, до сих пор превалирует над серьезными научными изысканиями о его деятельности, основанными на анализе источников, оставленных самим генералом.

Представленная коллективная монография, написанная под общей редакцией доктора юридических наук, профессора В. П. Сальникова представляет собой одну из первых в современной России попыток комплексного анализа историко-этнографического и военно-теоретического наследия генерала А. Н. Куропаткина. Она построена по принципу анализа «персональной истории» - попытке через рассказ об основных вехах биографии и научно-практического творчества генерала представить комплекс тех внешнеполитических и этнокультурных проблем императорской России в решение которых он был вовлечен как в силу занимаемого положения, так и личных исследовательских пристрастий. Данный подход тем более интересен, что он представляет взгляд на историю России конца XIX – начала XX вв. в контексте широкого круга историко-культурных задач, над решением которых в этот период начинали задумываться политики, военные деятели и гражданские администраторы не только нашей страны, но и ведущих колониальных держав Мира. И главная из этих проблем коренилась даже не в усилении военной мощи той или иной страны в отдельном регионе Земного Шара, а в размышлениях о возникающих глобальных геополитических вызовах и о выработке взаимоприемлемой модели организации отношений между Западом и Востоком, между метрополией и колонией, – той которую в Англии первой половины XX в. называли «проблемой появления белого человека на Востоке» [6].

С нашей точки зрения, наибольший интерес представляют два первых раздела монографии – «А. Н. Куропаткин – государственный деятель» и «А. Н. Куропаткин – востоковед, дипломат», в которых на основе анализа практической деятельности и научного творчества генерала показано его видение дипломатических, политических, административных, этнокультурных и экономических рычагов, которыми Российская империя может воспользоваться для вовлечения в сферу своего влияния народы и государства в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

В первом разделе показана деятельность А. Н. Куропаткина как одного из инициаторов проведения военно-разведывательного изучения народов Средней Азии на южном рубеже расширяющейся империи, которой он занимался со времен участия в Ахал-Текинской экспедиции и будучи начальником Закаспийской области. Авторы показывают значение работ генерала по составлению военно-статистического описания Кашгарии и туркменских племен в контексте формирования отечественного Востоковедения. Авторы удачно показали интерес к работам А. Н. Куропаткина не только в нашей стране, но и в Британской империи, где перевод его работы появился достаточно оперативно. При этом описания «управляемых территорий» и возможных театров военных действий активно практиковались в Российской империи начиная с середины XIX в. и являлись одной из должностных обязанностей как офицеров Генштаба, так и военных администраторов. Не только А. Н. Куропаткин, но и многие видные представители «военной интеллигенции», такие, как главный редактор «Военного сборника» и «Русского Инвалида» – генерал А. И. Лаврентьев, начинали свое творческое и научное поприще с составления военно-статистических описаний имперских окраин, а высшие должностные лица, такие, как командующий Кавказским корпусом Г. В. Розен целенаправленно собирали в своих личных архивах документы и сведения культурно-этнографического характера [1]. В связи с этим в материале монографии хотелось бы увидеть, насколько новаторскими были подходы А. Н. Куропаткина к составлению своих описаний по сравнению с другими произведениями данного жанра (такими, как описания Эриванской губернии П. К. Усларом, Восточного побережья Черного моря Н. И. Карлгофом, Ставропольской губернии Н. Н. Забудским и др. [2]). Предлагал ли А. Н. Куропаткин, подобно будущему выдающемуся исследователю кавказских языков П. К. Услару, что-то свое, новаторское [3], или просто слепо следовал инструкции, составленной в Генеральном штабе для проведения военно-статистического изучения еще военным министром Д. А. Милютином [4]?

Раздел «”Цивилизационные разломы” и “желтая опасность” в контексте геополитических взглядов и идей А. Н. Куропаткина» представляет анализ представлений генерала о политике Российской империи на ее Дальневосточных рубежах. Как следует из текста, две работы и большое количество разрозненных записок в своей совокупности составляют материал его размышлений по волновавшему российскую и европейскую общественность вопросу о перспективах европейской колонизации региона. Авторы убедительно показывают, что взгляды генерала на данную проблему были чрезвычайно консервативны и прямолинейны: его высказывания сводились к разработке мыслей о так называемой «желтой угрозе» – перспективе подавления европейцев жителями Дальнего Востока и Китая вследствие многочисленности последних. Генерал призывал к наращиванию военного потенциала России и налаживанию прочного политического союза с другими колониальными державами, занятыми строительством своих империй в Тихоокеанском регионе, прежде всего – Британией и США. Возможности складывания общеевропейского фронта в формирующемся «цивилизационном разломе» между Западом и Востоком рисовались А. Н. Куропаткину в самом розовом свете. Как следует из текста его статей, генерал не видел принципиальных различий в механизмах строительства империй, был невероятно далек от мыслей о пагубности провозглашения теории «господства белой расы на Востоке» основой всего политического курса. В свете тезиса о начитанности и широком кругозоре А. Н. Куропаткина, сознательное игнорирование им (если это имело место) идей, волновавших англоязычную общественность начала XX в. звучит тем более печально.

Конечно, А. Н. Куропаткин не мог быть знаком ни с теорией Ф. Д. Лудгарта об организации «Двухмандатного управления» в Британских колониях [7], ни тем более с критическими эссе Дж. Оруэлла о бесперспективности политики Британского Раджа [8], появившихся через два десятилетия после того, как русский генерал-геополитик сошел с исторической сцены, однако в свете тезиса авторов о том, что мнение А. Н. Куропаткина «позволяет приблизиться к пониманию актуальных вопросов современности», оценка утопичных геополитических идей не должна превращаться в панегирик консервативно мыслящему военно-политическому деятелю. Можно согласиться с общим выводом авторов, что «авторитетное мнение» Куропаткина «служило аргументом идейного обоснования имперской политики на ее азиатском направлении и …национальной идеологии в целом», однако реалистичность данного мнения и позитивность его влияния на национальные интересы страны вызывает серьезные сомнения.

Несмотря на то, что авторы считают А. Н. Куропаткина «тонким знатоком азиатского менталитета», следует отметить, что провал военной кампании имперского правительства в Манчжурии в 1904–1906 гг. явно свидетельствует об обратном: об утопичности общих геополитических взглядов, которыми руководствовался главнокомандующий, разрабатывая стратегию и тактику своей армии. Внешнеполитическая изоляция России в годы русско-японской войны так же являлась, на наш взгляд, лучшим подтверждением нереальности мечтаний А. Н. Куропаткина о создании общеевропейского фронта в регионе.

Гораздо более реалистичными оказались представления А. Н. Куропаткина о формировании персидского вектора во внешней политике России, которые сложились в ходе двух поездок в Персию в 1895 и 1897 гг. Авторами монографии удачно показана связь данного направления во внешней политики России с борьбой между Российской и Британской империями в регионе. Мнение А. Н. Куропаткина о возможностях ведения «Большой игры» с Англией сложилось прежде всего в военно-стратегической плоскости и сводилось к его мысли о необходимости для России иметь в центральной Азии хороший стратегический плацдарм, нарастив на котором силы, Россия могла бы успешно блокировать деятельность своего геополитического оппонента. Помимо этого, как следует из текста монографии, генерал призывал вести торгово-экономическую экспансию на иранских рынках. Однако, в материалах самого А. Н. Куропаткина данная сторона деятельности была представлена лишь в самом общем виде, а причины отставания России от Англии, которую генерал считал своеобразным эталоном ведения экономической экспансии, он видел в общей слабости отечественной экономики.

Авторы справедливо указывают, что военное министерство во второй половине XIX в. занималось изучением Персии через штабы двух смежных с этой страной областей Российской империи: Зататальской и Кавказской. Большой интерес представляет сюжет о посылке А. Н. Куропаткиным российских офицеров-разведчиков в восточные территории сопредельной страны. Авторы так же отмечают влияние результатов разведывательных экспедиций на формирование военно-стратегических взглядов А. Н. Куропаткина, которые он через серию записок и докладов на имя императора пытался донести до политического руководства России.

Глава «Личность в истории. Генерал Куропаткин накануне и в период Русско-японской войны» посвящена разностороннему анализу как историографии войны, так и выяснению объективного и субъективного факторов (и соответственно, степени ответственности генерала) провала кампании на Дальнем Востоке. Интерес представляют размышления о том насколько демонизированный образ генерала, представленный в широком кругу исторических исследований, соответствовал его реальным талантам и намерениям. Любопытный материал дают дневниковые записи А. Н. Куропаткина, которые позволяют пролить дополнительный свет на мотивы принятия им решений во время командования Маньчжурской армией. Интересно, что Куропаткин был категорическим противником Портсмутского мира с Японией, подчеркивал, что, заманив противника вглубь Китая, обладающая огромным военным и людским потенциалом, Россия находилась не на грани поражения, а наоборот, имела все шансы на перелом в войне. Сравнивая русско-японскую войну с Отечественной войной 1812 г., Куропаткин винил политическое руководство империи в заключении преждевременного мира, блокировавшего возможности проявить стратегические таланты генерала. Главнокомандующий предлагал ряд мер, могущих, по его мнению, привести страну к победе над врагом – дальнейшее наращивание сил на Дальнем Востоке, заем у населения на строительство нового флота, срочное расширение сети железных дорог. Одним из главных факторов победы он видел повышение морального духа во вверенных ему войсках, однако достигать этого предлагал ограничительными мероприятиями – запретом «вредной для успеха военных действий деятельности нашей прессы». Любопытно, что при утопичности предлагаемых А. Н. Куропаткиным в условиях нарастания революционного кризиса мер, его общий прогноз звучал крайне убедительно: «Война и ныне ненавистна. Но если она не окончится победно, то положение внутреннее России так ухудшится, что можно будет ждать огромной важности внутренних беспорядков» (с. 241).

Последний раздел монографии: «Малоизвестные страницы жизни А. Н. Куропаткина в Шешурино» повествует о его последних годах жизни в своем бывшем именье. Раздел содержит краткие, разноплановые очерки как о деятельности отставного генерала и его отношениях с советской властью, так и о судьбе созданных им объектов краеведческого масштаба. Компоновка материала раздела напоминает набор энциклопедических статей, слабо связанных друг с другом сюжетами своего повествования: «Основатель сельскохозяйственной школы», «Шешуринская больница», «Почтово-телеграфное отделение», «Жизнь в Шешурино», «Дела, мысли, наблюдения и выводы», «Консультант Холмского музея», «Библиотека» и др. Справки о краеведческих объектах плавно переходят в описание судьбы генерала после революции 1917 г. Авторы обильно цитируют переписку генерала, приводят длинный список его статей и черновых заметок, которые проливают свет на направления исследовательского интереса А. Н. Куропаткина, а так же список его печатных трудов, которые генерал хранил в своей домашней библиотеке. Интересна история расхищения частного собрания А. Н. Кропаткина в годы революционных потрясений и передачи сохранившихся книг в государственную библиотеку, носящую ныне его имя.

В приложениях к монографии помещены обзоры источниковой базы, связанной с деятельностью генерала, хранящейся в РГВИА (ф.165), списки работ и опубликованных дневников А. Н. Куропаткина, а так же отдельные документы и иллюстрации, проливающие дополнительный свет на деятельность генерала как государственного, военного деятеля и яркую историческую личность. С последней связано обстоятельное описание одного из сохранившихся артефактов – шахмат Куропаткина, созданных фирмой Феберже по специальному заказу царского дома и подаренного генералу в знак благодарности за верную службу.

В целом, авторами монографии поставлены любопытные исследовательские задачи, связанные с «персональной историей» и новыми подходами к интерпретации событий русско-японской войны, ими пролит свет на малоизвестные страницы деятельности генерала, введен в научный оборот обширный круг источников. Труд, несомненно, является новым словом в изучении истории императорской России рубежа XIX–XX вв. и может представлять интерес как для профессионального историка, так и для широкой читательской аудитории. Хочется пожелать авторам коллективной монографии дальнейших творческих успехов на поприще избранной ими тематики, ведь в рецензируемом издании при анализе жизненного пути А. Н. Куропаткина из поля зрения выпал целый исторический пласт – эпоха между русско-японской войной и революционными потрясениями 1917 г. Материалы о деятельности генерала в период Первой мировой войны как командующего 5-й армией, а затем и всем Северным фронтом, его роль в подавлении восстания местного населения в Туркестанском генерал-губернаторстве в 1916 г., как представляется, так же еще ждут своего серьезного исследователя и открывают возможности для появления новых интересных изданий.

Источники и литература

1. Государственный исторический музей (ГИМ). Ф.6.
2. Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М.: Калиграф, 2015. 415 с.
3. Магометов А. А. П. К. Услар – исследователь Дагестанских языков. - Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. 46 с.
4. Отдел письменных источников Российской государственной библиотеки (ОПИ РГБ), Ф.68. Оп1. Д.6805.
5. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: «РОССПЭН», 2000. 511 с.
6. Explain the significance of the following statement from “Shooting an Elephant” URL: https://www.enotes.com/homework-help/shooting-an-elephant-paragraph-elow-containing-358886. (Accessed: 06.11.2018).
7. Ludgart F.D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. London: ’William Blackwood and Sons’, 1922. 639 p.
8. Orwell G. Shooting an Elephant and other essays. London: ‘New Writing’, 1936. 124 p.

References

1. Gosudarstvennyj Istoricheskij Muzej *(Sate Historical Archive)*. F.6. Series 1. (In Russian)
2. Kolosovskaya T. A. Rossiiskie voennye v sotsiokul’turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv. *(Russian Military in the Socio-Cultural Space of the North Caucasus in the18–19 centuries).* Moscow, Kalligraf publ., 2015. 240 p. (In Russian)
3. Magometov A. A. P. K. Uslar issledovatel Dagestanskih yazykov *(P. C.Uslar and his Dagistanian languages studies)*. Mahachkala, Daguchpedgiz publ., 1979, 46 p. (In Russian)
4. Otdel pismennyh istochnikov Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki *(The written Sources Department of the Russian State Library).* Fond.68. Series 1. File 6805. (In Russian)

Сведения об авторе
Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tksmsg@rambler.ru

Information about the author
Tkachenko Dmitrii – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute for the Humanities North Caucasus Federal University (Stavropol) / tksmsg@rambler.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2019. № 1

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.03.2019
Дата выхода в свет 28.03.2019
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 30,69 Уч.-изд. л. 29,99
Бумага офсетная Заказ 20 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2